This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОБЗОРЪ

СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО

МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

Графа Л. Камаровскаго

Профессора Московскаго Университета.

МОСКВА. 1887

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

Оглавленіе.

	Стр.
Отъ автора	I
ГЛАВА I. *Общія сочиненія*	1
» II. О трактатахъ	78
» III. Посольское и консульское право	111
» IV. О вмѣшательствахъ	130
» V. Право морской и сухопутной войны	142
» VI. Объ устройствѣ Международнаго Союза	253
Заключеніе. Мысли о разоруженіи	347
Приложеніе. *Библіографія* 1876—87 г.	
I. **Библіографія**	III
II. **Исторія** международныхъ сношеній	V
III. **Собраніе трактатовъ**	—
1. Общія собранія	—
2. Собранія трактатовъ отдѣльныхъ государствъ	VI
3. Періодическія изданія для трактатовъ	IX
IV. **Теорія.**	
A. Краткіе учебники	X
B. Систематическія руководства	—
C. Словари	XIII
V. **Монографіи и статьи.**	
1. Основныя начала международнаго права	XIV
2. Международная территорія	XV
3. Трактаты	XVIII
4. Международные органы	—
5. Соціальное международное право	XIX
6. Частное международное право	XXI
7. Право войны	XXXIII
8. Современные вопросы международной политики	XXXVIII
9. Новѣйшая политическая исторія	XLII
10. Положительное государственное право западныхъ державъ	XLV

ОТЪ АВТОРА.

Преподавая съ 1874 г. международное право въ Московскомъ Университетѣ мы имѣли не разъ возможность убѣдиться, что оно живо интересуетъ нашу учащуюся молодежь. Но весьма немногіе изъ ея среды избираютъ этотъ предметъ спеціальностію своихъ занятій, или даже въ состояніи слѣдить, какъ должно, за лекціями профессора. Это происходитъ болѣе всего, конечно, отъ незнанія новыхъ европейскихъ языковъ, безъ которыхъ, въ этой области, и шагу нельзя сдѣлать.

Печатая настоящій трудъ, мы предназначаемъ его въ пособіе для гг. студентовъ, которые, слушая какой либо курсъ по международному праву, желали бы однако составить себѣ объ этомъ предметѣ болѣе широкое и самостоятельное мнѣніе. Само собою разумѣется мы не останавливаемся на всѣхъ его сторонахъ, но разбираемъ сочиненія, которыя изучаютъ свой предметъ либо всего полнѣе, либо наиболѣе удовлетворительнымъ, съ точки зрѣнія современной науки, образомъ. Для гг. магистрантовъ же и лицъ, желающихъ остановиться на какомъ либо вопросѣ спеціальнѣе, мы даемъ самыя необходимыя свѣдѣнія въ Библіографіи, которую и печатаемъ въ Приложеніи къ настоящей книгѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія сочиненія.

1. Фіоре.—2. Пьерантони.—3. Скіатарелла.—4. Гооль.—5. Лоримеръ.—6. Мартенсъ.—7. Бульмеринкъ.—8. Гольцендорфъ.—9. Прадье-Фодере.

Въ послѣднія два десятилѣтія литература по международному праву обогатилась многими капитальными сочиненіями. Вышло не только нѣсколько дѣльныхъ *общихъ сочиненій*, т. е. обнимающихъ *весь* предметъ, но и не мало *спеціальныхъ изслѣдованій* почти по каждой его отрасли. Нерѣдко авторы ихъ—люди молодые, которые впервые еще выступаютъ съ любовью и энергіею на служеніе этой наукѣ, имѣющей столь блестящую будущность, и въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть оживленія интереса къ ней въ средѣ образованнаго общества.

Какъ бы то ни было, но эти новѣйшіе труды, при всемъ разнообразіи своего содержанія и научнаго достоинства, отличаются въ цѣломъ тремя важными чертами: во 1-хъ, они, слѣдуя указаніямъ практической жизни, вводятъ въ науку международнаго права *все бо́льшее число отношеній* между государствами: во 2-хъ, изучаютъ эти отношенія преимущественно по *положительному* методу, т. е. по *законамъ* и *трактатамъ* государствъ, и въ 3-хъ, рѣзче и опредѣленнѣе высказываются за необходимость *юридической охраны и организаціи* международной жизни.

Болѣе всего сочиненій по международному праву выходитъ теперь въ *Италіи*. Это движеніе началось въ 1851 г. съ легкой руки *Манчини*, когда онъ приступилъ къ чтенію лекцій по этому предмету въ туринскомъ университетѣ. Объединеніе Италіи естественно усилило въ ея ученыхъ вкусъ къ политическимъ наукамъ вообще и къ международному праву въ частности. Труды Фіоре, Пьерантони, Есперсона, Карнацца-Амари, отчасти Видари и Брузы пользуются почетною извѣстностью и въ остальной Европѣ. На трудахъ итальянцевъ лежитъ

особый, извѣстный отпечатокъ, дѣлающій ихъ весьма симпатичными. Уступая часто нѣмецкимъ произведеніямъ по солидности ученаго матеріала и по систематичности, они превосходятъ ихъ по свѣжести и оригинальности мысли, по своему либеральному, прогрессивному характеру и наконецъ по изяществу изложенія.

1. **Fiore**. *Trattato di diritto internazionale pubblico*. 2-е изд. 3 тома, 1879, 82 и 84 г.—Фіоре, недавно перешедшій изъ Турина въ Неаполь, извѣстенъ по преимуществу тремя общими сочиненіями по международному праву: публичному, гражданскому и уголовному [1]). Настоящее сочиненіе онъ называетъ *вторымъ* изданіемъ Nuovo diritto internazionale pubblico, вышедшаго въ одномъ томѣ въ 1865 г. По собственнымъ его словамъ, послѣднее сочиненіе, хотя и было переведено на французскій языкъ Прадье-Фодере, вышло тогда несвоевременно. Еще весьма юный въ то время, авторъ представилъ его на конкурсъ для полученія каѳедры (въ Пизѣ) и напечаталъ его весьма спѣшно, безъ просмотра. Позднѣйшій переходъ его изъ Пизы въ Туринъ далъ ему возможность воспользоваться богатою національною библіотекою, находящеюся въ столицѣ Пьемонта. Результаты этихъ трудовъ и почти 20-лѣтняго преподаванія имъ международнаго права мы находимъ въ этомъ *второмъ* изданіи, которое однако, по всей справедливости, должно быть названо *новымъ* и при томъ несравненно *лучшимъ* сочиненіемъ. Не только очень значительно расширены его рамки, обращено вниманіе на новѣйшія явленія въ области политической жизни и литературы, но и самый тонъ его сдѣлался гораздо объективнѣе, научнѣе. Между тѣмъ какъ первое изданіе въ одномъ томѣ обнимало все международное право, оба первые тома втораго изданія касаются этого права только во время мира, а третій посвященъ войнѣ и нейтралитету. Безъ преувеличенія можно сказать, что между существующими въ Италіи общими сочиненіями по международному праву (Казановы, Сандонà и Амари) книга Фіоре представляется лучшею, наиболѣе полною и интересною для каждаго [2]).

Все сочиненіе дѣлится на восемь книгъ. Сперва Фіоре говоритъ о международномъ правѣ сообразно съ исторіею и объ его научномъ существѣ и значеніи (книга 1 и 2). Историческій очеркъ онъ дово-

---

[1]) Всѣ они переведены на французскій языкъ.

[2]) Поэтому нельзя не порадоваться недавнему ея выходу во французскомъ переводѣ: Nouveau Droit international public. Trad. par Ch. Antoine. 3 vls. 1885—86. Авторъ сдѣлалъ въ этомъ переводѣ нѣсколько добавленій относительно историческихъ событій и посольскаго права. Напечаталъ также нѣсколько новыхъ документовъ.

дитъ только до Вѣнскаго конгресса, между тѣмъ какъ событія 19 столѣтія особенно важны для историческаго изученія международнаго права [1]). Нельзя одобрить также, что непосредственно за исторіею, въ главѣ о факторахъ новаго времени, Фіоре излагаетъ мысли древнѣйшихъ писателей и философовъ 18 столѣтія. Мѣсто этой главѣ очевидно въ слѣдующей книгѣ, гдѣ онъ касается системъ главнѣйшихъ писателей или литературы. Наиболѣе интересны въ 1-й книгѣ двѣ послѣднія главы: о положеніи современнаго международнаго права и о возможныхъ его успѣхахъ въ будущемъ. Во 2-й книгѣ отмѣтимъ главу о литературѣ, довольно обстоятельную.

Изложеніе самого предмета авторъ начинаетъ съ лицъ или субъектовъ и ихъ правъ и обязанностей въ международной сферѣ (кн. 3). Къ основнымъ правамъ государствъ онъ относитъ: 1) право на независимость; 2) на равенство; 3) на сохраненіе и развитіе, и 4) на владѣніе и юрисдикцію (по отношенію къ лицамъ, территоріи и вещамъ). Къ обязанностямъ же причисляетъ: 1) обязанность невмѣшательства и вмѣшательства; 2) содѣйствія и взаимнаго расположенія (benevolenza); 3) защиты собственныхъ гражданъ за границею и 4) международной отвѣтственности государствъ. Это выдѣленіе обязанностей государствъ изъ области ихъ правъ и противопоставленіе первыхъ послѣднимъ—составляетъ оригинальность системы Фіоре. Далѣе онъ переходитъ къ имуществамъ, въ ихъ отношеніяхъ къ международному праву (кн. 4), и говоритъ о положеніи морей, рѣкъ, частной собственности, негровъ, художественной и литературной, а также промышленной собственности. Двѣ послѣднія главы заслуживаютъ особаго вниманія по ихъ современному интересу. За имуществами вообще слѣдуетъ ученіе о международныхъ обязательствахъ (кн. 5), подъ которыми авторъ разумѣетъ только трактаты. Новизною въ этомъ отдѣлѣ отличаются главы, посвященныя торговымъ трактатамъ и договорамъ объ уступкѣ территоріи. Дипломатическія сношенія между государствами составляютъ предметъ кн. 6. Рѣчь въ ней идетъ: о государяхъ, дипломатическихъ агентахъ, консулахъ и остальныхъ правительственныхъ органахъ. Въ кн. 7—Фіоре разсматриваетъ международныя несогласія и способы ихъ рѣшенія. Это одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ всего сочиненія, стоящій уже на рубежѣ къ праву войны. Въ немъ трактуется: о дружественныхъ способахъ, международномъ судѣ и третейскихъ рѣшеніяхъ, о конференціяхъ и

---

[1]) Впрочемъ во французскомъ переводѣ авторъ останавливается на нихъ вкратцѣ.

конгрессахъ, наконецъ о фактическихъ способахъ безъ войны. Въ приложеніяхъ помѣщены: такъ-называемый законъ 13 мая 1871 г. о гарантіяхъ (предоставленныхъ итальянскимъ правительствомъ папѣ), законъ о спасеніи потерпѣвшихъ крушеніе и указатель трактатовъ, заключенныхъ Италіею съ иностранными государствами по 1 августа 1882 года. Въ послѣдней—8 кн. (третьемъ томѣ), какъ уже сказано, авторъ излагаетъ весьма подробно войну и нейтралитетъ, а въ приложеніяхъ даетъ намъ извлеченіе изъ *итальянскихъ законовъ* касательно поведенія войскъ во время войны, захвата призовъ, соблюденія нейтралитета, Брюссельскую декларацію, законы сухопутной войны, изд. Институтомъ, принятый послѣднимъ же въ Туринѣ (1882) проектъ международнаго регламента о призахъ, постановленія международнаго Женевскаго суда по Алабамскому дѣлу 1871 года и нѣкоторые другіе документы.

Достаточно этого бѣглаго перечня главныхъ частей сочиненія Фіоре, чтобы убѣдиться въ томъ, что оно отличается не оригинальностью системы, но богатствомъ содержанія.

Остановимся же хотя на нѣкоторыхъ пунктахъ его ученія. Исходя изъ мысли, что право, обозначая прежде всего извѣстную норму дѣйствія, соотвѣтствуетъ слову «правило», онъ говоритъ, что въ этомъ смыслѣ международное право есть *норма существованія и взаимнаго поведенія государствъ*. Но право кромѣ того указываетъ на возможность каждаго лица требовать отъ другихъ, подобныхъ ему лицъ, уваженія неприкосновенности его личности и всего, что ему принадлежитъ. Въ этомъ смыслѣ оно лично и означаетъ facultas agendi. Съ точки зрѣнія такихъ личныхъ отношеній, международное право можетъ быть названо возможностью, присущею каждому лицу въ международномъ союзѣ (società internazionale), требовать отъ другихъ уваженія къ себѣ и ко всему своему, сообразно съ законами, которые опредѣляютъ отношенія этихъ лицъ въ обществѣ. Но право въ научномъ отношеніи обозначаетъ еще изученіе самихъ законовъ, управляющихъ жизнью и взаимными сношеніями государствъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ должно сказать, что международное право своимъ предметомъ имѣетъ *изученіе законовъ совмѣстнаго существованія государствъ*, вышедшихъ изъ своей изолированности и враждебности и вступившихъ въ высшій и новый союзъ человѣчества. Субъектами или лицами послѣдняго Фіоре считаетъ не національности, а государства. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отдѣляется отъ господствующей школы въ Италіи, да и отъ собственныхъ воззрѣній, которыхъ онъ держался въ первомъ изданіи. Те-

оріи же національности онъ подвергаетъ довольно обстоятельной критикѣ [1]).

Обратимся къ *методу*, котораго, по Фіоре, слѣдуетъ держаться въ международномъ правѣ. Онъ справедливо замѣчаетъ, что это право, не облеченное еще почти въ форму положительныхъ законовъ, находится въ полномъ процессѣ образованія. Поэтому ни въ одной области права наука не имѣетъ такой творческой силы и практическаго значенія. Право юристовъ представляется тутъ еще болѣе, какъ выраженіе и проявленіе юридическаго сознанія извѣстной эпохи. Согласіе между публицистами относительно опредѣленнаго начала фактически придаетъ большой вѣсъ въ пользу законности послѣдняго и ставитъ государства, не желающія опрометчиво нарушать начала права и справедливости, въ необходимость съ ними считаться. Авторитетъ научнаго права со временемъ усилится, если будетъ продолжена плодотворная работа, направленная *къ замѣнѣ индивидуальнаго научнаго мнѣнія—коллективнымъ,* которое слагается и вырабатывается на съѣздахъ публицистовъ различныхъ странъ, ставящихъ себѣ цѣлью формулировать нормы международныхъ отношеній независимо отъ политическихъ интересовъ правительствъ. Такова задача института международнаго права. Для того, чтобы наука, въ области занимающаго насъ предмета, оказалась наиболѣе плодотворною, ее слѣдуетъ изучать по методу *философско-историческому*, т.-е. знакомиться съ природою различныхъ формъ политическихъ союзовъ, наблюдать и сравнивать существующія между ними фактическія отношенія для отысканія внутреннихъ законовъ ихъ совмѣстнаго существованія. Въ виду этого Фіоре осуждаетъ вполнѣ основательно попытку, сдѣланную недавно двумя французскими писателями, Функъ-Брентано и Альберъ-Сорель, «противопоставить реальное международное право — теоретическому, которое мѣняется, смотря по эпохамъ, странамъ и школамъ философіи» [2]). Одинаково ошибочно превращать науку въ чистую идеологію или ограничивать ее прагматическимъ изложеніемъ существущаго права. Въ нашей области, какъ и во всякой другой сферѣ правовѣдѣнія, она должна устремлять свой взоръ на настоящее и на будущее. Давая точныя свѣдѣнія о существующемъ правѣ, она призвана работать надъ приведеніемъ всѣхъ его частей въ стройное цѣлое, улучшеніемъ его и проложеніемъ путей для новаго осуществи-

---

1) Эти мысли Фіоре, высказанныя прежде всего въ отдѣльной брошюрѣ, мы имѣли случай обсудить въ иномъ мѣстѣ (Международный судъ, стр. 476).

2) Précis du droit des gens. 1877.

маго права въ будущемъ. Весьма сомнительною была бы польза опытнаго и историческаго метода, если бы наблюденіе и индукція не служили къ расширенію, путемъ дедукціи, установленныхъ началъ въ видахъ приложенія ихъ къ новымъ явленіямъ совокупной жизни государствъ. Вотъ что дѣлаетъ область науки неизмѣримою и задачи ея неисчерпаемыми.

Между обязанностями государствъ Фіоре признаетъ первою обязанность невмѣшательства и вмѣшательства. И тутъ онъ значительно отступаетъ отъ воззрѣній своихъ соотечественниковъ, не соглашаясь съ ними въ томъ, что предметомъ вмѣшательства могутъ быть будто бы только внутреннія дѣла государства и что оно абсолютно противорѣчитъ идеѣ права. Справедливо, что исключенія изъ принципа невмѣшательства, дѣлаемыя наиболѣе авторитетными писателями, неудачны и на практикѣ могутъ подорвать самый принципъ, но это не дозволяетъ еще намъ заключать о его абсолютности. Отмѣтимъ прежде всего, что мы не одобряемъ мысли Фіоре о томъ, что «въ юридическомъ смыслѣ интервенція обозначаетъ всегда вооруженное вмѣшательство», чѣмъ и отличается отъ посредничества (медіаціи), по природѣ мирнаго и дружественнаго. И вмѣшательство можетъ быть невооруженное, отличаясь тогда отъ посредничества тѣмъ, что предпринимается государствомъ по собственному почину, а не по желанію и просьбѣ заинтересованной стороны. Впрочемъ, вполнѣ вѣрно Фіоре замѣчаетъ, что все это ученіе, одно изъ наиболѣе важныхъ въ международномъ правѣ, требуетъ новой и болѣе тщательной переработки. Онъ возстаетъ противъ весьма распространеннаго, особенно среди практическихъ государственныхъ людей, мнѣнія, что вмѣшательство узаконяется, если нарушены или близки къ нарушенію законныя права государства (Гефтеръ, Арнцъ) или его непосредственные интересы и безопасность, такъ что оно является актомъ самозащиты (Шатобріанъ, Филлиморъ). По его мысли, даже просьба заинтересованнаго государства о вмѣшательствѣ не можетъ сама по себѣ узаконить этого акта (мнѣніе, высказанное Блюнчли). Не достаточны для этого и трактаты или даже гарантія однимъ или многими государствами извѣстной политической формы. Исторія, даже въ нашемъ столѣтіи, представляетъ намъ много примѣровъ такихъ вмѣшательствъ, основанныхъ на предварительныхъ трактатахъ, и Гефтеръ и Филлиморъ считаютъ ихъ юридически вполнѣ дозволенными, но тѣмъ не менѣе они должны быть отвергнуты, «потому что народы имѣютъ полное и неотчуждаемое право на внутреннюю независимость, въ силу которой могутъ жить и управляться какъ сами хотятъ, безъ всякой какой бы

то ни было подчиненности власти иноземной». Наконецъ и предлогъ прекратить междуусобную войну, быть можетъ, продолжительную и кровавую, не оправдываетъ интервенціи.

Отвергнувъ такимъ образомъ главные изъ приводимыхъ писателями поводы къ вмѣшательствамъ, Фіоре говоритъ, что каждое государство абсолютно обязано воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла другаго, поскольку они касаются собственной политической жизни послѣдняго и не противорѣчатъ началамъ общаго, естественнаго и международнаго права. Но отсюда не слѣдуетъ выводить правила, будто и дѣйствія правительства, совершенно произвольныя, неоснованныя на конституціи и нарушающія права человѣка, должны также оставаться безнаказанными. И тутъ, какъ и вездѣ, право ничего не имѣетъ общаго съ произволомъ и насиліемъ. Никогда, продолжаетъ Фіоре, не возникаетъ права интервенціи противъ государства, которое, *не нарушая международнаго права*, по своему усмотрѣнію рѣшаетъ вопросы, относящіеся до его внутренняго политическаго быта. Если послѣдній однако вызоветъ дѣйствительное нарушеніе правъ другаго государства, оно имѣетъ право на защиту. Но это будетъ однимъ изъ casus belli, которое и должно обсуждаться согласно принципамъ права войны. Напротивъ, ущербъ косвенный, опасность, нарушеніе интересовъ и ожиданій, могущихъ возникнуть косвенно изъ внутренняго преобразованія въ извѣстномъ государствѣ, не создаютъ еще никакого права на вмѣшательство.

Наиболѣе интересную и оригинальную часть ученія Фіоре мы видимъ въ его обоснованіи принципа вмѣшательства. «Жизнь людей въ обществѣ, говоритъ онъ, была бы невозможна, если бы законъ и право не пользовались уваженіемъ, нарушенія ихъ не наказывались и не возстановлялся бы авторитетъ права. Такимъ образомъ оправдывается принудительная сила, принадлежащая верховной власти: она своею цѣлью имѣетъ защиту права. Но и общество государствъ не можетъ существовать безъ соблюденія началъ международнаго права. Мнѣ кажется, что юридическая защита этого права требуетъ постановленія его подъ коллективную гарантію всѣхъ государствъ, фактически живущихъ въ союзѣ. Они заинтересованы въ томъ, чтобы международное право не нарушалось, и должны имѣть власть для возстановленія его въ тѣхъ случаяхъ, когда оно попирается. Итакъ, по моему, основаніе принципа вмѣшательства лежитъ въ юридической защитѣ. Подобно тому какъ безъ строгаго исполненія обязанности невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ немыслима ихъ неза-

висимость, точно также безъ нравственной [1]) обязанности *коллективнаго вмѣшательства* для противодѣйствія нарушеніямъ международнаго права не существовало бы въ международномъ союзѣ юридической защиты, а безъ нея нѣтъ порядка и даже самого общества». Коллективное вмѣшательство, по мысли Фіоре, законно для защиты принциповъ, съ общаго согласія государствъ возведенныхъ на степень международныхъ (парижская декларація, начала права войны, если бы они получили общую санкцію и т. д.), или учрежденій, поставленныхъ подъ коллективную гарантію державъ (нейтралитетъ Люксембурга по лондонскому трактату 1867 г.). Во всякомъ случаѣ это вмѣшательство, по существу, должно быть коллективнымъ. Отдѣльное государство не имѣетъ права, подъ предлогомъ защиты международнаго права, совершать его по собственному почину и усмотрѣнію. Но совсѣмъ иное дѣло, когда отъ имени всѣхъ государствъ дается отдѣльному изъ нихъ порученіе или полномочіе на такое вмѣшательство: результаты онаго всегда подлежатъ общему ихъ усмотрѣнію, а не единичному—совершителя. Переходя къ практическому приложенію выставляемыхъ имъ идей, Фіоре говоритъ, что коллективное вмѣшательство, или съ точки зрѣнія международнаго права, должно быть признано законнымъ въ случаяхъ: стремленія какого либо государства къ всемірной монархіи, предпринятія имъ завоевательныхъ войнъ и расширенія своихъ владѣній или веденія политической пропаганды, чтобы вызвать революцію въ другихъ государствахъ. Международное право можетъ нарушаться и внутренними событіями въ томъ или иномъ государствѣ. Напр., если для скорѣйшаго подавленія революціи правительство или какая-либо торжествующая партія дозволятъ себѣ попирать всѣ законы войны, избивать плѣнныхъ, совершать поджоги и разграбленія и т. д. [2]). «Равнодушіе и безучастность въ такихъ случаяхъ, прекрасно говоритъ Фіоре, свидѣтельствовало бы о политикѣ эгоистичной и противной праву всѣхъ, ибо *кто нарушаетъ международное право, дѣлаетъ это ко вреду не одного пострадавшаго, но и всѣхъ остальныхъ*». Наконецъ и по окончаніи войны, если побѣдитель возложитъ на побѣжденнаго условія весьма унизительныя или

---

[1]) Это прилагательное нахожу не вѣрнымъ, ибо авторъ говоритъ очевидно объ обязанности *юридической*.

[2]) Подобные примѣры, къ сожалѣнію, встрѣчаются даже въ наши дни. Фіоре приводитъ прокламацію испанскаго генерала графа Ди-Бальмаседа во время послѣдняго возстанія въ Кубѣ, въ которой онъ всякому, кто старше 15 лѣтъ будетъ найденъ внѣ своего дома, угрожаетъ разстрѣляніемъ, а домамъ, на которыхъ не поднято бѣлое знамя—сожженіемъ.

обременительныя, остальныя государства обязаны, въ крайнемъ случаѣ даже силою, воспротивиться тому, чтобы «война между цивилизованными народами обратилась въ узаконенный разбой». Словомъ, заключаетъ Фіоре, для международнаго права необходима санкція серьезная и дѣйствительная, если мы не желаемъ, чтобы на мѣстѣ закона царилъ произволъ сильнѣйшаго. Вмѣшательство же является одною изъ формъ коллективной гарантіи [1]).

Справедливо находя положеніе современнаго международнаго права неудовлетворительнымъ, Фіоре рекомендуетъ постепенную кодификацію его началъ, занесеніе ихъ въ тексты европейскихъ конструкцій, болѣе частое обращеніе къ третейскимъ судамъ, преобразованіе конференцій и конгрессовъ и опредѣленіе ихъ дѣятельности.

Соглашаясь съ благовременностью этихъ формъ, мы, однако, находимъ ихъ неполными и между собою недостаточно согласованными. Трудно понять, почему Фіоре, провозглашая необходимость въ международной области законовъ и юридической защиты, отвергаетъ постоянный международный судъ, т. е. органъ по преимуществу юридическій, и полагаетъ возможнымъ замѣнять его собраніями политическими, дипломатическими? Развѣ это не значитъ давать просторъ политическимъ интересамъ и произволу дипломатовъ? Мы знаемъ, что на счетъ этого существуетъ, даже въ наукѣ, еще много предубѣжденій и противорѣчій, но мы жалѣемъ, что въ этомъ основномъ пунктѣ Фіоре не высказался съ большею рѣшительностью и ясностью.

По поводу *международнаго суда* онъ сперва возражаетъ не столько въ виду практической трудности исполнить его рѣшенія, сколько на основаніи отсутствія настоящаго международнаго законодательства, освященнаго согласіемъ государствъ. «Въ тяжбахъ между частными лицами, говоритъ онъ, суды имѣютъ разумную причину существованія, потому что ихъ задача опредѣлена и рѣзко очерчена на практикѣ. Они не создаютъ права, но прилагаютъ его къ конкретнымъ случаямъ, послѣ того, какъ оно было формулировано компетентною властью. Международное же право находится еще въ періодѣ образованія: съ каждымъ днемъ сказывается все настоятельнѣе потребность въ провозглашеніи международныхъ законовъ, которые пользовались бы авторитетомъ у всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Пока это не сдѣ-

---

[1]) Въ заключеніе этой главы онъ говоритъ еще о международномъ положеніи папы, допускаетъ, что въ этомъ заинтересованы всѣ католическія государства, но отказываетъ имъ въ правѣ вмѣшательства въ пользу послѣдняго, пока Италія строго соблюдаетъ законъ о гарантіяхъ.

лано, безполезны всѣ споры о судахъ, конгрессахъ и подобныхъ учрежденіяхъ, предназначаемыхъ рѣшать споры».

Но потомъ, перечисляя различные проекты вѣчнаго мира, Фіоре выставляетъ другое, практическое возраженіе: «Великое затрудненіе для ихъ осуществленія, замѣчаетъ онъ, заключалось всегда въ одномъ — въ отысканіи способа исполненія рѣшеній центральной власти».

Въ каждой реформѣ практическую сторону должно отличать отъ теоретической: найдется способъ примѣненія первой, когда для нашего сознанія станетъ ясною справедливость и польза второй.

Въ теоретическомъ отношеніи воззрѣніе Фіоре, впрочемъ, очень распространенное, грѣшитъ въ томъ, что съуживаетъ значеніе судебной власти и забываетъ о содѣйствіи ея именно великому процессу образованія права. Эта власть, по свидѣтельству исторіи, не только прилагаетъ къ конкретнымъ случаямъ положительный законъ, но и путемъ интерпретаціи дополняетъ и исправляетъ его. Посредствомъ юридической логики и аналогіи, подводя подъ существующія нормы новыя явленія жизни, она, особенно при отсутствіи кодификаціи положительнаго права, прокладываетъ въ народномъ сознаніи путь для новаго права. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовалъ преторъ въ Римѣ и проявилось вліяніе судебной власти на законодательство въ Англіи. Нельзя спорить противъ того, что судебная практика есть одинъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ факторовъ въ процессѣ выработки, сложенія права. Но именно въ этомъ всего настоятельнѣе нуждается право международное. Всѣ почти толкуютъ о необходимости его кодификаціи. Откуда взять элементы для таковой? Очевидно, только изъ дѣйствительной жизни. Съ учрежденіемъ органа, призваннаго спеціально отыскивать право и давать юридическую защиту конкретнымъ отношеніямъ между народами, государства силою вещей будутъ увлечены на путь, по указаніямъ жизни, исправленія, дополненія права и въ результатѣ кодификаціи его. Пора же наукѣ въ наше время серьезно взяться за проведеніе этой истины въ общественное сознаніе! Мы въ цѣломъ согласны съ тѣмъ, что Фіоре говоритъ о конгрессахъ, и ниже излагаемъ его мысли объ этомъ, но съ своей стороны полагаемъ, что онъ опускаетъ между ними и дѣйствительною жизнію необходимое посредствующее звено—судъ. Юридическая защита, о которой онъ толкуетъ, не имѣя своего юридическаго органа, будетъ стоять на почвѣ столь же зыбкой, какъ песокъ морской. Конференціи дипломатовъ недостаточны для этого дѣла и не имъ предоставлять кодификацію наиболѣе сложной и важной отрасли права. Онѣ будутъ

его *сочинять*, а его надо *отыскивать и по потребностямъ жизни формулировать*.

Впрочемъ, какъ замѣчено, мысли Фіоре объ этомъ смутны и неустойчивы. Самъ онъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что «установленіе юридическаго способа рѣшенія споровъ между государствами составляетъ проблему для современной науки, рѣшеніе которой послужитъ плодотворнымъ началомъ для новыхъ ея успѣховъ въ будущемъ».

Изъ этого видно, что и Фіоре признаетъ въ судѣ одинъ изъ существенныхъ органовъ международнаго устройства. Но онъ стоитъ за судъ третейскій, т. е. случайный, правильно не организованный. Допуская при извѣстныхъ обстоятельствахъ пользу онаго, мы должны, однако, сказать, что судъ постоянный по существу представляетъ гораздо болѣе прочности и независимости. Составленный не въ виду извѣстнаго спеціальнаго спора, какъ третейскій, онъ въ средѣ своей будетъ имѣть лицъ, особо подготовленныхъ къ этому служенію права.

Повторяемъ, обѣ реформы, за которыя ратуетъ Фіоре — кодификація и юридическая защита международнаго права — получатъ въ постоянномъ судѣ наиболѣе мощнаго и компетентнаго пособника.

Что касается до практической стороны дѣла, т. е. до отсутствія санкціи рѣшеній суда, то она представляетъ одинаковыя затрудненія по *всѣмъ* международнымъ вопросамъ вообще и по коллективному вмѣшательству въ частности, за которое, однако, стоитъ Фіоре. Это, конечно, важное практическое затрудненіе устранится постепенно по мѣрѣ установленія международныхъ законовъ и организаціи.

Независимо отъ этого разногласія нашего съ авторомъ, мы признаемъ весьма дѣльными главы его сочиненія о *третейскомъ судѣ* и о *конференціяхъ* и *конгрессахъ*. Въ первой изъ нихъ онъ приводитъ цѣликомъ принятый институтомъ международнаго права проектъ судопроизводства для международныхъ третейскихъ судовъ.

Различіе между конференціями и конгрессами Фіоре видитъ въ ихъ политическомъ характерѣ, въ цѣли ихъ созванія. Конференціи собираются для общаго обсужденія частныхъ интересовъ (напр., для толкованія трактата при новыхъ или измѣнившихся политическихъ условіяхъ пользованія извѣстными правами во время мира или войны). Конгрессами же въ наше время называются такія же собранія представителей государствъ, имѣющія въ виду рѣшенія вопросовъ объ интересахъ общихъ и сложныхъ (парижскій конгрессъ, берлинскій). До сихъ поръ они играли самую жалкую и недостойную ихъ роль, но

призваніе ихъ великое. «Первая и главнѣйшая ихъ задача, говоритъ Фіоре, должна состоять въ опредѣленіи нормъ совмѣстнаго существованія государствъ, или, выражаясь иначе, въ *формулированіи и обнародованіи международныхъ законовъ*. Только этимъ путемъ конгрессамъ дѣйствительно удастся быть полезными цивилизаціи и утвердить гарантіи мира и справедливости между людьми. Они должны стать органами юридической науки и совѣсти народовъ. Дальнѣйшею ихъ задачею будетъ *юридическая защита этихъ законовъ*. Конгрессамъ слѣдуетъ пещись о предупрежденіи войнъ и обезпеченіи мира. Однимъ изъ средствъ для этого является воспрепятствованіе побѣдителю злоупотреблять своею побѣдою и возлагать на побѣжденнаго унизительныя, несправедливыя требованія, которыя, питая національную вражду, поддерживаютъ войны».

Но для выполненія столь возвышенной задачи должно глубоко измѣнить ихъ составъ и устройство. Изъ игралищъ въ рукахъ дипломатовъ великихъ державъ они должны превратиться въ настоящіе органы международнаго права. «Въ дѣлѣ изданія и толкованія международныхъ законовъ, говоритъ Фіоре, всѣ государства имѣютъ право на свободный и прямой голосъ и нечего думать, что однѣ великія державы вольны предписывать законы остальнымъ, которыя имъ равны. Необходимо далѣе приложить представительное начало, получившее общее признаніе во внутреннемъ строѣ современныхъ государствъ, и къ конгрессамъ. Это будетъ наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для огражденія правъ народовъ отъ таинственныхъ происковъ дипломатовъ».

Собственно *конференціямъ* изъ представителей однѣхъ великихъ державъ, какъ наиболѣе заинтересованныхъ въ сохраненіи порядка въ международномъ союзѣ, Фіоре поручаетъ надзоръ за соблюденіемъ и исполненіемъ началъ, высказанныхъ конгрессами. «Но онѣ, добавляетъ онъ, не составляютъ третейскаго суда и не должны имѣть принудительной власти. При случаяхъ сомнительныхъ и спорныхъ рѣшеніе должно быть предоставлено такому суду, а если дѣло идетъ о произвольномъ нарушеніи нормъ, высказанныхъ конгрессомъ и если нарушитель продолжаетъ упорствовать, принудительная власть можетъ быть предоставлена великимъ державамъ. Международное же право ставится подъ коллективную гарантію цивилизованныхъ государствъ».

Въ главѣ о трактатахъ, касающихся уступокъ территоріи, Фіоре останавливается на *теоріи плебисцитовъ*, за введеніе которыхъ въ международное право ратовалъ особенно Наполеонъ III въ видахъ

укрѣпленія своей династіи. Не отвергая, что верховная власть государства надъ его территоріею едина и неотчуждаема и, по теоріи западныхъ публицистовъ, принадлежитъ народу, Фіоре выставляетъ для всѣхъ территоріальныхъ уступокъ руководящими началами сперва историческія, этнографическія и нравственныя отношенія между населеніями, а потомъ стратегическія соображенія о безопасности. Соединенія областей, не основанныя на этихъ началахъ, создаваемыхъ самою жизнію, противорѣчатъ международной справедливости и не могутъ быть прочны и плодотворны. Но требовать еще, чтобы переходъ области отъ одного государства къ другому, обыкновенно совершающійся вслѣдствіе войны, узаконялся плебисцитомъ, голосованіемъ самихъ жителей этой области, не представляется никакого основанія. Государство, какъ *цѣлое*, всегда имѣетъ право на отчужденіе своихъ *частей*, лишь бы это было вызвано дѣйствительно серьезными интересами и необходимостію самосохраненія. Но слѣдуетъ ли отсюда, что оно передаетъ своихъ гражданъ безъ ихъ согласія и даже вопреки ихъ волѣ чужому правительству, какъ стадо животныхъ? Нисколько! Государство, по современному ученію, не имѣетъ права распоряжаться личными правами человѣка, которыя и не составляютъ предмета договоровъ. Не властно оно заставить своихъ гражданъ сдѣлаться противъ ихъ воли иностранцами. Оно можетъ только отказаться отъ верховныхъ политическихъ правъ, принадлежащихъ ему надъ извѣстною областью, и передать ихъ другому правительству. Жители же уступаемой области пользуются правомъ выбора между прежнею своею и новою національностью. Для лицъ малолѣтнихъ срокъ, назначенный для этого выбора, наступаетъ съ момента ихъ совершеннолѣтія. Въ случаѣ активнаго противодѣйствія жителей ихъ новому правительству, остальныя государства получаютъ, смотря по обстоятельствамъ, право на коллективное вмѣшательство.

Резюмируя это ученіе, Фіоре добавляетъ, что согласіе жителей уступаемой области не требуется для юридической силы (validità) трактата о передачѣ территоріи, но оно необходимо, равно какъ и фактическое занятіе послѣдней новымъ правительствомъ, для практической дѣйствительности (efficacia) этого трактата [1]).

Хотя сочиненіе Фіоре посвящено *публичному* международному праву, но во многихъ мѣстахъ оно касается и *частнаго*. Къ послѣднему относятся цѣликомъ главы: «о международныхъ правахъ человѣка» и «о необходимости общихъ трактатовъ для опредѣленія основъ международнаго права».

---

1) Ниже мы увидимъ доводы *Лаги* въ пользу плебисцитовъ.

Вторая изъ этихъ главъ по своему современному интересу заслуживаетъ особеннаго вниманія. Всѣ усилія международнаго права въ наши дни, говоритъ авторъ, сводятся къ постепенному превращенію фактическаго сожительства государствъ — въ юридическій между ними союзъ. Въ области политической вражда и интриги, прикрываемыя маскою политическихъ интересовъ, долго еще будутъ раздѣлять народы и препятствовать въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ торжеству идей права и справедливости. Но въ сношеніяхъ между гражданами различныхъ государствъ оказывается все настоятельнѣе потребность *введенія одного общаго права для Magna Civitas народовъ*.

По мѣрѣ расширенія человѣческой дѣятельности граждане ни одного государства не могутъ довольствоваться лишь его территоріею, но требуютъ, чтобы вездѣ находили защиту своихъ правъ, возможность безпрепятственнаго существованія и необходимые для этого суды, способные отправлять правосудіе, и власти достаточно сильныя для приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ. Вотъ почему ученые усердно трудятся надъ отысканіемъ такого общаго права цивилизованныхъ народовъ, которое необходимо для защиты правъ человѣка въ союзѣ государствъ и утвержденія началъ всеобщей справедливости, безъ чего немыслимъ международный союзъ въ юридическомъ смыслѣ. Въ ходѣ его историческаго развитія должно повториться то же, что мы наблюдаемъ въ исторіи государствъ. Гражданское право предшествуетъ въ своемъ развитіи публичному. Предѣлы верховной власти внутри государствъ выяснились послѣ того, какъ были опредѣлены права человѣка. Когда эти права будутъ признаны путемъ общихъ договоровъ между всѣми цивилизованными государствами, когда, другими словами, частное международное право сложится въ систему— тогда сами частныя лица будутъ сильно заинтересованы въ установленіи основъ публичнаго международнаго права, какъ послѣдняго и необходимаго условія охраны ихъ частныхъ правъ.

На этотъ путь заключенія общихъ трактатовъ государства начинаютъ уже вступать все рѣшительнѣе. Сюда относятся соглашенія между ними относительно объединенія метрической системы (20 мая 1875 г.); телеграфныхъ сношеній ($^{10}/_{22}$ іюля, того же года); учрежденія всеобщаго почтоваго союза (1 іюня 1878 г.); денежной системы въ латинскихъ государствахъ (1878 г.); предупрежденія столкновеній на морѣ (въ формѣ не конвенціи, но регламента, вступившаго въ силу 1 сентября 1880 г.); обмѣна маленькихъ почтовыхъ посылокъ безъ объявленія ихъ цѣнности (эта конвенція стала дѣйстви-

тельна съ 1 октября 1881 года) и пересылки денежныхъ писемъ и вообще перевода денегъ по почтѣ.

Всѣ эти конвенціи, высказывая однообразныя начала международнаго права, были заключены государствами безъ особыхъ затрудненій, потому что онѣ ни прямо, ни косвенно не затрогиваютъ ихъ верховныхъ политическихъ интересовъ. Можно надѣяться, что за ними скоро послѣдуютъ другія подобнаго же рода, изъ коихъ многія уже выработаны и ждутъ только утвержденія со стороны правительствъ. Таковы, напр., конвенціи о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ путямъ, о международной охранѣ фабричныхъ и торговыхъ клеймъ, а равно литературной, художественной и промышленной собственности [1]).

Но болѣе всего чувствуется потребность въ однообразныхъ нормахъ въ сферѣ *столкновеній законовъ различныхъ государствъ*. Не мыслимо, чтобы даже въ предѣлахъ цивилизованнаго міра исчезло всякое различіе между гражданскими и торговыми законами разныхъ странъ: это дѣло тѣхъ бытовыхъ, историческихъ и нравственныхъ условій, среди которыхъ живутъ народы. Но самое это разнообразіе требуетъ, чтобы, согласно природѣ вещей, государства опредѣлили въ общей конвенціи тотъ законъ, который призванъ управлять отношеніями между людьми, регулировать ихъ положеніе къ вещному міру и условія совершенія ими юридическихъ актовъ и сдѣлокъ. Иначе никто не знаетъ, какому закону слѣдовать и у какого кодекса искать защиты. Правда, кое-что по этимъ вопросамъ сдѣлано уже въ частныхъ соглашеніяхъ между государствами (напр., касательно отмѣны droit d'aubaine, совершенія духовныхъ завѣщаній и другихъ актовъ, способности пріобрѣтать собственность и распоряжаться ею, дѣйствительности ипотеки, исполненія судебныхъ рѣшеній). Но эти соглашенія случайныя и сдѣланы на срокъ, смотря по времени дѣйствія тѣхъ торговыхъ и консульскихъ конвенцій, въ составъ которыхъ они входятъ. Какъ извѣстно, надъ осуществленіемъ указываемой нами задачи трудится съ момента своего основанія институтъ международнаго права

---

1) Къ этому добавимъ, что относительно промышленной собственности заслуживаетъ вниманія проектъ союза (уніи) для охраны, выработанный парижскою конференціею 4 — 20 ноября 1880 г. и принятый конференціею 20 марта 1883 г. въ томъ же городѣ (См. ст. *Lyon-Caen*, въ Revue de dr. intern. 1882, p. 191, и Ib. 1883, p. 272). Недавно въ Парижѣ же была конференція для защиты подводныхъ кабелей въ мирное время (окт., ноябрь 1882. *Renault*. Ib. 1883, p. 17). Въ 1886 г. учрежденъ между государствами Литературный Союзъ для охраны правъ авторовъ и художниковъ.

и работы его дадутъ государствамъ драгоцѣнный матеріалъ для выработки общей конвенціи по частному международному праву [1]). Пока же имъ слѣдовало бы начать съ такихъ вопросовъ, которые наиболѣе подготовлены для общаго рѣшенія. Сюда Фіоре относитъ исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ. Указавъ на попытки, которыя дѣлались для этого, онъ съ похвалою отзывается о нашихъ судебныхъ уставахъ 1864 г., ставящихъ исполненіе иностранныхъ рѣшеній въ зависимость отъ трактатовъ. Совершенно отсталыхъ воззрѣній въ этомъ пунктѣ держится французское законодательство, не признающее за иностранными рѣшеніями никакой силы. Это объясняется высокомѣрнымъ отношеніемъ его къ судамъ остальныхъ государствъ [2]).

Для международнаго рѣшенія созрѣла далѣе, по автору, бо́льшая часть торговаго права, какъ-то: вопросы о векселяхъ, несостоятельности, большихъ аваріяхъ и т. д. Всѣ они отличаются своимъ универсальнымъ характеромъ, въ силу потребностей, вызывающихъ ихъ къ жизни и которыя не мѣстны и не національны, но космополитичны и международны, какъ и сама торговля. Вотъ почему при ихъ опредѣленіи встрѣтится всегда менѣе препятствій, чѣмъ при установленіи правъ личныхъ, семейныхъ и по пріобрѣтенію и владѣнію недвижимой собственности, всегда болѣе или менѣе зависящихъ отъ національныхъ и политическихъ воззрѣній. Наконецъ и начала уголовной юстиціи могли бы подлежать однообразному и совокупному опредѣленію государствъ, «такъ какъ всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы преступники карались, а не пользовались въ угоду устарѣвшему софизму нѣкоторымъ правомъ убѣжища».

Достаточно разобранныхъ нами мѣстъ изъ сочиненія Фіоре, чтобы показать его современный и живой интересъ.

2. **Pierantoni.** *Trattato di diritto internazionale.* Volume I: Prolegomeni.—Storia dall'Antichità al 1400—1881 г.—Подобно Фіоре, Пьерантони около 20 лѣтъ (съ 1866 г.) занимаетъ каѳедру международнаго права, которое онъ преподавалъ въ Моденѣ, Неаполѣ, а теперь въ Римѣ. Между его многочисленными изслѣдованіями лучшія относятся къ исторіи права и литературы. Таковы: Исторія литературы

---

[1]) Онъ пришелъ къ окончательнымъ выводамъ: по гражданскому процессу, пріобрѣтенію національности и выдачѣ преступниковъ.

[2]) Судъ въ Тулузѣ, мотивируя въ 1872 г. необходимость пересмотра рѣшенія одного иностраннаго суда, дозволилъ себѣ такое выраженіе: „Il faut bien reconnaître que dans tous les pays du globe et *même de l'Europe* l'organisation judiciaire n'offre pas les garanties complètes qui existent dans la justice française".

международнаго права въ Италіи. — О международномъ третейскомъ судѣ.—Исторія международнаго права въ 19 столѣтіи.—О морскихъ призахъ по итальянской школѣ.

Настоящее сочиненіе, судя по предисловію къ нему, задумано въ обширныхъ размѣрахъ: оно разсчитано на 4 тома и должно обнять всѣ отрасли международнаго права, какъ публичнаго, такъ и частнаго.

Вышедшій пока первый томъ распадается на двѣ части: общія, вступительныя понятія и исторія международныхъ сношеній до конца XIV столѣтія. Читая его, приходишь къ слѣдующимъ выводамъ: Пьерантони является вполнѣ *итальянцемъ* по своей приверженности къ принципу національности, на которомъ, какъ извѣстно, итальянскіе публицисты такъ любятъ возводить едва-ли не всю систему права: частнаго, государственнаго и международнаго. Кромѣ того, онъ и человѣкъ *нашего времени*: по его мнѣнію, естествознанію принадлежитъ громадное и благотворное *воздѣйствіе на правовѣдѣніе*, если поставить, какъ должно, этотъ вопросъ. Эта сторона его труда наиболѣе оригинальна и интересна, несмотря на нѣкоторыя увлеченія и странности. Менѣе симпатична третья черта автора, которая относится уже прямо къ его недостаткамъ и должна быть приписана, быть можетъ, его занятіямъ и привычкамъ адвоката: излишнее декламаторство и любовь къ фразѣ. Многое въ его книгѣ могло бы быть сокращено, кое-что опущено и это придало бы бо́льшую точность и ясность его изложенію.

Въ *введеніи* или въ 1-ой книгѣ онъ говоритъ: объ опредѣленіи, основаніи и отдѣлахъ международнаго права (гл. 1); о его методѣ и источникахъ (гл. 2); о правѣ и естественныхъ наукахъ (гл. 3).

Международное право, по мысли Пьерантони, своею задачею имѣетъ связать въ одно юридическое цѣлое все человѣчество, раздѣленное на живыя лица, національности и государства, которыя, живя самостоятельною жизнію, входятъ однако въ его составъ, какъ члены одного организма. Вмѣстѣ съ государственнымъ правомъ оно вытекаетъ изъ общечеловѣческаго соціальнаго права (diritto umano sociale) и разумное основаніе своего бытія имѣетъ въ законѣ развитія нашего рода (nella legge di umanità). Покоясь на физической и нравственной природѣ народовъ, международное право излагаетъ *принципы*, *которые опредѣляютъ ихъ совмѣстное существованіе и соединеніе въ общество* (l'unione sociale dei popoli) *для достиженія человѣчествомъ его назначенія*. Такимъ образомъ оно держится на двухъ основныхъ идеяхъ: отечества, государства или національности, и человѣчества или союза народовъ. Тѣ же мысли, какъ извѣстно, блистательно про-

водитъ и Лоранъ въ своихъ Etudes sur l'histoire de l'humanité. Справедливо называетъ Пьерантони нашъ предметъ одною изъ новѣйшихъ наукъ, однимъ изъ послѣднихъ плодовъ, зрѣющихъ на богатомъ деревѣ человѣческаго вѣдѣнія. Можно даже сказать, замѣчаетъ онъ, что оно есть результатъ всѣхъ успѣховъ самой цивилизаціи, потому что оно выступило на свѣтъ Божій, благодаря великимъ реформамъ въ законахъ и политическихъ порядкахъ послѣдняго времени и стало необходимымъ съ усиленіемъ общественныхъ сношеній между государствами.

При изученіи международняго права слѣдуетъ различать въ немъ три элемента: *философскій*, *историческій и положительный* (или политико-дипломатическій). Первый указываетъ намъ на условія совмѣстнаго бытія и развитія народовъ, вытекающія изъ ихъ природы, какъ членовъ человѣчества. Истинный его источникъ кроется въ совокупности органическихъ законовъ природы. Историческій элементъ знакомитъ насъ съ попытками, которыя дѣлали народы, отыскивая условія и нормы своего сожительства и съ учрежденіями, которыя они для этого создавали. И Пьерантони, подобно Фіоре, высказывается за соединеніе философіи съ исторіею. «Знаніе фактовъ и изложеніе обычаевъ, добавляетъ онъ, безъ изслѣдованія породившихъ ихъ идеи и необходимости, есть предметъ пустаго любопытства, лишеннаго всякаго научнаго значенія». Положительное право занимается изложеніемъ нормъ, которыхъ государства дѣйствительно держатся при приложеніи своихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Оно черпается изъ сочиненій писателей, обычаевъ, трактатовъ и внутреннихъ законовъ государствъ, касающихся международныхъ сношеній.

Особенную главу, какъ сказано, посвящаетъ Пьерантони *вліянію естественныхъ наукъ на юридическія и политическія*. Оно еще въ прошломъ оказалось плодотворнымъ, но принесетъ еще болѣе благіе результаты въ будущемъ. «Естествознаніе, замѣчаетъ онъ, призвано противодѣйствовать злоупотребленіямъ метафизическими теоріями, несоотвѣтствующими реальной жизни народовъ и страннымъ претензіямъ философіи, стремившейся въ первой половинѣ текущаго столѣтія владычествовать своими апріорными построеніями надъ всѣми областями человѣческаго знанія». Однако, многіе публицисты опасаются этого союза между естественными и юридическими науками въ виду стремленій нѣкоторыхъ натуралистовъ отвергнуть самостоятельность общественныхъ наукъ, а въ исторіи законовъ, религіи, искусствъ видѣть лишь отдѣлы физіологіи, называя ее общественною физіологіею или соціологіею. Начавъ съ провозглашенія единственно вѣрнымъ ме-

тода опытнаго и индуктивнаго, онѣ пришли къ отрицанію бытія нравственныхъ идей. Пьерантони согласенъ съ тѣмъ, что этотъ методъ, приведшій въ области естествознанія къ такимъ удивительнымъ открытіямъ, имѣетъ большое значеніе и для наукъ государственной и общественной, которыя составляютъ наиболѣе опытную (практическую) часть философіи. Въ особенности же его должно держаться международное право, которое призвано изучать разнообразные факторы, слагающіе организмъ государствъ и обусловливающіе ихъ взаимныя отношенія. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ великіе организмы общественные (семья, раса, община, національность) суть въ то же время и единицы антропологическія. Но вліяніе одной науки на другую вовсе не обозначаетъ ихъ сліянія. По словамъ автора, три теоріи естествознанія особенно повели къ отрицанію общественныхъ наукъ и ихъ конечныхъ цѣлей: гипотеза произвольнаго зарожденія, происхожденія человѣка отъ нѣсколькихъ паръ и эволюціонная теорія Дарвина. Объяснить первою появленіе человѣка на землѣ едва ли можно серьезно, и наиболѣе авторитетные натуралисты отказываются отъ этого. Публицистамъ нечего заниматься нескончаемыми спорами о названной гипотезѣ, потому что человѣку, быть можетъ, никогда не будетъ дано понять существо творческой силы и способы превращенія неорганической матеріи въ опредѣленныя, живыя существа.

Гораздо ближе касается юристовъ споръ между моногенистами и полигенистами. Первые, производя человѣчество отъ *одной пары* прародителей, этимъ допускаютъ дѣленіе его на расы, но не на виды, и выводятъ изъ *единства* его происхожденія родство и солидарность между всѣми народами, ведущія къ единству и общечеловѣческаго права (unità del diritto umano). Воззрѣнія полигенистовъ, напротивъ, дозволяютъ нѣкоторымъ новаторамъ отвергать это единство, разбивать человѣчество на нѣсколько видовъ, различныхъ не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи, и косвенно узаконять превосходство злоупотребленія силою высшихъ расъ надъ низшими. Пьерантони полагаетъ, что даже при принятіи полигенетическаго принципа, т. е. допуская происхожденіе человѣка отъ различныхъ паръ прародителей, въ основаніи общечеловѣческаго права всегда будетъ лежать типическое единство человѣка (l'unità tipica del uomo). Человѣкъ, говоритъ онъ, никогда не перестанетъ быть высшимъ типомъ среди всѣхъ живыхъ организмовъ, а наука международнаго права предметомъ своимъ всегда будетъ имѣть устройство политическихъ союзовъ человѣка, весьма отличныхъ отъ формъ сожительства всѣхъ остальныхъ животныхъ.

Мы полагаемъ, что это единство типа и способностей человѣка есть именно сильный, *фактическій* аргументъ противъ первоначальнаго множества видовъ и въ пользу единства происхожденія нашего рода.

Наконецъ, о теоріи Дарвина спорятъ много, но мало ее изучаютъ. Являясь попыткою объяснить единство природы и законъ ея постепеннаго развитія, она, по мнѣнію матеріалистовъ, даетъ намъ право отвергать нравственную свободу человѣка, который будто бы есть не болѣе, какъ одно изъ проявленій матеріи въ цѣпи другихъ такихъ же матеріальныхъ существъ. Этимъ уничтожается всякое общественное право и даже самый принципъ права вообще—внутренняя свобода. Удивительная спѣшность выводовъ, если принять въ соображеніе, что вся теорія Дарвина есть доселѣ не болѣе, какъ гипотеза, ибо она еще не доказана окончательно въ виду того, что въ цѣпи существъ недостаетъ очень важнаго звена. Доисторическая археологія все еще ожидаетъ этого звена, посредствующаго между обезьяной и человѣкомъ. Изъ существующихъ же породъ обезьянъ ни одна не можетъ претендовать на честь быть нашимъ предкомъ. Таковъ выводъ современной сравнительной зоологіи по отзыву Геккеля.

Но если даже, продолжаетъ Пьерантони, эволюціонная гипотеза возвысится до научной истины и будетъ доказано полное анатомическое и физіологическое сродство между человѣкомъ и остальными животными, это ни въ чемъ не уничтожитъ превосходства дарованій перваго надъ послѣдними.

Вертикальное положеніе и звукораздѣльный языкъ — таковы двѣ особенности человѣка, высоко ставящія его надъ всѣми другими существами. Первая, оказывая сильное вліяніе на развитіе его мозга и умственныхъ способностей, открываетъ предъ нимъ поле безконечнаго усовершенствованія. Членораздѣльный же языкъ, по словамъ Макса Мюллера, составляетъ тотъ Рубиконъ, который не дано перейти никакому другому существу.

Философія призвана противодѣйствовать этимъ ученіямъ, поскольку они опасны для идеальныхъ стремленій человѣка и общества, и въ то же время выдвигать на первый планъ вытекающія изъ нихъ важныя истины. Принципъ единства природы и непрерывнаго, постепеннаго прогресса ея строенія долженъ воспитать въ насъ духъ порядка, постоянства, повиновенія общимъ нормамъ. Дѣлая попытку объяснить намъ, какъ возникла изъ самыхъ грубыхъ зародышей и восходила къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ формамъ жизнь въ природѣ, эволюціонная теорія даетъ намъ лучше уразумѣть усовершимость человѣка. Если перенести ее на политическую область, она по существу

окажется консервативна, ибо предостерегаетъ отъ реформъ спѣшныхъ и не соотвѣтствующихъ историческому духу, высказываясь за постепенное улучшеніе въ связи съ уваженіемъ къ наслѣдственному началу и формамъ въ обществѣ.

Эту интересную главу Пьерантони оканчиваетъ слѣдующими размышленіями: «натуралисты, находя въ низшихъ существахъ зародыши болѣе совершенныхъ организмовъ, вызываютъ въ человѣкѣ убѣжденіе, что въ животномъ мірѣ господствуетъ тотъ же порядокъ, который сказывается въ безконечномъ разнообразіи растеній и въ остальныхъ частяхъ природы. Все въ ней устроено не случайно и не за разъ, но все отъ малѣйшихъ инфузорій до главнаго ея и лучшаго произведенія—человѣка, есть дивное проявленіе одной и той же не прерывающейся творческой мысли».

Около 700 страницъ авторъ отводитъ *исторіи* международныхъ сношеній. Мы находимъ ее рѣшительно излишне растянутою: очень много подробностей слѣдовало бы вовсе опустить. Въ исторіи Египта, напр., онъ на 15 страницахъ даетъ намъ переводъ разныхъ древнеегипетскихъ надписей, притомъ весьма отрывочныхъ. Болѣе 400 страницъ посвящаетъ исторіи среднихъ вѣковъ. Происходитъ это, на нашъ взглядъ, вслѣдствіе одного важнаго заблужденія, свойственнаго многимъ писателямъ и состоящаго въ смѣшеніи международныхъ сношеній съ международнымъ правомъ. Сношенія эти существуютъ вездѣ, гдѣ государства приходятъ въ какое-либо соприкосновеніе другъ съ другомъ; они почти такъ же древни, какъ человѣкъ, и свидѣтельствуютъ въ пользу разумности международнаго права и порядка, но далеко не совпадаютъ съ нимъ, потому что отличаются случайностью, субъективностью и особенно отсутствіемъ юридическихъ началъ: равенства и взаимности. Не смотря на это, исторія, и по преимуществу политическая, остается едва-ли не главною вспомогательною наукою международнаго права. Пьерантони справедливо жалуется на то, что публицисты мало пользуются богатыми новыми матеріалами, которые сдѣланы доступными въ послѣднее время, благодаря открытію архивовъ, изданію трактатовъ, печатанію мемуаровъ и т. д. Но онъ отзывается о своихъ предшественникахъ Витонѣ, Лоранѣ и Кальво высокомѣрно и поверхностно. О монументальномъ трудѣ Лорана онъ находитъ возможнымъ сказать только слѣдующее: «Его многочисленные томы, написанные съ такою огромною ученостью и свободною критикою, представляютъ богатую мину для каждаго, кто пожелаетъ написать исторію международнаго права въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но пользуясь ими, надо отвергнуть тѣ его мысли, которыя устарѣли

вслѣдствіе новѣйшихъ изслѣдованій доисторической эпохи, и поэтому исправить многіе его выводы относительно идей, элементовъ и учрежденій по внутреннему быту всѣхъ народовъ. Чрезвычайною краткостью отличаются также его очерки исторіи дипломатическихъ учрежденій».

Исторія человѣчества, какъ извѣстно, начинается на Востокѣ съ теократій, но Пьерантони, вѣроятно для большей полноты, исходный ея пунктъ видитъ во мракѣ доисторическихъ эпохъ. Онъ вѣритъ, что древность нашего рода на землѣ достигаетъ 20,000 лѣтъ. Изъ двухъ предположеній о первоначальномъ положеніи человѣка, блаженномъ и мирномъ до грѣхопаденія и совершенно дикомъ и скотообразномъ, онъ даетъ предпочтеніе послѣднему. Первоначальный человѣкъ, говоритъ онъ, троглодитъ, явился къ концу третичной эпохи. Современникъ многочисленныхъ млекопитающихъ, онъ велъ съ ними изъ-за существованія упорную борьбу и питался всѣмъ, что находилъ послѣ ихъ трапезы. Мнѣніе историковъ о постепенномъ его переходѣ отъ охотничьяго быта къ пастушескому, а потомъ къ земледѣлію, должно быть отвергнуто. Дошедшіе до насъ остатки каменнаго періода показываютъ, что человѣкъ питался безразлично и землеводными и рыбами. Въ свайныхъ постройкахъ находятъ орудія и охоты и рыболовства. Въ жестокой борьбѣ съ животными и другъ съ другомъ люди стали изобрѣтать изъ разныхъ матеріаловъ природы орудія, которыя послѣдовательно дѣлали изъ камня, бронзы, желѣза. Отсюда три періода до исторической эпохи. Но натуралисты еще спорятъ относительно вѣрности этой классификаціи; она установлена пока только для Европы и кромѣ того эти различныя орудія употреблялись дикими, быть можетъ, и одновременно. Какъ бы то ни было, но сила, приспособляясь къ средѣ, въ которой жилъ человѣкъ, была первою формою, породившею право.

Какъ перешло человѣчество отъ естественной исторіи къ политической,—мы этого не знаемъ. Но Пьерантони повторяетъ ребяческій миѳъ о зарожденіи религіи изъ чувства страха предъ разрушительными силами природы. «Позднѣе, восклицаетъ онъ, мракъ лѣсовъ былъ озаренъ лучемъ свѣта и дикія силы человѣка обузданы религіею страха, вызваннаго переворотами въ природѣ. Primum deum fecit timor, говорили еще древніе. И въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ переворотахъ и въ трескѣ грома онъ впервые почуялъ присутствіе силы сверхчеловѣческой. Онъ сталъ поклоняться грозному божеству, первое проявленіе коего увидѣлъ въ смерти. Для его умилостивленія онъ, охотившійся на другихъ людей, сталъ приносить человѣческія жертвы на камняхъ, обращенныхъ въ алтари».

Нужно ли говорить, какъ эти разглагольствія наивны и совершенно излишни въ сочиненіи по международному праву! Мы остановились на нихъ лишь ради куріоза. Весь вопросъ о доисторическомъ человѣкѣ, безспорно очень интересный, не относится къ нашему предмету. Затѣмъ можно еще спросить, была ли необузданная дикость первыхъ людей прирожденною или же наоборотъ производною, вслѣдствіе грѣхопаденія, разсѣянія людей по лицу земли и постепеннаго ихъ одичанія среди пустынь и дебрей въ вѣчной борьбѣ съ природою и нуждою?

3. **Schiattarella**. Propedeutica al diritto internazionale. 1881.

Это сочиненіе Скіатарелла, профессора въ Сіенѣ [1]), является полезнымъ дополненіемъ къ разобраннымъ нами доселѣ трудамъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ сочиненій по международному праву это есть первая попытка (за исключеніемъ развѣ книги Иванова, проф. въ Казани) *историческаго* его изложенія. Преподавая исторію трактатовъ, авторъ напечаталъ свой курсъ въ формѣ элементарнаго, но толковаго и яснаго учебника. Книга его поэтому можетъ быть очень полезна для каждаго приступающаго къ изученію нашего предмета. Историческій же методъ и порядокъ изложенія способенъ болѣе теоретическаго заохотить начинающаго. Этому же содѣйствуетъ живой слогъ автора, близко подходящій къ устной рѣчи, вліяніе которой сказывается въ многочисленныхъ мѣстахъ его книги и въ самомъ распредѣленіи ея на восемь лекцій.

Исходнымъ пунктомъ своего изложенія авторъ беретъ XVI стол. (или точнѣе 1492 г.), когда новыя государства, сложившись и окрѣпнувъ внутри, вступаютъ между собою въ правильныя и постоянныя сношенія. «Изъ этого факта», говоритъ онъ совершенно вѣрно, «что человѣчество распадается на множество народовъ, живущихъ *другъ подлѣ друга*, нельзя еще выводить существованіе международнаго союза (società delle genti). Для этого необходимо еще, чтобы народы взаимно сознавали свое юридическое равенство и независимость и, въ видахъ содѣйствія общимъ и коллективнымъ цѣлямъ человѣчества, вступили между собою въ нѣчто похожее на союзъ (associazione) или товарищество культурное (sodalizio di coltura)». Идея о томъ, что всѣ люди члены одной большой семьи-человѣчества, возникла уже давно, во время владычества Рима, и получила новое освященіе и углубленіе въ ученіи христіанства, но международное право

[1]) Онъ уже успѣлъ заявить о себѣ нѣсколькими работами: Il diritto della neutralità nelle guerre marittime. 2 изд. 1880. Del territorio nelle sue attinenze colla legge penale. 1879. Dei reati commessi all'estero. 1880.

въ современномъ смыслѣ было неизвѣстно какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка. Политическій идеалъ древности составляло всемірное государство, а въ средніе вѣка выступаютъ лишь элементы, подготовившіе въ новое время образованіе международнаго порядка. «И въ предыдущія эпохи», продолжаетъ авторъ, «заключались трактаты между государствами, но они были случайны, преходящи, посвящаемы частнымъ вопросамъ, а не вытекали изъ общаго представленія о юридическомъ союзѣ между государствами. Поэтому и ничтожно было ихъ вліяніе на развитіе цѣлей культуры, ради которыхъ существуетъ названный союзъ».

Это опроверженіе смѣшенія международныхъ сношеній съ международнымъ правомъ, дѣлаемое, какъ мы видѣли выше, Пьерантони и вообще многими послѣдователями историческаго направленія, получаетъ особую цѣну въ устахъ Скіатарелла, который самъ приверженецъ «положительнаго метода», по его словамъ, столь соотвѣтствующаго человѣческому уму.

Переходя къ пособіямъ, которыми пользовался авторъ, мы не можемъ похвалить ни полноту ихъ, ни выборъ. Къ извѣстнымъ сборникамъ трактатовъ (Дюмона, обоихъ Мартенсовъ, Коха, Шёлля) онъ присоединяетъ имена историковъ, уже порядочно устарѣвшихъ (Шмаусса, Пёлитца, Пютца, Геерена, Эйхгорна) и не упоминаетъ даже словомъ такіе труды, какъ Витона, Лорана и проч., не говоря уже о лучшихъ историкахъ новѣйшаго времени.

Трактаты служатъ автору главнымъ матеріаломъ, по которому онъ изучаетъ постепенное укрѣпленіе и расширеніе солидарности между народами, ведущей къ образованію настоящаго юридическаго союза между государствами въ послѣднія четыре столѣтія (съ XVI по XIX включительно). Эти трактаты онъ дѣлитъ на двѣ обширныя категоріи: политическіе и культурные. Первые опредѣляютъ великіе политическіе интересы равновѣсія, заключенія союзовъ, мира, вопросовъ о границахъ, уступкахъ территоріи и т. д. Вторые своимъ предметомъ имѣютъ: интересы международной торговли и судоходства, консульскія учрежденія, права и обязанности нейтральныхъ во время войны, вопросы о литературной, художественной и промышленной собственности, объ устройствѣ почтовыхъ, телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ сношеній, о выдачѣ преступниковъ и проч. Трактаты втораго рода онъ называетъ культурными, а не экономическими, потому что это названіе гораздо обширнѣе и обнимаетъ такіе предметы (право нейтральныхъ, вопросы о выдачѣ), на которые не простираются договоры экономическіе въ собственномъ смыслѣ.

Большую и самую интересную часть книги (послѣднія четыре лекціи) составляетъ изложеніе событій новѣйшаго времени, начиная съ французской революціи. Авторъ, очертивъ періодъ съ 1789 до 1815 г., останавливается довольно обстоятельно на развитіи въ нашемъ столѣтіи по трактатамъ принципа національности и восточнаго вопроса, а въ заключительной лекціи указываетъ на основныя начала главныхъ культурныхъ трактатовъ XIX стол. При этомъ, какъ менѣе важные, онъ оставляетъ въ сторонѣ договоры о защитѣ, такъ называемой, духовной собственности разнаго рода и о почтовыхъ и телеграфныхъ сношеніяхъ. Можно спорить о вѣрности этого мнѣнія, особенно въ виду постоянно усиливающихся сношеній именно этого рода. Впрочемъ, онъ не упоминаетъ также о многихъ другихъ интересныхъ вопросахъ соціальнаго характера или касающихся частнаго международнаго права.

Довольно подробно излагаетъ Скіатарелла различные фазисы *восточнаго вопроса* (впрочемъ, возстаніе грековъ и ихъ освобожденіе онъ относитъ къ предъидущей главѣ, посвященной успѣхамъ національнаго принципа), до весны 1881 г., когда, вслѣдствіе берлинской конференціи, отношенія между Турціею и Греціею приняли, изъ-за Ѳессаліи и Эпира, самый натянутый характеръ. Авторъ приводитъ тексты: берлинскаго меморандума (1876 г.), трактатовъ санстефанскаго и берлинскаго и англо-турецкой конвенціи 1878 г., по поводу острова Кипра. Будучи, вмѣстѣ съ большинствомъ своихъ соотечественниковъ, сторонникомъ національнаго принципа, онъ относится съ сочувствіемъ къ освобожденію славянъ и грековъ и не питаетъ симпатіи къ дѣлу Берлинскаго конгресса [1]). Но прежде, чѣмъ приступить къ историческому изложенію восточнаго вопроса, онъ останавливается на роли въ немъ великихъ державъ и дѣлитъ ихъ на двѣ группы: непосредственно въ немъ заинтересованныхъ (Россія, Англія и Австрія) и имѣющихъ на Востокѣ лишь косвенные, второстепенные интересы (Германія, Франція и Италія). Въ этомъ очеркѣ много здравыхъ, мѣткихъ мыслей, свидѣтельствующихъ о томъ, что Скіатарелла составилъ себѣ о наиболѣе запутанномъ вопросѣ современной политики, въ цѣломъ, ясное и вѣрное понятіе. Только о *Россіи* онъ высказываетъ нѣсколько странныхъ сужденій, хотя и упоминаетъ о сочиненіяхъ г. Фадѣева и г-жи Кирѣевой. Онъ вѣритъ въ

---

1) Въ послѣднемъ отношеніи итальянцы довольно рѣзко отдѣляются отъ хора большинства публицистовъ остальной Европы. Ср., напр., *Mulas*, Il congresso di Berlino e il diritto delle genti. 1878.

подлинность политическаго завѣщанія Петра Великаго, приводитъ изъ него цѣлыя мѣста (не указывая своего источника) и говоритъ, будто «вся новѣйшая исторія Россіи сводится къ его исполненію, т. е. къ постепенному уничтоженію владычества турокъ въ Европѣ». Этого требуютъ неотразимые экономическіе и политическіе интересы нашего отечества. Оно болѣе всего нуждается въ рынкахъ и свободныхъ выходахъ къ морю и ему необходимо устроить въ Константинополѣ такой же центръ для своей южной торговли, какіе оно уже имѣетъ въ Петербургѣ для сѣверной и въ Москвѣ для всей сухопутной. Обладаніе Константинополемъ (о которомъ еще Петръ Великій говорилъ, что это ключъ къ владычеству надъ міромъ) не только увеличило бы до чрезвычайности экономическое благосостояніе Россіи, открывъ ей пути къ странамъ омываемымъ Средиземнымъ моремъ, но и усилило бы ея политическое могущество по отношенію къ Западу, и особенно къ Востоку надъ деспотіями Азіи въ ущербъ англійскому вліянію. Поэтому понятно удивительное терпѣніе и настойчивость, съ которыми русскіе правители стремятся къ этой цѣли. Что не удается одному изъ нихъ, то продолжаетъ его сынъ, внукъ и т. д. Въ этой политикѣ ничего нѣтъ личнаго или династическаго, но въ ней сказывается потребность и сознаніе народа, дѣйствующаго чрезъ посредство своихъ верховныхъ органовъ, т. е. государей.

Ничего не говоря о глубокомъ, кровномъ и духовномъ родствѣ русскаго народа съ жителями Балканскаго полуострова, о вѣковой борьбѣ его съ исламизмомъ, вышедшей изъ собственной его исторіи, Скіатарелла объясняетъ стремленія русскихъ къ Константинополю преимущественно экономическими причинами. Но, съ точки зрѣнія послѣднихъ, Россіи вполнѣ достаточно тѣхъ портовъ, которыми она уже владѣетъ на Черномъ морѣ, а также еще условія, чтобы Босфоръ и Дарданеллы не были заперты для ея кораблей. На основаніи же политическихъ интересовъ, самыхъ серьезныхъ, какъ Россіи, такъ и всего Славянства, никогда не должно желать, чтобы мы завладѣли Константинополемъ.

За то нельзя не согласиться съ послѣдующими выводами автора. Не въ силу интригъ дипломатовъ, но по своему этнографическому и религіозному строю, *Турція* быстро приближается къ разложенію.

Англія знаетъ это отлично, но въ независимости ея видитъ главный оплотъ своего владычества въ Индіи. Но послѣднее и безъ того не прочно и, вѣроятно, ему будетъ положенъ конецъ, когда просвѣщеніе коснется населенія этихъ странъ и вызоветъ въ немъ чувство политической солидарности въ виду общаго врага. Отъ себя добавимъ,

что занятіемъ Кипра и Египта Англія сама нанесла новую брешь независимости Турціи. За ея распаденіемъ или раздѣленіемъ, той же участи подвергнется *Австрія*. Представительница постояннаго и систематическаго угнетенія національностей, она не вынесетъ пробужденія народнаго духа въ славянахъ, вслѣдствіе усиливающагося ихъ экономическаго и умственнаго развитія. Австрія вращается въ истинномъ кругѣ: опираясь на элементы нѣмецкій и венгерскій, она возстановляетъ противъ себя славянъ, т. е., большинство своего населенія, а давая удовлетвореніе требованіямъ послѣднихъ, она раздражаетъ нѣмцевъ, изстари привыкшихъ къ господству, и толкаетъ ихъ въ объятія великой Германіи. Стремясь превратить временное занятіе Босніи и Герцоговины въ окончательное, Австрія хочетъ отдалить Сербію отъ Черногоріи, воспрепятствовать освобожденію Македоніи и вообще задержать успѣхи славянской національности на Балканскомъ полуостровѣ. Будущее докажетъ на сколько это согласно съ ея жизненными интересами, но между ея политикою и стремленіями Россіи— абсолютная противоположность.

Что касается до *Германіи*, то она, строго говоря, прямыхъ интересовъ на Востокѣ не имѣетъ, но съ удаленіемъ изъ нея Австріи— Пруссія стала союзницей послѣдней и, какъ носительница германизма, объявила себя врагомъ панславизма. Въ защитѣ Дуная отъ напоровъ Россіи она видитъ теперь такую же для себя миссію, какъ въ защитѣ Рейна отъ французовъ. Die Wacht an der Donau есть соотвѣтствіе и повтореніе Die Wacht am Rhein.

Политику *Франціи* на Востокѣ вѣрно намѣтили Гизо и Тьеръ. Она состоитъ въ томъ, чтобы турецкія области не стали добычею ни одной какой либо великой державы, но добились внѣшней независимости и внутренняго самоуправленія.

Къ этому сводятся и интересы *Италіи*. «Для насъ», говоритъ авторъ, «рѣшеніе восточнаго вопроса должно состоять въ освященіи того принципа національности, на коемъ покоится наше существованіе въ Европѣ. Пробужденіе къ новой жизни странъ, прилегающихъ къ Адріатическому и Эгейскому морю и такъ долго страдавшихъ отъ варварства Турокъ, оживило бы значительно торговлю въ гаваняхъ Италіи». Занятіе ею Албаніи представляется автору безуміемъ, но не должно дозволять этого и Австріи. Весьма страннымъ является его дальнѣйшее утвержденіе, что если бы, во имя равновѣсія, на Востокѣ были допущены извѣстныя территоріальныя сдѣлки, Италія, въ качествѣ великой державы и во имя своихъ экономическихъ интересовъ, должна была бы потребовать и для себя территоріальнаго вознагражденія.

Но, спѣшитъ онъ добавить, для ея истинныхъ интересовъ достаточно, чтобы ни одна изъ великихъ державъ не завладѣла Босфоромъ и Дарданеллами, чтобы судоходство на Черномъ морѣ оставалось свободнымъ, а Константинополь съ прилегающими къ нему проливами перешелъ бы во власть какого либо небольшаго, независимаго государства или того племени, которое утвердилось на этой территоріи. Послѣднюю лекцію Скіатарелла посвящаетъ, какъ мы сказали, обозрѣнію главныхъ культурныхъ трактатовъ 19 стол., при чемъ ко многимъ изъ нихъ дѣлаетъ краткія историческія поясненія. Здѣсь рѣчь идетъ о трактатахъ: торговыхъ, навигаціонныхъ, по консульскимъ учрежденіямъ, уничтоженію пиратства и торговли неграми, о свободѣ судоходства по рѣкамъ, выдачѣ преступниковъ и развитіи торговли нейтральныхъ во время войны, при чемъ авторъ останавливается довольно подробно на правахъ нейтральныхъ вообще (неприкосновенности ихъ территоріи и правѣ убѣжища).

Этотъ порядокъ изложенія не отличается систематичностью. Хотя авторъ упоминаетъ объ Институтѣ, но напрасно не воспользовался его трудами. Онъ говоритъ про его коммиссію, изучавшую вашингтонскія правила, но молчитъ о его оксфордскихъ резолюціяхъ по выдачѣ преступниковъ. Въ дѣлѣ свободы рѣчнаго судоходства ему очевидно неизвѣстенъ капитальный трудъ Энгельгардта. Касательно призоваго права онъ является сторонникомъ старой теоріи, т.-е., исключительной юрисдикціи воюющихъ.

При всемъ томъ эта лекція написана живо и представляетъ не мало интереснаго. Отмѣтимъ для примѣра мысли автора по двумъ наиболѣе спорнымъ вопросамъ новѣйшаго международнаго права.

Въ какой степени нейтральныя государства отвѣтственны за дѣйствія своихъ подданныхъ, не согласныя съ нейтралитетомъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что частныя лица нейтральной страны въ принципѣ не могутъ принимать ни прямо, ни косвенно участія въ войнѣ. Но съ другой стороны не менѣе вѣрно и то, что государство должно предоставить имъ свободу въ ихъ сферѣ дѣйствія. Отсюда, нейтральные подданные могутъ, въ качествѣ именно частныхъ лицъ, не компрометируя своего отечества, вступать въ ряды войска того или другаго воюющаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нейтральныя государства обязаны не дозволять на своей территоріи въ пользу воюющихъ вербованія солдатъ или матросовъ, открытія подписки въ видахъ заключенія займа и т. д. Впрочемъ, по отношенію къ послѣднему пункту слѣдуетъ добавить, что этому не противорѣчитъ снабженіе частными лицами воюющаго деньгами. Это ихъ частное дѣло.

Такъ же ясно говоритъ авторъ о выдачѣ преступниковъ, различая преступленія: общія, политическія, сложныя и смѣшанныя. Высказываясь за невыдачу политическихъ преступниковъ, онъ полагаетъ, однако, что покушенія на жизнь государей составляютъ преступленія общія, которыя, въ силу правосознанія новѣйшаго времени, должны вести къ выдачѣ. Той же участи подлежатъ члены всеобщихъ анархическихъ союзовъ, которые, ставя себѣ цѣлью ниспроверженіе всякаго принципа власти и установленнаго порядка, являются, среди современнаго общества, въ полномъ смыслѣ пиратами. Только казуистичнымъ кажется намъ установленіе авторомъ различія между этими универсальными союзами и національными, которыя преслѣдуютъ ту же цѣль, но въ предѣлахъ одной опредѣленной или нѣсколькихъ странъ. Это уже союзы политическіе и члены ихъ за свои разрушительныя дѣйствія не подвергаются выдачѣ. Въ наше время такая разграничительная линія едва ли существуетъ: разрушительныя силы и союзы всюду стремятся къ соединенію, слитію, и чрезъ это возлагаютъ и на государства обязанность дружно и энергично, на почвѣ международнаго права, выступить противъ нихъ и лишить ихъ повсюду средствъ дѣйствія. Давно пора бы этимъ спеціально заняться людямъ науки и практики.

Замѣтимъ еще, въ заключеніе, что Скіатарелла возстаетъ противъ выдачи государствомъ своихъ гражданъ, совершившихъ преступленіе за-границей. По его мнѣнію, въ этихъ случаяхъ допустима одна личная подсудность (ratione personae) и аргументъ противниковъ объ удобствахъ процессуальныхъ рекомендуемой ими системы, основанъ на утилитарныхъ соображеніяхъ и не выдерживаетъ юридической критики. Напротивъ, онъ вытекаетъ изъ строго юридическаго принципа территоріальности уголовнаго права, требующаго, чтобы преступленіе, на сколько возможно, каралось на мѣстѣ его совершенія. Это воззрѣніе не исключительно англійское, какъ думаетъ авторъ, но соотвѣтствуетъ новѣйшимъ успѣхамъ процессуальныхъ законовъ и справедливо усвоено Институтомъ.

Въ Англіи за послѣднее время вышло по общему международному праву два примѣчательныхъ сочиненія, но характера совсѣмъ противоположнаго,—Гооля и Лоримера.

4. **Hall.** International Law. 1880.—2 изд. 1884 г. съ нѣкоторыми добавленіями и улучшеніями.

Весьма объемистый томъ, по богатству историческаго и положительнаго матеріала, а равно по солидности его обработки достойный стать подлѣ лучшихъ англійскихъ сочиненій Филлимора и Твисса. Вмѣстѣ

же съ ними раздѣляетъ онъ и неудовлетворительность общей научной системы. Сочиненіе это распадается на четыре части: общіе принципы, законы, управляющіе отношеніями государствъ при нормальныхъ условіяхъ, во время войны и нейтралитета. Послѣдняя часть воспроизводитъ съ нѣкоторыми измѣненіями изслѣдованіе автора «О правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ», напечатанное въ 1874 г. Къ сочиненію приложено десять прибавленій: объ образованіи идеи международнаго права; о національности кораблей, корабельныхъ бумагахъ и натурализаціи по различнымъ положительнымъ законамъ; англійская прокламація о нейтралитетѣ 1870 г.; англійскій законъ о призахъ 1864 г. (Naval Prize Act) и нѣкоторые международные акты: обоихъ вооруженныхъ нейтралитетовъ, парижская декларація 1856 г.; женевскія конвенціи 1864 и 68 г. и консульская конвенція между Австріею и С. Штатами 1870 г.

Ясное, сжатое изложеніе, обиліе фактовъ изъ новѣйшей исторіи возвышаютъ еще современный интересъ этой книги. Особенности англійскихъ воззрѣній на многіе вопросы нашей науки сказываются въ ней довольно ясно. Прежде всего Гооль является сторонникомъ направленія Мозера и Мартенса, т. е. школы *историко-практической*, которая, отвергая международное право всеобщее и абсолютное, принимаетъ одно *положительное*, основанное на трактатахъ и обычаяхъ. Право, какъ оно *есть* въ дѣйствительности, а не какое оно должно было бы быть — вотъ предметъ тщательныхъ изслѣдованій Гооля. Абсолютныя же идеи о правѣ онъ отвергаетъ на томъ основаніи, во 1-хъ, что ихъ трудно отыскать и писатели сами несогласны между собою на счетъ ихъ происхожденія и значенія, и, во 2-хъ, что не видна причина обязательности ихъ для всѣхъ народовъ. Мы полагаемъ, однако, что ограничивать науку собираніемъ одного положительнаго матеріала, значитъ произвольно сокращать сферу ея дѣятельности: изъ разумной природы человѣка и основаннаго на ней существа общества, наука выводитъ идеальныя нормы, которыя понимаются различно отдѣльными учеными и въ различныя эпохи, но къ осуществленію которыхъ стремятся болѣе или менѣе всѣ конкретныя и реальныя отношенія между людьми. Въ этомъ—критическое и творческое призваніе науки, котораго она достигаетъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ бо̀льшій запасъ свѣдѣній имѣетъ въ своемъ распоряженіи.

Гооль отводитъ мѣсто въ своемъ сочиненіи и частному международному праву: по законамъ главнѣйшихъ государствъ изучаетъ онъ все, что относится къ подданству лицъ. Онъ колеблется признать юрисдикцію государства надъ иностранцами за дѣйствія, совершенныя

ими за границею, въ случаѣ если оно получитъ ихъ въ свою власть, потому что это противорѣчитъ принципу территоріальной подсудности и можетъ повести къ столкновенію съ юрисдикціею той страны, гдѣ совершено преступленіе.

Отдѣлъ объ интервенціяхъ разработанъ сравнительно слабѣе другихъ. Не выставляя общихъ принциповъ, Гооль полагаетъ, что вмѣшательство можетъ быть скорѣе допущено, когда производится не отдѣльнымъ государствомъ, но всѣми или многими во имя общихъ интересовъ.

Весьма обстоятельно излагается право войны и нейтралитетъ. Здѣсь особенно выступаетъ знакомство автора съ новѣйшими событіями, но со многими его теоретическими положеніями нельзя согласиться, ибо они противорѣчатъ успѣхамъ науки въ наши дни. Напр., онъ признаетъ излишнимъ объявленіе войны; изгнаніе нѣмцевъ изъ Парижа въ 1870 г. онъ считаетъ «быть можетъ неразумнымъ, но съ точки зрѣнія права не предосудительнымъ». Убѣдительными доводами подтверждаетъ онъ, что война не уничтожаетъ заключенные между сторонами трактаты, за исключеніемъ развѣ торговыхъ, почтовыхъ и о союзахъ, дѣйствіе которыхъ ею пріостанавливается. Гооль осуждаетъ бомбардированіе городовъ, какъ оно практиковалось въ 1870 г., но согласенъ съ тѣмъ, что лица, удалившіяся въ воздушномъ шарѣ изъ оцѣпленнаго мѣста, должны наказываться какъ шпіоны. При переходѣ территорій онъ оспариваетъ теорію плебесцитовъ и даже право жителей не подчиняться новому владычеству чрезъ выселеніе, хотя и признаетъ, что эта свобода была предоставлена имъ по многимъ новѣйшимъ трактатамъ.

Важный и столь интересный вопросъ о неприкосновенности частной собственности на морѣ во время войны, Гооль изучаетъ съ точекъ зрѣнія права, нравственности и политики. Онъ согласенъ съ громаднымъ большинствомъ англійскихъ публицистовъ, что воюющему принадлежитъ несомнѣнное право завладѣвать имуществомъ непріятельскихъ гражданъ на морѣ, но эта практика должна быть осуждена во имя политики и разумно понятыхъ національныхъ интересовъ самой Англіи. Это мнѣніе Гооль высказалъ еще въ 1875 г. въ одной статьѣ Contemporary Review. Если оно утвердится среди его соотечественниковъ, Англія перейдетъ въ этомъ вопросѣ на сторону континентальныхъ писателей Европы, ибо утилитарные доводы были для нея всегда сильнѣе теоретическихъ [1]).

[1]) Мысли объ этомъ Гооля основательно разбираетъ Бёкъ (*Воеск.* De la propriété privée ennemie sous pavillon ennemi, p. 489).

Такъ называемую мирную блокаду авторъ причисляетъ къ мѣрамъ военнымъ, ибо она, по своему дѣйствію и послѣдствіямъ для третьихъ государствъ, не отличается отъ военныхъ блокадъ въ прямомъ смыслѣ [1]).

5. **Lorimer.** *The Institutes of the Law of Nations.* Vol. I—II. 1883—84. [2]). Въ рѣзкой противоположности къ книгѣ Гооля и ко всѣмъ остальнымъ англійскимъ сочиненіямъ по международному праву стоитъ этотъ трудъ *Лоримера*, проф. въ Эдинбургѣ. Почти не отводя никакого мѣста историческому элементу и очень мало занимаясь литературою нашего предмета, особенно новѣйшею (даже англійскою), Лоримеръ дѣлаетъ попытку путемъ строгаго логическаго анализа установить и развить во всѣхъ его частяхъ *юридическій* законъ отношеній между государствами. Книга его поэтому можетъ быть названа философіею международнаго права. По изложенію и назначенію, авторъ старается придать ей характеръ общедоступный и элементарный, но для полнаго уразумѣнія его философскихъ идей необходимо знакомство съ его предшествовавшимъ трудомъ [3]), посвященнымъ философіи права и на который онъ постоянно ссылается.

Оригинальныя дарованія автора сказываются вполнѣ и въ настоящей книгѣ: умъ самостоятельный и сильный, прежде всего склонный къ отвлеченному мышленію и построенію, Лоримеръ въ своихъ изслѣдованіяхъ старается всегда дойти до природы вещей и ихъ разумнаго существа, но, по странной непослѣдовательности, видитъ въ принципѣ de facto верховное основаніе права. Вообще весьма оригинальный, онъ не свободенъ отъ непослѣдовательности и парадоксальности. Но одна изъ его великихъ заслугъ состоитъ безспорно въ томъ, что онъ будитъ мысль читателя, заставляетъ его самого рабо-

---

1) Ср. критическія замѣтки на книгу Гооля *Арнца* (Revue de dr. intern. 1881, p. 649) и *Кёнига* (Centralblatt für Rechtswiss. 1883. März, S. 229).

2) Въ 1885 г. *Нисъ* (Ernest Nys) издалъ прекрасный, хотя и нѣсколько сокращенный французскій перев. этого соч. въ одномъ томѣ, съ опущеніемъ всѣхъ приложеній оригинала: Principes de Droit international. Полнаго вниманія заслуживаетъ критическій разборъ книги Лоримера, сдѣланный *Rolin-Jaequemyns* въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Revue de dr. intern. 1885, p. 518 и 1886, p. 49) подъ заглавіемъ: Les principes philosophiques du droit international. Въ первой изъ этихъ статей авторъ останавливается на общемъ, философскомъ міровоззрѣніи Лоримера по его Institutes of Law, во второй— даетъ весьма многостороннюю и тонкую оцѣнку всего оригинальнаго ученія о межд. правѣ эдинбургскаго профессора.

3) The Institutes of Law, a treatise of the principles of Jurisprudence as determined by nature. 2 изд. 1880 г.

тать и увлекаться предметомъ, благодаря своеобразности мысли и ясному, мѣстами даже блестящему изложенію. Очевидно, авторъ думалъ долго и съ любовію о великихъ задачахъ международнаго права. Со многими его заключеніями нельзя согласиться, но это не мѣшаетъ его книгѣ быть одною изъ наиболѣе оригинальныхъ и интересныхъ въ новѣйшей литературѣ вообще.

Первый томъ этого сочиненія обнимаетъ введеніе (опредѣленіе и раздѣленіе предмета) и три книги: объ источникахъ международнаго права; о признаніи государствъ и объ ихъ нормальныхъ отношеніяхъ. Въ составъ его вошло и частное международное право.

Общее построеніе предмета, какъ мы сказали, и изложеніе многихъ его частей, вмѣстѣ съ мотивировкою, представляются у автора оригинальными. Между тѣмъ, какъ большинство писателей строитъ международное право на началахъ *независимости* и *равенства* государствъ, Лоримеръ замѣняетъ ихъ принципами *взаимной зависимости* (interdependence) и *признанія*. Первый изъ нихъ, полагаемъ, онъ взялъ изъ экономической науки, гдѣ онъ усердно отстаивается англійскими публицистами. Вліяніе той же науки сказывается сильно и въ ученіи о признаніи, какъ увидимъ ниже. Въ отличіе отъ господствующихъ воззрѣній, основаніе международнаго права авторъ видитъ не во взаимномъ согласіи или доброжелательствѣ (comity) народовъ, а въ естественномъ правѣ, и старается выдвинуть на первый планъ нравственный въ немъ элементъ. Поэтому онъ опредѣляетъ его сперва «какъ естественное право (law of nature), осуществляемое въ сношеніяхъ между народами». Но осуществленіе совершенныхъ сношеній между всѣми разумными единицами (entity) предполагаетъ ихъ свободу или способность для нихъ быть и развиваться сообразно съ ихъ идеею или съ тѣмъ, къ чему ихъ предназначила природа. Отсюда дальнѣйшее, болѣе спеціальное опредѣленіе нашего предмета въ смыслѣ: осуществленія свободы отдѣльныхъ народовъ. «Но ни одна сотворенная единица не можетъ осуществить своей свободы въ одиночествѣ. Всякая власть стоитъ въ зависимости отъ другой и чѣмъ она дѣйствительнѣе, тѣмъ болѣе нуждается въ признаніи и даже защитѣ со стороны властей, принадлежащихъ другимъ единицамъ, Это ведетъ автора къ третьему и окончательному опредѣленію: «международное право есть осуществленіе свободы отдѣльныхъ народовъ, путемъ взаимнаго съ ихъ стороны признанія и утвержденія (защиты) ихъ дѣйствительнаго (real) могущества».

Все оно, по мысли автора, сводится къ тремъ основнымъ ученіямъ: о признаніи, вмѣшательствѣ и нейтралитетѣ. Систематическое же его

построеніе обусловливается тѣмъ, кладутъ ли при этомъ въ основаніе его *объекты* (сношенія) или *субъекты* (лица, носители этихъ сношеній). Въ первомъ отношеніи краеугольнымъ камнемъ является ученіе о признаніи. Изъ него вытекаютъ двоякаго рода отношенія между государствами: нормальныя и анормальныя.

Отношенія нормальныя возникаютъ, когда государства живутъ въ мирѣ и дружбѣ между собою. Ими и исчерпывалось бы международное право, если бы человѣчество было вполнѣ добродѣтельно и благоразумно. Но анормальныя сношенія возникаютъ изъ столкновеній. Война и нейтралитетъ создаютъ такимъ образомъ цѣлый рядъ своеобразныхъ отношеній, хотя и анормальныхъ, но все-таки юридическихъ.

Эта оригинальная систематика едва ли удачна: всѣ анормальныя отношенія право должно стремиться превратить въ строго-юридическія, т. е. нормальныя. Еще менѣе вѣрною является классификація Лоримера съ точки зрѣнія *субъектовъ*. Въ силу послѣднихъ онъ дѣлитъ международное право на публичное, когда субъекты съ обѣихъ сторонъ государства; частное — субъекты одни частныя лица и средняя между обѣими область,—публично-частное, когда субъектами бываютъ государство и граждане другаго государства. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ настоящими дѣйствующими лицами являются государства въ качествѣ членовъ одного юридическаго цѣлаго, международнаго союза.

Также по своему распредѣляетъ авторъ *источники* международнаго права. Первичнымъ и главнымъ является естественное право. Безсознательную форму представляютъ обычаи; сознательную — трактаты и судебные прецеденты. Научныхъ истолкователей (по странному смѣшенію) онъ видитъ въ государяхъ и ихъ министрахъ (собственно въ ихъ дѣйствіяхъ), въ законодательныхъ палатахъ и въ ученыхъ юристахъ, дѣйствующихъ то въ связи съ публичными властями одного или многихъ государствъ, то по одиночкѣ, отъ своего лица. Упоминается еще и объ общественномъ мнѣніи.

Трактаты, по Лоримеру, дѣлятся на три группы, смотря по тому, установляютъ ли они отдѣльный, спорный фактъ между двумя народами, сообразно съ признаннымъ принципомъ, или опредѣляютъ подлежащій спору самый принципъ, который въ будущемъ долженъ направлять ихъ дѣйствія, или высказываютъ такой абсолютный международный принципъ, который не только принимается сторонами, но и будетъ навязываться ими другимъ народамъ.

Выше мы замѣтили, что Лоримеръ вообще занимается мало лите-

ратурой. Однако отъ этого правила находимъ въ его книгѣ два отступленія. Онъ говоритъ о литературѣ по посольскому праву, останавливаясь, впрочемъ, лишь на древнѣйшихъ писателяхъ и въ особой главѣ даетъ намъ очеркъ направленія мыслей по отысканію существа международнаго права. Онъ отличаетъ два главныхъ направленія: болѣе древнее, съ Исидора Севильскаго въ 7 стол. и до 18 в., старавшееся открыть естественный законъ, который управляетъ отношеніями между народами, независимо отъ ихъ произвола и соглашеній, и новѣйшая школа, которая называется историко-практическою, но которую слѣдовало бы переименовать въ историко-эмпирическую. Она, въ противоположность первому направленію, изучаетъ не *законы* международныхъ отношеній, а лишь тѣ *обстоятельства и проявленія практической жизни*, которыя порождаютъ эти отношенія. Отсюда ея безпринципіальность и внутренняя несостоятельность. Нечего говорить, что Лоримеръ даетъ предпочтеніе болѣе древнему направленію. Оно, по его мнѣнію, грѣшило тѣмъ, что недостаточно изучало обстоятельства государственной жизни, которыя должны осуществлять законъ международныхъ сношеній, и слишкомъ все основывало на невѣрной или частичной аналогіи между бытіемъ государства и отдѣльнаго лица, но, съ научной точки зрѣнія, эта ошибка менѣе предосудительна, нежели невѣдѣніе самого названнаго закона и той аналогіи, которая дѣйствительно существуетъ въ его проявленіяхъ въ различныхъ областяхъ правовѣдѣнія. Конечно, нельзя не согласиться съ авторомъ въ томъ, что *цѣль международнаго права, какъ науки, состоитъ въ открытіи законовъ развитія человѣчества и въ установленіи сообразной имъ организаціи коллективной жизни государствъ*. Въ этомъ отношеніи оно совпадаетъ съ философіею исторіи, составляя ея юридическую сторону.

За то мы совершенно расходимся съ нимъ во взглядахъ на кодификацію, которую онъ не одобряетъ, какъ по отношенію нашего предмета, такъ даже касательно національныхъ законовъ. Всѣ кодексы, возражаетъ онъ, опредѣляютъ право лишь въ моментъ ихъ составленія и всякое дальнѣйшее развитіе юридической жизни содержитъ въ себѣ уклоненіе отъ нихъ, поэтому они вѣчно нуждаются въ періодическихъ пересмотрахъ. Странное возраженіе. Неужели отъ того, что человѣку не дано писать совершенные законы, ему слѣдуетъ вовсе отъ нихъ отказаться? Кодексы, какъ и конституціи, въ силу развитія самой жизни, требуютъ, конечно, пересмотровъ и переработокъ, но это не мѣшаетъ имъ быть по идеѣ самыми точными и полными формами положительнаго права. Вотъ почему составленіе

кодекса и для международнаго права есть не болѣе, какъ вопросъ времени.

Съ особенною любовію и подробностію развиваетъ Лоримеръ ученіе о *признаніи* (кн. 2). Ни одинъ писатель не отводитъ ему такое преобладающее значеніе. Весьма искусственна также систематика этого отдѣла. Лоримеръ вплетаетъ въ него не только вопросъ о противодѣйствіи войнамъ, международной организаціи, но и о формахъ правленія и различіяхъ въ строѣ государствъ. Можно только подивиться умѣнью автора связать столь разнообразные вопросы съ излюбленною имъ теоріею признанія, съ которою они въ сущности очень мало имѣютъ общаго. Не оспаривая ея значенія вообще, мы находимъ, однако, что авторъ слишкомъ далеко раздвигаетъ ея рамки на счетъ другихъ, для нашего предмета не менѣе важныхъ и самостоятельныхъ принциповъ. Нельзя назвать удачнымъ, по отвлеченности и многословію, самое опредѣленіе, которое онъ даетъ полному политическому признанію: «это есть формальная декларація результата того индуктивнаго процесса, посредствомъ котораго извѣстная политическая единица (one separate political entity) приходитъ къ убѣжденію, что другая такая же единица, феноменально ей представляющаяся (phenomenally presented to it) обладаетъ самостоятельнымъ политическимъ бытіемъ или, въ другихъ словахъ, способна нести обязанности, а слѣдовательно, можетъ претендовать на права, которыя соединяются съ международнымъ существованіемъ».

Признанія бываютъ различны по *мѣстностямъ*, на которыя они простираются (въ территоріальномъ отношеніи) и по своему внутреннему *существу*. Въ первомъ отношеніи они бываютъ полныя, частичныя и естественныя или просто человѣческія. Эта классификація соотвѣтствуетъ дѣленію человѣчества въ политическомъ отношеніи на три области: цивилизованное, варварское и дикое. Полное признаніе простирается на всѣ государства Европы и Америки съ ихъ колоніями; частичное—на государства Азіи (не исключая Турціи), естественное—на остальное затѣмъ человѣчество (очевидно, политически не организованное). Съ точки зрѣнія природы признанія, оно, по автору, бываетъ либо абсолютнымъ, либо относительнымъ.

Первое условіями своими имѣетъ наличность въ государствахъ того, что онъ называетъ reciprocating will и reciprocating power, т. е. *волю* и *власть* отвѣчать взаимностью на актъ признанія. Относительное же признаніе основывается на *относительной оцѣнкѣ* (value) государствъ съ международной точки зрѣнія. Волѣ на взаимность въ дѣйствительной жизни препятствуютъ то извѣстныя религіозныя, то

политическія вѣрованія. Въ первомъ отношеніи всѣ откровенныя религіи, за исключеніемъ христіанства, покоются на исключительности, т. е. на идеѣ порабощенія, даже насильственнаго, всего имъ чуждаго. Нельзя не обратить вниманія на слова автора по этому поводу о христіанствѣ. Разумѣется, онъ не оспариваетъ нетерпимости католичества, но говоритъ, что въ этомъ оно чуждо чистой идеѣ христіанства. Политическою нетерпимостью страдаютъ не только монархіи, но и республики (Римъ, Франція въ 1793 г.), а въ новѣйшее время ею отличаются и анархисты (коммунисты во Франціи, нигилисты въ Россіи).

Вообще этотъ отдѣлъ книги Лоримера заслуживаетъ полнаго вниманія, бросая свѣтъ на тѣ тенденціи въ жизни народовъ, которыя съ ихъ совмѣстною дѣятельностію не соединимы. Въ процессѣ признанія авторъ различаетъ три стадія: признаніе государства, отдѣлившагося отъ другаго, къ качествѣ воюющаго (причемъ онъ останавливается довольно подробно на признаніи Англіею отдѣлившихся южныхъ Штатовъ воюющею стороною въ 1861 г.); вступленіе съ нимъ въ торговыя сношенія и полное, формальное признаніе. Послѣднее опредѣляетъ, но не создаетъ юридическія сношенія между отдѣльными политическими единицами. Простое сосуществованіе установляетъ между ними лишь сношенія, но сосуществованіе сознательное ведетъ къ правамъ и обязанностямъ, причемъ власть является мѣриломъ послѣднихъ и способомъ ихъ осуществленія и защиты (enforcement).

Всякое государство, требующее признанія, должно обладать не только внѣшнею, но и внутреннею свободою. Послѣднею государства, какъ и частныя лица, не пользуются, вслѣдствіе несовершеннолѣтія, безумнаго состоянія (прирожденнаго или возникшаго исторически) и совершаемыхъ ими преступленій. Въ иныхъ случаяхъ они лишаются этой свободы, благодаря своимъ правительствамъ. Такое перенесеніе явленій физической и психической жизни человѣка на народы или государства намъ представляется произвольной игрой аналогіями.

Изложивъ ученіе объ абсолютномъ признаніи, авторъ переходитъ къ относительному. Но если мы видимъ научный прогрессъ въ томъ, что онъ не вѣритъ въ *абсолютную* независимость и самодержавіе государствъ, замѣняя ихъ идеею взаимной ихъ *зависимости* другъ отъ друга, мы не можемъ одобрить его критику принципа ихъ *равенства*. Лоримеръ считаетъ его для международныхъ сношеній даже предосудительнѣе всемірной монархіи или олигархическаго начала, выразившагося въ пентархіи. Одно опредѣленіе *относительнаго значенія* государствъ, какъ оно установляется жизнію, способно, безъ

посредства войны, повести къ международной организаціи и относительно болѣе прочному миру. При этомъ должно обращать вниманіе на слѣдующіе четыре фактора: 1) на *величину* государствъ, или на *количество* составляющихъ его элементовъ (территорія и населеніе); 2) на содержаніе или ихъ *качество* (матеріальное благосостояніе, опредѣляемое чистымъ доходомъ, вывозомъ и ввозомъ), нравственное и умственное развитіе (военная сила, народное образованіе); 3) на *форму* государствъ или на способы *соединенія* ихъ элементовъ (государства простыя и сложныя, причемъ федераціи называются непрочными по существу) и, наконецъ, 4) на форму правительствъ или способы приведенія ихъ силъ въ *дѣйствіе*. Онъ отвергаетъ идеальную форму правленія; но послѣдовательно ли это со стороны писателя, который всюду отыскиваетъ идеальный типъ сношеній между народами? Самое дѣленіе имъ формъ государственнаго устройства, по степени ихъ, такъ сказать, международной годности, произвольно: конституціонныя монархіи, представительныя республики, государства конституціонныя, выражающія разумную волю народа лишь до извѣстной степени, не конституціонныя, гдѣ общая воля сказывается лишь въ органическомъ строеніи общества, псевдо-деспотическія и демократическія.

Во всей этой теоріи много, безспорно, новыхъ и дѣльныхъ мыслей. На ней слѣдуетъ покоиться *политической* сторонѣ международной организаціи, но *юридически* невѣрно отвергать принципъ равенства народовъ между собою. Онъ вытекаетъ изъ духовнаго существа ихъ природы, какъ личности, а не изъ удѣльнаго, такъ сказать, ихъ вѣса въ политическомъ отношеніи. Что бы ни говорилъ Лоримеръ, но его теорія ведетъ въ принципѣ къ порабощенію слабыхъ сильными.

Послѣдняя (3) книга перваго тома посвящена *нормальнымъ* между ними *сношеніямъ*. Они дѣлятся на двѣ обширныя группы, смотря по тому, вытекаютъ ли они изъ взаимнаго довѣрія или изъ потребности взаимнаго содѣйствія.

Къ первой группѣ относятся: сношенія политическія и дипломатическія, торговыя или консульскія, взаимное признаніе государствами ихъ публичнаго, а также частнаго права. Содѣйствіе имѣетъ въ виду упроченіе свободы либо мирнымъ способомъ (европейскій концертъ), либо посредствомъ войны (священный союзъ). Говоря о немъ, авторъ указываетъ, въ чемъ состоитъ взаимная зависимость государствъ другъ отъ друга.

Во второмъ томѣ Лоримеръ говоритъ объ анормальныхъ юридическихъ отношеніяхъ между государствами (кн. 4), стараясь найти

юридическую цѣль и границу *войнѣ* и *нейтралитету*. Здѣсь наиболѣе любопытны: попытка автора обосновать право призовъ на морѣ какъ нѣкую экспропріацію (хорошо разбираемую Роленъ-Жекменомъ) и воззрѣніе его на свободу торговли нейтральныхъ подданныхъ. Но едва ли не самый примѣчательный отдѣлъ этого сочиненія составляетъ кн. 5, предметомъ своимъ имѣющая: конечную проблемму международнаго права, или вопросъ о *международной организаціи*. Относящіяся сюда мысли Лоримера мы излагаемъ подробно въ послѣдней главѣ настоящаго труда.

6. **Мартенсъ.** *Современное международное право цивилизованныхъ народовъ.* Два тома. 1882—83 г.

Между новѣйшими изслѣдованіями по международному праву нельзя не отвести видное мѣсто этому новому труду г. Мартенса, уже извѣстнаго нашей читающей публикѣ многими своими сочиненіями, критическими статьями и въ особенности изданіемъ трактатовъ Россіи съ иностранными державами [1]).

Авторъ излагаетъ въ двухъ томахъ все международное право какъ во время мира, такъ и войны, какъ публичное такъ и частное.

Первый томъ, соотвѣтствуя его лекціямъ на 3-мъ курсѣ въ Петербургскомъ университетѣ, распадается на два большіе отдѣла: введеніе и часть общая.

Въ *введеніи* говорится *объ общихъ и основныхъ понятіяхъ* предмета: 1) его основаніе, опредѣленіе, задача и цѣль, систематика, пространство дѣйствія, отношеніе къ другимъ юридическимъ и политическимъ наукамъ, источники и кодификація; 2) очеркъ исторіи международныхъ отношеній, и 3) развитіе науки международнаго права.

Часть общая, посвященная *основнымъ вопросамъ* международнаго права, дѣлится на четыре главы: 1) право международнаго общенія; 2) о субъектахъ международнаго права; 3) государственная территорія и пути международныхъ сообщеній, и 4) международные договоры.

Сочиненіе проф. Мартенса отличается многими безспорными достоинствами: во 1-хъ, оригинальностью системы, въ основаніе которой онъ кладетъ принципъ международнаго *общенія*, хотя и не дѣлаетъ всѣхъ вытекающихъ изъ него выводовъ по отношенію къ международной *организаціи;* во 2-хъ, обиліемъ историческаго и практическаго

---

[1]) Въ вышедшихъ доселѣ семи томахъ обнародованы трактаты Россіи съ Австріею (1648—1878) и съ Германіею (1656—1824). Къ нимъ написаны авторомъ историческія поясненія.

матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ трактатовъ и обычаевъ. Собственно научный элементъ, сравнительно съ ними, отступаетъ на второй планъ. Весьма сдержанный въ своихъ сужденіяхъ о политическихъ событіяхъ, авторъ относится вообще съ большимъ, иногда даже излишнимъ, недовѣріемъ къ реформамъ и улучшеніямъ международныхъ сношеній. Въ 3-хъ, для русскихъ читателей особую цѣну придаютъ его книгѣ многочисленныя указанія на исторію дипломатическихъ сношеній Россіи, почерпнутыя большею частью изъ первыхъ источниковъ, часто даже еще не обнародованныхъ.

Словомъ, какъ изложеніе *положительнаго* и *современнаго* международнаго права, сочиненіе проф. Мартенса заслуживаетъ полнаго вниманія не только въ нашей, но и въ общеевропейской литературѣ [1]). Хорошо знакомый съ новѣйшею дипломатіею, авторъ останавливается на всѣхъ интересныхъ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ (Берлинскомъ конгрессѣ, занятіи Босніи и Герцеговины Австріею, острова Кипра Англіею, на протекторатѣ Франціи надъ Тунисомъ и т. д).

Но несмотря на эти достоинства разбираемаго нами сочиненія, многое въ немъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, подлежитъ критикѣ. Нельзя одобрить, въ систематическомъ отношеніи, что въ *введеніи* общія теоретическія опредѣленія предмета разбиваются на двѣ половины историческимъ и литературнымъ очерками.

Г. Мартенсъ разбираетъ довольно подробно *возраженія противъ международнаго права* и отрицательное къ нему отношеніе объясняетъ причинами двоякаго рода: преобладаніемъ въ юридическомъ образованіи на Западѣ Европы римскаго права и реалистическимъ направленіемъ новѣйшей исторической науки и отчасти правовѣдѣнія.

При этомъ онъ полемизируетъ противъ Іеринга, стоящаго во главѣ современныхъ юристовъ, для которыхъ существенный признакъ права заключается въ принужденіи или силѣ. Авторъ высказывается за *кодификацію* международнаго права, что особенно важно со стороны приверженца положительнаго направленія, котораго онъ держится. Но эта кодификація, будучи, однако, дѣломъ весьма сложнымъ и труднымъ, не можетъ быть выполнена силами единичнаго лица. Для этого необходимы дружныя усилія ученыхъ всѣхъ образованныхъ націй, и г. Мартенсъ находитъ весьма желательнымъ учрежденіе въ различныхъ европейскихъ государствахъ частныхъ обществъ съ цѣлію изученія вопросовъ международнаго права. Они должны бы поддерживать между собою постоянную связь и стараться дѣйствовать на обще-

---

[1]) Соч. г. Мартенса перев. на нѣм. яз. Bergbohm и на франц. Léo.

ственное мнѣніе въ смыслѣ его просвѣтленія и наставленія. Справедливо замѣчаетъ онъ, что въ дѣлѣ этой кодификаціи Институтъ международнаго права можетъ принести наибольшую пользу. Покровительствовать попыткамъ этого рода поставило себѣ цѣлью также и русское «Общество международнаго права», учрежденное въ Петербургѣ въ 1880 г.

Полнаго одобренія заслуживаетъ въ разбираемомъ нами сочиненіи то, что въ немъ отводится мѣсто *исторіи* международныхъ отношеній. Основной законъ прогрессивнаго развитія этихъ отношеній авторъ усматриваетъ въ томъ началѣ, которое проходитъ чрезъ всю историческую жизнь народовъ, а именно *въ началѣ уваженія человѣческой личности*. Самую же эту исторію онъ дѣлитъ на три періода. Первый обнимаетъ время до Вестфальскаго конгресса 1648 г. и опредѣляется по преимуществу началомъ полнѣйшей разобщенности [1]) народовъ и господства между ними физической силы. Второй періодъ идетъ съ 1648 г. до Вѣнскаго конгресса. Мы предпочли бы концомъ его считать 1789 г. Впродолженіе его господство физической силы и изолированность между народами уступаютъ мѣсто новому принципу—идеѣ политическаго равновѣсія. Третій періодъ продолжается съ 1815 г. до настоящаго времени. Въ теченіе его руководящимъ началомъ международныхъ отношеній является принципъ національности. Кромѣ того, онъ характеризуется необыкновеннымъ развитіемъ торговыхъ и экономическихъ сношеній между народами и соотвѣтствующихъ имъ путей и средствъ сообщеній, какъ-то: почтъ, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Крымская война составляетъ въ этомъ періодѣ переломъ и раздѣляетъ его на два отдѣла, изъ которыхъ второй начинается съ 1856 г.

Какая идея будетъ служить руководящимъ началомъ международныхъ отношеній въ новый, наступившій періодъ—рѣшить трудно, но г. Мартенсъ полагаетъ, и съ нимъ нельзя не согласиться, что это будетъ *идея права* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Къ этому же выводу пришелъ еще ранѣе Бульмеринкъ.

Противъ классификаціи автора можно замѣтить, что напрасно смѣшиваетъ онъ въ одномъ періодѣ древность и средніе вѣка. Хотя въ обѣ эти эпохи международное право не существовало, но въ средніе вѣка нѣкоторые факторы политической и общественной жизни послу-

---

[1]) Было бы вѣрнѣе сказать просто: разобщенности, которая не была *полнѣйшая*, такъ какъ и въ древности можно прослѣдить сродство между цивилизаціями.

жили для него первыми зародышами, что признаетъ и авторъ, замѣчая, что въ этомъ отношеніи они составляютъ ступень ко второму періоду.—Переходя къ частностямъ историческаго очерка, отмѣтимъ, что при перечисленіи литературныхъ пособій г. Мартенсъ не упоминаетъ о русскихъ. О народахъ древняго Востока онъ говоритъ вскользь, останавливаясь немного на Индіи. Во время войны въ Индіи, по его словамъ, допускались всевозможныя звѣрства и насилія въ отношеніи непріятеля и въ завоеванной странѣ.

Слѣдовало однако упомянуть, что законы Ману и Второзаконіе высказали первыя смягченія жестокостей на войнѣ, для той эпохи весьма замѣчательныя. Это умолчаніе тѣмъ болѣе странно, что авторъ касается правилъ, даваемыхъ тѣмъ же индійскимъ законодателемъ посланникамъ. О воззрѣніяхъ древнихъ писателей и философовъ на международныя отношенія умалчивается совершенно, вопреки поставленной себѣ авторомъ задачѣ дать намъ въ этомъ очеркѣ именно характеристику идей. Пробѣлъ этотъ сказывается еще сильнѣе въ отдѣлѣ о среднихъ вѣкахъ. Этотъ періодъ изложенъ чрезвычайно кратко: о вліяніи христіанства на международныя сношенія говорится очень мало, а о магометанствѣ (что такъ хорошо изложено у г. Иванова) вовсе не упоминается. Нѣтъ также обсужденія международнаго значенія Германской имперіи, вліянія рыцарства на право войны и торговыхъ сношеній на морское право.

Въ виду этихъ существенныхъ пробѣловъ мы должны признать очеркъ Каченовскаго (сдѣлавшійся, къ сожалѣнію, библіографическою рѣдкостію) болѣе полнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ цѣлямъ научнаго изложенія международныхъ сношеній до конца среднихъ вѣковъ.

Въ очеркѣ новой исторіи должно отмѣтить параграфъ, посвященный первоначальнымъ сношеніямъ Россіи съ западными государствами до Ништадскаго мира. Раздѣлъ Польши авторъ не порицаетъ ни единымъ словомъ и едва останавливается на международномъ значеніи французской революціи. Въ перечнѣ событій онъ доходитъ до Берлинскаго конгресса 1878 г. и въ заключеніе высказывается противъ принципа національности, явившагося протестомъ противъ произвольнаго распоряженія судьбою даннаго народа, противъ продажи государственной территоріи вмѣстѣ съ ея населеніемъ, отдачи ея въ приданое и другихъ подобныхъ сдѣлокъ, обыкновенныхъ въ прежнее время. Осуществленіе его, по мысли автора, должно повести къ радикальному измѣненію политической карты Европы и, слѣдовательно, вызвать международныя войны. Кромѣ того мы не имѣемъ никакого ручательства, что сложившіяся національныя государства будутъ про-

никнуты не только сознаніемъ внутренняго единства, но и уваженіемъ къ юридическому порядку въ области своихъ взаимныхъ отношеній, что они будутъ признавать обоюдныя права и обязанности.

Къ достоинствамъ книги г. Мартенса, особенно проявляющимся и въ историческомъ отдѣлѣ, относятся многочисленныя указанія на *литературу* и по преимуществу *новѣйшую*. О развитіи науки международнаго права говорится даже, какъ мы видѣли, въ особомъ отдѣлѣ. Авторъ различаетъ въ этомъ развитіи три періода: господства естественнаго права (Гроцій, Пуфендорфъ, Вольфъ и Ваттель), преобладанія положительнаго направленія (Зёчи, Рахель, Мозеръ, Бинкерсгукъ) и соединенія философскихъ началъ съ положительными элементами (Георгъ Мартенсъ и новѣйшіе писатели). Совершенно произвольнымъ представляется намъ то соотвѣтствіе, которое усматриваетъ г. Мартенсъ между этими періодами и періодами исторіи международныхъ отношеній. Они не совпадаютъ ни по времени, ни, главное, по существу. Можно ли, напр., утверждать, что «представители естественнаго права логически пришли къ тому же началу силы, какъ основанію взаимныхъ отношеній государствъ. Они учили, что наиболѣе могущественное государство имѣетъ и наиболѣе правъ»? Абсолютность ихъ ограничивалась будто бы только во имя религіи, совѣсти и чести. Новѣйшую литературу авторъ излагаетъ по народамъ. Очень не жалуя англо-американскихъ юристовъ за недостатокъ въ нихъ критическаго смысла и преобладанія въ ихъ разсужденіяхъ политическихъ и патріотическихъ соображеній, онъ ставитъ на видъ, что наука международнаго права значительно обязана своимъ развитіемъ изслѣдованіямъ талантливыхъ и трудолюбивыхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Объ итальянской литературѣ онъ отзывается, что она стремится стать на высоту современныхъ научныхъ требованій и чутко относится ко всѣмъ вопросамъ, возникающимъ въ международной жизни. Наконецъ, вопреки заявленію, сдѣланному имъ въ предисловіи [1]), г. Мартенсъ останавливается немного и на русской литературѣ, посвящая по нѣскольку строкъ сочиненіямъ Каченовскаго, Стоянова, Капустина и Бялэцкаго. О трудѣ Каченовскаго находитъ нужнымъ сказать только, что онъ не оконченъ и останавливается на исторіи международныхъ отношеній въ средніе вѣка. Сочиненіе же г. Иванова тутъ вовсе не упоминается.

---

[1]) «Русской литературы по международному праву, замѣчаетъ онъ, собственно говоря, *совсѣмъ не существуетъ*, и до сихъ поръ нѣтъ ни одного систематическаго руководства по этой наукѣ, составленнаго русскимъ ученымъ».

Переходимъ къ *части общей*. Наиболѣе въ ней интересна глава первая, посвященная праву международнаго общенія. Глава вторая говоритъ о субъектахъ этого права. Было бы систематичнѣе сперва изложить ученіе о государствахъ, какъ личностяхъ въ международномъ союзѣ, и затѣмъ перейти къ принципу общенія, связывающему ихъ въ одно органическое цѣлое. Этотъ принципъ авторъ изучаетъ со всѣхъ сторонъ (его опредѣленіе, развитіе, основныя начала и задачи, вызываемые имъ организація и органы) и кладетъ его, повидимому, во главу всей своей научной системы. Мы говоримъ, *повидимому*, потому что воззрѣнія его на этотъ, въ принципіальномъ отношеніи, главнѣйшій пунктъ сбивчивы, смутны и даже противорѣчивы.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Большинство представителей международнаго права до настоящаго времени держится еще того взгляда, что права и обязанности, принадлежащія государствамъ въ области внѣшнихъ отношеній, имѣютъ своимъ единственнымъ основаніемъ *суверенитетъ*, взаимную самостоятельность и *независимость* государствъ. Мы отказываемся отъ этой точки зрѣнія, ибо логически она приводитъ къ неразрѣшимой правовымъ образомъ коллизіи законодательствъ и интересовъ отдѣльныхъ народовъ. *Порядокъ и право* въ занимающей насъ области *зиждятся на международномъ общеніи, а не на суверенности государствъ*».

Вполнѣ вѣрно, но съ этимъ плохо вяжется слѣдующее мѣсто: «международное общеніе остается и по существу своему *должно быть свободной ассоціаціей независимыхъ государствъ*»; и немного далѣе: «*въ основаніи его лежитъ начало независимости государствъ*». Если это начало независимости (суверенитета) основное, то, очевидно, общеніе превращается въ пустой орѣхъ, какъ выразился одинъ изъ его критиковъ.

Къ сожалѣнію, эта шаткость не случайная, но проходитъ чрезъ всю разбираемую нами главу. Необходимость *организаціи* международнаго общенія, продолжаетъ г. Мартенсъ, вытекаетъ изъ самаго существа союза, ассоціаціи народовъ. По ихъ дѣйствіямъ должно заключить, что они сами чувствуютъ потребность измѣнить *фактическое общеніе*, ихъ соединяющее, *въ формальный юридическій порядокъ*. Но *органами* этого новаго порядка авторъ признаетъ одни конгрессы и конференціи, добавляя, что «у него (этого порядка) нѣтъ органовъ законодательной, исполнительной и судебной власти». Однако, г. Мартенсъ рядомъ съ этимъ одобряетъ попытки «ввести общее международное *законодательство*» по нѣкоторымъ вопросамъ и существованіе «*международныхъ административныхъ учрежденій*, съ компе-

тенціей и средствами дѣйствія отдѣльными отъ мѣстной территоріальной власти». Это, добавляетъ онъ, совершенно самостоятельныя учрежденія. Онъ отвергаетъ и идею международнаго суда, но по нашему мнѣнію, неосновательно и въ силу ошибочнаго преувеличенія понятія о суверенитетѣ государствъ. Если они въ силу собственныхъ потребностей, какъ сознается г. Мартенсъ, стали въ наше время «отказываться отъ осуществленія *административныхъ своихъ правъ*, которыя прежде разсматривались какъ неотъемлемая регалія каждаго независимаго государства», то, добавимъ мы, нѣтъ причины отвергать въ принципіальномъ отношеніи справедливости того же и въ области судебной. Развѣ логика въ обоихъ случаяхъ не одна и та же? Г. Мартенсъ, впрочемъ, оговаривается, что «развитіе въ нынѣшнемъ столѣтіи третейскаго разбирательства международныхъ споровъ показываетъ, что современныя государства находили болѣе выгоднымъ для себя *учрежденіе именно суда* для прекращенія своихъ несогласій, чѣмъ другія насильственныя средства ихъ разрѣшенія».

Мы не понимаемъ безъ суда существованіе «формальнаго юридическаго порядка», къ которому стремятся народы, по собственнымъ же словамъ г. Мартенса.

Впрочемъ, онъ и въ международной области допускаетъ косвенно законодательную и судебную власть, сосредоточивая ее въ рукахъ *политическихъ* и *періодическихъ*, т. е. болѣе или менѣе случайныхъ, собраній. Мы говоримъ о конгрессахъ. Они, по мысли петербургскаго профессора, призваны «разрѣшать возникающія между государствами споры и обсуждать вопросы, касающіеся важныхъ жизненныхъ интересовъ государствъ и цѣлаго международнаго союза».

Но и тутъ подмѣчаемъ противорѣчіе: «авторитетъ и власть этихъ собраній вытекаютъ изъ добровольнаго соглашенія государствъ», а съ другой стороны: «они суть органы международнаго общенія, *но никакъ не отдѣльныхъ* государствъ, пославшихъ на нихъ своихъ представителей».

Описывая дѣятельность конгрессовъ и конференцій съ одной формальной стороны, г. Мартенсъ не останавливается на ихъ недостаткахъ и на требуемыхъ послѣдними реформахъ.

Указанная нами шаткость въ его основныхъ воззрѣніяхъ проистекаетъ изъ того, что носителями и двигателями международныхъ отношеній онъ признаетъ *отдѣльныя государства*, а не *государства какъ члены одного высшаго юридическаго цѣлаго — пока международнаго союза, но въ сущности всего человѣчества*. Съ этой точки зрѣнія суверенитетъ ихъ умѣряется и преобразуется принципомъ об-

щенія. Мы знаемъ, что г. Мартенсъ протестуетъ противъ дѣлаемаго нами толкованія его основной точки зрѣнія на нашъ предметъ, но тѣмъ не менѣе это толкованіе подтверждается его же собственными мыслями при внимательномъ чтеніи его книги.

Вторая глава, какъ мы сказали, предметомъ своимъ имѣетъ субъекты международныхъ сообщеній. Хотя таковыми ему представляются единственно государства, но, по примѣру Моля, онъ въ этой же главѣ говоритъ о государяхъ, членахъ ихъ семействъ и свиты, объ общественныхъ классахъ и частныхъ лицахъ, какъ «субъектахъ правъ въ области международныхъ сообщеній». Нельзя одобрить въ систематическомъ отношеніи это смѣшеніе весьма разнообразныхъ элементовъ. Международныя *свойства* государствъ г. Мартенсъ отдѣляетъ далѣе отъ ихъ *правъ*. Оригинальное, но неудачное соединеніе воззрѣній Блюнчли и Гефтера. Къ свойствамъ относятся: суверенитетъ, дѣеспособность и равноправность. Права составляютъ: право самосохраненія, территоріальности, независимости, право на уваженіе и честь и на международныя сообщенія. Разграничительной черты этой странной классификаціи не указано, да ея и не существуетъ.

Говоря о правѣ независимости, авторъ останавливается и на *вмѣшательствѣ*. Онъ называетъ его *непрошеннымъ* заинтересованными и находящимися въ спорѣ сторонами вступательствомъ въ ихъ дѣла и взаимныя отношенія. Если это вступленіе «прошенное», оно будетъ посредничествомъ. По своему существу вмѣшательство не есть «право» какого либо государства и задача современной науки въ этомъ вопросѣ заключается въ устраненіи тѣхъ исключеній изъ начала невмѣшательства, которыя допускаются еще авторитетными публицистами и часто подрываютъ силу самаго принципа.

Г. Мартенсъ различаетъ два вида вмѣшательства: во внутреннія дѣла другаго народа и во внѣшнія отношенія, существующія между конкретными державами.

Въ первомъ отношеніи дѣлается различіе между цивилизованными и нецивилизованными народами. Въ сношеніяхъ между цивилизованными народами вмѣшательство въ принципѣ не допускается: оно всегда незаконно, ибо противорѣчитъ независимости государствъ.

Но, спѣшитъ оговориться авторъ, возможны особенные случаи (хотя *всѣ* исключенія опасны!), оправдывающіе и вмѣшательство во внутреннія дѣла образованнаго государства. Это вызывается *интересами международнаго общенія*. Не послѣдовательнѣе ли было бы сказать *правомъ?* Мы допускаемъ, продолжаетъ авторъ, по исключенію *коллективное* вмѣшательство и настаиваемъ именно на общихъ

дѣйствіяхъ, предпринимаемыхъ противъ даннаго государства по взаимному соглашенію не только двухъ или трехъ державъ, но всѣхъ руководящихъ.

Поставленное на эту почву, скажемъ мы, т. е. съ точки зрѣнія международнаго права (а не *отдѣльнаго* государства), вмѣшательство, по идеѣ *коллективное*, становится и *правомъ*. Въ этомъ смыслѣ выражаются новѣйшіе писатели Фіоре, Олива. Но главнымъ пунктомъ является вопросъ о конкретныхъ случаяхъ, могущихъ оправдать вмѣшательство въ этомъ новомъ смыслѣ.

Г. Мартенсъ, слѣдуя Гефтеру, приводитъ три мотива, изъ которыхъ развѣ одинъ допустимъ: 1), когда извѣстныя государства по трактату взяли на себя поручительство въ обезпеченіи устройства данной страны (гарантія liberum veto въ сеймахъ Польской республики, принятая на себя Россіей, Австріей и Пруссіей, оправдывала вмѣшательство этихъ державъ во внутреннія дѣла Польши). Будучи ненормальнымъ явленіемъ, такое поручительство однако, *если оно основано на трактатѣ*, не можетъ быть отрицаемо.

Напротивъ и въ этомъ случаѣ оно должно быть отвергнуто, какъ отжившее наслѣдіе династической политики. Международное право не призвано давать гарантіи никакой формѣ политическаго устройства.

2) Если внутренній государственный переворотъ нарушаетъ положительныя законныя права другихъ державъ (объявленіе Ламартина въ 1849 г. о необязательности для республиканской Франціи Вѣнскихъ трактатовъ). Тутъ вмѣшательство справедливо съ международной точки зрѣнія. Если названнымъ переворотомъ нарушены права не всего союза, а отдѣльнаго государства, послѣднее имѣетъ противъ этого право войны, а не вмѣшательства.

3) Если вмѣшательство вызывается вмѣшательствомъ другаго государства (контръ-вмѣшательство).

Мы сами прежде, по примѣру Гефтера, допускали этотъ мотивъ [1]), но по дальнѣйшимъ размышленіямъ убѣдились, что въ этомъ случаѣ законна будетъ война, а не вмѣшательство.

Въ сношеніяхъ же цивилизованныхъ народовъ съ нецивилизованными вмѣшательство, кромѣ названныхъ случаевъ, оправдывается еще, когда христіанское населеніе подвергается со стороны послѣднихъ гоненію или убіенію. Въ этомъ случаѣ вмѣшательство узаконяется общностью религіозныхъ интересовъ и соображеніями человѣколюбія. Въ сношеніяхъ между образованными народами этотъ мо-

---

1) *Мое* соч. Начало невмѣшательства. Москва. 1874 г.

тивъ, по автору, вопреки мнѣнію Блюнчли и Филлимора, не долженъ имѣть примѣненія, ибо они признаютъ законное обезпеченіе религіозной свободы.

Мы полагаемъ однако, что и между цивилизованными государствами вмѣшательство въ указанномъ случаѣ справедливо во имя высшаго принципа человѣколюбія, долженствующаго быть признаннымъ и въ международномъ правѣ [1]).

Вмѣшательсто во внѣшнія отношенія, по г. Мартенсу, справедливы въ двухъ случаяхъ (и тутъ мы съ нимъ совершенно согласны): съ цѣлію положить конецъ стремленію даннаго государства основать всемірную монархію и въ случаѣ нарушенія трактатовъ, имѣющихъ силу общеобязательныхъ международныхъ законовъ. Строго говоря, оба эти повода можно свести къ одному — *къ нарушенію основныхъ законовъ международнаго права*. Вотъ единственно, что создаетъ *право вмѣшательства*, но, какъ замѣчено выше, не отдѣльнаго государства, а всего международнаго союза.

Въ заключеніе этого интереснаго отдѣла г. Мартенсъ совершенно вѣрно отрицаетъ «за какимъ нибудь однимъ государствомъ или союзомъ государствъ, въ родѣ пентархіи, исключительное право вмѣшиваться во взаимныя отношенія другихъ державъ или имѣть надзоръ за всѣми международными сношеніями, которыя происходятъ въ предѣлахъ опредѣленной части материка или части свѣта». Дѣльно разбирая теорію Монрое, онъ справедливо возстаетъ противъ претензіи С. Штатовъ руководить всѣми внѣшними отношеніями американскихъ государствъ и выставляемаго ими извѣстнаго афоризма: «Америка принадлежитъ Американцамъ».

Въ послѣдней, четвертой главѣ «о международныхъ договорахъ» оспариваемымъ представляется намъ мнѣніе г. Мартенса о томъ, будто бы «юридическое значеніе этихъ договоровъ основывается единственно на признаніи правоспособности одного государства другимъ».

Новою должна быть названа попытка его классифицировать трактаты (очень близко подходящая къ дѣленію ихъ, предлагаемому Скіатарелла) на *политическіе* и *соціальные*. «Къ первымъ принадлежатъ, напр., всѣ договоры, касающіеся территоріальныхъ владѣній государствъ, международныхъ повинностей, правъ и обязанностей въ отношеніи открытаго моря, всѣ мирные трактаты и др. Договоры

---

[1]) Съ утвержденіемъ атеистическихъ ученій станутъ весьма возможны и въ Европѣ гоненія на христіанъ. Международное право, отстаивая принципъ религіозной свободы, въ такихъ случаяхъ узаконяетъ вмѣшательство, какой бы вѣры ни были гонимые.

соціальные имѣютъ въ виду удовлетвореніе соціальныхъ интересовъ и культурныхъ стремленій, какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и лицъ. Къ нимъ должны быть отнесены: конвенціи о литературной собственности, выдачѣ преступниковъ, натурализаціи, правахъ и обязанностяхъ различныхъ духовныхъ обществъ, въ особенности же международные торговые договоры, о судоходствѣ и мореплаваніи. Подъ эти двѣ категоріи подходятъ всѣ международныя обязательства, какой бы формы они ни были и какъ бы они ни назывались».

Черезъ годъ послѣ перваго тома вышелъ *томъ второй*, обнимающій лекціи проф. Мартенса на 4 курсѣ. По объему и богатству содержанія онъ превосходитъ первый. Весь онъ посвященъ части *особенной*, которая предметомъ своимъ имѣетъ ученіе *о международномъ управленіи* (или администраціи) и о проявленіи его въ различныхъ областяхъ человѣческой жизни. Распадается второй томъ на 8 главъ или на три раздѣла.

Установивъ понятіе о международномъ управленіи и его органахъ (гл. 1), авторъ разсматриваетъ затѣмъ это управленіе въ сферѣ духовныхъ физическихъ и экономическихъ интересовъ (раздѣлъ первый). Духовными интересами народовъ опредѣляются отношенія между ними, основанныя на общихъ *религіозныхъ вѣрованіяхъ* и касающіяся области *науки* и *искусства* (гл. 2). Въ этой главѣ рѣчь идетъ о религіозныхъ отношеніяхъ между христіанскими народами (конкордаты съ римско-католическою церковью) и о таковыхъ же отношеніяхъ между христіанскими и нехристіанскими народами. Въ области собственно умственной авторъ останавливается подробно на правѣ международной литературной собственности, излагая его въ историческомъ отношеніи, по теоріи, законодательствамъ и международнымъ конвенціямъ. Отъ духовныхъ интересовъ г. Мартенсъ переходитъ къ *физическимъ* и *экономическимъ* (гл. 3). Съ точки зрѣнія международныхъ отношеній и всемірнаго хозяйства изучаетъ онъ важные и весьма интересные вопросы о переселеніяхъ (или эмиграціи), натурализаціи и мѣрахъ относительно охраны народнаго здравія. Въ области экономической онъ говоритъ о коммерческихъ трактатахъ, таможенныхъ союзахъ, о путяхъ и средствахъ международныхъ сообщеній (естественныхъ: моря, рѣки, проливы, каналы, и искусственныхъ: почта, телеграфъ, желѣзныя дороги), наконецъ, о международныхъ мѣрахъ, вѣсахъ, монетѣ и объ общей охранѣ промышленной собственности. Раздѣлъ второй занимается международнымъ управленіемъ въ области *правовыхъ* интересовъ подданныхъ и народовъ. Говоря иначе, это

частное международное право: гражданское (гл. 4) и уголовное (гл. 5). Послѣдній, третій раздѣлъ своимъ предметомъ имѣетъ то же управленіе, но въ области *принудительнаго охраненія* интересовъ и правъ: средства мирныя и фактическія для разрѣшенія международныхъ столкновеній (гл. 6), война (гл. 7) и нейтралитетъ (гл. 8).

Уже изъ этого перечня содержанія втораго тома можно видѣть, какой богатый и интересный матеріалъ даетъ онъ читателю. Въ первомъ и второмъ раздѣлѣ авторъ постоянно изучаетъ свой предметъ по трактатамъ, законамъ главнѣйшихъ государствъ и обращаетъ болѣе, чѣмъ въ первомъ томѣ, вниманіе на мнѣнія писателей. Историческіе примѣры онъ беретъ преимущественно изъ исторіи русской политики и дипломатіи. Многіе отдѣлы этого тома впервые появляются на нашемъ языкѣ и въ столь полномъ и систематическомъ изложеніи. Это относится именно къ первымъ двумъ раздѣламъ.

Со стороны собственно *содержанія* автору, какъ намъ кажется, мало можно сдѣлать возраженій. Но совсѣмъ иное дѣло относительно *принципіальной* постановки этого тома и всего, такъ сказать, освѣщенія находящихся въ немъ матеріаловъ. Лишь съ появленіемъ этого втораго тома опредѣлилась вполнѣ оригинальность системы петербургскаго профессора, но, къ сожалѣнію, сказалась и ея внутренняя несостоятельность. Все множество разнообразныхъ вопросовъ, входящихъ во второй томъ, онъ подводитъ подъ одинъ уголъ зрѣнія, подъ одно главное понятіе *международнаго управленія*. Это пріемъ новый, но рѣшительно неудачный. «Подъ международнымъ управленіемъ, говоритъ авторъ, мы понимаемъ свободную дѣятельность государствъ въ области международнаго общенія, въ виду достиженія ими жизненныхъ своихъ цѣлей, въ предѣлахъ, поставленныхъ международнымъ правомъ». Отъ собственно управленія онъ отличаетъ еще *право управленія*, которое есть «совокупность юридическихъ условій или нормъ, опредѣляющихъ международную дѣятельность государствъ». Если управленіе есть «совокупность юридическихъ нормъ» оно, очевидно, совпадаетъ съ правомъ и нѣтъ необходимости содержаніе международныхъ отношеній подводить подъ чуждое нашему предмету понятіе «управленія». Если же, наоборотъ, какъ и думаетъ авторъ, послѣднее есть нѣчто отъ права отличное, обозначая «свободную дѣятельность государствъ въ предѣлахъ права», то это вызываетъ много возраженій. Во 1-хъ, при отсутствіи въ международной области законодательной и судебной власти, правильно организованныхъ, нельзя серьезно толковать и о международномъ управленіи. И во внутреннемъ строѣ государствъ администрація не превращается въ произ-

волъ лишь тогда, когда управляется и сдерживается законами и судами, при отсутствіи которыхъ она въ международной сферѣ естественно должна перейти въ произволъ и насилія государствъ могущественныхъ, хотя и маскируемыя тѣмъ или инымъ предлогомъ. Въ послѣднее время, въ сферѣ экономической и соціальной замѣтно учрежденіе нѣкоторыхъ международныхъ органовъ съ характеромъ административнымъ (общія въ Бернѣ бюро по почтовому, телеграфному дѣлу, европейская коммиссія для нижняго Дуная и т. д.), но это органы чисто спеціальные, съ рѣзко очерченною сферою дѣйствія и, кромѣ того, имѣющія свои полномочія отъ всѣхъ въ равной степени государствъ, согласившихся на ихъ учрежденіе. То ли имѣетъ въ виду проф. Мартенсъ? У него носителями и двигателями *международнаго* управленія являются *отдѣльныя* государства, дѣйствующія притомъ во имя и для своихъ интересовъ. Понятно, что и толковать эти интересы они будутъ всегда по своему. Отсюда, при современныхъ условіяхъ международнаго порядка, административная дѣятельность государствъ будетъ «*свободна*», но сомнительно, чтобъ она держалась въ «предѣлахъ международнаго права», спорнаго, юридически такъ мало еще выработаннаго. Мы полагаемъ совершенно наоборотъ, что для дальнѣйшаго преуспѣянія этого права *прежде всего* необходимы законодательныя нормы и учрежденія, а равно судебные защита и органы. Что же касается собственно до управленія международнаго, то оно и послѣ того всего менѣе будетъ нуждаться въ особомъ сложномъ аппаратѣ и, вѣроятно, далѣе органовъ, подобныхъ существующимъ, не пойдетъ.

Во 2-хъ, какъ основаніе этой идеи, такъ и ученіе объ служащихъ ей *органахъ* неудовлетворительно. Отмѣтимъ слова о нихъ г. Мартенса, подтверждающія только что высказанное нами сужденіе: «Посредствомъ этихъ органовъ государства управляютъ политическими и соціальными международными отношеніями. На нихъ возлагаются опредѣленныя административныя задачи; они облекаются правами должностныхъ лицъ, дѣйствующихъ *по уполномочію государственной власти*». Какая же это международная администрація? *Всѣ* международные органы авторъ дѣлитъ на двѣ группы: постоянные, нормальные, и временные, случайные. Къ первымъ относятся: дипломатическіе агенты, консулы всѣхъ классовъ, министерство иностранныхъ дѣлъ и вооруженныя силы, сухопутныя и морскія. Временными органами являются уполномочиваемые на конгрессы и конференціи делегаты, агенты, коммиссары и вообще разныя должностныя лица, имѣющія спеціальныя порученія. Устройство министерства иностранныхъ дѣлъ относится къ государственному праву, а вопросы объ арміи и флотѣ

входятъ въ кругъ спеціальныхъ наукъ военныхъ и политики. Остаются, слѣдовательно, посланники и консулы. Они настоящіе органы международной администраціи.

Но въ первомъ томѣ г. Мартенсъ допускаетъ еще конгрессы и конференціи, какъ органы не отдѣльныхъ государствъ, а международнаго общенія, которое само есть ни что иное, какъ именно *правовой* между ними *порядокъ*. Не странный ли дуализмъ въ органахъ? Идея права, какъ мы видѣли, по собственнымъ словамъ автора, призвана отнынѣ быть руководящимъ началомъ международныхъ отношеній, но органы, ей служащіе, созываются случайно и временно. Въ дѣйствительности же всѣ «реальныя, жизненныя отношенія между образованными народами даютъ содержаніе международному управленію, *настоящими* органами котораго выступаютъ посланники и консулы».

Въ 3-хъ, мы полагаемъ, что, съ одной стороны, наличныхъ органовъ далеко не хватаетъ въ наши дни для международнаго оборота, какъ это и подтверждается жизнію и что, съ другой—странно относить къ дѣятельности дипломатовъ и консуловъ все богатое содержаніе этого оборота. Что общаго съ ними имѣютъ, напр., войны, которыя не только ими *не управляются*, но во время которыхъ, какъ извѣстно, самая ихъ дѣятельность отчасти прекращается, отчасти сильно парализуется? Есть ли возможность серьезно говорить, что частное международное право примѣняется ими, а не судами, которые *по принципу* ничего общаго не имѣютъ съ администраціею, хотя бы и международною?

Итакъ, въ общемъ результатѣ мы не видимъ возможности замѣнить, въ международной области, право администраціею. Послѣдняя опредѣляется не только юридическими, но и многими другими, политическими и экономическими началами, изученіе коихъ удобнѣе отнести къ особой отрасли политики — международной. Все же ученіе объ управленіи, какъ о научно-цѣльной системѣ составляетъ часть государственнаго, а не международнаго права. Попытки перенесенія его изъ перваго въ послѣднее, дѣлаемыя г. Мартенсомъ по примѣру Штейна, едва ли получатъ право гражданства въ нашей наукѣ.

Переходя къ частностямъ разбираемаго нами тома, мы должны сказать, что послѣ общихъ замѣчаній о международномъ управленіи и его органахъ, онъ начинается съ изложенія *права консульскаго и посольскаго*. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ много любопытныхъ примѣровъ изъ исторіи русскихъ дипломатическихъ сношеній, взятыхъ изъ бумагъ московскаго и петербургскаго архивовъ иностранныхъ дѣлъ.

Нельзя не согласиться съ авторомъ о недостаткахъ и пробѣлахъ нынѣ дѣйствующаго консульскаго устава въ Россіи 1858 года. Изданный до судебной реформы, онъ не касается и государствъ восточныхъ, съ которыми у нашего отечества особенно частыя и важныя сношенія. Говоря о консульской юрисдикціи на Востокѣ, профес. Мартенсъ не оспариваетъ, что «она во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительна и нуждается въ измѣненіи». По его словамъ, смѣшанные суды въ Египтѣ, введенные въ 1876 г. на 5 лѣтъ въ видѣ опыта, но потомъ продолженные до весны 1884 г., «оказали большія услуги дѣлу правосудія, но требуютъ значительныхъ улучшеній. Въ особенности необходимо предупредить въ будущемъ нескончаемые ихъ споры относительно подсудности и попытки узурпировать права, имъ не принадлежащія».

Намъ кажется, что въ будущемъ преобразованіе юрисдикціи консуловъ на Востокѣ должно совершаться въ духѣ принциповъ именно этой судебной реформы въ Египтѣ, конечно, съ тѣми ихъ улучшеніями, на которыя укажетъ опытъ. Между тѣмъ, нельзя не пожалѣть, что институтъ международнаго права въ своемъ проектѣ международной конвенціи для смѣшанныхъ процессовъ на Востокѣ (т. е. между подданными различныхъ христіанскихъ государствъ) высказался снова за эту отживающую свой вѣкъ консульскую юрисдикцію, а не за смѣшанные суды съ международнымъ характеромъ и устройствомъ на подобіе египетскихъ.

Полны самаго живаго интереса всѣ слѣдующія части перваго раздѣла: о правахъ авторовъ, эмиграціи, натурализаціи, содержаніи торговыхъ трактатовъ, объ устройствѣ и значеніи всеобщихъ почтоваго и телеграфнаго союзовъ и о попыткахъ установленія такого же желѣзнодорожнаго союза, о введеніи единой международной монеты, объ охранѣ всѣми государствами промышленной собственности. Эта отрасль нашего предмета совершенно новая, почти съ каждымъ годомъ принимаетъ все большіе размѣры и можетъ быть названа *соціальнымъ международнымъ правомъ*. Касаясь вопросовъ и интересовъ, которые относятся къ благу какъ частныхъ лицъ, такъ и государствъ, она дѣйствительно связываетъ народы, независимо отъ ихъ политическаго устройства и стремленій, въ правильно организованные союзы, число которыхъ быстро растетъ. Можно надѣяться, что когда сѣть этихъ союзовъ обниметъ всѣ стороны человѣческой жизни и когда, съ другой стороны, человѣческая личность будетъ повсюду пользоваться юридическою защитою своихъ правъ, къ чему стремится *частное* международное право, — тогда мы дойдемъ и до *юридической организаціи* международнаго союза.

Справедливо жалуется нашъ авторъ на совершенно ненормальное положеніе Россіи въ вопросѣ объ охранѣ авторскихъ правъ. Она заключила пока лишь двѣ конвенціи по этому поводу: съ Франціею (1861) и Бельгіею (1862), но обѣ онѣ отличаются крайне несостоятельною редакціею. Переговоры объ этомъ же предметѣ Россія вела съ Италіею (въ 1865 г.) и съ Пруссіею (въ 1869 — 70 гг.), но они не привели ни къ чему. «У насъ опасаются, что съ ограниченіемъ права переводовъ иностранныхъ сочиненій умственная жизнь русскаго народа окончательно замретъ. Но упускаютъ изъ вида, что именно возможность безпрепятственнаго перевода губитъ самостоятельность отечественной литературы. Доказано, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ также отвергаютъ пользу литературныхъ конвенцій, оригинальная литература перестала развиваться, благодаря свободной перепечаткѣ англійскихъ произведеній. Затѣмъ эта ничѣмъ не ограничиваемая гоньба за первымъ, ранѣе другихъ сдѣланнымъ переводомъ, неминуемо приводитъ къ небрежному его исполненію и вмѣсто того, чтобы знакомить съ оригиналомъ, нерѣдко убиваетъ репутацію автора. Про многіе русскіе переводы можно справедливо сказать, что они оказались «могилами» для оригинала».

Важный въ практическомъ отношеніи вопросъ о натурализаціи разработанъ очень обстоятельно по главнѣйшимъ дѣйствующимъ законодательствамъ. Вниманіе юриста остановится, вѣроятно, болѣе всего на второмъ раздѣлѣ занимающаго насъ сочиненія, раздѣлѣ, посвященномъ *чистому международному праву*. Въ ясномъ и довольно обстоятельномъ очеркѣ г. Мартенсъ излагаетъ всѣ вопросы, связанные съ столкновеніемъ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ законовъ различныхъ государствъ. Бросивъ взглядъ на историческое и литературное развитіе этой отрасли права, онъ самъ высказывается за новѣйшую германскую школу, основанную трудами Савиньи, Тёля, Бара и др. и тѣмъ самымъ осуждаетъ какъ древнѣйшую, но теперь уже почти всѣми оставленную статутную теорію, такъ и принципы— территоріальный, англо - американскихъ юристовъ и національный, выставленный итальянцами и положенный Лораномъ въ основаніе его послѣдняго громаднаго труда «Droit civil international».

Совершенно справедливо говоритъ проф. Мартенсъ далѣе, что «международное общеніе есть единственно вѣрное и положительное основаніе, исходя изъ коего, только и могутъ быть разрѣшаемы запутанные и сложные вопросы о примѣненіи законовъ различныхъ государствъ».

Покоясь на общемъ, съ публичнымъ международнымъ правомъ,

принципѣ, частное входитъ въ составъ его какъ отдѣлъ, хотя и самостоятельный. А, будучи *правомъ*, оно не вытекаетъ, какъ ошибочно думаютъ нѣкоторые даже въ наши дни, изъ взаимной доброжелательности народовъ (comitas gentium) и не есть только результатъ ихъ взаимной пользы, но признаніе его нормъ составляетъ *юридическую обязанность* для всѣхъ вообще цивилизованныхъ государствъ. Это выражается въ томъ, что оно становится дѣйствующимъ правомъ каждаго изъ нихъ. Только этимъ путемъ гражданскій оборотъ, въ самомъ широкомъ своемъ проявленіи, сдѣлается повсюду обезпеченнымъ. Говоря иначе, въ области международнаго союза всякое право, возникнувшее на основаніи законовъ одного какого либо государства, или охраняемое ими, должно быть признано правомъ на территоріи всего этого союза со стороны судовъ всѣхъ вообще цивилизованныхъ государствъ.

Остановимся нѣсколько на *международномъ уголовномъ правѣ* въ виду живаго интереса его для нашего времени. Этотъ отдѣлъ распадается у автора на двѣ части: общее ученіе объ уголовной подсудности и о выдачѣ преступниковъ.

Разобравъ критически различныя теоріи относительно дѣйствія уголовныхъ законовъ и не удовлетворившись ни одною изъ нихъ, проф. Мартенсъ говоритъ, что единственнымъ положительнымъ основаніемъ международнаго уголовнаго права можетъ быть только международное общеніе государствъ, т. е. тотъ общій правовой порядокъ, который связываетъ ихъ въ одно цѣлое. Право же должно быть не только признано, но и охранено судомъ и закономъ *того государства, къ которому оно находится въ какомъ либо юридическомъ отношеніи*. Вопросъ о подсудности онъ разсматриваетъ и по новѣйшимъ законодательствамъ, при чемъ ссылается неоднократно на проектъ новаго русскаго уголовнаго уложенія. Въ цѣломъ онъ признаетъ за государствомъ право наказывать: 1) преступныя дѣйствія, совершенныя въ предѣлахъ его территоріи; 2) своихъ гражданъ за ихъ преступленія за-границей, и 3) преступныя дѣйствія, совершенныя заграницей иностранцами, но только въ двухъ случаяхъ: a) если иностранецъ совершилъ за-границей преступленіе противъ государственнаго порядка или правъ страны, въ предѣлахъ которой онъ находится и b) если преступленіе совершено противъ подданныхъ этого государства.

Но онъ оспариваетъ у государства право идти еще далѣе и карать иностранцевъ за всѣ преступленія вообще, совершенныя ими на чужой территоріи (космополитическая теорія). Это воззрѣніе грѣшитъ

противъ принципа, что государство имѣетъ право наказанія только въ такомъ случаѣ, если между нимъ и преступнымъ дѣйствіемъ иностранца существуетъ какое либо юридическое отношеніе.

Полагаемъ однако, что въ предѣлахъ международнаго общенія государства и ихъ подданные стоятъ между собою, и помимо трактатовъ, въ извѣстномъ юридическомъ отношеніи. Вотъ почему съ точки зрѣнія международнаго права космополитическая теорія намъ представляется наиболѣе разумною и дѣйствительною, если со временемъ установится большее однообразіе въ уголовныхъ законахъ, въ способахъ каранія преступниковъ и когда, съ другой стороны, сложится понятіе о *преступленіяхъ противъ международнаго права* и выяснится роль государствъ какъ главныхъ дѣятелей и какъ пособниковъ въ преслѣдованіи преступниковъ вообще.

Въ *выдачѣ* преступниковъ авторъ видитъ актъ судебной помощи, оказываемой однимъ государствомъ другому. Она не есть со стороны государства выдающаго осуществленіе права наказанія, ни суррогатъ послѣдняго и «не пополняетъ и не замѣняетъ отчасти судъ и наказаніе» страны выдающей, какъ сказано въ объяснительной запискѣ къ проекту уложенія. Развитіе этого института въ современномъ смыслѣ начинается лишь съ XVIII вѣка, а послѣдній новѣйшій фазисъ наступаетъ съ 40 годовъ настоящаго столѣтія на Западѣ и только съ 1866 г. для Россіи.

Вопросъ о выдачѣ разработанъ у г. Мартенса по началамъ положительнаго права, при чемъ онъ слѣдуетъ преимущественно русскимъ картельнымъ конвенціямъ, которыхъ всего 9 (съ Даніею 1866 г., Голландіею 1867; Баваріею 1869; Италіею 1871; Бельгіею 1872 и дополнительная декларація 1881; Швейцаріею 1873; Австро-Венгріею 1874; Испаніею 1877 и Голландіею 1880 г.). Также приводитъ онъ главныя постановленія о выдачѣ института, на Оксфордской сессіи 1880 г.. Онъ за выдачу государствомъ собственныхъ его подданныхъ, предполагая, конечно, довѣріе къ иностранной юстиціи и болѣе или менѣе одинаковыя нравственныя и юридическія воззрѣнія между народами.

Весьма энергично оспариваетъ онъ принципъ невыдачи за политическія преступленія въ виду ихъ обще-опаснаго характера въ наши дни. «Преступленія анархистовъ, динамитчиковъ, говоритъ онъ, должны вызывать взаимное содѣйствіе государствъ къ ихъ преслѣдованію и наказанію». Несообразнымъ находитъ онъ постановленіе большинства картельныхъ конвенцій о томъ, что общее преступленіе, если оно въ какой либо степени связано съ политическимъ преступленіемъ (crimes

connexes или complexes), не можетъ служить основаніемъ для выдачи. Государства, по его мнѣнію, должны выдавать за эти дѣянія, но при соблюденіи слѣдующихъ трехъ условій: 1) чтобы былъ обезпеченъ надъ выданнымъ безпристрастный судъ; 2) чтобы политическіе мотивы не отягощали наказанія, и 3) чтобы судъ происходилъ не въ исключительномъ какомъ либо, но въ общемъ порядкѣ.

Процедура выдачи, какъ извѣстно, совершается по тремъ различнымъ системамъ: французской (административной), англійской (исключительно судебной) и бельгійской (смѣшанной—судебно-административной). Изъ нихъ авторъ даетъ предпочтеніе послѣдней, какъ соединяющей въ себѣ оба элемента, необходимые для надлежащаго рѣшенія вопроса о выдачѣ: юридическій и политическій. Въ Бельгіи постановленіе суда относительно выдачи не связываетъ правительство, которое самостоятельно рѣшаетъ этотъ вопросъ. По мнѣнію автора, нельзя все предоставить тутъ на окончательное рѣшеніе одной судебной власти, хотя, по его собственному признанію, интересы правосудія несомнѣнно выигрываютъ при этомъ порядкѣ. Но по существующимъ иногда политическимъ обстоятельствамъ необходимо предоставить административной власти свободу выбора, какъ поступить. Она можетъ быть вынуждена иной разъ не исполнить постановленіе суда о выдачѣ, напр., въ случаѣ пререканій, перерыва сношеній или войны съ государствомъ, которое требуетъ выдачи.

Мы находимъ наиболѣе справедливою англійскую систему, конечно, подъ условіемъ независимаго и высокаго положенія судебной власти въ государствѣ. Она болѣе всего предупреждаетъ нареканія на правительство въ случаѣ отказа въ выдачѣ и лучше обезпечиваетъ право заинтересованнаго лица.

Третій, послѣдній раздѣлъ предметомъ своимъ имѣетъ *международное управленіе въ области принужденія*. Вѣрнѣе было бы его назвать международнымъ процессуальнымъ правомъ. Онъ отличается вообще краткостью. Войнѣ и нейтралитету отводится не болѣе ста страницъ, что впрочемъ объясняется тѣмъ, что авторъ изложилъ эти отдѣлы въ двухъ прежнихъ сочиненіяхъ [1]).

Вопросы, затрогиваемые въ этой части, представляютъ громадный интересъ и, быть можетъ, болѣе даже въ практическомъ, нежели въ научномъ отношеніи. Авторъ исходитъ изъ двухъ вполнѣ вѣрныхъ положеній. «Культура, съ одной стороны, развиваетъ потребности на-

---

[1]) О правѣ частной собственности во время войны 1869 г.. Восточная война и Брюссельская конференція. 1879 г.

родовъ и тѣмъ самымъ умножаетъ поводы къ международнымъ столкновеніямъ. Общность соціальныхъ интересовъ между государствами даетъ все больше чувствовать невыгодныя послѣдствія борьбы между ними и требуетъ, съ другой стороны, возможнаго ихъ ограниченія. Цивилизація указываетъ предѣлы, которые должны быть соблюдены даже во время войны».

Тѣмъ страннѣе и непослѣдовательнѣе кажется намъ, что въ этомъ отдѣлѣ авторъ отводитъ сравнительно столь второстепенное и служебное мѣсто *праву*, замѣняя его, съ принципіальной стороны, неудачнымъ понятіемъ *администраціи*. *Классификація средствъ* для рѣшенія международныхъ столкновеній на мирныя (полюбовныя), фактическія и войну неудовлетворительна въ двоякомъ отношеніи: во 1-хъ, она покоится на внѣшнихъ признакахъ, а не на внутреннихъ принципахъ, вслѣдствіе чего, во 2-хъ, смѣшиваетъ и отчасти раздѣляетъ явленія совершенно произвольно. Напр., третейское разбирательство относитъ къ той же группѣ, какъ и дипломатическія сношенія и дружескія услуги. Съ другой стороны: выдѣляетъ войну изъ группы фактическихъ способовъ.

Изложивъ кратко, на 9 страницахъ, ученіе о *третейскомъ судѣ*, онъ весьма скептически относится къ его будущности. Не оспаривая, что «было бы хорошо, еслибы споры между государствами разрѣшались не фактическими средствами и не войною, но третейскимъ судомъ», онъ полагаетъ однако, что «для будущности этого учрежденія необходимо избѣгать иллюзій въ этомъ вопросѣ. Дѣйствительность показываетъ, что существуетъ множество такихъ споровъ и поводовъ къ международнымъ столкновеніямъ, выяснить которые при помощи юридическаго анализа рѣшительно невозможно. Многіе изъ нихъ накоплялись въ теченіе исторической жизни народовъ и устранимы только силою и путемъ нарушенія существующаго порядка и права. Трудно предположить, чтобы стороны согласились отдать свой историческій споръ на рѣшеніе какого либо третейскаго трибунала, или чтобы этотъ послѣдній могъ отыскать какую нибудь юридическую почву для его разрѣшенія. Во всѣхъ международныхъ спорахъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ политическій элементъ, третейское разбирательство невозможно. Оно приложимо только къ такимъ, по большей части, несущественнымъ разногласіямъ государствъ, въ которыхъ замѣшаны главнымъ образомъ интересы юридическаго свойства, когда надо выяснить права, принадлежащія сторонамъ».

Признаемся, странно намъ встрѣтить эти, довольно впрочемъ распространенныя предубѣжденія противъ третейскаго суда, особенно въ

новомъ сочиненіи по международному праву. Самъ авторъ, какъ мы видѣли, сознается, что въ наше время поводы къ столкновеніямъ между народами умножаются и что послѣдствія ихъ становятся все болѣе и болѣе тяжкими.

А между тѣмъ существующіе способы рѣшенія этихъ споровъ признаются имъ же самимъ неудовлетворительными, и общественная совѣсть народовъ все рѣзче высказывается противъ нихъ. Г. Мартенсъ поучаетъ насъ, что реторсія не оправдываема, что до сихъ поръ предметомъ репрессалій являются особенно права частныхъ лицъ, вопреки выставленному имъ принципу, что послѣднія непосредственно не могутъ быть предметомъ международнаго принужденія. «Эмбарго, какъ репрессалія и какъ военная мѣра, нарушаетъ одинаково интересы обѣихъ сторонъ и вредно отражается на нейтральной торговлѣ. Поэтому, добавляетъ авторъ, мѣра эта сама собою вышла изъ употребленія». Про мирную блокаду онъ выражается такъ: «она не можетъ быть защищаема ни во имя гуманности, ни съ точки зрѣнія здраваго смысла. Во всякомъ случаѣ, она обостряетъ, а не улаживаетъ споръ».

Итакъ, фактическіе способы оказываются всѣ негодными. Преувеличенныя надежды возлагаетъ авторъ на дипломатію. «Въ предупрежденіи международныхъ столкновеній—таковы его подлинныя слова,—заключается собственно *все* назначеніе дипломатіи». Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что «отличительною чертою добрыхъ услугъ, какъ способа предупрежденія международныхъ столкновеній, надо признать крайнюю ихъ неопредѣленность». Держава, согласившаяся оказать свои добрыя услуги «беретъ на себя роль передаточной инстанціи, не обязывающей ни къ чему ни себя, ни другихъ».

Остаются посредничество и война. Въ лучшемъ смыслѣ первое приводитъ къ компромиссамъ, т. е. полумѣрамъ, часто затягивающимъ или запутывающимъ споръ, а война, кромѣ приносимаго ею разоренія, создаетъ, быть можетъ, гораздо болѣе новыхъ поводовъ къ столкновеніямъ между народами, нежели удаляетъ ихъ, вслѣдствіе усиленія между ними ненависти.

Всѣ эти явленія дѣйствительной жизни обязываютъ интернаціоналистовъ къ серьезнымъ размышленіямъ и заботамъ о томъ, чтобы выработать новые юридическіе способы охраны правъ въ международной области. Преклоненіе предъ фактами не есть залогъ успѣха въ этомъ направленіи. Съ усовершенствованіемъ международнаго права, юридическій анализъ, можно надѣяться, изощрится на столько, что будетъ способенъ обхватывать все большее число политическихъ отно-

шеній. Область политики вообще должна идти съуживаясь, по мѣрѣ ея подчиненія праву. Затѣмъ нечего давать спорамъ накопляться и обостряться въ теченіе десятилѣтій или даже вѣковъ. Весьма разуменъ и практиченъ совѣтъ тѣхъ, которые предлагаютъ, чтобы впредь государства, вступая между собою въ какую либо сдѣлку или договорное отношеніе, съ тѣмъ вмѣстѣ указывали на мирный, правильный способъ рѣшенія недоразумѣній, могущихъ возникнуть при толкованіи или исполненіи этихъ обязательствъ. Наконецъ, слѣдуетъ подумать о присоединеніи къ третейскому разбирательству, довольно случайному и неопредѣленному, настоящей *международной юстиціи*, о которой г. Мартенсъ, въ своихъ заботахъ по администраціи, совершенно забываетъ.

Эти и иныя реформы международнаго права и порядка не уничтожатъ войнъ, но сократятъ область ихъ примѣненія и во всякомъ случаѣ дадутъ государствамъ возможность рѣшать свои взаимныя недоразумѣнія и споры *въ началѣ* и *способами болѣе справедливыми и разумными*, нежели посредствомъ дипломатіи и войнъ.

Авторъ дѣлаетъ попытку самостоятельнаго опредѣленія войны: «съ точки зрѣнія международнаго управленія война есть вооруженная борьба между независимыми государствами, для охраненія принадлежащихъ имъ правъ и интересовъ». Это опредѣленіе, не сходясь съ существующими, по его мнѣнію, примиряетъ противоположныя воззрѣнія писателей, юристовъ и военныхъ на войну. Едва ли такъ. Изъ него не видно, что война должна подчиняться нормамъ права, хотя авторъ въ противорѣчіе съ этимъ опредѣленіемъ и посвящаетъ этому праву цѣлую главу. Затѣмъ не вѣрно опредѣленіе войны, какъ борьбы только между *независимыми* государствами.

Въ виду того, что международнаго общенія, въ современномъ смыслѣ, не существовало ни въ древности, ни въ средніе вѣка, неудобно говорить, какъ дѣлаетъ авторъ, о *правѣ* войны въ эти эпохи. Самъ онъ впрочемъ сознается, что даже еще въ средніе вѣка «*всѣ* нравственныя и юридическія отношенія прекращались между воюющими». Неудачно раздѣленіе этого права войны на періоды древности, среднихъ вѣковъ и новаго времени.

Въ послѣднюю изъ этихъ эпохъ оно становится, говоритъ авторъ, положительнымъ юридическимъ фактомъ, «подъ вліяніемъ развитія государственныхъ порядковъ, сложной организаціи и постоянно вырабатывающейся техники военнаго дѣла». Въ другомъ мѣстѣ онъ видитъ въ военной дисциплинѣ *непосредственный* источникъ развитія *современнаго* права войны. Во всемъ этомъ лежитъ доля правды, лишь

очень частично характеризующая именно современное положеніе этого права. Слѣдовало автору упомянуть о томъ, что военная техника съ ея вѣчными открытіями дѣлаетъ съ каждымъ днемъ войну для народовъ болѣе тягостною и ненавистною, что введеніе въ войскахъ болѣе строгой дисциплины въ свою очередь является слѣдствіемъ измѣненій въ нравахъ и воззрѣніяхъ людей, совѣсть которыхъ все рѣшительнѣе осуждаетъ всякій варварскій поступокъ воюющихъ.

Въ основаніе собственно догматическаго изложенія права войны г. Мартенсъ кладетъ Брюссельскую декларацію съ указаніями иногда на руководство, изданное въ 1880 г. Институтомъ подъ заглавіемъ: «Законы сухопутной войны».

Поэтому намъ остается сдѣлать еще нѣсколько небольшихъ замѣчаній, касающихся болѣе подробностей. Мы не согласны съ авторомъ, что будто въ наше время не представляется необходимымъ «торжественное объявленіе о войнѣ или даже какія нибудь дипломатическія о ней извѣщенія. При современномъ развитіи телеграфныхъ сношеній и гласности всегда есть возможность заранѣе знать, въ какихъ отношеніяхъ находятся государства и предвидѣть окончательный разрывъ». Начало войны фактъ столь громадной важности, что его необходимо юридически констатировать, и, кромѣ того, съ точностью указывая на наступленіе этого момента, спорящія государства даютъ взаимно еще послѣдній срокъ на мирное разрѣшеніе спорнаго пункта.

Власть оккупанта не есть «исключительно фактическая» и не имѣетъ «чисто фактическое значеніе». Она власть военно-международная, которая имѣетъ своеобразное юридическое значеніе и дѣйствіе. Не вѣрно, будто оккупантъ, «разсчитывая на окончательное присоединеніе области, или предпринимая войну съ цѣлью обезпеченія въ непріятельской мѣстности новыхъ, лучшихъ порядковъ, имѣетъ полное право немедленно приступить къ требуемымъ реформамъ».—Это право изъ оккупаціи не вытекаетъ, а дается побѣдителю либо присоединеніемъ области по мирному трактату, либо вслѣдствіе освобожденія ея, по желанію ея населенія, отъ прежняго правительства.

Весьма оспариваемымъ представляется намъ отнесеніе каперства, блокады и призоваго права къ ученію о войнѣ, а вопроса о контрабандѣ къ отдѣлу о нейтралитетѣ. Существо этихъ вопросовъ и цѣльность изложенія требуютъ отнесенія ихъ къ нейтралитету.

Говоря *о каперствѣ*, г. Мартенсъ напоминаетъ, что хотя во время послѣдней войны съ Турціею русское правительство, соблюдая свое обязательство, не выдавало каперскихъ патентовъ, но и у насъ, и въ Англіи происходила въ эти послѣдніе годы сильная агитація противъ

отмѣны каперства. Въ особенности у насъ считаютъ часто каперовъ своего рода «добровольцами» и утверждаютъ, что именно намъ не слѣдовало бы отъ него отказываться, какъ отъ такого средства, съ помощью котораго мы могли бы успѣшно бороться съ каждой сильной морской державой.

«Исторія, замѣчаетъ авторъ, разрушаетъ вполнѣ эту иллюзію. Она показываетъ намъ, что каперы почти всегда руководились въ своихъ дѣйствіяхъ не благомъ и честью государства, подъ флагомъ котораго плавали, но корыстолюбивыми цѣлями; едва ли поэтому основательно считать ихъ военною силою. Пользы они приносятъ не много, а между тѣмъ казна и правительство отвѣчаютъ за всѣ ихъ безчинства. Въ особенности же пострадаетъ матеріально и нравственно отъ незаконнаго дѣйствія собственныхъ каперовъ та держава, которая, подобно Россіи, не владѣетъ колоніями, и гавани которой отдалены отъ океановъ. Такая держава, будучи лишена возможности контролировать поведеніе каперовъ, всегда рискуетъ навлечь на себя неудовольствіе нейтральныхъ, которые страдаютъ отъ необузданнаго каперства болѣе, нежели непріятель».

Авторъ напоминаетъ, что послѣдніе каперы, которыми пользовалась Россія, когда въ 1805 г. адмиралъ Сенявинъ съ разрѣшенія правительства выдавалъ каперскіе патенты жителямъ Іоническихъ острововъ, вполнѣ подтверждаютъ эти мысли: «всѣ напоминанія о томъ, что своими поступками каперы «предосуждаютъ честь и величіе императорскаго флага», не производили на нихъ ни малѣйшаго дѣйствія, и русская казна понесла въ то время значительные убытки, уплачивая вознагражденіе нейтральнымъ».

Согласно съ большинствомъ новѣйшихъ юристовъ (Блюнчли, Бёкомъ и др.) авторъ полагаетъ, что «парижская декларація оставила неприкосновеннымъ иной способъ нанесенія вреда непріятельской торговлѣ— *крейсерство*. Крейсеры суть военные корабли, нападающіе на коммерческія суда непріятеля. Такое назначеніе предполагалось дать русскимъ судамъ добровольнаго флота: дѣйствуя въ качествѣ военныхъ судовъ, они, конечно, нисколько не возстановляютъ каперства».

Никакъ не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ: цѣль военнаго флота не охота по купеческимъ судамъ непріятеля, а крейсеры, хотя и получаютъ извѣстную военную организацію, но по своему *назначенію* и *приспособленію* выходить на такую охоту являются замаскированными каперами и такимъ образомъ въ измѣненной формѣ возстановляютъ старое зло.

Проф. Мартенсъ указываетъ на одно практическое неудобство для

Россіи изъ ихъ употребленія: вслѣдствіе удаленности ея портовъ отъ главныхъ морей и отъ океановъ, русскимъ крейсерамъ, если такіе будутъ введены, придется чаще всего потоплять захваченную добычу, и несомнѣнно, что эта общепринятая мѣра возбудитъ противъ нашего отечества массу нареканій и въ высшей степени увеличитъ отвѣтственность Россіи предъ нейтральными государствами.

Хотя авторъ въ ссылкѣ упоминаетъ о новѣйшемъ, дѣльномъ изслѣдованіи Фошилля «О блокадѣ», но не видно, чтобы онъ имъ пользовался. По крайней мѣрѣ, онъ по прежнему говоритъ о двухъ различныхъ воззрѣніяхъ писателей на юридическое существо блокады. По однимъ, она основывается на завоеваніи; другіе выводятъ ее изъ права необходимости. Фошилль присоединяетъ къ этому, что Ортоланъ думалъ основать ее на занятіи, а Броше недавно выставилъ принципомъ ея—владѣніе. Наконецъ самъ Фошилль существо ея выводитъ не изъ правъ воюющаго, а изъ обязанности нейтральныхъ воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій [1]).

Почти мимоходомъ касается г. Мартенсъ *призовыхъ судовъ* и столь необходимой ихъ *реформы*. Изъ двухъ системъ ихъ устройства—исключительно судебной (въ Англіи, Голландіи, С. Штатахъ) и судебно-административной (въ Испаніи, Франціи, Германіи, Австріи, Даніи и Россіи) онъ отдаетъ предпочтеніе послѣдней, ибо она отводитъ мѣсто «въ разбирательствѣ призовыхъ дѣлъ элементу политическому и административному, который совершенно необходимъ, такъ какъ съ захватомъ нейтральныхъ кораблей и ихъ груза постоянно соединяются политическіе интересы». Можно этимъ интересамъ дать извѣстное положеніе, не вводя ихъ однако въ организацію призовыхъ судовъ, которые должны получить строго международный, безпристрастный и юридическій характеръ. Изъ новѣйшихъ проектовъ ихъ преобразованія автору «особенно замѣчательнымъ» кажется проектъ Вестлека, а про несравненно болѣе выработанный и продуманный «Регламентъ призовыхъ судовъ» Бульмеринка (1880 г.) онъ высказываетъ странное и невѣрное мнѣніе, будто судьи отъ воюющихъ поставлены въ немъ, сравнительно съ судьями отъ нейтральныхъ, «совершенно на задній планъ». Между тѣмъ, по мысли Бульмеринка, въ обѣихъ международныхъ инстанціяхъ по призовымъ дѣламъ засѣдаютъ по одному или по два члена отъ каждаго воюющаго и только одинъ отъ нейтральныхъ. Если можно что либо замѣтить противъ этой системы, то развѣ лишь то, что и *количественно* слѣдуетъ предоставить перевѣсъ элементу нейтральному надъ воюющими.

[1]) *Fauchille*. Du blocus maritime, 1882; p. 18--36.

Одной изъ наиболѣе настоятельныхъ и важныхъ реформъ въ современномъ международномъ правѣ—отмѣнѣ захвата частной непріятельской собственности на морѣ, — за которую самъ г. Мартенсъ такъ горячо стоялъ въ своей магистерской диссертаціи, онъ отводитъ въ настоящемъ трудѣ лишь нѣсколько строкъ, называя ее «идеальною цѣлью» и оговариваясь, что «пока она не будетъ достигнута, призовое право будетъ служить однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ для воюющихъ державъ наносить чувствительные удары другъ другу». Если бы это было такъ, то осуществленіе названной реформы сдѣлалось бы на долго или даже на всегда невозможнымъ, но, къ счастью, сторонники ея весьма практическими доводами доказываютъ не только несправедливость захвата частной собственности, но и непригодность его въ наше время, именно какъ средства войны.

На работахъ Института международнаго права по этому вопросу, столь примѣчательныхъ, авторъ не находитъ нужнымъ останавливаться и почти не упоминаетъ о нихъ.

За то вполнѣ слѣдуетъ съ нимъ согласиться, когда онъ говоритъ, что «нейтральныя государства имѣютъ право и обязаны предупредить, на сколько возможно, возникновеніе всякой международной войны». Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ для этого никакого средства. Очевидно, оно должно заключаться въ обязательности для государствъ обращаться до начала каждой войны къ посредничеству или къ третейскому суду.

Не понимаемъ, какъ можетъ проф. Мартенсъ отстаивать такъ называемое jus angariae, т. е. утверждать, что «въ случаѣ надобности воюющій можетъ захватить въ своихъ портахъ нейтральныя коммерческія суда и воспользоваться ими для своихъ военныхъ цѣлей».

Никакая военная необходимость не даетъ ему этого *права* надъ нейтральными, а если онъ его нарушилъ, то обязанъ вознаградить потерпѣвшихъ сполна.

Мы приходимъ въ заключеніе къ слѣдующему общему выводу: сочиненіе г. Мартенса, несмотря на нѣкоторую шаткость и непослѣдовательность въ принципіальномъ отношеніи и на неудачное дѣленіе всей системы на право и администрацію, несмотря далѣе на оспариваемость многихъ выставленныхъ имъ положеній, отличается такимъ богатымъ содержаніемъ и даетъ такъ много фактовъ и примѣровъ изъ русской политической исторіи, что является весьма цѣннымъ пособіемъ не только для каждаго, изучающаго спеціально международное право, но и для всѣхъ образованныхъ юристовъ вообще. Это богатый вкладъ въ нашу отечественную науку и поэтому мы

сочли своимъ долгомъ обратить на него особенное вниманіе нашихъ соотечественниковъ.

7. **Bulmerincq**, *Völkerrecht*. 1884.

Настоящее сочиненіе составляетъ отдѣлъ перваго тома *Руководства къ публичному праву*, предпринятаго *Марквардзеномъ* въ сообществѣ со многими знатоками государствовѣдѣнія лишь въ 1883 г., но быстро подвигающагося къ окончанію [1]). Хотя международное право за эти послѣдніе годы обогатилось многими болѣе или менѣе прекрасными общими сочиненіями Гооля, Лоримера, Фіоре, Пьерантони, Мартенса, но книга Бульмеринка должна быть признана цѣннымъ вкладомъ въ науку. Всякій, знакомый съ солидными трудами автора [2]), долженъ былъ съ нетерпѣніемъ ожидать появленія его курса, который помимо *богатства содержанія* обѣщалъ совершенно *новое систематическое* изложеніе всего предмета.

Эти ожиданія сбылись. Можно развѣ только пожалѣть, что, помѣщая свой курсъ въ названномъ Руководствѣ, авторъ естественно былъ стѣсненъ относительно объема, и изложивъ весь свой предметъ только на 207 страницахъ, не могъ избѣгнуть мѣстами излишней краткости, сухости. Вслѣдствіе этого его книга едва ли годится для начинающихъ, но она является конспектомъ для профессоровъ и для лицъ, знакомыхъ уже съ международнымъ правомъ. Это есть богатѣйшее, а по краткости единственное изложеніе всѣхъ отдѣловъ положительнаго международнаго права по трактатамъ и законамъ. При стремленіи автора къ полнотѣ, читатель иногда теряется въ лабиринтѣ послѣднихъ, но ему всегда помогаютъ поставленные во главѣ каждаго параграфа и сдѣланные съ большою точностію выводы изъ слѣдующихъ далѣе нормъ положительнаго права. Весьма многочисленны также указанія на литературу и по преимуществу новѣйшую. При строго догматическомъ изложеніи всѣхъ институтовъ г. Бульмеринкъ нигдѣ не останавливается на ихъ историческомъ развитіи.

---

[1]) *Marquardsen's*. Handbuch des Oeffentlichen Rechts.

[2]) Бульмеринкъ извѣстенъ въ ученой литературѣ болѣе 30 лѣтъ. Первая его работа явилась въ 1853 г. подъ заглавіемъ: Das Asylrecht und die Auslieferung flüchtiger Verbrecher; вторая въ 1856 г. на латинскомъ языкѣ: De natura principiorum juris inter gentes positivi. За ними слѣдовали: Die Systematik des Völkerrechts, 1858.—Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts, 1874;—докладъ институту межд. права: О призахъ въ 1880, цѣлый рядъ статей (до 16) по нашему предмету въ Энциклопедіи Гольцендорфа (3 изд. 1881 г.) и множество статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, изъ которыхъ заслуживаютъ особенно вниманія обзоры новѣйшей литературы въ Jahrbuch Шмоллера.

Наконецъ его система отличается оригинальностью и простотою. Будучи попыткою приложенія къ международному праву системы гражданскаго, она изъ всѣхъ существующихъ безспорно наиболѣе юридическая, и поэтому противъ нея едва ли что можно возразить съ точки зрѣнія *права* вообще, а развѣ только отъ имени *международнаго* права въ частности, для котораго предложенныя рамки, быть можетъ, нѣсколько узки и не вездѣ соотвѣтствуютъ его существу.

Книга г. Бульмеринка распадается прежде всего на *двѣ* части: общую и особенную. Общая соотвѣтствуетъ собственно введенію, особенная же есть догма.

Въ *общей части* авторъ даетъ намъ опредѣленіе предмета, указываетъ на его отношенія къ философіи (весьма любопытный параграфъ), къ исторіи и къ религіи, говоритъ объ его основномъ принципѣ и системѣ, а равно объ его положительномъ характерѣ и кодификаціи и въ заключеніе останавливается на основныхъ элементахъ своей системы: на субъектахъ, объектахъ и актахъ. Намъ кажется, эти параграфы было бы удобнѣе отнести прямо къ соотвѣтствующимъ отдѣламъ догмы. Международное право Бульмеринкъ опредѣляетъ «какъ совокупность юридическихъ нормъ и институтовъ, образующихся въ области взаимныхъ сношеній государствъ». Выдвигая повсюду его юридическій элементъ, онъ стремится къ полному отдѣленію и въ этой сферѣ права отъ политики. Кодификацію международнаго права, если подъ нею разумѣть сводъ всего положительнаго матеріала, а не мнѣній ученыхъ, онъ считаетъ въ наше время невозможною. Говоря о различныхъ новѣйшихъ проектахъ международной организаціи, онъ замѣчаетъ, что они свидѣтельствуютъ о потребности лучшаго обезпеченія международнаго строя и содержатъ въ себѣ многіе зародыши, которые въ примѣненіи къ существующимъ учрежденіямъ могутъ сдѣлаться плодотворными. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ эти проекты, какъ дѣлаютъ многіе, смѣшивать съ утопіями друзей вѣчнаго мира, ибо они не говорятъ, какъ послѣднія, болѣе сердцу, чѣмъ уму, но имѣютъ въ виду практическія задачи.

Вторая, *догматическая часть*, установляетъ прежде всего различіе между *матеріальнымъ* и *формальнымъ* международнымъ правомъ. Распредѣленіе матеріальнаго обусловливается сущностью всякаго юридическаго отношенія, которое слагается изъ трехъ членовъ: субъекта, объекта и акта. Отъ субъекта исходитъ право, на объектъ оно направляется, акты приводятъ субъекты во взаимныя сношенія и содѣйствуютъ подчиненію объекта праву субъекта. Въ международной области субъектомъ является *государство* или политически объеди-

ненный народъ; объектомъ считается только *имущество* государства, ибо лишь по отношенію къ нему государство пользуется неограниченною свободою распоряженія. Къ актамъ же относятся *договоры* и обязательства безъ договоровъ (т. е. возникающія изъ недозволенныхъ дѣйствій).

Таковы три главныхъ отдѣла матеріальнаго международнаго права. Едва ли удобною можетъ быть названа систематика перваго изъ нихъ: о субъектахъ. Здѣсь говорится сперва объ основныхъ правахъ государствъ и затѣмъ о взаимныхъ уступкахъ (Konzessionen) послѣднихъ въ пользу международнаго общенія, въ областяхъ: законодательства, юстиціи и полиціи. Будучи первоначально, пожалуй, результатомъ *уступокъ*, эти отношенія съ теченіемъ времени и по *существу* составляютъ для государствъ такую же совокупность *правъ* и *обязанностей*, какъ любая иная область ихъ взаимныхъ сношеній.

Къ области уступокъ по юстиціи отнесено все частное и уголовное международное право. Послѣдній терминъ Бульмеринку представляется невѣрнымъ, содержащимъ въ себѣ contradictio in adjecto. Частное право, говоритъ онъ, не можетъ быть международнымъ, ибо оно право отдѣльныхъ лицъ, и уголовное такъ называть тоже не слѣдуетъ, потому что не существуетъ международныхъ уголовной власти и уголовнаго закона и ни одинъ народъ не имѣетъ надъ другимъ права уголовной кары. Но выше приведенный терминъ обозначаетъ только международное значеніе и дѣйствіе извѣстныхъ нормъ гражданскаго и уголовнаго права, по возможности основанныхъ на *природѣ* конкретныхъ юридическихъ отношеній и призванныхъ рѣшать столкновенія между законами различныхъ государствъ. Въ этомъ смыслѣ означенныя нормы вполнѣ международныя.

Вмѣсто верховныхъ правъ государства на территорію Бульмеринкъ употребляетъ менѣе вѣрный терминъ «государственной собственности». Способы пріобрѣтенія послѣдней онъ дѣлитъ на естественные, фактическіе (незапамятная давность и занятіе) и юридическіе, которые называетъ возмездными (мѣна, купля-продажа) и безвозмездными (сюда относятся: добровольное подчиненіе одного государства другому и добровольная уступка извѣстной части территоріи).

Эта классификація намъ представляется слишкомъ частно-правовою и нѣсколько устарѣвшею для современныхъ международныхъ сношеній. Мѣна, купля-продажа не суть уже титулы пріобрѣтенія территорій между образованными государствами нашего времени. Это отживающія явленія изъ эпохи династической политики. Съ другой стороны авторъ почти не останавливается на *правахъ населеній*

пріобрѣтаемыхъ или отчуждаемыхъ областей (на плебисцитахъ, выборѣ національности отдѣльными лицами).

Отмѣтимъ отдѣлъ о международныхъ рѣкахъ, отличающійся обиліемъ матеріала и особымъ интересомъ въ виду всѣхъ новѣйшихъ свѣдѣній, которыя даетъ намъ авторъ о вопросахъ по судоходству по Дунаю и даже по Конго.

Второй отдѣлъ догмы излагаетъ *формальное* международное право въ двухъ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ. Сперва рѣчь идетъ объ органахъ, потомъ о производствѣ. *Органы* авторъ дѣлитъ на три главныя категоріи: верховные (государи и правители), средніе (министры иностранныхъ дѣлъ и военный) и низшіе (дипломатическіе представители, консулы, курьеры, военноначальники, парламентеры и шпіоны).

Эта классификація представляетъ то большое неудобство, что исходною своею точкою беретъ отдѣльное государство, а не международный союзъ, какъ цѣлое. Страннымъ представляется, при ея полнотѣ, отнесеніе конгрессовъ и конференцій въ слѣдующій отдѣлъ о производствѣ (будто вся ихъ задача исчерпывается изысканіемъ мирнаго улаженія споровъ между государствами!). Цѣльности впечатлѣнія, по нашему мнѣнію, мѣшаетъ и самый распорядокъ этого отдѣла: назначеніе этихъ органовъ, ихъ функціи и прекращеніе ихъ дѣятельности излагаются не отдѣльно, а параллельно, вслѣдствіе чего посольское право переплетается съ консульскимъ.

Способы рѣшенія споровъ между народами (ученіе о *производствѣ*) дѣлятся на *мирные* (переговоры между спорящими сторонами, добрыя услуги, посредничество, третейское разбирательство и въ особомъ параграфѣ конгрессы и конференціи) и на *принудительные* (реторсіи, репрессаліи, война и интервенція). Здѣсь оригинальностью отличаются: отнесеніе вмѣшательствъ къ этимъ способамъ, причисленіе нейтралитета къ ученію о воюющихъ сторонахъ и созданіе новаго отдѣла объ экзекуціяхъ во время войны, въ составъ котораго вошли: эмбарго, блокада, права: задержанія, осмотра и взятія кораблей.

Сочиненіе свое г. Бульмеринкъ оканчиваетъ весьма интересной статьей о *преподаваніи и изученіи международнаго права*. Быстро развивающіяся въ наше время сношенія между государствами и ихъ подданными требуютъ по преимуществу *положительнаго* изученія нашей науки, т. е. знакомства съ договорами, конвенціями и декларацiями. Авторъ жалуется, что въ Германіи ей доселѣ не отводится въ системѣ университетскаго образованія подобающаго ей мѣста, Необходимо, чтобы преподаваніе международнаго права, говоритъ онъ, ввѣрялось особымъ спеціалистамъ или, по меньшей мѣрѣ, соединя-

лось съ каѳедрой государственнаго права, а не составляло бы нѣчто придаточное къ другимъ отраслямъ правовѣдѣнія. Безъ предварительнаго его изученія не слѣдовало бы допускать ни къ какому юридическому или государственному экзамену. Лица, посвящающія себя дипломатической службѣ, должны, кромѣ того, тщательно изучить *государственное право* (общее и сравнительное, т. е. положительное главныхъ народовъ), *политику* (внутреннюю и внѣшнюю), *политическую экономію*, *статистику* (сравнительную цивилизованныхъ государствъ) и *всемірную исторію* (преимущественно политическую). Безъ серьезной подготовки и именно по *всѣмъ государственнымъ наукамъ* можно ли ожидать отъ дипломатовъ дѣятельности, благотворной для ихъ отечества и стоящей на высотѣ сложныхъ международныхъ интересовъ нашего времени? Особенно эти требованія не устранимы для дипломатовъ великихъ державъ, призванныхъ къ активной роли въ семьѣ народовъ. Нельзя также достаточно рекомендовать дипломатамъ изученіе *новыхъ языковъ*, хотя Бульмеринкъ вполнѣ правъ, высказываясь за принятіе французскаго языка, какъ наиболѣе для того выработаннаго, общимъ международнымъ. Но международное право должно лежать не только въ основаніи дипломатическаго образованія, оно важно для каждаго юриста и историка. Особенно историки часто много о немъ толкуютъ, совсѣмъ его не разумѣя. Наконецъ оно, по замѣчанію Вульси, должно бы было быть знакомо всѣмъ образованнымъ людямъ вообще въ ихъ качествѣ отвѣтственныхъ членовъ политическаго общества.

Такова въ немногихъ словахъ книга г. Бульмеринка, столь оригинальная по системѣ и такъ богатая по своему содержанію.

8. **Holtzendorff**. Handbuch des Völkerrechts. 1885.

Бывшій профессоромъ прежде въ Берлинѣ, а нынѣ въ Мюнхенѣ, Гольцендорфъ извѣстенъ, между прочимъ, тѣмъ, что ему удалось, въ связи со многими спеціалистами, издать нѣсколько капитальныхъ и весьма полныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ правовѣдѣнія— по энциклопедіи права, по уголовному праву и по уголовному процессу. Нынѣ то же начало товарищескаго труда онъ задумалъ приложить и къ *праву международному*. Его выше названный Handbuch разсчитанъ на четыре тома. Вовсе не умаляя заслугъ Гефтера и Блюнчли, онъ полагаетъ, однако, что въ наши дни быстраго роста науки международнаго права настало время для такого предпріятія, какое имъ задумано. Его сборникъ, покоясь главнымъ образомъ на практикѣ европейскихъ государствъ, призванъ въ то же время установить между нею и наукою болѣе тѣсную связь. Въ его изданіи

принимаютъ участіе почти всѣ выдающіеся интернаціоналисты Германіи и нѣкоторые не-нѣмецкіе публицисты, какъ-то: Бульмеринкъ, Геснеръ, Гефкенъ, Людеръ, Ламмашъ, Штёркъ, Ривье, Каратеодори и друг.. Изданіе это должно печататься одновременно на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Первый томъ, представляя *«введеніе въ международное право»* распадается на четыре отдѣла, изъ которыхъ три первые принадлежатъ перу самого Гольцендорфа. Отдѣлъ I. *Опредѣленіе*, существо и отношеніе *международнаго права* къ другимъ отраслямъ юриспруденціи. Отдѣлъ II. Его *источники* — самое полное и вообще замѣчательное изложеніе ученія о нихъ. Отдѣлъ III. *Историческій очеркъ* международныхъ сношеній съ древнѣйшихъ временъ (начиная съ древневосточныхъ народовъ за исключеніемъ только Индіи) до Вестфальскаго мира. И это—превосходная монографія, также восполняющая пробѣлъ въ ученой литературѣ. Но интересно не только изложеніе самого автора, но и многочисленныя указанія его на литературу почти по каждому вопросу и притомъ даже на литературу обще-историческую. Мы жалѣемъ только, что Гольцендорфъ не довелъ своего очерка до нашего времени, ибо исторія трехъ послѣднихъ столѣтій наиболѣе важна для международнаго права, зачатки котораго въ средніе вѣка, а еще болѣе въ древности, что бы ни говорилъ авторъ, были весьма слабы и грубы.

Отдѣлъ IV написанъ *Ривье* и предметомъ своимъ имѣетъ обзоръ *литературы* по международному праву, начиная съ Гроція и даже его предшественниковъ и до нашихъ дней. Ривье въ сжатой формѣ даетъ намъ свѣдѣнія о жизни и трудахъ едва ли не всѣхъ писателей по нашему предмету, указывая кромѣ того и на литературу о главныхъ изъ нихъ. Это драгоцѣннѣйшая въ своемъ родѣ библіографія, достойно продолжающая труды въ этомъ же родѣ Омптеды, Кампитца, Моля, Кальтенборна и Бульмеринка. Можетъ быть относительно ея умѣстно развѣ одно замѣчаніе: была бы желательна болѣе подробная разработка жизни и трудовъ авторитетовъ и новѣйшихъ писателей по нашей наукѣ и опущеніе многихъ и многихъ авторовъ прежнихъ столѣтій, имена и сочиненія которыхъ справедливо давно позабыты.

Во второмъ отдѣлѣ, говоря объ источникахъ, или вѣрнѣе формахъ международнаго права, Гольцендорфъ дѣлитъ ихъ на двѣ главныя группы: a) *непосредственные*, когда государства своими взаимными отношеніями (wechselseitiges Verhalten) подтверждаютъ сообща извѣстное правило и b) *посредственные*, состоящіе въ проявленіи воли государствъ въ опредѣленныхъ актахъ, или формахъ, создающихъ для

нихъ новыя обязательства. Къ первой группѣ отнесены: признаніе и обычай; ко второй: законы государствъ и трактаты. Рѣшеніе судовъ и сочиненія публицистовъ (т. е. наука) для автора не болѣе, какъ вспомогательныя формы, которыя служатъ доказательствомъ существованія извѣстной нормы, а не создаютъ ея. Наконецъ, и исторію въ отличіе отъ Прадье-Фодере, Мартенса и др., онъ вычеркиваетъ изъ списка источниковъ. Весьма обстоятельно, послѣ ихъ классификаціи, онъ говоритъ далѣе: объ ихъ содержаніи, толкованіи, соединеніи и отношеніяхъ къ національнымъ законамъ и судамъ, а равно къ наукѣ.

Отдѣлъ этотъ оканчивается разсмотрѣніемъ, весьма важнаго для теоріи и для практики, вопроса *о кодификаціи международнаго права.* Вмѣстѣ съ Бульмеринкомъ, Бергбомомъ и Лоримеромъ авторъ принадлежитъ къ числу ея противниковъ, но онъ разработалъ вопросъ о ней такъ всесторонне, что, повидимому, едва ли можно прибавить къ его доводамъ новые, противъ этой реформы [1]).

Международный кодексъ, говоритъ онъ, въ строгомъ смыслѣ слова долженъ обозначать кодексъ добровольно принятый всѣми цивилизованными государствами для обязательнаго и постояннаго опредѣленія ихъ взаимныхъ юридическихъ отношеній. Но какіе, такъ сказать, предварительныя трудности воздвигаются на пути къ этой цѣли. Подобный кодексъ слѣдовало бы издать на одномъ, признанномъ оффиціальнымъ, языкѣ, а для отдѣльныхъ народовъ напечатать кромѣ того автентичные переводы. Не менѣе важно соглашеніе на счетъ метода его составленія, т. е. довольствоваться ли однимъ опредѣленіемъ руководящихъ началъ, или вдаваться въ нѣкоторые уже существующіе контроверсы относительно подробностей. Названный кодексъ подлежалъ бы обсужденію и утвержденію со стороны всѣхъ правительствъ единогласно, а, гдѣ это требуется внутренними законами государствъ, онъ долженъ былъ бы пройти еще чрезъ разсмотрѣніе палатами.

Эти препятствія, однако, какъ замѣчаетъ и авторъ, устранимы, если государства съ начала согласятся объ установленіи международно-законодательной коммиссіи, которая отъ ихъ имени была бы обязана принимать рѣшенія не единогласно, а по большинству голосовъ. Требовалось бы и объявить одинъ языкъ *международнымъ по преимуществу*, но это было бы полезно не въ этомъ только дѣлѣ, а и во многихъ другихъ.

---

[1]) За нее между новѣйшими писателями рѣшительно выступилъ проф. Мартенсъ въ I т. своего «Совр. межд. пр.».

Къ кодификаціи вообще могутъ приступать государства, въ которыхъ какъ наука права, такъ и судебная практика достигли высокаго развитія—вотъ почему многимъ изъ нихъ было бы недоступно участіе въ изучаемой нами реформѣ. Весьма различно далѣе смотрятъ правительства на многіе принципіальные вопросы международнаго права, не упоминая уже о подробностяхъ. Какъ рѣзко, напр., сказался на брюссельской конференціи 1874 г., по поводу опредѣленія законовъ и обычаевъ войны, антагонизмъ между великими державами, хотѣвшими опереться, главнымъ образомъ, на свои регулярныя, безчисленныя войска, и второстепенными государствами, которыя по неволѣ должны были отстаивать право всего населенія на народную оборону, не поддающуюся никакой регламентаціи. Еще менѣе можно ожидать соглашенія между государствами на счетъ правилъ морской войны. Здѣсь всякія ограниченія въ свободѣ дѣйствія гибельно отразились бы именно на слабѣйшей сторонѣ.

Напрасно защитники кодификаціи ссылаются на проведеніе этой реформы во внутреннихъ законодательствахъ Пруссіею (1794), Австріею (1811), Франціею (1803 — 10), Италіею (съ 1859) и теперь отчасти Германіею. Эти національныя реформы были вызваны гораздо болѣе политическими стремленіями, нежели юридическими потребностями улучшить законодательныя нормы и дать большую обезпеченность правосудію. Государства совершали кодификацію или вслѣдствіе усиленія въ нихъ монархическаго полновластія, или стремясь къ большему національному объединенію своихъ частей, или желая очистить свои законодательства отъ примѣси чуждыхъ имъ и инородныхъ элементовъ (напр., римскаго, французскаго права), полагая этимъ путемъ содѣйствовать болѣе всего распространенію въ массѣ населенія знакомства съ отечественнымъ правомъ.

Исторія и опытъ раскрыли постепенно неосновательность многихъ изъ этихъ ожиданій. Полезная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для внутренней жизни народовъ, кодификація повела къ паденію судебной практики и къ ослабленію научнаго творчества. Не безъ основанія указывали на это въ Германіи, сравнивая тѣ ея области, которыя не знали кодификаціи гражданскаго права, съ странами уже совершившими таковую. Но гораздо убѣдительнѣе примѣры, взятые изъ публичнаго права. Въ Англіи, гдѣ доселѣ государственная жизнь покоится на силѣ обычаевъ и молчаливыхъ соглашеній между короною и политическими партіями, — въ ней замѣчается болѣе устойчивости и обезпеченности, нежели въ странахъ континента, управляемыхъ по писаннымъ конституціямъ.

Съ изданіемъ международнаго кодекса необходимо рѣшить вопросъ и объ его отношеніяхъ къ обычному праву. Должно ли послѣднее съ этого момента совершенно прекратить свое дѣйствіе или можно будетъ и впредь оставить за нимъ нѣкоторую силу (desuetudo) отмѣнять и исправлять даже писанный законъ?

Едва ли этотъ кодексъ повелъ бы къ распространенію въ населеніяхъ болѣе ясныхъ и вѣрныхъ идей о правѣ. Это не было достигнуто національными кодификаціями и еще менѣе мыслимо въ международной области, гдѣ именно массы, никогда не принимая прямаго и активнаго участія въ дѣлахъ, не имѣютъ и никакого практическаго побужденія къ изученію относящихся сюда нормъ права. Во всякомъ случаѣ послѣднія выиграютъ гораздо болѣе, если они будутъ приняты правительствами въ ихъ внутренніе законы (напр., въ военные законы) и охраняемы уголовною санкціею, нежели высказаны въ отвлеченной формѣ статей международнаго кодекса.

Даже нельзя ожидать, чтобы этотъ кодексъ оказалъ вліяніе на уменьшеніе столкновеній между самими государствами. Вѣдь эти столкновенія возникаютъ не по невѣдѣнію правительствъ, а вслѣдствіе односторонняго преслѣдованія ими своихъ политическихъ интересовъ.

Кодификація по рукамъ и по ногамъ на долго связала бы всѣ принявшія ее государства. Они не могли бы, какъ въ остальныхъ трактатахъ, болѣе или менѣе легко измѣнять ихъ или отступаться отъ нихъ, но всякая подобная мѣра потребовала бы согласіе со стороны всѣхъ участниковъ. Опредѣленіе *срока* дѣйствія международнаго кодекса не устранило бы эти затрудненія, ибо краткій срокъ нельзя было бы назначить въ виду крайней сложности и трудности этой законодательной работы, требующей, по крайней мѣрѣ, четверти вѣка усилій и подготовительныхъ трудовъ, а болѣе или менѣе долгій срокъ неудобенъ, потому что впродолженіе его могли бы совершиться въ международной жизни такія великія событія, которыя сдѣлали бы неизбѣжными либо коренной пересмотръ кодекса, либо немедленное отступленіе отъ него отдѣльныхъ государствъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Гольцендорфъ приходитъ къ выводу, что для международной кодификаціи нельзя ожидать ни одной изъ тѣхъ политическихъ выгодъ, которыя были достигнуты кодификаціями гражданскихъ законовъ, а съ другой стороны, для нея невозможно будетъ избѣжать тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыя связаны съ послѣдними и состоятъ въ задержаніи органическаго роста права.

Послѣ подобнаго заключенія, казалось бы, Гольцендорфу слѣдовало бы совершенно отвергнуть кодификацію, но очевидно польза

послѣдней такова, что она заставляетъ и его высказаться за *постепенную и частичную кодификацію*. Напомнивъ извѣстное предложеніе Каченовскаго въ 1862 г. о томъ, чтобы предварительныя къ тому работы были сдѣланы частными съѣздами юристовъ всѣхъ странъ, Гольцендорфъ считаетъ уже теперь какъ бы зрѣлыми для кодификаціи вопросы, относящіеся къ мирнымъ сношеніямъ между народами на морѣ (мѣры для предупрежденія столкновеній судовъ, опредѣленіе правъ флага, охрана: потерпѣвшихъ крушеніе, кабелей и учрежденій, служащихъ судоходству, преслѣдованіе пиратства и торговли неграми), а равно такія отношенія между частными лицами, которыя, будучи новѣйшаго происхожденія, не вызываютъ въ судебной практикѣ много противорѣчій и споровъ (какова охрана правъ авторовъ, художниковъ и промышленниковъ). Затѣмъ къ кодификаціи могли бы приступить тѣ государства, которыя достигли бы соглашенія на счетъ извѣстныхъ вопросовъ и выразили бы это соглашеніе въ *общей декларацiи*. Если бы позднѣе великія державы установили бы въ такихъ декларацiяхъ нѣкоторые принципы международнаго права, онѣ могли бы содѣйствовать ихъ распространенію тѣмъ, что поставили бы ихъ принятіе вновь образующимися государствами, какъ непремѣнное условіе для дарованія этимъ государствамъ, съ ихъ стороны, признанія.

Наконецъ Гольцендорфъ высказываетъ еще одну глубоко-вѣрную истину, что *кодификація международныхъ нормъ вообще немыслима безъ учрежденія международнаго суда* (Völkergericht).

Прибавимъ къ этимъ размышленіямъ мнѣніе о кодификаціи Бульмеринка. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи [1]) онъ говоритъ о ней: предположеніе каждой кодификаціи составляютъ наличность богатаго положительнаго матеріала, обнимающаго всю область права, и высокій уровень научныхъ работъ. Законодатель не въ состояніи создать ни то, ни другое. Прежде чѣмъ можно будетъ приступить къ кодификаціи международнаго права, необходимо, чтобы практика и наука совершили еще много великихъ дѣлъ, необходимо, чтобы государства гораздо болѣе, чѣмъ доселѣ, сблизили и укрѣпили между собою *юридическое общеніе* и согласились бы, съ другой стороны, подчинить свои отдѣльные и исключительные интересы высшему благу всѣхъ. Полная кодификація, поскольку она должна касаться положительнаго права, а не субъективныхъ мнѣній ученыхъ, въ наше время невозможна.

Вовсе не отвергая значенія большинства изъ этихъ доводовъ, мы полагаемъ однако, что кодификація составляетъ и для международнаго права

---

[1]) Völkerrecht.

высшую, конечную цѣль. Только она дастъ ему ясность и авторитетность вполнѣ *положительнаго* права. Ею будетъ создана и твердая почва для *международной юстиціи*. Но эта работа—многотрудная, которая можетъ быть исполнена усиліями лишь многихъ поколѣній. Мы думаемъ, что для выполненія ея не могутъ быть признаны способными дипломаты, но она и не подъ силу отдѣльнымъ юристамъ, хотя бы наиболѣе опытнымъ и компетентнымъ. Вмѣстѣ съ Каченовскимъ и Мартенсомъ мы полагаемъ, что къ предварительнымъ работамъ по этому дѣлу слѣдуетъ привлечь *ученыхъ юристовъ и публицистовъ всѣхъ образованныхъ государствъ*. Лучшимъ органомъ въ этомъ смыслѣ представляется *Институтъ международнаго права*, обязанный, въ силу своего устава, оказывать содѣйствіе всякой постепенной и прогрессивной попыткѣ кодификаціи международнаго права. Это—со стороны научной, а съ практической необходимо, чтобы *международные суды* (третейскіе и постоянный) проложили и очистили для нея дорогу. Самую же кодификацію должно производить съ крайнею осмотрительностію, именно постепенно и частично, т. е. постольку, поскольку извѣстные отдѣлы международнаго права, такъ сказать, созрѣли для строго-юридическаго опредѣленія. Нечего ожидать принятія международнаго кодекса всѣми государствами и надо позаботиться о его своевременныхъ, по указаніямъ опыта, исправленіяхъ и дополненіяхъ. Не стѣсняя *договорной свободы* государствъ, въ частностяхъ онъ болѣе всего призванъ соединить ихъ въ настоящій *юридическій союзъ*.

9. **Pradier-Fodéré**. Traité de droit international public, européen et américain. T. I.—III., 1885—87.

Прадье-Фодере, извѣстный въ литературѣ своими переводами сочиненій Гроція и Фіоре и изданіемъ Ваттеля, приступилъ въ настоящемъ трудѣ къ изложенію всего публичнаго международнаго права не только Европы, но и Америки, «сообразно съ успѣхами новѣйшей науки и практики». По странному стеченію обстоятельствъ до сихъ поръ не существовало на французскомъ языкѣ ни одного полнаго сочиненія по этому предмету, написаннаго французомъ. Были переводы, или сочиненія устарѣвшія и неудачныя и только Кальво своими трудами, написанными по французски, восполнялъ этотъ пробѣлъ.

Фодере, по желанію перуанскаго правительства, основавъ и организовъ въ Лимѣ факультетъ политическихъ наукъ, преподавалъ въ немъ впродолженіе пяти лѣтъ (1875—79) различные отдѣлы нашего предмета. Изъ этихъ чтеній составился его «Курсъ дипломатіи», о которомъ мы говоримъ ниже, и настоящій трудъ.

Авторъ задумалъ его въ очень обширныхъ размѣрахъ, онъ долженъ

состоять изъ пяти томовъ. Вышло пока три. Всегда неутомимый и добросовѣстный труженикъ, Прадье-Фодере не отличается оригинальностью мыслей и сочиненіе его по красотѣ изложенія уступаетъ трудамъ Блюнчли и Фіоре. Въ немъ и нѣтъ, не смотря на его объемъ, столько положительнаго матеріала, сколько мы находимъ его у Кальво и Бульмеринка. Но къ его особенностямъ должно отнести: во 1-хъ, частыя ссылки на законы и трактаты американскихъ республикъ, которые авторъ вообще хорошо изучилъ, восполняя въ этомъ отношеніи вмѣстѣ съ Кальво значительный пробѣлъ въ европейской литературѣ [1]). Во 2-хъ, особое предпочтеніе, питаемое авторомъ къ болѣе древнимъ авторитетамъ нашей науки, т. е. къ Гроцію, Ваттелю, Мартенсу и Клюберу. Чуть не по каждому вопросу онъ дѣлаетъ изъ нихъ большія, буквальныя выписки, что неумѣстно и весьма удлинняетъ его изложеніе. Въ большинствѣ случаевъ мнѣнія эти устарѣли и для читателя интереснѣе мысли новѣйшихъ писателей, которыхъ авторъ ставитъ иногда какъ бы на второй планъ. Въ 3-хъ, въ противоположность прежнимъ публицистамъ, Фодере заявляетъ, что онъ желаетъ въ своемъ сочиненіи держаться демократической точки зрѣнія. Это едва ли вѣрно. Международное право ничего не имѣетъ общаго съ тѣми или иными *политическими* принципами, будучи прежде всего *системою права*.

Авторъ держится слѣдующей системы: послѣ обширнаго введенія, въ которомъ онъ даетъ опредѣленіе предмета, его источниковъ и отношенія къ другимъ областямъ права и останавливается на международныхъ лицахъ и на государствахъ, онъ дѣлитъ весь предметъ на двѣ главныя части: I. о правахъ и обязанностяхъ государствъ и II. объ отношеніяхъ между ними. Къ первой части, которую содержатъ оба первые тома, отнесены права государствъ: на сохраненіе, на независимость, на равенство, на собственность и на обязательства (трактаты).

Ученіе объ отношеніяхъ раздѣлено на время мира и время войны. Мирныя сношенія касаются дипломатіи, частно-правовой области (томъ третій) [2]) торговыхъ и экономическихъ вопросовъ и морскаго права. Сношенія во время войны разсматриваются касательно воюющихъ, нейтральныхъ и возстановленія мира.

Эта система едва ли можетъ быть названа юридически-выдержан-

---

[1]) Весьма интересны его постоянныя хроники о латинскихъ республикахъ Америки въ Revue.

[2]) Здѣсь же изложено участіе о выдачѣ преступниковъ.

ною. Автору, повидимому, неизвѣстны прекрасные труды по систематизаціи международнаго права германскихъ писателей. Въ введеніи мы не находимъ ни историческаго очерка международныхъ сношеній, ни обзора литературы. Ученіе же о международныхъ лицахъ должно быть отнесено къ первой части догмы.

Изъ спеціальныхъ отдѣловъ останавливаютъ на себѣ вниманіе въ первомъ томѣ ученіе объ интервенціяхъ, а во второмъ о трактатахъ. Но и тутъ авторъ вдается часто въ утомительныя и совершенно излишнія подробности и повторенія.

ГЛАВА II.

О трактатахъ.

10. Іеллинекъ.—11. Лаги.—12.—Винесьё.

Главнымъ источникомъ международныхъ обязательствъ являются трактаты. Въ нихъ преимущественно слѣдуетъ искать нормы, которыми государства опредѣляютъ свои взаимныя отношенія. Будучи весьма разнообразными въ частностяхъ, они носятъ однако, въ каждую эпоху, опредѣленный характеръ, который и кладетъ свою печать на положительное международное право этой эпохи.

10. **Iellinek**. Die rechtliche Natur der Staatenverträge. 1880.

Поставивъ себѣ цѣлью изучить трактаты сообразно съ ихъ *внутреннею природою*, Іеллинекъ [1]) нашелъ себя вынужденнымъ предварительно остановиться на самомъ *основномъ принципѣ* международнаго права. Это собственно составляетъ главную и большую часть его монографіи, хотя онъ и называетъ ее лишь добавленіемъ (Beitrag) къ ученію о юридическомъ построеніи международнаго права.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ даетъ намъ съ большою ясностію и послѣдовательностію изложеніе и обоснованіе *субъективнаго* принципа международнаго права, лежащаго въ *волѣ* (суверенитетѣ) *государствъ*, отдѣльно взятыхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Іеллинекъ старается доказать, что это право юридически покоится на томъ же основаніи и имѣетъ такое же значеніе, какъ не только *остальное публичное* право, но и *все право* вообще.

Этому направленію, какъ извѣстно, противостоитъ въ наукѣ другое, объективное, исходящее не изъ принципа суверенитета, а общенія.

Удалось-ли Іеллинеку доказать свой трудный тезисъ? Если принять его исходную точку, надо сознаться, что удалось, но именно послѣдовательность, съ которою авторъ развиваетъ свое ученіе, показы-

---

[1]) Онъ состоитъ проф. въ Вѣнѣ.

ваетъ намъ односторонность и недостаточность всего этого направленія.

Теорія Іеллинека держится на весьма распространенномъ среди юристовъ въ наше время мнѣніи, что *государство есть единственный творецъ права*, которое и представляется исключительно продуктомъ его воли [1]).

Дѣлая оговорку, что въ волѣ нельзя искать послѣдняго, философскаго основанія права, авторъ говоритъ, что для юриста съ формальной точки зрѣнія все право вытекаетъ изъ свободы государственной воли. Но и это еще не вполнѣ точно: не воля государства сама по себѣ творитъ право, а эта воля обязывающая [2]).

Государство создаетъ право тѣмъ, что обращается къ волѣ съ извѣстною нормою, лишь въ томъ смыслѣ, что оно издаетъ правила, которыя либо предписываютъ, либо воспрещаютъ волѣ извѣстныя дѣйствія, оно является творцомъ права.—Всякое дѣйствіе, которымъ государство высказываетъ право, должно быть понимаемо какъ дѣйствіе обязывающее (Act der Verpflichtung.).

Съ такими нормами государство обращается, какъ извѣстно, къ своимъ *подданнымъ* и къ тѣмъ *органамъ*, которые осуществляютъ его волю. Но можетъ ли оно обращаться съ ними и къ *себѣ самому?* Могутъ ли обязывающій и обязанный совпадать въ одномъ и томъ же лицѣ? Съ подтвержденіемъ этого положенія, замѣчаетъ Іеллинекъ, мы докажемъ и юридическую основу международнаго права въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ на такую основу опираются право гражданское, уголовное или всякое иное, отъ государства исходящее положительное право.

Авторъ приступаетъ къ рѣшенію своей задачи двоякимъ путемъ. Онъ указываетъ, во первыхъ, на несостоятельность весьма древняго, и даже нынѣ не всѣми оставленнаго ученія объ абсолютности государственной власти, вслѣдствіе которой будто бы немыслимо юридическое самоограниченіе государя (Souverän) издаваемыми имъ самимъ

---

[1]) Въ началѣ своего труда авторъ признаетъ какъ бы *два* правообразующихъ органа: *народъ* въ его естественномъ состояніи и *государство*, какъ политическое объединеніе народа. Юридическою, по его мнѣнію, становится лишь такая норма, которая можетъ быть обоснована на волѣ того или другаго органа.— Но во всемъ послѣдующемъ изложеніи онъ имѣетъ въ виду *только* государство и даетъ даже такое опредѣленіе праву: въ самомъ широкомъ смыслѣ *правомъ должна быть названа совокупность нормъ, признанныхъ государствомъ для себя обязательными.*

[2]) Denn nicht der Staatswille schlechthin, sondern der *verpflichtende* Staatswille ist Recht.

нормами (Gebote). Въ подкрѣпленіи этой теоріи сходятся столь противоположные между собою мыслители, какъ Бодинъ, основатель теоріи суверенитета, Гоббесъ, Руссо, Кантъ и Шталь [1]). Но признавая такую формальную несвязанность государственной власти, абсолютисты пытаются провести ей нравственныя границы, или отыскать таковыя въ естественномъ правѣ. Лишь съ половины 18 вѣка возникаетъ идея, что государство ограничивается собственнымъ своимъ существомъ.

Высказанная впервые Вольфомъ, она составляетъ съ тѣхъ поръ одну изъ важнѣйшихъ проблеммъ философіи права, ибо только подъ условіемъ ея рѣшенія станетъ возможнымъ провести грань между правами государства и отдѣльнаго лица. Источникъ этого ложнаго направленія мысли Іеллинекъ справедливо видитъ въ афоризмѣ римскаго права: princeps legibus solutus est и въ первоначальномъ развитіи современнаго государства подъ эгидою монархическаго абсолютизма.

Если изъ области права обратиться къ этикѣ, то и здѣсь мы вивимъ, что представленіе о подчиненности воли собственнымъ нормамъ составляетъ краеугольный камень современной нравственной философіи. Послѣдняя покоится на принципѣ автономіи. Лишь тѣ наши дѣйствія имѣютъ вполнѣ нравственную цѣну, которыя возникаютъ изъ нравственнаго намѣренія и настроенія (Gesinnung), т. е. изъ воли, опредѣляемой лишь ею самою полагаемыми нравственными правилами. Воля поступаетъ нравственно, повинуясь не внѣшнему авторитету, а законамъ, которые она сама себѣ предписала и повиновеніе которымъ ей повелѣвается совѣстью. Актъ обязыванія есть актъ мотиваціи, состоящій въ требованіи отъ воли того, чтобы она признала извѣстный мотивъ абсолютно-сильнѣйшимъ для себя. Отъ кого исходитъ подобное требованіе—отъ посторонняго ли разума или возникаетъ оно въ мірѣ представленія дѣйствующаго—для акта обязыванія безразлично. Да, можно пойти далѣе и утверждать, что всякое обязываніе есть самообязываніе, ибо постороннее представленіе, долженствующее меня обязать, должно предварительно сдѣлаться моимъ представленіемъ, чтобы воздѣйствовать какъ мотивъ на мою волю. Итакъ, заключаетъ авторъ, о логической невозможности самообязыванія не можетъ быть и рѣчи.

---

[1]) Послѣдній, напр., говоритъ: государство обладаетъ верховною, но не абсолютною властью; оно неограниченно въ формальномъ, а не въ матеріальномъ отношеніи. И далѣе: законодатель не можетъ быть связываемъ собственными законами? Впрочемъ, у него встрѣчаются и иные обороты мысли.

Въ чемъ бы мы ни видѣли источникъ права—въ божественной ли волѣ, въ природѣ человѣка или въ договорѣ, но предъ нами остается психологическая загадка, почему воля сознаетъ себя способною обязывать и обязываться. Въ *сознаніи* принятаго обязательства лежитъ послѣднее психологическое основаніе обязательства, которое не поддается уже дальнѣйшему анализу.

Отъ дедукціи Іеллинекъ переходитъ къ индукціи, къ провѣркѣ своего положенія на конкретныхъ явленіяхъ государственной жизни.

Здѣсь онъ напоминаетъ прежде всего, что октроированіе конституціи государемъ не есть, какъ прежде думали, договоръ между нимъ и его подданными, но такой актъ, посредствомъ котораго онъ подчиняетъ новому праву не только подданныхъ, но и себя самого.

Съ этой же точки зрѣнія должно обсуждать и всѣ остальныя ограниченія государственной власти. Современная жизнь создала такія для нея ограниченія съ положительно-правовымъ (positivrechtliche) характеромъ. Вся теорія правоваго государства основана на томъ принципѣ, въ силу котораго установляются юридическіе предѣлы для проявленія его власти. Основные законы, права гражданъ съ ихъ чисто отрицательной стороны суть именно такія ограниченія государственной воли, ею самою полагаемыя [1]). Оспаривать это, значитъ отвергать юридическій характеръ всего государственнаго права. Итакъ, законодательная власть, издавая нормы, сама себя обязываетъ, а управленіе и юстиція лишь дѣйствуютъ въ сферѣ, ею очерченной.

Іеллинекъ напоминаетъ далѣе, что при составленіи каждаго закона бываетъ такой моментъ между его санкціею и публикаціею, когда онъ, не будучи еще обязательнымъ для подданныхъ, связываетъ уже однако самого законодателя. Вотъ почему актъ государственной воли, хотя и не преданный гласности, остается для нея въ силѣ, несмотря на полное, быть можетъ, о немъ невѣдѣніе со стороны подданныхъ—весьма важное обстоятельство для теоріи трактатовъ.

Изъ всего этого изложенія само собою слѣдуетъ, что, видя въ самообязываніи государства главный, общій моментъ всѣмъ отраслямъ положительнаго права, Іеллинекъ высказывается противъ мнѣнія, господствующаго среди юристовъ (и защищаемаго и Іерингомъ), будто право возможно не иначе, какъ подъ условіемъ существованія судебной и принудительной власти для его осуществленія. Такое принужденіе противъ государства не мыслимо. Отвѣтственность мини-

---

[1]) Die Freiheitsrechte oder Grundrechte, говоритъ Герберъ, sind Normen für die Staatsgewalt, welche die Staatsgewalt sich selbst gibt.

стровъ, административные и обыкновенные суды суть способы принужденія, направляемые противъ отдѣльныхъ органовъ государства, а не противъ него самого въ цѣломъ. Исполняя приговоръ суда, государство подчиняется собственному рѣшенію и поэтому *является всегда судьею въ собственномъ дѣлѣ* [1]).

Этотъ выводъ, замѣтимъ, самъ по себѣ достаточенъ для осужденія теоріи отождествленія права съ государствомъ. Но онъ важенъ для автора, ибо подтверждаетъ одинаковую природу международнаго и государственнаго права вообще. Если нормы послѣдняго, говоритъ онъ, отличаются большею прочностью, то происходитъ это вовсе не отъ юридическаго его существа, а отъ *нравственныхъ* гарантій. Государство, полагая право, считаетъ себя доселѣ болѣе связаннымъ предъ своими гражданами, чѣмъ предъ другими народами, но можно надѣяться, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ это различіе сгладится. Во всякомъ случаѣ, въ обѣихъ областяхъ осуществленіе права зависитъ въ послѣдней инстанціи отъ такихъ моментовъ, которые уже лежатъ внѣ его. Отрѣшенное отъ своихъ этическихъ основъ, право становится похожимъ на карточный домикъ, падающій отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра. Іеллинекъ предвидитъ главное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ его теоріи: не узаконяетъ ли она въ твореніи права произволъ государства, признавая его вольнымъ принять или отвергнуть извѣстное самоограниченіе?

Здѣсь авторъ выдвигаетъ различіе субстанціальнаго (матеріальнаго) элемента отъ формальнаго въ вопросѣ объ образованіи права. Какъ бы мы ни смотрѣли, говоритъ онъ, на существо государства, но несомнѣнно одно, что воля его опредѣляется не произволомъ, не капризами, а *разумными* мотивами. Не отъ его усмотрѣнія зависитъ установленіе юридическаго порядка съ тѣмъ или инымъ содержаніемъ и направленіемъ. Цѣли, ради которыхъ существуетъ государство, понуждаютъ его быть по преимуществу органомъ высказывающимъ и оберегающимъ право народа. Не исполняя этого своего призванія, оно подрываетъ основы собственнаго бытія. Предъ этою высшею задачею отступаютъ на задній планъ всѣ иныя его обязательства. Поэтому, если извѣстныя юридическія нормы не соотвѣтствуютъ болѣе его цѣли, государству нечего поддерживать ихъ долѣе, въ виду верховной своей обязанности не измѣнять своей цѣли. Мало того государство и не обязывается безъусловно повиноваться юридическимъ нормамъ. Какъ только послѣднія въ конкретномъ случаѣ придутъ

---

[1]) Der Staat ist immer Richter in eigener Sache.

въ столкновеніе съ высшими цѣлями государства, онѣ должны имъ уступить. Не слѣдуетъ забывать, что государствамъ, какъ и индивидамъ, принадлежитъ право крайней необходимости (Nothrecht).

Вотъ почему и по времени и по пространству самообязываніе государства не абсолютно. Оно дѣйствительно всегда съ оговоркою rebus sic stantibus, т. е. подъ условіемъ соотвѣтствія каждаго его акта тѣмъ объективнымъ отношеніямъ, которыя его вызвали.

Чрезъ это устраняется новое, часто дѣлаемое возраженіе противъ юридическаго характера международнаго права. Говорятъ, что цѣлая пропасть лежитъ между обязательствами частныхъ лицъ и договорами государствъ, ибо послѣдніе исполняются и нарушаются не по требованіямъ права, а по соображеніямъ пользы и силы. Это разсужденіе грѣшитъ своимъ основаніемъ: трактаты слѣдуетъ сравнивать не съ частными обязательствами, стоящими подъ охраною государственныхъ законовъ, а съ тѣми нормами, которыя государство выставляетъ для себя.

Съ этой точки станетъ ясно, что обязательства его во внутренней или во внѣшней жизни вполнѣ тождественны по отношенію продолжительности и прочности. На замѣчаніе, будто государства въ своихъ обоюдныхъ сношеніяхъ слѣдуютъ только собственному интересу, можно возразить, что и въ отношеніяхъ къ подданнымъ они повинуются тѣмъ же своимъ *интересамъ, совпадающимъ съ ихъ разумными цѣлями*. Если смотрѣть на право съ точки зрѣнія лица, оно является неприкосновеннымъ и изъятымъ отъ частнаго произвола, но если взглянуть на него сверху внизъ съ точки зрѣнія государства, оно, право, несмотря на свой для государства обязательный характеръ, находится въ вѣчномъ процессѣ образованія. На этомъ основаніи однако оговорка rebus sic stantibus не подрываетъ нисколько священности ни законовъ, ни трактатовъ.

Къ цѣлямъ государства относится безспорно установленіе и поддержаніе сношеній съ другими народами. Это вытекаетъ не изъ усмотрѣнія государственной власти, а изъ ея природы, нуждающейся въ восполненіи со стороны другихъ ей подобныхъ единицъ. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія существа государства исчезаетъ произволъ, представляющійся какъ бы съ чисто формальной стороны.

Но, спрашиваетъ Іеллинекъ, не разрушили ли мы сами свою теорію, основавъ право на свободѣ и сведя послѣднюю къ необходимости?

Тутъ онъ соглашается, что необходимо послѣднее основаніе права видѣть въ какомъ либо объективномъ принципѣ. Принципъ этотъ дается намъ въ *природѣ тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя*

требуютъ юридической нормировки. Эта природа для воли государства также неприкосновенна, какъ и для всякой другой. Но если существо государства ему предписываетъ творить и оберегать право, послѣднее есть всетаки произведеніе его воли, его собственное, свободное дѣло. Вся задача его при этомъ состоитъ въ томъ, чтобы превратить объективно-необходимое, въ силу его природы, въ субъективный моментъ его воли. Это необходимое составляетъ всетаки для государства предметъ свободнаго хотѣнія, хотя, съ другой стороны, отказъ отъ него былъ бы равносиленъ самоуничтоженію.

Итакъ, заключаетъ Іеллинекъ, международное право не есть право стоящее *надъ* государствами (überstaatliches Recht): оно формально вытекаетъ изъ того же самаго источника, изъ котораго возникаетъ все объективное право вообще—изъ *воли* правотворящаго государства.

Ознакомившись съ теоріею Іеллинека, наиболѣе послѣдовательнаго изъ субъективистовъ, намъ не менѣе интересенъ отвѣтъ, дѣлаемый имъ новѣйшему представителю объективнаго основанія международнаго права—*Фрикеру.* Послѣдній говоритъ [1]): международное право становится возможнымъ вслѣдствіе соглашенія различныхъ государствъ, въ силу признанія ими общихъ обязательныхъ для себя нормъ. Это должно быть право quod apud omnes gentes peraeque custoditur.

Указанная же теорія низводитъ его на степень внѣшняго государственнаго права.

Нормы выставляемыя отдѣльнымъ государствомъ, обязательны для него самого, но не болѣе; онѣ не ведутъ къ юридической связи этого государства съ другими.

На это Іеллинекъ возражаетъ: воззрѣніе Фрикера, послѣдовательно проведенное, своимъ результатомъ имѣло бы отрицаніе возможности права вообще. Вѣдь основывается же юридически свойство человѣка быть субъектомъ права на его признаніи таковымъ со стороны государства. Но если государство такимъ признаніемъ создаетъ право между собою и индивидуумомъ, то нѣтъ основанія отказать ему въ той же способности и по отношенію къ другой ему подобной личности (т. е. государству).

И для него другое лицо становится субъектомъ права только вслѣдствіе его собственнаго признанія этого лица таковымъ. А признаніе

---

[1]) Въ своей критикѣ соч. *Бергбома.* Staatsverträge und Gesetze als Quellen des Völkerrechts. 1877. Noch einmal das Problem des Völkerrechts въ Zeitschr. für d. ges. Staatsw. 1878. S. 368.

это оно вынуждено дать, если вступаетъ съ нимъ въ сношенія. Воля государства тутъ ограничивается (связывается) объективною природою этихъ сношеній. Вступая свободно въ послѣднія, государство однако своею же волею превращаетъ присущіе этимъ сношеніямъ моменты въ нормы, обязывающія его волю. Возникающее такимъ образомъ между государствами право есть положительное, для нихъ всѣхъ равно обязательное. За отсутствіемъ надъ ними высшей законодательной власти общее, объективное право можетъ возникнуть не иначе, какъ признаніемъ ими природы вещей за масштабъ для своей воли (т. е. превращеніемъ naturalis ratio въ civilis ratio).

Какъ ни заманчива для юриста, особенно съ формальной стороны, эта теорія, мы не можемъ ея принять по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Она отождествляетъ право съ государствомъ, но первое древнѣе и обширнѣе (по своему дѣйствію) втораго. Настоящій и единственный источникъ права не въ *волѣ государства*, а въ *природѣ человѣка*, которой служитъ и само государство. Правотворящими органами являются *союзы*, въ которыхъ живутъ люди и въ числѣ коихъ первое мѣсто дѣйствительно принадлежитъ государству. 2) Съ точки зрѣнія Іеллинека уничтожается всякое принципіальное различіе между государственнымъ правомъ и всѣми другими областями права. 3) На своей территоріи государство даетъ своимъ признаніемъ юридическимъ нормамъ характеръ положительныхъ, но это *признаніе* (санкцію) нельзя отождествлять съ ихъ *твореніемъ*, особенно *внѣ* сферы государственной, въ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ слова. 4) Спеціально въ международной области юридическія нормы вырабатываются совмѣстною жизнью *цивилизованнаго человѣчества*, а отдѣльныя государства лишь признаютъ ихъ, но не *создаютъ* обязательными только для себя въ той или иной формѣ для конкретныхъ случаевъ. Надо желать, чтобы, въ виду этой самостоятельности международнаго права отъ воли отдѣльныхъ государствъ, для него были со временемъ установлены и *особые органы*, которые отыскивали, высказывали и прилагали бы нормы этого права, а государства признавали бы ихъ обязательными лишь на своихъ территоріяхъ.

Самъ Іеллинекъ не склоняется ли молчаливо къ этому воззрѣнію, установляя въ процессѣ образованія права, какъ мы видѣли, два момента: формально-юридическій и субстанціально-философскій и видя послѣднее основаніе права не въ *волѣ*, а въ самой *природѣ* тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя подвергаются юридическому опредѣленію?

Гораздо меньшую часть монографіи Іеллинека занимаетъ, какъ мы

сказали, собственно *ученіе о трактатахъ*, выводимое имъ также изъ природы вещей, т. е. изъ существа договаривающихся сторонъ и изъ природы и содержанія ихъ воли. Прежде всего онъ предостерегаетъ отъ примѣненія по аналогіи частно обязательственныхъ нормъ къ трактатамъ. Аналогія, рѣшая извѣстный вопросъ въ духѣ существующаго права, призвана восполнять его пробѣлы, но не создавать его съизнова. Должно быть признано предварительно объективное международное право для того, чтобы аналогія могла оказать свое дѣйствіе какъ вспомогательная форма права. Трактаты должны быть обсуждаемы по самостоятельнымъ нормамъ, а не по началамъ, заимствованнымъ изъ гражданскаго права.

Весьма энергично высказывается авторъ за необходимость *ратификаціи* договоровъ. Это логически вытекаетъ изъ самаго понятія суверенитета. Къ существеннымъ свойствамъ послѣдняго относится его—неотчуждаемость. Онъ не можетъ быть переданъ другому. Право заключать договоры относится къ основнымъ правамъ верховенства и также не передаваемо, какъ право объявленія войны, утвержденія законовъ.

Хотя бы рѣчь шла о неважныхъ интересахъ и хотя бы ратификація не была дана явно,—ее всегда слѣдуетъ предполагать даже въ молчаливой формѣ. До ратификаціи не существуетъ самого трактата, а мы имѣемъ дѣло лишь съ sponsio. Отказъ въ ней можетъ вызвать въ конкретномъ случаѣ нравственное осужденіе и даже подорвать довѣріе къ государству, но никогда не будетъ нарушеніемъ права.

Отъ ратификаціи слѣдуетъ отличать *публикацію*. Первая, какъ и санкція законовъ, обязываетъ только государство, вторая, если ее находятъ нужною, обязывая подданныхъ, принадлежитъ уже къ исполненію трактатовъ.

Никакая *форма* для послѣднихъ не можетъ быть выведена изъ природы вещей. Даже слова не всегда требуются для заключенія договоровъ, какъ это доказываютъ соглашенія, принятыя во время войны посредствомъ знаковъ.

Обязательную силу трактатовъ авторъ основываетъ формально на *волѣ* заключающихъ ихъ сторонъ, а матеріально на тѣхъ же соображеніяхъ, которыя побуждаютъ государство охранять частныя обязательства,—на этическомъ требованіи *вѣрности* данному слову и практическомъ, вытекающемъ изъ *пользы* сношеній. Собственный интересъ заставляетъ государства заключать договоры и тотъ же интересъ требуетъ неприкосновенности послѣднихъ.

Государство вѣроломное подвергло бы себя исключенію изъ семьи

народовъ. Мы получаемъ такимъ образомъ кругъ: интересъ оберегаетъ вѣрность и самъ отъ нея получаетъ защиту. Вопреки всѣмъ нарушеннымъ трактатамъ, ни одно государство не смѣло еще выступить съ теоріею ихъ необязательности. Нигдѣ въ международномъ правѣ намъ не представляется столь очевидною связанность воли своимъ объектомъ какъ въ этомъ основномъ пунктѣ всего договорнаго права.

Говоря о дозволенныхъ предметахъ (causa) трактатовъ, авторъ ставитъ на видъ неприложимость къ нимъ понятія о *laesio enormis*, перенесеннаго изъ гражданскаго права. Въ договорныхъ сношеніяхъ между государствами нельзя установить даже приблизительнаго уравненія между ихъ обоюдными дѣйствіями и обязательствами. Заблужденіе и обманъ препятствуютъ заключенію договоровъ и въ международной области, но не *принужденіе*. Государство, подписавшее трактатъ, уступая лишь силѣ другаго, не въ правѣ отъ него отступиться, иначе были бы невозможны мирные трактаты. Развѣ одно абсолютное принужденіе, которое исключило бы всякое дѣйствіе воли, могло бы сдѣлать договоръ необязательнымъ, но таковое къ государству даже не приложимо. Самый выборъ для государства между порабощеніемъ или принятіемъ условій побѣдителя не указываетъ еще на абсолютное давленіе, но свидѣтельствуетъ о признаніи его свободною государственною личностью.

Этотъ аргументъ намъ кажется софизмомъ. Іеллинекъ полагаетъ, что всякая попытка опредѣлить юридически степень принужденія невыполнима потому, что государства остаются судьями въ собственномъ дѣлѣ. На практикѣ это повело бы къ предоставленію побѣжденному сужденія о томъ, насколько для него обязателенъ мирный трактатъ, или къ признанію недѣйствительными вообще таковыхъ договоровъ.

Здѣсь мы имѣемъ подтвержденіе недостаточности субъективной теоріи.

Международное право къ тому именно должно стремиться, чтобы *государства въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ не были собственными судьями*. Іеллинекъ не допускаетъ только принужденія, направленнаго прямо противъ представителей государствъ.

Впрочемъ замѣтимъ, что онъ излагаетъ это ученіе о принужденіи согласно съ большинствомъ интернаціоналистовъ. Отъ нихъ рѣзко выдѣляются итальянскіе писатели, осуждающіе изложенную теорію. Ниже мы увидимъ попытку Лаги поставить ее на юридическую почву.

Къ числу общеизвѣстныхъ поводовъ прекращенія трактатовъ Іелли-

некъ прибавляетъ еще два, основанные на своеобразной природѣ государства. Во первыхъ, столкновеніе договора съ высшими цѣлями послѣдняго и въ особенности съ правомъ его на самосохраненіе. Во вторыхъ, нарушеніе его другимъ контрагентомъ. Въ обоихъ случаяхъ трактаты теряютъ свою дѣйствительность.

Но и тутъ, добавимъ мы, не слѣдовало бы все предоставлять усмотрѣнію заинтересованныхъ сторонъ, а той изъ нихъ, которая почтетъ себя въ правѣ отступиться отъ трактата, слѣдовало бы обращаться къ третейскому суду, учрежденіе котораго должно быть предъусмотрѣно въ самомъ трактатѣ. Это весьма хорошо выяснено Фіоре [1]).

Относительно *классификаціи* договоровъ авторъ сомнѣвается даже въ отысканіи вполнѣ подходящей, но полагаетъ, что она должна отправляться отъ ихъ *содержанія*.

Здѣсь впрочемъ мы должны отмѣтить, что Іеллинекъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи «Ученіе о соединеніяхъ государствъ» 1882 г., о которомъ мы говоримъ подробно ниже, коснулся и вопроса о *классификаціи трактатовъ*. Смотря по *роду* и по *степени* соединеній, которыя они установляютъ между государствами, онъ сводитъ ихъ къ двумъ группамъ. Къ первой (nach der *Art* der Verbindungen) отнесены: договоры административные и политическіе. Вторую группу (nach dem *Grad* der Verbindungen) образуютъ: договоры въ тѣсномъ смыслѣ и собственно союзы, соединенія (Bündnisse), которыя въ свою очередь распадаются на неорганизованныя и организованныя. Оставляя въ сторонѣ вторую группу, какъ спеціально касающуюся сложныхъ государствъ, мы видимъ, что, и по мысли Іеллинека, раціональная классификація трактатовъ должна отправляться отъ ихъ *содержанія* или *предметовъ*. Къ этому пришелъ и новѣйшій ихъ изслѣдователь Винесьё и въ этомъ смыслѣ установилось почти полное единомысліе между современными интернаціоналистами.

Можно выставить и другую классификацію, основанную на *объемѣ* или *пространствѣ дѣйствія* трактатовъ.

Тогда мы получимъ: *ноты*, односторонніе акты, *трактаты* и *конвенціи*, акты большею частію двусторонніе и *деклараціи*, какъ бы международные законы, обязательные для всѣхъ или для большинства государствъ.

Послѣдняя форма должна распространиться съ кодификаціею международнаго права.

Таковы, въ немногихъ чертахъ, объективныя нормы для международныхъ обязательствъ.

---

[1]) Во второмъ томѣ его «Международнаго Права» (2 изд. 1882).

Лишь онѣ обезпечиваютъ юридическое значеніе ихъ содержанія, а чрезъ это содѣйствуютъ дальнѣйшему, сознательному развитію и всего международнаго права.

Въ нихъ содержатся правила взаимнаго поведенія государствъ и, будучи неизбѣжно результатомъ обоюднаго соглашенія контрагентовъ, онѣ путемъ договоровъ ведутъ къ установленію международнаго права въ полномъ смыслѣ этого слова. Большая часть возраженій, дѣлаемыхъ противъ него, объясняется поспѣшнымъ отождествленіемъ *права вообще* съ существенными признаками *права гражданскаго*. Но послѣднее, изъ всѣхъ отраслей юриспруденціи, достигло впродолженіе тысячелѣтняго непрерывнаго развитія наивысшей обработанности и наиболѣе солидныхъ гарантій, и нечего удивляться, что взоръ, ослѣпленный лучами этой наиболѣе свѣтлой части правовѣдѣнія, поражается, если переходитъ къ разсмотрѣнію международныхъ отношеній, съ ихъ смутными и часто неустановившимися еще чертами. Но достаточно сравнить послѣднія съ внутренне-государственными нормами, чтобы отказаться отъ смѣшенія гражданскаго права съ правомъ вообще.

11. **Laghi**. Teoria dei trattati internazionali. 1882.

Это сочиненіе Лаги, проф. въ Пармѣ, задумано въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ вышедшемъ пока первомъ томѣ онъ даетъ намъ весьма обстоятельно и хорошо написанную *общую теорію трактатовъ*. Во второмъ предполагаетъ разсмотрѣть всѣ ихъ *отдѣльные виды*, включая и конкордаты. При этомъ онъ имѣетъ намѣреніе остановиться на ихъ исторіи, на управляющихъ ими теоретическихъ и положительныхъ нормахъ и на судебныхъ рѣшеніяхъ. Свое сочиненіе Лаги предназначаетъ для дипломатовъ и для юристовъ, какъ для изучающихъ право, такъ и для занимающихся судебною практикою. По этому плану трудъ его обниметъ едва ли не все международное право,—что впрочемъ и соотвѣтствуетъ воззрѣнію автора на трактаты, какъ на *положительные законы* сношеній между народами.

Книга Лаги заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ: это есть не только самое полное изслѣдованіе по одному изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ нашей науки (особенно для юриста), но и изслѣдованіе, привлекающее къ себѣ независимостью и благородствомъ мысли, равно какъ и ясностью и красотою изложенія.

Въ введеніи авторъ бросаетъ общій взглядъ на историческое развитіе трактатовъ, начиная съ до-историческихъ племенъ, древнихъ Индійцевъ, Египтянъ, Евреевъ, Финикіянъ, Карѳагенянъ и переходя

чрезъ Грековъ, Римлянъ и средніе вѣка къ новому времени. Обиліе трактатовъ у древнихъ Грековъ приводитъ его къ невѣрному выводу, будто у нихъ существовало международное право.

Въ отдѣлѣ о среднихъ вѣкахъ онъ останавливается почти только на Италіи, сообщая интересныя подробности о претензіяхъ папъ отрѣшать государей отъ данныхъ ими обѣщаній и клятвъ [1]).

Въ странную ошибку впадаетъ Лаги, утверждая, будто на парижскомъ конгрессѣ (1856 г.) засѣдали представители всѣхъ народовъ Европы на совершенно равныхъ правахъ. «Вообще онъ смѣшиваетъ желательные порядки, идеальные, съ существующими, когда говоритъ, что на конгрессахъ всѣ народы *могутъ* (т. е. *должны* пользоваться правомъ) возвышать свой голосъ и отстаивать свои права и когда приписываетъ ихъ рѣшеніямъ «значеніе и силу настоящихъ международныхъ кодексовъ».

Все это не болѣе, какъ неточности, ибо самъ онъ на тѣхъ же страницахъ ставитъ въ вину и вполнѣ основательно конгрессамъ, вѣнскому и берлинскому (1878 г.) нарушеніе основныхъ правъ народовъ: ихъ свободы, національности и автономіи въ ихъ внутренней и внѣшней жизни. Въ дѣлахъ берлинскаго конгресса онъ усматриваетъ результаты политики ретроградной и насильственной.

Историческій очеркъ трактатовъ указываетъ намъ ясно на ихъ постепенный ростъ по значенію и объему: первоначально простые временные союзы, заключавшіеся съ оборонительною цѣлью между двумя или немногими государствами, они впродолженіе вѣковъ распространились на всѣ главнѣйшія стороны политическихъ отношеній между народами и на сношенія самихъ ихъ гражданъ.

Видимо они стремятся, въ послѣднемъ результатѣ, превратиться въ положительные законы, признанные и взаимно гарантированные всѣми цивилизованными народами въ формѣ *одного всеобщаго трактата*. Это, конечно, не отмѣнило бы частныхъ между ними соглашеній, но положило бы основаніе *международной юстиціи и международному кодексу*. Въ осуществленіе этого величаваго идеала Лаги не только вѣритъ, вмѣстѣ съ Бара, но усматриваетъ даже первые шаги къ его выполненію во всемъ строѣ новѣйшихъ трактатовъ.

Все дальнѣйшее изложеніе у Лаги распадается на *четыре* книги. Въ первой—онъ даетъ намъ *общія понятія и классификацію* договоровъ. Трактаты, по его мнѣнію, суть соглашенія между народами,

---

[1]) Папы серьезно провозгласили, что «jurumentum contra *utilitatem* ecclesiasticam praestitutum non tenet».

имѣющія своимъ предметомъ установленіе, регулированіе или прекращеніе какой либо юридической связи или международнаго отношенія на счетъ предметовъ отчуждаемыхъ. При всей аналогіи съ частными обязательствами они отличаются отъ нихъ по всѣмъ главнымъ пунктамъ, касательно лицъ, предметовъ, формы, способовъ дѣйствія и прекращенія. Но какое бы мы имъ ни придавали значеніе, не слѣдуетъ забывать, что они *не создаютъ* право, но *опредѣляютъ* и *примѣняютъ* его къ конкретнымъ случаямъ. Въ основаніи каждаго договорнаго обязательства уже лежитъ право въ зародышѣ и ему предшествующее. «Иначе, говоритъ авторъ, мы не имѣли бы никакого объективнаго критерія для ихъ оцѣнки и все стало бы дозволеннымъ и справедливымъ, что сторонамъ заблагоразсудилось бы признать между собою». Мысли тѣмъ болѣе справедливыя, чѣмъ менѣе онѣ раздѣляются юристами современнаго положительнаго направленія!

Разбирая многія доселѣ предложенныя дѣленія трактатовъ, Лаги останавливается и на дѣленіи ихъ на публичные и секретные. Энергично высказывается онъ противъ послѣднихъ, какъ произведеній политики боязливой и вѣроломной. Иначе, если они не нарушаютъ ничьихъ правъ и никому не угрожаютъ, зачѣмъ имъ бояться строгаго и пытливаго общественнаго мнѣнія? Выразивъ сожалѣніе, что въ наше время свободныхъ и національныхъ правительствъ дипломатія находитъ еще возможнымъ вести тайные переговоры о самыхъ жизненныхъ интересахъ народовъ, Лаги напоминаетъ прекрасныя слова Маміани, который сказалъ, что отнынѣ и политика и дипломатія должны будутъ обитать въ хрустальныхъ дворцахъ, въ которыхъ каждое ихъ дѣйствіе и поступокъ будутъ видимы для всѣхъ и поэтому сдѣлаются болѣе правильными и устойчивыми.

Всѣ трактаты Лаги дѣлитъ на слѣдующія три категоріи: 1) договоры политическіе (мирные, союзные, о нейтралитетѣ, гарантіяхъ, уступкахъ территоріи, пограничные и заключаемые во время войны, какъ-то, капитуляціи, перемирія и т. д.); 2) трактаты экономическіе (торговые, навигаціонные, почтовые, телеграфные, монетные, таможенные и проч.), и 3) договоры судебные или юридическіе (giurisdizionali), консульскіе, о выдачѣ преступниковъ, исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ и т. д.

Во второй книгѣ рѣчь идетъ о *совершеніи* трактатовъ, причемъ авторъ разсматриваетъ: а) правоспособность договаривающихся сторонъ; б) условія дѣйствительности ихъ соглашенія, и в) дозволенные предметы договоровъ. Въ этой же книгѣ говорится о ихъ ратифи-

каціи, но было бы послѣдовательнѣе помѣстить главу объ ней не до, а послѣ главы о формахъ трактатовъ.

Правоспособность изучается Лаги въ двоякомъ отношеніи: какъ способность самихъ государствъ и затѣмъ ихъ представителей (правителей и уполномоченныхъ) на заключеніе трактатовъ. Подробно останавливаясь на государствахъ полу-самостоятельныхъ, онъ видитъ въ нихъ не болѣе какъ аномаліи (assurda anomalia) положительнаго права и не колеблется назвать Болгарію «чудовищнымъ произведеніемъ берлинскаго конгресса».

Переходъ къ договорнымъ отношеніямъ католической церкви къ государствамъ Лаги, въ противоположность Блюнчли, признаетъ конкордаты трактатами, хотя и своеобразными, и ставитъ на видъ ихъ обязательность для обѣихъ сторонъ (духовной и свѣтской), ибо противоположное этому воззрѣніе, очевидно, смѣшиваетъ *природу* обязательства *съ принудительными средствами*, необходимыми для его примѣненія.

Какой отрасли верховной власти принадлежитъ въ самомъ государствѣ право заключать трактаты?

Въ этомъ отношеніи положительныя законодательства представляютъ намъ двѣ системы: въ государствахъ неограниченныхъ и монархически-представительныхъ право это составляетъ прерогативу короны, напротивъ, въ новѣйшихъ республикахъ оно предоставляется власти законодательной. Такое рѣшеніе представляется автору болѣе сообразнымъ съ отвлеченными принципами права и съ верховными аттрибутами современныхъ парламентовъ. Не слѣдуетъ прежде всего забывать, что трактаты суть законы, даже нѣчто выше ихъ, ибо они обязываютъ не только гражданъ данной страны, но и самихъ государствъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Какъ же въ силу этого не уравнять совершеніе трактатовъ съ изданіемъ законовъ и не требовать для первыхъ участія всѣхъ факторовъ верховной власти, т. е. монарха и палатъ? Иначе народы могутъ очутиться въ сѣтяхъ такихъ соглашеній, порвать которыя они возмогутъ не иначе, какъ вѣроломствомъ или насиліями. Даже въ наши дни, замѣчаетъ Лаги, мы видимъ не мало безнравственныхъ соглашеній, тайныхъ союзовъ, заключаемыхъ и разстраиваемыхъ безпрестанно по честолюбію или капризу того правителя, или инаго перваго министра, а народы и даже палаты часто не надивятся быстрому охлажденію или соперничеству, которыя по непонятной причинѣ вдругъ между ними наступаютъ. Приходится ждать позднихъ откровеній какого либо дѣятеля, впавшаго въ немилость, или наступленія условлен-

ныхъ событій для того, чтобы непосвященныя массы могли, наконецъ, уразумѣть смыслъ басни. Авторъ предостерегаетъ отъ довѣрчивости къ различнымъ «зеленымъ, желтымъ и синимъ книгамъ», часто очень пристрастно освѣщающимъ извѣстное дѣло и къ такъ называемому праву интерпелляціи въ палатахъ. Отъ послѣдняго ловкій министръ всегда найдетъ возможность ускользнуть, особенно, если онъ будетъ имѣть дѣло съ излишне довѣрчивыми депутатами.

Противники излагаемой здѣсь системы указываютъ на необходимость тайны для важныхъ государственныхъ дѣлъ и на право, которымъ пользуются палаты, даже въ конституціонныхъ монархіяхъ, давать свое утвержденіе нѣкотораго рода трактатамъ.

Эти доводы Лаги называетъ болѣе ловкими, чѣмъ солидными. Въ виду того, что въ политически развитыхъ государствахъ нашего времени всѣ дѣла требуютъ общественнаго обсужденія и контроля, главѣ государства можетъ быть предоставлено право иниціативы и веденія переговоровъ, но утвержденіе трактатовъ не должно исключительно лежать въ его власти.

Палатамъ бываетъ часто нравственно невозможно отказать въ своемъ согласіи на такія обязательства, исполненіе которыхъ связано съ честью и достоинствомъ короны, или которыя хотя отчасти уже стали приводиться въ дѣйствіе, какъ это не разъ бывало въ Италіи.

Въ результатѣ изъ всѣхъ существующихъ системъ, авторъ высказывается за американскую, по которой президентъ даже не можетъ открыть переговоровъ безъ разрѣшенія одного изъ факторовъ законодательной власти.

Существуютъ ли какіе либо предѣлы для королевской власти при заключеніи трактатовъ? О нихъ упоминаютъ обыкновенно конституціи. По итальянскому статуту король не имѣетъ права безъ согласія парламента вступать въ такія обязательства, которыя потребуютъ отъ страны новыхъ финансовыхъ тягостей или уступки территоріи. Но изъ природы вещей слѣдуетъ установить еще другую границу и признать недѣйствительными трактаты, которые противорѣчатъ существующимъ законамъ страны и основнымъ, неотчуждаемымъ правамъ гражданъ.

Собственно государи и главы правительства рѣдко заключаютъ сами между собою договоры. Это возлагается ими на ихъ уполномоченныхъ. Вотъ почему вопросъ о выборѣ послѣднихъ крайне важенъ и въ ученіи о трактатахъ Гарденъ, держась традицій старой школы, говоритъ, что дипломатія есть трудная наука и въ то же время на-

стоящее искусство тактики и высокой стратегіи, усвояемая лишь вслѣдствіе долгаго упражненія и немногими.

Лаги оспариваетъ способность дипломатовъ этой школы быть вѣрными выразителями общественнаго мнѣнія своей страны и проводить въ заключаемыхъ ими договорахъ съ подобающею твердостью и откровенностью здравыя и справедливыя начала международнаго права. Трактаты суть кодексы народовъ, а нормы, принимаемыя послѣдними, должны вытекать изъ самой природы человѣка и общества. Въ основаніи этихъ нормъ должны лежать внутренняя правда и справедливость, пребывающія всегда однѣ и тѣ же при какой бы то ни было формѣ правленія и равно обязательныя какъ во время мира, такъ и во время войны.

Для этого требуется *глубокое познаніе исторіи и права*, *умъ холодный и безстрастный*, *характеръ безукоризненной честности*. Дипломаты—эмпирики плохо соотвѣтствуютъ этимъ условіямъ. Не безъ основанія ихъ сравниваютъ съ Протеемъ, существами, ежеминутно мѣняющими свою форму для того, чтобы вводить въ заблужденіе народы, живущими однѣми хитростями и поэтому часто лишь затягивающими переговоры и осложняющими споры. Почтенныя личныя исключенія, всегда встрѣчающіяся, не могутъ измѣнить общаго сужденія объ этомъ классѣ лицъ. Вотъ почему нельзя не одобрить пожеланіе автора, чтобы къ дипломатамъ присоединялись *опытные юристы* при веденіи переговоровъ о важныхъ вопросахъ международнаго права. «Тогда, быть можетъ, въ трактатахъ исчезли бы статьи, другъ другу противорѣчащія и различныя недоговоренныя или секретныя условія и прекратился бы этотъ торгъ народами и ихъ территоріями, все еще составляющій позоръ дипломатіи и цивилизаціи нашего времени».

За правоспособностью сторонъ слѣдуетъ, какъ мы замѣтили, весьма несистематично, глава о *ратификаціи* трактатовъ.

Изложивъ мнѣнія писателей, которыхъ онъ дѣлитъ на четыре группы, Лаги высказываетъ свое мнѣніе о ратификаціи, обосновывая его совершенно также какъ и Іеллинекъ. Ратификація всегда необходима, будь она оговорена, или нѣтъ. Но это не превращаетъ полномочія, даваемыя для переговоровъ въ пустую формальность, какъ думаютъ Казанова и Амари. Право заключать договоры составляетъ столь исключительно-личную прерогативу главы государства, что она никому не можетъ быть ни передана, ни уступлена. Въ извѣстныхъ случаяхъ въ конституціонныхъ монархіяхъ эта прерогатива раздѣляется между монархомъ и палатами. Лаги полагаетъ, что послѣднія

должны обсуждать договоры и давать имъ свое утвержденіе до ихъ ратификаціи монархомъ. Иначе какъ бы онѣ могли отказать въ своемъ согласіи, когда договоръ, уже скрѣпленный подписью главы государства и перваго министра, является нравственно обязательнымъ для короны и для народной чести? Но при этомъ обсужденіи палаты въ правѣ либо цѣликомъ принять, либо совершенно отвергнуть договоръ; собственныя же къ нему поправки или дополненія онѣ дѣлать не могутъ, на томъ основаніи, что всякій трактатъ есть двустороннее соглашеніе, которое и измѣняемо можетъ быть не иначе, какъ по желанію всѣхъ контрагентовъ. Изъ новѣйшей итальянской исторіи авторъ приводитъ интересные примѣры исполненія договоровъ до ихъ одобренія парламентомъ.

Хотя немотивированный отказъ въ ратификаціи можетъ быть иногда нелогичнымъ, неприличнымъ и опаснымъ для кредита государства, но въ немъ никакъ нельзя видѣть нарушенія международнаго права. Тѣмъ не менѣе для подобнаго поступка должны всегда существовать серьезные поводы. Авторъ такими поводами признаетъ: несогласіе договора съ интересами и правами даннаго государства или измѣненіе обстоятельствъ, при которыхъ онъ вырабатывался. Во всѣхъ этихъ случаяхъ полномочные никакой отвѣтственности не подлежатъ, а государство, отказавшее въ утвержденіи, обязано всѣ предметы, относившіеся къ неудавшемуся договору, возвратить въ ихъ прежнее состояніе.

Трактаты, какъ и обязательства въ частномъ правѣ, суть результаты *соглашенія* сторонъ между собою. Но эти соглашенія, чтобы имѣть дѣйствительную силу, должны быть взаимны и свободны.

Свобода, какъ извѣстно, нарушается тремя недостатками: заблужденіемъ, обманомъ и принужденіемъ (насиліемъ).

Авторъ особенно подробно останавливается на насиліи. Интернаціоналисты, говоритъ онъ, всегда признавали недѣйствительность трактатовъ, заключенныхъ вслѣдствіе угрозъ и насилій противъ *лицъ*, представляющихъ извѣстное государство (договоры подписанные плѣнными монархами, рѣшенія нѣкоторыхъ польскихъ сеймовъ и т. п.), но всѣ они, отъ Гроція до Блюнчли, высказываются за обязательность трактатовъ, исторгнутыхъ силою отъ *государства* (въ особенности мирныхъ договоровъ послѣ неудачной войны).

Авторъ тщательно обсуждаетъ всѣ доводы защитниковъ этого мнѣнія, энергично его порицаетъ и въ заключеніе даетъ намъ собственное, оригинальное рѣшеніе, которое развѣ нуждается въ одномъ лишь добавленіи.

Прежде всего, съ логической стороны, ему представляется нелѣ-

пымъ толковать о свободѣ уполномоченныхъ, являющихся не болѣе, какъ *органами народовъ* (или въ сферѣ гражданскаго права повѣренныхъ) и въ то же время не требовать свободы самихъ этихъ народовъ (или вѣрителей). Въ основаніе этого заблужденія положенъ софизмъ: «voluntas coacta est tamen voluntas». Нельзя признать и двѣ нравственности и справедливости: одну для частныхъ дѣлъ, другую для сношеній между государствами. Говорятъ еще, что если не признать обязательными мирные трактаты, хотя бы навязанные побѣдителемъ, то миръ собственно станетъ невозможенъ, ибо побѣдителю ничего не останется тогда, какъ окончательно покорить своего врага. Здѣсь то же сплетеніе многихъ софизмовъ. Необходимость заставляетъ человѣка покориться ей, но онъ не въ состояніи видѣть въ ней когда либо оправданіе несправедливости [1]). Исторія достаточно поучаетъ насъ непрочности мирныхъ договоровъ, насильственно утвержденныхъ. Побѣжденные въ тайнѣ вѣчно помышляютъ объ отмщеніи и къ нему готовятся; побѣдители не въ честномъ словѣ своего низложеннаго врага видятъ обезпеченіе достигнутыхъ ими результатовъ, но подыскиваютъ болѣе дѣйствительныя «реальныя гарантіи», занимая войсками часть непріятельской территоріи, возводя цѣлый рядъ крѣпостей на границѣ и держа вѣчно громадныя арміи подъ ружьемъ. Авторъ напоминаетъ результаты франко-германской войны. Наконецъ побѣжденные, если принять теорію Лаги, будутъ слишкомъ часто объявлять недѣйствительными навязанные имъ мирные трактаты? Въ видахъ предупрежденія этого, надо установить различіе между принужденіемъ справедливымъ и несправедливымъ (насиліемъ). Первое, по мысли Лаги, наступаетъ тогда, когда совершается государствомъ для защиты или возвращенія себѣ нарушеннаго права, когда, напр., народъ принуждаетъ другой признать его автономію или основныя права, возвратить ему территорію, прежде отторгнутую отъ него, и т. д.. Здѣсь обязанность нарушителя существовала ранѣе и независимо отъ трактата, который не создалъ между сторонами новой юридической связи, но лишь призналъ и закрѣпилъ ее. Но если притязанія того, кто прибѣгаетъ къ насилію (violentatore) не основываются на правѣ и справедливости, то всѣ торжественнѣйшія обѣщанія, имъ вынужденныя, всѣ обязательства, имъ наложенныя, радикально недѣйствительны, вопреки всѣмъ завѣреніямъ Гроція, Бинкерсгука и другихъ. Насиліе всегда останется несправедливостью и не можетъ произвести права въ пользу того, кто къ нему прибѣгаетъ [2]).

---

[1]) La necessità costringe spesso a subire, non giustifica mai un atto ingiusto.

[2]) La violenza, di qualunque natura ella sia et da qualunque parte derivi,

Къ этой теоріи можно добавить, чтобы международные конгрессы, въ своихъ заботахъ о предупрежденіи войнъ и обезпеченіи мира, противодѣйствовали наложенію побѣдителемъ на побѣжденныхъ слишкомъ унизительныхъ или обременительныхъ условій [1]).

Большинство трактатовъ заключается, какъ мы видѣли, государствами или отъ ихъ имени верховными ихъ органами. Но, по мнѣнію Лаги, это право не абсолютно: трактаты объ *уступкѣ территорій*, вслѣдствіе ли мирныхъ переговоровъ или завоеваній должны подлежать еще утвержденію со стороны всего политически-правоспособнаго населенія уступаемой области. Это приводитъ автора къ разсмотрѣнію теоріи *плебисцита*, сторонникомъ которой онъ себя объявляетъ. Какъ ни смотрѣть на нее, но слѣдуетъ сознаться, что Лаги излагаетъ ее весьма обстоятельно и подробно останавливается на главныхъ приводимыхъ противъ нее доводахъ [2]). Вообще это одинъ изъ оригинальнѣйшихъ и интереснѣйшихъ отдѣловъ его книги.

Установивъ различіе между плебисцитомъ въ римскомъ и новомъ правѣ и затѣмъ отдѣливъ международный плебисцитъ отъ государственнаго, Лаги переходитъ къ литературѣ вопроса. Онъ напоминаетъ, что первыя здравыя начала о народномъ голосованіи высказаны еще Гроціемъ и Ваттелемъ. Изъ новѣйшихъ противниковъ занимающаго насъ ученія, онъ приводитъ Паделетти и Либера, послѣ чего ставитъ особенно на видъ, что плебисциты сами по себѣ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ называемымъ правомъ отторженія области отъ своего государства. Многіе же, смѣшивая оба эти понятія, отвергаютъ плебисциты именно потому, что они будто бы, освящая право отдѣленія частей государства отъ цѣлаго, создаютъ теорію государственнаго разрушенія. Лаги же имѣетъ въ виду одни *плебисциты международные*, которые должны вступать въ силу при *территоріальныхъ уступкахъ* между государствами.

Подводя всѣ возраженія противъ нихъ подъ пять группъ, Лаги, въ своихъ отвѣтахъ, развиваетъ и собственныя о нихъ мысли. Въ этихъ мысляхъ безспорно много вѣрнаго, но едва ли съ ними можно согласиться цѣликомъ.

1) Международное право имѣетъ дѣло не съ національностями, а

è sempre un ingiustizia e non può mai partorire il diritto a favore di chi la usa.

1) *Fiore*, Trattato di dir. intern., 1882; II, p. 488.

2) Доводы эти и отвѣты Лаги въ главныхъ чертахъ приводятся у г. *Лодыженскаго* въ его соч.: «О плебисцитѣ въ международномъ правѣ». 1883 г. стр. 71—75.

съ государствами, которыя и принимаютъ отъ имени и въ интересахъ народовъ всѣ рѣшенія. Сообразно съ господствующими въ Италіи воззрѣніями, Лаги отвѣчаетъ на это, что субъектами международнаго права должны быть признаны не государства, а національности, т. е. тѣ союзы естественные и добровольные между людьми, на которые дѣлятся человѣчество [1]). Мы не принимаемъ этого положенія: носителями международнаго права, дѣйствующими въ немъ *лицами* могутъ быть только государства, но авторъ совершенно правъ въ своей дальнѣйшей аргументаціи, утверждая, что государства призваны не *творить* право и не *разрушать* его, а давать ему наиболѣе прочную *охрану*. Будучи представителями народовъ, они однако никогда не являются выразителями всѣхъ присущихъ имъ правъ и обязанностей.

2) Государства въ правѣ совершать все необходимое для своего сохраненія: поэтому, они могутъ уступать и свои области, противъ желанія ихъ жителей, когда того требуетъ общее благо. Даже если допустить, говоритъ Лаги, что государство есть самостоятельное, реальное существо (Ente reale), въ составъ котораго отдѣльныя лица входятъ не болѣе, какъ члены, и что, поэтому, оно всегда вправѣ для спасенія себя отнять какой либо членъ,—даже съ точки зрѣнія этой теоріи, нами оспариваемой, слѣдуетъ помнить, что членовъ государства никогда нельзя сравнить съ членами человѣческаго тѣла. Они не имѣютъ, какъ послѣдніе, всю жизнь свою лишь въ цѣломъ и благодаря только ему. Ихъ нельзя, ради спасенія цѣлаго, отсѣчь на законномъ основаніи и подчинить иноземному владычеству. Общее благо, сила обстоятельствъ недостаточны для оправданія несправедливости. Въ крайнихъ же случаяхъ, если государству нѣтъ инаго спасенія, оно можетъ скорѣе лишить часть своей территоріи своего безсильнаго покровительства и предоставить ее собственной участи, нежели распоряжаться ею и торговать. Далѣе, возвращаясь къ этой мысли, Лаги добавляетъ, что въ указанныхъ случаяхъ, наступающихъ обыкновенно послѣ несчастныхъ войнъ, жители уступаемой области какъ бы получаютъ обратно свою полную свободу и право собственными силами, *если могутъ*, отстаивать свою независимость.

На самомъ же дѣлѣ это «если могутъ» на практикѣ почти неосуществимо. Фактически Лаги отдаетъ жителей уступаемой области на

---

1) Но едва ли вѣрно, если онъ противопоставляетъ этимъ союзамъ (consorzi volontari)—государства, въ смыслѣ соединеній людей принудительныхъ и представляемыхъ исключительно правительствами.

полный произволъ побѣдителя, который будетъ тѣмъ болѣе противъ нихъ раздраженъ, чѣмъ менѣе онъ найдетъ въ нихъ къ себѣ сочувствія. Вотъ почему, намъ кажется, для нихъ необходима *международная охрана*, которая цѣлью своею должна имѣть либо признаніе ихъ независимости, либо устройство ихъ присоединенія къ побѣдителю (лучше всего на извѣстный срокъ), причемъ въ основаніи всего должно положить волю и потребности *самого населенія*.

3) Право плебисцита не находитъ себѣ оправданія съ философской точки зрѣнія. Это — возраженіе Либера, утверждающаго, что нельзя большинству предоставить право рѣшать участь меньшинства и настоящимъ поколѣніямъ распоряжаться будущими.

Лаги справедливо замѣчаетъ на это, что ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ или собраніи при рѣшеніи дѣлъ немыслимъ иной принципъ, кромѣ принципа большинства. Онъ всюду и господствуетъ.

И здѣсь одно добавленіе намъ кажется необходимымъ: права меньшинства можно обезпечить тѣмъ, что членамъ ихъ даровать *право личнаго выбора* (option) той или другой *національности*. Это исправитъ на практикѣ во многомъ суровость плебисцита и въ этомъ смыслѣ высказываются Маріотти, Кабуа, Лодыженскій. Что же касается до распоряженія судьбами грядущихъ поколѣній, то это проявилось бы не въ однихъ плебисцитахъ, а сказывается во всей дѣятельности государствъ, причемъ, однако, само собою разумѣется, что потомки никогда не бываютъ абсолютно связаны дѣлами и рѣшеніями своихъ предковъ и менѣе всего въ вопросахъ, касающихся ихъ національности.

4) Нельзя довѣрять искренности плебисцитовъ.

Всѣмъ въ жизни можно злоупотребить, но это возраженіе, имѣющее въ виду неудовлетворительность большинства бывшихъ доселѣ народныхъ голосованій, устранимо съ лучшею *организаціею* плебисцитовъ [1]).

5) Принятіе послѣднихъ слѣдствіемъ своимъ должно имѣть признаніе за населеніемъ права отдѣленія отъ цѣлаго государства, что есть узаконеніе анархіи.

Хотя собственно этотъ вопросъ выходитъ уже изъ предѣловъ теоріи о трактатахъ, но Лаги останавливается нѣсколько и на немъ. Онъ еще разъ ставитъ на видъ, что право отдѣленія и плебисциты представляютъ большое отличіе другъ отъ друга. Народное голо-

---

[1]) Лаги не касается этого вопроса, чуждаго его темѣ, но онъ хорошо разработанъ у г. Лодыженскаго (Н. с., стр. 240—42).

сованіе, въ международной области, относится къ тѣмъ рѣдкимъ и исключительнымъ случаямъ, когда дѣло заходитъ о переходѣ области отъ одного государства къ другому вслѣдствіе ли войнъ, или среди мира послѣ различныхъ глубокихъ измѣненій въ политическомъ строѣ народовъ. О произволѣ съ чьей бы то ни было стороны тутъ и рѣчи быть не можетъ. «Государства, продолжаетъ авторъ, твердо покоющіяся на народномъ одобреніи (Stati consensuali), не имѣютъ поводовъ чего либо бояться: плебисцитамъ поставленъ предѣлъ въ принципѣ національности, который никогда не попирается народами, но если государства суть продукты силы или династическихъ разсчетовъ, и если они представляютъ смѣшеніе разнохарактерныхъ національностей, они, конечно, должны трепетать пробужденія народнаго духа. Но эта ихъ непрочность кроется въ нихъ самихъ, а не есть слѣдствіе плебисцита».

Отсюда выводъ: въ государствахъ національныхъ населенію никакого права на отдѣленіе принадлежать не можетъ. Это было бы равно самоубійству. Въ политическихъ же союзахъ, искусственно и механически сплоченныхъ, нельзя населенію отказать въ прирожденномъ ему правѣ либо слиться съ соплеменниками, либо образовать свое, *національное* государство.

Въ заключеніе авторъ приводитъ примѣры новѣйшихъ плебисцитовъ въ Италіи и жалуется на то, что «завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи и странныя территоріальныя распредѣленія берлинскаго конгресса, совершенныя безъ всякаго соображенія народныхъ потребностей, отодвинули международное право какъ бы на полстолѣтіе назадъ». Знаменитую отмѣну V ст. пражскаго договора въ 1878 году между Австріею и Пруссіею онъ подвергаетъ справедливому осужденію, въ противоположность Гольцендорфу и Тудихуму.

Мы изложили интересную теорію Лаги о народныхъ голосованіяхъ довольно подробно, потому что она представляетъ едва ли не лучшее ихъ обоснованіе и нуждается, какъ впрочемъ и возрѣнія г. Лодыженскаго, въ *дополненіи* и *укрѣпленіи* съ точки зрѣнія собственно *международной*.

Отъ субъективныхъ условій заключенія трактатовъ Лаги переходитъ къ объективнымъ. Чтобы быть дѣйствительными со стороны *предметовъ*, договоры должны быть возможны и дозволены въ физическомъ, юридическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Авторъ перечисляетъ главные случаи нарушенія этихъ условій. Ихъ можно свести, кромѣ неисполненія формальностей, къ нарушеніямъ основныхъ правъ народовъ и общихъ началъ международнаго права.

Кромѣ того, Лаги оспариваетъ юридическую силу трактатовъ, которые нарушаютъ конституцію страны или договоры, прежде заключенные съ другимъ государствомъ и еще неотмѣненные. Въ послѣднемъ случаѣ, если другая сторона, заключившая съ нами такой договоръ, не знала о несовмѣстимости его съ нашими прежними обязательствами—она получаетъ право на вознагражденіе отъ насъ, будучи нами введена въ заблужденіе или обманъ. Напротивъ, трактаты, неравные и даже весьма невыгодные для одного изъ контрагентовъ, вслѣдствіе этого не дѣлаются недѣйствительными. Ученіе о laesio enormis къ международнымъ обязательствамъ вообще неприложимо, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда исполненіе договора было бы для государства тождественно съ его гибелью. Но такіе трактаты съ самаго начала недѣйствительны, какъ бы торжественно они ни были заключены. Разсматриваемые въ свѣтѣ настоящей теоріи большинство изъ заключенныхъ государствами договоровъ, говоритъ Лаги, представляются намъ весьма недостаточными и даже пораженными радикальною недѣйствительностію. Онъ не боится упрековъ въ утопизмѣ, выставляя требованіе, чтобы впредь международные договоры болѣе соотвѣтствовали началамъ справедливости и не были искусственными порожденіями дипломатіи, часто предназначенными для задержанія и стѣсненія народовъ на пути ихъ историческаго и національнаго развитія. Въ подтвержденіе этихъ мыслей Лаги сурово осуждаетъ политику священнаго союза и слѣдовавшихъ за нимъ конгрессовъ, а равно постановленія и Берлинскаго трактата. Но опять, какъ въ началѣ своей книги, онъ приписываетъ Парижскому конгрессу такія реформы, честь которыхъ ему не принадлежитъ.

Третья книга разбираемаго нами сочиненія предметомъ своимъ имѣетъ вопросы: объ *обязательной силѣ* трактатовъ, о дозволенности ихъ нарушенія вслѣдствіе измѣненія оговорки rebus sic stantibus и о формахъ (внѣшнихъ формальностяхъ) ихъ заключенія. Очевидно послѣдній вопросъ относится вовсе не сюда, а къ отдѣлу объ объективныхъ условіяхъ совершенія договоровъ.

Лаги прежде всего проводитъ рѣзкую противоположность между обще человѣческимъ сознаніемъ и требованіемъ святости договоровъ и ихъ безчисленными и постоянными нарушеніями на практикѣ. Когда право не составляло еще самостоятельной отъ религіи системы, послѣдняя ставила трактаты подъ особую охрану боговъ. Въ международной области, будучи основой солидарности и мира между государствами и не охраняемые никакою судебною властію, они должны были бы пользоваться бо́льшею неприкосновенностію, чѣмъ обяза-

тельства между частными лицами. На практикѣ мы видимъ безконечный рядъ ихъ нарушеній. Происходитъ это, по мнѣнію автора, отъ двухъ главныхъ причинъ: вслѣдствіе обыкновенной безнаказанности подобныхъ нарушеній и по внутренней несправедливости и несостоятельности большинства изъ нихъ. Лаги приводитъ интересные примѣры вѣроломства изъ новой исторіи, вызвавшіе презрительные отзывы о трактатахъ со стороны Бекона и Руссо. Полемизируя противъ Брольи, утверждавшаго, что неограниченные монархи оказывали бо̀льшее уваженіе къ трактатамъ, нежели какое мы видимъ въ нашъ вѣкъ демократическихъ началъ со времени первой французской революціи, — Лаги настаиваетъ на томъ, что вообще народы остаются болѣе вѣрны своимъ обязательствамъ, чѣмъ государи, а если они иногда и отступались отъ договоровъ, то отъ такихъ, которые по своему содержанію не стоили соблюденія. Намъ кажется этотъ споръ лишнимъ: все тутъ зависитъ не отъ политическихъ принциповъ, а отъ нравственнаго развитія и отъ чувства чести лицъ, вступающихъ между собою въ обязательства. Едва ли также можно согласиться съ авторомъ въ томъ, что въ наше время, несмотря на всѣ торжественнѣйшія заявленія философовъ и государственныхъ дѣятелей съ трибунъ въ палатахъ о святости трактатовъ, они нарушаются правительствами, неограниченными и либеральными, монархическими и республиканскими исключительно по соображеніямъ съ выгодами минуты и съ такою же легкостью, но съ бо̀льшимъ лицемѣріемъ, нежели въ вѣкѣ Макіавелли.

Можно съ нравственной стороны во многомъ упрекать наше время, но такой отзывъ есть очевидное преувеличеніе.

Лаги приводитъ, безъ систематическаго порядка, мнѣнія различныхъ школъ и писателей о внутреннемъ основаніи обязательности трактатовъ. Собственное его мнѣніе состоитъ въ томъ, что это основаніе покоится на природѣ сожитія людей въ обществѣ, которое безъ этого условія было бы рѣшительно невозможно. Нѣсколько далѣе, примыкая къ мыслямъ Канта, онъ говоритъ, что неприкосновенность обязательствъ (вѣрность данному слову) есть законъ самой человѣческой природы, столь ясный и неотразимый, что онъ даже не нуждается въ доказательствахъ. Для любящаго діалектическія формулы мы добавимъ, заключаетъ онъ, что разумное основаніе vinculum juris обязательствъ лежитъ въ уваженіи человѣческой личности, а въ международномъ правѣ въ уваженіи національности. Этотъ принципъ есть дѣйствительная основа права гражданскаго, государственнаго и международнаго.

Но существуютъ ли на практикѣ и какія исключенія изъ этого общаго принципа неприкосновенности трактатовъ? Одни писатели утверждаютъ, что послѣдніе обязательны до тѣхъ поръ, пока они полезны (Маккіавелли и его послѣдователи); другіе полагаютъ, что государствамъ слѣдуетъ скорѣе погибнуть, чѣмъ измѣнить своему слову (Бинкерсгукъ, Брольи). Лаги высказывается въ пользу третьяго, посредствующаго мнѣнія, требующаго въ принципѣ неприкосновенности трактатовъ, но допускающаго съ тѣмъ вмѣстѣ оговорку «rebus sic stantibus». Она подразумѣвается во всѣхъ международныхъ обязательствахъ и состоитъ въ томъ, что уничтожаетъ ихъ юридическую силу, съ измѣненіемъ мотивовъ ихъ вызвавшихъ, когда, напр., трактатъ, справедливый въ началѣ, превращается съ теченіемъ времени въ несправедливый и пагубный до такой степени, что выполненіе его сдѣлается несовмѣстимымъ съ существованіемъ государства или съ естественнымъ его развитіемъ [1]).

Какъ ни опаснымъ для юриста можетъ представиться это исключеніе, но оно съ политической точки зрѣнія необходимо. Но чтобъ оно не сдѣлалось, въ рукахъ недобросовѣстнаго контрагента, поводомъ ко всякаго рода злоупотребленіямъ, необходимо его опредѣлить съ полною юридическою точностію. Указанная оговорка не прилагается къ трактатамъ, предписывающимъ какое либо опредѣленное дѣйствіе и, поэтому, съ нимъ прекращающимся (accordi transitori), а равно къ обязательствамъ, подтверждающимъ основныя начала международнаго права. Послѣднія и безъ новой обязательственной связи касаются отношеній всегда юридически-обязательныхъ. Но оговорка rebus sic stantibus прилагается въ полной силѣ къ трактатамъ, заключаемымъ на «вѣчныя» времена. Лаги ратуетъ, подобно Миллю, за срочность (temporaneità) всѣхъ трактатовъ. Но это не обозначаетъ, чтобы они не могли переходить отъ одного поколѣнія къ другому. Оговорка rebus sic stantibus предполагаетъ не всякое измѣненіе въ обстоятельствахъ, но измѣненія, настолько непредвидѣнныя и радикальныя, что они лишаютъ трактатъ его силы (напр., если его выполненіе будетъ противорѣчить намѣренію сторонъ, или станетъ въ разрѣзъ съ ихъ новымъ политическимъ развитіемъ и т. д.

Кому судить о наступленіи подобныхъ чрезвычайныхъ случаевъ? Все ли должно быть тутъ предоставлено усмотрѣнію сторонъ, слишкомъ склонныхъ, по отзыву самого Лаги, къ «сужденію пристрастному

---

[1]) Можно ли упрекать Болгаръ въ томъ, что они, вопреки берлинскому трактату, объединились вслѣдствіе мирнаго переворота 6-го сент. 1885 г.?

и несправедливому». «Было время, когда папы имѣли по этимъ дѣламъ нѣкотораго рода юрисдикцію, но въ цѣломъ это средство оказалось хуже зла, противъ котораго оно употреблялось». Странно, что Лаги не нападаетъ на мысль, чтобы вопросы объ оспариваемости трактатовъ рѣшались международными третейскими судьями. Стороны могли бы въ своихъ договорахъ предусматривать эти случаи въ особыхъ условіяхъ о компромиссѣ (clause compromissoire). Тогда ихъ произволу былъ бы поставленъ предѣлъ, и обезпеченность трактатовъ выиграла бы чрезвычайно въ юридическомъ смыслѣ.

Въ главѣ о формальностяхъ совершенія трактатовъ авторъ напоминаетъ, что этотъ вопросъ утратилъ въ наше время то громадное, первенствующее значеніе, которое ему отводили въ прежнія эпохи. На первомъ планѣ нынѣ стоятъ условія внутреннія. Онъ говоритъ о совершеніи и храненіи трактатовъ у нѣкоторыхъ народовъ древности и дѣлаетъ очеркъ, съ формальной стороны, главнѣйшимъ конгрессамъ новаго времени. При этомъ высказываетъ желаніе, чтобъ эти высшіе органы международныхъ сношеній проникнулись болѣе идеями справедливости и правды. Всѣ заинтересованные должны имѣть право на нихъ участвовать, пользоваться свободою мнѣнія и голоса безъ всякаго различія между членами. Ихъ вѣдомству подлежатъ одни международные вопросы и они не должны позволять себѣ нарушенія основныхъ началъ международнаго права.

До выполненія этихъ желаній еще далеко: они не осуществятся до тѣхъ поръ, пока конгрессы не преобразуются изъ орудій политики въ настоящіе органы права.

Въ послѣдней, четвертой книгѣ авторъ изслѣдуетъ *дѣйствія* трактатовъ въ широкомъ смыслѣ и ихъ *прекращеніе*. Въ частности сюда относятся ученія: объ обнародованіи, исполненіи, обезпеченіи, толкованіи, возобновленіи и прекращеніи трактатовъ.

Лаги начинаетъ съ того, что оспариваетъ распространеніе дѣйствія трактата на третьихъ, не участвовавшихъ въ немъ сторонъ, въ силу афоризма, выставленнаго еще римлянами: alteri stipulari nemo potest.

Намъ кажется, однако, слѣдуетъ допустить исключеніе въ пользу такихъ международныхъ декларацій, которыя, принятыя большинствомъ цивилизованныхъ государствъ, освящаютъ извѣстныя общія начала международнаго права и чужды вопросамъ политики [1]). И въ международномъ законодательствѣ нельзя допустить нѣчто похожее на liberum veto польскихъ сеймовъ.

---

[1]) Впрочемъ, выше, самъ авторъ мимоходомъ также высказывается за эту мысль.

Трактаты, заключенные государствомъ, помимо ихъ отмѣны, существуютъ, пока продолжается бытіе этого государства (его непрерывность identità), т. е. пока глубокіе политическіе перевороты не разрушили единства и цѣльности его строя. Авторъ держится той мысли, что въ цѣломъ, съ прекращеніемъ государства, договоры, имъ заключенные, не переходятъ на преемниковъ этого государства, за исключеніемъ развѣ обязательствъ съ чисто имущественнымъ характеромъ по отношенію къ третьимъ лицамъ. Впрочемъ, онъ допускаетъ и еще одно исключеніе: въ случаяхъ присоединенія какой либо части территоріи одного государства къ другому. Вопросы о преемствѣ государствъ въ международной области стали лишь недавно обращать на себя вниманіе интернаціоналистовъ: они довольно запутаны и едва ли допускаютъ одно, столь радикальное рѣшеніе, котораго держится Лаги.

Авторъ останавливается на интересныхъ спорахъ, которые по этому случаю были вызваны объединеніемъ Италіи. Итальянское правительство высказало мнѣніе, что послѣ этого объединенія всѣ договоры Пьемонта получили обязательную силу для прочихъ частей королевства. Амари напротивъ утверждаетъ, что трактаты, заключенные итальянскими государствами до объединенія, вовсе не утратили своей силы, на томъ основаніи, что сами эти государства, сливаясь съ Пьемонтомъ, не лишились политической независимости и автономіи.

Лаги оспариваетъ оба эти мнѣнія: по его воззрѣнію чрезъ объединеніе возникло совершенно новое королевство Итальянское, которое нельзя считать ни продолженіемъ прежняго Пьемонта, ни суммою отдѣльныхъ итальянскихъ земель. Отсюда все ихъ договорное право безъ исключенія перестало существовать и требовало новыхъ переговоровъ и соглашеній съ ихъ контрагентами.

При коллизіи трактатовъ Лаги основательно рекомендуетъ обращать вниманіе на то, заключены ли они между различными государствами, или между одними и тѣми же. Въ первомъ случаѣ перевѣсъ слѣдуетъ давать болѣе древнимъ договорамъ надъ позднѣйшими, а во второмъ— наоборотъ.

Обнародованіе трактатовъ особенно важно, когда они должны имѣть обязательную силу и по отношенію къ подданнымъ контрагентовъ. Смотря по ихъ предметамъ и содержанію, исполненіе ихъ выпадаетъ на долю либо дипломатіи, либо административныхъ властей, либо, наконецъ, судовъ. Въ виду многочисленныхъ затрудненій, часто воздвигающихся на пути этого исполненія, контрагенты должны относиться другъ къ другу съ терпѣніемъ и пониманіемъ всѣхъ обстоятельствъ

дѣла. Нерѣдко промедленіе въ исполненіи обязательствъ или ихъ дурное выполненіе даже не зависитъ отъ умысла сторонъ.

Въ главѣ, посвященной средствамъ обезпеченія трактатовъ, отмѣтимъ мнѣніе автора о залогѣ, который онъ, вмѣстѣ съ закладомъ, называетъ реальною гарантіею. Вопреки Блюнчли и Кальво онъ полагаетъ, что государство, держащее въ залогѣ какую либо часть территоріи другаго контрагента, въ случаѣ невыполненія послѣднимъ его обязательствъ, не имѣетъ права заложенную область присоединить къ себѣ окончательно. Въ этомъ заключается основное различіе залога по международному праву отъ залога по праву гражданскому. Сообразно съ принципами перваго залогодержатель получаетъ лишь право временнаго занятія и распоряженія заложенными мѣстностями, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда послѣднія не заселены, или когда сами жители ихъ выразятъ свое желаніе на присоединеніе къ государству, занявшему ихъ область. Это воззрѣніе вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ началамъ государственнаго и международнаго права [1]).

Правила объ интерпретаціи договоровъ авторъ резюмируетъ съ большою ясностію въ 13 положеніяхъ, большинство которыхъ подкрѣпляетъ правилами римскихъ юристовъ. Основное воззрѣніе его тутъ состоитъ въ томъ, что при толкованіи трактатовъ слѣдуетъ обращать вниманіе гораздо болѣе на намѣреніе сторонъ, нежели на употребленныя ими слова, и что поэтому сила договоровъ простирается не только на тѣ вещи и дѣйствія (prestazioni), которыя вытекаютъ изъ ихъ буквальнаго смысла, но и на тѣ, которыя косвенно сообразны съ ихъ духомъ. Упомянувъ о томъ, что автентичное и научное толкованіе трактатовъ должны принадлежать законодательной власти (ихъ заключившей), Лаги дѣлаетъ исключеніе въ пользу только такихъ трактатовъ, которые касаются интересовъ и правъ частныхъ лицъ. Въ толкованіи ихъ компетентна одна судебная власть. Это правило остается въ силѣ и тогда, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ частныхъ лицъ къ своему правительству, но все относящееся собственно къ международной (публичной) области изъято изъ ея вѣдомства.

Всѣ способы прекращенія трактатовъ Лаги дѣлитъ на двѣ группы: способовъ естественныхъ и насильственныхъ. Первые отличаются тѣмъ,

---

[1]) Противоположнаго съ Лаги мнѣнія держится и г. *Мартенсъ*: «въ случаѣ неисполненія обязательства, говоритъ онъ, заложенная (занятая) территорія присоединяется къ владѣніямъ оккупанта». Соврем. межд. право. 1882. Т. I, стр. 408.

что договоры исполняются сообразно намѣренію сторонъ или съ наступленіемъ срока теряютъ свою силу. Вторые состоятъ въ нарушеніи ихъ одною изъ сторонъ или въ невозможности ихъ выполненія вслѣдствіе физическихъ, нравственныхъ или юридическихъ причинъ. Затѣмъ авторъ перечисляетъ не менѣе 14 способовъ прекращенія договоровъ. Въ числѣ ихъ находимъ: 1) радикальныя измѣненія въ самомъ строѣ договаривающихся государствъ (не вслѣдствіе однако только политическихъ переворотовъ, а договоры, заключенные въ виду извѣстной династіи, формы правленія и т. п. падаютъ, если эта династія, политическая форма смѣняются другою). 2) Потерю однимъ изъ контрагентовъ его политической самостоятельности (лишь послѣдствія трактатовъ гражданскія и имущественныя, но не политическія переходятъ на преемника). 3) Когда выполненіе трактата стало бы въ разрѣзъ съ намѣреніями и интересами сторонъ. 4) Когда оно нарушило бы международное право или независимость какого либо народа или даже задержало бы его на пути неизбѣжнаго политическаго развитія.

Нарушеніе одною изъ сторонъ какой либо статьи трактата не даетъ еще другой права на отказъ отъ всего договора, если онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда постановленій болѣе или менѣе самостоятельныхъ, и если нарушенная статья представляла въ себѣ какъ бы нѣчто цѣльное.

Въ заключеніе мы опять должны повторить, что напрасно Лаги не высказывается въ пользу международнаго третейскаго суда въ вопросахъ объ обезпеченіи трактатовъ, ихъ толкованіи и прекращеніи. Это, быть можетъ, самый существенный пробѣлъ въ его сочиненіи, написанномъ впрочемъ, несмотря на нѣкоторыя увлеченія, весьма талантливо.

12. **Vinesieu.** *Des traités internationaux.* 1884.

Хотя гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ трудъ итальянскаго интернаціоналиста, эта работа *Винесьё*, представленная имъ на степень доктора [1]), отличается весьма живымъ и дѣльнымъ изложеніемъ. Въ шести главахъ авторъ послѣдовательно разбираетъ: опредѣленіе и раздѣленіе трактатовъ; правоспособность государствъ на ихъ заключеніе; вопросъ о власти для того компетентной; ратификацію договоровъ, ихъ внутреннюю обязательность и способы ихъ обезпеченія.

---

[1]) Поэтому къ ней, по французскому обычаю, присоединена другая диссертація автора по римскому праву. Des exceptions rei judicatae et rei in judicium deductae.

Нельзя сказать, чтобы онъ былъ вполнѣ знакомъ съ новѣйшею литературою: видимо, нѣмецкія сочиненія ему недоступны. О Лаги онъ упоминаетъ лишь два раза мимоходомъ, а о Мейерѣ и Іеллинекѣ совершенно умалчиваетъ. Болѣе всего слѣдуетъ онъ Рено, ссылаясь на ненапечатанный его курсъ и Фіоре, сочиненіе котораго знаетъ только въ первомъ изданіи. При всемъ томъ книга его представляетъ много интереснаго. Трактаты онъ опредѣляетъ, по Рено, какъ «соглашеніе между двумя или нѣсколькими государствами для установленія, опредѣленія или прекращенія между ними юридическаго отношенія». Весьма характерна принимаемая имъ классификація трактатовъ: исчисливъ до 23 видовъ ихъ, онъ сводитъ ихъ къ тремъ главнымъ группамъ: трактаты политическіе, экономическіе и юридическіе (собственно судебные, judiciaires).

Признавая, въ дѣлѣ ихъ заключенія, правоспособными *всѣ* государства вообще (кромѣ утратившихъ *совершенно* свой внѣшній суверенитетъ или по спеціальному договору признанныхъ неспособными), Винесье старается доказать, что какъ Болгарія, такъ и Тунисъ обладаютъ этимъ правомъ независимо отъ Турціи. Относительно Болгаріи онъ полагаетъ, что Берлинскій трактатъ обязалъ ее только принять договоры Турціи, бывшіе въ силѣ въ то время, но ни въ чемъ не стѣснилъ ея договорной свободы относительно будущаго [1]).

Настоящій этюдъ по сравнительному законодательству представляетъ глава третья, въ которой авторъ подробно останавливается на вопросѣ: какая собственно власть въ государствѣ имѣетъ и должна имѣть право заключать трактаты? Сперва онъ приводитъ постановленія всѣхъ французскихъ конституцій съ 1791 до 1875 г. включительно, а потомъ обращается къ законамъ европейскихъ государствъ и С. Штатовъ. На основаніи этого, весьма тщательно составленнаго обзора, онъ приходитъ къ выводу, что въ большинствѣ государствъ это право составляетъ доселѣ прерогативу короны и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ требуется участіе палатъ. Чаще всего это бываетъ при уступкѣ территоріи, возложеніи новыхъ финансовыхъ тягостей на народъ, при изданіи новыхъ законовъ и т. п. Содѣйствіе палатъ обязательно во всѣхъ случаяхъ лишь въ С. Штатахъ, Швейцаріи, Португаліи и Румыніи. Вопреки этой практикѣ даже конституціонныхъ государствъ Винесьё желалъ бы возвести въ общее правило, что *лишь законодательной власти должно быть предоставлено право*

---

[1]) Одинъ изъ выставленныхъ имъ тезисовъ говоритъ: «Болгарія не нуждается въ согласіи Порты для заключенія трактатовъ».

заключать трактаты. При этомъ онъ хорошо разбираетъ и опровергаетъ доводы противниковъ этой системы, которой очевидно принадлежитъ будущее.

Какъ и Лаги, авторъ вооружается противъ обще-принятаго положенія, будто трактаты, навязанные государствомъ силою, для нихъ обязательны. Но этотъ щекотливый и трудный вопросъ не разработанъ у него такъ въ деталяхъ, какъ у итальянскаго писателя. Примѣрами недѣйствительности подобныхъ обязательствъ онъ приводитъ соглашенія, сильно имъ порицаемыя, о присоединеніи саксонскихъ областей къ Пруссіи въ 1815 г. и южной Бессарабіи къ Россіи въ 1878. Вмѣстѣ съ итальянскими публицистами онъ въ рѣзкихъ, но справедливыхъ словахъ осуждаетъ дѣло Берлинскаго конгресса: «на немъ проявились ретроградныя начала, бывшія въ силѣ полвѣка тому назадъ. Свобода и автономія народовъ не только не были уважены, но превращены въ предметъ торга. Австрія получила разрѣшеніе, подъ видомъ безсрочнаго занятія, на присоединеніе себѣ Босніи и Герцеговины. Прекрасная область, отторгнутая отъ Румыніи, дана Россіи. Франціи предложенъ Тунисъ, занятый ею два года позднѣе. Захватъ Англіею Кипра получилъ одобреніе. Подъ видомъ дарованія независимости нѣкоторымъ странамъ установлено вмѣшательство въ ихъ внутреннія дѣла. Какъ нѣкогда въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ, совершены самыя тяжкія нарушенія международнаго права. Какое юридическое значеніе могутъ имѣть эти сдѣлки, попирающія ногами самыя священныя права народовъ и приносящія въ жертву сильнымъ вольности слабыхъ государствъ». А между тѣмъ, заключаетъ авторъ, и въ Берлинѣ слѣдовало бы вспомнить о словахъ, сказанныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ Талейраномъ: Несправедливость изо всѣхъ основаній самое плохое, на которомъ политическій міръ можетъ возвыситься только себѣ самому на пагубу.

Считая вмѣстѣ съ большинствомъ современныхъ писателей ратификацію необходимою, Винесьё хорошо выставляетъ на видъ аргументы въ пользу этого мнѣнія, указывая на различіе, существующее въ этомъ пунктѣ между трактатами и частно-правовыми обязательствами.

Внутреннюю обязательность трактатовъ онъ выводитъ изъ принципа абсолютной справедливости, которая одна служитъ прочной основой всѣмъ правамъ и обязанностямъ человѣка. Отрѣшенная же отъ этого безусловнаго закона правды, наука права обращается въ продуктъ фантазіи. Воля государствъ, какъ и индивидуумовъ, не первичный источникъ права; она только вторичное его проявленіе. Хотя

бы эта воля измѣнилась, но созданное ею обязательство остается, ибо оно черпаетъ свою силу изъ указаннаго начала справедливости.

Недѣйствительными по самому своему содержанію должны быть признаны договоры: 1) установляющіе господство одного государства надъ другимъ; 2) предписывающіе уступку или обмѣнъ территоріи безъ согласія со стороны ея жителей [1]); 3) навязывающіе государству опредѣленную форму правленія или династію и вообще стѣсняющіе свободу его развитія въ области политической или экономической; 4) содержащіе въ себѣ распоряженія о дѣлахъ государствъ, не принявшихъ въ нихъ участія и вообще противорѣчащіе прежнимъ, неотмѣненнымъ трактатамъ; 5) допускающіе торговлю неграми или ей содѣйствующіе, и 6) нарушающіе свободу моря.

Намъ кажется страннымъ, что въ числѣ способовъ обезпеченія трактатовъ авторъ умалчиваетъ о средствахъ юридическихъ. Наилучшимъ способомъ ему представляется гарантія, серьезно понимаемая и примѣняемая, ибо она способна вызвать въ народахъ чувство *солидарности* въ дѣлѣ охраны *началъ справедливости* и даже создать для этой цѣли какъ бы *верховный судъ* (tribunal suprême). Что же это, какъ не допущеніе на *почвѣ политики* того, что, по нашему мнѣнію, должно быть создано *отъ имени и для прочности права?*

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ авторъ стоитъ также на точкѣ зрѣнія итальянскихъ авторовъ. Онъ воздаетъ хвалу Италіи за то, что сдѣланныя ею въ наши дни присоединенія территорій она подтверждала плебисцитами, которые стали было уже входить нѣсколько въ практику, но трактаты Франкфуртскій (1871) и Берлинскій (1878) снова игнорировали ихъ совершенно. При залогѣ территоріи авторъ, въ случаѣ неисполненія трактата заложникомъ, также не допускаетъ присоединенія этой области иначе, какъ съ согласія ея жителей, которые, говоритъ онъ, никогда не составляютъ частной собственности своего государства. Дѣйствительно, залогъ въ публичномъ правѣ нельзя уподоблять залогу по праву частному.

ГЛАВА III.

Посольское и консульское право.

13. Нисъ. — 14. Крауске. — 15. Прадье-Фодере. — 16. Лауренсъ.—17. Миконіосъ.—18. Контуцци.

Вмѣстѣ съ правомъ войны, *посольское право* составляетъ древнѣйшій отдѣлъ нашего предмета и, быть можетъ, наиболѣе обработанный [1]). Хотя въ наше время посланники являются далеко не единственными носителями международныхъ сношеній и можно даже предположить, что значеніе ихъ будетъ съ теченіемъ времени все болѣе сокращаться, но тѣмъ не менѣе писатели продолжаютъ посвящать имъ, по старой привычкѣ, особыя монографіи. И въ эти послѣдніе годы появились сочиненія какъ по *исторіи*, такъ и по *теоріи* дипломатіи, которыя заслуживаютъ вниманія.

Исторію посольскаго права, хотя въ первыя эпохи его образованія, изучаютъ весьма тщательно *Нисъ* и особенно *Крауске*.

13. Nys. *Les origines de la diplomatie et le droit d'ambassade jusqu'à Grotius.* 1884 [2]).

Эта небольшая, но дѣльная и живо написанная монографія распадается на двѣ части: сперва авторъ разсматриваетъ вопросъ объ *установленіи постоянныхъ посольствъ*, а затѣмъ дѣлаетъ перечень *древнѣйшихъ писателей* по посольскому праву, начиная съ половины XV в. и до Джентили включительно. Начало постоянныхъ по-

---

[1]) Лучшія, относящіяся сюда сочиненія указываются: *Ompteda.* Litteratur des gesammten Völkerr. 1785.—*Kamptz.* Neue Litteratur des Völkerr. 1817.—*Miruss.* Das europäische Gesandschaftsrecht. 1847.—*Rivier.* Note sur la littérature du Droit des Gens avant la publication du Jus belli ac pacis de Grotius. 1883.

[2]) Напечатано также въ Revue de dr. intern. 1883; p. 577; 1884; p. 55 et 167.

сольствъ онъ, какъ и Крауске, приписываетъ итальянскимъ республикамъ, которыя стали ихъ учреждать сперва между собою, а затѣмъ и у иностранныхъ дворовъ, и это начало возводитъ къ XV стол., къ эпохѣ окончательнаго образованія новыхъ государствъ подъ властью неограниченныхъ, но большею частью даровитыхъ монарховъ. Особенно интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Нисъ о дипломатіи Венеціи, которая ранѣе всѣхъ европейскихъ государствъ съумѣла организовать свои посольства на широкихъ и разумныхъ началахъ. Что касается до писателей, то до Гроція они въ цѣломъ не были сторонниками абсолютныхъ привиллегій посланниковъ и даже немногіе изъ нихъ требовали для дипломатическихъ агентовъ уголовной неподсудности. На практикѣ эти привиллегіи были доведены до безразсудныхъ размѣровъ въ XVII стол. — этомъ золотомъ вѣкѣ для дипломатовъ. Тогда исключительное ихъ положеніе, впрочемъ, отчасти вытекало изъ теоріи представительства ими личности ихъ государствъ, отчасти составляло даже необходимость при тогдашнемъ произволѣ администраціи и отсутствіи правосудія особенно для иностранцевъ. Писатели слѣдовали осторожно за этими расширеніями правъ посланниковъ, и лишь Гроцій, положившій въ основаніе ихъ фикцію о внѣземельности, далъ чрезъ это притязаніямъ дипломатовъ самое широкое теоретическое обоснованіе. Въ силу его авторитета указанная фикція долго держалась въ наукѣ, но новѣйшіе писатели, отвергнувъ ее, стали сводить всѣ принадлежащія дипломатическимъ агентамъ права къ двумъ: къ праву на независимость и на неприкосновенность. Кромѣ того, конечно, имъ принадлежатъ еще права церемоніальныя (droit au cérémonial).

14. **Krauske.** *Die Entwickelung der ständigen Diplomatie.* 1885 [1]).

Трудъ Крауске гораздо обстоятельнѣе монографіи Ниса и, будучи основанъ по преимуществу на архивныхъ источникахъ, вполнѣ исчерпываетъ вопросъ объ *установленіи постоянныхъ посольствъ*. На этотъ счетъ существовало доселѣ четыре теоріи. Одни видятъ прототипъ ихъ въ тѣхъ уполномоченныхъ, которыхъ посылали римскіе союзники и провинціи въ вѣчный городъ. Другіе возводятъ ихъ къ апокризіаріямъ и responsales римской куріи. Третьи производятъ начало постоянныхъ миссій изъ консульскаго института, опираясь при этомъ на примѣръ возникновенія баиллата (Bailaggio) венеціанскаго въ Константинополѣ. Авторъ склоняется въ пользу четвертой теоріи,

---

[1]) Помѣщено въ третьей тетради пятаго тома изд. *Шмоллеромъ* Staats-und socialwissenschaftliche Forschungen.

которая видитъ въ установленіи постоянныхъ дипломатическихъ органовъ *сознательное нововведеніе* сперва итальянскихъ республикъ, а вслѣдъ за ними и монарховъ Франціи и Испаніи. Для этого онъ въ обширной главѣ останавливается на отдѣльныхъ странахъ Европы и проявляетъ тутъ большое знакомство не только съ трудами Реймона, Альбери, Баше, Гашара, Целлера и др., но и съ сокровищами архивовъ, недавно сдѣлавшихся доступными наукѣ. Не скроемъ, однако, что, съ другой стороны, этотъ отдѣлъ страдаетъ большою сухостью, переходя нерѣдко въ простой перечень лицъ и годовъ дипломатическихъ миссій, посылавшихся различными государствами.

Авторъ не только окончательно разъясняетъ споръ о *времени* и *мѣстѣ* зарожденія постоянныхъ посольствъ [1]), но и съ тою же основательностію слѣдитъ за дальнѣйшими фазисами ихъ развитія вплоть до опредѣленія на конгрессахъ въ Вѣнѣ (1815) и въ Ахенѣ (1818) ихъ ранга и классовъ. Въ этомъ отношеніи онъ различаетъ два періода: съ конца среднихъ вѣковъ до половины XVII стол.—когда существовало лишь *два класса* посланниковъ (ambassadeurs, legati съ одной и агенты, резиденты, envoyés и ablegati съ другой стороны)— и съ этой эпохи до ахенскихъ рѣшеній. Въ этотъ періодъ было уже установлено *три класса* дипломатовъ, замѣненныхъ, какъ извѣстно, въ Ахенѣ даже *четырьмя*. Говоря объ рѣшеніяхъ Ахенскаго конгресса, авторъ напоминаетъ, что хотя они были подписаны представителями *пяти* державъ, а не *восьми*, какъ вѣнскій регламентъ, но можно сказать, что они приняты почти всѣми государствами. Исключеніе составляютъ развѣ Турція, держащаяся доселѣ вѣнской классификаціи, и Бельгія и С. Штаты, не посылающіе пословъ (ambassadeurs). Трудно рѣшить, въ силу какихъ мотивовъ поступаютъ такъ Штаты: въ видахъ ли экономіи или считая, вмѣстѣ съ Ламартиномъ, представительный характеръ пословъ несовмѣстимымъ съ принципами республиканской формы правленія. Бросивъ взглядъ на древнѣйшіе *титулы* и прозванія дипломатическихъ агентовъ, Краусе, въ послѣдней главѣ, останавливается на *условіяхъ*, которымъ должны были

---

[1]) Результаты своего историческаго изслѣдованія онъ выражаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) постоянныя посольства организовались среди итальянскихъ государствъ, преимущественно въ Венеціи съ XV стол. 2) Со времени Фердинанда Католическаго они изъ Италіи распространяются и по западной и центральной Европѣ. 3) Къ концу XVI стол. современныя формы дипломатическихъ сношеній вводятся и въ сѣверныхъ странахъ, гдѣ онѣ окончательно утверждаются въ XVII в. 4) Сознательно установленный, этотъ институтъ и въ дальнѣйшихъ своихъ судьбахъ подчинился закону органическаго роста.

въ прежніе вѣка удовлетворять дипломаты. Здѣсь рѣчь идетъ объ ихъ общественномъ положеніи или сословіи, возрастѣ, умственной подготовкѣ, внѣшнемъ отличіи и объ ихъ обязанностяхъ вообще. Много замѣчаній весьма характерныхъ можно найти въ книгѣ Крауске относительно нравовъ и воззрѣній какъ дипломатовъ, такъ и ихъ повелителей, которые съумѣли въ періодъ династической политики превратить ихъ въ драгоцѣнное для себя орудіе.

15. **Pradier-Fodéré.** *Cours de Droit diplomatique.* 2 vls. 1881.

Обширный трудъ Прадье-Фодере возникъ изъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1877—79 г. въ основанномъ имъ, по порученію правительства Перу, въ Лимѣ факультетѣ политическихъ и административныхъ наукъ. Это новѣйшее руководство по дипломатіи, продолжая какъ бы труды своихъ предшественниковъ Мируса, Альта, Карла Мартенса и Есперсона, преслѣдуетъ чисто практическую цѣль: «служить пособіемъ для лицъ, готовящихся на дипломатическую службу при министерствахъ иностранныхъ дѣлъ европейскихъ и американскихъ государствъ». Съ этою цѣлію авторъ даетъ много дѣльныхъ совѣтовъ и указаній, но именно какъ практическое руководство оно слишкомъ обширно, растянуто и мѣстами содержитъ лишній матеріалъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать преимущество сжатой и ясной книгѣ Альта [1]).

Но Прадье-Фодере всюду указываетъ на законы и практику американскихъ государствъ, которыя ему вообще хорошо знакомы, особенно же республики такъ наз. «латинской Америки» [2]).

Въ введеніи авторъ указываетъ на *цѣль* своего сочиненія и отмѣчаетъ *черты*, которыми долженъ отличаться *современный дипломатъ* сравнительно съ прежними. Въ наши дни быстрыхъ сношеній между самими правительствами роль дипломата все болѣе сводится къ тому, чтобы быть простымъ уполномоченнымъ, призваннымъ говорить за своего довѣрителя. Его отвѣтственность и область его самостоятельной дѣятельности все сокращаются, а это ведетъ къ уменьшенію важности его функцій. Но за то отъ него требуются теперь болѣе широкія и разностороннія свѣдѣнія, чтобы имѣть возможность зорко слѣдить не только за политическими судьбами, но и за экономическимъ развитіемъ страны, въ которую его заведетъ судьба. Для прежняго аристократическаго общества могли подходить ловкіе, пріятные и блестящіе дипломаты, но современная демократія требуетъ агентовъ честныхъ, серьезныхъ и образованныхъ.

---

1) *Alt.* Handbuch des Europäischen Gesandschafts-Rechtes. 1870.

2) Подъ этой рубрикой онъ ведетъ постоянную политическую хронику ихъ въ Revue.

Въ первой главѣ перваго тома авторъ даетъ *опредѣленіе дипломатіи* вообще и *условій*, необходимыхъ для дипломатовъ. Въ дипломатіи (которую онъ неудачно называетъ «дипломатическимъ правомъ») онъ видитъ ученіе о внѣшнихъ сношеніяхъ между государствами и раздѣляетъ ее на два главные отдѣла: публичный *церемоніалъ* и собственно дипломатическія *сношенія*. Первый (le cérémonial public) подраздѣляется далѣе: a) на cérémonial politique, ученіе о титулахъ и рангѣ государствъ (гл. 2 и 3); b) cérémonial des cours или personnel des souverains—отдѣлъ о личныхъ сношеніяхъ между главами государствъ (гл. 3 и 4) и c) cérémonial diplomatique ou d'ambassade (гл. 5).—Описавъ подробно *устройство министерства иностранныхъ дѣлъ* во Франціи и Перу, и слегка въ Англіи и Бельгіи (гл. 6), онъ переходитъ къ *лицамъ* дипломатической службы (гл. 7 и 8) и къ *документамъ*, ихъ удостовѣряющимъ (гл. 9). Первый томъ оканчивается гл. 10-ою, въ которой авторъ подробно и хорошо говоритъ о *призваніи* и *обязанностяхъ* дипломатовъ. Во второмъ томѣ онъ обращается къ ихъ *правамъ* и *привиллегіямъ* (гл. 11—13), говоритъ о способахъ *веденія* ими *переговоровъ* (гл. 14 и 15), причемъ касается переговоровъ коллективныхъ на *конференціяхъ* и *конгрессахъ* и объясняетъ всѣ роды и виды дипломатическихъ *актовъ* и *бумагъ*. Послѣдняя глава посвящена *прекращенію* дипломатической службы. Въ довольно большомъ приложеніи помѣщены различныя новѣйшіе декреты и распоряженія (относящіеся къ 1880 г.) французскаго правительства касательно службы дипломатовъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ сочиненія Прадье-Фодере. Вмѣстѣ съ Гефтеромъ онъ говоритъ, что лучшая школа для дипломатовъ—жизнь и исторія. Чтобы хорошо приготовиться къ своей службѣ, они никакъ не могутъ ограничиваться какимъ бы то ни было академическимъ или теоретическимъ преподаваніемъ, но должны много и самостоятельно трудиться надъ собственнымъ образованіемъ. Авторъ приводитъ прекрасныя слова канцлера Оксенштіерна къ сыну: «міръ полонъ лицемѣрія и лжи. Это надо умѣть распознавать, чтобы не поддаваться обману, но не для того, чтобы ему слѣдовать». Фодере перечисляетъ главныя историческія сочиненія и мемуары, знакомство съ которыми необходимо. Требуя, чтобы дипломатическая служба отличалась вѣрностію традиціямъ, послѣдовательностію, и оставалась чуждою воздѣйствіямъ фаворитизма, онъ желалъ бы видѣть въ дипломатахъ точныя свѣдѣнія и практическія способности, характеризующія консуловъ. Но едва ли мыслимо сліяніе этихъ обѣихъ сферъ дѣятельности. Авторъ справедливо жалуется на то, что во Франціи

въ наши дни дипломатія, благодаря вѣчнымъ колебаніямъ республиканскихъ правителей, утратила прежнюю, вѣковую устойчивость и послѣдовательность. Между тѣмъ, какъ сосѣднія намъ страны преслѣдуютъ въ области внѣшней политики свои опредѣленные планы — медленно, но неукоснительно, мы имѣемъ агентовъ дипломатическихъ, но существуютъ ли у насъ еще дипломаты?

Полагая принципъ равенства въ основаніе сношеній между государствами, авторъ подробно останавливается на титулахъ и рангѣ послѣднихъ. Фикцію внѣземельности онъ отвергаетъ даже по отношенію къ государямъ. Она могла возникнуть лишь въ періодъ ихъ абсолютизма. Въ нашъ вѣкъ представительнаго государства юрисдикція вытекаетъ только изъ суверенитета, который не можетъ принадлежать монарху на землѣ ему не подвластной. Уголовную юрисдикцію, кромѣ того, онъ лично не долженъ имѣть даже въ своей странѣ, а гражданскую и не отправляетъ.

Указавъ на несостоятельность другой фикціи, будто послы суть представители самой особы государя, авторъ замѣчаетъ, что собственно долженъ бы существовать *лишь одинъ классъ дипломатическихъ агентовъ*, ибо юридически всѣ классы ихъ—равны между собою. Сдѣланныя же различія—только церемоніальнаго свойства, свидѣтельствуя о международномъ, такъ сказать, чванствѣ.

Какъ добрый католикъ, Прадье-Фодере полагаетъ, что папа и по утратѣ свѣтской власти долженъ удержать посольское право, и критикуетъ противоположную этому теорію Есперсона, принятую, впрочемъ, и другими интернаціоналистами. Но вопросъ не въ томъ, можетъ ли и теперь папа посылать легатовъ, а въ томъ, что послѣдніе не суть *международные* представители. Въ одномъ пунктѣ слѣдуетъ согласиться съ авторомъ: итальянское правительство само по себѣ не въ правѣ измѣнить международное положеніе папскаго престола и, наприм., вдругъ отмѣнить извѣстный законъ о гарантіяхъ 1871 года. Прадье-Фодере приводитъ интересный декретъ Ламартина 1848 г. объ отмѣнѣ пословъ и о характерѣ дипломатіи въ республикахъ. Но совершенно излишними представляются многочисленныя заимствованія изъ законовъ Франціи и Перу о составѣ дипломатическаго персонала и даже его секретарей. Разбирая по статьямъ декретъ 1879 г. о правахъ дипломатическихъ агентовъ на содержаніе, авторъ упоминаетъ о томъ, что получаютъ они теперь во Франціи [1]).

---

[1]) Въ 1886 г. расходы во Франціи на министерство иностранныхъ дѣлъ достигали 14.236,900 франковъ.

Выше мы уже. замѣтили, что глава объ обязанностяхъ дипломатовъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Авторъ сводитъ ихъ къ слѣдующему: быть представителемъ своего правительства при иностранномъ дворѣ; наблюдать въ тайнѣ, но зорко за всѣмъ, совершающимся въ странѣ его пребыванія, и обо всемъ доносить своему довѣрителю; поддерживать сношенія и вести переговоры; быть защитникомъ своихъ соотечественниковъ. Стоя на стражѣ отечественныхъ интересовъ, посланники должны стремиться къ укрѣпленію между народами согласія и мира. Своимъ девизомъ имъ слѣдуетъ избрать правило: «suaviter in modo et fortiter in re».

Практика, конечно, далеко уклоняется отъ этого идеала, какъ и отъ слѣдующихъ даваемыхъ авторомъ совѣтовъ: жизнь дипломатовъ въ сущности должна быть жизнью постояннаго труда и занятій. Имъ ни въ какомъ случаѣ не дозволено прибѣгать къ подкупамъ. Авторъ приводитъ примѣръ, данный гр. Верженнъ, представителемъ Франціи при Портѣ. «Война объявлена Россіи, писалъ онъ герцогу Шуазёль. Я въ точности исполнилъ приказаніе моего государя, но я везу съ собой данные мнѣ для этого три милліона: они мнѣ не понадобились». Столь же строго высказывается Прадье-Фодере противъ неуваженія правительствами дипломатическихъ тайнъ и вскрытія ихъ переписки, хотя бы во имя высшихъ государственныхъ интересовъ (raison d'Etat). Охрана, оказываемая посланниками своимъ соотечественникамъ, не должна быть преждевременна и поспѣшна: обиженнымъ прежде всего слѣдуетъ искать защиты у мѣстныхъ судовъ и только въ случаяхъ отказа въ правосудіи или проволочкѣ онаго, призвана вступиться дипломатія. Права и привиллегіи дипломатическихъ агентовъ авторъ

На содержаніе посланниковъ выдавалось:

въ С.-Петербургѣ	250,000	фр.
» Лондонѣ	200,000	»
» Вѣнѣ	170,000	»
» Берлинѣ	140,000	»
» Константинополѣ	130,000	»
» Мадридѣ	120,000	»
» Римѣ (при Ватиканѣ и при итальян. правит.) по	110,000	»

На содержаніе заграничныхъ посольствъ и миссій въ 1886 г. министерствомъ иностр. дѣлъ въ Россіи исчислено 1.060,350 р. (кромѣ содержанія консульствъ). Наши послы получаютъ:

Въ Лондонѣ, Константинополѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ по 50,000 р.; въ Парижѣ и Римѣ по 40,000 р.; въ Вашингтонѣ 30,000 р.; въ Тегеранѣ 25,000 руб.; въ Аѳинахъ и Копенгагенѣ 20,000 р.; министръ-резидентъ въ Цетиньѣ—10,000 р. и т. д.

сводитъ къ тремъ группамъ: неприкосновенность, независимость и права церемоніальныя. Вмѣстѣ съ новѣйшими интернаціоналистами (Пингейро-Форрейра, Блюнчли) онъ отвергаетъ фикцію о внѣземельности. Изъ принципа независимости онъ далѣе выводитъ: изъятіе посланниковъ отъ налоговъ; неприкосновенность ихъ жилища; неподсудность ихъ мѣстнымъ гражданскимъ и уголовнымъ судамъ, а равно ихъ неподчиненность мѣстной полиціи; право надзора и юрисдикціи надъ лицами своей свиты и т. д. Многія изъ этихъ привиллегій не столько нужны посланникамъ для отправленія ихъ службы, сколько даются имъ по гостепріимству. Подробно излагая способы веденія переговоровъ дипломатами, авторъ останавливается на конгрессахъ и конференціяхъ. Указывая на черты различія между этими собраніями, онъ не выставляетъ главной, которую слѣдовало бы положить въ основаніе: на конгрессахъ принимаютъ *съ равнымъ* правомъ участіе представители *всѣхъ* государствъ Европы, а конференціи суть *частныя* и *подготовительныя* собранія. За то Прадье-Фодере распространяется объ американскихъ конгрессахъ: панамскомъ (1826 г.), лимскомъ (1847—48 гг.) и др. и объ идеяхъ латино-американской лиги. Въ 1877 г. состоялся въ Лимѣ же съѣздъ американскихъ юристовъ, поставившихъ себѣ цѣлью возможно большее объединеніе гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ законовъ различныхъ республикъ испанской Америки. Но, спрашиваетъ авторъ, удастся ли эта цѣль, доселѣ не достигнутая въ сферѣ политическихъ сношеній, хотя въ области права? Вездѣ въ Америкѣ, и болѣе всего въ Лимѣ, не вѣрятъ въ практическіе результаты названнаго съѣзда. Въ торжественныхъ случаяхъ, правда, любятъ на оффиціальномъ языкѣ называть эти республики сестрами между собою, но ни для кого не тайна, что это, въ большинствѣ случаевъ, сестры враждующія. Слишкомъ много еще тучъ заволакиваетъ политическій горизонтъ этихъ государствъ для того, чтобы они могли въ ближайшемъ будущемъ признать общее между собою право. Книгу свою Прадье-Фодере оканчиваетъ перечнемъ, а иногда краткою характеристикою примѣчательныхъ дипломатовъ всѣхъ эпохъ.

Если роль посланниковъ въ наши дни значительно сократилась, сравнительно съ эпохой абсолютизма, а съ установленіемъ правильной международной организаціи, вѣроятно, и совершенно упразднится, то значеніе *консуловъ*, какъ представителей экономическихъ интересовъ народовъ и какъ защитниковъ частныхъ лицъ, напротивъ, призвано въ будущемъ лишь расти. Сочиненія о нихъ [1]) получаютъ осо-

[1]) Хорошій обзоръ дѣлаетъ Бульмеринкъ въ своемъ *пятомъ* ежегодномъ от-

бый интересъ въ виду стоящаго на очереди во многихъ странахъ пересмотра консульскихъ уставовъ, все большаго развитія постоянныхъ сношеній европейскихъ государствъ съ народами дальняго Востока [1]), и необходимости замѣнить тамъ національныя консульскія юрисдикціи международными судами, подобными тѣмъ, которые подъ названіемъ смѣшанныхъ установлены въ Египтѣ.

За послѣднее время заслуживаютъ упоминанія работы Лауренса, Миконіоса и Контуцци.

16. **Lawrence.** *Commentaire sur les «Elements du dr. intern.» et «L'Histoire des progrès du dr. des Gens» de Wheaton* T. IV. 1880. XI. Juridiction consulaire. P. 1—304.

Почти половину этого четвертаго и послѣдняго тома своего Комментарія къ сочиненіямъ Витона Лауренсъ посвящаетъ *консульской юрисдикціи*. И тутъ, какъ въ остальныхъ частяхъ его книги сказываются хорошія и темныя стороны его изложенія: авторъ даетъ намъ громадное число ссылокъ на законы, трактаты, дипломатическую переписку и судебные прецеденты, дѣлаетъ изо всего этого немало выписокъ, что представляетъ богатый положительный матеріалъ по всѣмъ вопросамъ консульскаго права, но изложеніе его нерѣдко оттого безсвязно, запутанно, и казуистика часто заслоняетъ самые принципы. Сперва рѣчь идетъ о положеніи и правахъ консуловъ въ Европѣ и Америкѣ, а затѣмъ авторъ весьма подробно разбираетъ капитуляціи, заключенныя христіанскими народами съ Турціею, ея прежними варварійскими владѣніями, Китаемъ, Японіею и др. странами Азіи. Въ цѣломъ онъ смотритъ на консуловъ не какъ на простыхъ торговыхъ агентовъ, требуетъ для нихъ политической неприкосновенности и полагаетъ, что они должны быть подсудны мѣстнымъ судамъ страны, въ которой пребываютъ.

Неудобное въ смыслѣ научнаго руководства, сочиненіе Лауренса весьма полезно какъ справочная книга.

17. **Mikonios.** *Les consuls en Orient et les tribunaux mixtes.* 1881.

Небольшая и довольно бѣгло написанная книжка Миконіоса, представленная имъ для полученія докторской степени въ женевскомъ

четѣ о новѣйшей литературѣ межд. права (Schmoller's Jahrbuch f. Gesetzg. Verw. u Volksw. im Deutsch. R. 1886. H. 3. S. 959 flg.).

[1]) Нашъ консульскій уставъ давно признанъ крайне неудовлетворительнымъ и неполнымъ, но окончательный его пересмотръ все откладывается, какъ говорятъ, по финансовымъ соображеніямъ. Также во Франціи учреждена недавно для разработки консульской реформы коммиссія, представившая интересный докладъ объ этомъ правительству (онъ напечатанъ въ Archives Diplomat. 1885. Janv).

университетѣ, останавливаетъ на себѣ вниманіе по выводамъ о *судебной реформѣ въ Египтѣ и о преобразованіи консульской юрисдикціи на Востокѣ*. Собственно же положительнаго матеріала и даже ссылокъ на литературу въ ней мало, хотя мѣстами и упоминаются работы Мильтитца, Де-Клерка и Валла, Лауренса, нѣмецкій переводъ сочиненія Мартенса о консулахъ и др.

Нѣкоторыя мысли автора свидѣтельствуетъ о его юношескихъ увлеченіяхъ, когда онъ полагаетъ, напр., будто идеалъ человѣчества—установленіе всемірнаго государства, или думаетъ видѣть въ посланникѣ «символъ мира».

Вполнѣ вѣрно онъ отмѣчаетъ значеніе консуловъ, какъ органа *соціальныхъ* интересовъ, отъ политической роли посланниковъ. Призванные защищать интересы частныхъ лицъ, они остаются на своемъ посту и во время войны, которая, по идеѣ, должна вестись исключительно между государствами. Занимая сравнительно съ посланниками второстепенное мѣсто, они, быть можетъ, болѣе ихъ содѣйствуютъ сближенію народовъ, ибо скрѣпляютъ частные между ними интересы, превращающіеся со временемъ въ политическіе.

Сочиненіе Миконіоса распадается на три книги: послѣ общаго взгляда на консульскій институтъ, онъ переходитъ къ его положенію на Востокѣ, причемъ разбираетъ не только капитуляціи съ Турціею, но и съ Китаемъ и Японіею, и, въ заключеніе, излагаетъ подробно устройство смѣшанныхъ судовъ въ Египтѣ, открывшихъ свое дѣйствіе, какъ извѣстно, 15 февр. 1876, въ видѣ опыта на пятилѣтній срокъ, но потомъ снова продолженныхъ на другія пять лѣтъ.

Пріятно видѣть, что авторъ не раздѣляетъ иллюзій на счетъ предполагаемой способности Турціи къ возрожденію. Въ какомъ положеніи были магометанскія страны, говоритъ онъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ, въ такомъ пребываютъ онѣ и донынѣ. Ихъ общественный строй и законадательства не сдѣлали почти ни шагу впередъ. Вопреки всѣмъ завѣреніямъ, даннымъ Турціею Европѣ, неравенство райевъ, сравнительно съ мусульманами, предъ законами остается въ силѣ. Свидѣтельство христіанъ противъ послѣднихъ судомъ не принимается. Лишь торговля и промышленность оживились, но и то благодаря многочисленнымъ колоніямъ, которыя съ начала этого столѣтія завели европейцы въ предѣлахъ оттоманской имперіи. Но, строго говоря, можно ли даже винить въ этой косности магометанъ, когда еще ихъ пророкъ и законадатель училъ, что, «каждое нововведеніе въ законѣ есть измѣненіе; каждое измѣненіе — заблужденіе, а всѣ заблужденія ведутъ къ вѣчному огню».

Но и европейцы, съ своей стороны, все дѣлаютъ, чтобы внушить презрѣніе къ идеямъ и принципамъ, вносимымъ ими къ восточнымъ народамъ. Они много толкуютъ объ охранѣ тамъ своихъ единовѣрцевъ, но какъ понимаютъ они и примѣняютъ на практикѣ эту охрану? Не иначе, какъ въ смыслѣ безграничной эксплуатаціи лицъ и земли, среди которыхъ они живутъ, считая себѣ все дозволеннымъ, а между тѣмъ не желая слышать ни о какихъ повинностяхъ и обязательствахъ. Юрисдикція консуловъ не только не отличается безпристрастіемъ, но и весьма часто она пагубна тѣмъ, которыхъ, будто, беретъ подъ свою охрану. Европейцы говорятъ о капитуляціяхъ какъ о чемъ то священномъ, неприкосновенномъ, видя въ нихъ нѣкое естественное право. Но они понять не хотятъ, что капитуляціи— продуктъ давно отжившей цивилизаціи, совершенно несогласной съ воззрѣніями и потребностями жизни нашего времени, капитуляціи въ основаніи отвергаютъ верховенство территоріальной власти, но слѣдуетъ помнить, что, когда онѣ составлялись, европейцы жили на Востокѣ *небольшими семьями*, рѣзко во всемъ отдѣленными отъ мѣстнаго населенія, между тѣмъ какъ теперь они разрослись въ громадныя, богатыя и могущественныя *колоніи*, часто между собою враждующія и составляющія настоящія государства въ государствѣ.

Со времени допущенія Турціи въ концертъ европейскихъ державъ она неоднократно пыталась добиться отмѣны капитуляцій. Подъ давленіемъ Европы она преобразовала свою судебную организацію и ввела у себя новые кодексы, но нечего и говорить, что подъ новою вывѣскою продолжаетъ дѣйствовать старая судебная практика. Если бы эти реформы не были совершены столь быстро и круто, если бы примѣненіе ихъ не было отдано въ руки *однихъ* турецкихъ судей, но если бы на мѣсто существующихъ консульскихъ судовъ были установлены *суды смѣшанные*, хорошо организованные и независимые, то найдена была бы возможность постепеннаго уменьшенія той пропасти, которая все еще раздѣляетъ магометанъ отъ европейцевъ, представляющихся для нихъ врагами и завоевателями ихъ страны. Къ сожалѣнію, послѣдніе сами оправдываютъ это на нихъ воззрѣніе: преслѣдуя лишь торговые и иные интересы своихъ подданныхъ и единовѣрцевъ, они мало заботятся о высшихъ идеяхъ человѣколюбія и о распространеніи ихъ мирными путями.

Отсюда является понятною вся важность и настоятельность преобразованія консульской юрисдикціи на Востокѣ.

Отдѣлъ о судебной реформѣ въ Египтѣ всего лучше изложенъ у автора. Бросивъ взглядъ на предшествовавшіе ей дипломатическіе

переговоры, онъ очерчиваетъ дѣятельность новыхъ судовъ какъ въ области гражданскаго, такъ и уголовнаго права. Эта реформа, говоритъ онъ, вовсе не имѣла въ виду уничтожить или даже сократить права, которыми пользуются европейцы. Цѣль ея, напротивъ, лежала въ укрѣпленіи этихъ правъ посредствомъ введенія юстиціи менѣе сложной, болѣе однородной и представляющей большіе гарантіи безпристрастія. Противъ нея возражали, будто она нарушала капитуляціи. Это совершенно невѣрно. Реформа, о которой мы говоримъ, почти не создала ничего новаго по уголовному правосудію за исключеніемъ разбирательства небольшаго числа преступленій и проступковъ. Большинство же уголовныхъ дѣлъ, къ великому ущербу правосудія, вѣдаютъ по прежнему консульскіе суды. Что касается до дѣлъ гражданскихъ, то разборъ споровъ между иностранцами различной національности составляетъ развѣ нарушеніе, но не капитуляцій, хранившихъ объ этомъ молчаніе, а того обычаемъ введеннаго правила, для исправленія этого молчанія, въ силу котораго actor sequitur forum rei.

Авторъ видитъ наиболѣе слабый пунктъ во всей этой реформѣ именно въ томъ, что она почти не простирается на уголовныя дѣла. Между тѣмъ извѣстно, что большинство преступленій совершается на египетской почвѣ иностранцами противъ другихъ иностранцевъ. Они чаще всего нарушаютъ общественную безопасность; египетскія власти могутъ только ихъ задержать и передать въ руки консуловъ, являющихся обыкновенно плохими судьями то по пристрастію, то по незнанію законовъ, если они торговые агенты. Расширеніе уголовной юрисдикціи новыхъ судовъ болѣе всего возвысило бы чувство справедливости въ туземцахъ, давъ имъ болѣе вѣрныя понятія о нравственныхъ идеяхъ, о наказаніяхъ и т. д.

Обращаясь къ самому строю смѣшанныхъ судовъ, Миконіосъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими ихъ критиками, указываетъ на необходимость учрежденія кассаціонной инстанціи, еще другой аппелляціонной палаты и увеличенія числа низшихъ судовъ. Судебный персоналъ, дѣйствовавшій донынѣ въ этихъ судахъ, заслуживаетъ лишь похвалу. Европейскія правительства [1]) посылали въ нихъ людей глубоко изучившихъ великое искусство отправленія правосудія. Сами туземные судьи оказали себя достойными своего поста. Не всегда обладая об-

---

[1]) Въ цѣломъ въ смѣшанныхъ судахъ засѣдаютъ 29 иностранцевъ и 18 туземцевъ. Изъ нихъ Франція, Италія, Англія, Германія, Австрія и Голландія назначаютъ по 3 члена; Россія, Швеція, Греція и С. Штаты по 2 и Данія 1.

ширными свѣдѣніями, или должною опытностью, они всегда стремились къ безпристрастію.

Какъ бы то ни было, но эта судебная реформа не только не полна, но и введена лишь на краткій срокъ, въ видѣ опыта. Еще рядомъ съ новыми судами существуютъ въ Египтѣ не менѣе 19 юрисдикцій, прилагающихъ различныя, часто между собою противорѣчивыя, юридическія нормы. Авторъ желаетъ, и мы въ этомъ вполнѣ къ нему присоединяемся, чтобы державы превратили эту реформу въ окончательную. Воспользовавшись указаніями опыта и сдѣлавъ нужныя дополненія и исправленія въ кодексахъ, имъ слѣдовало бы дѣйствіе смѣшанныхъ судовъ распространить на территорію всего Египта и чрезъ это, во благу всѣхъ на ней живущихъ, отмѣнить юрисдикцію какъ консуловъ, такъ и кади.

Авторъ на этомъ не останавливается, но совершенно вѣрно полагаетъ необходимымъ и въ другихъ странахъ Востока, особенно въ Китаѣ и Японіи, *замѣнить консульскую юрисдикцію международною юстиціею*, въ видахъ облегченія сношеній западныхъ народовъ съ жителями этихъ странъ и все бо́льшаго привитія къ послѣднимъ великихъ началъ обще-человѣческой культуры. Эти мысли подробно развиты и обоснованы у Контуцци.

18. **Contuzzi**. *La istituzione dei Consolati ed il Diritto Internazionale Europeo nella sua applicabilità in Oriente*. 1885.

Обширный трудъ Контуцци (въ 700 стр.), проф. въ Неаполѣ, представляетъ безспорно самое полное и лучшее сочиненіе о *консульскомъ правѣ* за послѣднее десятилѣтіе. Авторъ изучилъ свой предметъ не только по громадному *положительному матеріалу*, сюда относящемуся, но и во свѣтѣ *современной теоріи и жизни*. Отсюда и живой интересъ тѣхъ *выводовъ*, къ которымъ онъ приходитъ послѣ тщательнаго изученія прошлыхъ и настоящихъ судебъ консульскаго института.

Сочиненіе его, распадающееся на пять книгъ, собственно представляетъ три главныя части: 1) *историческій очеркъ* консульскихъ учрежденій вообще; 2) ихъ *современныя устройства и дѣятельность* на Востокѣ и 3) перспективы *будущаго*.

Авторъ начинаетъ изученіе своего предмета съ глубокой древности (Египта, Финикіянъ и Карѳагенянъ), но подробнѣе останавливается на среднихъ вѣкахъ и тутъ естественно первое мѣсто отводитъ итальянскимъ республикамъ (Венеція. Генуѣ, городамъ Тосканы и южной Италіи), которыя первыя на широкой ногѣ организовали торговыя сношенія съ мусульманскими странами. Въ наше время, въ Европѣ и въ Америкѣ, консулы, въ отличіе отъ среднихъ вѣковъ, не вы-

ступаютъ болѣе въ ролѣ ни дипломатовъ, ни судей. Они блюстители торговыхъ интересовъ назначившаго ихъ государства и естественные защитники его гражданъ, причемъ имъ дается такъ называемая добровольная надъ ними юрисдикція. Они же въ этомъ качествѣ могутъ дѣйствовать какъ посредники, третейскіе судьи, нотаріусы, свидѣтели и т. п.

Эту часть Контуцци оканчиваетъ перечнемъ главнѣйшихъ *консульскихъ конвенцій* послѣдняго времени.

Консульскую юрисдикцію собственно на *Востокѣ* онъ изучаетъ, можно сказать, со всѣхъ сторонъ: по отношенію къ каждой странѣ, онъ излагаетъ содержаніе *трактатовъ*, заключенныхъ съ нею отдѣльными государствами Европы и Америки. Такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ книгахъ онъ останавливается на *Оттоманской имперіи* (куда отнесены и Румынія, Сербія, Черногорія, Кипръ, Боснія и Герцеговина), на *Варварійскихъ странахъ* (Алжиръ, Тунисъ, Триполи и Марокко), на *Египтѣ* (очень подробный разборъ дѣйствующихъ тамъ съ 1876 г. смѣшанныхъ международныхъ судовъ) и на *государствахъ крайняго Востока* (Китай, Японія, Персія, Сіамъ, Бирманія, Маскатъ и Мадагаскаръ).

Отмѣтимъ нѣкоторыя мысли автора по современнымъ, животрепещущимъ вопросамъ. Хотя юридически островъ *Кипръ* остается подъ владычествомъ султана, но фактически Англія распоряжается имъ безконтрольно. Авторъ излагаетъ судебную реформу, совершенную ею на этомъ островѣ въ 1879 г., и добавляетъ, что европейскія державы согласились на отмѣну, въ его предѣлахъ, капитуляцій. Тоже самое слѣдуетъ сказать по отношенію къ *Босніи* и *Герцеговинѣ*. «Предоставленный Турціи номинальный суверенитетъ надъ этими областями есть non-sens. Верховенство не мыслимо иначе, какъ подъ условіемъ своего осуществленія,—что предполагаетъ занятіе и управленіе страною, а послѣднее перешло всецѣло къ Австріи». Державы и тутъ отмѣнили капитуляціи въ 1881 г. отчасти въ соотвѣтствіе съ такою же мѣрою, принятою ими въ *Тунисѣ* по отношенію къ Франціи.

Контуцци говоритъ подробно о новыхъ французскихъ судахъ, учрежденныхъ въ послѣдней странѣ по закону 1883 г. Державы же по одиночкѣ и постепенно согласились на упраздненіе тамъ консульской юрисдикціи. Въ настоящее время изъ всѣхъ варварійскихъ государствъ въ одномъ *Триполи* дѣйствуютъ консульскіе суды, которымъ предоставлены по протоколу 1873 г. (между Портою и Франціею, Англіею и Италіею) тѣ же полномочія, какими они обладаютъ въ остальныхъ частяхъ Оттоманской имперіи. — Касательно *Марокко*

интересны постановленія Мадридской конференціи 1880 г., въ силу которой большинство европейскихъ государствъ (и Соедин. Штаты) установили надъ нимъ протекторатъ.

Контуцци, какъ мы замѣтили, говоритъ не только очень подробно о послѣдней судебной реформѣ въ *Египтѣ*, но и вѣрно оцѣнибаетъ политическое положеніе этой страны. Оно самое печальное: Египетъ, постепенно освобождаясь отъ сюзеренитета Турціи, сталъ добычею европейскихъ ростовщиковъ. Англо-французскій контроль былъ учрежденъ съ оффиціальною цѣлью исправить его финансы и поднять его благосостояніе, но въ сущности изъ финансоваго онъ превратился въ политическое учрежденіе, которое стало воздвигать препятствіе всему правительственному механизму страны, дискредитировать власть хедива въ глазахъ собственныхъ его подданныхъ и мѣшать всякой законодательной или административной реформѣ, въ чемъ либо затрогивающей интересы иностранныхъ кредиторовъ. Съ 1882 г. Англія, вопреки своимъ завѣреніямъ, наложила руку на Египетъ и это вызвало сильную оппозицію Франціи. Не одобряя проекта объ его нейтрализаціи, авторъ высказываетъ о нейтрализаціи вообще мысли, которыя одобрять нельзя. Это, говоритъ онъ, измышленіе дипломатіи, которое не находитъ себѣ оправданія съ точки зрѣнія науки. Будучи вопіющею несправедливостью, эта мѣра ставитъ государство, ей подчиняющееся, въ исключительное, но не льготное, а самое обременительное положеніе. Она парализуетъ его во внутреннемъ развитіи и осуждаетъ его на безучастіе и бездѣятельность по отношенію къ другимъ народамъ.

На это должно замѣтить, что примѣры нейтрализованныхъ государствъ совершенно не подтверждаютъ эту доктрину. Государство замиряется по собственному желанію; получая отъ сосѣдей признаніе своей неприкосновенности, оно тѣмъ спокойнѣе и шире можетъ развивать свои внутреннія силы, а его международный вѣсъ и значеніе въ *умственномъ* отношеніи, какъ показываетъ намъ примѣръ Швеціи и Бельгіи, не уступаютъ вліянію людей первоклассной державы. Словомъ, въ нейтрализаціи нельзя не видѣть одного изъ наиболѣе благотворныхъ институтовъ положительнаго международнаго права, распространеніе котораго въ Европѣ (напр., на Голландію и Данію) желательно въ интересахъ всѣхъ.

Оцѣнивая судебную реформу, авторъ высказывается за то, чтобъ она изъ временной была превращена въ окончательную и послужила типомъ для преобразованія консульскихъ судовъ въ другихъ странахъ Востока. И онъ полагаетъ нужнымъ учрежденіе въ Египтѣ высшаго

ревизіоннаго суда. Достойно вниманія, что судебная практика высказалась тамъ за распространеніе дѣйствій смѣшанныхъ судовъ и на подданныхъ государствъ, не присоединившихся къ этой реформѣ.

Много интересныхъ свѣдѣній находимъ мы въ книгѣ Контуцци и по части сношеній Европы съ государствами *крайняго Востока*. Хотя русскіе и португальцы уже давно завязали нѣкоторыя сношенія съ *Китаемъ* (послѣдніе утвердились въ Макао съ 1537 г.), но лишь съ Нанкинскаго мира 1842 г., благодаря особенно настояніямъ Англіи, эта имперія стала болѣе или менѣе доступна для гражданъ остальнаго цивилизованнаго міра. При глубокой ненависти ея населенія къ заморскимъ діаволамъ, капитуляціи тамъ будутъ еще долго необходимы, но нельзя сказать, чтобы послѣднія были простые снимки съ договоровъ подобнаго же рода, заключенныхъ Европою съ мусульманскими государствами: въ Китаѣ консуламъ предоставлена болѣе широкая юрисдикція.

Въ *Японію* европейцы впервые проникнули въ 1642 г., но лишь съ договора 1854 г., заключеннаго съ нею съ Соединенными Штатами, она вышла изъ своей тысячелѣтней замкнутости. Изъ всѣхъ государствъ не христіанскихъ это наиболѣе прогрессивное и сочувствующее нашей цивилизаціи. Въ 1872 г. Японія приняла нашъ календарь. Въ 1886 г. она присоединилась къ Женевской конвенціи [1]).

Любопытно, что по образцу европейскихъ народовъ, нѣкоторыя восточныя государства между собою ввели консульскую юрисдикцію для охраны своихъ подданныхъ. Контуцци упоминаетъ о такихъ азіатскихъ капитуляціяхъ: между Китаемъ и Японіею (по дог. 1871 г.), Японіей и Кореей (1876 г.) и между Турціей и Персіей (1873 г.).

Наиболѣе интересною, на нашъ взглядъ, представляется послѣдняя пятая книга, которую авторъ озаглавливаетъ: «Новые горизонты международнаго права». Онъ вѣритъ въ его *универсальность* и въ его *примѣнимость* къ *восточнымъ* и *полуобразованнымъ народамъ*, конечно, въ примѣнимость *постепенную* и *согласованную* съ тѣми *особенностями*, которыя вытекаютъ изъ *быта* каждаго изъ этихъ народовъ. Кромѣ большей *универсальности* онъ видитъ другую характерную черту современнаго международнаго права въ томъ, что оно, гораздо болѣе, чѣмъ прежде, проникается *живыми потребностями народовъ*, а лишь это дѣлаетъ его вполнѣ *реальнымъ правомъ*, хотя

---

1) Ср. прекрасную статью *Moynier*. De quelques faits récents relatifs à la convention de Genève (Revue; 1886, p. 545), гдѣ говорится о дѣйствіяхъ этой конвенціи въ сербско-болгарскую войну.

и находящимся въ процессѣ полной своей переработки. Авторъ очень вѣрно опредѣляетъ значеніе *положительнаго* метода при его обработкѣ и предостерегаетъ отъ отвлеченныхъ, хотя бы и наиболѣе возвышенныхъ теорій въ этой области. Международное право признано, говоритъ онъ, управлять отношеніями между государствами, но таковыми, какъ они представляются со всѣми многочисленными своими особенностями въ дѣйствительности. Оно не должно высказывать лишь нормы, пригодныя для поведенія однихъ цивилизованныхъ государствъ; довольствуясь болѣе скромною задачею, оно стремится практически регулировать сношенія этихъ государствъ съ тѣми народами, которые либо отстали отъ нихъ на пути прогресса, либо еще только на него вступаютъ. Оно должно брать государства со всѣми тѣми признаками, которые наиболѣе характеризуютъ ихъ природу, физіономію, внѣшнее положеніе, являясь результатами ихъ историческаго прошлаго. Право вообще становится нормою, если оно проникается идеями реальнаго, относительнаго; если оно старается понять и опредѣлить *жизнь*, но не искусственную, измышляемую учеными, а настоящую *жизнь* народовъ, какъ она движется въ своей простотѣ и непрерывной борьбѣ присущихъ имъ силъ. Главнымъ орудіемъ въ дѣлѣ сближенія европейскихъ народовъ съ полуобразованными, авторъ признаетъ *колонизацію* въ современномъ смыслѣ этого слова. «Прежде митрополіи заводили колоніи исключительно въ своихъ собственныхъ интересахъ Порабощеніе и эксплуатація ихъ—было ихъ девизомъ по отношенію къ колоніямъ. Современные нравственные и юридическіе принципы говорятъ намъ теперь напротивъ о равенствѣ всѣхъ формъ человѣческаго общежитія (tutte le umane aggregazione), изъ которыхъ болѣе слабыя и юныя никогда не должны быть приносимы въ жертву болѣе сильнымъ и старымъ. Политическая экономія, въ свою очередь, учитъ, что финансовые интересы метрополій и колоній тѣмъ скорѣе сливаются, чѣмъ рѣшительнѣе право занимаетъ мѣсто насилія. Вопросъ о колонизаціи относится къ наиболѣе сложнымъ и деликатнымъ явленіямъ соціологіи, но, съ точки зрѣнія современныхъ международныхъ сношеній, это уже болѣе не явленіе патологическое, а физіологическое. Цѣлью своею колонизація признаетъ не *истребленіе* чуждыхъ нашей цивилизаціи народовъ, а постепенное ихъ *воспитаніе* и *приспособленіе* къ идеямъ этой цивилизаціи. Лишь при этихъ условіяхъ торговля теряетъ свой хищническій характеръ, болѣе человѣческія идеи могутъ воздѣйствовать на нравы варваровъ, которые, рано или поздно, явятся нашими сотрудниками въ великомъ дѣлѣ *осуществленія права въ человѣчествѣ*».

Сообразно съ этимъ возвышеннымъ воззрѣніемъ авторъ говоритъ, что и *Восточный вопросъ* долженъ быть понимаемъ не въ смыслѣ политической проблемы, а какъ *проблема юридическая* первостепенной важности. Рѣшеніе его состоитъ не въ раздѣлѣ Турціи между соперничающими державами Европы, а въ призваніи всѣхъ народностей тамъ живущихъ и столь разнообразныхъ по религіи, національности и происхожденію, къ новой свободной жизни и къ общенію съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ. Международное право охватитъ все человѣчество по мѣрѣ укрѣпленія между людьми *терпимости религіозной и политической* и когда они поймутъ наконецъ, что самой человѣческой личности присущи извѣстныя права, гдѣ бы она ни жила и къ какой бы расѣ ни принадлежала [1]).

Контуцци останавливается спеціально на коммиссіи института, изучавшей вопросъ о приложимости обычнаго международнаго права Европы къ народамъ Востока. Послѣ многихъ лѣтъ довольно безплодныхъ она сосредоточила наконецъ свое вниманіе на реформахъ, которыя желательны на Востокѣ въ такъ называемыхъ смѣшанныхъ процессахъ. Докладъ представленный отъ ея имени объ этомъ профессоромъ Мартенсомъ былъ обсуждаемъ институтомъ на двухъ его съѣздахъ въ Турціи (1882) и въ Мюнхенѣ. Слѣдовало, говоритъ авторъ, институту въ этомъ дѣлѣ сдѣлать шагъ впередъ, а онъ, сравнительно съ судебною реформою въ Египтѣ, пошелъ назадъ. Эта его робость тѣмъ страннѣе, что опытъ, сдѣланный египетскими судами, успѣлъ уже доказать ихъ превосходство. Лучше было вовсе не касаться этого вопроса о юрисдикціи цивилизованныхъ народовъ на Востокѣ, нежели рекомендовать имъ нѣчто столь недоконченное и нестройное».

По мыслѣ автора, которую и мы вполнѣ раздѣляемъ, въ устройствѣ новыхъ смѣшанныхъ судовъ на Востокѣ (на подобіе египетскимъ), должны участвовать *всѣ цивилизованныя государства* вообще, а не тѣ только, которыя пользуются тамъ, въ силу капитуляцій, правомъ консульской юрисдикціи. Согласіе самого *восточнаго правительства*, на территоріи котораго эти новые суды должны дѣйствовать, всегда необходимо. Эта реформа, призванная замѣнить многочисленные національные суды консуловъ, должна имѣть характеръ *международный* и покоиться на опредѣленныхъ *юридическихъ* принципахъ, которые скрѣпятъ ихъ въ одну стройную и строго продуманную систему. Всѣ

1) Si è compreso che gli uomini hanno certi diritti, che portano legati alla loro persona in qualsiasi punto del globo si rechino, siano essi della razza bianca, della negra, della mongolia.

судебныя инстанціи по составу смѣшанныя. Верховный кассаціонный судъ тоже международный и пребываніе свое имѣетъ на Востокѣ, ближе къ самимъ тяжущимся. Не только *граждане христіанскихъ народовъ*, но и *туземцы* въ своихъ спорахъ съ ними подсудны этимъ судамъ. Послѣдніе разбираютъ дѣла внѣ всякаго вліянія консуловъ той или другой державы, а поэтому нельзя одобрить правила, принятаго въ проектѣ института, въ силу котораго консулъ истца присутствуетъ на консульскомъ судѣ отвѣтчика, когда разбирается его дѣло. Порядокъ дѣлопроизводства опредѣляется не *законами* отдѣльныхъ государствъ, а *общимъ* между ними *соглашеніемъ* и онъ установляется *однообразно* для каждой инстанціи. Новые суды, о которыхъ мы говоримъ, вѣдаютъ не только *гражданскія* и *торговыя*, но и *уголовныя дѣла*.

Консульскіе суды на Востокѣ отжили свое время. Число европейскихъ тамъ колоній теперь громадно и все растетъ. Столкновенія между ихъ членами и послѣднихъ съ туземцами также умножаются, и христіанскія правительства силою вещей призваны, съ одной стороны, и впредь не отказываться отъ защиты подвластныхъ имъ лицъ, а съ другой, оказывать уваженіе къ правамъ мѣстной верховной власти, постепенно втягивать восточные народы все въ большее съ собою общеніе, или, какъ выражается авторъ, съ согласія самихъ восточныхъ правительствъ вводить христіанскій элементъ въ ихъ внутреннее управленіе и особенно въ ихъ юстицію. Для достиженія же этой многотрудной цѣли необходима судебная реформа въ указанномъ направленіи: лишь она положитъ конецъ путаницѣ и противорѣчіямъ, возникающимъ изъ многочисленныхъ консульскихъ судовъ различныхъ государствъ, дѣйствующихъ одновременно на одной и той же территоріи, пріучитъ европейцевъ относиться съ большимъ уваженіемъ къ правамъ туземцевъ, а въ послѣднихъ устранитъ ненависть къ иностранцамъ и привьетъ къ нимъ понемногу идеи о святости законовъ, неприкосновенности человѣческой личности, частной собственности и т. д.

Такимъ образомъ болѣе прочная охрана европейцевъ въ восточныхъ странахъ соединилась бы съ постепеннымъ образованіемъ ихъ жителей въ свѣтѣ нашихъ идей. Для каждой изъ этихъ странъ слѣдовало бы постепенно выработать особые кодексы, предназначенные давать юридическую защиту иностранцамъ.

Прекрасная книга Контуцци заслуживаетъ вниманія каждаго, кто интересуется судьбами прошлаго и современными задачами консуловъ и ихъ юрисдикціи на Востокѣ.

ГЛАВА IV.

О вмѣшательствахъ.

19. Олива —20. Тановичеано.

Вопросъ о вмѣшательствахъ (интервенціяхъ) разрабатывается новѣйшими писателями въ двоякомъ направленіи: все рѣшительнѣе высказываются они въ пользу принципа *абсолютнаго невмѣшательства*, а съ другой стороны они стараются возможно точно формулировать во имя и въ силу международнаго права, — *право вмѣшательства*.

Первое направленіе, вообще поддерживаемое итальянскими публицистами, нашло себѣ недавно горячаго защитника въ лицѣ *Тановичеано*, второе сказалось въ сочиненіи *Фіоре*, въ извѣстной статьѣ *Роленъ-Жекмена* по поводу русско-турецкой войны [1]), а также въ монографіяхъ *Штрауха* [2]) и *Олива*.

Которое же изъ этихъ двухъ направленій болѣе вѣрно и можетъ разсчитывать на будущее?

Первое воззрѣніе должно быть признано вполнѣ вѣрнымъ въ предѣлахъ цивилизованнаго міра съ точки зрѣнія *государствъ*, *отдѣльно взятыхъ*, но на *почвѣ международнаго права* возникаетъ необходимость признать и опредѣлить *право* вмѣшательства. Такое рѣшеніе одного изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ нашего предмета не есть смѣшеніе понятій, а, напротивъ, болѣе точное ихъ разграниченіе, вы-

---

1) Revue de Dr. intern. 1876.

2) *Strauch*. Zur Interventions-Lehre. 1879. Небольшая, но весьма дѣльная монографія, написанная по случаю празднованія 50-лѣтія докторскаго юбилея Блюнчли.

званное самостоятельностью обѣихъ областей: государственной и международной [1]).

Здѣсь намъ слѣдуетъ ознакомиться съ изслѣдованіями Олива и Тановичеано, представителями обоихъ названныхъ направленій.

19. **Oliva.** *Del diritto d'intervento.* 1881.

Книга Олива, проф. въ Мессинѣ, представляется намъ во многихъ отношеніяхъ произведеніемъ ума еще юнаго и неопытнаго. Многое въ ней недостаточно продумано, и авторъ слишкомъ часто увлекается подробностями, совершенно излишними и къ дѣлу не относящимися. Сочиненіе его, безспорно, выиграло бы, еслибы было сжатѣе, болѣе систематично и менѣе переполнено громкими фразами, въ которыхъ сказывается горячая кровь южнаго итальянца. Но нерѣдко, съ другой стороны, эта горячность и благородство многихъ его убѣжденій подкупаютъ читателя, который, кромѣ того, находитъ въ его книгѣ не мало дѣльныхъ замѣчаній, а, главное,—попытку поставить ученіе объ интервенціяхъ на настоящую международную почву.

Нельзя одобрить прежде всего самый планъ его сочиненія: оно распадается на 15, мало между собою связанныхъ, параграфовъ, при чемъ историческій очеркъ раздѣляетъ на двѣ части теоретическое изложеніе. Собственно по содержанію книга Олива представляетъ три отдѣла: *исторію* вмѣшательствъ (§§ 7—12), обзоръ *писателей* (§ 14) и *основные принципы* автора (остальные параграфы).

Вполнѣ излишними являются приложенія, въ которыхъ помѣщены хронологическій указатель главныхъ мирныхъ, союзныхъ и торговыхъ трактатовъ съ 1496 г. до Р. Х. и до Вестфальскаго мира, актъ священнаго союза, протоколъ и декларація Ахенскаго конгресса 1818 года.

Олива самъ объясняетъ намъ мотивы, вызвавшіе его сочиненіе. Вопросъ объ интервенціяхъ можетъ быть отнесенъ къ основнымъ вопросамъ международнаго права, но, по отзыву большинства писателей, онъ доселѣ не получилъ надлежащей юридической обработки. Съ другой стороны, не оправдались и ожиданія защитниковъ принципа невмѣшательства. Оно требуетъ себѣ восполненія и исправленія со стороны права вмѣшательства. Въ этомъ смыслѣ высказываются не только извѣстные интернаціоналисты (Роленъ-Жекменъ, Арнтцъ,

---

[1]) Въ моемъ соч. „Начало невмѣшательства" 1874 я высказался также за этотъ принципъ, кромѣ *двухъ* исключеній: въ видахъ отраженія интервенціи же и на основаніи высшихъ требованій общаго человѣколюбія. Но первое исключеніе (такъ наз. контръ-интервенція) узаконяетъ для третьяго государства не вмѣшательство, а войну; второе же относится къ между-

Фіоре, Бруза) но и люди свѣдущіе въ исторіи и въ государственныхъ дѣлахъ [1]).

Само понятіе о вмѣшательствѣ у автора чрезвычайно расширено и поэтому страдаетъ отсутствіемъ точности. Это есть вторженіе одного государства не только во *внутреннія*, но и во *внѣшнія* дѣла и отношенія другаго. Вслѣдствіе этого онъ, какъ и Штраухъ [2]), къ формамъ интервенціи относитъ: третейскіе приговоры, рѣшенія конгрессовъ, войны изъ-за политическаго равновѣсія и т. д.

Внѣшнія отношенія государствъ должны быть обсуждаемы съ точки зрѣнія принципа общенія, а предметъ вмѣшательствъ составляютъ исключительно внутреннія дѣла. Иначе все международное право превратится въ ученіе объ интервенціяхъ. Тановичеано, какъ увидимъ, понялъ этотъ исходный пунктъ гораздо вѣрнѣе мессинскаго профессора.

Далѣе, по мнѣнію послѣдняго, вмѣшательство составляетъ для государствъ, смотря по обстоятельствамъ, то право, то обязанность, а невмѣшательство есть всегда обязанность. Право и даже обязанность интервенціи наступаетъ для государства, когда нарушаются законныя принадлежащія ему права или общіе законы юридическаго организма [3]).

Формула довольно темная и сбивчивая!

Уже здѣсь слѣдовало поставить на видъ, что въ правонарушеніяхъ первой категоріи законна только война; въ случаяхъ втораго рода справедливою можетъ быть и интервенція, какъ *мѣра исключительно международная*.

Но авторъ вполнѣ правъ, заявляя, что если ни одинъ народъ не призванъ быть судьею надъ другимъ, то, съ другой стороны, всѣ они обязаны охранять общее право и содѣйствовать его торжеству надъ силою.

Историческій очеркъ вмѣшательствъ страдаетъ двумя важными недостатками: въ немъ много лишнихъ подробностей и даже отступле-

---

родному праву, совпадая съ нарушеніемъ его основныхъ началъ. Въ названномъ трудѣ мы разбираемъ литературу вопроса, но недостаточно обработали его *международную* сторону. Указанія на вышедшія послѣ того сочиненія см. въ другой нашей книгѣ: „Международный судъ“, стр. 487.

[1]) Авторъ приводитъ характерное мнѣніе *Саффи*, что невмѣшательство «есть формула эгоистичная, съ либеральнымъ призракомъ, но въ сущности отрицательная и безплодная», а также слова *Біанки*, что „народъ не можетъ оставаться великимъ, если будетъ относиться безучастно и бездѣйственно къ попранію основныхъ началъ международной справедливости“.

[2]) Н. с., стр. 2.

[3]) La legge generale dell'organismo giuridico.

ній и, кромѣ того, опущены нѣкоторыя изъ интереснѣйшихъ интервенцій въ нашемъ столѣтіи, разсказанныя у Тановичеано.

Едва ли представляетъ какой либо научный интересъ описаніе интервенцій у древнихъ, въ виду собственнаго признанія автора, что, при отсутствіи у нихъ международнаго права, вмѣшательства были лишь проявленіями грубой силы.

Въ параграфѣ, посвященномъ среднимъ вѣкамъ, слѣдуетъ вѣрная по существу, но лишняя для предмета, полемика противъ Лорана на счетъ того, что не варвары, а христіанство провозгласило впервые братство всѣхъ людей, а равно замѣчанія о стремленіяхъ папъ къ всемірному владычеству, что на практикѣ вызывало вмѣшательства всякаго рода. Въ итальянскихъ муниципіяхъ Олива видитъ первые разсадники вольной городской жизни и тѣ зародыши, изъ которыхъ впослѣдствіи развилось новое право въ двухъ его главныхъ формахъ: національной и международной.

Еще болѣе неумѣстнымъ является попытка оправдать воззрѣнія Маккіавелли. Собственныя убѣжденія Олива стоятъ въ добавокъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ ученіемъ флорентійскаго секретаря!

Упомянувъ о томъ, что впервые принципъ невмѣшательства былъ провозглашенъ къ концу прошлаго вѣка въ средѣ французскаго національнаго собранія, авторъ доводитъ свой очеркъ до трактата въ Бардѣ (1881 г.) между Франціею и Тунисомъ, причемъ онъ горячо отстаиваетъ претензіи Италіи на первенствующее положеніе въ послѣдней странѣ.

Результатомъ этого очерка является то, что ни религіозныя идеи, ни стремленія къ всемірной монархіи, ни теорія политическаго равновѣсія, ни желаніе вѣчнаго мира не могутъ создать права на вмѣшательство: всѣ эти мотивы отвергаются данными исторіи и представляются опасными для плодотворнаго развитія человѣчества.

Литературный очеркъ написанъ собственно безъ всякаго плана. Писатели перечисляются съ Джентили и Гроція ни по эпохамъ, ни по группамъ представляемыхъ ими мнѣній. Изъ нѣмцевъ авторъ упоминаетъ только о нѣкоторыхъ общихъ писателяхъ и умалчиваетъ объ авторахъ монографій. Интересны его критическія замѣтки о Фіоре (2 изд.), Амари и Арнтцѣ (въ Revue). Перваго онъ упрекаетъ въ нѣкоторой шаткости и неясности самихъ принциповъ, которые, по его взгляду, управляютъ теоріею интервенцій. Фіоре не говоритъ намъ, какія именно нарушенія международнаго права узаконяютъ вмѣшательство? Затѣмъ онъ не упоминаетъ о томъ, могутъ ли вызвать справедливую интервенцію посягательства на внутренне - государ-

ственное право? Но въ цѣломъ Олива относитъ главу Фіоре объ интервенціяхъ къ лучшимъ обработкамъ этого вопроса за послѣднее время.

Собственное мнѣніе автора приходится подыскивать изъ разныхъ мѣстъ его книги. Впрочемъ, Олива пытается дать слѣдующую общую формулу для интервенцій: пока рѣчь идетъ о *законахъ существованія* [1]) (внутренняго или внѣшняго) *отдѣльныхъ государствъ*, интервенціи несправедливы, но онѣ становятся правомѣрными, когда дѣло касается *законовъ совмѣстнаго существованія* [2]) *государствъ*.

Формула эта, какъ намъ кажется, грѣшитъ отвлеченностью На практикѣ часто будетъ трудно провести грань между выше названными законами. Переходя къ частностямъ, Олива оправдываетъ вмѣшательства: 1) въ случаѣ междуусобной войны, принимающей вполнѣ дикій характеръ и угрожающей въ извѣстной странѣ высшимъ благамъ цивилизаціи; 2) если воюющіе не уважаютъ законовъ человѣколюбія, большая часть которыхъ выражена въ конвенціяхъ женевской и петербургской; 3) для противодѣйствія какому либо тираннугенію, который возмечталъ бы о всемірной монархіи, и 4) въ случаѣ совершенія на территоріи какого либо государства такихъ поступковъ, которые нарушаютъ обще-человѣческія права (i diritti dell'umanità) или интересы третьихъ государствъ, или которые вообще стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ нашими нравами и воззрѣніями на цивилизацію. Этотъ случай взятъ авторомъ у Арнтца, но, добавляетъ онъ, тутъ собственно нѣтъ вмѣшательства во внутреннія дѣла государства, ибо дѣло идетъ не о конституціонномъ правѣ послѣдняго, а о правѣ универсальномъ, о нормахъ даже не международнаго права, а такого, которое стоитъ выше всѣхъ народовъ (leggi superinternazionali). Наконецъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ учрежденъ судъ для практическаго и дѣйствительнаго осуществленія международной юстиціи, вмѣшательство, будь оно совершено однимъ или многими государствами, должно быть по принципу *коллективное*, т. е. являться результатомъ рѣшенія общаго конгресса.

Таковы главныя идеи Олива. Помимо множества отступленій, онъ въ цѣломъ вѣрно намѣчаетъ новую постановку изучаемаго имъ вопроса, но нельзя сказать, чтобы онъ разработалъ его достаточно и въ частностяхъ.

---

[1]) La legge d'esistenza.

[2]) La legge di coesistenza.

20. **Tanoviceano.** *De l'intervention au point de vue du Droit international.* 1884.

Сравнительно съ изслѣдованіемъ Олива небольшая книга Тановичеано отличается несравненно большею ясностію, простотою и послѣдовательностію. Это, быть можетъ, самое блестящее и выдержанное оправданіе, сдѣланное донынѣ, принципа невмѣшательства. Но за то, съ другой стороны, далѣе отрицательныхъ выводовъ авторъ не идетъ и даже не дѣлаетъ попытки формулировать *право вмѣшательства* положительно, т. е. съ точки зрѣнія и въ силу принциповъ международнаго права. Но удовольствуются ли народы однѣми отрицательными теоріями? Въ этомъ можно сомнѣваться и уже, какъ мы видѣли, началась и усиливается реакція противъ односторонняго господства принципа невмѣшательства. Какъ бы то ни было, но задоръ и талантъ молодости сказываются почти на каждой страницѣ этого сочиненія, принадлежащаго, повидимому, румынскому перу.

Кромѣ конечнаго вывода, мы не можемъ также одобрить и плана этой книги.

Авторъ даетъ намъ прежде всего *свою теорію* интервенцій съ точки зрѣнія *права*, а затѣмъ *пользы*, переходитъ къ *писателямъ* изучаемаго имъ вопроса и оканчиваетъ *исторіею* главныхъ интервенцій.

Очевидно вполнѣ научный планъ требовалъ бы обратнаго порядка.

Въ отличіе отъ новѣйшихъ интернаціоналистовъ Кальво, Фіоре [1]) и Мартенса (петерб. проф.), Тановичеано справедливо опредѣляетъ интервенцію какъ вмѣшательство (immixtion) одного или нѣсколькихъ государствъ (народовъ) во *внутреннія* дѣла другаго. На вульгарномъ языкѣ говорятъ о вмѣшательствахъ и во *внѣшнія* сношенія народовъ, но это ведетъ только къ полнѣйшей путаницѣ.

Но опредѣленіе, даваемое нашимъ авторомъ, отличается еще другою особенностію. Выводя изъ свободы и равенства (вѣрнѣе суверенитета) государствъ принципъ *абсолютнаго* невмѣшательства, онъ говоритъ, что помощь, оказываемая національности въ ея борьбѣ за независимость противъ государства, подъ властію котораго она живетъ, не составляетъ исключенія [2]) ибо это не будетъ вторженіемъ во внутреннія дѣла указываемаго государства, а вмѣшательствомъ всегда дозволеннымъ въ сношенія между двумя воюющими сторонами.

Тановичеано не разграничиваетъ понятія о государствѣ, народѣ и національности и слишкомъ легко оправдываетъ всякія попытки къ сепара-

---

[1]) О сочиненіи Олива нигдѣ не говорится.

[2]) Какъ думаютъ многіе итальянскіе публицисты, отстаивающіе принципъ невмѣшательства.

тизму. Онъ говоритъ: «всякая война, предпринимаемая національностью въ видахъ отдѣленія отъ государства, дѣлаетъ ее ipso facto независимою. Государство, которое будетъ лишь грубою силою этому противиться, превратится въ юридическое чудовище и дастъ право всякому третьему народу вмѣшаться въ подобную войну, которая не составитъ интервенціи въ его внутреннія дѣла».

Мы, кромѣ того, не согласны съ авторомъ въ томъ, что этотъ случай не есть, какъ онъ утверждаетъ, исключеніе изъ правила невмѣшательства. Это не будетъ исключеніемъ *только* съ точки зрѣнія международнаго права [1]), которое должно опредѣлить *формы* и *предѣлы* такой помощи, оказываемой національности какъ вновь зарождающейся политической личности.

Кромѣ этого случая, который, по мнѣнію Тановичеано, не составляетъ даже исключенія, онъ не допускаетъ никакихъ изъятій изъ принципа невмѣшательства, ибо всѣ исключенія, какъ бы они ни были формулированы, подрываютъ въ основаніи самое правило и обрушиваются всегда на слабыя государства.

Для насъ интересны отвѣты, которые онъ даетъ на нѣкоторые доводы въ пользу интервенцій. Прежніе писатели толковали о необходимости помочь народу, который захочетъ свергнуть иго деспота. Но пока послѣдній царствуетъ, значитъ онъ находитъ себѣ поддержку въ извѣстной части населенія.

Интервенція оказывается также вполнѣ несостоятельною для прекращенія междуусобной войны. Дѣло самихъ спорящихъ довести ее до конца. Намъ возразятъ, быть можетъ, говоритъ Тановичеано, что въ такомъ случаѣ въ междуусобной брани одержитъ верхъ сильнѣйшій? Это правда, но это неизбѣжно! *За отсутствіемъ крѣпкой и безпристрастной юстиціи одной силѣ приходится рѣшать споры.* А при этомъ, понятно, слабѣйшій всегда окажется виновнымъ.

Поэтому то мы и признаемъ недостаточною теорію автора, построенную на идеѣ суверенитета отдѣльныхъ государствъ, а не на идеѣ международнаго союза, въ которомъ организованная юстиція призвана сдерживать грубую силу.

Вмѣшательство, о которомъ идетъ рѣчь, продолжаетъ авторъ, ведетъ на практикѣ къ слѣдующимъ послѣдствіямъ: на мѣсто войны междуусобной является война внѣшняя; государство вступающее дѣйствуетъ по собственному эгоистичному разсчету и насильственно даетъ перевѣсъ партіи, которая менѣе всего имѣла видовъ на успѣхъ.

---

[1]) А не отдѣльныхъ государствъ, какъ онъ смотритъ.

Въ началѣ нашего столѣтія, перевороты, совершавшіеся въ государствахъ, уподоблялись пожарамъ, и говорили, что, подобно тому какъ необходимо тушить огонь въ домѣ сосѣда для спасенія своего, вмѣшательство для предупрежденія нравственной заразы должно быть признано законнымъ.

На это авторъ справедливо замѣчаетъ, что пожаръ—дѣйствительное зло, съ которымъ слѣдуетъ бороться, но съ нимъ нельзя сравнивать въ этомъ отношеніи революціи вообще. Были и такія, которыя оказались для народовъ благотворными. Самое понятіе о революціи очень растяжимо. По мнѣнію Меттерниха, Англія послѣ смерти Кестльри и Франція въ періодъ іюльской монархіи находились въ полной анархіи и такія личности, какъ Гизо, герцогъ де-Броли, Ройе-Колларъ и Казиміръ Перье были для общественнаго спокойствія опаснѣе карбонаровъ итальянскихъ.

Если, съ точки зрѣнія *права*, всѣ интервенціи должны быть признаны несправедливыми, то съ точки зрѣнія *пользы* онѣ представляются всегда пагубными для обѣихъ странъ, какъ для совершающей вмѣшательство, такъ и для подвергающейся ему. Въ большинствѣ случаевъ, истинною пружиною, приводящею интервенцію въ дѣйствіе, бываютъ исключительно интересы правителей, которые къ ней прибѣгаютъ. Даже если бы это были интересы ихъ народовъ,—слѣдуетъ помнить, что на этомъ основаніи вмѣшательство не дѣлается законнымъ. *Исторія показываетъ намъ, что всѣ интервенціи вели къ послѣдствіямъ діаметрально противоположнымъ сравнительно съ цѣлями, которыми задавались ихъ совершители.* Счастливый аргументъ, который долженъ въ глазахъ дипломатовъ вѣсить несравненно болѣе всѣхъ юридическихъ доводовъ! При этомъ, указывая на войну Англіи съ Китаемъ изъ за опіума (1842), на ея вмѣшательство въ Египтѣ (1882) и на колоніальную политику Франціи, авторъ осуждаетъ ихъ, какъ вмѣшательства хотя бы въ дѣла внѣ-европейскихъ народовъ. Но къ послѣднимъ теорія его менѣе всего приложима: лишь въ предѣлахъ международнаго права, а не на территоріяхъ Азіи и Африки можно говорить о принципѣ невмѣшательства, да и, кромѣ того, указываемыя событія вовсе не относятся къ понятію объ интервенціи, даваемому самимъ авторомъ.

Что касается до страны, подвергающейся вмѣшательству, авторъ напоминаетъ, что партія, обращающаяся къ иноземной помощи, тѣмъ доказываетъ свою политическую слабость и отсутствіе патріотизма. Вслѣдствіе этого либо вмѣшательство должно превратиться въ оккупацію, либо партія, получившая, благодаря ему, торжество, бываетъ

вынуждена поддерживать свою власть съ величайшей строгостью. Все это только увеличиваетъ силу противоположной партіи или заставляетъ ее иногда, въ свою очередь, обращаться къ иноземной помощи. Такъ расшатывается въ основаніи интервенціями политическая независимость народовъ. Авторъ говоритъ о заступничествѣ Европы въ пользу евреевъ въ Румыніи и называетъ его благотворнымъ, потому что это было «мирное вмѣшательство».

Довольно высокомѣрно отзывается Тановичеано о *писателяхъ*, большинство которыхъ, по его мнѣнію, «выставили системы болѣе или менѣе произвольныя, лишенныя всякаго научнаго значенія». Новѣйшихъ авторовъ онъ располагаетъ, довольно странно, по алфавитному порядку. Отозвавшись съ похвалою о Вольфѣ, какъ основателѣ теоріи невмѣшательства, онъ болѣе всего слѣдуетъ идеямъ Амари, Казанова и гр. Кастельмола, новѣйшаго итальянскаго защитника принципа невмѣшательства [1]). Извѣстную статью *Амари* [2]) онъ справедливо относитъ къ лучшимъ работамъ по занимающему его вопросу и расходится съ нимъ только въ одномъ пунктѣ: основаніе невмѣшательства онъ видитъ не въ принципѣ національности, который есть изъ него выводъ, а въ естественной свободѣ государствъ и въ ихъ равенствѣ. Съ *Кастельмола* онъ согласенъ въ томъ, что невмѣшательство абсолютно, но возражаетъ ему, будто пособіе, оказываемое преслѣдуемой національности и которое, какъ мы видѣли, законно и для него, составляетъ исключеніе изъ этого правила. За то всякія другія попытки установить извѣстныя изъятія изъ принципа невмѣшательства, дѣлаемыя писателями Гефтеромъ, Арнтцемъ, Штраухомъ, рѣшительно отвергаются авторомъ.

Книга его оканчивается, какъ замѣчено, *историческою* частью. При всей ея отрывочности это—весьма живо написанный очеркъ. Авторъ начинаетъ его собственно съ французской революціи, съ извѣстной Пильницкой декларацiи (1791) и останавливается особенно подробно на интервенціяхъ Священнаго Союза. Болѣе всего разработанъ у него вопросъ о вмѣшательствѣ Франціи въ дѣла Испаніи (1823), о которомъ онъ говоритъ уже въ теоретической части. Здѣсь мы находимъ интересныя извлеченія изъ преній, которыя происходили въ то время въ законодательныхъ собраніяхъ Франціи и Англіи [3]).

---

[1]) Его статья: «Principio del non-intervento» явилась въ «Rivista Europea» за 1882 годъ.

[2]) Nouvel exposé du principe de non-intervention (въ Revue de Dr. intern. 1873).

[3]) Достойны вниманія: изложеніе теоріи невмѣшательства и права Франціи

Далѣе слѣдуютъ краткія указанія на интервенціи Австріи въ Италіи (1831 и 32 г.), занятіе Анконы Франціею, Россіи и Турціи въ Валахіи (1848) и особенно Франціи въ Мексикѣ (1861—67). Вопреки Готфёлю [1]), онъ рѣзко и справедливо осуждаетъ это послѣднее вмѣшательство.

Заключительныя страницы этой книги заслуживаютъ особаго вниманія. На нихъ авторъ полемизируетъ съ Роленъ-Жекменомъ, который въ 1876 г. въ издаваемомъ журналѣ заявилъ, что Европа, въ интересахъ общаго мира и человѣколюбія, имѣетъ не только право, но даже обязанность вмѣшаться во внутреннія дѣла Турціи. По мнѣнію бельгійскаго публициста, Турція дошла до такого состоянія нравственнаго и финансоваго банкротства, что Европа должна наложить на нее опеку и привести къ скорѣйшей ликвидаціи всѣ ея дѣла. Эта интервенція, по существу своему *международная*, должна быть *коллективною*. При этомъ Роленъ-Жекменъ замѣчаетъ: «Государство должно обладать жизнеспособностью, а не быть политическимъ трупомъ, предавшимся разложенію. «Международное право, по словамъ Блюнчли, охраняетъ только государства, способныя къ жизни. Какъ ни опасно это положеніе, ибо оно можетъ быть извращено софистически, но истинна его несомнѣнна. Лишь живые обладаютъ правами» [2]). Этихъ соображеній достаточно, чтобы во имя права не настаивать по отношенію къ Турціи о невмѣшательствѣ. Она вовсе не составляетъ государства въ современномъ смыслѣ, это скорѣе наслоеніе магометанскаго народа поверхъ многихъ христіанскихъ народностей».

На это Тановичеано возражаетъ, что помощь Европы тѣмъ народностямъ въ Турціи, которыя захотятъ освободиться отъ ея ига, вполнѣ законна и не составляетъ вмѣшательства, но никто не въ правѣ брать ее подъ опеку и вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. «Пока государство живо, оно имѣетъ право на свободу и никто не властенъ лишить его жизни».

на интервенцію въ Испаніи, сдѣланное Шатобріаномъ и отвѣты на его рѣчь депутатовъ Маньюэля и Гауманна; равно мнѣнія Кестльри, Каннинга и декларація Монрое.

[1]) Въ своей статьѣ: «Le principe de non—intervention et ses applications aux évènements actuels» (1863) Готёфль высказался за абсолютное невмѣшательство, но французскую интервенцію въ Мексикѣ онъ оправдывалъ.

[2]) Тановичеано въ выноскѣ говоритъ, что это мѣсто изъ Блюнчли онъ не могъ найти ни въ оригиналѣ, ни во французскомъ текстѣ Ларди. Насъ это удивляетъ, ибо указанная цитата находится *въ примѣчаніи къ ст. 61* (3 нѣмецк. изд. 1878).

Послѣднее вѣрно, но мы должны опять замѣтить, что авторъ увлекается: теорія невмѣшательства неприложима къ Турціи, какъ ко всякому другому азіятскому или африканскому государству, до тѣхъ поръ, пока эти полу-варварскія земли сами не подчинятся началамъ международнаго права.

Роленъ-Жекменъ, какъ и нѣкоторые другіе новѣйшіе писатели (Арнтцъ, Фіоре, Олива), высказывается за *вмѣшательство коллективное* (въ принципѣ,—хотя бы оно было совершено и отдѣльною державою). Тановичеано отвергаетъ и эту форму интервенціи. До сихъ поръ, говоритъ онъ, отъ имени какъ бы международнаго союза выступаютъ и дѣйствуютъ шесть такъ назыв. великихъ державъ. Нечего и доказывать, что власть ихъ въ международныхъ дѣлахъ составляетъ *фактъ*, а не *право*.

Она, во 1-хъ, не покоится на законномъ основаніи, ибо для этого требовалось бы, чтобъ она вытекала изъ *соглашенія между всѣми государствами Европы*, которыя должны имѣть равный голосъ при рѣшеніи международныхъ дѣлъ. Всякая же власть, иначе устроенная и какъ бы она ни была могущественна, но если она захочетъ управлять международными сношеніями и особенно вмѣшиваться во внутреннія дѣла какого либо народа, будетъ просто властью фактическою, которой противостоять въ правѣ каждый народъ для спасенія своей свободы.

Во 2-хъ, эта власть, якобы международная, а въ сущности наиболѣе могущественныхъ державъ Европы, не менѣе несостоятельна и съ практической стороны: она не удовлетворяетъ *потребностямъ порядка и справедливости*, ощущаемымъ международнымъ союзомъ, какъ всякою иною формою общежитія. Въ чемъ выразилось ея дѣйствіе въ виду ограбленія Даніи Австріею и Пруссіею? Что сдѣлала она, чтобы не допустить раздробленіе Франціи въ 1871 г.? Развѣ не присудила она всѣми голосами Бессарабію Россіи, которая отняла ее у Румыніи, своей вчерашней союзницы?

Съ *чисто-юридической* точки зрѣнія авторъ, конечно, правъ. Устройство международнаго союза доселѣ весьма неполно и далеко отъ элементарныхъ требованій справедливости, но всетаки шестивластіе предпочтительнѣе господства какой либо одной державы. Дѣло въ томъ, что почти по всѣмъ великимъ международнымъ вопросамъ *интересы справедливости и цѣлаю союза* до извѣстной степени совпадаютъ съ *конкретными интересами той или иной изъ великихъ державъ*, которая и является въ данную минуту какъ бы носительницею общечеловѣческой правды. Конечно, тутъ много простора для субъек-

тивнаго простора и для національныхъ предразсудковъ, но кто по данному вопросу внимательно прислушивается къ общественному мнѣнію Европы, тотъ съумѣетъ выдти на широкій и настоящій путь. Вотъ почему, пока не сложится настоящая международная организація (а о распространеніи ея идей болѣе всего призваны заботиться интернаціоналисты), шесть руководящихъ державъ могутъ дѣйствовать и отъ имени международнаго союза, если ихъ одобряетъ общественное мнѣніе и поддерживаютъ, хотя молчаливо, остальныя цивилизованныя государства.

ГЛАВА V.

Право морской и сухопутной войны.

I.

21. Нисъ.—22. Перельсъ.—23. Бульмеринкъ.—24. Бёкъ.—25. Фошилль.

II.

26. Нисъ.—27. Броше.—28. Гель.—29. Корси.—30. Бернье.—31. Гель.—32. Гренандеръ.—33. Каспарекъ.—34. Муанье.

Въ настоящей главѣ мы имѣемъ въ виду остановиться на монографіяхъ по тѣмъ вопросамъ международнаго права, которые, вызвавъ его въ свое время къ жизни, доселѣ служатъ предметомъ нескончаемыхъ споровъ между государствами и какъ въ виду этого обстоятельства, такъ и по громадной своей практической важности, настоятельнѣе всего требуютъ *кодификаціи*. Мы говоримъ о *правѣ войны морской и сухопутной*. Несмотря на разногласія, существующія здѣсь по многимъ еще пунктамъ, мы можемъ однако сказать, что кодификація этого отдѣла права въ цѣломъ уже теперь должна быть признана возможною и крайне полезною. Большинство европейскихъ государствъ, участіемъ своимъ на Брюссельской конференціи въ 1874 г., высказалось за это дѣло и можно только на извѣстное время ожидать оппозиціи развѣ со стороны Англіи. Но предоставленная себѣ самой и эта держава, вѣроятно, не преминула бы примкнуть рано или поздно къ общему на этотъ счетъ соглашенію государствъ Европы и Америки.

Наше мнѣніе о своевременности кодификаціи *главныхъ отдѣловъ права войны и притомъ какъ морской, такъ и сухопутной*, мы основываемъ на томъ, что уже въ наши дни наука достаточно подготовила элементы для такой объединительной работы. Существующіе же противорѣчія и пробѣлы—а они еще многочисленны—скорѣе всего устранитъ и сгладитъ именно кодификаціонная работа. Во всякомъ случаѣ ею будетъ положено твердое основаніе дальнѣйшему усовершенствованію *положительнаго* международнаго права.

I.

Морское право.

Въ области собственно *морскаго права* мы должны прежде всего отмѣтить два общія сочиненія: Ниса и Перельса.

21. Nys. *La guerre maritime*, *1881.*

Эта монографія представляетъ рядъ краткихъ очерковъ, не лишенныхъ интереса для тѣхъ, кто впервые хочетъ ознакомиться съ этимъ предметомъ. Съ нѣкоторою подробностью авторъ излагаетъ только исторію и содержаніе акта перваго вооруженнаго нейтралитета, о происхожденіи котораго на Западѣ сложилась цѣлая легенда. Онъ же слѣдуетъ при этомъ русскимъ источникамъ. Въ 8 главахъ онъ говоритъ о свободѣ морей, каперствѣ, военной контрабандѣ, блокадѣ, правѣ осмотра и конвоѣ, о торговлѣ нейтральныхъ, призовой юрисдикціи и объ уваженіи частной собственности. Самое распредѣленіе этихъ главъ могло бы быть систематичнѣе. Авторъ, по характеру своего предмета, хотѣлъ написать изслѣдованіе историко-юридическое. Но на писателяхъ онъ останавливается очень мало: новѣйшихъ даже просто перечисляетъ. Наиболѣе интересны двѣ послѣднія главы. Высказываясь въ принципѣ за реформу призовыхъ судовъ, предлагаемую Бульмеринкомъ, Нисъ замѣчаетъ: «Еслибы радикальное осуществленіе этой реформы показалось для нашихъ дней преждевременнымъ, можно бы ввести международные суды, хотя для аппелляціонныхъ инстанцій. Но эта мѣра не должна насъ отклонить отъ мысли, что лишь учрежденіе *международныхъ судовъ въ обѣихъ инстанціяхъ* способно создать настоящую юрисдикцію, которая была бы свободна отъ вполнѣ заслуженнаго упрека, дѣлаемаго существующимъ призовымъ судамъ, въ томъ, что они мало отличаются отъ средневѣковаго суммарнаго производства на палубѣ адмирала. Страхъ предъ неосуществимымъ часто ведетъ, въ наукѣ и на практикѣ, къ полумѣрамъ, не искореняющимъ признанныхъ злоупотребленій, а съ

другой стороны не слѣдуетъ забывать, что если стремленія къ идеалу и представляютъ иногда нѣкоторую опасность, но они же ведутъ къ благороднымъ, славнымъ пріобрѣтеніямъ».

Не менѣе рѣшительно Нисъ высказывается и за принципъ свободы частной собственности на морѣ, но безъ тѣхъ ограниченій, которыя предлагаетъ Бёкъ и о которыхъ мы говоримъ ниже. По его мнѣнію, эта реформа требуется въ наше время не только правосознаніемъ народовъ, но и ихъ дѣйствительными интересами. Онъ вѣритъ въ скорое присоединеніе къ ней даже Англіи, хотя интересныя пренія, бывшія въ палатѣ общинъ 22 марта 1878 г., еще разъ доказали, что Англія не хочетъ пока отказаться отъ мнимаго оружія, которымъ она думаетъ располагать въ правѣ призовъ. Во всякомъ случаѣ, для насъ важно то, что ея торговыя палаты, — эти наиболѣе вѣрныя истолковательницы настоящихъ интересовъ англійскаго народа, начинаютъ все рѣшительнѣе высказываться за указанную реформу и сами англійскіе публицисты мѣняютъ свои на нее воззрѣнія. Гооль требуетъ ея, ради интересовъ вѣрно понятыхъ самой Англіи. Лоримеръ старается оправдать захватъ частной собственности на морѣ новыми доводами, видя въ немъ нѣкоего рода принудительную экспропріацію ради военныхъ цѣлей.

22. **Perels.** *Das internationale öffentliche Seerecht der Gegenwart.* 1882.

Весьма дѣльный и полный учебникъ всего публичнаго морскаго права по новѣйшимъ законодательствамъ и трактатамъ. Авторъ, состоя нынѣ членомъ адмиралтейства въ Берлинѣ, преподавалъ въ 1873—77 г. въ Морской академіи въ Килѣ международное и морское право, и эти лекціи послужили главнымъ матеріаломъ для его настоящаго труда. Къ достоинствамъ его мы относимъ: ясное, сжатое изложеніе, богатство положительнаго матеріала и вообще знакомство съ практическою стороною морскаго дѣла и морскихъ войнъ. Подобно тому, какъ Ортоланъ написалъ свое извѣстное сочиненіе Règles internationales et diplomatie de la Mer для французскихъ моряковъ въ видахъ преимущественно практическихъ, Перельсъ ставитъ себѣ ту же задачу по отношенію къ Германіи, объединеніе которой повело ее и къ созданію военнаго флота [1]). Хотя теоретическій элементъ въ разбираемомъ нами сочиненіи слабѣе практическаго,

---

[1]) Заслуживаетъ вниманія *Сборникъ* всѣхъ относящихся къ морскому праву *нѣмецкихъ законовъ*, *распоряженій*, *инструкцій* и т. д., изданный *Штегеманомъ* (Seegesetze des Deutschen Reiches. Von Stegemann. 1882).

но въ цѣломъ оно заслуживаетъ занять мѣсто наравнѣ съ трудами Готфёля, Коши, Ортолана, Геснера и Бульмеринка.

Мы сказали, что Перельсъ излагаетъ *все* публичное морское право сперва въ состояніи *мира*, затѣмъ во время *войны*. Это двѣ части его книги. Имъ предшествуютъ введеніе (понятіе и границы предмета; его источники) и указатель, весьма полный, сочиненій, которыми пользовался авторъ. Въ приложеніяхъ (числомъ 12) напечатаны: нѣкоторые новѣйшіе законы и правительственныя распоряженія Германіи по морскому праву [1]) и важные международные акты [2]).

Въ первой части излагаются ученія: о верховенствѣ надъ морями, національности кораблей, ихъ юридическомъ положеніи внѣ ихъ отечественныхъ водъ, о пиратствѣ, морской полиціи, береговомъ правѣ и оказаніи помощи погибающимъ, морскомъ церемоніалѣ и о свойствѣ морскихъ силъ при международныхъ столкновеніяхъ внѣ войны.

Вторая часть посвящается спеціально морской войнѣ. Она касается отношеній между воюющими, положенія нейтральныхъ, военной контрабанды, блокады, права осмотра и призовой юрисдикціи. Хотя по характеру своего сочиненія Перельсъ долженъ былъ останавливаться особенно на законодательствѣ Германіи и Пруссіи, но онъ говоритъ также и о нѣкоторыхъ новѣйшихъ законахъ другихъ государствъ. Нельзя, напр., не согласиться съ его критикою англійскаго «Territorial Waters Jurisdiction Act» 1878 г., излишне расширившаго юрис-

[1]) Временныя правила коммандующимъ нѣмецкими военными судами о преслѣдованіи морскаго разбоя въ китайскихъ водахъ (отъ 20 авг. 1877 г.).—Правила о предупрежденіи столкновеній судовъ на морѣ (7 янв. 1880 г.) и о мѣрахъ, долженствующихъ быть принятыми послѣ такого столкновенія (15 авг. 1876 г.).—Сигнальныя правила для лоцмановъ и въ случаяхъ гибели, угрожающей кораблямъ на открытомъ морѣ или въ территоріальныхъ водахъ (14 авг. 1874 г.).—Извлеченія изъ инструкцій начальствующимъ нѣмецкими судами во время ихъ пребыванія за границею (одобрено императорскимъ указомъ 28 сент. 1872).—Рѣшенія торговаго сословія въ Бременѣ 2 дек. 1859 г. относительно неприкосновенности лицъ и имуществъ на морѣ во время войны.—Прусскій уставъ о призахъ 20 іюня 1864 г.

[2]) Трактатъ 20 дек 1841 г. между пятью великими державами касательно прекращенія торговли неграми въ Африкѣ. — Соглашеніе между Германіею и Великобританіею относительно вступленія въ этотъ трактатъ первой на мѣсто Пруссіи (отъ 29 марта 1879 г.).—Парижская декларація 1856 г.—Женевская конвенція 1864 г. и дополнительныя къ ней статьи 1868 г. — Декларація о нейтралитетѣ различныхъ государствъ по поводу франко-германской войны 1870—71 г. Это особенно интересное собраніе документовъ, изданныхъ Великобританіею, Нидерландами, Даніею, Австро-Венгріею, Италіею, Испаніею, Португаліею, С. Штатами, Чили, Перу и Японіею. Документы приводятся на нѣмецкомъ или англійскомъ языкѣ.

дикцію англійскихъ судовъ. Онъ напоминаетъ, что Англія первая издала въ 1862 г. законъ о предупрежденіи столкновеній между кораблями на морѣ, послужившій образцомъ и для другихъ государствъ при опредѣленіи этого важнаго вопроса (нѣмецкій законъ 1880 г.). Онъ обращаетъ вниманіе и на англійскій «Merchant Shipping Act», 1873 года, говоритъ о содержаніи извѣстнаго навигаціоннаго акта 1651 г., а въ введеніи приводитъ главныя постановленія новѣйшихъ трактатовъ о торговлѣ и судоходствѣ.

Въ теоретическомъ отношеніи Перельсъ является нерѣдко защитникомъ установившейся практики. Говоря объ осужденіи нѣкоторыми писателями употребленія цѣпныхъ и каленыхъ ядеръ, горящихъ смоляныхъ снарядовъ и т. п. орудій, уничтожающихъ мгновенно цѣлые непріятельскіе отряды, онъ замѣчаетъ съ ироніею, что многія изъ нихъ уже вывелись изъ употребленія, но что ихъ вообще нечего осуждать въ вѣкъ картечей, гранатъ, шрапнелей, митральезъ, торпедъ и морскихъ минъ. Непріятель, осаждающій городъ, по его мнѣнію, не обязанъ выпускать изъ него мирныхъ жителей, ибо въ его интересахъ лежитъ, чтобы они скорѣе почувствовали нужду въ провіантѣ. При бомбардированіи воюющій долженъ щадить неукрѣпленныя части города, лишь поскольку это совмѣстимо съ интересами атаки. Понятіе *о военной контрабандѣ* у него довольно растяжимо и, слѣдуя практикѣ, онъ причисляетъ къ ней: 1) матеріалы, могущіе быть переработаны для военныхъ потребностей; 2) лошадей; 3) паровыя машины и ихъ составныя части, могущія служить военнымъ цѣлямъ; 4) каменный уголь; 5) жизненные припасы; 6) денежныя суммы въ металлахъ или бумагахъ, и 7) корабли, приспособленные для военныхъ операцій или безъ этого предназначаемые для послѣднихъ. Къ случайной контрабандѣ онъ относитъ: а) перевозку къ непріятелю лицъ, вошедшихъ или имѣющихъ войти въ составъ его военныхъ (морскихъ или сухопутныхъ) силъ; б) доставку депешъ воюющаго или къ воюющему, гдѣ бы онѣ ни были приняты, въ непріятельской или нейтральной гавани. Свободными признаются только депеши, не имѣющія никакого отношенія къ войнѣ, и в) перевозъ агентовъ воюющаго, посылаемыхъ съ какою бы то ни было военною цѣлью.

Перельсъ выступаетъ защитникомъ *мирной блокады*, прилагаемой какъ репрессаліи внѣ войны. Даже суровыя репрессаліи, говоритъ онъ, поражающія интересы третьихъ, нейтральныхъ государствъ и ихъ подданныхъ, составляютъ меньшее зло, чѣмъ война и несомнѣнно допустимы какъ средство самозащиты народовъ. Нельзя возражать противъ названной блокады также на тѣхъ основаніяхъ, что она

сравнительно новаго происхожденія—впервые бывъ приложенною въ 1827 г.—или что будто бы парижская декларація ее молчаливо отмѣнила. Что же касается до несправедливости ея по отношенію къ третьимъ государствамъ и ихъ подданнымъ, то слѣдовало бы держаться французской практики и подвергать корабли и имущества нейтральныхъ не захвату, а лишь секвестру.

Ниже мы увидимъ, что противъ мирной блокады сильно возстаетъ Фошилль.

Блокада въ военное время, по Перельсу, бываетъ дѣйствительною подъ однимъ условіемъ, чтобы какъ входъ, такъ и выходъ изъ обложеннаго мѣста былъ соединенъ съ опасностью для судовъ. Въ силу этого блокаду могутъ поддерживать не только военныя суда, но и батареи съ берега. Въ противоположность Геснеру, онъ считаетъ спеціальную нотификацію о блокадѣ обязательною: 1) въ случаѣ предписанія ея трактатомъ или какою либо инструкціею, и 2) когда изъ обстоятельствъ окажется, что приближающійся корабль не имѣлъ свѣдѣнія о существованіи блокады. Считать же спеціальную нотификацію необходимою на всѣ случаи—значитъ оставлять безнаказаннымъ первое нарушеніе блокады.

Право *осмотра*, по мнѣнію Перельса, расходящагося въ этомъ съ Готфелемъ, должно считаться дозволеннымъ и во время перемирія (если оно прямо не воспрещено въ соглашеніи о перемиріи), ибо въ приложеніи его онъ не усматриваетъ никакого акта враждебности, затѣмъ думаетъ, что въ противномъ случаѣ нейтральные легко могли бы воспользоваться открывшеюся имъ свободою морскихъ сношеній и доставить кому либо изъ воюющихъ всѣ возможныя пособія.

Осуждая въ цѣломъ *морскую добычу*, Перельсъ говоритъ о ней, однако, не особенно много. Относительно репризовъ онъ становится на сторону практики С. Штатовъ, хотя правило, ею признаваемое, нельзя считать еще утвердившимся въ положительномъ международномъ правѣ. По этому правилу *репризы* признаются дѣйствительными, если они сдѣланы, независимо отъ продолжительности нахожденія ихъ въ рукахъ перваго взятеля до судебнаго ихъ присужденія. Юридически это воззрѣніе вполнѣ вѣрно, ибо ранѣе указаннаго момента не существуетъ окончательнаго перехода права собственности на нихъ. На преобразованіи *призовыхъ судовъ* авторъ не останавливается почти вовсе. Упомянувъ, что разсужденія объ этомъ начались со временъ Гюбнера и нашли себѣ новый научный органъ въ Институтѣ, вызвавъ трудъ Бульмеринка, онъ прибавляетъ: до сихъ поръ ни одно государство, внѣ случаевъ компромисса, не считало совмѣстимымъ съ

своимъ верховенствомъ, чтобы дѣйствія подчиненныхъ ему учрежденій обсуждались посторонними, а не имъ самимъ назначенными и отъ него исключительно зависящими властями. Да и постановленія такихъ постороннихъ органовъ были бы лишены исполнительной силы (nicht executionsfähig).

Но между тѣмъ онъ говоритъ съ полною откровенностію о ихъ настоящемъ положеніи и значеніи, которыя именно и дѣлаютъ ихъ реформу въ международномъ смыслѣ неотложною: «Призовыя инстанціи не суть международные суды. Хотя они и должны руководиться нормами международнаго права, но они прилагаютъ таковыя, если эти нормы не выражены въ спеціальныхъ трактатахъ, по мѣрѣ прямаго признанія ихъ законами и инструкціями назначившаго ихъ государства, и не существуетъ гарантіи въ томъ, чтобы національныя опредѣленія всегда совпадали съ существомъ международныхъ отношеній. Въ растяжимости большинства правилъ, существующихъ въ военно-морскомъ правѣ, заключается дальнѣйшее препятствіе къ тому, чтобы національные суды прилагали право вполнѣ безпристрастно».

Впрочемъ и Перельсъ считаетъ мнѣніе англійскихъ и американскихъ публицистовъ о рѣшеніяхъ призовыхъ судовъ, какъ главномъ источникѣ морскаго международнаго права, преувеличеннымъ. Онъ разсказываетъ куріозный фактъ, что извѣстный Вернонъ Гаркортъ (Historicus) въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ въ 1865 г. высказалъ свое удивленіе, что почти ни одинъ публицистъ на континентѣ Европы не оказываетъ должнаго вниманія рѣшеніямъ этихъ судовъ и объясняетъ это только незнаніемъ англійскаго языка.

Вотъ можно сказать, вполнѣ *англійское* объясненіе, ибо именно англичане отличаются самымъ полнымъ незнаніемъ европейскихъ языковъ! [1])

---

1) Сочиненіе Перельса недавно переведено на французскій языкъ *Арендтомъ*, который обогатилъ его нѣкоторыми новѣйшими документами (напр., протоколомъ парижской конференціи 1882 г. по охранѣ подводныхъ кабелей, текстомъ конвенціи 6 мая 1882 г. между Германіею, Великобританіею, Франціею, Бельгіею, Голландіею и Даніею по поводу полиціи и рыболовства въ Сѣверномъ морѣ). Переводъ этотъ сдѣланъ весьма тщательно и точно. Довольно обстоятельную критику на книгу Перельса написалъ *Цорнъ* (въ Krit. Vierteljahr. für Gesetzgebung und Rechtswiss. 1882. S. 477—490), но его воззрѣнія на международное право (которое онъ низводитъ на степень *внѣшняго государственнаго* права) вполнѣ несостоятельны. Соч. Перельса переведено и на русскій языкъ въ 1885 г. г. *Лиліенфельдомъ*. Здѣсь заслуживаютъ вниманія указанія на *русскіе законы и литературу* (даже на статьи, напечатанныя въ *Мор-*

Въ современномъ морскомъ правѣ стоятъ на очереди особенно *три главныя реформы*, требующія осуществленія послѣ парижской декларацiи 1856 г. и которыя тѣсно между собою связаны: преобразованіе призовыхъ судовъ, отмѣна морской добычи и установленіе болѣе точнаго, въ подробностяхъ строже выработаннаго понятія о блокадѣ. Этимъ вопросамъ посвящены примѣчательные труды Бульмеринка, Бёка и Фошилля.

23. **Bulmerincq**. *Le droit des prises maritimes*. 1880.

Сочиненіе это составляетъ докладъ, представленный авторомъ Институту международнаго права, назначившему особую коммиссію для изученія современнаго положенія призовыхъ судовъ. Мы имѣли уже случай говорить о книгѣ г. Бульмеринка [1]) и поэтому здѣсь не будемъ болѣе на ней останавливаться, но замѣтимъ только, что по богатству содержанія и по строгой выдержанности юридическихъ принциповъ ее смѣло можно отнести къ лучшимъ произведеніямъ новѣйшей литературы по международному праву. Авторъ даетъ намъ *весь положительный матеріалъ* изучаемаго имъ вопроса по законамъ и трактатамъ, сообщаетъ его *литературу* по главнымъ направленіямъ и подвергаетъ добытыя имъ начала всесторонней и серьезной *критикѣ*.

Въ заключеніе онъ составилъ *Проектъ международнаго устава о морскихъ призахъ* изъ 131 статьи. Это примѣчательный опытъ кодификаціонной работы, въ которомъ намѣчены всѣ пункты морскаго права, особенно нуждающіеся въ улучшеніи. Институтъ на своихъ съѣздахъ въ Туринѣ и въ Мюнхенѣ (1882 и 83 г.) принялъ съ небольшими измѣненіями 84 статьи этого проекта, посвященныхъ *матеріальному призовому праву* [2]). Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ постановилъ препроводить эту часть на разсмотрѣніе правительствъ, въ тѣхъ видахъ, конечно, чтобы побудить ихъ приступить къ реформѣ морскаго права, для которой теперь имѣются почти такія же хорошія подготовительныя работы, какія представила, по законамъ сухопутной войны, Брюссельская конференція.

24. **Boeck**. *De la propriété privée ennemie sous pavillon ennemi*. 1882.

Хотя мы имѣемъ о неприкосновенности частной собственности на морѣ за послѣднее двадцатилѣтіе цѣлый рядъ прекрасныхъ моногра-

---

скомъ Сборникѣ за разные годы). Въ дополненіе къ этому труду Перельсъ издалъ въ 1884 г. новое соч. Handbuch des allgemeinen öffentl. Seerechts im Deutschen Reiche.

[1]) „Юридич. Вѣстн.“. 1883. Апрѣль, стр. 619 сл.

[2]) Переводъ этой части проекта мы сдѣлали *тамъ же*, стр. 628 — 639, и 1884 г.. Апрѣль, стр. 725—730.

фій Коши, Видари, Лавёле, Блюнчли, Патерностро, а въ русской литературѣ Каченовскаго, Мартенса, но книга Бёка, впервые выступающаго еще на поприще международнаго права, должна быть признана наиболѣе полнымъ и удовлетворительнымъ изслѣдованіемъ изъ всѣхъ существующихъ по данному вопросу. Читая его громадный томъ (въ 750 стр.) можно только дивиться той учености, съ которою авторъ изучилъ поставленный себѣ вопросъ. Кажется ничто имъ не упущено, но каждый пунктъ разъясненъ по возможности со всѣхъ сторонъ. И эта подавляющая масса матеріаловъ не лишаетъ однако его книгу ясности и живости изложенія.

Вопросъ о свободѣ непріятельской собственности на морѣ возникъ послѣ того, какъ постепенно въ жизни и въ наукѣ стали выясняться понятія о правахъ нейтральныхъ, но въ наше время онъ является самымъ необходимымъ и рѣшительнымъ къ нимъ добавленіемъ и завершеніемъ, тою скалою, на которой, по словамъ автора, должно быть возведено все право морской войны, доселѣ, несмотря на свое многовѣковое существованіе, покоившееся лишь на зыбкомъ пескѣ. Нельзя не видѣть въ самомъ дѣлѣ въ развитіи этого права постепеннаго восхожденія отъ полнаго произвола воюющихъ къ твердымъ и болѣе широкимъ принципамъ справедливости: Консолато дель-Маре призналъ свободнымъ нейтральный грузъ подъ непріятельскимъ флагомъ; оба вооруженные нейтралитеты и парижская декларація присоединили къ этому и неприкосновенность непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ (за исключеніемъ военной контрабанды). Парижская декларація отмѣнила и каперство. Эти реформы, чтобы быть полными, требуютъ теперь *объявленія непріятельской собственности неприкосновенною даже подъ непріятельскимъ флагомъ*. Но, спѣшитъ добавить Бёкъ, послѣдній принципъ нисколько не препятствуетъ созданію добровольныхъ флотовъ или морской милиціи (marine volontaire), организованной въ военномъ отношеніи и принятой въ составъ правильныхъ морскихъ силъ государствъ. Поэтому преобразованіе морской войны, вслѣдствіе отмѣны каперства и призовъ, вовсе не обозначило бы лишеніе государствъ тѣхъ средствъ, оборонительныхъ и наступательныхъ, которыя имъ даны природою. Впрочемъ для автора не столько важенъ вопросъ о признаніи самого принципа свободы непріятельской собственности на морѣ, что составляетъ лишь дѣло времени, сколько вопросъ *о предѣлахъ* его приложенія и объ *ограниченіяхъ*, которымъ онъ на практикѣ неизбѣжно долженъ подлежать. Очевидно и собственность непріятельская подобно нейтральной получаетъ защиту ради интересовъ мирной торговли и

должна не вторгаться въ сферу войны, т. е. не нарушать предписаній о военной контрабандѣ и блокадѣ. Но помимо этого она, по мысли Бёка, въ отличіе отъ собственности нейтральной, подвергается нѣкоторымъ *дальнѣйшимъ ограниченіямъ*, вытекающимъ изъ военной необходимости и соотвѣтствующимъ впрочемъ и обычаямъ сухопутной войны. Корабли и грузы непріятеля могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, подлежать *реквизиціи* и *принудительной продажѣ*. Но для того, чтобы воюющіе не выступали судьями въ собственномъ дѣлѣ и не лишали своихъ противниковъ гарантіи безпристрастной защиты— Бёкъ высказывается за *введеніе международныхъ призовыхъ судовъ* и за устройство ихъ производства сообразно съ общими принципами права и элементарными требованіями справедливости.

Итакъ, заключаетъ авторъ, право морской войны должно быть преобразовано въ наши дни въ своемъ *принципѣ*, по отношенію къ *судамъ*, имѣющимъ его прилагать и къ *производству дѣлъ* этими судами.

Таковъ общій планъ этого труда, обнимающаго, какъ видно, всѣ стороны военнаго морскаго права. Его качества заслуживаютъ однако болѣе тщательнаго разсмотрѣнія и подробностей.

Кромѣ довольно полнаго библіографическаго указателя въ началѣ, и аналитической таблицы въ концѣ, книга Бёка распадается на три части. Въ первой авторъ даетъ намъ *историческій очеркъ* нейтралитета (въ шести періодахъ до 1882 г.), выдвигая на первый планъ вопросъ объ участи непріятельской собственности въ морскихъ войнахъ. Вторая часть посвящена *современной практикѣ*. Въ ней двѣ главы. Первая говоритъ о *дѣйствующемъ правѣ захвата* и именно о предметахъ морской добычи, о лицахъ, имѣющихъ право ее совершать, о мѣстѣ и времени приложенія этого права и о всей, такъ сказать, процедурѣ послѣдняго (обязанности крейсера, взятеля или каптора, принудительная продажа призовъ, пользованіе ими, ихъ уничтоженіе и выкупъ, репризы). Небольшое приложеніе посвящено разсмотрѣнію итальянскаго кодекса, который, какъ извѣстно, первый призналъ неприкосновенность непріятельскихъ торговыхъ судовъ. Вторая глава этой части предметомъ имѣетъ: *призовые суды:* ихъ характеръ, устройство, подсудность, производство. Третья часть озаглавлена: *право будущаго: проекты преобразованій*. И она дѣлится на тѣ же двѣ главы, какъ и вторая. Сперва авторъ говоритъ о *защитникахъ* и *противникахъ* предлагаемаго имъ принципа. Онъ отводитъ особое мѣсто *работамъ Института* международнаго права, которыя резюмируетъ мастерски. Затѣмъ онъ даетъ намъ *главные*

доводы въ пользу своего основнаго тезиса и переходитъ къ его *ограниченіямъ* на практикѣ.

Вторая глава этой части, воспроизводя въ существѣ реформу, предлагаемую Бульмеринкомъ, говоритъ *объ устройствѣ международныхъ призовыхъ судовъ и о преобразованіи всего ихъ производства.*

Простота и стройность этой системы въ значительной степени облегчаютъ для читателя обозрѣніе и изученіе всего богатаго матеріала книги Бёка.

Съ большою подробностью авторъ приводитъ и разбираетъ *доводы защитниковъ и противниковъ* принципа неприкосновенности частной собственности на морѣ. Чужія мнѣнія онъ излагаетъ обыкновенно собственными словами ихъ авторовъ и, можно сказать, что онъ не забылъ ни одного сколько-нибудь примѣчательнаго писателя. Сперва идутъ защитники. Рядъ ихъ, какъ извѣстно, открылъ Мабли своимъ сочиненіемъ Droit public de l'Europe fondé sur les traités въ 1748 г. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ число ихъ становится значительнѣе, а аргументы рѣшительнѣе. При этомъ однако заслуживаютъ вниманія два обстоятельства: во Франціи въ послѣднее десятилѣтіе выступило нѣсколько новыхъ поборниковъ права захвата: Cattou, Delalande, Aube, Funck Brentano и Sorel. Въ Англіи, кромѣ Кобдена, за свободу частной собственности на морѣ высказались лишь двое: Airlie и Hall, но не на основаніи нравственныхъ или юридическихъ соображеній, а ради интересовъ самой Англіи. За то, съ другой стороны, противниками этой реформы являются Johnstone и Bowles. Первый—одинъ изъ основателей морскаго общества, поставившаго себѣ цѣлью возстановленіе правъ на морѣ Великобританіи [1]) и ратующаго поэтому не только за право захвата, но и за отступленіе Англіи отъ парижской декларацiи, т.-е. за возстановленіе каперства и за уничтоженіе неприкосновенности даже нейтральнаго флага

Весьма любопытны также пренія, которыя были по этому вопросу два раза въ средѣ французской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ: въ 1860 г. по поводу мемуара, читаннаго Франкомъ о публицистахъ 17 стол., и въ 1866 г., когда Коши прочелъ въ засѣданіяхъ 12, 19 и 26 мая свой извѣстный докладъ объ уваженіи частной собственности въ морскихъ войнахъ. Оба раза Жиро выступалъ горячимъ защитникомъ прежняго морскаго права и находилъ необходимымъ возстановленіе каперства «какъ единственно возможнаго въ будущемъ орудія борьбы съ Англіею». За это же мнѣніе выска-

---

[1]) Maritime League for the resumption of naval Rights in Great Britain.

зался Dupin, но оппонентами ихъ были, кромѣ Франка, Michel Chevalier, F. Passy, Ad. Garnier и Wolowsky. «Несмотря на энергичную рѣчь Жиро, говоритъ Бёкъ, дѣло каперовъ было проиграно предъ Академіею, подобно тому, какъ незадолго до этого оно было осуждено на парижскомъ конгрессѣ и Европою, и честь побѣды, при всемъ талантѣ и патріотизмѣ диссидентовъ, осталась на сторонѣ защитниковъ отмѣны каперства и права захвата».

Вѣроятно, такимъ же образомъ окончится вообще этотъ великій споръ между защитниками новаго морскаго права и приверженцами старыхъ, нынѣ уже отжившихъ, порядковъ. Замѣтимъ еще, что въ числѣ первыхъ наиболѣе обстоятельные доводы представили Массе, Коши и Видари, а въ послѣднее время Лавёле и Блюнчли. Главными же теоретиками права захвата слѣдуетъ считать особенно Ортолана и Готфёля. Къ первому Бёкъ прилагаетъ даже слова поэта:

Si Pergama dextra
Defendi possent, etiam hac defensa fuissent.

Новое оригинальное основаніе этому праву старался наконецъ найти Лориперъ.

Бёкъ упоминаетъ и объ русской литературѣ и къ защитникамъ морской реформы относитъ Каченовскаго, Мартенса и Даневскаго. Отмѣтимъ при этомъ двѣ большія неточности: «сочиненіе Каченовскаго «О призахъ» явилось не въ 1865 г., какъ говоритъ Бёкъ, а въ 1856 г. немного ранѣе парижскаго конгресса. Изслѣдованіе Блюнчли «О правѣ добычи» было вызвано просьбою не московскаго Юридическаго Общества, а Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству и именно предсѣдателя его графа А. Е. Камаровскаго.

Изложивъ мнѣнія писателей, Бёкъ въ заключеніе даетъ собственные доводы, которые требуютъ признанія принципа неприкосновенности. Такихъ доводовъ четыре: юридическій, экономическій, историческій и политическій.

1) Доводъ юридическій для насъ, конечно, главный. Онъ вытекаетъ изъ самого современнаго понятія войны, даннаго еще Руссо: война есть отношеніе государства къ государству, а не частныхъ лицъ къ частнымъ лицамъ. Это значитъ, что она не должна направляться противъ нихъ непосредственно, поражать ихъ въ ихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ до тѣхъ поръ, пока сами они не принимаютъ въ ней активнаго участія. Этотъ принципъ обозначаетъ ли безучастіе гражданъ къ отечеству въ минуты опасности отъ войны? Нисколько! Они въ качествѣ солдатъ и плательщиковъ податей участвуютъ своею

личностію и имуществомъ въ военныхъ успѣхахъ или бѣдствіяхъ своей родины, но выставленное нами правило говоритъ лишь одно: что воюющія государства не въ правѣ направлять свои дѣйствія *прямо* или *единственно* противъ частныхъ лицъ, права которыхъ войною не уничтожаются и вообще не зависятъ отъ произвола непріятеля. Не порывая связей между государствомъ и его гражданами, признавая косвенное на нихъ воздѣйствіе войны, этотъ принципъ даетъ послѣдней точное опредѣленіе и выгораживаетъ, по отношенію къ непріятелю, права частныхъ лицъ.

Это воззрѣніе на войну, въ наше время единственно разумное, допускается и многими противниками неприкосновенности (Ортоланомъ, Pistoye и Duverdy). Но они оспариваютъ, чтобы въ сухопутныхъ войнахъ собственность непріятеля пользовалась уваженіемъ: контрибуціи являются выкупомъ за ограбленіе, реквизиціи составляютъ легальный способъ разоренія жителей.

Въ подобныхъ утвержденіяхъ нельзя не видѣть софизма: безспорно, континентальныя войны еще очень суровы и разорительны, но нарушенія правила никакъ нельзя отождествлять съ самимъ правиломъ. А дѣло въ томъ, что въ сухопутной войнѣ принципъ уваженія непріятельской собственности получилъ уже общее признаніе: контрибуціи, бывъ въ началѣ выкупомъ, взимаются теперь непріятелемъ въ качествѣ временнаго оккупанта извѣстной части территоріи. Реквизиціи, хотя большею частію и остаются на практикѣ безъ уплатъ, въ принципѣ отличаются отъ призовъ. Онѣ вызываются военною необходимостію самого оккупанта, а призы цѣликомъ зависятъ отъ власти воюющаго. Совершенно вѣрно говоритъ Роленъ Жекменъ: правило сухопутной войны: возлагайте реквизиціи по вашимъ *нуждамъ*. Правило на морѣ: берите по вашимъ *силамъ*. На сушѣ воюющіе отказались отъ стариннаго воззрѣнія, будто война должна сама себя питать, а оккупаціонное войско жить исключительно на средства занятой имъ мѣстности.

Защитники захватовъ на морѣ выставляютъ еще другой аргументъ: на войнѣ необходимость должна считаться мѣриломъ права; все что необходимо, поэтому справедливо. Государства не могутъ уважать непріятельской собственности на морѣ, потому что это повело бы на практикѣ къ отказу отъ морскихъ войнъ. Взятіе морскихъ укрѣпленій и сожженіе военнаго флота непріятеля еще недостаточны, чтобы сломить его силу. Чтобы поразить его въ сердце, надо объявить войну его торговлѣ, наложить руку на его трудъ и капиталы, завладѣть его доходами, словомъ, изолировать его отъ всего остальнаго міра.

Много преувеличенія лежитъ въ приведенныхъ словахъ. Еще лордъ Пальмерстонъ сознался, что ни одна великая страна не была побѣждена вслѣдствіе убытковъ, причиненныхъ частнымъ лицамъ. Нынѣ, съ отмѣной каперства и признаніемъ неприкосновенности нейтральнаго флага, право захвата много утратило отъ своей прежней силы. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и покровительству нейтральнаго флага, торговля воюющаго можетъ укрыться отъ ударовъ непріятеля. Примѣры послѣднихъ морскихъ войнъ показываютъ намъ, что слабѣйшіе флоты даже не появлялись на моряхъ и не пытались защищать торговлю своихъ соотечественниковъ, что они, конечно, сдѣлали бы, если бы призы наносили ей тѣ смертельные удары, о которыхъ толкуютъ такъ охотно, но и неосновательно.

Отмѣна призовъ придастъ правда морской войнѣ совершенно иной характеръ. но не уничтожитъ ея. Новѣйшія открытія въ техникѣ такъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, что наиболѣе компетентные моряки въ наши дни сами сознаются, что они не знаютъ, какъ будетъ вестись первая война на морѣ. Въ виду этихъ непрерывныхъ преобразованій, которыя сами, быть можетъ, скоро окажутся ничтожными предъ примѣненіемъ въ ближайшемъ будущемъ къ морскому дѣлу электричества, не странно ли утверждать, что безъ призовъ морская война невозможна?

Но становясь даже на эту точку зрѣнія военной необходимости, можно было бы говорить только развѣ не о конфискаціи частныхъ судовъ непріятеля, а объ ихъ задержаніи (секвестрѣ) до окончанія войны съ обязанностію возвратить ихъ тогда или заплатить за ихъ стоимость. Но и эта мѣра внесла бы въ торговыя сношенія много разстройства и должна быть, во имя права, также осуждена.

Бёкъ не оспариваетъ великой пользы, которую государство можетъ извлечь въ военное время изъ своего торговаго флота. Это аргументъ наиболѣе серьезный сторонниковъ захвата. Торговый корабль можетъ быть легко превращенъ въ военный, а служащимъ на немъ матросамъ стоитъ только перейти на таковой, чтобъ превратиться въ комбатантовъ. Не даромъ ихъ сравниваютъ съ резервомъ. Даже, если торговыя суда не преобразуются прямо въ военныя, они могутъ оказывать безцѣнныя услуги въ качествѣ транспортныхъ, ибо почти каждое изъ нихъ способно перевозить войска, боевые запасы, депеши. Въ нѣкоторыхъ странахъ (какъ напр. въ Германіи) государство имѣетъ право требовать, чтобы, на случай войны, судохозяева предоставляли ему, за извѣстное вознагражденіе, свои суда въ полное распоряженіе. Какъ извѣстно, нынѣ стоитъ даже на очереди воп-

росъ о возможно скоромъ превращеніи торговаго корабля въ военный. Учрежденіе добровольнаго флота Бёкъ считаетъ совмѣстнымъ съ отмѣной каперства и очевидно въ этой формѣ торговый флотъ, при нѣкоторыхъ легкихъ приспособленіяхъ можетъ сдѣлаться сильнымъ пособникомъ для флота военнаго.

Вовсе не отрицая силы этихъ соображеній, Бёкъ говоритъ, что нельзя ради ихъ допускать безразличный захватъ *всѣхъ* торговыхъ судовъ непріятеля. Иначе пришлось бы отнимать у послѣдняго все, ибо все можетъ послужить войнѣ. По мѣткому выраженію Бульмеринка, захватъ можетъ быть узаконенъ лишь такою военною необходимостію, которая будетъ на лицо и констатирована, а не существовать только въ возможности (nécessité militaire *actuelle et constatée* въ противоположность nécessité militaire *éventuelle*).

Вотъ почему авторъ допускаетъ захватъ по отношенію къ кораблямъ, принимающимъ или способнымъ принять *непосредственное* участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Кромѣ того онъ оправдываетъ принудительную продажу такихъ непріятельскихъ товаровъ подъ непріятельскимъ флагомъ, которые не могутъ не быть полезными на войнѣ (каменный уголь, жизненные припасы, боевые снаряды). Но эти *ограниченія* принципа неприкосновенности ничего не имѣютъ общаго съ его *отрицаніемъ*. Они столько же справедливы, какъ и необходимы.

2) Основаніе экономическое. Справедливое, въ послѣднемъ результатѣ, совпадаетъ и съ полезнымъ. Экономическія соображенія въ пользу отмѣны призовъ были приводимы еще Мабли. Странно въ нашъ вѣкъ толковать о *непріятельской* торговлѣ. Давно уже экономическая наука доказала, что интересы различныхъ народовъ находятся не въ антагонизмѣ между собою, но въ тѣсной солидарности. Торговлю можно уподобить міровому организму, всѣ части котораго работаютъ на пользу всѣхъ. Извѣстно положеніе Бастіа: благо каждаго содѣйствуетъ благу всѣхъ и наоборотъ благо всѣхъ споспѣшествуетъ пользѣ каждаго. Отсюда убытки, причиняемые одному изъ воюющихъ, неизбѣжно отразятся и на другомъ. Часто даже государство, захватывая имущество непріятеля, разоряетъ этимъ гораздо сильнѣе торговлю собственныхъ гражданъ. Не даромъ Воловскій называетъ эту мѣру мечемъ обоюдуострымъ. Бёкъ подтверждаетъ свое мнѣніе весьма интереснымъ указаніемъ на Крымскую войну. Не только торговля и промышленность во Франціи и въ Англіи пострадали вслѣдствіе уменьшенія вывоза изъ ихъ портовъ въ Россію и ввоза къ нимъ русскихъ издѣлій, но и въ виду того, что обороты внѣшней

торговли совершались въ русскихъ гаваняхъ почти исключительно Англичанами, Французами и Нѣмцами—на послѣднихъ обрушились послѣдствія призовъ, взятыхъ тогда Франціею и Англіею. Многіе ихъ торговые дома объявили себя въ то время несостоятельными.

3) Изученіе исторіи приводитъ насъ къ тому же выводу. Справедливо говоритъ Блюнчли, что исторія цивилизаціи показываетъ намъ, какъ человѣкъ медленно, но постепенно, восходитъ отъ безчисленныхъ насилій всякаго рода къ большему и большему уваженію личной свободы и частной собственности.

Въ судьбахъ морской войны, какъ мы уже замѣтили, нельзя не усмотрѣть того же поступательнаго движенія. Начавшись съ *пиратства*, она понемногу уступила мѣсто *каперству*. Послѣднее подверглось нѣкоторой регламентаціи и между прочимъ былъ введенъ великій принципъ, что каждый призъ долженъ быть присужденъ. Но пока каперство процвѣтало, морская война велась столько же противъ непріятеля, какъ и противъ нейтральныхъ. Мало того: арматоры въ своей погонѣ за непріятельскою собственностію конфисковали даже корабли нейтральныхъ, повинныхъ лишь въ перевозкѣ непріятельскаго груза, хотя бы самаго безобиднаго. Правда это правило примѣнялось лишь въ эпохи наиболѣе критическія. За то упорно держалось другое: конфискація непріятельской собственности подъ нейтральнымъ флагомъ. Борьба началась противъ послѣдняго злоупотребленія и лишь послѣ столѣтнихъ усилій (со времени Гюбнера до парижскаго конгресса 1758 — 1856) права нейтральнаго флага получили наконецъ общее признаніе. Косвенно этимъ былъ нанесенъ и чувствительный ударъ праву захвата вообще, ударъ усилившійся еще вслѣдствіе отмѣны каперства. Эти успѣхи служатъ намъ ручательствомъ за скорое и полное уничтоженіе названнаго права въ будущемъ.

4) Соображенія политическія съ своей стороны подкрѣпляютъ эти размышленія надъ исторіею морскихъ войнъ. Бёкъ напоминаетъ, что между великими державами одна Англія не расположена въ пользу занимающей насъ реформы морскаго права. Онъ старается доказать, что какъ ни могущественна Англія на морѣ, но именно вслѣдствіе этого, она болѣе всякой иной державы заинтересована въ свободѣ морей. Пока существуетъ призовое право, необходимость защищать свою торговлю на морѣ отвлечетъ ея военныя силы отъ ихъ прямаго назначенія и помѣшаетъ ихъ сосредоточенію. Бёкъ считаетъ Англію и безъ пользованія этимъ правомъ въ наше время неуязвимою, ибо оборонительныя средства морской войны нынѣ несравненно превос-

ходнѣе наступательныхъ. Но съ другой стороны право захвата не можетъ послужить Великобританіи дѣйствительнымъ орудіемъ въ борьбѣ ея съ континентальными державами Европы, ибо для нихъ морская торговля не есть наиболѣе существенное занятіе, между тѣмъ какъ, направленное *противъ* Англіи, оно можетъ причинить ей неисчислимые убытки, потому что морскою торговлею только и держатся вся ея промышленность и доходы. Приводя этотъ аргументъ Лавёле, Бёкъ однако, какъ бы въ нѣкоторое противорѣчіе съ нимъ, утверждаетъ, что напрасно нѣкоторые патріоты во Франціи полагаютъ, будто въ захватѣ частной собственности на морѣ она можетъ найти удобное орудіе борьбы съ Англіею.

Странное и опасное заблужденіе! Исторія всѣхъ ея войнъ съ послѣднею державою доказываетъ намъ противное: столѣтняя война, борьба за испанское престолонаслѣдіе, на которую особенно любятъ ссылаться, семилѣтняя и наконецъ войны революціи и имперіи. «Всегда торговая энергія Англіи, заключаетъ онъ, одерживала верхъ надъ усиліями нашихъ корсаровъ: конечно она не пасуетъ и предъ нашимъ военнымъ флотомъ, подкрѣпленнымъ морскою милиціею».

Наконецъ Бёкъ останавливается еще немного на аргументѣ, который Бульмеринкъ назвалъ доводомъ относительнаго человѣколюбія (humanité relative). Рѣшивъ вопросъ о морской реформѣ съ точки зрѣнія права, мы вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили его и во имя нравственности и человѣколюбія. Но наши противники упрекаютъ насъ въ стараніи отмѣнить такое средство войны, которое наименѣе безчеловѣчно. Какъ будто захватъ частнаго имущества на морѣ долженъ, по ихъ словамъ, замѣнить или даже ослабить пролитіе человѣческой крови? Не есть ли онъ напротивъ средство, употребляемое *совмѣстно* съ истребленіемъ человѣческихъ жизней? Рѣшеніе, которое предлагаетъ право, сообразно поэтому съ требованіями не относительнаго, но абсолютнаго человѣколюбія.

Вѣрно понимаемый, принципъ свободы частной собственности на морѣ цѣлію имѣетъ огражденіе и во время войны мирной торговли какъ нейтральныхъ, такъ и непріятельскихъ гражданъ. Разумѣется, онъ не можетъ имѣть абсолютнаго значенія, но долженъ быть юридически ограниченъ и опредѣленъ. По отношенію собственно къ торговлѣ непріятеля, Бёкъ, какъ мы сказали выше, принимаетъ *четыре законныя и необходимыя ея ограниченія:* если она нарушаетъ правила о *военной контрабандѣ* и о *блокадѣ*, она, переставая быть мирною, естественно подвергается тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ въ аналогичныхъ случаяхъ и торговля нейтральныхъ. Но кромѣ того ча-

стная собственность непріятеля на морѣ, въ отличіе отъ нейтральной, можетъ, какъ и частная собственность врага въ континентальной войнѣ, сдѣлаться при извѣстныхъ условіяхъ предметовъ *принудительной продажи и реквизиціи*.

Вопросъ о *военной контрабандѣ* разработанъ у Бёка весьма тщательно по главнѣйшимъ трактатамъ, законодательствамъ и писателямъ. Хотя до сихъ поръ онъ былъ выработанъ исключительно по отношенію къ нейтральнымъ, но, съ введеніемъ принципа неприкосновенности, онъ долженъ быть распространенъ и на *торговлю непріятеля* въ томъ смыслѣ, что непріятельскіе граждане получаютъ свободу безпрепятственно (если не нарушаютъ правилъ о военной контабандѣ) торговать между собою. Что же касается до ихъ торговли съ гражданами ихъ противника, то, по мысли Бёка, это относится къ области не международнаго, но государственнаго права.

Авторъ старается прежде всего опредѣлить съ полною точностію *предметы* военной контрабанды. Въ этомъ столь трудномъ дѣлѣ онъ высказываетъ примѣчательную независимость и послѣдовательность мысли. По его словамъ, къ контрабандѣ должны относиться: «только предметы могущіе быть приспособлены къ цѣлямъ войны прямо и непосредственно и лишь для войны представляющіеся полезными. Доставка же всѣхъ остальныхъ предметовъ должна быть признана свободною». Отсюда контрабанду составляютъ всякаго рода *оружія* и *снаряды*, а также *военные корабли*. Но къ ней не должны быть причислены: 1) жизненные припасы; 2) драгоцѣнные металлы въ слиткахъ или монетахъ; 3) матеріалы необработанные, могущіе быть превращены въ оружіе или въ военные снаряды, какъ-то: желѣзо, олово, мѣдь, сталь, сѣра и селитра; 4) все служащее для постройки и оснащиванія судовъ; 5) полотна и сукна, хотя бы предназначаемыя исключительно для войска сухопутнаго или морскаго; 6) паровыя машины; 7) каменный уголь; 8) лошади и иной вьючный скотъ, даже лошади для кавалеріи, и 9) торговыя суда.

Этотъ перечень показываетъ намъ, какъ рѣзко расходится Бёкъ при опредѣленіи контрабанды съ Перельсомъ и съ большинствомъ современныхъ писателей. Онъ отвергаетъ совершенно все ученіе о такъ называемой *относительной* или *случайной* контрабандѣ, даже въ той смягченной формѣ, въ какой выставляетъ ее Блюнчли (а за нимъ одобряетъ ее и Геснеръ) и даже если бы оно примѣнялось международнымъ призовымъ судомъ [1]).

[1]) Справедливость требуетъ замѣтить, что къ тому же выводу, какъ и Бёкъ, пришелъ гораздо ранѣе *Мартенсъ* въ своемъ соч.: «О правѣ частной собствен-

Не смѣя вѣрить въ возможность *общаго* между государствами трактата на счетъ контрабанды, хотя и признавая таковой наиболѣе желательнымъ, авторъ высказывается, какъ и Институтъ, за международное соглашеніе, касательно ея опредѣленія, причемъ стороны должны были бы, предъ началомъ каждой войны *перечислять въ ограничительномъ смыслѣ* самые предметы контрабанды, сообразно съ положеніемъ въ данное время пиротехники. Отъ этихъ предметовъ авторъ переходитъ къ *санкціи* и замѣчаетъ, что, при перевозкѣ товаровъ, запрещенные подлежатъ конфискаціи. Это общее правило положительнаго права, хотя есть писатели (Галіани, Азуни, Лампреди, Гефтеръ и Негринъ), которые полагаютъ, что было бы справедливѣе эти товары задерживать (секвестрировать) до окончанія войны.

Но спорными представляются вопросы объ участи незапрещенныхъ товаровъ и самого судна, подвозившаго контрабанду. Вопреки мнѣнію Гефтера, Геснера, Блюнчли и др., авторъ вмѣстѣ съ Массе, Готфёлемъ, Видари, Джіоаннисомъ и Дежарденомъ полагаетъ, что «ни въ какомъ случаѣ подвозъ контрабанды самъ по себѣ не узаконяетъ задержанія какъ дозволенныхъ товаровъ, такъ и самого корабля, принадлежитъ ли онъ нейтральнымъ или непріятельскимъ гражданамъ».

Съ признаніемъ свободы частной собственности теорія *блокады*, также какъ и ученіе о контрабандѣ, должна быть расширена на торговлю воюющихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ усиливается необходимость возможно точнаго опредѣленія во всѣхъ подробностяхъ обоихъ ученій. Бёкъ держится относильно основанія блокады мнѣнія, что въ этомъ отношеніи писатели выставили двѣ теоріи: военной необходимости и занятія. Фошилль, какъ увидимъ ниже, исправилъ и расширилъ это

ности». Высказываясь лишь за абсолютную контрабанду, къ которой онъ относитъ: оружія и снаряды, уже приготовленные для войны, онъ говоритъ: «всѣ другія вещи, не смотря на обстоятельства времени и состояніе войны, должны быть признаны свободными и не могутъ подлежать конфискаціи на нейтральныхъ и на непріятельскихъ корабляхъ. Если же допустить относительную контрабанду, то какіе бы признаки или ограниченія ни были для нея придуманы, всетаки невозможность точнаго ея опредѣленія прикроетъ только явный произволъ и нарушеніе права».

Тѣмъ страннѣе послѣ этого найти въ послѣднемъ его сочиненіи (Современное межд. право) мнѣніе, будто «относительно предметовъ случайной контрабанды (которые *непосредственно* цѣлямъ войны *не* служатъ) надо принимать во вниманіе *обстоятельства каждаго даннаго случая*; составляютъ ли они контрабанду—вопросъ *факта*».

воззрѣніе. Самъ Бёкъ примыкаетъ къ первой изъ двухъ названныхъ категорій. Блокада, говоритъ онъ, есть такая военная операція, которая направляется противъ самого непріятельскаго государства и лишь случайно поражаетъ частныя лица (нейтральныхъ и непріятелей). Поэтому она не противорѣчитъ основному принципу, что война есть отношеніе одного государства къ другому.

Опредѣленіе блокады, которое мы находимъ въ Цюрихской декларацiи Института (1877 г.), ему представляется не вполнѣ удачнымъ въ виду того, что оно не совершенно исключаетъ блокады посредствомъ *крейсерованія* (par croisière), способъ, какъ извѣстно, не вполнѣ еще вышедшій изъ употребленія и на практикѣ. Поэтому *дѣйствительность* блокады должна быть опредѣлена самымъ категорическимъ образомъ, по его мысли, въ слѣдующихъ словахъ; «дѣйствительною она бываетъ, если поддерживается постоянными морскими силами, такъ что оцѣпленіе полное и существуетъ очевидная опасность прорвать въ томъ или иномъ направленіи образуемую этими силами блокадную линію».

Заслуживаетъ также вниманія, что, по словамъ Бёка, блокада установляется исключительно морскими силами: всякій иной способъ посредствомъ береговыхъ батарей, торпедъ и т. п. долженъ быть отвергнутъ. Въ этомъ смыслѣ высказался Институтъ, взглянувшій на блокаду какъ на мѣру исключительную, подлежащую, вслѣдствіе этого, точному, ограничительному толкованію. Какъ операція морской войны, добавляетъ авторъ, она и можетъ быть совершаема *однѣми* морскими силами, въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ этого слова.

Блокада, продолжаетъ авторъ, должна быть дѣйствительна не только въ началѣ, но и во все время своего существованія: *всякій* ея *перерывъ*, независимо отъ вызвавшихъ его причинъ (вслѣдствіе ли разсѣянія блокирующей эскадры непріятелемъ, или бури, или недостатка въ продовольствіи и т. п.), долженъ быть признанъ какъ ея *прекращеніе*. Въ этомъ смыслѣ выражается дополнительная французская инструкція 1870 г., но далеко не всѣ даже публицисты [1]) Весьма убѣдительно говоритъ авторъ о необходимости трехъ формъ нотификацій о блокадѣ: мѣстной, общей или дипломатической и спе-

1) Въ *Международномъ Уставѣ о морскихъ призахъ*, принятомъ Институтомъ въ Туринѣ (1882 г.), допускается «удаленіе блокирующей эскадры съ мѣста ея стоянки на краткое время, по *констатированному поводу дурной погоды*», безъ дальнѣйшаго обозначенія продолжительности такого удаленія (Бульмеринкъ предлагалъ не долѣе, чѣмъ на 24 часа).

ціальной. Послѣдствіемъ нарушенія блокады является конфискація корабля, а груза, по его словамъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда собственникъ его будетъ то же лицо, какъ и судохозяинъ, или когда будетъ доказано, что онъ зналъ о направленіи корабля въ блокированный портъ. При этомъ, въ противорѣчіе съ утвердившейся практикой, взятель долженъ былъ бы доказать соучастіе собственника груза въ винѣ судохозяина. Справедливо возстаетъ Бёкъ противъ теоріи абсолютнаго преслѣдованія (droit de suite), утверждающей, будто всякій корабль, вышедшій изъ блокированнаго порта, предполагается виновнымъ въ нарушеніи блокады и можетъ быть захваченъ воюющимъ на всемъ протяженіи своего обратнаго пути, хотя бы онъ вошелъ въ иной портъ, а не въ тотъ, куда онъ назначался.

Бёкъ признаетъ законность блокированія цѣлаго побережья непріятеля и портовъ и гаваней его исключительно торговыхъ. За ограниченіе блокады *одними военными портами* высказались, какъ извѣстно, кромѣ Наполеона I, въ его извѣстномъ Берлинскомъ декретѣ (1806 г.), Луккези-Палли, Кобденъ и Вестлекъ [1]). Послѣдній, отстаивая право захвата частной собственности, имѣетъ въ виду исключительно интересы нейтральныхъ. Съ *юридической* стороны автору кажутся вполнѣ убѣдительными доводы Коши въ пользу законности торговыхъ блокадъ, но политическія соображенія склоняютъ его къ выводу противоположному. Если, говоритъ онъ, принять въ соображеніе, что значеніе этихъ блокадъ въ наши дни значительно ослабѣло вслѣдствіе быстроты и развитія сухопутныхъ сношеній по желѣзнымъ дорогамъ, что поддержаніе ихъ требуетъ отъ воюющихъ большой затраты ихъ морскихъ силъ, не соотвѣтствующей дѣйствительнымъ выгодамъ, могущимъ возникнуть изъ этого способа войны, и что, наконецъ, онѣ въ большинствѣ случаевъ окажутся весьма тягостными для той самой державы, которая пожелаетъ къ нимъ прибѣгнуть, если сообразить все это, мы, хотя и не повторимъ слова Видари, что дни торговыхъ блокадъ уже исчитаны, должны, однако, сознаться, что это оружіе сильныхъ вслѣдствіе стеченія экономическихъ обстоятельствъ въ наши дни оказывается значительно притупленнымъ. Онъ подтверждаетъ свою мысль на характерномъ примѣрѣ: между всѣми великими державами Англія наиболѣе способна пользоваться блокадой, но рѣшительно не въ ея интересахъ было бы блокировать, въ случаѣ войны,

---

[1]) Отмѣна торговыхъ блокадъ была признана въ одномъ трактатѣ Швеціи съ Даніею въ 1667 г. (возобновленномъ въ 1675 г.) и безуспѣшно предложена въ 1859 г. президентомъ С. Штатовъ. Ниже мы приводимъ по Фошиллю другихъ новѣйшихъ приверженцевъ этой отмѣны.

торговыя гавани Франціи, Россіи или С. Штатовъ, т. е. тѣхъ трехъ державъ, которыя однѣ, по словамъ Кобдена, были бы въ состояніи вести противъ нея серьезную морскую войну.

Бёкъ осуждаетъ теорію единства или непрерывности пути (the doctrine of continuous voyage) въ примѣненіи къ контрабандѣ и блокадѣ. Посвящая ей особое приложеніе, онъ останавливается на извѣстной монографіи Твисса и надѣлавшемъ столько шума дѣлѣ Спрингбока. Для насъ особенно важенъ дѣлаемый имъ отсюда выводъ: «состоявшееся по этому поводу невѣроятное рѣшеніе въ значительной степени объясняется глубокимъ и общимъ возбужденіемъ, господствовавшимъ въ то время въ С. Штатахъ противъ Англіи и *увлекшимъ, какъ гражданъ, самихъ судей*. Весьма любопытное обстоятельство: ни въ одной странѣ рѣшенія призовыхъ судовъ не стоятъ въ такой зависимости отъ колебаній патріотизма, какъ въ Англіи и въ Америкѣ, и между тѣмъ, именно англійскіе и американскіе публицисты всего усерднѣе прославляютъ высокое и непоколебимое безпристрастіе своихъ призовыхъ судей».

Отстаивая свободу мирной торговли, авторъ, однако, не хочетъ пожертвовать военными потребностями, которыя должны получить признаніе въ морской войнѣ, не менѣе какъ и въ сухопутной. По его мнѣнію, *непріятельскіе грузы* подъ непріятельскимъ флагомъ могутъ сдѣлаться предметомъ принудительной продажи или подлежатъ такъ называемому *праву первой покупки* (droit de préemption), а *непріятельскіе торговые корабли*—подвергнуться *реквизиціи*.

Въ силу перваго права воюющій завладѣваетъ тѣми предметами на непріятельскихъ судахъ, въ которыхъ *непосредственно* нуждается его собственный флотъ. Сюда относятся: съѣстные припасы, каменный уголь, оружіе, морскіе и военные снаряды, хотя бы они вполнѣ bona fide предназначались въ нейтральный портъ и не подходили подъ понятіе контрабанды. Нужда воюющаго, добавляетъ авторъ, должна быть констатирована какъ непосредственная; желаніе его наполнить свои морскіе арсеналы и магазины не оправдываетъ подобной принудительной покупки. Впрочемъ, она должна быть и строго опредѣлена въ своихъ подробностяхъ: воюющій, совершая ее, обязанъ выдать непріятельскому капитану свидѣтельство о характерѣ и величинѣ отобраннаго имъ товара и о мотивахъ, къ тому его побудившихъ. Цѣна за оные опредѣляется компетентнымъ призовымъ судомъ воюющаго или, еще лучше, судомъ международнымъ. На разсмотрѣніе этого суда поступаютъ и всѣ жалобы заинтересованныхъ лицъ: если воюющій закупилъ у непріятеля товаръ законно, т. е. по необходимости, онъ

присуждается къ уплатѣ лишь простой цѣнности вещей (damnum emergens), но если онъ злоупотребилъ своею властью—его приговариваютъ, сверхъ того, къ возмѣщенію всѣхъ убытковъ (lucrum cessans). Во всякомъ случаѣ уплаты не слѣдуетъ отлагать до окончанія войны, но производить немедленно, ибо только подъ симъ условіемъ право на вознагражденіе получитъ серьезное значеніе.

Въ сухопутныхъ войнахъ воюющій имѣетъ право, въ случаѣ необходимости, уничтожать частную собственность непріятеля или пользоваться ею въ своихъ видахъ при извѣстныхъ условіяхъ. Этимъ объясняется законность *реквизицій* и въ морской войнѣ. И тутъ воюющій можетъ, если того требуютъ военныя операціи: 1) потопить торговыя суда непріятеля для загражденія входа въ рѣку или гавань (такъ поступили нѣмцы въ 1870—71 гг. даже съ нейтральными англійскими судами); 2) принудительно купить или нанять ихъ для превращенія ихъ въ военные или транспортные корабли, для пополненія своей морской милиціи и т. п., и, наконецъ, 3) употребить ихъ лишь на какое либо временное или случайное дѣло и затѣмъ отпустить, подобно тому, какъ въ континентальной войнѣ воюющій завладѣваетъ желѣзнодорожными линіями, хотя бы принадлежащими частнымъ компаніямъ. Такой временной и принудительный наемъ писатели, по отношенію къ судамъ нейтральныхъ, называютъ jus angariae. Бёкъ считаетъ его, въ приложеніи къ нейтральнымъ, незаконнымъ и стѣснительнымъ и примѣнимымъ только къ торговымъ судамъ непріятеля. Тщательно оговариваетъ онъ право потерпѣвшихъ отъ этихъ реквизицій лицъ на вознагражденіе: не только и тутъ оцѣнка убытковъ должна принадлежать суду, но слѣдуетъ юридически опредѣлить и различить ихъ элементы: воюющій уплачиваетъ за провозъ товаровъ или, если дѣло шло о спеціальномъ назначеніи корабля, напр., о доставкѣ депешъ—за весь конецъ; въ случаѣ порчи корабля отъ перевозки предметовъ извѣстнаго рода (каменнаго угля, тяжелыхъ военныхъ снарядовъ), онъ возмѣщаетъ хозяину эти убытки, равно и тѣ, которые могутъ возникнуть, если товаръ, первоначально нагруженный, будетъ сложенъ снова на берегъ и подвергнется чрезъ это порчѣ.

Въ установленіи двухъ послѣднихъ ограниченій свободы непріятельской торговли во время морской войны заключается оригинальность Бёка, сравнительно съ другими защитниками этой свободы. Что сказать про все это ученіе? Оно старается поставить обычаи морской войны въ строгое соотвѣтствіе съ практикой сухопутныхъ войнъ и, воздерживаясь отъ выводовъ слишкомъ абсолютныхъ, можетъ разсчитывать на болѣе строгое проведеніе въ дѣйствительной жизни. Но къ

этому необходимо сдѣлать еще одну весьма важную оговорку: указанныя ограниченія допустимы развѣ по осуществленію реформы самихъ призовыхъ судовъ, въ юридическомъ и международномъ смыслѣ и не иначе, какъ подъ строгимъ контролемъ этихъ судовъ [1]).

Этому вопросу и посвящена послѣдняя часть прекраснаго сочиненія Бека. Воспроизводя въ главныхъ частяхъ идеи Бульмеринка, онъ называетъ его трудъ «великимъ и плодотворнымъ» и замѣчаетъ, что «осуществленіе его проекта было бы, по собственному его отзыву, громаднымъ упрощеніемъ и усовершенствованіемъ существующаго призоваго производства». Реформа эта равно необходима, будетъ ли удержано или отмѣнено такъ называемое право захвата. Но когда принципъ неприкосновенности получитъ признаніе, когда устройство и производство призовыхъ судовъ преобразуются въ указанномъ смыслѣ, морская война, заключаетъ авторъ, такъ долго отстававшая по своимъ варварскимъ обычаямъ отъ сухопутной, въ свою очередь представитъ великое надъ нею преимущество: права частныхъ лицъ будутъ не только уважаться, но и всѣ дѣйствія воюющихъ будутъ подлежать безпристрастному обсужденію и контролю международнаго суда. Но и въ сферѣ права существуютъ гармоніи подобныя экономическимъ; одно улучшеніе влечетъ за собою другое и мы увѣрены, что сухопутная война не отстанетъ тогда въ прогрессѣ отъ морской, и злоупотребленія всякаго рода, столь характеризующія ее доселѣ, станутъ въ будущемъ нравственно невозможными.

25. **Fauchille**. *Du blocus maritime*. 1882.

Настоящее изслѣдованіе Фошиля имѣетъ для права блокады такое же значеніе, какъ сочиненіе Бека по вопросу о неприкосновенности частной собственности на морѣ. Авторъ также изучаетъ свой предметъ весьма обстоятельно и со всѣхъ сторонъ, не только съ точки зрѣнія международнаго права, но и по положительнымъ законодательствамъ главнѣйшихъ морскихъ державъ и останавливаясь на частноправовыхъ отношеніяхъ, связанныхъ съ блокадой. Множество историческихъ примѣровъ, особенно изъ послѣднихъ войнъ, строгая, выдержанная система, ясное изложеніе — возвышаютъ достоинства этой книги, относящейся безспорно къ лучшимъ юридическимъ произведеніямъ французской науки за послѣдніе годы.

Независимо отъ нѣкоторыхъ выводовъ автора, съ которыми можно не согласиться, къ недостаткамъ его, на нашъ взглядъ, относится склонность его къ казуистикѣ, вслѣдствіе которой случаи дробятся

[1]) Совершенно къ противоположному выводу по этому пункту приходитъ *Рено* въ своей критикѣ сочиненія Бёка (*Revue* 1882, p. 342).

имъ на множество разновидностей, иногда утомляющихъ читателя и мѣшающихъ ему слѣдовать за общею нитью изложенія.

Указавъ, во введеніи, на причины, вызвавшія съ конца XVI стол. установленіе ученія о блокадѣ и на современное его значеніе, Фошилль дѣлитъ все свое изслѣдованіе на три большія главы: въ 1-й говорится объ *основаніи* и *законности* блокады; во 2-й объ *условіяхъ ея существованія* и дѣйствительности, а въ 3-й о вызываемыхъ ею *послѣдствіяхъ* и о теоріяхъ *нарушенія* блокады.

Прежде всего нельзя съ нимъ не согласиться, когда онъ говоритъ, что приложенію ученія о блокадѣ, по всѣмъ предположеніямъ, предстоитъ значительное расширеніе въ будущемъ: до сихъ поръ оно касалось *только нейтральныхъ*, но съ признаніемъ свободы непріятельской собственности и подъ непріятельскимъ флагомъ, его придется прилагать *также къ торговымъ отношеніямъ между воюющими*. Согласный съ Готфелемъ, что въ нашемъ столѣтіи оно подверглось, сравнительно съ другими вопросами морскаго права, наибольшему улучшенію, Фошилль видитъ въ введеніи мирныхъ блокадъ «настоящее попятное движеніе». Такое же колебаніе замѣчаетъ онъ и въ значеніи блокады, какъ операціи собственно военной: если, съ одной стороны, благодаря желѣзнымъ путямъ, торговля страдаетъ отъ блокады менѣе въ наши дни, чѣмъ прежде, ибо возможенъ, хотя окольный, но всетаки довольно быстрый подвозъ и вывозъ чрезъ сосѣднія, нейтральныя страны, и если далѣе, съ успѣхами морской техники и съ увеличеніемъ быстроты хода суловъ, установленіе блокады, вполнѣ дѣйствительной, становится все затруднительнѣе, то, съ другой стороны, усовершенствованія морской артиллеріи и введеніе дальнобойныхъ орудій даютъ воюющему возможность поддерживать блокаду съ сравнительно меньшими силами и не отвлекая многочисленный флотъ отъ его инаго, прямаго служенія—цѣлямъ войны.

Позволяемъ себѣ не раздѣлять этого воззрѣнія автора. Съ теченіемъ времени войны все менѣе будутъ рѣшаться флотами, которые превратятся главнымъ образомъ въ транспортныя средства и орудія. Но уже теперь мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Фошиллемъ, что «отнынѣ блокадою можно изолировать какой либо островъ, но не континентальную державу».

Фошилль разбираетъ по очереди различныя теоріи, выставленныя публицистами *для оправданія законности* блокады. Послѣднюю выводятъ изъ военной необходимости (Геснеръ), права завоеванія (Готфёль), занятія (Ортоланъ) и владѣнія (Броше). Эти основанія не удовлетворяютъ автора.

Противъ наиболѣе распространеннаго мнѣнія о военной необходимости, какъ оправданіи блокады, онъ возражаетъ, что это теорія ставитъ на мѣсто права произволъ. Она жертвуетъ ради интересовъ воюющихъ правами нейтральныхъ и даетъ возможность безгранично расширять блокаду. Необходимость по существу не знаетъ ни правилъ, ни границъ. Она въ дѣйствительности всегда будетъ совпадать съ произволомъ воюющихъ. Допускать, что послѣдніе могутъ запрещать нейтральнымъ торговлю съ блокируемымъ ими портомъ на томъ основаніи, что это необходимо для успѣха ихъ военныхъ дѣйствій— значитъ предоставлять имъ право предписывать нейтральнымъ обязательные законы и видѣть вообще въ своихъ интересахъ единственное мѣрило правъ послѣднихъ.

Въ отличіе отъ большинства писателей Фошилль выводитъ блокаду не изъ *права воюющихъ*, а изъ *обязанности нейтральныхъ* воздерживаться вообще отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Лишь это воззрѣніе обезпечиваетъ независимость послѣднихъ, но и узаконяетъ употребленіе противъ нихъ принужденія со стороны воюющихъ въ томъ случаѣ, когда они, нарушивъ свои обязанности, становятся сами его врагами. Давая блокадѣ то же юридическое основаніе, какъ и идеѣ контрабанды, Фошилль дѣлаетъ изъ своей теоріи слѣдующіе важные выводы: 1) запрещеніе торговли распространяется въ равной степени на всѣхъ нейтральныхъ. Состояніе нейтралитета представляетъ нѣчто абсолютное и неизмѣнное. Напротивъ, права воюющихъ вѣчно колеблются и измѣняются сообразно съ интересами сторонъ и съ требованіями войны. Выводя изъ этихъ правъ блокаду, мы признали бы за воюющими право опредѣлять ее, видоизмѣнять и расширять по своему усмотрѣнію; 2) давая вѣрное основаніе идеѣ блокады, эта теорія указываетъ ей и точныя границы: ею воспрещается нейтральнымъ не торговля вообще, но лишь та, которая повредила бы воюющему вести блокаду; 3) нарушеніе послѣдней превращаетъ нейтральнаго въ врага; съ нимъ слѣдуетъ обращаться какъ съ воюющимъ, но права наказанія въ прямомъ смыслѣ по отношенію къ нему не существуетъ; 4) будучи средствомъ войны и обязывая нейтральныхъ *какъ таковыхъ*, блокада и мыслима лишь во время войны. *Мирною* она по природѣ быть не можетъ.

Теорія Фошилля, сравнительно съ ученіемъ необходимости, какъ основанія блокады, заслуживаетъ вниманія по своему болѣе строгому юридическому характеру. Но противъ нея можно замѣтить, что и самое состояніе нейтралитета возникаетъ изъ военной же необходимости, т. е. создается и обусловливается войною.

Авторъ останавливается также на вопросѣ о *законности* вообще блокады въ виду того, что она причиняетъ большой ущербъ нейтральнымъ и какъ бы стоитъ въ противорѣчіи съ принципомъ, что война ведется между государствами, а не противъ частныхъ лицъ.

Въ первомъ отношеніи онъ говоритъ, что, становясь на эту точку зрѣнія, слѣдовало бы логически признать всѣ войны незаконными, ибо нѣтъ такихъ военныхъ дѣйствій, которыя не поражали бы и нейтральныхъ. Они становятся незаконными лишь въ томъ случаѣ, когда направляются *прямо* противъ нихъ; блокада же вредитъ *непосредственно* врагу и только *косвенно* отражается на торговлѣ нейтральныхъ.

Аргументацію же автора въ пользу того, что блокада не противорѣчитъ основному принципу современнаго права войны, едва ли можно назвать вполнѣ удачною. «Граждане, говоритъ онъ, ведущіе торговыя дѣла, развѣ не помогаютъ своему правительству и не увеличиваютъ его средства обороны? Торговля составляетъ богатство народовъ и послѣдніе могутъ тѣмъ болѣе оказывать противодѣйствіе, чѣмъ они богаче и вслѣдствіе этого, чѣмъ болѣе способны увеличивать свое военное могущество. *Поэтому, нападать на торговлю народа значитъ не столько вредить частнымъ лицамъ, ее ведущимъ, сколько государству, которое извлекаетъ изъ нея выгоды*».

Послѣднее заключеніе—очевидный софизмъ. Отъ блокады частныя лица (и притомъ весьма нерѣдко нейтральные граждане) страдаютъ по меньшей мѣрѣ, *одинаково* какъ и государства, а въ большинствѣ случаевъ и *гораздо болѣе*. Логика требуетъ сознанія, что блокада въ сильной степени нарушаетъ права частныхъ лицъ, но признается необходимою, какъ одна изъ *дѣйствительнѣйшихъ* принудительныхъ мѣръ въ морской войнѣ. Фошилль напоминаетъ еще, что блокада, будучи стѣсненіемъ торговли въ настоящемъ, можетъ сдѣлаться для народа, подвергнувшагося ей, источникомъ богатства въ будущемъ, ибо пробуждаетъ его предпріимчивость и заставляетъ его поразмыслить о способахъ поднятія отечественной промышленности и освобожденія его внутренняго рынка отъ наплыва иностранныхъ продуктовъ.

Вторая глава, *объ условіяхъ блокады*, распадается на пять секцій: 1) опредѣленіе ея какъ мѣры исключительно военной; 2) о власти компетентной для ея установленія; 3) о дѣйствительности блокады; 4) о мѣстахъ, могущихъ ей подвергаться, и 5) объ ея нотификаціи.

Въ этомъ планѣ нельзя одобрить отдѣленіе *нотификаціи*, какъ условіе блокады, отъ ея *дѣйствительности*, но это объясняется своеобразнымъ воззрѣніемъ автора на самый актъ объявленія.

Выше мы уже замѣтили, что Фошилль является энергическимъ противникомъ такъ называемой *мирной блокады*.

Къ извѣстнымъ случаямъ ея примѣненія въ нашемъ столѣтіи онъ присоединяетъ нѣсколько новыхъ и говоритъ, что допускаемая международною практикою, судами нѣкоторыхъ государствъ и немногими публицистами, она доселѣ неизвѣстна какъ внутреннимъ законамъ государствъ, такъ и трактатамъ. Институтъ въ своемъ засѣданіи въ Гагѣ (1875 г.) также осудилъ ее большинствомъ голосовъ. Фошилль утверждаетъ, что мирная блокада логически немыслима, представляя какое-то среднее состояніе между войною и миромъ и являясь, по мнѣнію Коши, частичною войною, поражающею не все непріятельское государство, а ту лишь его часть, которая ей подвергается. Часто это средство принужденія думаютъ оправдать цѣлями человѣколюбія, но послѣднія были бы достигнуты болѣе скоро и вѣрно правильною войною. Исключительно по своимъ эгоистическимъ разсчетамъ прибѣгаютъ государства къ мирной блокадѣ. Не желая открыто вести войны, они примѣняютъ эту блокаду особенно по отношенію къ слабѣйшимъ народамъ и, не воспрещая своимъ подданнымъ торговли съ противникомъ, не подвергаютъ собственныя торговыя суда опасности захвата. Считая мирную блокаду, безъ предварительнаго объявленія войны, актомъ пиратства, Фошилль признаетъ ее совершенно необязательною и для нейтральныхъ.

Мы не видимъ препятствія, отвергнувъ самый терминъ *мирной* блокады, считать это средство за особый видъ принужденія вообще или за частичную морскую войну [1]).

Отказывая блокадѣ въ послѣднемъ характерѣ и видя въ ней не болѣе какъ одну изъ операцій войны, Фошилль полагаетъ, что право объявлять ее должно принадлежать не законодательной власти, которая одна компетентна для объявленія войны, но власти исполнительной, передающей иногда это право и другимъ своимъ органамъ, напр., начальствующему эскадрой и т. д.

Въ секціи о *дѣйствительности* блокады авторъ даетъ намъ весьма подробный, съ многочисленными указаніями на трактаты, *историческій очеркъ* права блокады до войны между Чили и Перу (1879—81) включительно. Вмѣстѣ съ Геснеромъ онъ находитъ, что парижская декларація 1856 г. прямо не отмѣнила блокаду посредствомъ крейсерованія (par croisière), о чемъ нельзя не пожалѣть въ виду того,

---

[1]) *Мое* соч. О международномъ судѣ, стр. 40.—Коши предлагаетъ называть эту блокаду «*blocus comminatoire*».

что этотъ способъ фиктивной блокады особенно часто примѣнялся Англіею въ нашемъ столѣтіи, да и вообще не вывелся еще вполнѣ изъ употребленія. Во время международной войны въ Америкѣ, Сѣверные Штаты поддерживали блокаду портовъ Юга крейсерами; но въ сущности это была часто блокада на бумагѣ. Таковы же были блокады, объявленныя Даніею въ 1864 г. въ противность ея собственному регламенту, изданному для этой войны, Турціею въ 1877 г. и Чили въ 1879—80 г. по отношенію къ гаванямъ Перу и Боливіи.

Фошилль даетъ весьма точное и оригинальное опредѣленіе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ *дѣйствительною блокадою*. Въ виду ея цѣли, состоящей въ прекращеніи всякихъ сношеній съ обложеннымъ мѣстомъ, какъ входъ въ него, такъ и выходъ изъ него должны быть сдѣланы физически невозможными. Для этого онъ предлагаетъ расположеніе предъ блокируемымъ портомъ *двоякой* эскадры: *постоянной*, корабли которой стоятъ другъ отъ друга въ небольшемъ разстояніи, какъ на пушечный выстрѣлъ, для того, чтобъ имѣть возможность остановить всякаго, пытающагося прорвать блокадную линію, и *подвижной* изъ трехъ или четырехъ судовъ, которыя, отличаясь быстрымъ ходомъ, должны постоянно крейсеровать на извѣстномъ разстояніи (на 6 морскихъ миль или 11 километровъ) для объявленія о блокадѣ подходящимъ судамъ и ихъ осмотра. Посредствомъ сигналовъ они извѣщаютъ блокирующую эскадру о томъ, имѣютъ ли подходящія суда право войти въ гавань, согласились ли они удалиться и т. п. Эскадра блокирующая можетъ по нимъ только стрѣлять, а преслѣдованіе ихъ, въ случаѣ нарушенія блокады, возлагается на подвижную флотилію.

Блокаду могутъ вести одни военные корабли, но не каперы. Въ противорѣчіе съ рѣшеніемъ Института и съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ Бёка, Фошилль говоритъ, что блокаду можно установлять и посредствомъ береговыхъ батарей и торпедъ, но для дѣйствительности ея нечего требовать (какъ предлагалъ, напр., Казиміръ Перье), чтобъ мѣсто было окружено и съ суши. Фактическаго оцѣпленія со стороны моря вполнѣ достаточно. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ и осуждаетъ всѣ иные способы блокады: посредствомъ кораблей, расположенныхъ достаточно близко, хотя это узаконяется всѣми лучшими трактатами послѣдняго времени, начиная съ акта перваго вооруженнаго нейтралитета (1780 г.); посредствомъ крейсерованія, опредѣленія числа станціонирующей эскадры (отъ 2 до 6 кораблей), блокаду, основанную на естественномъ положеніи мѣстности, наконецъ поддерживаемую камнями.

Относительно *продолжительности* блокады авторъ приходитъ къ

тому же выводу, какъ и Бёкъ, хотя и независимо отъ него: всякій ея *перерывъ*, отъ какой бы причины онъ ни произошелъ: вслѣдствіе ли временнаго, добровольнаго удаленія блокирующей эскадры или разсѣянія ея непріятелемъ, или наконецъ по причинѣ бури, недостатка въ провіантѣ и т. п., всякій ея перерывъ долженъ быть признанъ за ея прекращеніе. «Это соотвѣтствуетъ строгимъ принципамъ права: случайности и неудачи войны должны переноситься тѣмъ изъ воюющихъ, на кого онѣ падаютъ, а вовсе не третьими къ этому неприкосновенными лицами. Кромѣ того, будучи исключеніемъ изъ общаго принципа свободы нейтральной торговли, блокада, во всѣхъ сомнительныхъ пунктахъ, должна быть толкуема въ пользу нейтральныхъ». Весьма удачна его критика на этотъ счетъ англійской теоріи съ ея различеніемъ блокады просто фактической, отъ фактической же, но въ соединеніи съ объявленіемъ, а равно мнѣній тѣхъ новѣйшихъ писателей, которые думаютъ смягчить ее нѣкоторыми ограниченіями (Блюнчли, Бульмеринка, Броше и др.). По Фошиллю, временное удаленіе, даже одного изъ станціонирующихъ судовъ, прерывая блокадную линію, дѣлаетъ блокаду для нейтральныхъ необязательною.

Видя въ ея дѣйствительности *единственное* условіе ея обязательности, онъ считаетъ нотификацію не необходимою для ея прекращенія. Въ этомъ пунктѣ мы касаемся своеобразнаго воззрѣнія автора на *нотификацію*, котораго раздѣлить не можемъ.

Вопросъ о ней разработанъ у Фошилля съ большою обстоятельностію. Не останавливаясь особенно на нотификаціи мѣстной, онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на двухъ остальныхъ формахъ объявленія: дипломатической или общей и спеціальной и на ихъ взаимномъ отношеніи. На этотъ счетъ онъ различаетъ не менѣе пяти теорій: 1) одни признаютъ *обѣ* формы нотификаціи необходимыми для обязательности блокады. Мнѣніе — Геснера, которое представляется ему, вмѣстѣ съ Кальво, «чисто умозрительнымъ и совершенно не вошедшимъ въ практику, которая всегда довольствуется лишь одною нотификаціею». Однако за обѣ формы высказываются въ наши дни еще Бульмеринкъ, и какъ мы видѣли, Бёкъ; 2) Функъ-Брентано и Сорель считаютъ достаточною *одну дипломатическую* нотификацію и не видятъ нужды въ спеціальной. 3) Весьма многіе писатели (Гефтеръ, Витонъ), а съ ними вмѣстѣ и практика Англіи, Даніи, отчасти С. Штатовъ, воздерживаясь отъ односторонних абсолютныхъ принциповъ, полагаютъ, что, смотря по обстоятельствамъ, одна нотификація можетъ *замѣнить* другую. 4) Французская практика, хотя и не съ полною ясностію, склоняется въ пользу *одной* нотификаціи—

специальной. 5) Наконецъ изъ молчанія многихъ трактатовъ, а также и парижской декларацiи, можно вывести косвенно заключеніе, что для обязательности блокады не требуется *никакого* объявленія, а достаточно лишь *дѣйствительнаго ея существованія*. Самъ авторъ примыкаетъ къ французской системѣ. Дипломатическую нотификацію онъ называетъ простымъ актомъ вѣжливости по отношенію къ нейтральнымъ, который какъ таковой не можетъ быть обязателенъ для воюющихъ.

Соглашаясь съ его мнѣніемъ о несостоятельности того положенія Геснера, по которому общей нотификаціи, въ вопросахъ о блокадѣ, придается такое же значеніе, какъ обнародованію законовъ для вступленія ихъ въ силу, мы полагаемъ однако, что *обѣ* формы нотификаціи необходимы и другъ друга не въ состояніи замѣнить, преслѣдуя каждая различныя цѣли: общее объявленіе относится преимущественно къ нейтральнымъ *правительствамъ*, частное дается тѣмъ *судамъ*, которыя намѣрены нарушить блокаду и есть подтвержденіе этого ихъ умысла.

Интересна и обстоятельна глава о *мѣстахъ*, могущихъ подлежать блокадѣ. Фошилль говоритъ, что блокадѣ законно подвергаются всѣ гавани и побережья, принадлежащія какъ самому воюющему (въ случаѣ занятія ихъ противникомъ), такъ и непріятелю, но не нейтральному государству, если они въ рукахъ противника. Противъ блокированія цѣлыхъ побережій можно возражать развѣ лишь съ точки зрѣнія фактической (такую блокаду трудно сдѣлать дѣйствительною), но не юридической. Въ 1880 г. Чили держалъ въ блокадѣ небольшой приморскій городокъ Перу-Хорильосъ, населенный почти одними больными и лицами пріѣхавшими на морскія ванны. Примѣръ этотъ однако, по нашему, нисколько не убѣдителенъ: война между этими южно-американскими республиками велась съ большою жестокостью и почти съ полнымъ пренебреженіемъ къ принципамъ международнаго права [1]). Мы не видимъ препятствія для признанія такъ-называемыхъ лѣчебныхъ станцій на сушѣ и на морѣ нейтрализованными.

Энергичнѣе Бёка авторъ возстаетъ противъ *отмѣны торговыхъ блокадъ*, хотя мысль эта видимо стала болѣе часто занимать умы въ послѣднее время: кромѣ извѣстныхъ намъ уже защитниковъ ея, Фошилль указываетъ еще на принятіе ея, въ формѣ желанія, международною конференціею въ Каирѣ (1869 г.), на отстаиваніе ея Шель-

---

[1]) Напримѣръ, Перу и Боливія издали декретъ о выдачѣ патентовъ на каперство противъ Чили, хотя Перу и подписало Парижскую декларацію.

донъ-Амосомъ на Антверпенскомъ съѣздѣ (1876 г.), Фильдомъ въ его извѣстномъ кодексѣ [1]), а также на предложеніе ея 9 іюля 1870 г. Гарнье-Пажесомъ французскому закодательному корпусу. Ограничить блокаду одними укрѣпленными пунктами значитъ, говоритъ авторъ, отождествить ее съ бомбардированіемъ, сдѣлать ее въ сущности излишнею и во всякомъ случаѣ не понимать ея прямаго назначенія, состоящаго не во взятіи или въ разрушеніи непріятельскаго города, а въ принужденіи врага посредствомъ голода къ заключенію мира. Рѣки общія или международныя должны быть изъяты отъ блокады. Это признано косвенно относительно Рейна и высказано прямо въ трактатахъ касательно американскихъ рѣкъ Параны и Уругвая. Нельзя также не согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что устье рѣки, общей или протекающей въ своихъ верхнихъ частяхъ чрезъ нейтральныя страны, не должно быть блокируемо, какъ сдѣлала это Россія съ устьями Дуная въ послѣднюю турецкую войну. То же слѣдуетъ сказать и о рѣкахъ, одинъ берегъ которыхъ принадлежитъ лишь воюющему. Въ обоихъ случаяхъ допустима блокада не цѣлой рѣки, а только *отдѣльныхъ* (и именно *непріятельскихъ)* ея пунктовъ и побережій.

Гораздо болѣе спорны вопросы, касающіеся законности блокированія такихъ великихъ международныхъ каналовъ какъ Суэзскій и вновь сооружаемый Панамскій. Авторъ анализируетъ различныя высказанныя на этотъ счетъ мнѣнія Твисса, Мартенса, рѣшенія Института касательно Суэца, которыя онъ справедливо называетъ шаткими, и формулируетъ свое мнѣніе такъ, что все должно обусловливаться самимъ географическимъ положеніемъ каждаго канала: если это положеніе таково, что блокированіе канала не прекратитъ для нейтральныхъ абсолютно судоходства, а сдѣлаетъ его болѣе продолжительнымъ и обходнымъ (напр., блокированіе Суэзскаго канала заставило бы лишь огибать Африку), оно должно быть признано дозволеннымъ. Мы полагаемъ, однако, что созданіе такихъ новыхъ искусственныхъ путей для міровой торговли, каковы каналы Суэзскій и Панамскій, требуютъ и признанія въ наукѣ *новаго понятія* международнаго пути и созданія для нихъ въ жизни особой *коллективной охраны* путемъ ихъ нейтрализаціи.

Третья и послѣдняя глава разбираемаго нами сочиненія касается

[1]) Въ ст. 891 и 92: Воюющіе могутъ подвергать блокадѣ одни военные порты и это лишь въ степени необходимой для завладѣнія военною контрабандою. Военнымъ признается портъ, укрѣпленный или занятый войсками въ большемъ числѣ, чѣмъ каковое требуется для внутренняго порядка.

послѣдствій и нарушенія блокады. *Послѣдствія* разсматриваются съ троякой точки зрѣнія: сношеній между воюющими, между воюющими и нейтральными и по отношенію къ обязательствамъ и интересамъ частныхъ лицъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ говорится только, что блокада призвана всячески вредить торговлѣ противника. Третій же отдѣлъ представляетъ намъ оригинальный и очень интересный этюдъ по сравнительному законодательству, но на которомъ намъ нечего останавливаться, ибо онъ относится къ торговому и гражданскому, а не международному праву. Достаточно упомянуть, что Фошилль излагаетъ дѣйствія блокады: а) на договоръ найма экипажа; б) найма корабля; в) на договоры о доставкѣ пассажировъ между ними и капитаномъ, и г) о морскомъ страхованіи между страхователемъ и застрахованнымъ.

Для насъ наиболѣе важенъ вопросъ о вліяніи блокады на отношенія между блокирующимъ и нейтральнымъ. Всѣ согласны на счетъ того, что блокада должна прервать такія сношенія обложеннаго мѣста съ внѣшнимъ міромъ, которыя, будучи ему полезны, могутъ повредить воюющему. Но при примѣненіи на практикѣ этого принципа мнѣнія расходятся между собою и можно подмѣтить три главныхъ направленія: 1) дѣйствія блокады не всегда одни и тѣ же, но обусловливаются цѣлью, съ которою воюющій предпринимаетъ эту мѣру. Таково мнѣніе Жуффруа, осужденное наукою и не принятое практикою ни одной морской державы; 2) блокада ведетъ къ воспрещенію *торговыхъ сношеній* либо всякаго рода вообще, либо только опредѣленнаго характера. Запрещеніе торговыхъ сношеній вообще толкуется, однако, различно: не дозволяется доступъ въ обложенный портъ судамъ, везущимъ грузъ,—будь они торговыя или военныя, — но онъ разрѣшается также безразлично кораблямъ, не имѣющимъ груза (sur lest). Во многихъ трактатахъ даже нашего столѣтія запрещеніе торговыхъ сношеній основывается не на фактѣ наличности груза, а на характерѣ судовъ: воспрещается абсолютно входъ торговымъ кораблямъ и онъ дозволяется военнымъ; 3) большинство, однако, трактатовъ и мнѣніе, къ которому склоняется авторъ, запрещаютъ *не только торговыя, но и всякаго рода сношенія* между обложеннымъ портомъ и внѣшнимъ міромъ. Изъ этого общаго правила, однако, встрѣчаются исключенія. Друэнъ-де-Льюисъ въ 1865 году высказалъ мысль, что почтовые пароходы могли бы совершать свои рейсы, несмотря на блокаду, и это не повредило бы военнымъ операціямъ.

Фошилль возстаетъ энергично противъ подобнаго исключенія: оцѣпляя портъ непріятеля, говоритъ онъ, воюющій хочетъ вполнѣ его

изолировать и чрезъ это скорѣе сломить противодѣйствіе врага. Нейтральные обязаны прекратить съ нимъ не только торговлю, но и всякія сношенія, потому что они, сообщая ему различныя вѣсти о намѣреніяхъ, диспозиціи блокирующаго, могутъ прямо повредить послѣднему. Сколько свѣдѣній могутъ принести въ обложенный портъ команда съ нейтральнаго корабля! Корреспонденція, хотя бы между частными лицами, не менѣе опасна, ибо нельзя допускать нарушенія почтовой тайны. Частные интересы должны уступить мѣсто интересу общему, представляемому державою блокирующею. Общество жаждетъ мира, а этой потребности будетъ удвлетворено тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе строгая блокада склонитъ противника къ миру.

Фошиль допускаетъ лишь одно исключеніе: въ пользу оффиціальной переписки нейтральнаго государства съ представителями дружественныхъ державъ. Намъ кажется, что блокада, какъ военная мѣра, должна быть направляема *исключительно противъ торговыхъ сношеній*. Свѣдѣнія, которыя жители обложеннаго города почерпнутъ изъ частной корреспонденціи и разговоровъ съ матросами, прибывшими на почтовыхъ пароходахъ, они, въ большинствѣ случаевъ, могутъ удобно получить въ наше время путемъ *сухопутныхъ сношеній* (посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рѣкъ), которыя и по Фошиллю никогда не запрещаются при существованіи блокады нейтральнымъ.

Согласно съ своею теоріею Фошилль высказывается и за право воюющаго перерѣзать телеграфныя линіи, соединяющія блокируемое мѣсто съ нейтральнымъ государствомъ, но въ случаѣ сооруженія между Англіею и Франціею подземнаго туннеля, онъ требуетъ уподобленія его континентальному пути и изъятія отъ блокады и разрушенія воюющими. Это вѣрно, но противорѣчитъ его мнѣнію о каналахъ Суэзскомъ и Панамскомъ. Всѣ эти артеріи міроваго движенія, какъ и кабели, связывающіе по дну океановъ различные континенты, должны пользоваться одинаковой международной охраной во время мира и во время войны.

Дѣйствія блокады простираются не только на *входящія* суда, но и на *выходящія* изъ обложеннаго порта. Въ этомъ отношеніи на практикѣ и въ наукѣ было высказано шесть различныхъ мнѣній: 1) Полная свобода выхода во время блокады для всѣхъ иностранныхъ судовъ. Это наиболѣе либеральная система встрѣчается только въ русскомъ положеніи о призахъ и репризахъ 1869 года (ст. 17). Весьма неопредѣленный смыслъ этой статьи, повидимому, предоставляетъ свободу выхода даже кораблямъ, вошедшимъ въ гавань послѣ ея обло-

женія; 2) не менѣе же полный запретъ выхода нейтральнымъ кораблямъ. Президентъ С. Штатовъ въ 1861 г. сдѣлалъ было попытку высказать эту теорію, но скоро нашелъ себя вынужденнымъ отъ нея отказаться.

Между двумя приведенными крайними воззрѣніями стоитъ нѣсколько посредствующихъ и среднихъ.

3) Дается возможность выхода лишь тѣмъ кораблямъ нейтральныхъ, которые проникли въ портъ до установленія блокады, причемъ не обращается вниманія на то, выходятъ ли они съ грузомъ или нѣтъ и когда они нагружались.

4) Эта свобода предоставляется кораблямъ безъ груза или грузившимся до начала блокады. Напротивъ выходъ запрещается судамъ, которыя лишь послѣ этого момента взяли грузъ, хотя бы и купленный до установленія блокады.

5) Впрочемъ иногда послѣднимъ кораблямъ дозволяется покидать блокируемый портъ, но лишь въ предѣлахъ опредѣленнаго срока.

6) Наконецъ весьма многіе внутренніе законы государствъ предоставляютъ всѣмъ нейтральнымъ судамъ, вошедшимъ въ гавань до блокады, одинаковую свободу выхода (будь они нагруженными или нѣтъ) въ теченіе указаннаго срока съ начала блокады. Срокъ этотъ опредѣлялся на практикѣ очень не одинаково: наиболѣе краткій былъ установленъ Турціею въ 1877 г.—пятидневный (потомъ продолженный до семи), Испаніею въ 1865 г.—десятидневный. Наиболѣе продолжительный признала Франція въ 1838 г. при блокадѣ Буэносъ-Айреса—42-дневный. По мнѣнію Бульмеринка, срокъ этотъ долженъ простираться отъ 4 до 6 недѣль. Что же касается до самаго способа его установленія, то либо онъ назначается односторонне блокирующей державой, либо совмѣстно съ нейтральными на основаніи предварительнаго съ нимъ соглашенія. Нечего и говорить, что послѣдній способъ заслуживаетъ предпочтеніе, какъ болѣе справедливый.

Изложивъ всѣ приведенныя нами воззрѣнія подробно и съ указаніемъ законовъ и случаевъ, до нихъ относящихся, Фошилль приходитъ къ выводу, что изъ блокированнаго мѣста не должны вовсе выходить корабли, грузившіеся не только послѣ установленія блокады, но даже и ранѣе этого момента. Одни корабли безъ всякаго груза и то въ самый краткій срокъ могутъ, по его мнѣнію, безпрепятственно покидать мѣсто въ блокадѣ [1]).

---

[1]) Выше мы видѣли, что и суда, везущія дипломатическую переписку нейтральныхъ правительствъ, пользуются свободою движенію.

Нельзя не сказать, что такою строгостью авторъ совершенно напрасно становится исключительно на сторону интересовъ воюющаго. Съ юридической стороны возражаютъ, и совершенно основательно, что нейтральныя суда, вошедшія въ гавань, когда она была еще открыта, должны пользоваться и правомъ выхода изъ нея вмѣстѣ съ грузомъ, взятымъ до объявленія блокады. Послѣдняя, въ качествѣ юридическаго дѣйствія, обратной силы имѣть не можетъ. Воюющій въ правѣ только установить для этого, по соглашенію съ нейтральными, извѣстный срокъ (достаточно однако продолжительный, чтобы не очень пострадали отъ этого законные интересы частныхъ лицъ). Фошилль отвергаетъ это воззрѣніе, потому что оно открываетъ настежъ дверь обманамъ и подлогамъ, которые, по всему вѣроятію, будутъ совершаться тѣмъ чаще, чѣмъ болѣе они будутъ одинаково вызываться интересами какъ нейтральныхъ, такъ и жителей блокированной мѣстности. Самъ же онъ спѣшитъ однако оговориться: правда, «злой умыселъ и недобросовѣстность не предполагаются; но, по выраженію Блюнчли, не могутъ же воюющіе оставлять въ опасности свои права, довѣряя всѣмъ».

Ссылка на Блюнчли тутъ совершенно излишняя. Если воюющіе будутъ довѣрять только себѣ однимъ, то все право войны обратится въ пустое понятіе. Для нихъ вполнѣ достаточно, чтобы ихъ консулы или представители дружественной имъ націи удостовѣряли своею подписью, что нейтральные корабли, желающіе выйти изъ оцѣпленнаго порта, вошли въ него или грузились въ немъ до начала блокады. Фошилль находитъ невыгоднымъ для нейтральныхъ, чтобы представляемыя ими доказательства подлежали исключительной оцѣнкѣ блокирующаго. Онъ видимо забываетъ, что и оцѣнка эта имѣетъ смыслъ не въ предѣлахъ произвола воюющаго, а самихъ юридическихъ нормъ права войны.

Въ заключеніе этого интереснаго отдѣла Фошилль говоритъ о вполнѣ законныхъ нарушеніяхъ блокады по состоянію крайней нужды и о смягченіяхъ ея иногда на практикѣ. Чтобы быть справедливыми, такія смягченія должны касаться равно всѣхъ нейтральныхъ.

При изложеніи ученія о *нарушеніяхъ* блокады авторъ справедливо осуждаетъ англо-американскую теорію и высказывается за воззрѣнія континентальныхъ державъ. Безъ спеціальной нотификаціи онъ не признаетъ нарушенія блокады и не видитъ таковое въ первой попыткѣ прорвать блокадную линію. Собственно для нарушенія необходимъ матеріальный актъ и хотя бы начало исполненія этого умысла, чего нельзя еще усмотрѣть въ намѣреніи корабля идти въ

блокируемый портъ. Изъ всѣхъ государствъ въ наше время только Англія и С. Штаты держатся послѣдняго, давно уже осужденнаго воззрѣнія. С. Штаты, во время междуусобной войны, прилагали и толковали право блокады весьма произвольно для нейтральныхъ. Авторъ излагаетъ и критикуетъ прекрасно ихъ пресловутую теорію непрерывности пути, которая, впервые высказанная Вилліямъ-Скоттомъ, была примѣнена Штатами къ дѣлу Спрингбока и отчасти одобрена позднѣе Англіею. «Эта теорія, говоритъ Фошилль, несовмѣстима съ парижскою декларацією. Она совершенно уничтожаетъ свободу морей и права нейтральныхъ на торговлю. Если ее принять, то достаточно будетъ блокады какого-либо порта, чтобы парализовать торговлю всѣхъ остальныхъ народовъ».

Запрещая при блокадѣ всякаго рода сношенія, Фошилль къ нарушеніямъ ея подводитъ и направленіе чрезъ блокадную линію воздушнаго шара, за исключеніемъ того развѣ случая, когда послѣдній будетъ принесенъ противными вѣтрами.

Упомянувъ объ извиненіяхъ, которыя допустимы при нарушеніи блокады, авторъ осуждаетъ также англійскую теорію безграничнаго преслѣдованія (droit de suite), т. е. право конфисковать корабль, нарушившій блокаду на всемъ его пути. Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ уголовнаго права. Дѣйствіе нарушенія (flagrant délit) считается продолжающимся лишь до тѣхъ поръ, пока нарушитель остается въ виду преслѣдователей. Коль скоро же онъ изчезнетъ изъ виду или войдетъ въ какой-либо нейтральный или дружественный портъ — это дѣйствіе прекращается, и блокирующій теряетъ право его наказывать.

Наказанія за нарушеніе блокады возлагаются не иначе, какъ особыми призовыми судами. Фошилль указываетъ на отношенія къ нарушителямъ блокады сперва ихъ отечественнаго (т. е. нейтральнаго) правительства, а потомъ блокирующаго. Въ большинствѣ случаевъ (исключеніе представляетъ французская декларація 1877 г.) нейтральныя правительства ограничиваются лишеніемъ виновнаго своего покровительства. Но въ послѣднее время стали раздаваться голоса въ пользу того, чтобы и эти правительства съ своей стороны возлагали извѣстныя кары за нарушенія нейтралитета. Особенно Бульмерингъ высказывается за это въ своемъ отчетѣ. Фошилль, находя подобную реформу желательною, потому что она сдѣлала бы нарушенія правъ воюющихъ болѣе рѣдкими, полагаетъ однако, что она была бы въ противорѣчіи съ общими началами уголовнаго права. Можетъ ли государство карать дѣйствіе, которое вовсе и не направлено про-

тивъ него? И для чего поступать ему такъ, когда это дѣйствіе вызываетъ и безъ того довольно тяжкое наказаніе со стороны потерпѣвшаго отъ него правительства?

Намъ кажется, что именно для того, чтобы не предоставлять все оцѣнкѣ и произволу воюющаго, необходимо нейтральнымъ самимъ оберегать свой нейтралитетъ и карать виновныхъ въ его несоблюденіи. Это есть только проявленіе усиливащейся *юридической солидарности* между народами. Она сказывается и въ другихъ областяхъ, напр., въ выдачѣ преступниковъ.

Что касается до самихъ воюющихъ, то положительное право (внутренніе законы и всѣ тракраты XIX стол.) предоставляетъ имъ наказывать нарушеніе блокады (выразись оно во входѣ въ портъ или въ выходѣ изъ него) конфискаціею какъ корабля, такъ и груза. Но въ наукѣ замѣчается три направленія. Одни писатели въ сущности не расходятся съ установившеюся практикою, какъ она выработалась на основаніи положительныхъ нормъ. Они за осужденіе вмѣстѣ съ кораблемъ и его груза, каковъ бы ни былъ его характеръ и кто бы ни былъ его хозяинъ (Готфёль, Мартенсъ, Массе, Моренъ, Бульмеринкъ). Другіе, исходя изъ мысли, что воюющій въ правѣ наказывать лишь тѣхъ, которые дѣйствительно имѣли намѣреніе нарушить блокаду, утверждаютъ, что наказаніемъ за это должна быть лишь конфискація судна, а груза только въ томъ случаѣ, когда онъ принадлежитъ другому лицу, которое не въ состояніи доказать своей неприкосновенности къ дѣлу (Ортоланъ, Кальво, Блюнчли, Геснеръ и многіе итальянскіе публицисты: Пьерантони, Сандонà, Скіатарелла). Этому направленію слѣдуютъ повидимому англійскіе юристы и суды, но въ сущности они промѣниваютъ его на первое воззрѣніе, «предоставляя себѣ какъ бы заднюю дверь, дозволяющую имъ осуждать съ кораблемъ одновременно и грузъ». Совершенно одиноко стоитъ Фіоре (въ 1 изд. своего Межд. Права). Наказаніемъ за нарушеніе блокады, по его мнѣнію, должна быть конфискація только одного груза. Фошилль излагаетъ подробно его теорію и затѣмъ высказываетъ свой взглядъ. Видя въ нарушеніи блокады со стороны нейтральнаго прямой враждебный актъ и содѣйствіе обложенному, онъ требуетъ конфискаціи корабля и груза и, кромѣ того, обращенія команды въ военно-плѣнныхъ. Дальнѣйшую же строгость, которая иногда практиковалась въ прежнее время, онъ осуждаетъ, какъ-то: лишеніе матросовъ принадлежащихъ имъ вещей или даже жизни, а также подверженіе ихъ наказаніямъ. Собственникъ груза, по мнѣнію Фошилля, всегда отвѣчаетъ за дѣйствія капитана и блокирующему не-

чего спрашивать о томъ, поскольку каждое изъ этихъ лицъ было недобросовѣстно. Что же касается до экипажа, то онъ самъ сознается, что его теорія строже практики, которая, обращая въ плѣнъ матросовъ съ непріятельскихъ кораблей, отпускаетъ на волю служащихъ на судахъ нейтральныхъ. Къ этому послѣднему мнѣнію примыкаемъ и мы, находя кромѣ того, что при осужденіи корабля и груза не слѣдуетъ, какъ дѣлаетъ Фошилль, сбрасывать ихъ въ одну массу. Нѣтъ основанія видѣть въ капитанѣ всегда и абсолютно лицо, солидарное съ собственникомъ груза, а значитъ несправедливо самовольство или ошибку перваго взваливать на плечи втораго, да притомъ часто подданнаго нейтральнаго государства, т. е. совершенно неподсуднаго воюющему.

Въ заключеніе Фошилль посвящаетъ нѣсколько строкъ и вопросу о призовыхъ судахъ. Вполнѣ вѣрно отдаетъ онъ предпочтеніе ихъ международному устройству, сравнительно съ національнымъ. Это и раціональнѣе и справедливѣе. Раціональнѣе потому, что призовыя дѣла по существу своему относятся къ международному праву; справедливѣе же на томъ основаніи, что международный судъ, составленный изъ воюющихъ и нейтральныхъ, представитъ несравненно большія гарантіи безпристрастія, чѣмъ судъ національный, который, будь онъ въ рукахъ даже потерпѣвшаго государства, будетъ часто односторонен, а слѣдовательно и несправедливъ [1]).

---

[1]) Обзоръ содержанія сочиненія Фошилля, безъ критическихъ замѣчаній, сдѣлалъ *Ивановскій* въ Юрид. Вѣстн. 1884 г., февраль, стр. 328 - 344.

II.

Право сухопутной войны.

Почти по каждому вопросу военнаго права новѣйшая литература представляетъ болѣе или менѣе интересныя изслѣдованія, хотя они по солидности и уступаютъ трудамъ, посвященнымъ морскому праву.

Въ области военнаго права наиболѣе важнымъ явленіемъ до сихъ поръ остается дѣло Брюссельской конференціи. Хотя выработанная ею декларація такъ и пребываетъ донынѣ проектомъ, но она имѣла безспорно большое вліяніе на науку и даже отчасти на жизнь. При изложеніи права войны новѣйшіе писатели кладутъ въ основаніи высказанныя ею начала (Гооль, Лоримеръ, Мартенсъ). Эти же начала, какъ извѣстно, были примѣняемы, насколько дозволяли обстоятельства, русскимъ правительствомъ во время послѣдней нашей войны съ Турціею въ 1877—78 г. и они же сказываются во многихъ изданныхъ послѣ Брюссельской конференціи положительныхъ законахъ [1]), различныхъ инструкціяхъ и руководствахъ для войскъ по военному праву [2]). Брюссельская декларація послужила и главнымъ образомъ для «Законовъ сухопутной войны», изданныхъ въ 1880 г. Институтомъ международнаго права [3]).

Въ послѣдніе годы вышло три общихъ сочиненія по праву войны: одно, историческое, *Ниса*, и два теоретическихъ— *Броше*, и *Геля*. 26. Nys. *Le droit de la guerre et les précurseurs de Grotius*. 1882.

Заглавіе этого труда не вполнѣ соотвѣтствуетъ его содержанію. Главнымъ образомъ въ немъ излагается *право войны въ средніе*

---

1) Напр. германское военно-уголовное Уложеніе 1872 г.; нѣмецкій законъ о ландштурмѣ 1875 г. и т. д.

2) Изданныхъ Франціею и Россіею.

3) Мы напечатали въ *Юрид. Вѣстн.* (1885 г., августъ) переводъ этихъ законовъ съ комментаріями и сопоставивъ ихъ съ текстомъ Брюссельской декларацiи.

вѣка и притомъ преимущественно по сочиненіямъ *средневѣковыхъ юристовъ*, мысли которыхъ приводятся въ болѣе или менѣе длинныхъ выпискахъ. Предметъ настоящаго сочиненія вообще мало извѣстенъ и обработанъ молодымъ авторомъ съ любовію и знаніемъ.

Онъ самъ, въ слѣдующихъ словахъ, опредѣляетъ свою задачу: «хотя Гроцій долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ основателемъ науки международнаго права, но какъ въ этой области, такъ и въ другой, которой касается его сочиненіе, въ сферѣ права естественнаго, онъ имѣлъ предшественниковъ. Намъ кажется, что знакомство съ ними не лишено интереса и пользы. Наша наука, будучи младшею въ семьѣ ей сродственныхъ, достигла за послѣднее время такого значенія, что никто не думаетъ ее оспаривать. Тѣмъ полезнѣе бросить взглядъ на ея скромное зарожденіе и воздать должное тѣмъ, которые первыми для нея потрудились. Право завладѣваетъ все болѣе и болѣе отношеніями между государствами. Совершенно иное зрѣлище представляетъ намъ прошлое. Въ этой области особенно благотворно сравненіе минувшаго съ настоящимъ. Обозрѣвая путь, пройденный нашей наукой, мы развѣ не черпаемъ новыхъ силъ и вѣры для будущаго? Среднимъ вѣкамъ были извѣстны нѣкоторыя учрежденія, свойственныя международному порядку, но они не выходили изъ состоянія первоначальной, такъ сказать, формаціи: только одно право войны начинаетъ слагаться и около него, какъ около ядра, вырабатывается и право международное». Но оно не составляло еще отдѣльной науки у средневѣковыхъ юристовъ. Занятые изученіемъ римскаго права, они создали право каноническое, обработали обычное и нерѣдко трудились надъ вопросами государственнаго права. Что же касается до международнаго, то, не отдѣленное еще отъ естественнаго, оно большею частію вмѣстѣ съ нимъ входило въ составъ ученій правъ римскаго и каноническаго. При этомъ Нисъ напоминаетъ, что Исидоръ Севильскій, писавшій въ началѣ VII в., далъ довольно вѣрное описательное опредѣленіе нашего предмета, а также Jus militare, перешедшее позднѣе въ декреталій Граціана и сдѣлавшееся впродолженіе среднихъ вѣковъ предметомъ безчисленныхъ комментаріевъ. [1]) Но еще примѣчательнѣе взглядъ на существо и внутреннее основаніе международнаго права Суареца. Хотя родъ человѣческій, говоритъ онъ [2]), раздѣляется на различные народы и государства,

---

[1]) Jus gentium est, читаемъ мы у Исидора, sedium occupatio, aedificatio, munitio, bella, captivitates, servitutes, postliminia, foedera, paces, induciae, legatorum non violandorum religio, connubia inter alienigenas prohibita.

[2]) Tractatus de legibus ac Deo legislatore.

но въ то же время онъ составляетъ одно цѣлое въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Свидѣтельствомъ этому служитъ то чувство любви и состраданія, которое притягиваетъ взаимно народы, даже чуждые другъ другу. Государства, будучи союзами до нѣкоторой степени совершенными, суть однако части болѣе обширнаго цѣлаго, называемаго человѣчествомъ. Всѣ они нуждаются во взаимномъ содѣйствіи и общеніи, либо въ видахъ большей пользы, либо въ силу нравственной необходимости. Это и ведетъ къ установленію между ними нѣкоего права, которое управляетъ ихъ сношеніями въ этомъ обширномъ союзѣ. Для введенія его недостаточно одного естественнаго разума, но многія нормы вошли въ жизнь въ силу обычаевъ.

Бросивъ общій взглядъ на отношенія между имперіею и папствомъ, авторъ переходитъ, во второй главѣ, къ *праву войны*, причемъ говоритъ сперва о воззрѣніяхъ на войну первыхъ учителей христіанства и о различныхъ способахъ мирныхъ и насильственныхъ, рѣшенія, помимо войны, споровъ между народами: о добрыхъ услугахъ, посредничествѣ, третейскомъ судѣ и о репрессаліяхъ. Въ отдѣлахъ, спеціально посвященныхъ войнѣ, рѣчь идетъ о частныхъ войнахъ, причинахъ войны, ея объявленіи и, наконецъ, объ ея веденіи и окончаніи.

Третья и послѣдняя глава говоритъ о *17 предшественникахъ Гроція*, начиная съ Линьяно въ (14 стол.) и кончая Суарецомъ (въ 17). Большею частью это краткія указанія на важнѣйшіе годы въ ихъ жизни и перечень ихъ трудовъ. Подробнѣе авторъ касается Боннора, Белли, Айалы, Джентили и Суареца. Вообще же свѣдѣнія наши объ этихъ писателяхъ самыя скудныя: чаще всего богословы и философы, иногда романисты—они и международные вопросы разсматриваютъ не съ юридической точки зрѣнія, но высказываютъ тѣмъ не менѣе иной разъ весьма интересныя и вѣрныя мысли.

Нельзя не согласиться съ Нисомъ, когда онъ ставитъ на видъ, что первые отцы Церкви—Климентъ Александрійскій, Тертулліанъ, Оригенъ, Лактанцій, Василій Великій и др. были сильными противниками войны. Первые христіане даже отказывались отъ военной службы. Василій Великій, приравнивая отнятіе жизни у врага на войнѣ къ убійству вообще, лишалъ виновныхъ впродолженіе трехъ лѣтъ свят. Причастія. Но возведеніе христіанства Константиномъ на степень государственной религіи и борьба съ воинственными варварами измѣнили воззрѣнія церкви на войну. Въ ней увидѣли, хотя крайнюю, но справедливую форму самозащиты для народовъ. Особенно блаж. Августинъ содѣйствовалъ проведенію этой мысли въ сознаніе хрис-

тіанъ. Онъ выставилъ положеніе, что «pacem debet habere voluntas, bellum necessitas» [1]), перешедшее въ декреталій Граціана и въ послѣдствіи буквально повторяющееся у большинства средневѣковыхъ писателей.

Приведя многіе примѣры третейскихъ рѣшеній въ средніе вѣка, Нисъ останавливается подробно на репрессаліяхъ и разбираетъ посвященный имъ трактатъ Бартола «Tractatus repraesaliarum». Въ главѣ о «причинахъ войны» авторъ прежде всего задается вопросомъ, какъ смотрѣли на ея законность средневѣковые канонисты и легисты? И тутъ онъ замѣчаетъ двойное теченіе. Большинство, слѣдуя Августину, довольствуется различіемъ между законными и несправедливыми войнами. Еще Исидоръ Севильскій установилъ, по Цицерону, это различіе, перешедшее съ легкими измѣненіями въ сборникъ Граціана. Немногіе однако продолжали держаться воззрѣнія, что война сама по себѣ несправедлива и преступна. Такова мысль епископа Остіи, Генриха Суцскаго въ его Summa aurea. Линьяно, напротивъ, выводитъ неизбѣжность войны изъ всего строя вселенной и по преимуществу изъ воздѣйствія на человѣка небесныхъ свѣтилъ. Міръ, по его мнѣнію, не можетъ обойтись безъ войны. Но самое примѣчательное, близко подходящее къ современному, опредѣленіе справедливости войны (съ точки зрѣнія права) даетъ Суарецъ, требуя, чтобъ она была объявлена законнымъ правительствомъ, имѣла справедливое основаніе и велась бы сообразно съ правомъ и внутреннею правдою (aequitas) [2]).

Нисъ разсматриваетъ подробно вопросъ о причинахъ войны по ученію средневѣковыхъ юристовъ. Айала считалъ изъ всѣхъ войнъ самою справедливою противъ возставшихъ подданныхъ, причемъ онъ, какъ испанецъ, имѣлъ въ виду отдѣлившіеся отъ его отечества Нидерланды.

Война противъ невѣрныхъ считалась вообще дозволенною, но Джентили высказался противъ таковой, хотя онъ и не оспаривалъ существованіе вѣчной вражды между христіанами и Турками. По его мнѣнію, съ невѣрными можно вести торговлю, но не слѣдуетъ заключать съ ними союзовъ, особенно въ видахъ нападенія на христіанъ.

Предъ началомъ война, по общему возрѣнію, должна быть объя-

---

[1]) Онъ добавляетъ: Non enim pax quaeritur ut bellum excitetur, sed bellum geritur ut pax acquiratur.

[2]) Ut bellum honeste fiat, говоритъ онъ, nonnullae conditiones sunt observandae quae ad tria capita revocantur: primum ut sit a legitima potestate; secundum ut justa causa et titulus; tertium ut servetur debitus modus et aequalitas in illius initio, prosecutione et victoria.

влена. Джентили желаетъ даже, чтобы между объявленіемъ и началомъ ея противнику давалось еще 33 дня, какъ послѣдній срокъ для примиренія. На практикѣ объявленіе вошло въ общій обычай съ XII вѣка и дѣлалось либо посредствомъ особыхъ посланныхъ, либо письменно. Въ эпоху рыцарства часто съ этою цѣлью отправлялись герольды. Нерѣдко противники опредѣляли напередъ даже день и мѣсто своей встрѣчи. Съ теченіемъ времени эти способы уступили мѣсто изданію манифестовъ, въ которыхъ сообщалось подданнымъ о началѣ войны, а формальное объявленіе вышло изъ употребленія, въ чемъ едва ли, замѣчаетъ авторъ, можно видѣть прогрессъ.

Въ цѣломъ войны велись въ средніе вѣка съ самою безпощадною жестокостью. Онѣ, говоритъ Нисъ, превосходили въ этомъ отношеніи войны во времена римской имперіи. Противники стремились нанести другъ другу всевозможный вредъ, ибо совершенное истребленіе врага,—такова была цѣль военныхъ дѣйствій. Отсюда употребленіе отравленнаго оружія, вѣроломство, истязанія плѣнныхъ, преданіе огню и мечу городовъ и селъ. Правда, христіанство и рыцарство старались нѣсколько обуздать эти военныя страсти, но христіанство само часто забывало, что миссія его была главнымъ образомъ миссія мира. Духъ Евангелія уступилъ мѣсто обоюдной ненависти сектъ. Это произошло особенно вслѣдствіе воздѣйствія на церковь магометанства. Впродолженіе многовѣковой борьбы между религіями Христа и Магомета невѣданный дотолѣ фанатизмъ овладѣлъ западнымъ обществомъ. Рыцарство съ своей стороны ввело въ военную практику многіе смягчающіе обычаи, но они были обязательны только между рыцарями и не простиралась на виллановъ.

Что касается до писателей, то они въ большинствѣ высказываютъ болѣе человѣколюбивыя и справедливыя воззрѣнія, и достойно вниманія, что ни одинъ изъ предшественниковъ Гроція не написалъ, по поводу войны, столь жестокихъ страницъ, какъ Бинкерсгукъ.

По общему правилу въ средніе вѣка, война порываетъ всякія связи между противниками: всѣ подданные врага считаются непріятелями и могутъ быть взяты въ плѣнъ. Имущества ихъ подлежатъ захвату. Различіе между частною и государственною собственностію неизвѣстно. Объ опредѣленіи торговли не могло быть и рѣчи.

Къ счастію, на практикѣ встрѣчались многочисленныя уклоненія, изъ которыхъ постепенно выработалось *право* войны и которыя по этому любопытно отмѣтить.

Англійская великая Хартія 1215 г. предписываетъ, чтобы, при началѣ войны, съ иностранными купцами въ Англіи обходились такимъ

же образомъ, какъ относилось къ англійскимъ подданнымъ враждебное государство. Въ одномъ статутѣ Эдуарда III иностранцамъ, жившимъ въ Англіи, давался, послѣ начала войны, 40 дневный срокъ для выѣзда изъ королевства съ ихъ имуществами, а въ случаѣ недостаточности онаго, имъ предоставлялось еще 40 дней на распродажу ихъ вещей. Но особенно Ганза выговаривала различныя привиллегіи въ пользу своихъ купцовъ: послѣдніе получали отъ 40 дней до года льготнаго срока, а иногда они, несмотря даже на войну, могли продолжать свои торговыя дѣла. Постепенно выработалось правило, при началѣ войны давать иностранцамъ, для устройства ихъ дѣлъ, извѣстный срокъ, который колебался отъ 3 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Даже женщины и дѣти, по словамъ Белли и Джентили, не изъяты отъ жестокостей войны. Боннoръ впервые робко возвысилъ свой голосъ въ пользу неприкосновенности мирныхъ жителей и ихъ имущества. «Лица, воздѣлывающія поля и виноградники, говоритъ онъ, послѣ Бога болѣе всего кормятъ своимъ трудомъ все остальное населеніе, а между тѣмъ о нихъ никто не заботится. Въ чемъ они повинны въ ссорахъ своихъ господъ? И зачѣмъ же на невинныхъ возлагать вину другихъ?».

Введеніе постояннаго войска въ XV стол. способствовало цивилизованью войны. Въ ордонансѣ 1439 г. Генеральныхъ Штатовъ военнымъ людямъ воспрещается грабежъ, поджигательство, порубка виноградниковъ и деревъ, отнятіе у мирныхъ жителей скота или обложеніе ихъ контрибуціями. Подобныя же правила были высказаны еще ранѣе, въ 1399 г. швейцарскими кантонами. По словамъ Коммина, особою строгою дисциплиною отличались англійскія войска.

Нисъ приводитъ примѣры легкаго отношенія папъ къ клятвамъ и честному слову. Хотя въ сборникъ Граціана вошло правило Августина, что «fides etiam hosti servanda est», но въ немъ же дозволено нарушеніе клятвы, вредной для церкви. Juramentum contra utilitatem ecclestiacam praestitum non tenet. Большинство писателей осуждаетъ такое воззрѣніе.

На войнѣ прибѣгали иногда къ употребленію яда. Про испанцевъ разсказываютъ, что они имѣли обыкновеніе отравлять свои стрѣлы. Также отравляли колодцы, и Джентили высказывается противъ Бальда, утверждавшаго, будто дозволено убивать врага ядомъ и чрезъ отравленіе водъ.

Городъ, взятый приступомъ, подвергался разоренію, причемъ солдатамъ предоставлялось грабить его въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Но можно было отъ этого выкупиться.

Всѣ жестокости этой военной практики Нисъ объясняетъ самимъ воззрѣніемъ той эпохи на войну: въ ней видѣли либо смертный приговоръ, произносимый государемъ противъ подданныхъ другаго, либо настоящій судъ, вслѣдствіе котораго побѣжденный признавался виновнымъ, и побѣдителю присвоивалось надъ нимъ право жизни и смерти.

Горькой участи подвергались военноплѣнные. Хотя христіанъ не дозволялось обращать въ рабство, но, въ противоположность современной практикѣ, они состояли во власти не государства, а лицъ, лишившихъ ихъ свободы. Послѣднія могли всегда отказать имъ въ освобожденіи. Плѣнныхъ нерѣдко избивали или же обрекали на тяжкую неволю и работы. Наиболѣе распространенный способъ ихъ освобожденія былъ выкупъ, по правилу опредѣлявшійся ежегоднымъ доходомъ плѣннаго, но на практикѣ вызывавшій безчисленныя злоупотребленія. Въ XVII стол. возникаетъ, благодаря Нидерландамъ, обычай ихъ размѣнивать. Встрѣчаются и примѣры отпущенія ихъ на волю по честному слову. Но Белли и Джентили полагаютъ, что такое слово не обязываетъ давшаго его, ибо вѣрность своему государю стоитъ выше всякаго обязательства. Впрочемъ, рыцари вообще оставались вѣрными своему слову.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ XVI стол. Альціатъ первый высказался противъ права добычи во имя того, что всѣ войны между христіанами суть какъ бы войны междуусобныя.

Понятіе о нейтралитетѣ, такъ много способствующее ограниченію области войны, было чуждо среднимъ вѣкамъ. Бывали примѣры, что извѣстная страна, не принимая сама участія въ войнѣ, дозволяла своимъ подданнымъ, въ качествѣ наемниковъ, поступать въ ряды войска обоихъ противниковъ и, несмотря на это, она считалась даже въ союзѣ и дружбѣ съ ними обоими.

27. **Brocher de la Fléchère.** *Les révolutions du droit. Tome II. L'enfantement du droit par la guerre.* 1882.

Преподавая въ Женевскомъ университетѣ философію права и римское право, Броше предполагаетъ въ этомъ сочиненіи, разсчитанномъ на нѣсколько томовъ, изложить въ общихъ чертахъ философію права. Онъ называетъ свои изслѣдованія «историческими» и цѣлью ихъ ставитъ «содѣйствіе къ уразумѣнію общественныхъ учрежденій», — что особенно настоятельно требуется въ его отечествѣ, ибо лишь это уразумѣніе «способно перевести въ дѣйствительность понятіе о народномъ верховенствѣ».

Въ первомъ томѣ, вышедшемъ въ 1878 г. и озаглавленномъ «Фило-

софское введеніе», авторъ касается: обычнаго права и философіи права; исторіи развитія сознанія въ человѣчествѣ; психологіи; логики и метафизики; нравственности и философіи права.

Во второмъ томѣ Броше приступаетъ прямо къ своей задачѣ и старается прослѣдить проявленіе и постепенное установленіе права посредствомъ войны во всѣхъ сферахъ его дѣйствія [1]). Въ немъ шесть книгъ, содержаніе которыхъ слѣдующее: война и общество; война, коммунизмъ и торговля; право войны; отношенія войны къ правамъ: уголовному, гражданскому и административному [2]).

Само собою разумѣется, что полное обсужденіе этого сочиненія станетъ возможнымъ лишь по его окончаніи, но вышедшіе пока два тома позволяютъ намъ уже теперь составить себѣ понятіе о методѣ и цѣли автора. Одинъ изъ критиковъ втораго тома, Сен-Обанъ, вѣрно опредѣляетъ этотъ методъ: «для Броше наука естественнаго права состоитъ не столько въ изысканіяхъ *долженствующаго быть*, сколько въ изъясненіяхъ *существующаго*. Онъ беретъ вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, наблюдаетъ окружающіе насъ законы и, вмѣсто того, чтобы разразиться противъ нихъ упреками и анаѳемой, старается найти, путемъ опытной философіи, ихъ мотивъ и пользу. Такимъ образомъ, напр., война, представляющая для многихъ людей лишь благодарную тему для напыщенныхъ и звучныхъ фразъ, напротивъ является ему великимъ закономъ Провидѣнія, управлявшимъ возникновеніемъ всѣхъ человѣческихъ законовъ и содѣйствующимъ охраненію человѣческаго общежитія послѣ того, какъ онъ вызвалъ его къ жизни» [3]).

Хотя Броше называетъ свои этюды историческими, но сочиненіе его отличается чисто философскимъ методомъ. Обобщенія носятъ крайне отвлеченный характеръ; почти полное отсутствіе историческаго матеріала и никакихъ ссылокъ на литературу. Иногда не легко слѣдить за нитью его изложенія. Въ книгѣ его безспорно много глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній, особенно относительно природы общества, устройства въ немъ властей и т. п.; но различныя положенія его и выводы то слишкомъ парадоксальны, то даже недостаточно между собою согласованы.

Война составляетъ первенствующее, все опредѣляющее въ содер-

---

1) Съ небольшими измѣненіями отдѣльныя главы этого тома были напечатаны въ разныхъ годахъ *Revue*; 1872, 73, 78, 80 и 82 г.

2) Третій томъ, по плану автора, предметомъ своимъ будетъ имѣть: La genèse du Droit positif.

3) Bulletin de la Société de législation comparée. 1884, Février.

жаніи втораго тома. Между тѣмъ мысли о ней автора довольно смутны, и трудно сказать, къ какому конечному выводу онъ приходитъ.

По нѣкоторымъ мѣстамъ его книги можно подумать, что постепенное укрѣпленіе и расширеніе мира составляетъ для него цѣль человѣческаго общежитія. «Война, говоритъ онъ, есть крайняя необходимость, послѣдствіе нашего безсилія и въ особенности нашего невѣжества, послѣдствіе, которое исчезнетъ, когда прекратится вызвавшая его причина. По удаленіи препятствій, миръ утвердится самъ собою въ силу естественнаго нашего къ нему тяготѣнія. Но надо научиться жить въ мирѣ, подобно тому, какъ слѣдуетъ учиться искусству быть счастливымъ».

«Право, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, есть норма (la règle) отношеній между людьми. Цѣлью его является предупреждать между ними столкновенія. Оно возникаетъ изъ войны, но ему слѣдуетъ все рѣшительнѣе отъ нея отдѣляться, а ни оставаться съ нею слитымъ, ни возвращаться къ ней» [1]).

Болѣе внимательное однако изученіе книги Броше показываетъ намъ, что онъ склоняется скорѣе къ мнѣнію о неустранимости и благотворности войны для человѣческаго рода на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Но этотъ софизмъ построенъ у него на ложныхъ предположеніяхъ и главнымъ образомъ на смѣшеніи *войны* съ *борьбою*, *соревнованіемъ* вообще. Видя въ силѣ первую опредѣлительницу человѣческихъ отношеній, Броше продолжаетъ: «война останется навсегда въ основѣ этихъ отношеній. Съ теченіемъ времени мы научаемся лишь искусству лучше ее вести, съ меньшими затратами и большею пользою, но нечего мечтать о ея совершенномъ уничтоженіи, ибо она есть необходимое очищеніе (!) и должна имѣть свое мѣсто». Чтобы понять этотъ выводъ, должно вспомнить слѣдующія слова автора: «главную причину войны составляетъ, быть можетъ, прирожденная (?) недобросовѣстность людей и необходимость оградить себя отъ нея. Добросовѣстность—удѣлъ немногихъ, избранныхъ натуръ. Война и исключительность (exclusisme) будутъ, вѣроятно, господствовать всегда въ той или иной формѣ. Есть люди, съ которыми прочный миръ невозможенъ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что превратное понятіе Броше о человѣческой природѣ обусловливаетъ и его воззрѣніе на войну. Отсюда и возведеніе ея въ неизмѣнный законъ, создавшій государства и предохраняющій ихъ отъ разложенія. Но это не мѣшаетъ ему напом-

---

[1]) Послѣдняя мысль находится въ *Revue*, 1878, p. 475.

нить, что правители нерѣдко, ради преданія себѣ большей важности, вызываютъ внѣшнюю войну и питаютъ несогласія въ населеніи съ цѣлью сдѣлать народъ податливымъ, довѣрчивымъ и страстнымъ, а чрезъ это тѣмъ вѣрнѣе поработить его.—Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что мысли его о характерѣ и условіяхъ политической свободы прекрасны: «всѣ правительства склонны къ злоупотребленіямъ своею властью и извращаются, если они постоянно не сдерживаются противодѣйствіемъ управляемыхъ. Опасность эта тѣмъ больше, чѣмъ она менѣе выступаетъ наружу. Мысль, что правительство представляетъ народъ, останется на всегда, во многихъ отношеніяхъ, фикціею весьма опасною по выводамъ, которые изъ нея можно сдѣлать. Народы должны бороться, если желаютъ быть хорошо управляемыми» [1]).

Непосредственно къ намъ относится третья книга: «о правѣ войны», распадающаяся на три главы: о лицахъ, о правахъ воюющихъ и о правахъ нейтральныхъ. Въ цѣломъ это—философскій очеркъ права войны въ духѣ германскихъ юристовъ (напр., Моля) Право, начинаетъ авторъ, не довольствуется смягченіемъ войны; оно стремится къ ея уничтоженію, а для этого начинаетъ съ того, что вступаетъ съ нею въ сдѣлки. Оно старается повсюду замѣнить самосудъ общественною юстиціею. Но такъ какъ это не вездѣ возможно и въ виду того, что самосудъ всетаки лучше отсутствія всякой юстиціи, она терпитъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и первый. Есть двоякаго рода нарушенія права: не необходимыя и поэтому караемыя, и неизбѣжныя, которыя вслѣдствіе сего не подлежатъ наказанію. Первыя мы назовемъ преступленіями, вторыя — дѣйствіями самообороны. Можно сказать, что все право войны заключается въ различеніи этихъ двухъ категорій, въ опредѣленіи, когда дѣйствія самообороны заслуживаютъ или нѣтъ снисхожденія. Война — пробѣлъ права, но война правильная—пробѣлъ признанный и допускаемый правомъ. Въ этомъ признаніи и допущеніи—сущность права войны, которое есть въ то же время предѣлъ, полагаемый праву войной, и предѣлъ, установляемый войнѣ правомъ. Все содержаніе его сводится къ двумъ основнымъ вопросамъ: о лицахъ, ради которыхъ должны быть признаны извѣст-

---

[1]) Рекомендуемъ особенному вниманію послѣднюю книгу настоящаго тома; въ ней говорится объ узурпаціи, закономѣрности, доктринаризмѣ и парламентаризмѣ, о началахъ имперіализма, и дѣлается разборъ недостатковъ современнаго строя государствъ съ точки зрѣнія правовой теоріи, понимаемой авторомъ какъ настоящее воплощеніе закона. (La légitimité—c'est le règne de la loi, или: c'est la forme de constitution dans laquelle aucun pouvoir n'est absolu, pas même celui du peuple, le plus dangereux de tous).

ныя смягченія и о дѣйствіяхъ этихъ лицъ, подлежащихъ также ограниченіямъ права.

Вполнѣ вѣрно Броше опредѣляетъ правильную войну. Она по существу не абсолютна, а относительна, т. е ограниченна по пространству и времени. Цѣль ея—не истребленіе одного изъ противниковъ, а возстановленіе мира по достиженіи поставленной ей задачи. Поэтому рядомъ съ нею совмѣстно существованіе права. Сказавъ нѣсколько словъ о развитіи военнаго права путемъ договоровъ и обычаевъ, онъ переходитъ къ недозволеннымъ дѣйствіямъ. И тутъ онъ прежде всего требуетъ, чтобы война объявлялась. «Величайшее бѣдствіе, вызываемое ею, это—уничтоженіе довѣрія. Утраты людей и капиталовъ, при хорошихъ обстоятельствахъ, исправляются скоро, но производство исчезаетъ вмѣстѣ съ довѣріемъ. Необходимо устранить всякое опасеніе внезапнаго нападенія. Это тѣмъ необходимѣе, что состояніе мира, хотя бы даже возведеннаго въ общее правило, есть всегда произведеніе искусственное и поверхностное, скрывающее въ своихъ нѣдрахъ элементы, находящіеся въ глухой, но постоянной борьбѣ [1]). Существуетъ всегда опасность изъ этого стоившаго столько усилій построенія впасть снова въ состояніе природы, т. е. вражды и недовѣрія. Между лицами, другъ друга не знающими, всякое приближеніе враждебно».

Но собственно торжественнаго объявленія Броше не требуетъ, а находитъ достаточными дипломатическіе переговоры и изданіе ультиматума.

Онъ справедливо осуждаетъ употребленіе мундировъ и знамени непріятеля. Морское право даже регулировало употребленіе этой хитрости и предписываетъ, когда именно предъ противникомъ она должна прекратиться. Практика сухопутной войны, въ этомъ отношеніи, болѣе разборчива и дозволяетъ воюющему одѣвать свои войска оставшимися отъ непріятеля мундирами, лишь въ случаѣ крайней нужды. Упоминая о запрещеніи яда, Броше высказываетъ странную мысль, будто право войны дозволяетъ портить воду для питья у непріятеля (напр., засорять колодцы и т. п.). Распространеніе невѣрныхъ слуховъ и даже поддѣльныхъ журналовъ и газетъ также дозволено, пока не сопряжено съ вѣроломствомъ.

Говоря о положеніи лицъ во время войны, авторъ оттѣняетъ постепенное облегченіе ихъ участи: отъ поголовнаго избіенія, обраще-

---

[1]) А на той же страницѣ читаемъ: «надо, чтобы война стремилась къ самоуничтоженію, къ замѣнѣ себя миромъ и къ превращенію враговъ въ друзей».

нія въ рабство женщинъ и дѣтей до отличенія мирнаго населенія отъ непосредственно воюющихъ и въ средѣ послѣднихъ, комбатантовъ отъ некомбатантовъ. Прогрессъ этотъ привелъ къ основному принципу современнаго права войны, что война ведется между государствами, а не частными лицами, какъ таковыми. Отсюда: лица, принимающія въ ней участіе, дѣйствуютъ какъ орудія и по приказанію. Нечего дѣлать различія между регулярнымъ войскомъ и добровольными ополченцами. Главное, чтобы и послѣдніе дѣйствовали по приказанію, а мундиръ или форма ихъ—это только внѣшнее подтвержденіе такого приказа.

Намъ кажется это уже слишкомъ легкимъ отношеніемъ къ формальностямъ, которыя на войнѣ имѣютъ конечно большее значеніе, чѣмъ въ мирное время.

Выставивъ приведенный нами общій принципъ военнаго права, Броше съ тѣмъ вмѣстѣ полагаетъ, что онъ все болѣе теряетъ свое практическое значеніе въ наше время. «Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нашего, говоритъ онъ, войны велись при такихъ обстоятельствахъ, которыя дозволяли дѣлать различіе между государствомъ и частными лицами. Въ періодъ неограниченной монархіи населеніе большею частію относилось съ полнымъ равнодушіемъ къ войнамъ. Не участвуя въ ихъ объявленіи, оно и не интересовалось ихъ исходомъ, ибо чаще всего вражда между государствами вращалась тогда около вопросовъ чисто династическихъ. Развитіе національной политики въ наши дни знаменуетъ большой успѣхъ, но и великую опасность: въ будущемъ войны станутъ болѣе рѣдкими, но и болѣе ужасными. Окрашиваясь національнымъ характеромъ, онѣ будутъ вестись ради интересовъ народовъ и тогда безъучастіе послѣднихъ уступитъ мѣсто энтузіазму, быть можетъ даже дикому отчаянію. Можно ли ожидать при этихъ условіяхъ, чтобы населеніе добродушно отнеслось къ завоевателю, проникшему въ его страну или пытающемуся навязать ему какое-либо ненавистное правительство? Какъ же помочь этому увеличенію ожесточенія въ будущихъ войнахъ? Между различными средствами Броше рекомендуетъ одно особенно, чтобы воспитаніе массъ поднять до уровня требованій нашей эпохи. Народы, свободно управляемые, несутъ и большія обязанности. Въ особенности они должны отличаться болѣе строгимъ развитіемъ общественнаго сознанія и общественной нравственности.

Соглашаясь вполнѣ съ послѣдними выводами, мы полагаемъ однако, что современныя политическія условія и національныя стремленія, хотя и дѣлаютъ приложеніе основнаго принципа военнаго права не-

сравненно болѣе труднымъ, но не невозможнымъ. Броше самъ говоритъ, что правительство никогда не слѣдуетъ отождествлять съ народомъ. Какъ бы война ни была національна, но большинство населенія всегда остается на положеніи мирнаго и его то особенно призвано брать подъ свою защиту право войны, вовсе не имѣющее въ виду ослабленіе собственно *боевыхъ силъ* страны.

Отъ лицъ авторъ переходитъ къ положенію имуществъ и замѣчаетъ, что современный принципъ права войны логически требуетъ неприкосновенности частнаго имущества. Грабежъ, такъ широко практиковавшійся въ прежнія эпохи, уступилъ мѣсто системѣ реквизицій. Но авторъ находитъ и ихъ въ противорѣчіи съ началомъ неприкосновенности частной собственности. Хотя онѣ не вызываютъ столько зла, какъ грабежъ, но онѣ, быть можетъ, ненавистнѣе его, потому что не находятъ себѣ извиненія, какъ онъ, въ страсти. Между тѣмъ неизбѣжными реквизиціями представляются постойная повинность и требованіе перевозочныхъ средствъ. Менѣе можетъ быть оправдываемо отнятіе у населенія жизненныхъ припасовъ, одежды и т. п., ибо эти предметы могутъ слѣдовать за войскомъ. Но когда необходимы и эти реквизиціи, не слѣдуетъ забывать, что онѣ возлагаются не столько на частныхъ лицъ, сколько на государство, подданными котораго они состоятъ. Непріятель въ правѣ требовать ихъ по установленному порядку и выдавать въ полученіи ихъ росписки, подлежащія позднѣе уплатѣ. Прекрасно Броше осуждаетъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что вещи, покинутыя во время войны ихъ хозяевами, суть будто бы res nullius. Собственники не имѣли намѣренія (animus) отъ нихъ отказаться. Воюющій можетъ развѣ въ случаѣ нужды пользоваться такими вещами безъ росписки, но не считать себя ipso jure ихъ собственникомъ.

О контрибуціяхъ авторъ не говоритъ вовсе, но въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ его работы, напечатанномъ въ Revue, онъ осуждаетъ денежныя реквизиціи [1]).

Занятіе непріятельской области, по его мнѣнію, создаетъ для оккупанта реальныя, а не личныя отношенія. Населеніе находится въ положеніи осѣдлыхъ иностранцевъ или же военноплѣнныхъ. Ниже мы увидимъ этотъ взглядъ у Корси. Оккупантъ пріобрѣтаетъ право взимать налоги, но власть его простирается на лица, лишь по-

---

[1]) Спеціально право войны напечатано въ Revue за 1872—73 г. съ нѣкоторыми противъ книги добавленіями, напр. о поголовномъ возстаніи населенія, о долгахъ, о междуусобныхъ войнахъ и репрессаліяхъ.

скольку это касается отношенія послѣднихъ къ вещамъ. Но невѣрною должна быть признана мысль Броше, что по естественному праву оккупантъ обязанъ допускать лишь такія смягченія своей власти, которыя въ его интересѣ.

Обращаясь къ морской войнѣ, Броше полагаетъ, что со временемъ, когда будетъ признанъ принципъ неприкосновенности частной собственности, морская война либо вовсе прекратится, либо получитъ характеръ дополнительный къ войнѣ сухопутной и тогда морскія операціи ограничатся блокадою портовъ и нападеніемъ на берега.

Преобразованіе призовыхъ судовъ въ международномъ отношеніи ему представляется необходимымъ въ виду ихъ административнаго, а не дипломатическаго характера.

Нейтральнымъ государствомъ онъ считаетъ то, которое, оставаясь дружественнымъ съ обоими воюющими, не вступаетъ ни къ кому во враждебныя отношенія. Оказываніе равной помощи обѣимъ сторонамъ должно быть осуждено. Нейтральнымъ правительствамъ не слѣдуетъ терпѣть на своей территоріи вербовки ихъ гражданъ въ войска къ одному изъ воюющихъ, но отдѣльные нейтральные граждане могутъ идти къ послѣднимъ добровольцами. Тогда они какъ бы на время становятся подданными воюющаго, теряя свой нейтральный характеръ, но не дѣлая отвѣтственнымъ за свои дѣйствія свое отечество. Это рѣшеніе, являясь нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ строгихъ правилъ юридической логики, вполнѣ однако справедливо во имя внутренней нравственной правды и часто неизбѣжныхъ политическихъ соображеній. Такимъ же образомъ рѣшаетъ Броше вопросъ о денежныхъ вспомоществованіяхъ и займахъ.

Блокада, по его мнѣнію, не можетъ существовать безъ войны и такъ называемыя мирныя блокады суть тѣ же враждебныя дѣйствія, хотя и ограниченныя и маскированныя. Хотя мотивомъ блокады является военная необходимость, но она покоится не на идеѣ собственности, а занятія, какъ выработалось послѣднее еще въ римскомъ правѣ. Эту теорію подвергнулъ критикѣ, какъ мы видѣли выше, Фошилль.

Въ правѣ осмотра авторъ признаетъ новое подтвержденіе того положенія, что нейтральныя правительства не могутъ быть привлекаемы къ отвѣтственности за дѣйствія ихъ подданныхъ внѣ ихъ территоріи. Заключительныя размышленія этого отдѣла касаются идеи международнаго суда и нами не могутъ быть приняты: «нашъ очеркъ, говоритъ авторъ, подтверждаетъ мысль, что право возникаетъ изъ войны. Разсужденія о человѣколюбіи сами по себѣ мало дѣйствитель-

ны. Если желать, чтобы извѣстное государство отказалось отъ такихъ-то дѣйствій, надо ихъ направить противъ него самого и показать, что польза, извлекаемая изъ нихъ, уступаетъ соединеннымъ съ ними невыгодамъ. Съ этой точки понятны препятствія, на которыя должна натолкнуться попытка замѣнить войны третейскими судами. Всѣ согласны на счетъ пользы добровольнаго обращенія къ такимъ судамъ. Но учрежденіе верховнаго судилища, на столько могущественнаго, чтобы оно могло принуждать государство обращаться къ нему въ своихъ спорахъ, было бы средствомъ худшимъ того зла, противъ котораго оно предписывается. Это было бы подготовленіемъ новаго абсолютизма и притомъ наиболѣе опаснаго». Авторъ усматриваетъ даже аналогію между этою попыткою и инквизиціею, въ прямомъ значеніи этого слова. Инквизиція была извѣстный способъ процесса, состоявшій въ замѣнѣ доказательства посредствомъ битвы (поединка)—доказательствомъ чрезъ свидѣтелей.

Странное смѣшеніе понятій! Международный судъ и немыслимъ какъ принудительный, а будучи органомъ права и главнымъ блюстителемъ юридическаго порядка, онъ и не можетъ создать тотъ абсолютизмъ, котораго опасается Броше.

28. Guelle. *Précis des lois de la guerre sur terre.* 1884. 2 vls.

Будучи «капитаномъ, докторомъ правъ и профессоромъ по законовѣдѣнію въ военной Сен-Сирской школѣ», Гель задался мыслію написать» практическій комментарій къ праву войны для офицеровъ активной, резервной и территоріальной арміи». Отсюда—живой, ясный и практическій характеръ его книги. Вмѣстѣ съ относящимся сюда отдѣломъ кодекса Блюнчли мы должны отнести ее къ лучшимъ новѣйшимъ изложеніямъ права войны.

Впрочемъ авторъ уже не впервые выступаетъ въ этой области. Ниже мы разбираемъ подробно его первое сочиненіе «О положеніи лицъ во время сухопутной войны», вышедшее въ 1881 г. Оно цѣликомъ и съ небольшими измѣненіями вошло въ настоящій трудъ Геля. Прибавлены различные примѣры изъ новѣйшихъ войнъ, а равно ссылки на болѣе важныя сочиненія. Кромѣ расширенія главы о нейтральныхъ, наиболѣе существеннымъ отступленіемъ является, въ первомъ томѣ, мнѣніе о томъ, что поголовное возстаніе должно быть организовано, что писатели, стоящіе за абсолютную свободу народной обороны, очевидно увлекаются благороднымъ, но узко-понятымъ патріотизмомъ, который мѣшаетъ имъ видѣть всю практическую сторону дѣла. Одни, совершенно жертвуя правами оккупанта, тѣмъ дѣлаютъ невозможнымъ цивилизованье войны, къ которому однако стремятся.

Послѣ предисловія Прадье-Фодере, авторъ въ введеніи объясняетъ *цѣль* своего труда, причемъ хорошо разбираетъ многія изъ главныхъ *возраженій* противъ права войны. Вполнѣ сознавая, что миръ есть нормальное состояніе для народовъ, а война не болѣе какъ случайность, авторъ присоединяется къ формулѣ Люка о необходимости и способахъ ея цивилизованья, т. е. смягченія и облагороженія. Еще древніе говорили: «si vis pacem para bellum». Эта пословица обозначаетъ не только, что надо быть сильнымъ, если хочешь не бояться войны, но и то, что слѣдуетъ учиться, *какъ ее вести*, если желаешь установленія мира возможнаго и прочнаго. Цѣль же сія не достижима безъ знакомства съ законами войны.

Все сочиненіе Геля распадается на четыре части: во вступительномъ отдѣлѣ онъ даетъ намъ *опредѣленіе* войны, ея *объявленія* и вытекающихъ отсюда *послѣдствій*. Во второй части онъ разсматриваетъ *враждебныя дѣйствія* и *отношенія между воюющими* (ученіе о лицахъ). Сюда же присоединенъ отдѣлъ о *договорныхъ* между ними *сношеніяхъ* и о *капитуляціяхъ*.

Третью часть составляетъ *ученіе о военномъ занятіи*, которое разсматривается по отношенію къ *лицамъ* и затѣмъ къ *имуществамъ* (послѣдній отдѣлъ — совершенно новый и весьма интересный). Четвертая часть касается *прекращенія войны* и *мирныхъ трактатовъ*. Въ приложеніи рѣчь идетъ о *нейтральныхъ*.

Не менѣе самого текста интересны и важны многочисленныя къ нему прибавленія (Annexes). Въ первомъ томѣ помѣщенъ *проектъ* измѣненія и добавленія *Женевской конвенціи*, предложенный проф. Людеромъ въ его извѣстномъ трудѣ, а во второмъ напечатаны въ большомъ числѣ оффиціальные документы Нѣмцевъ, относящіеся къ войнѣ 1870—71 г. Изъ французскихъ документовъ останавливаютъ на себѣ вниманіе: законы 1871 и 73 г. о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ нашествія Нѣмцевъ, и декретъ 1884 г. касательно французскаго Общества вспомоществованія раненымъ. Библіографическій указатель наиболѣе важныхъ писателей по военному праву оканчиваетъ эту во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную книгу.

На посторонняго читателя тяжелое впечатлѣніе производятъ многочисленныя и постоянныя ссылки на примѣры франко-германской войны. Въ цѣломъ едва ли можно упрекнуть автора въ недостаткѣ безпристрастія: онъ почти вездѣ опирается на *оффиціальныя* данныя и притомъ почерпнутыя изъ *нѣмецкихъ* источниковъ. Эти данныя свидѣтельствуютъ ясно о томъ, съ какою суровостью и даже совершенно *излишнею* жестокостью вели Нѣмцы въ 1870—71 г. войну

противъ Французовъ. Большинство доводовъ, которыми искали смягчить эти преступленія Лёнингъ, Гефкенъ и отчасти Блюнчли и Роленъ-Жекменъ, должны быть признаны несостоятельными, но, съ другой стороны постоянныя возвращенія къ фактамъ этой злополучной войны со стороны французскихъ публицистовъ должны еще болѣе питать въ ихъ соотечественникахъ чувства ненависти и мстительности къ Нѣмцамъ и дѣлать миръ въ Европѣ невозможнымъ.

Между прибавленіями у Геля находимъ одну курьезную таблицу тѣхъ денежныхъ вознагражденій, которыя побѣдители возлагали на побѣжденныхъ съ эпохи революціонныхъ войнъ до Франкфуртскаго мира (1871 г.) включительно. Изъ этой таблицы оказывается что съ 1795 г. контрибуцій взято на 7.235.700,000 фр. Въ этомъ числѣ одною Пруссіею вытребовано 5.225.500,000, а одною Франціею 875.200,000. Реквизиціи не вошли въ эти исчисленія. Само собою разумѣется, что главную роль въ нихъ играютъ контрибуціи Пруссаковъ въ войнѣ 1870 г. По даннымъ, приводимымъ Гелемъ, они взяли съ Французовъ: a) во время войны контрибуціями 39 милл. фр., налогами 49 милл. и реквизиціями 327 милл. или всего 415 милл., b) при заключеніи мира, еще контрибуцію въ 5 милліардовъ! Эти цифры не показываютъ ли намъ, что новѣйшія войны, особенно благодаря Нѣмцамъ, угрожаютъ перейти въ громадныя хищенія и разбои между народами?

Переходя къ частностямъ разбираемаго сочиненія, отмѣтимъ, что авторъ признаетъ необходимость, во время войны, ограничить свободу печати, которая нерѣдко становится проводницею ложныхъ и самыхъ опасныхъ слуховъ. Очень хорошо изложенъ вопросъ объ уплатѣ долговъ, лежащихъ на населеніи занятыхъ непріятелемъ областей. Оружія, принадлежащія частнымъ лицамъ (а равно склады военныхъ запасовъ), должны быть не конфискуемы, а лишь секвестрованы на время войны. Вообще Гель энергично и послѣдовательно старается провести принципъ неприкосновенности частной собственности и среди военныхъ переворотовъ. Имѣя въ виду печальные примѣры войны 1870 г., онъ справедливо осуждаетъ воззрѣніе, будто жилища, покинутыя населеніемъ при наступленіи непріятеля, могутъ быть признаны какъ бы ничьими и подлежатъ разграбленію. Все выходящее изъ за предѣла *абсолютной военной* необходимости должно считаться преступленіемъ Такъ называемое право добычи есть въ сущности грабежъ. Дѣлаемое нѣмецкимъ законодателемъ различіе между грабежемъ и добычею (Plünderung und Beutemachen) весьма казуистично и способно скорѣе отвести глаза отъ долга, нежели научить

ему. При изложеніи вопроса о реквизиціяхъ авторъ слѣдуетъ французскому о нихъ закону 1877 г. Нейтральные граждане, живущіе въ занятой непріятелемъ мѣстности, не могутъ требовать для себя изъятія отъ реквизицій. Хотя Гель въ принципѣ отвергаетъ контрибуціи (допуская ихъ развѣ въ видѣ исключенія и въ умѣренныхъ размѣрахъ лишь какъ пени), но хорошо говоритъ о способахъ ихъ взиманія.

На кого падаетъ обязанность вознаградить жителей за реквизиціи, которымъ они подверглись? На практикѣ, въ большинствѣ случаевъ относящіяся сюда жалобы будутъ представляемы потерпѣвшими ихъ національному правительству, хотя по теоріи справедливѣе признать оккупанта обязаннымъ производить имъ уплату. Вмѣстѣ съ Феро-Жиро Гель говоритъ, что, по окончаніи войны, государство юридически не обязано вознаградить потерпѣвшихъ отъ нея гражданъ, но оно сдѣлаетъ однако это по человѣколюбію и по мѣрѣ своихъ финансовыхъ средствъ. Потерпѣвшіе отъ непріятельскаго занятія лица, впрочемъ, могутъ ходатайствовать о вознагражденіи не только предъ правительствомъ, но и предъ своими общинами, которыя обязаны позаботиться о позднѣйшей, болѣе справедливой разверсткѣ военныхъ тягостей между всѣми своими членами соразмѣрно ихъ экономическому положенію.

Мнѣнія автора объ остальныхъ вопросахъ военнаго права разбираются нами ниже.

29. **Corsi**. *L'occupazione militare in tempo di guerra e le relazioni internazionali che ne derivano*. 1882.

Будучи первымъ произведеніемъ еще юнаго автора, это сочиненіе отличается ясною, выдержанною системою и прекраснымъ изложеніемъ. Тема, избранная Корси, принадлежитъ къ самымъ труднымъ, но и важнымъ вопросамъ всего военнаго права, начавшая останавливать на себѣ вниманіе юристовъ лишь съ франко-прусской войны. Хотя во время войнъ революціи и первой имперіи правительства быстро смѣнялись и области переходили изъ рукъ въ руки, но лишь занятіе и управленіе нѣмцами Эльзаса-Лотарингіи повело къ установленію въ литературѣ *ученія о военномъ занятіи съ международной точки зрѣнія*.

Указавъ на различія этого понятія отъ нашествія и завоеванія, авторъ знакомитъ насъ сперва (въ 1-й гл.) съ мыслями о занятіи американской полевой инструкціи и брюссельской декларацiи [1]), а

---

[1]) Относящіяся сюда статьи ихъ помѣщены въ приложеніяхъ, гдѣ напеча-

равно и главныхъ писателей, начиная съ Гроція, причемъ онъ особенно высоко ставитъ мнѣнія Гефтера и Галлека. Подъ военнымъ занятіемъ, говоритъ онъ, подразумѣваемъ нашествіе, но соединенное съ установленіемъ военной и правительственной власти оккупанта на мѣсто національной и мѣстной; это есть временное завладѣніе непріятелемъ извѣстной областью, подпавшей подъ его власть и въ юридическомъ и въ политическомъ отношеніяхъ, но безъ радикальнаго измѣненія существовавшихъ въ ней законовъ. На то возраженіе, что введеніе нѣмцами въ Эльзасѣ-Лотарингіи правильной администраціи было вызвано лишь ихъ намѣреніемъ удержать за собою эти области, Корси справедливо замѣчаетъ, что намѣренія воюющихъ, оказывая вліяніе на принимаемыя ими мѣры, не должны однако уничтожать сущности разсматриваемаго нами института. А послѣдняя во имя права требуетъ, чтобы воюющій поддерживалъ въ занятой имъ странѣ существующую администрацію во все продолженіе войны до заключенія мира. Это соотвѣтствуетъ столько же интересамъ мирнаго населенія занятой области, сколько же, и быть можетъ даже болѣе, военнымъ и политическимъ интересамъ самого воюющаго. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что ученіе о занятіи знаменуетъ новый, важный шагъ впередъ въ исторіи международныхъ отношеній, являясь подтвержденіемъ принципа, что война ведется между государствами, а не частными лицами, и признанія за народами большаго права управляться по собственнымъ законамъ. Вслѣдствіе того, они мѣняютъ своихъ правителей не подъ давленіемъ военной силы, а на основаніи соглашеній, состоявшихся между воюющими.

Во 2-й главѣ слѣдуетъ изслѣдованіе политико-юридическаго характера власти оккупанта по отношенію къ занятой имъ территоріи и правительству послѣдней. Вопросъ о политико-юридическомъ положеніи самой занятой области касательно обоихъ государствъ, отъ которыхъ она зависитъ во время занятія, — составляетъ предметъ третьей главы, которою и оканчивается *общая часть* этого сочиненія.

Юридическій характеръ занятія обусловливается его цѣлью. Воюющій занимаетъ часть непріятельской территоріи, не только ради военной выгоды, но и въ видахъ скорѣйшаго и лучшаго удовлетворенія своихъ требованій. Хотя бы онъ и не желалъ позднѣйшаго присоединенія занятой имъ области, но сохраненіе въ ней порядка, свободы и мира есть для него долгъ и высшая польза. Мы замѣ-

---

танъ также декретъ, изданный Франціею 15 и 17 ноября 1792 г. о независимости народовъ, съ которыми она вступила тогда въ войну.

чаемъ однако нѣкоторую неустойчивость въ опредѣленіи авторомъ существа власти оккупанта. Эта власть, говоритъ онъ, не вступаетъ на мѣсто національной власти и не есть ея продолженіе. Отъ собственнаго имени оккупантъ примѣняетъ правительственную власть (un potere di governo), но лишенную характера и объема верховенства (sovranità). Это—власть sui generis, не верховная и не вѣчная, а ограниченная по времени, цѣлямъ и способамъ дѣйствія. Занятая территорія по идеѣ (potenzialmente) остается подъ верховною властью своего прежняго правительства, но фактически эта власть парализуется, теряетъ возможность проявлять себя въ занятой непріятелемъ области. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, ни одному изъ обоихъ враждующихъ государствъ не принадлежитъ надъ нею верховенство: одно изъ нихъ не можетъ его проявить, другое не въ правѣ его себѣ присвоить.

Къ такому выводу неизбѣжно придти съ точки зрѣнія *государственнаго права*. Гораздо вѣрнѣе, намъ кажется, видѣть въ занятіи *новый*, *самостоятельный институтъ права международнаго* и сказать, что власть оккупанта, дѣйствительно, *не государственная*, *а международная*, которая пріостанавливаетъ верховенство національнаго правительства и устанавливаетъ нѣкоторую связь между оккупантомъ и населеніемъ. Власть перваго не исключительно военная, но и, на извѣстное время, правительственная. Населеніе, не порывая связей съ своимъ правительствомъ, не выступаетъ однако противъ оккупанта съ враждебными *дѣйствіями*, чѣмъ отвѣчаетъ на его заботы о безопасности и благосостояніи края. Наша мысль о своеобразности власти оккупанта подтверждается разсужденіями Корси о томъ, что ее не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это дѣлаютъ Гефтеръ и Галлекъ, съ правительствомъ фактическимъ (de facto).

Какимъ основнымъ принципомъ опредѣляется положеніе жителей занятой области?

Роленъ-Жекменъ выставляетъ для этого два начала: военной необходимости, приведенной въ соотвѣтствіе съ принципомъ человѣколюбія. Оба они слишкомъ растяжимы и измѣнчивы, смотря по народамъ и обстоятельствамъ, и трудно вывести изъ нихъ цѣлый рядъ заключеній, требуемыхъ практическою стороною дѣла. Корси принимаетъ критерій, мимоходомъ указанный Галлекомъ: жители занятой области, говоритъ онъ, находятся въ условномъ положеніи (virtualmente) плѣнныхъ, взятыхъ на честное слово. Эта аналогія представляется ему ясною и вполнѣ удобопріемлемою. Жители занятой области связали себя, по отношенію къ оккупанту, не формально, но

молчаливо честнымъ словомъ не оказывать ему противодѣйствія себѣ самимъ во вредъ. А воюющій, по отношенію къ нимъ, отказался отъ примѣненія права войны и предоставилъ имъ свободно заниматься ихъ мирнымъ трудомъ.

Нѣсколько далѣе авторъ прибѣгаетъ къ другой аналогіи: «жители занятой области отреклись отъ права противодѣйствія непріятелю въ надеждѣ остаться нейтральными. Ихъ обязанность повиноваться законамъ воюющаго обусловливается долгомъ послѣдняго уважать ихъ собственность и свободу, нравственную и гражданскую».

Послѣднее вполнѣ вѣрно, но едва ли нейтралитетъ и военный плѣнъ тождественныя понятія. Оба они не особенно хорошо подходятъ къ нашемъ институту: жители занятой области никогда не будутъ чувствовать и сознавать себя нейтральными. Относительно сравненія ихъ съ военноплѣнными можно замѣтить, что они не были побѣждены въ бою и большинство изъ нихъ, вѣроятно, и не бралось даже за оружіе. Наконецъ также не вполнѣ точно утверждать, что, по отношенію къ нимъ, «воюющій отказался отъ примѣненія права войны». Онъ *не могъ* бы сдѣлать этого, даже если бы *захотѣлъ*.

Вотъ почему, повторяемъ, намъ кажется болѣе вѣрнымъ, воздерживаясь отъ аналогіи, видѣть въ занятіи *совершенно самостоятельный* институтъ международнаго права, который во всѣхъ своихъ подробностяхъ и послѣдствіяхъ не успѣлъ еще пока выработаться.

Прекрасно говоритъ Корси о правѣ населенія занятаго края на возстаніе: въ случаѣ требованія отъ него оккупантомъ присяги и при нарушеніи имъ правъ населенія. Что касается до должностныхъ лицъ, то, хотя Либеръ и Блюнчли признаютъ за воюющимъ право приводить ихъ къ присягѣ, но Корси склоняется къ болѣе мягкому и мудрому мнѣнію Фильда, что и отъ нихъ не слѣдуетъ требовать присяги. Впрочемъ, въ виду того, что воюющій едва ли согласится на это, онъ вмѣсто присяги рекомендуетъ требовать отъ должностныхъ лицъ формальное заявленіе о томъ, что они, по отношенію къ обоимъ правительствамъ, останутся въ предѣлахъ самаго строгаго нейтралитета.

Во второй, или *спеціальной части*, авторъ переходитъ къ изученію *отношеній*, возникающихъ изъ занятія, и разсматриваетъ ихъ по тремъ главнымъ областямъ государственной дѣятельности, т. е. въ сферѣ законодательства, суда и управленія.

Въ виду чисто временнаго и условнаго характера власти оккупанта, онъ, по общему правилу, не долженъ касаться политическаго строя (конституціи) и даже гражданскихъ правъ населенія занятаго имъ

края. Многіе изъ этихъ законовъ, въ силу обстоятельствъ, иногда пріостанавливаются оккупантомъ, иногда видоизмѣняются, но всѣ эти дѣйствія имѣютъ лишь временную силу и значеніе. Но и власть національнаго правительства, на время оккупаціи, какъ бы находится въ состояніи покоя, будучи лишенною способности проявлять себя въ мѣстности, занятой непріятелемъ. Жители послѣдней ограничиваются въ пользованіи многими политическими правами: они не могутъ посылать депутатовъ въ законодательныя собранія, пользоваться правомъ сходокъ и ассоціацій, а также свободой печати. Оккупантъ, говоритъ Корси, можетъ усилить отвѣтственность издателей, авторовъ, содержателей типографій, преслѣдуя извѣстные журналы, прокламаціи, брошюры, способные волновать умы мѣстнаго населенія. Онъ воленъ даже измѣнить по существу законы о печати. Послѣднее представляется намъ излишнею уступкою въ пользу оккупанта, стоящею въ добавокъ въ противорѣчіи съ основнымъ положеніемъ автора, что, во время оккупаціи, національное правительство не можетъ совершить въ занятой мѣстности ни одного законодательнаго акта; оккупантъ, съ своей стороны, не въ правѣ отмѣнить конституцію и законы, съ нею связанные, а можетъ лишь пріостанавливать или же ограничивать дѣйствіе послѣднихъ. Но законы о печати принадлежатъ къ области политическихъ. Свобода личная и религіозная жителей остаются неприкосновенными, пока они не выходятъ изъ состоянія молчаливаго повиновенія. Но значительно стѣсняется ихъ свобода передвиженія. Для того чтобъ они не отправлялись тайно въ ряды отечественнаго войска, для каждаго передвиженія требуется спеціальное разрѣшеніе отъ военной власти оккупанта. Въ случаѣ же перехода къ отечественному войску, лицъ, совершившихъ это, нечего наказывать, говоритъ Корси, какъ дѣлало германское правительство въ 1870 г., конфискаціею всего ихъ имущества настоящаго и будущаго. «Это противно всѣмъ правиламъ международнаго права, запрещающаго суровыя мѣры противъ военнопленныхъ, въ случаѣ нарушенія ими слова, и предписывающаго уваженіе нейтральныхъ, которые при подвозѣ контрабанды избѣгнутъ бдительности непріятеля».

Напротивъ, въ области финансовой и экономической политики, Корси признаетъ за оккупантомъ почти неограниченную свободу дѣйствія, если это требуется интересами его и населенія. Онъ можетъ уничтожить или измѣнить таможенную границу, установить принудительный курсъ своихъ бумажекъ, ввести новые тарифы и т. д. Хотя убытки, понесенные жителями отъ принудительнаго курса, должны быть имъ, по мысли автора, возмѣщены впослѣдствіи при уплатѣ

военныхъ издержекъ, но такой произволъ воюющаго въ важныхъ экономическихъ вопросахъ намъ кажется опаснымъ и несовмѣстимымъ съ воззрѣніемъ автора на цѣль военнаго права. «Если, говоритъ онъ, международное право не въ силахъ уничтожить войну, оно должно, по крайней мѣрѣ, стремиться къ искорененію всякой излишней жестокости и къ наивозможно бо́льшему ограниченію военнаго произвола надъ лицами и имуществами». И, за очень немногими исключеніями, книга автора проникнута этимъ благороднымъ духомъ.

Далѣе онъ возстаетъ противъ приложенія къ населенію военно-уголовныхъ законовъ оккупанта. Въ цѣломъ послѣдніе не должны замѣнять мѣстные уголовные законы. Лишь вопросы, относящіеся къ безопасности оккупанта, къ его положенію въ непріятельской странѣ, естественно подлежатъ его вѣдѣнію. Онъ назначаетъ болѣе частое примѣненіе смертной казни и другихъ тяжкихъ наказаній за преступленія, направленныя противъ его войска и власти, какъ-то: убійство отдѣльныхъ солдатъ, порчу путей сообщеній или жизненныхъ припасовъ, возстаніе и т. п. Хотя уголовные законы по дѣйствію своему строго личны, но въ военное время Корси допускаетъ и коллективную отвѣтственность, напримѣръ, домохозяевъ за жильцовъ, общинъ за своихъ членовъ. Этотъ отдѣлъ слѣдовало бы отнести къ слѣдующей главѣ о судебной власти.

Въ заключеніе Корси говоритъ, что оккупантъ, издавая законы и распоряженія, не связанъ сроками, требуемыми закономъ для ихъ обнародованій (публикаціи), и что они не нуждаются въ утвержденіи со стороны высшаго, центральнаго правительства самого оккупанта, ибо «военная его власть является въ занятой области какъ бы олицетвореніемъ всего государства». Намъ кажется и эта аналогія слишкомъ преувеличенною.

Не менѣе интересна глава о судебной власти. Прежде всего Корси встрѣчается съ возраженіемъ, которое логически вытекаетъ изъ его воззрѣнія на занятіе, исключительно основаннаго на государственной точкѣ зрѣнія. Повидимому, замѣчаетъ онъ, оба государства не могутъ jus dicere, потому что одно лишено исполнительной власти, другое не обладаетъ верховенствомъ. Это—въ основаніи парализуетъ дѣятельность судовъ. Ибо, если бы допустить таковую, мы пришли бы къ той странности, что оккупантъ приводилъ бы въ исполненіе законы во имя правительства, имъ побѣжденнаго, а послѣднее предписывало бы повиновеніе законамъ своего противника, стремящагося лишь къ тому, чтобы его обезсилить и принудить къ миру.

Изъ этой дилеммы авторъ старается выдти указаніемъ, что, при

извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствія судебной власти не ограничиваются территоріальнымъ началомъ (капитуляціи на Востокѣ, исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ). Эти исключенія не устраняютъ однако принципіальнаго противорѣчія, которое исчезаетъ легко, если стать на *международную* точку зрѣнія. Суды продолжаютъ свою дѣятельность во время занятія не столько *по волѣ управляющаго ими государства*, сколько *во имя международнаго права, связывающаго и воюющія государства опредѣленными нормами права*. Поэтому и рѣшенія свои они должны постановлять не отъ имени того или другаго правительства, а *во имя закона*. Этимъ лучше всего устраняются пререканія объ исполнительной формулѣ, такъ сильно волновавшія нѣмцевъ и французовъ въ 1870-71 г. Нашъ авторъ, кромѣ этой формулы, признаетъ еще законною и формулу: «отъ имени національнаго правительства». Но этому будетъ часто противиться оккупантъ.

Во всякомъ случаѣ Корси совершенно правъ, когда строго осуждаетъ французскіе суды за прекращеніе ихъ дѣятельности во время войны 1870—71 г. Не только выгода оккупанта, но и самыя священныя права населенія требуютъ, чтобы судьи, какъ сановники *неполитическіе*, во время занятія не покидали своего поста, доколѣ у нихъ не отнята возможность безпрепятственно служить закону. «Органъ независимый отъ администраціи—судъ, никогда не долженъ потворствовать личнымъ чувствамъ своихъ членовъ или инстинктамъ массъ. Нѣтъ основаній, чтобы смѣна правительствъ отражалась на его внутренней автономіи». Прекрасныя мысли, къ сожалѣнію, отвергаемыя многими въ наше время.

Изъ принципа независимости судебной власти естественно слѣдуетъ неприкосновенность канцелярій и архивовъ при судахъ. Авторъ осуждаетъ также преобразованіе воюющимъ нотаріальной части, ипотечной системы, гдѣ таковая введена, и высказывается за неотмѣняемость суда присяжныхъ. Если бы вердикты послѣднихъ сдѣлались слишкомъ мягки, въ прямой ущербъ воюющему, послѣднему слѣдуетъ, не уничтожая присяжныхъ, либо не приводить въ исполненіе ихъ оправдательные приговоры, либо опасныхъ для него лицъ держать подъ арестомъ или полицейскимъ надзоромъ, но не присуждать ихъ собственною властью къ болѣе тяжкимъ наказаніямъ.

Наибольшею свободою пользуется оккупантъ въ области управленія, сообразно съ природою послѣдняго. «Будучи обязанъ уважать существующіе законы и не имѣя права мѣнять способы ихъ толкованія, онъ можетъ однако видоизмѣнять пріемы ихъ примѣненія и отыскивать лучшія для нихъ гарантіи или облегчать ихъ приложеніе.

Онъ долженъ всячески стараться, чтобы охранять установленный въ странѣ порядокъ и удержать себя самого въ своемъ, хотя необычномъ, но все таки законномъ положеніи». Кромѣ существующихъ законовъ, его правительственная дѣятельность сдерживается и направляется еще какъ его собственными законами, такъ и принципами международнаго права. Эту дѣятельность оккупанта Корси изучаетъ весьма послѣдовательно по тремъ главнымъ сферамъ ея проявленія: относительно умственной и нравственной жизни населенія, его жизни политической и, наконецъ, экономической.

Хотя въ военное время многіе предметы управленія, сравнительно съ мирнымъ положеніемъ, получаютъ исключительное значеніе и наоборотъ, Корси рекомендуетъ воюющему позаботиться о незакрытіи школъ и учебныхъ заведеній, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ, въ занятой имъ странѣ. Быть можетъ, молодежь высшихъ училищъ поступитъ, говоритъ онъ, при этихъ обстоятельствахъ въ ряды войска, но ничто такъ не внушаетъ населенію довѣріе къ правительству и ничто не придаетъ странѣ такой видъ порядка и мира, какъ правильное дѣйствіе этихъ учрежденій. Если школьныя власти назначались центральнымъ правительствомъ непріятеля, оккупантъ можетъ предоставить это назначеніе либо національной администраціи на мѣстѣ, либо особому, имъ для сего учрежденному органу. Въ случаѣ враждебнаго для него направленія преподаванія, оккупантъ удаляетъ виновныхъ или даже закрываетъ учебное заведеніе, но онъ не имѣетъ инаго способа наказанія тѣхъ, «которые не умѣютъ совладать со своимъ естественнымъ и патріотическимъ чувствомъ». Средства и фонды этихъ учрежденій должны оставаться для него неприкосновенными, равно какъ и пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей, больныхъ и престарѣлыхъ. «Среди разрушеній, причиняемыхъ войной, забота о прокормленіи и воспитаніи неимущихъ составляетъ для воюющаго долгъ любви» (un dovere di pietà). Даже если бы онъ стремился къ присоединенію занятой имъ области, онъ не долженъ бы позволять себѣ никакой радикальной реформы учебнаго дѣла.

Авторъ справедливо осуждаетъ поспѣшное введеніе Нѣмцами въ Эльзасѣ нѣмецкихъ школьныхъ порядковъ въ 1870—71 г.

Понятно, что такою же свободою, какъ школа, пользуется и область религіозной жизни. Лишь такія сферы умственной и нравственной жизни народа, которыя не представляютъ существенной необходимости для его общественнаго развитія, могутъ быть регулируемы и даже стѣсняемы воюющимъ (закрытіе театровъ и иныхъ мѣстъ для публичныхъ зрѣлищъ и сходокъ).

Переходя къ политической жизни населенія, авторъ требуетъ, чтобы воюющій всѣми зависящими отъ него и возможно строгими мѣрами заботился объ общественномъ здравіи, ибо заразительныя болѣзни— неразлучные спутники войскъ. Оккупантъ, завладѣвая средствами сообщенія (почтовыми, телеграфными сношеніями, желѣзными дорогами), воленъ назначать либо своихъ должностныхъ лицъ къ этимъ отраслямъ управленія, либо требовать отъ мѣстныхъ властей, чтобы онѣ продолжали свою службу, угрожая имъ въ противномъ случаѣ смѣщеніемъ, пенями и даже, хотя въ очень ограниченномъ размѣрѣ, тѣлеснымъ наказаніемъ (?). Вообще о всѣхъ служащихъ по мѣстной администраціи и не облеченныхъ политическою властію Корси говоритъ, что они обязаны и во время занятія продолжать свою службу. Оккупантъ въ правѣ принуждать ихъ къ тому всѣми наиболѣе строгими, по мѣстнымъ законамъ, карами или же увольнять ихъ въ случаѣ ихъ враждебнаго воздѣйствія на населеніе. Лица же, занимающія политическія должности, подлежатъ увольненію оккупантомъ по его усмотрѣнію. Намъ кажется болѣе вѣрнымъ, что они и сами пользуются правомъ удаленія, которое впрочемъ должно быть признано за всѣми должностными лицами (служащими отъ правительства или по выборамъ мѣстнаго населенія), хотя лица, облеченныя чисто мѣстною должностью, большею частью найдутъ себя нравственно вынужденными (предъ своими согражданами) остаться на своихъ мѣстахъ.

Послѣднюю главу своего сочиненія Корси посвящаетъ экономической жизни занятой мѣстности. Главнымъ положеніемъ здѣсь должно быть признано то, что оккупантъ становится не наслѣдникомъ, а узуфруктуаріемъ всѣхъ имущественныхъ правъ побѣжденнаго государства. Послѣднее сохраняетъ за собою nuda proprietas и jus ad rem, но пользованіе и владѣніе, jus in re, переходитъ на оккупанта. Далѣе авторъ различаетъ права реальныя и права по обязательствамъ. Воюющій пользуется въ занятой имъ мѣстности домами непріятельскаго государства всѣми дозволенными способами, подъ условіемъ не измѣнять ихъ назначенія и не истреблять ихъ существа. Онъ беретъ въ свои руки управленіе казенными лѣсами, рудниками, заводами и присвоиваетъ себѣ поступающіе съ ихъ природою или деньгами доходы. Національное правительство сохраняетъ, по отношенію къ этимъ имуществамъ, право отчужденія, но вступаютъ въ полную силу эти его дѣйствія лишь по прекращеніи занятія и, кромѣ того, они могутъ быть кассированы оккупантомъ, если они совершены недобросовѣстно, съ явнымъ злымъ противъ него умысломъ (отчужденіе, напр., имущества служащаго военнымъ потребностямъ, казармъ,

складочныхъ для оружія или провіанта мѣстъ и т. п.). Касательно правъ по обязательствамъ (diritti incorporali) Корси ставитъ на видъ, что оккупантъ въ правѣ воспрепятствовать всякой уплатѣ, будь то натурою или деньгами, со стороны жителей занятой имъ области ихъ правительству, ибо цѣль занятія въ лишеніи послѣдняго всѣхъ подкрѣпленій и источниковъ доходовъ изъ этой области. Оккупантъ самъ взимаетъ въ послѣдней налоги и пошлины, причемъ непріятель, по заключенію мира, не можетъ потребовать ихъ съ мѣстныхъ жителей вторично. Но онъ не вступаетъ въ его личныя обязательства и долговыя отношенія. Неприкосновенными также должны оставаться для оккупанта мѣстные банки (хотя бы отдѣленія непріятельскаго государственнаго банка), различныя сберегательныя кассы, капиталы пріютовъ и благотворительныхъ учрежденій. Управленіе ими и контроль переходятъ въ его руки, но онъ не въ правѣ ни пользоваться доходами ихъ, ни тѣмъ менѣе брать себѣ ихъ капиталы. Если бы онъ, въ случаѣ нужды, занялъ у нихъ извѣстныя суммы, онъ обязанъ возвратить все сполна при заключеніи мира.

Едва ли можно согласиться съ авторомъ на счетъ его воззрѣній на контрибуціи и реквизиціи. Онъ не установляетъ никакого между ними различія, но законность тѣхъ и другихъ съ точки зрѣнія экономической и юридической выводитъ, слѣдуя съ легкими измѣненіями, мнѣнію Видари, изъ обязанности оккупанта поддерживать въ странѣ порядокъ и управленіе. Взамѣнъ этого, онъ получаетъ право взимать съ ея жителей налоги обыкновенные и чрезвычайные, а если таковые для содержанія его войска окажутся недостаточными, онъ можетъ, подобно тому какъ и національное правительство владѣло этимъ правомъ, прибѣгнуть къ контрибуціямъ и реквизиціямъ. Часто замѣна всѣхъ существующихъ въ странѣ государственныхъ сборовъ какимъ либо единственнымъ налогомъ будетъ для него правиломъ мудраго управленія.

Но кто же не видитъ, что между расходами на администрацію, хотя и обширнаго края, и издержками, вызываемыми современными войнами, нѣтъ ни малѣйшаго соотвѣтствія? Это—съ экономической стороны. Съ точки же зрѣнія права, какъ можно ставить на одну доску обязанность населенія предъ отечественнымъ войскомъ съ обязанностью предъ оккупантомъ? Прямое содѣйствіе его войскамъ развѣ не будетъ для населенія участіемъ въ военныхъ операціяхъ, противъ чего возстаетъ справедливо и самъ авторъ? Намъ кажется поэтому, что реквизиціи, т.-е. доставка непріятелю натурою помѣщенія, провіанта и фуража, перевозочныхъ средствъ въ случаѣ необходимости

дозволены за опредѣленное вознагражденіе, но собственно контрибуціи, или денежныя уплаты, должны быть отвергнуты. Онѣ допустимы только или въ качествѣ эквивалентовъ за реквизиціи или какъ пени за преступныя противъ воюющаго дѣйствія.

При раскладкѣ и взиманіи этихъ сборовъ мѣстныя власти болѣе всего обязаны, повинуясь оккупанту, оберегать тщательно интересы своихъ согражданъ.

Не можемъ не кончить нашъ разборъ прекрасной книги Корси нѣкоторыми заключительными изъ нея мыслями:

«Вся исторія права, и спеціально римскаго гражданскаго права, служитъ свидѣтельствомъ непрерывной побѣды, которую одерживалъ разумъ надъ силою, авторитетъ общаго закона надъ произволомъ личности. То, что составляло физіологическое явленіе первобытныхъ временъ: in armis jus ferre, стало мало по малу явленіемъ патлогическимъ общества. Если право возникло первоначально изъ матеріальной силы, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, оно превратилось въ силу духовную, дѣйствующую во имя и для общаго блага. Въ противуположность древнимъ эпохамъ, времена болѣе цивилизованныя своимъ девизомъ избираютъ: jus vim potentis repellens. Таковъ и девизъ международнаго права».

Въ 1886 г. *Корси* [1]) напечаталъ *второе* изданіе своего труда. Сохранивъ свою систему, основныя воззрѣнія и даже число параграфовъ, онъ, однако, во многихъ мѣстахъ добавляетъ свою книгу ссылками на новѣйшія событія (напр., на занятіе войсками Чили областей Перу въ 1879 — 83 гг.) и литературу (Законы войны, издан. Институтомъ 2 изд. соч. Фіоре, Бернье и др.). Стоя на совершенно иной, и какъ намъ кажется, болѣе вѣрной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Бернье, онъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ часто жертвуетъ юридической логикой ради отстоянія претензіи жителей, занятыхъ непріятелемъ областей.

Въ этой формѣ и съ тѣми многочисленными практическими примѣненіями, которыя Корси даетъ высказываемымъ имъ теоретическимъ началамъ, сочиненіе его можетъ быть признано лучшимъ изслѣдованіемъ по вопросу о военномъ занятіи. Сравнительно съ первымъ изд. отмѣтимъ, что *во второмъ*, онъ принимаетъ, съ легкимъ измѣненіемъ, опредѣленіе занятія данное въ законахъ института. По отношенію къ нейтральнымъ, занятая область считается какъ бы уже перешедшею подъ власть оккупанта, который за нее принимаетъ международную отвѣтственность. Дипломатическіе представители и консулы,

[1]) Онъ нынѣ профессоръ въ Macerata.

въ ней находящіяся, продолжаютъ пользоваться своимъ положеніемъ и привиллегіями. Особенно подробно и хорошо говоритъ Корси о возстаніи жителей противъ оккупанта, стремясь вмѣстѣ съ Гелемъ къ смягченію войны и въ этомъ пунктѣ совершенно расходясь съ Бернье.

Жители имѣютъ право возстанія, когда оккупантъ нарушитъ обязанности, принятыя имъ на себя въ актѣ установленія своей власти и потребуетъ отъ нихъ дѣйствій, несовмѣстныхъ съ ихъ нейтралитетомъ (было бы вѣрнѣе сказать: положеніемъ) по отношенію къ ихъ прежнему правительству. Тѣ же, которые возстанутъ противъ оккупанта безъ достаточнаго повода, должны быть разсматриваемы какъ военноплѣнные, нарушившіе данное ими честное слово. Если ихъ увлекаетъ любовь къ отечеству, пусть они перейдутъ на территорію еще не занятую и тамъ сражаются съ врагомъ, либо присоединившись къ отечественному войску, либо дѣйствуя отдѣльными отрядами. Это, быть можетъ, будетъ полезнѣе для ихъ родины и почетнѣе для нихъ самихъ. Вопросъ этотъ не мѣняется и въ томъ случаѣ, если ихъ правительство издаетъ указъ о поголовномъ возстаніи. Корси хорошо критикуетъ Морена и Бернье, требующихъ для населенія безграничнаго права бороться противъ врага. При этомъ условіи никакое смягченіе войны немыслимо и кромѣ того должно помнить, что населеніе занятой уже области само не находится въ состояніи необходимой обороны, но, такъ или иначе, подчинившись оккупанту, стало получать отъ него нѣкоторыя блага мирнаго состоянія.

Оккупантъ далѣе можетъ запретить торговлю рабами, гдѣ онъ ее найдетъ, но онъ не въ правѣ отмѣнить рабство. Государственные же рабы на время занятія становятся лично свободными. Авторъ излагаетъ подробнѣе и систематичнѣе отдѣлы, касающіеся власти оккупанта въ областяхъ законодательства, суда и управленія. Признавая въ военное время часто неизбѣжными такія наказанія, какъ смертная казнь и конфискація, онъ, однако, ратуетъ и за смягченіе полевыхъ законовъ и, въ этомъ изданіи, даже осуждаетъ коллективную отвѣтственность общинъ, за дѣйствія, совершенныя на ихъ территоріи. Тѣмъ страннѣе слышать отъ него оправданіе, которое онъ старается найти для отправленія воюющимъ нотаблей на локомотивахъ по занятой имъ территоріи въ случаѣ возстанія населенія!

Это сочиненіе, по плану автора, составляетъ *первый* томъ и обнимаетъ отношенія, вытекающія изъ *публичнаго* международнаго права; во второмъ онъ намѣревается разсмотрѣть вопросы, связанные съ *частнымъ* международнымъ правомъ.

30. **Bernier.** *De l'occupation militaire en temps de guerre.* 1884.

Бернье относится къ наиболѣе рѣшительнымъ поборникамъ *безграничнаго* права населенія на защиту своего отечества. Съ большою послѣдовательностію старается онъ провести эту основную точку зрѣнія во всей своей книгѣ, написанной весьма живо и ясно. Это направленіе, сказавшееся, какъ извѣстно, еще на Брюссельской конференціи 1874 г. въ мнѣніяхъ представителей Франціи и второстепенныхъ государствъ, нашло себѣ защитниковъ и въ средѣ многихъ новѣйшихъ писателей (Вакселя, Эйхельмана и др.). Но Бернье даетъ ему въ своемъ сочиненіи едва ли не лучшее выраженіе и обоснованіе въ деталяхъ. Тѣмъ удобнѣе его книга для критика, который если бы и не принялъ точку отправленія автора, но долженъ отнестись сочувственно къ его гуманнымъ и либеральнымъ идеямъ и къ его стараніямъ смягчить повсюду суровости войны.

Авторъ начинаетъ съ того, что въ предисловіи высказывается за кодификацію права войны. «Кодификація вообще, говоритъ онъ, констатируетъ, а не иммобилизируетъ право: указывая на извѣстный, уже достигнутый въ его развитіи, уровень, она не останавливаетъ его движенія впередъ, но только затрудняетъ движеніе вспять». Разобравъ опредѣленія, даваемыя военному занятію Гефтеромъ, Кальво, Ден-Бер-Португелемъ, Муанье, Роленъ-Жекменомъ, Брюссельскою декларацією и законами войны, изд. Институтомъ (1880), авторъ не видитъ нужды въ установленіи этого понятія. Занятіе—чистый фактъ и не болѣе. Оно не отличается отъ простаго вторженія (invasion). Отношенія между оккупантомъ и населеніемъ страны вытекаютъ изъ *факта*, а не изъ *права*. Авторъ оспариваетъ мнѣнія, будто суверенитетъ оккупанта частичный или фактическій: ни то, ни другое воззрѣніе недопустимы съ юридическимъ характеромъ суверенитета. Несмотря на это, оканчивая введеніе, Бернье даетъ намъ свое опредѣленіе: «занятіе это—фактъ матеріальнаго присутствія въ странѣ—непріятеля». Вотъ, по нашему мнѣнію, первый слабый пунктъ его теоріи: изъ голаго факта не рождается право. *Занятіе становится юридическимъ понятіемъ въ силу международнаго права, на почвѣ котораго слѣдуетъ искать и согласованія между обоими суверенитетами, между властію временнаго оккупанта и постоянною властію отечества.* Тутъ возникаютъ извѣстныя юридическія отношенія для *всѣхъ* сторонъ, между тѣмъ какъ вторженіе, будучи мимолетнымъ результатомъ войны, этихъ юридическихъ послѣдствій не вызываетъ.

Все дальнѣйшее содержаніе книги дѣлится на двѣ части: правила

относительно лицъ и правила относительно имуществъ. Вѣрнѣе было бы имущества частныя отдѣлить отъ имуществъ государственныхъ и все ученіе о военномъ занятіи представить въ этихъ трехъ титулахъ.

Переходя къ положенію *лицъ* въ мѣстности, занятой непріятелемъ, Бернье начинаетъ съ того, что предостерегаетъ отъ двухъ опасныхъ заблужденій: либо, какъ дѣлалось до нашего столѣтія, считать во время войны врагами все мирное населеніе непріятеля, либо, какъ полагаютъ новѣйшіе интернаціоналисты со временъ Порталиса и Талейрана, не допускать даже того—что частныя лица—*враги въ качествѣ гражданъ*. Послѣднее заблужденіе опаснѣе перваго, ибо оно лишаетъ жителей права защиты. Въ случаѣ ихъ плѣненія, они, по этому правилу, считаются не воюющими, а разбойниками, достойными смертной казни.

Истина же должна состоять въ томъ, что частныя лица, какъ таковыя, не враги, но они становятся врагами, коль скоро, превращаясь въ гражданъ, приступятъ къ выполненію своего долга предъ отечествомъ.

Дальнѣйшее ихъ положеніе авторъ разсматриваетъ съ двухъ точекъ зрѣнія: когда населеніе оказываетъ непріятелю противодѣйствіе и когда оно отъ этого воздерживается.

Въ первомъ отношеніи Бернье рѣшительно заявляетъ, что каждый имѣетъ право защищать отечество. Это для него священнѣйшій долгъ. Нечего дѣлать различія, какъ предлагаютъ писатели, между тѣмъ, занята ли уже страна непріятелемъ или нѣтъ, получило ли населеніе приказаніе отъ своего правительства или по собственному почину взялось за оружіе, дѣйствуютъ ли, наконецъ, защитники отечества большими массами (чего требуетъ Блюнчли) или отдѣльными шайками и даже просто единично.

Это право защищать всячески отечество есть только проявленіе основнаго для каждаго человѣка права на самооборону (légitime défense). Какіе бы ни выставляли съ точки зрѣнія цѣлесообразности или пользы аргументы о безполезности народныхъ войнъ въ наше время, *во имя права* ничего нельзя сказать противъ отстаиваемаго нами здѣсь принципа.

Аргументація эта грѣшитъ своимъ основаніемъ: война есть отношеніе *между государствами* и борьба между ихъ *вооруженными* силами. Отдѣльныя частныя лица даже какъ граждане обыкновенно не находятся въ положеніи необходимой обороны. Большею частію непріятель и не направляетъ противъ *нихъ лично* свое нападеніе. Отсюда: защита отечества *по правилу* должна лежать въ рукахъ го-

сударства и его властей. По ихъ указаніямъ и призваны дѣйствовать всѣ истинные патріоты. Интересы *всѣхъ въ равной степени* требуютъ, въ наше время, *организаціи и народной войны*. При занятіи же непріятелемъ какой-либо области суверенитетъ отечества не уничтожается, но пріостанавливается. Власть оккупанта не вступаетъ въ его права, ни замѣняетъ его, но выступаетъ въ этой области какъ *власть не государственная, а международная* съ совершенно своеобразными функціями согласно съ юридическимъ характеромъ самого занятія. Ни при какихъ иныхъ условіяхъ цивилизованье войны невозможно.

Вотъ почему намъ представляется совершенно призрачнымъ одно условіе, которому Бернье находитъ нужнымъ подчинить народныя массы или отдѣльныхъ лицъ при поднятіи ими оружія: чтобъ они держали себя какъ честные комбатанты и соблюдали обычаи войны. Всѣ иныя условія, которыя для нихъ иногда выставляютъ (дѣйствіе массами, ношеніе извѣстнаго платья, мундира и т. п.) могутъ быть полезны, но юридической обязательности не имѣютъ.

При такомъ субъективизмѣ каждому воюющему легко считать только себя одного честнымъ, а обычаи войны будутъ слабою плотиною тамъ, гдѣ народныя страсти воюющихъ съ *обѣихъ* сторонъ будутъ распаляемы безграничнымъ правомъ самообороны, или вѣрнѣе истребленія людей!

Въ этомъ отдѣлѣ заслуживаетъ вниманіе прусскій законъ 1813 г. о ландштурмѣ, который авторъ противопоставляетъ обращенію нѣмцевъ съ вольными стрѣлками въ 1870 г. Нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что теорія Галлека объ уподобленіи положенія жителей въ занятой области военноплѣннымъ на честное слово несостоятельна, ибо они такого слова не давали и фактически въ плѣну не состоятъ. Но тутъ авторъ восклицаетъ, что они, если не обѣщали что-либо непріятелю въ особомъ договорѣ, или сами не призвали его какъ освободителя, никакихъ не имѣютъ предъ нимъ обязанностей. Значитъ и у него, съ своей стороны, руки развязаны? Но при такомъ хаосѣ, какой смыслъ имѣютъ обычаи войны, о которыхъ еще толкуетъ Бернье?

Въ случаѣ неоказыванія жителями противодѣйствія оккупанту, послѣдній, имѣя полное право принимать всѣ мѣры, необходимыя для своей безопасности, не долженъ однако требовать отъ жителей ни присяги себѣ, ни какихъ бы то ни было дѣйствій, въ которыхъ сказалось бы ихъ содѣйствіе его военнымъ операціямъ. Авторъ раздѣляетъ мнѣніе Ден-Бер-Португеля о томъ, что мирныхъ жителей не

слѣдуетъ понуждать къ службѣ проводниковъ при войскѣ и нечего требовать, чтобъ они слѣдовали за взятыми отъ нихъ въ непріятельское войско лошадьми и экипажами. Подобные проводники и излишни при современныхъ топографическихъ свѣдѣніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ. Еще менѣе дозволительно непріятелю привлекать мѣстныхъ жителей къ фортификаціоннымъ работамъ. Бернье рѣзко осуждаетъ вновь нѣмцами возобновленный обычай брать, и даже насильственно, заложниковъ, а равно суровость, съ которою они, въ случаѣ военныхъ преступленій, привлекали къ отвѣтственности не только общины, гдѣ были совершены преслѣдуемыя ими дѣянія, но и общины, къ которымъ по рожденію принадлежали виновные. Власть оккупанта, по автору, чисто *фактическая*; по существу временная, она можетъ дѣйствовать лишь въ границахъ, указываемыхъ ей военною необходимостію и требованіями нравственности, естественнаго права и человѣколюбія. Она не вступаетъ въ верховныя права отечественной власти, но послѣднюю всетаки пріостанавливаетъ.

Эти общіе принципы авторъ прилагаетъ къ конкретнымъ отношеніямъ, возникающимъ изъ военнаго занятія, причемъ однако не разъ проявляется недостаточность его основнаго положенія. Такъ, по его мнѣнію, занятіе не должно оказывать никакого вліянія на національность жителей. Это вѣрно, но едвали допустимо, какъ онъ полагаетъ, чтобъ оккупантъ былъ не въ правѣ отмѣнить рабство, если онъ таковое найдетъ. Онъ можетъ это сдѣлать, но во имя международнаго права, а не законовъ войны, какъ говоритъ авторъ.

Въ сущности, по воззрѣніямъ Бернье и писателей, которымъ онъ слѣдуетъ, занятая область находится *внѣ* всякаго суверенитета: отечество безсильно и его предписанія не болѣе, какъ теоретическія заявленія; власть оккупанта, какъ чисто фактическая (une autorité toute de fait), лишена юридической основы и нечего стараться проводить ей, какъ пытается однако Бернье, какія то границы. При такомъ положеніи тѣмъ ужаснѣе, особенно для мирныхъ жителей, должно быть столкновеніе между враждующими силами.

Вотъ почему трудно понять, въ силу чего Бернье требуетъ, чтобы всякія сношенія между жителями занятой области и ихъ отечественною властью были прекращены. Оккупантъ никакого не имѣетъ на это права! Въ случаѣ нарушенія этого запрещенія, онъ можетъ непослушныхъ не наказывать (ибо съ ихъ стороны не было вины), а считать военноплѣнными. Также слѣдуетъ ему поступать и съ тѣми, которые, вопреки его запрещеніямъ, будутъ стараться соединиться съ отечественнымъ войскомъ. Это, съ ихъ стороны, не преступленіе,

достойное тѣхъ каръ, которыми преслѣдовали нѣмцы подобныя попытки въ 1870 г., а выполненіе патріотическаго долга, заслуживающее всякой похвалы. Лица поступающія такъ, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что они—воюющіе и поэтому подлежатъ только задержанію и военному плѣну.

Нисколько не оправдывая жестокости современной военно-уголовной практики, мы полагаемъ, однако, что указываемою санкціею едва ли удовольствуются воюющіе и именно въ этомъ пунктѣ умѣстно различіе между страною занятою и не занятою непріятелемъ.

Оккупантъ не въ правѣ нарушать дѣйствія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ въ мѣстности, имъ занятой. Суды постановляютъ свои рѣшенія никогда отъ его имени, а отъ имени національнаго правительства. Бернье отказываетъ далѣе оккупанту въ правѣ издавать новые законы. Это было бы актомъ верховенства, ему не принадлежащаго. Но въ случаѣ нужды оккупантъ можетъ издавать лишь временные приказы и распоряженія, а равно учреждать свои военные суды, призванные вѣдать преступленія противъ безопасности его войска. Но непріятельскіе подданные, которые были бы привлечены къ этимъ судамъ, должны пользоваться всѣми гарантіями, которыя предоставлены и лицамъ военнаго сословія. Никакъ нельзя одобрить, чтобы военачальники, въ своихъ прокламаціяхъ, опредѣляли одновременно преступленія и наказанія и создавали для непріятельскихъ гражданъ особые полевые суды съ сокращеннымъ производствомъ.

Правила относительно *имуществъ* Бернье излагаетъ въ трехъ послѣднихъ главахъ своего сочиненія, останавливаясь на имуществахъ частныхъ, государственныхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Общій принципъ неприкосновенности частной собственности и во время войны подлежитъ, относительно оккупанта, двумъ исключеніямъ: a) если эта собственность по своему характеру составляетъ для него опасность, и b) если она рѣшительно для него необходима.

Къ первой категоріи предметовъ опасныхъ относятся оружія, военные снаряды: и вообще предметы, прямо служащіе войнѣ. Оккупантъ можетъ ихъ захватить, но, при заключеніи мира, онъ обязанъ ихъ возвратить или вознаградить за нихъ ихъ собственниковъ. Предметы, для него абсолютно необходимые, оккупантъ пріобрѣтаетъ, если не можетъ иначе, путемъ реквизицій. Послѣднія основываются только на правѣ необходимости (или, какъ выражается авторъ, excuse de la nécessité), но не на суверенитетѣ непріятеля надъ занятой имъ областью. Эти предметы трудно перечислить a priori, но въ цѣломъ сюда относится все, что необходимо войску для его существованія и

военныхъ операцій. Выводя реквизиціи изъ необходимости, авторъ послѣдовательно не дѣлаетъ никакого различія между частною собственностію непріятеля и нейтральныхъ гражданъ. Послѣдняя одинаково, въ случаѣ нужды, подвергается захвату. Мы, держась на занятіе иной принципіальной точки зрѣнія, отвергаемъ и этотъ выводъ.

Реквизиціи, будучи, до извѣстной степени, экспропріаціями, возлагаютъ обязанность вознагражденія на того, кто къ нимъ прибѣгнулъ. Тутъ авторъ хорошо опровергаетъ Лёнинга, утверждающаго, будто это относится къ области не международнаго, а государственнаго права, и будто за реквизиціи оккупанта обязано платить отечественное правительство занятой области. Мимоходомъ онъ упоминаетъ, что обязанность вознаграждать частныхъ лицъ за потерпѣнныя ими реквизиціи была впервые признана въ знаменитомъ договорѣ 1785 года между С. Штатами и Пруссіею (ст. 23) и полагаетъ, что государство побѣжденное должно по окончаніи войны вознаградить тѣхъ своихъ гражданъ, которые, вслѣдствіе ея, потерпѣли въ своихъ имуществахъ «ибо тягости войны должны падать на всѣхъ, а не на нѣкоторыхъ лишь лицъ случайно». Во Франціи правительство не признаетъ этой обязанности, но дѣлаетъ это изъ великодушія (à titre gracieux). По закону 6 сент. 1871 года было назначено 100 милл. фран. для вознагражденія лицъ, потерпѣвшихъ отъ войны съ Германіею.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, когда онъ замѣчаетъ, что, хотя бы реквизиціи въ указанныхъ предѣлахъ и были законны, но надо желать все большаго и большаго ихъ сокращенія. «Онѣ падаютъ тяжелымъ бременемъ на мирное населеніе занятой области, но отмѣна ихъ требуется и интересами самихъ воюющихъ серьезно понятыхъ, ибо *никакія реквизиціи не могутъ замѣнить войску хорошо организованной интендантской службы*». Французы не прибѣгали къ нимъ во время Крымской войны и похода въ Мексику.

Еще рѣшительнѣе авторъ высказывается противъ контрибуцій. Это едва ли не самая примѣчательная часть его книги. Разбирая мнѣніе Роленъ-Жекмена и Ленинга о поводахъ, будто бы оправдывающихъ иногда контрибуціи (какъ замѣну реквизицій въ болѣе справедливой для жителей мѣрѣ, или какъ залогъ въ доставкѣ предметовъ натурою, какъ пени за правонарушенія и какъ мѣры понудительныя въ видахъ скорѣйшаго окончанія войны), Бернье отвергаетъ ихъ всѣ и допускаетъ лишь одинъ случай, могущій ихъ узаконить: когда оккупантъ взимаетъ ихъ *въ замѣнъ налоговъ*, установленныхъ для управленія страною, если послѣднее по обстоятельствамъ перейдетъ въ его

руки. Изъ новѣйшихъ писателей онъ называетъ одного Блюнчли рѣшительнымъ противникомъ контрибуцій.

Имущества, принадлежащія государству, не имѣютъ права во время войны на неприкосновенность, даруемую частной собственности, ибо государства и суть враги на войнѣ. Но и тутъ надо различать нѣсколько категорій, на которыя хорошо указываетъ Бернье. Видя въ войнѣ только *законную оборону*, а не примѣненіе *права наказанія*, онъ общимъ правиломъ признаетъ право воюющаго конфисковать и уничтожать лишь то имущество непріятельскаго государства, которое даетъ ему средства для веденія войны (ressource de guerre). Если же эти имущества по своей природѣ не таковы, воюющій можетъ завладѣвать ими временно и получаемые съ нихъ доходы присвоивать себѣ. Бернье, согласно съ своей теоріей, оспариваетъ мнѣніе, выставленное Блюнчли и принятое брюссельскою декларацією, будто оккупантъ есть узуфруктуарій недвижимаго имущества непріятеля. Онъ завладѣваетъ этимъ имуществомъ не иначе, какъ въ качествѣ воюющаго и по молчаливому соглашенію сторонъ. Получая съ этихъ имуществъ доходы, онъ не въ правѣ отчуждать ихъ или обезцѣнивать (détériorer le fonds), но, съ другой стороны, нельзя отъ него требовать, чтобы онъ поддерживалъ ихъ и вообще завѣдывалъ ими, какъ говоритъ брюссельская декларація, сообразно съ правилами узуфрукта. Относительно зданій, служащихъ религіи, наукамъ, искусствамъ и благотворительности, Бернье дѣлаетъ вполнѣ вѣрную оговорку, что, если иногда, въ силу военной необходимости, оккупантъ можетъ пользоваться ими временно для своихъ нуждъ (напр., помѣщать въ нихъ раненыхъ или больныхъ), онъ, однако, всегда обязанъ щадить патріотическія и религіозныя чувства жителей. Нельзя оправдать того, что въ 1870 году нѣмцы совершали въ Бове въ католическомъ храмѣ протестантское богослуженіе.

Денежныя суммы, принадлежащія непріятельскому государству, поступаютъ въ собственность оккупанта, но не въ тѣхъ случаяхъ однако, когда государство лишь номинально распоряжается ими, а въ дѣйствительности онѣ принадлежатъ частнымъ лицамъ, благотворительнымъ обществамъ и сберегательнымъ кассамъ.

Интересно, какъ авторъ объясняетъ право оккупанта взимать налоги. Суверенитета надъ занятою имъ областію онъ не имѣетъ: власть его чисто фактическая. Нельзя также отнести налоги, какъ дѣлаютъ нѣкоторые новѣйшіе писатели (Фіоре, Руаръ-дё-Каръ) просто къ доходамъ, получаемымъ государствомъ, и уподобить ихъ, въ естественномъ или юридическомъ смыслѣ, произведеніямъ, взимаемымъ съ земли. Налоги это—

эквивалентъ, платимый населеніемъ государству за труды по управленію имъ. Вотъ почему оккупантъ получаетъ право на ихъ взиманіе лишь тамъ, *гдѣ его власть прочно утвердилась*. Но какъ же согласовать это съ выше сказаннымъ мнѣніемъ автора, будто занятіе и простое нашествіе тождественны? Развѣ не установляетъ онъ въ этомъ пунктѣ между ними важнаго, принципіальнаго различія? Кромѣ того, по всему его ученію, отношеніе между оккупантомъ и населеніемъ чисто фактическія и, значитъ, нечего ему заботиться объ управленіи краемъ и не принадлежитъ ему *право* взимать за это эквивалентъ, т. е. налоги. Тутъ Бернье, правда, дѣлаетъ новое отступленіе, говоря, что естественное право и человѣколюбіе побуждаютъ оккупанта, на сколько возможно, взять на себя управленіе страною, а это и даетъ ему право на собираніе податей. Но это и превращаетъ, по нашему мнѣнію, фактическія отношенія въ юридическія, но не во имя естественнаго, а международнаго права.

Въ случаѣ необходимости, оккупантъ можетъ существующіе налоги и пошлины замѣнить какимъ либо инымъ и однимъ налогомъ (въ этомъ лишь случаѣ Бернье оправдываетъ контрибуціи) и даже возвысить ихъ. Въ послѣднемъ правѣ однако, воюющему должно отказать, даже если бы возвышеніе налоговъ требовали нужды по мѣстному управленію, именно потому, что оккупантъ, лишь временно распоряжаясь занятою имъ областію, не въ правѣ предпринимать въ ней никакихъ конституціонныхъ измѣненій.

Въ особую, послѣднюю главу авторъ выдѣляетъ вопросъ о *желѣзныхъ дорогахъ*. Несмотря на ихъ громадное значеніе для войны, онъ справедливо замѣчаетъ, что локомотивы и вагоны по своему назначенію суть не орудія войны, а орудія мира и всемірной цивилизаціи. Кому бы они ни принадлежали, государству или частнымъ лицамъ и обществамъ, но—въ интересахъ всѣхъ народовъ, чтобъ они не отчуждались отъ своего прямаго назначенія быть однимъ изъ главныхъ проводниковъ всеобщихъ сношеній. Отсюда своеобразныя правила относительно пользованія этого рода имуществомъ. Оккупантъ завладѣваетъ желѣзными линіями, хотя бы онѣ составляли частную собственность, и получаемые съ ихъ эксплуатаціи доходы беретъ себѣ, но при заключеніи мира, онъ обязанъ не только возвратить ихъ подвижной составъ собственникамъ, но и вознаградить ихъ за убытки, которые онъ имъ причинитъ. Если же желѣзныя дороги принадлежатъ государству, оккупантъ, возвращая ихъ подвижной составъ, не обязанъ вознаграждать за убытки. Бернье воздаетъ должное нѣмцамъ за то, что, въ послѣднюю войну съ Франціею, они предоставляли

желѣзныя дороги, бывшія въ ихъ власти, при первой же возможности, общему пользованію и даже обѣщали вознаградить убытки частнымъ ихъ владѣльцамъ, хотя, повидимому, обѣщаніе это не было выполнено.

Между тѣмъ какъ вопросъ о *положеніи имуществъ*, во время войны, такъ хорошо разработанный въ монографіяхъ Блюнчли и Руаръ-де-Кара, за эти послѣдніе годы не вызвалъ новыхъ изслѣдованій, напротивъ, *положеніе лицъ* составило предметъ нѣсколькихъ сочиненій: Геля, Гренандера, Каспарека и Муанье (собственно посвященнаго Женевской конвенціи).

31. Guelle. *La guerre continentale et les personnes.* 1881.

Не будучи ученымъ сочиненіемъ въ строгомъ смыслѣ, книга Геля заслуживаетъ вниманія въ качествѣ руководства, преимущественно предназначеннаго для арміи, такъ какъ авторъ, будучи самъ докторомъ правъ и состоя на военной службѣ, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ наше время слѣдуетъ заботиться не столько о *провозглашеніи началъ военнаго права*, сколько о *проведеніи ихъ въ народныя массы и особенно о воспитаніи сообразно съ ними солдатъ*. Въ виду этой цѣли книга Геля написана толково и ясно, не обременена множествомъ ссылокъ, хотя авторъ очевидно знакомъ съ литературою международнаго права. Чаще всего онъ ссылается на Кальво, Фіоре и Блюнчли, котораго, неизвѣстно почему, называетъ въ одномъ мѣстѣ «прусскимъ юрисконсультомъ». Само собою разумѣется, что война 1870—71 г. служитъ, такъ сказать, канвою для его теоретическихъ разсужденій и въ цѣломъ онъ относится къ ней довольно безпристрастно.

Послѣ общихъ философскихъ замѣчаній о законности и значеніи войны, авторъ изучаетъ свой предметъ въ четырехъ фазисахъ (титулахъ): начало войны, враждебныя дѣйствія, ихъ временное пріостановленіе и прекращеніе. Въ приложеніи онъ затрогиваетъ вопросъ о нейтральныхъ.

Начиная свою книгу съ возраженія тѣмъ, которые по старой пословицѣ: «Inter arma silent leges», отрицаютъ возможность существованія для войны юридическихъ нормъ, авторъ останавливается и на слѣдующемъ, особенно военными излюбленномъ доводѣ: въ интересахъ человѣколюбія, будто, надо желать, чтобы войны были безпощадны, а не смягчались нормами права. Чѣмъ болѣе онѣ будутъ ужасными, тѣмъ болѣе будутъ кратковременными и даже рѣдкими. «Мы не раздѣляемъ, говоритъ авторъ, этого воззрѣнія. Искать блага для народовъ въ пріумноженіи ихъ бѣдствій и пользоваться ужасами

войны для возстановленія мира, это весьма опасные пріемы, претящіе человѣчеству и обыкновенно ведущіе къ цѣли ровно противоположной. Кровь взываетъ къ крови и жестокости ведутъ къ репрессаліямъ. Память о потерпѣнныхъ страданіяхъ поддерживаетъ въ народахъ жажду мести. Если этимъ думаютъ скорѣе придти къ миру, то вмѣсто того сѣютъ новые зародыши войны». Допуская, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, законность войны, авторъ видитъ въ ней, въ результатѣ «бичъ, который, хотя иногда и приноситъ нѣкоторую пользу и вслѣдствіе этого можетъ быть нѣсколько извиняемъ, но никогда не оправдываемъ вполнѣ и еще менѣе восхваляемъ». Гель энергично осуждаетъ теорію Де-Местра, видѣвшаго въ ней проявленіе кары Божіей. Это ученіе противорѣчитъ не только духу Евангелія, но и самому понятію о Божественной правдѣ, въ планы коей не можетъ входить караніе невинныхъ за виновныхъ, что почти всегда совершается на войнѣ.

Вѣря въ прогрессъ и въ постоянно усиливающееся уваженіе къ человѣческой личности, авторъ допускаетъ въ будущемъ отмѣну войны подъ двоякимъ условіемъ: чтобы государства согласились въ своихъ спорахъ обращаться, до употребленія силы, къ третейскому суду и чтобы они признали войну законною лишь въ случаяхъ необходимой обороны.

Нельзя одобрить его классификацію войнъ на частныя, публичныя и междуусобныя, тѣмъ болѣе, что первыя, по его же признанію, перестали существовать. Для международнаго права важна именно классификація войнъ публичныхъ. Еще рѣшительнѣе должно быть отвергнуто его положеніе, будто къ междуусобнымъ войнамъ (которыя не слѣдуетъ смѣшивать съ простыми мятежами) приложимы не начала международнаго права, а внутренніе законы даннаго государства. Исключенія изъ этого онъ допускаетъ по соображеніямъ человѣколюбія. Но въ интересахъ всѣхъ враждующихъ надо требовать приложенія и къ междуусобнымъ войнамъ тѣхъ же началъ, какъ и къ войнамъ между государствами.

Считая объявленіе войны необходимымъ, хотя государства вольны избирать для этого любую форму, Гель склоняется въ пользу даже того, чтобы между ея объявленіемъ и открытіемъ враждебныхъ дѣйствій былъ допущенъ извѣстный срокъ. Государство, подвергнувшееся нападенію, только выиграетъ въ общественномъ мнѣніи, если подчинится формальности объявленія. Но, по нашему мнѣнію, авторъ заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, что съ момента начала войны между воюющими должны прекратиться всякія сношенія, не только

политическія, но и даже между ихъ подданными: торговыя, почтовыя и т. д.. По отношенію къ подданнымъ непріятеля онъ признаетъ за воюющимъ и право *удерживать* тѣхъ изъ нихъ, которыхъ ихъ отечество потребуетъ для военной службы и право *изгонять ихъ массами*, если они угрожаютъ его безопасности (на этомъ основаніи онъ оправдываетъ изгнаніе французами нѣмцевъ изъ Парижа въ 1870 г.).

Строго говоря, воюющему не принадлежитъ ни то, ни другое право. Во всякомъ случаѣ, подчиняя непріятельскихъ подданныхъ болѣе строгому надзору, онъ можетъ изгонять ихъ не массами, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые въ чемъ либо провинятся.

Переходя къ враждебнымъ дѣйствіямъ, авторъ прежде всего справедливо замѣчаетъ, что въ наше время немыслимо ограничивать веденіе войны однѣми регулярными арміями, ибо войны становятся болѣе и болѣе національными и обращеніе къ народной оборонѣ особенно необходимо для второклассныхъ государствъ, не могущихъ выставить большихъ армій. Съ тѣмъ вмѣстѣ однако необходима организація и дисциплина комбатантовъ. «Лишь подъ этимъ условіемъ борьба утрачиваетъ варварскій характеръ и поддается смягчающему воздѣйствію на нее цивилизаціи. Чѣмъ болѣе народное ополченіе (какъ бы оно ни называлось: добровольцами, вольными стрѣлками, ландштурмомъ и т. п.) будетъ хорошо организовано и дисциплинировано, тѣмъ невозможнѣе будетъ для непріятеля сознательно или безсознательно смѣшивать членовъ его съ отдѣльными авантюристами, грабителями и убійцами, которые, въ качествѣ разбойниковъ, подлежатъ лишь военному суду и наказанію». Гель находитъ нужнымъ подчинить комбатантовъ тѣмъ условіямъ, которыя выставляютъ для нихъ Брюссельская декларація и законы войны Института, но онъ формулируетъ ихъ болѣе строго и для воюющихъ болѣе стѣснительнымъ образомъ. Онъ требуетъ, чтобы ополченіе (troupes auxiliaires) получило признаніе и разрѣшеніе отъ своего правительства, было организовано въ военномъ отношеніи и подчинено по крайней мѣрѣ начальствующему войсками.

Но населеніе, какъ извѣстно, можетъ принять участіе въ войнѣ не только ставя ополченіе, но и поголовно возставая на непріятеля. Имѣетъ ли оно, въ послѣднемъ случаѣ, право воюющаго? Авторъ приводитъ воззваніе къ народной войнѣ Пруссіи въ 1813 г. и Франціи въ 1870 г. и говоритъ, что населеніе, поголовно возстающее на непріятеля, не можетъ быть поставлено на одну ногу съ ополченіемъ, но должно пользоваться правами воюющей стороны. Въ слу-

чаѣ пораженія оно имѣетъ право на военный плѣнъ. Это положеніе не оспаривается по отношенію къ населенію, возставшему въ странѣ, *не занятой* непріятелемъ, но авторъ, повидимому, склоненъ распространить его на населеніе *и области занятой*.

Намъ кажется, въ данномъ случаѣ необходимо установить нѣкоторыя различія и признать *возстаніе въ занятой непріятелемъ мѣстности законнымъ:* во 1-хъ, если занятіе существуетъ болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности по аналогіи съ фиктивной блокадой; во 2-хъ, въ случаѣ неуваженія оккупантомъ подданнической связи мѣстнаго населенія съ ихъ отечествомъ и требованія отъ него дѣйствій враждебныхъ послѣднему и, въ 3-хъ, если самъ воюющій, занявшій страну, не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ населенію: не заботится о безопасности въ краѣ, угнетаетъ жителей поборами и т. п. Въ остальныхъ случаяхъ возстаніе должно быть признано, съ точки зрѣнія международнаго права, преступленіемъ [1]).

Перечисляя средства, недозволенныя на войнѣ, Гель присоединяется къ мысли Морена и тѣхъ, которые желали бы, чтобы новая конференція продолжила дѣло Петербургской 1868 г. и осудила бы нѣкоторыя изъ новѣйшихъ средствъ вредить непріятелю. какъ-то: употребленіе разрывныхъ снарядовъ и свыше 400 граммъ, митральёзъ въ цѣломъ или отчасти. зажигательныхъ ракетъ и т. п. Съ своей стороны, Гель полагаетъ, что слѣдовало бы воспретить употребленіе петролея, какъ средства, разрушительнаго на войнѣ. Въ наши дни, добавляетъ онъ, многіе изъ военныхъ пріемовъ прежнихъ эпохъ вызвали бы только осужденіе, напр., наводненіе Голландіи, опустошеніе огнемъ Палатината. Отчего же не воспретить войскамъ сожиганіе жилищъ непріятеля посредствомъ петролея? Къ сожалѣнію, правило, за которое выступаетъ тутъ авторъ, вовсе не лишне послѣ неистовствъ коммуны въ Парижѣ, въ 1871 г..

Въ главѣ объ осадахъ и бомбардированіяхъ авторъ съ понятною горечью говоритъ объ участи Страсбурга и Парижа въ франко-германской войнѣ. Вопреки прямому заявленію американской инструкціи и молчанію Брюссельской декларацiи, Гель полагаетъ, что осаждающій поступитъ хорошо, если дозволитъ женщинамъ, дѣтямъ, старикамъ и больнымъ покинуть обложенный имъ городъ, хотя бы это было сопряжено для него съ «нѣкоторыми неудобствами». Та же логика требуетъ, чтобы осаждающій допустилъ, подъ своимъ контро-

---

[1]) Противоположное мнѣніе г. *Эйгельмана* (Военное занятіе непріятельской страны 1880) едва ли можетъ быть принято.

лемъ, сношенія дипломатическихъ агентовъ съ ихъ правительствами, если они находятся въ осаждаемомъ городѣ. Но Гель склоняется къ полному воспрещенію такихъ сношеній, указывая на осаду Парижа въ 1870 г. и на заявленіе, сдѣланное тогда Бисмаркомъ. Однако Бисмаркъ допустилъ, изъ политическихъ соображеній, исключеніе въ пользу представителя С. Штатовъ. Но это исключеніе справедливѣе возвести въ правило.

Нельзя не отмѣтить дѣльную критику Геля относительно мнѣнія Блюнчли о воздухоплавателяхъ. Послѣдній полагалъ, что воюющій въ правѣ считать себя обладателемъ воздушнаго пространства на разстояніе пушечнаго выстрѣла отъ земли и, въ этихъ предѣлахъ, не дозволять непріятелю никакихъ сообщеній *по воздуху*. Это мнѣніе не представляется автору серьезнымъ. «Гораздо проще, говоритъ онъ, уподоблять воздухоплавателей посланнымъ (messagers) старающимся проникнуть за непріятельскія линіи и подвергать ихъ военному плѣну. Можно бы еще сравнить лица, находящіяся въ воздушномъ шарѣ, съ экипажемъ корабля, нарушающаго блокаду. За попытку такого рода не полагается наказанія, но почему же считать преступнымъ въ воздушномъ пространствѣ дѣяніе, не караемое на водѣ?»

Изложивъ постановленія Женевской конвенціи, Гель находитъ, что на основаніи опыта, добытаго изъ послѣднихъ войнъ, существуютъ три причины недовольства этою конвенціею: во 1-хъ, недостаточное знакомство войскъ съ ея началами (при чемъ соглашается въ справедливости этого упрека, сдѣланнаго Французамъ Нѣмцами въ 1870 г.); во 2-хъ, отсутствіе санкціи въ случаяхъ ея нарушенія. Авторъ присоединяется къ мнѣнію тѣхъ, которые желаютъ, чтобы государства положили въ своихъ военно-уголовныхъ кодексахъ строгія кары за эти нарушенія. Въ 3-хъ, недостаточное устройство частныхъ обществъ вспомоществованія и слабый надъ ними контроль, вслѣдствіе чего дѣятельность ихъ бываетъ не всегда полезна, а иногда даже прямо вредна. Онъ требуетъ строгаго подчиненія этихъ обществъ военной власти и образцемъ для сего выставляетъ французскій регламентъ 1878 г. Къ перечисленнымъ причинамъ необходимо добавить еще двѣ: измѣненія, по указаніямъ опыта, въ *текстѣ* самой конвенціи и установленіе *международной юрисдикціи* для ея охраны.

Положеніе военно-плѣнныхъ изучается авторомъ кратко съ исторической и съ теоретической стороны. Напомнивъ, что размѣнъ ихъ почти не практиковался въ 1870 г., онъ спеціальнѣе останавливается на освобожденіи ихъ по честному слову. Въ 1870 г. эта форма прилагалась двояко: либо плѣннымъ, по ихъ слову, давалась свобода только

въ мѣстѣ ихъ водворенія, либо имъ дозволялось возвращеніе во Францію подъ условіемъ не принимать болѣе участія въ войнѣ. Авторъ жалуется, что Нѣмцы не довольно серьезно относились къ этимъ договорамъ объ освобожденіи, но напрасно онъ слегка касается вопроса о нарушеніи честнаго слова его соотечественниками. Очевидно, оба воюющіе не дозрѣли еще тогда до этой наиболѣе гуманной формы освобожденія плѣнныхъ. Отсюда и пессимистическій выводъ автора, что опытъ послѣдней войны былъ для нея весьма неблагопріятенъ, ибо она отличается однимъ значительнымъ неудобствомъ, отдѣляя въ большинствѣ случаевъ участь офицеровъ отъ солдатъ. Но самъ же онъ выше оговаривается, что принятіе этого договора объ освобожденіи—дѣло *вполнѣ добровольное* для всѣхъ сторонъ. Лица, освобожденныя такимъ способомъ, по его мнѣнію, обязаны не участвовать въ войнѣ противъ правительства, которому они дали честное слово, а равно противъ его союзниковъ, но имъ не воспрещается внутренняя военная служба: обученіе рекрутовъ, работы по укрѣпленію мѣстъ не осаждаемыхъ, содѣйствіе поддержанію внутренняго порядка, исполненіе дипломатическихъ порученій, даже активное участіе въ военной службѣ противъ врага, но не союзника, освободившаго ихъ правительства.— Освобождаться на честное слово могутъ всѣ плѣнные безъ различія чина и званія. Договоръ объ этомъ имѣетъ не частно-правовой, но публичный характеръ, обязывая правительство тѣхъ лицъ, которыя его подписали. Поэтому, хотя бы государство по своимъ законамъ не дозволяло этихъ обязательствъ, оно можетъ наказывать виновныхъ въ принятіи ихъ, но не въ правѣ требовать отъ нихъ нарушенія разъ даннаго ими честнаго слова.

Отдѣлъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ оканчивается главою о военномъ занятіи. Нельзя назвать вѣрнымъ опредѣленіе этого понятія у автора. «Занятіе есть фактическое положеніе чисто временное, которое даетъ воюющему власть совершать дѣйствія, полезныя цѣлямъ войны». А нѣсколько далѣе: «это есть *только фактъ*, но на столь важный, что ведетъ и къ извѣстнымъ юридическимъ послѣдствіямъ». Авторъ не уяснилъ себѣ *юридическаго* значенія и *международнаго* характера занятія. Поэтому онъ, высказываясь за то, чтобы суды въ занятой мѣстности продолжали свою дѣятельность, требуетъ, чтобы они постановляли свои приговоры во имя національнаго правительства. Формула—«во имя закона» представляется ему неудобопріемлемою, ибо, какъ замѣтилъ одинъ французскій публицистъ, Герарь, приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія при-

звана не законодательная, а исполнительная власть и поэтому только отъ имени послѣдней (т. е. правительства) должны говорить суды.

Мы находимъ этотъ аргументъ несостоятельнымъ: въ современномъ государствѣ надъ правительствомъ и судомъ возвышается законъ и судъ является его исключительнымъ органомъ [1]).

Рядомъ съ обыкновенными, національнальными судами во время занятія, авторъ считаетъ необходимыми и учрежденіе оккупантомъ судовъ военныхъ, долженствующихъ вѣдать всѣ преступленія и проступки, кѣмъ бы они ни были совершены, даже иностранцами, противъ безопасности и дисциплины войска. Полнаго одобренія заслуживаетъ мысль автора о томъ, чтобы эти суды, въ свою очередь, относительно производства дѣлъ, были строго подчинены законамъ и чтобы лица, къ нимъ привлеченныя, пользовались всѣ равными способами защиты.

Переходя къ неприкосновенности всего собственно мирнаго населенія, Гель осуждаетъ не только привлеченіе его къ активному участію въ войнѣ, но даже и къ пассивному, т. е. принужденіе его къ отправленію службы путеводителей и т. п. Мы знаемъ, говоритъ онъ, что по существующимъ обычаямъ это позволяется и воюющіе къ этому прибѣгаютъ, но мы надѣемся, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ цивилизаціи, если не исчезнутъ, то по крайне мѣрѣ, хотя въ европейскихъ войнахъ, станутъ болѣе рѣдкими, эти варварскіе пріемы. Всеобщая воинская повинность снабжаетъ въ наше время государства такимъ количествомъ рукъ, что имъ нечего прибѣгать къ содѣйствію непріятельскаго населенія, а войско, хорошо знакомое съ географіею и статистикою, обойдется и безъ иностранныхъ путеводителей. Не менѣе осуждаетъ онъ, если воюющій требуетъ, чтобы непріятельскіе граждане сопровождали его поѣзда, транспорты въ виду охраны ихъ отъ нападеній со стороны мѣстнаго населенія, какъ дѣлали это нѣмцы въ войну 1870—71 г.

Кромѣ картелей о размѣнѣ плѣнныхъ, конвенціи между воюющими могутъ касаться, по словамъ Геля, четырехъ различныхъ предметовъ: охранныхъ грамотъ, парламентеровъ, пріостановки враждебныхъ дѣйствій и перемирій и наконецъ капитуляцій. Разсмотрѣнію этихъ отдѣльныхъ категорій онъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о согласіи сторонъ, ихъ правоспособности и о дозволенности предмета обязательствъ.

---

[1]) Въ германскомъ Уст. Судоустр. 1877 г. читаемъ: Die richterliche Gewalt wird durch unabhängige, *nur dem Gesetze* unterworfene Gerichte ausgeübt. (Ст. 1).

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить странное и невѣрное мнѣніе автора, будто причины недѣйствительности соглашенія, признанныя въ гражданскомъ правѣ (обманъ, заблужденіе, насиліе), вовсе не прилагаются къ военнымъ конвенціямъ, гдѣ каждый долженъ винить только себя самого въ случаѣ ошибки, опрометчивости или дозволенія врагу его перехитрить.

Говоря о послѣдствіяхъ перемирія, авторъ ставитъ на видъ различія, существующія въ толкованіи этихъ послѣдствій между практикою и теоріею (Фіоре, Блюнчли, Кальво). Послѣдняя толкуетъ перемирія всегда въ строго-ограничительномъ смыслѣ. Весьма споренъ вопросъ о томъ, можетъ ли осаждаемый, во время перемирія, просить своего врага о дозволеніи снабдить себя продовольствіемъ? Функъ-Брентано и Сорель прямо заявляютъ, что осаждающій не обязанъ соглашаться на это. Но въ виду, при этомъ условіи, лишенія перемирія всякаго смысла для осажденнаго, Гель склоняется къ мнѣнію Кальво, примиряющее требованія человѣколюбія съ интересами воюющаго и состоящее въ томъ, что осажденному дозволяется снабдить себя продовольствіемъ не безъусловно, а лишь въ извѣстной пропорціи, разсчитанной по день истеченія срока перемирія. Такое условіе было поставлено въ Тревизскомъ перемиріи при осадѣ Мантуи французами въ 1801 г. Но Бисмаркъ отказалъ въ немъ Парижу въ 1870 г.

Присоединяемся также къ мысли автора о томъ, что вопреки Блюнчли при нарушеніи перемирія одною стороною, другая не въ правѣ приступать къ враждебнымъ дѣйствіямъ немедленно, безъ извѣщенія о томъ противника. Кромѣ случая прямаго отраженія нападенія, Гель полагаетъ, что воюющій не только долженъ извѣщать непріятеля о прекращеніи перемирія, но и давать ему извѣстный срокъ до открытія новыхъ враждебныхъ дѣйствій.

Весьма интересна глава о капитуляціяхъ, въ которой резюмируются начала различныхъ договоровъ этого рода, заключенныхъ въ продолженіе войны 1870—71 г.

Авторъ сообщаетъ невѣроятный отрывокъ изъ одного оффиціальнаго извѣщенія къ арміи, запертой въ Мецѣ въ видахъ побужденія ея къ сдачѣ. При самой же сдачѣ, для того чтобы солдаты съ отчаянія не поломали оружіе, среди нихъ стали распространять слухъ, что, при заключеніи мира, все это оружіе будетъ возвращено Франціи. Лишь сдачи Фальсбурга и Бельфора представляютъ почетные примѣры въ исторіи капитуляцій. Въ случаѣ безъусловной сдачи осажденнаго мѣста, авторъ справедливо напоминаетъ, что побѣдителю не принадлежитъ уже болѣе въ наши дни jus vitae ac necis надъ гарнизономъ.

Послѣдній обращается въ плѣнъ и оказанная имъ доблесть заслуживаетъ не мщенія, а почетнаго признанія.

Гель осуждаетъ все болѣе укореняющуюся практику взимать съ побѣжденнаго, при заключеніи мира, громадныя военныя контрибуціи. Ихъ можно было бы оправдать еще юридически, если бы онѣ ограничивались вознагражденіемъ побѣдителю прямыхъ и непосредственныхъ убытковъ, нанесенныхъ ему войною. Но обыкновенно идутъ гораздо далѣе этого и требуютъ вознагражденія даже убытковъ косвенныхъ, причиненныхъ войною либо имуществу цѣлаго государства, либо состоянію его отдѣльныхъ гражданъ вслѣдствіе торговыхъ потерь, лишенія многихъ лицъ возможности самимъ добывать себѣ хлѣбъ и т. п. Опредѣленіе же этихъ убытковъ рѣшительно невозможно и все предоставляется тутъ личному произволу побѣдителя.

При переходѣ области отъ одного государства къ другому, авторъ высказывается противъ плебисцитовъ не только въ прямой формѣ, но даже и косвенной, посредствомъ народныхъ представителей, и совершенно вскользь касается вопроса о единоличномъ выборѣ національности въ этихъ случаяхъ. По его мнѣнію, нечего искать для завоеваній подобія права. «Завоеванія — это грубый фактъ, ничего не имѣющій общаго съ правомъ и не могущій его создать. Можно быть принужденнымъ ему подчиниться, но нельзя признать его за законный способъ пріобрѣтенія территоріи». Мнѣніе—слишкомъ радикальное и общее. Отмѣнить завоеваніе можно не иначе, какъ посредствомъ извѣстныхъ эквивалентовъ, о которыхъ говоритъ, напр., Селосъ.

Разбираемое нами сочиненіе оканчивается приложеніемъ о нейтралитетѣ. Это интересный очеркъ по многочисленнымъ ссылкамъ на войну 1870—71 г. Авторъ принимаетъ два вида нейтралитета: фактическій и юридическій. Первый возникаетъ не изъ одной воли даннаго государства, но изъ трактатовъ, гарантированныхъ третьими государствами (Бельгія, Швейцарія, Люксамбургъ); второй—есть добровольный нейтралитетъ, соблюдаемый въ виду опредѣленной войны.

Намъ кажется эта терминологія неудобною собственно потому, что оба вида нейтралитета обозначаютъ состоянія вполнѣ юридическія.

Упомянувъ о недозволенности нейтральнымъ оказывать воюющимъ матеріальную помощь, Гель къ содѣйствію нравственному относитъ: мнѣнія печати, дѣйствія нейтральныхъ правительствъ въ видахъ уменьшенія бѣдствій войны и заключенія мира. Оставляя въ сторонѣ два послѣдніе пункта (по которымъ нейтральные сдѣлали въ 1870—71 г. очень мало), авторъ энергично требуетъ предоставленіе нейтральной прессѣ свободы выраженія ея мнѣній и симпатій. Конечно увлеченія,

говоритъ онъ, и тутъ достойны сожалѣнія, но это вопросъ о народныхъ приличіяхъ. Онъ напоминаетъ, что когда Бисмаркъ жаловался въ 1870 г. на враждебное къ Германіи настроеніе печати въ Бельгіи, министръ послѣдней страны отвѣчалъ ему, что бельгійское правительство по закону не имѣетъ средствъ воздѣйствія на прессу. Нельзя не согласиться съ доводами Геля: «Если свобода слова и печати столь существенно необходима въ мирное время для политическаго и умственнаго развитія народовъ, то она еще важнѣе въ тяжелые часы этого грубаго и одуряющаго состязанія между ними, называемаго войною. Въ эти дни, когда мысль стремится стать столь же насильственною какъ и дѣйствія, когда съ одной стороны горечь отъ понесенныхъ пораженій, съ другой опьяненіе отъ одержанныхъ побѣдъ лишаютъ людей вѣрной оцѣнки предметовъ,—въ эти дни особенно важно *для поддержанія права, чтобы мысль могла, въ странахъ нейтральныхъ, высказываться съ полною свободою*».

Въ заключеніе авторъ вѣрно замѣчаетъ, что пока война не исчезнетъ, наиболѣе надежный путь къ утвержденію мира лежитъ въ ея цивилизованіи, т. е. въ подчиненіи ея нормамъ права. Изъ сдѣланнаго нами разбора книги Геля достаточно ясно, кажется, выступаетъ ея живой, современный интересъ. Она особенно много дѣлаетъ чести автору, какъ человѣку военному, и надо только желать, чтобы идеи, столь краснорѣчиво имъ излагаемыя и защищаемыя, все болѣе и глубже проникали въ ряды европейскихъ армій.

32. **Grenander.** *Sur les conditions nécessaires, selon le droit des Gens, pour avoir en guerre le droit d'être considéré et traité comme soldat.* 1882.

Брошюра автора, какъ шведскаго юриста, представляетъ особый интересъ въ виду того, что, требуя *извѣстныхъ условій для солдата*, онъ въ цѣломъ раздѣляетъ воззрѣніе на этотъ трудный вопросъ Брюссельской конференціи, воззрѣніе, будто бы подрывающее право *небольшихъ* государствъ на самозащиту.

Авторъ отправляется отъ положенія, что война есть отношеніе между государствами [1]). Солдаты суть какъ бы орудіе, руки, приводимыя въ движеніе лишь по повелѣнію государства, т. е. того цѣлаго, въ составъ котораго входятъ индивиды. Подобно тому, какъ человѣкъ не можетъ по одному своему усмотрѣнію сдѣлаться гражданиномъ конкретнаго государства, онъ не въ правѣ провозгласить себя его солдатомъ. Это

---

1) Это вытекаетъ уже изъ того, что въ государствѣ теперь признаютъ *особую*, отъ его отдѣльныхъ гражданъ отличную, *личность*.

дается только *прямымъ разрѣшеніемъ* (autorisation expresse) самого государства, которое несетъ и отвѣтственность за дѣйствія своихъ вооруженныхъ силъ. Это первое коренное условіе легализаціи солдатъ. Само собою разумѣется, отдѣльныя лица не лишаются права необходимой обороны и въ военное время. Вопросъ *о формѣ* осуществленія этого условія безразличенъ. Государство можетъ дать свое разрѣшеніе въ общемъ законѣ, въ призывѣ къ защитѣ отечества опредѣленной группы лицъ или извѣстной мѣстности и т. п. Нельзя требовать, чтобы разрѣшеніе, о которомъ идетъ рѣчь, давалось лично *каждому* солдату: оно по природѣ общаго характера. Но непріятель долженъ имѣть о немъ свѣдѣніе. Вотъ внутреннее оправданіе необходимости для защитниковъ отечества извѣстной *внѣшней формы*, или мундира. Это говоритъ авторъ—всякій *внѣшній знакъ*, удостовѣряющій качество солдата и который долженъ быть постояннымъ (не легко устранимымъ), и распознаваемымъ для нормальнаго глаза на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Такое значеніе имѣетъ вопросъ о формѣ солдатъ для международнаго права. Форма—внѣшняя сторона, доказательство полученнаго ими разрѣшенія быть защитниками отечества. А поэтому ей необходимо удовлетворять двумъ слѣдующимъ условіямъ: чтобъ она была видима на извѣстномъ разстояніи и чтобъ ее нельзя было легко снять и замѣнить другою. Воюющій долженъ же знать, кого слѣдуетъ ему считать врагомъ и нельзя отъ него требовать, чтобъ онъ всегда выжидалъ первый залпъ противъ себя, а потомъ начиналъ стрѣлять самъ. Для международнаго права очень важно дѣленіе непріятельскихъ гражданъ на вооруженныя силы (солдатъ) и на мирныхъ жителей, и всякія иныя подраздѣленія первыхъ на регулярныя войска, милицію, ополченія и т. д. для насъ значенія не имѣютъ.

Авторъ высказывается противъ молчаливаго дозволенія на военныя дѣйствія со стороны правительства. Что касается до другихъ условій, обязательныхъ для комбатантовъ по брюссельской декларацiи, т. е. чтобъ они находились подъ начальствомъ какихъ либо отвѣтственныхъ лицъ и сообразовались съ обычаями и законами войны,—Гренандеръ полагаетъ, что первое изъ нихъ уже заключается въ требованіи имѣть разрѣшеніе, а второе—не есть условіе, отъ котораго собственно зависитъ характеръ солдата. Не раздѣляя этого воззрѣнія, мы согласны однако съ авторомъ въ томъ, что разъ качество солдата для лица констатировано, нечего отъ него требовать, чтобъ онъ открыто носилъ оружіе.

Выставленныхъ авторомъ *двухъ* условій для опредѣленія вооружен-

ной силы нельзя требовать, по его мнѣнію, въ случаяхъ поголовнаго возстанія въ странѣ, не занятой непріятелемъ. Государство, въ крайнихъ случаяхъ, всегда имѣетъ право прибѣгать къ этой послѣдней мѣрѣ, лишь бы непріятелю было дано о томъ знать. Хотя подобное возстаніе разнуздываетъ силы, съ которыми потомъ трудно совладать даже правительству, къ нему обратившемуся, и хотя оно даетъ обильный матеріалъ для личной вражды и злобы всякаго рода, но Гренандеръ думаетъ, что и на будущее время оно, вѣроятно, не совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія, хотя бы въ ограниченныхъ размѣрахъ. По природѣ же оно послѣднее средство, къ которому прибѣгаетъ народъ, находящійся въ агоніи своего политическаго существованія.

Зато возстаніе въ странѣ, уже занятой непріятелемъ, осуждается авторомъ категорически. Даже разрѣшеніе на него со стороны отечественнаго правительства не можетъ его узаконить. Тутъ, очевидно, необходимы нѣкоторыя смягченія, о которыхъ мы говоримъ, разбирая книгу Геля. Какъ бы то ни было, но вполнѣ вѣрнымъ остается его основное положеніе, что въ интересахъ всѣхъ равно необходимо провести рѣзкую границу между мирнымъ населеніемъ и вооруженною силою государства и что если первое хочетъ пользоваться охраною со стороны непріятеля, оно должно воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій.

Свою брошюру Гренандеръ оканчиваетъ разсмотрѣніемъ преній, которыя вызвалъ этотъ вопросъ на брюссельской конференціи 1874 г.

33. **Kasparek.** *Ueber die Kriegsgefangenschaft. Eine völkerrechtliche Skizze (Grünhut's Zeitschrift für das Privat-und öffentliche Recht der Gegenwart.* B. IX. 1882. S. 680—733).

Нельзя не пожалѣть о томъ, что эта прекрасная монографія профессора въ Краковѣ, помѣщенная въ спеціальномъ журналѣ, не вышла потомъ отдѣльною брошюрою. Сравнительно на немногихъ страницахъ авторъ съ большою ясностью группируетъ въ одно цѣлое весь новѣйшій матеріалъ по столь важному вопросу, какъ положеніе военноплѣнныхъ. Послѣ улучшенія женевскою конвенціею участи *больныхъ* и *раненыхъ* воиновъ естественно становится на очереди такая же реформа и по отношенію *къ здоровымъ* воинамъ, на бою утратившимъ свою свободу. Упоминая о новѣйшихъ къ тому попыткахъ, Каспарекъ говоритъ, что гр. Мольтке, отнесшійся въ извѣстномъ письмѣ къ Блюнчли (въ 1880 г.) вообще неодобрительно къ идеѣ кодификаціи военнаго права, тѣмъ не менѣе нашелъ, что постановленія вышедшаго тогда руководства института о раненыхъ, больныхъ, врачахъ, санитарахъ, *а равно и военноплѣнныхъ* вполнѣ удовлетвори-

тельны. «Признаніе всѣми относящихся сюда началъ, писалъ германскій стратегъ, само по себѣ составило бы уже важный шагъ впередъ къ достиженію той цѣли, къ которой институтъ стремится съ такою достохвальною энергіею».

Работа Каспарека распадается на двѣ части. Сперва идетъ сжатый *историческій* очеркъ института. Справедливо авторъ видитъ въ немъ страницу, и не маловажную, изъ исторіи культуры вообще. Самый упорный пессимистъ, изучая ее, увидитъ въ ней медленное, но поступательное укрѣпленіе идеи свободы человѣка надъ его инстинктами истребленія и порабощенія. Человѣкъ—таковъ конечный результатъ изучаемой нами исторіи—во всѣхъ своихъ положеніяхъ и всегда долженъ оставаться лицомъ и имѣетъ неотъемлемое право на человѣческое съ нимъ обращеніе, никогда не превращаясь въ существо безправное, въ вещь, или въ простой объектъ уничтоженія.

Отъ исторіи, переходя къ изложенію главныхъ моментовъ *теоріи*, авторъ кладетъ въ основаніе брюссельскую декларацію и руководство института, пользуясь, однако, и другими пособіями и иногда полемизируя съ своимъ ближайшимъ предшественникомъ по темѣ, съ Эйхельманомъ [1]). Всѣ главныя положенія о военно-плѣнныхъ въ нашъ вѣкъ вполнѣ выяснились и установились, такъ что этотъ институтъ можно признать совершенно уже созрѣвшимъ для кодификаціи. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ обстоятельство, что и брюссельская декларація и Руководство института по вопросу о плѣнныхъ, какъ замѣчаетъ авторъ, собственно не высказываютъ ничего новаго, но облекаютъ уже признанныя правила въ болѣе точную и совершенную юридическую форму.

Къ лицамъ, подлежащимъ плѣну, онъ причисляетъ и некомбатантовъ, по скольку они прямо не изъяты отъ него женевскою конвенціею. Но даже лица, вовсе не служащія въ войскѣ, а только слѣдующія за нимъ, въ качествѣ корреспондентовъ газетъ, поставщиковъ, и т. п. могутъ подвергнуться плѣну, смотря по рѣшенію воюющаго. На практикѣ, говоритъ онъ, послѣдній и самъ не захочетъ удержать какихъ либо незначительныхъ субъектовъ, но, съ другой стороны, ему нельзя отказать въ правѣ удержать въ плѣну, напр., опаснаго журналиста, въ родѣ Аксакова и Каткова, который, состоя при непріятельскомъ войскѣ, возбуждаетъ его своими статьями къ ненависти, искажаетъ факты и даже волнуетъ общественное мнѣніе Европы. Намъ представляется это софизмомъ. Воюющій въ правѣ препятствовать вы-

---

[1]) Сочиненіе послѣдняго: Ueber die Kriegsgefangenschaft, вышло въ 1878 г.

ходу враждебныхъ противъ него газетъ, но совершенно не въ правѣ посягать на личную свободу ихъ редакторовъ и корреспондентовъ. Даже некомбатанты, строго говоря, должны бы подлежать временному аресту, или стѣсненію ихъ свободы передвиженія, а не собственно плѣну, ибо они прямо враждебныхъ дѣйствій не совершаютъ.

Авторъ съ удареніемъ говоритъ о предоставленіи правъ военно-плѣнныхъ и побѣжденнымъ *инсургентамъ*. Это требованіе не гуманности только или необдуманнаго мягкосердечія, но и разсчетливой и дальнозоркой политики. Ничто не дѣлаетъ междуусобныя войны столь безпощадными, какъ взаимная суровость сторонъ. Отъ насилій къ репрессаліямъ борющіеся доходятъ до послѣдней степени звѣрства и тѣмъ труднѣе становится позднѣе побѣдителю возвращеніе на путь законности и замиренія. Скорѣе примиреніе Сѣвера съ Югомъ, быть можетъ, удалось Вашингтонскому правительству послѣ войны 1861—65 гг. благодаря именно тому обстоятельству, что оно относилось къ войскамъ южанъ какъ къ воюющимъ, а не какъ къ возстанцамъ, и побѣжденныхъ ихъ солдатъ обращало въ плѣнныхъ.

Касаясь постановленій женевской конвенціи объ отпущеніи на волю лицъ, выздоровѣвшихъ отъ ранъ, Каспарекъ становится на точку зрѣнія военныхъ интересовъ. Даже лицъ, признанныхъ неспособными къ службѣ, опасно отпускать, ибо неспособность въ медицинскомъ смыслѣ не есть таковая въ военномъ (вспомнимъ слѣпаго Жижку и шведа Торстенсона въ 30 лѣтнюю войну; Евгенія Савойскаго быть можетъ ни одинъ врачъ не призналъ бы способнымъ къ службѣ!); кромѣ того, давая воюющему возможность употребить возвращенныхъ, на этомъ основаніи лицъ, на какую либо иную для войны полезную цѣль (напр., обученіе рекрутовъ, командованіе войсками или несеніе гарнизонной службы въ отдаленной провинціи, или колоніи), эта мѣра въ сущности затягиваетъ войну, увеличивая силы противника, а чрезъ это оказывается вредною и для настоящихъ интересовъ человѣколюбія.

Намъ кажется, принципъ самъ по себѣ заслуживаетъ полнаго одобренія. Неспособность, конечно, разумѣется военная. Затѣмъ дѣло воюющихъ обставить эту мѣру на практикѣ тѣми предосторожностями, которыя не вели бы къ продленію войнъ.

Что же касается до врачей и санитаровъ, то ихъ отпущеніе всецѣло обусловливается нахожденіемъ больныхъ при тѣхъ лазаретахъ, при которыхъ они состоятъ. Перемѣна военнаго счастія не должна оказывать вліянія на отправленіе ими своей службы. Такъ было постановлено, напр., и въ Седанской капитуляціи: «военные врачи безъ исключенія остаются на своихъ мѣстахъ для ухода за ранеными».

Весьма хорошо разбираетъ авторъ вопросъ объ участи *воздухоплавателей*. Въ случаѣ прорванія ими блокадной (или осадной) линіи, или дѣланія наблюденій надъ расположеніемъ и передвиженіемъ непріятельскихъ войскъ, они, если будутъ захвачены, должны не наказываться какъ шпіоны, а подлежать обыкновенному плѣну. Не слѣдуетъ забывать, что въ дѣйствіяхъ этихъ лицъ отсутствуютъ главныя, характеризующія шпіонство черты: таинственность и обманъ. Пока этого общаго начала, говоритъ авторъ, достаточно. Со временемъ быть можетъ будутъ даваться сраженія и въ воздушныхъ пространствахъ и тогда возникнетъ новый отдѣлъ права войны — воздушнаго (Luftkriegsrecht).

Имѣетъ ли воюющій право, въ интересахъ самосохраненія, избивать плѣнныхъ? Въ нашъ вѣкъ удобныхъ и многочисленныхъ сообщеній подобный вопросъ не можетъ и представиться, да и праву нечего останавливаться на случайностяхъ, столь же исключительныхъ и возмутительныхъ, какъ съѣденіе, напр., лицами, потерпѣвшими кораблекрушеніе, своихъ товарищей.

Все поведеніе съ плѣнными вытекаетъ изъ того основнаго правила, что они стѣсняются въ своей свободѣ не въ *наказаніе*, не по акту *мщенія*, а лишь въ видахъ *безопасности* [1]). Приводя постановленіе Руководства Института о томъ, что плѣнный, давшій честное слово не бѣжать, но нарушившій его и снова взятый, лишается правъ военноплѣннаго—Каспарекъ замѣчаетъ, что эта статья даетъ слишкомъ много простора взятелю. И въ этомъ случаѣ виновнаго слѣдуетъ привлечь къ полевому суду. При наказаніи плѣнныхъ несправедливо подвергать ихъ круговой другъ за друга отвѣтственности. Получаемыя ими на работахъ вознагражденія должны идти на улучшеніе ихъ положенія. При заключеніи мира дисциплинарныя наказанія, еще не отбытыя плѣнными, тѣмъ самымъ уничтожаются. Нѣмцы въ 1870 г. держались противоположной практики, заслуживающей однако порицанія. Авторъ напоминаетъ, что Франція первая отмѣнила декретомъ 1793 г. выкупъ плѣнныхъ и ввела современную систему ихъ размѣна по числу и рангу. Система освобожденія на честное слово при всей своей гуманности вызываетъ много неудобствъ на практикѣ. Военные писатели требуютъ ея безусловнаго запрещенія, что и дѣлаютъ нѣкоторыя законодательства. Такое освобожденіе заставляетъ офицеровъ отдѣлять, въ тяжкія минуты, свою участь отъ судьбы подчиненныхъ имъ товарищей по оружію и ставитъ ихъ нерѣдко въ невыносимую

---

[1]) Sie sind keine Straf- sondern Sicherheitsgefangene.

внутреннюю борьбу между вѣрностью данному ими слову и долгомъ предъ отечествомъ. Въ виду всего этого примѣненіе названной системы не можетъ быть инымъ, какъ для всѣхъ сторонъ факультативнымъ, и при освобожденіи плѣнныхъ на честное слово должно, съ особенною точностью, въ заключаемыхъ съ ними условіяхъ (Reversen) упоминать о тѣхъ дѣйствіяхъ и родахъ службы, воздерживаться отъ которыхъ имъ вмѣняется въ обязанность.

Не менѣе заслуживаютъ вниманія заключительныя мысли, высказываемыя авторомъ въ его замѣчательной статьѣ. Вопросъ о всестороннемъ опредѣленіи участи плѣнныхъ одинъ изъ самыхъ неотложныхъ. Современныя войны доводятъ число ихъ до громадныхъ размѣровъ. Въ войну 1870—71 г. въ Германіи пребывало въ плѣну 380,000 французовъ, въ числѣ коихъ 12,000 офицеровъ. Нормы, регулирующія положеніе плѣнныхъ, должны быть *писанныя*, въ формѣ ли *законовъ* отдѣльныхъ государствъ, или *общихъ* между ними *соглашеній*. Обычаи и прецеденты по ихъ многочисленности и противорѣчивости никакъ этихъ нормъ замѣнить не могутъ. Мы даемъ предпочтеніе надъ законами *общей* между государствами *деклараціи* и вполнѣ раздѣляемъ мысль автора о томъ, что никакая другая часть права войны такъ не подготовлена, какъ эта, для общей кодификаціи. Она ни въ чемъ не стѣснила бы свободу дѣйствій воюющихъ, и, въ сущности, не высказала бы ничего новаго, но придала бы существующимъ обычаямъ и законамъ больше единства и точности. Но не слѣдуетъ забывать, что *равное право* не обозначаетъ еще для плѣнныхъ *матеріально равное* съ ними *обращеніе*. Право даетъ человѣческимъ отношеніямъ лишь *внѣшнюю форму*, *содержаніе* которой зависитъ отъ *духа*, одушевляющаго все общество. Вотъ почему самыя совершенныя юридическія нормы требуютъ, при ихъ примѣненіи, *дѣятельнаго* и *умѣлаго* участія со стороны *всѣхъ лицъ*, имъ подвластныхъ.

34. **Moynier.** *La Croix-Rouge. Son passé et son avenir.* 1882.

Хотя мы имѣемъ объ исторіи развитія идеи Женевской конвенціи и о судьбахъ самой конвенціи солидный трудъ Людера, но настоящая книга Муанье явилась какъ нельзя болѣе кстати. Между тѣмъ какъ сочиненіе Эрлангенскаго профессора есть самое полное, но и сухое и тяжелое изслѣдованіе, разсчитанное, повидимому, для спеціалистовъ, книга Муанье есть блестящая, живая и мастерски набросанная картина той дѣятельности, которую вызвала конвенція 22 августа 1864 г. Авторъ ея желалъ видимо какъ можно болѣе популяризировать идеи, связанныя съ этою конвенціею, для которой онъ самъ такъ много потрудился, и эта цѣль удалась ему вполнѣ. Его книга по содержа-

нію и красотѣ изложенія способна проникнуть въ самые разнообразные слои общества и вездѣ, конечно, встрѣтитъ она сочувственный пріемъ. Но она не только умно и хорошо написана: она всюду согрѣта высокою гуманностью, которая кладетъ на всѣ произведенія Женевскаго филантропа такую прелесть.

Болѣе чѣмъ кто либо по своему положенію и дѣятельности, въ качествѣ президента международнаго комитета Краснаго Креста со дня его основанія, Муанье былъ призванъ для такой работы. Онъ неоднократно служилъ своимъ блестящимъ перомъ дѣлу этого учрежденія и настоящая его книга есть какъ бы сводъ всего имъ сдѣланнаго и продуманнаго на этомъ поприщѣ. Но при этомъ, однако, при большой свойственной ему скромности, личность автора нигдѣ не выступаетъ и не нарушаетъ столь художественнаго по своей объективности изложенія. Мы остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся фактахъ и мысляхъ его сочиненія, но спѣшимъ добавить, что оно заслуживало бы быть переведеннымъ на всѣ европейскіе языки [1]).

Разбираемое нами сочиненіе представляетъ четыре отдѣла. Указавъ на *происхожденіе* Краснаго Креста, авторъ переходитъ къ его *органамъ*, которыхъ видитъ въ различныхъ обществахъ вспомоществованія и въ самой Женевской конвенціи. Затѣмъ онъ изучаетъ *приложеніе* ихъ къ дѣйствительной жизни въ періоды мира и въ эпохи войнъ, начиная съ 1864 г. и кончая русско-турецкою войною 1877—78 г. Двѣ особыя главы посвящены войнамъ международнымъ и внѣевропейскимъ. Послѣдній отдѣлъ касается *будущности* Краснаго Креста. Книгу оканчиваютъ *приложенія*, содержащія: рѣшенія и желанія Женевской конвенціи 1863 г.; тексты обѣихъ конвенцій 1864 и (дополнительной) 1868 г.; списки, въ хронологическомъ порядкѣ, государствъ, принявшихъ конвенцію 1864 г. и различныхъ національныхъ Обществъ вспомоществованія больнымъ и раненымъ; указатель періодическихъ изданій, служащихъ дѣлу Краснаго Креста, и проектъ памятника въ честь этого учрежденія. При небольшомъ объемѣ этой книги (285 стр.) невольно обращаетъ на себя вниманіе цѣльность и стройность ея системы.

О происхожденіи Краснаго Креста Муанье говоритъ немного [2]). Онъ напоминаетъ, что днемъ его рожденія слѣдуетъ считать *9 февраля*

---

[1]) Намъ извѣстны его англійскій переводъ *John Furley* (London 1883), и нѣмецкій *Stange* (1883).

[2]) Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ онъ помѣстилъ въ своей «Étude sur la convention de Genève» 1870, представляющей подробный комментарій Женев. конв., а равно любопытную записку о положеніи военно-плѣнныхъ.

1863 г., день засѣданія «Женевскаго *Общества общественной пользы*», на которомъ обсуждались выводы за три мѣсяца до того вышедшаго сочиненія *Дюнана* Souvenir de Solférino [1]). Излагая кратко рѣшенія подготовительной Женевской конвенціи 1863 г., онъ ставитъ на видъ, что, съ цѣлію улучшенія положенія раненыхъ и больныхъ воиновъ, конвенція обратилась къ двумъ чувствамъ въ людяхъ: къ любви и справедливости. Къ любви—въ томъ отношеніи, что побудила частную и общественную благотворительность придти на помощь къ этимъ несчастнымъ жертвамъ войны, — что составляетъ задачу Обществъ вспомоществованія. Но это дѣло любви было бы несовершенно, еслибы оно не получило, во имя справедливости, юридической охраны, которая выразилась въ самой конвенціи, знаменующей новую эру въ современномъ правѣ войны. Таковы два главные органа Краснаго Креста.

Муанье, въ послѣдующихъ страницахъ, разсматриваетъ отдѣльно ихъ *организацію* и *дѣятельность*. Прежде всего бросается въ глаза характерный фактъ, что съ 1863 г. каждая война вела къ распространенію учрежденій Краснаго Креста. Это служитъ лучшимъ практическимъ подтвержденіемъ его благотворности. Въ организаціи его заслуживаетъ вниманія роль, предоставляемая въ его учрежденіяхъ женщинѣ. По своимъ нравственнымъ способностямъ—самоотверженію, терпѣнію, а равно чистоплотности—женщина обыкновенно далеко превосходитъ мужчину въ дѣлѣ ухаживанія за больными и она много содѣйствовала распространенію и облагороженію идеи Краснаго Креста.

Общества вспоможенія — и этого не слѣдуетъ забывать — прежде всего *національныя* учрежденія. Международны они только по общему, воодушевляющему ихъ духу и по цѣли, которая для всѣхъ нихъ одна: возбуждать состраданіе къ страждущему врагу и заботиться о раненыхъ, къ какой бы національности они не принадлежали. Но они національны по своей организаціи, будучи поставлены въ зависимость отъ военныхъ властей извѣстнаго государства и прежде всего работая на пользу его раненыхъ. Этотъ вопросъ объ установленіи должной гармоніи между названными Обществами и военными властями—одинъ изъ наиболѣе трудныхъ на практикѣ. Муанье приводитъ двѣ новѣйшія попытки его рѣшенія французскимъ законодательствомъ (декретъ Макъ-Магона 2 марта 1878) и германскимъ (санитарный ордонансъ 2 марта того же года) и дѣлаетъ такой общій выводъ:

---

[1]) 1-е изд. 1862; 6-е 1873 г. переведено почти на всѣ европейскіе языки.

«занимающія насъ Общества должны въ извѣстной степени подчиняться военному порядку (se laisser militariser), ибо только подъ этимъ условіемъ военачальникъ согласится на ихъ содѣйствіе. Кромѣ того это даетъ ихъ членамъ благотворную дисциплину. Но, съ другой стороны, они должны энергично отстаивать свое право появляться съ помощью всюду, гдѣ оффиціальный персоналъ окажется недостаточнымъ, не исключая даже полей сраженія, ибо ради этого были они созданы среди общаго одобренія. Всякое стѣсненіе ихъ сферы дѣятельности можетъ ихъ поразить смертельно».

Единицы Краснаго Креста по идеѣ должны совпадать съ военными единицами, т. е. общества ему служащія, въ предѣлахъ территоріи конкретнаго государства, должны подчиняться руководительству центральнаго для этого государства комитета. Но этого мало: для доставленія дѣлу Краснаго Креста бо́льшаго единства и для поддержанія между его *національными* органами солидарности, необходимъ общій, *международный Комитетъ*, который и находится въ Женевѣ. Давъ первый толчекъ всему этому дѣлу, онъ продолжаетъ пользоваться чисто нравственнымъ авторитетомъ. Съ молчаливаго согласія существующихъ въ государствахъ обществъ, онъ стоитъ на стражѣ *общихъ для нихъ всѣхъ интересовъ* и даетъ, такъ сказать, exequatur вновь возникающимъ обществамъ, если они того пожелаютъ. Нельзя не пожалѣть, что полномочія его не были опредѣлены формально, хотя мы и согласны съ Муанье въ томъ, что общее уваженіе, которымъ онъ пользуется уже впродолженіе 20 лѣтъ, стоитъ формальной инвеституры. Берлинская конференція (1869) поручила ему издавать общій органъ Краснаго Креста [1]), а равно завѣдывать, во время войны, дѣломъ вспомоществованія со стороны нейтральныхъ воюющимъ.

Отъ Обществъ Муанье переходитъ къ самой конвенціи и прежде всего напоминаетъ, что хотя та и другая служатъ одному дѣлу, но они не тождественны; конвенція (1864 г.) даже не упоминаетъ объ Обществахъ, которыя едва стали возникать въ годъ ея подписанія. Но даже правительства въ оффиціальныхъ документахъ принимали иногда безразлично одинъ изъ этихъ органовъ за другой.

Первоначально подписанная 9 государствами, конвенція 1864 г. въ настоящее время принята 32. А именно: всѣми государствами Европы, шестью американскими и однимъ азіятскимъ (Персіею;—Турцію авторъ относитъ къ Европѣ). И тутъ каждая новая война увеличи-

---

1) Bulletin international des Sociétés de la Croix-Rouge выходитъ съ тѣхъ поръ четыре раза въ годъ въ Женевѣ подъ редакціею Муанье.

вала число ея сторонниковъ. Послѣдними въ этомъ спискѣ стоятъ С. Штаты (присоединившіеся къ конвенціи лишь 1-го марта 1882 г.). Въ нѣкоторыхъ государствахъ, принявшихъ конвенцію, не существуетъ Общества Краснаго Креста, таковы: Персія, Сан-Сальвадоръ, Чили, Боливія и до послѣдней войны Турція. Въ С. Штатахъ напротивъ, до признанія правительствомъ конвенціи 1864 г., образовалось Общество вспоможенія, которое однако, не добившись этого акта отъ своего правительства, распалось. На этомъ основаніи Международный Комитетъ беретъ за правило не признавать Общество вспоможенія такой страны, правительство которой не присоединилось къ Женевской конвенціи.

Какъ извѣстно, идеи, высказанныя въ послѣдней, имѣютъ свою и довольно древнюю исторію [1]), но которая нисколько не отнимаетъ у Женевской конвенціи ея оригинальности. До нея всѣ попытки, дѣлавшіяся для вспомоществованія раненымъ, были мѣстны, временны, безъ внутренней связи и организаціи. Онѣ не могли, вслѣдствіе этого, подѣйствовать преобразовательно на право войны. Женевская конвенція сразу поставила дѣло Краснаго Креста на широкую, *международную* почву, дала ему прочную *организацію* и привлекла *нейтральныхъ* къ содѣйствію воюющимъ въ уходѣ за жертвами войны. Дѣло ея, конечно, далеко еще отъ совершенства, но ея прошлое служитъ залогомъ ея успѣховъ въ будущемъ.

Съ самаго ея начала раздались противъ нея голоса изъ двухъ различныхъ лагерей: военные осуждаютъ ее за то, что она стѣсняетъ свободу военныхъ операцій. Филантропы жалуются на то, что она, напротивъ, недостаточно ограничиваетъ примѣненіе силы. Подобныя нападки не представляютъ ничего страннаго по отношенію къ акту, который по самой своей природѣ является компромиссомъ между требованіями войны и идеаломъ благотворенія, взаимно другъ друга исключающими. Какъ бы то ни было, но серьезная критика Женевскаго договора, опираясь на опытъ послѣднихъ войнъ, должна вести не къ его отрицанію, а къ исправленію, добавленію и къ дальнѣйшему развитію высказанныхъ въ немъ великъ началъ.

Едва ли не интереснѣе еще глава о *практической дѣятельности* Краснаго Креста [2]). Авторъ основательно отдѣляетъ время мира отъ

---

[1]) Она весьма подробно и по документамъ, какъ замѣчено, излагается у Людера, а также у Гурльта.

[2]) Эта глава мѣстами воспроизводитъ прежде изданную брошюру автора: Les dix premières années de la Croix-Rouge, 1873, которая даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о затрогиваемыхъ въ ней вопросахъ.

состоянія войны. Чтобы получить возможность съ полнымъ успѣхомъ дѣйствовать на поляхъ брани, Общества вспоможенія должны неустанно работать въ мирное время, обучая санитаровъ, приготовляя санитарный матеріалъ и собирая средства. Иногда, увлекаемыя благородными мотивами, они (напр., Общества въ Россіи, Германіи, Греціи) выходили изъ рамокъ военной филантропіи и подавали помощь жертвамъ другихъ бѣдствій (эпидеміи, наводненій, голода, землетрясеній, пожаровъ и т. п.). Но противъ такого увлеченія слѣдуетъ предостерегать. Дѣло Краснаго Креста само по себѣ такъ важно, что не желательно дробленіе, а вслѣдствіе того и ослабленіе его силъ.

Первое появленіе Краснаго Креста на поляхъ сраженій произошло въ войну 1864 г. изъ за эльбскихъ княжествъ. Комитеты вспомоществованія не имѣли еще тогда никакой связи между собою, дѣйствовали разрозненно и поэтому достигнутые результаты были незначительны. Прусское Общество, кромѣ пожертвованій нѣкоторыхъ вещей, истратило на уходъ раненыхъ не болѣе 30,000 фр. и даже не носило знакъ Краснаго Креста, который впервые показался тогда на нарукавникахъ двухъ делегатовъ международнаго Комитета, посланныхъ для наблюденія за ранеными.

Война 1866 г. была первою, въ которой прилагалась конвенція 1864 г., но не вполнѣ еще, такъ какъ Австрія тогда не присоединялась еще къ ней. И въ то время, какъ ея военные врачи были вынуждены покидать иногда на произволъ судьбы своихъ раненыхъ согражданъ, Пруссія объявила, что, каково бы ни было поведеніе ея противника, она будетъ прилагать къ нему Женевскую конвенцію. И это слово она сдержала: ея врачи, ухаживая за ранеными врагами, попадались даже отъ этого въ плѣнъ. Послѣ пораженія подъ Садовой Австрія на собственномъ горькомъ опытѣ научилась цѣнить актъ 1864 г. А между тѣмъ частная благотворительность въ ней и тогда не дремала: въ пяти ея провинціяхъ было собрано въ пользу воиновъ болѣе 2 милл. франковъ и, благодаря ей, учреждено бюро для корреспонденцій, которое вело на 11 языкахъ переписку съ семействами солдатъ. Италія съ своей стороны сдѣлала немало для облегченія участи раненыхъ; независимо отъ 14 мѣстныхъ комитетовъ въ Миланѣ дѣйствовало центральное бюро, которое добровольныхъ пожертвованій получило на сумму почти 200,000 фр. Но особенно отличилась Германія. Ея общества были хорошо организованы и, по отзыву Муанье, ни въ одной войнѣ дотолѣ частная благотворительность не совершила такихъ подвиговъ. Въ Берлинѣ образовался

центральный комитетъ. Однѣ собственно прусскія провинціи подписались тогда на 15 милл. фр. Съ своей стороны правительство прусское оказывало добровольнымъ санитарамъ всякое содѣйствіе, освобождая отъ платы ихъ сообщенія по почтѣ и телеграфу, безвозмездно перевозя ихъ и принадлежащія имъ вещи, не подвергая послѣднія таможенному осмотру и снарядивъ особаго чиновника, который надзиралъ за дѣятельностью этихъ многочисленныхъ комитетовъ и за распредѣленіемъ пожертвованій.

Наконецъ въ этой войнѣ мы видимъ впервые содѣйствіе воюющимъ со стороны *нейтральныхъ*, хотя не приводится данныхъ о степени этого пособія.

Главный искусъ, которому подверглась Женевская конвенція, была безспорно франко-германская война. Оба противника въ ней, принадлежа къ передовымъ народамъ Европы, уже нѣсколько лѣтъ присоединились къ конвенціи, которой ихъ правительства оказывали особое благоволеніе. Они имѣли, особенно Германія, организованныя Общества вспоможенія, которыя, по выраженію Муанье, противоставили теперь военному оружію — оружіе благотворительности и завязали съ самой войной отчаянную борьбу.

Въ виду всего этого опытъ войны 1870—71 г. особенно поучителенъ. Муанье въ живыхъ краскахъ представляетъ намъ дѣятельность учрежденій Краснаго Креста въ Германіи, во Франціи и у нейтральныхъ [1]).

До невиданнаго дотолѣ совершенства дѣло ухода за ранеными достигло тогда въ Германіи. При объявленіи войны цѣлая сѣть комитетовъ, числомъ болѣе 2000, покрыла страну. Пожертвованія полились со всѣхъ концовъ и въ этомъ отношеніи не отстали нѣмцы, живущіе даже въ иныхъ частяхъ свѣта: въ Индіи, въ Японіи, Австраліи и особенно въ С. Штатахъ. Одинъ Центральный Комитетъ въ Германіи могъ располагать 70 милл. франковъ. «Примѣръ этой войны, говоритъ авторъ, разсѣялъ опасенія, заявленныя еще въ 1863 г. о трудности добыть необходимыя средства. Даже послѣ столь продолжительной войны всѣ Общества обладали, по сведеніи своихъ счетовъ, извѣстными остатками». Но какъ ни велика была дѣятельность ими проявленная (имъ приходилось даже хоронить убитыхъ), много нуждъ осталось неудовлетворенными. Когда ихъ члены, вслѣд-

---

[1]) Въ свое время онъ обнародовалъ по этому поводу особенную брошюру: «La convention de Genève pendant la guerre franco-allemande» 1873, гдѣ читатель найдетъ много еще другихъ дополнительныхъ свѣдѣній.

ствіе чего-либо, опаздывали на поля сраженій, раненые (какъ, напр., въ Сульцѣ) оставались на нихъ три дня послѣ битвы подъ дождемъ и холодомъ. Чѣмъ глубже удалялись нѣмецкія войска въ непріятельскую страну, тѣмъ затруднительнѣе становилась доставка вещей по загроможденнымъ линіямъ. Для устраненія этихъ задержекъ Комитеты напали на счастливую мысль: посылать съ своими транспортами особыхъ чиновниковъ, которые наблюдали за безпрепятственною ихъ доставкою. О сложности санитарнаго дѣла можно уже судить по тому одному, что центральный складъ распадался на семь категорій предметовъ!

Наиболѣе характерною чертою въ дѣятельности Краснаго Креста въ эту войну представляется устройство санитарныхъ и эвакуаціонныхъ поѣздовъ, имѣвшихъ цѣлію удалять больныхъ и раненыхъ съ мѣстъ сраженій въ такія, гдѣ имъ можно было доставлять хорошій уходъ. Это были настоящіе передвижные госпитали. Поѣзда доставляли такимъ образомъ до 900 чел. за одинъ разъ. На путяхъ устраивались освѣжительныя станціи, гдѣ серьезно больные могли найти пріютъ на болѣе продолжительный срокъ и гдѣ заботились не только объ ихъ тѣлѣ, но и душѣ: они тутъ находили духовныхъ лицъ, библіотеки и т. п. Мало того: были устроены лѣчебныя станціи, между которыми Баденъ-Баденъ получилъ характеръ вполнѣ международный: на его воды допускались безразлично нѣмецкіе и французскіе солдаты. Лицамъ, нуждавшимся въ болѣе тепломъ климатѣ, чѣмъ каковъ въ Германіи, давалась возможность переселяться на югъ. Наконецъ Красный Крестъ пришелъ на помощь тѣмъ нуждавшимся семьямъ, кормители которыхъ поступили въ ряды ландвера.

Несмотря на свое политическое объединеніе, Франція въ 1870 г. далеко не могла выступить съ столь благоустроенною организаціею санитарнаго дѣла, какъ Германія. У нея съ 1864 г. существовало Общество вспоможенія, но оно не обладало ни достаточнымъ числомъ лицъ, ни нужными вещами, ни средствами. Центральный Комитетъ въ Парижѣ долженъ былъ все импровизировать среди страшныхъ постигшихъ тогда Фрацію военныхъ и политическихъ бѣдствій. Послѣдовавшее затѣмъ обложеніе Парижа отрѣзало его отъ сообщеній съ провинціею. Въ департаментахъ движеніе въ пользу Краснаго Креста было, вообще говоря, слабѣе, чѣмъ въ Германіи и на югѣ слабѣе, чѣмъ на сѣверѣ. При всемъ томъ однако отчетъ финансовой коммиссіи указываетъ на поступленія въ суммѣ $10^1/_2$ милл. франковъ, включая сюда пожертвованія изъ-за границы, но не суммы, полученныя провинціальными комитетами въ большихъ городахъ Франціи.

Расходы же центральнаго Комитета достигли 7.741,000 фр. Это пошло на оказаніе помощи 110.000 человѣкъ, изъ которыхъ 25,000 состояли на попеченіи агентовъ Комитета, а 85,000 получали отъ послѣдняго лишь добавочное содержаніе. Но и въ этомъ расчетѣ дѣятельность провинціальныхъ обществъ не принята въ соображеніе. Замѣтимъ еще, что, во время осады Парижа, Красный Крестъ, съ согласія прусскихъ властей, вывезъ изъ этого города не менѣе 10,000 больныхъ и раненыхъ. Онъ же доставилъ обратно во Францію до 9,000 раненыхъ плѣнныхъ изъ Германіи.

Между тѣмъ какъ Франція и Германія вели эту братоубійственную войну, нейтральные народы слились какъ бы въ одно цѣлое для оказанія помощи ея жертвамъ. Добровольная по существу, эта помощь нейтральныхъ никогда не проявляла такой энергіи и не достигала подобныхъ размѣровъ. Еще Берлинская конференція (1869) пыталась дать ей извѣстное единство и устройство и рекомендовала международному Комитету открывать, въ случаѣ нужды, вблизи театровъ войнъ Бюро для корресподенцій и справокъ всякаго рода. Вслѣдствіе этого возникло «Международное Агенство въ Базелѣ», которое дѣйствовало съ іюля 1870 г. до окончанія войны. Многія государства чрезъ его посредство препроводили воюющимъ свои пожертвованія. Считаютъ, что Агенство получило деньгами до 650.000 фр. да вещами не менѣе. Само собою разумѣется, что всѣ пожертвованія распредѣлялись между сторонами самымъ безпристрастнымъ образомъ. Поскольку вѣрили въ справедливость Агентства, между прочимъ подтверждается тѣмъ любопытнымъ примѣромъ, что Берлинскій Комитетъ препроводилъ въ его кассу 30,000 фр.; Парижскій—20,000.

Агентство оказывало свое содѣйствіе только больнымъ и раненымъ и отклонило заступничество за плѣнныхъ, но здоровыхъ. Однако чрезъ его кассу прошла въ пользу ихъ сумма въ 534,000 фр., посланная имъ отъ ихъ родныхъ и знакомыхъ. Особенныя услуги оказало оно, собирая свѣдѣнія о пропавшихъ солдатахъ и печатая ихъ списки, равно какъ и раненыхъ французовъ, попавшихъ въ Германію.

Пособія со стороны нейтральныхъ выражались въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Изъ 15 центральныхъ комитетовъ только три воздержались отъ содѣйствія воюющимъ: Копенгагенскій, Нью-Іоркскій и Константинопольскій, причемъ послѣдній едва ли существовалъ иначе, какъ номинально. Одна Англія дала деньгами $7^1/_2$ милл. фр. Испанія и Португалія прислали свои вина. Италія открыла лѣчебную станцію въ Палланца на Лаго-Маджіоре. Швейцарія снабжала го-

спитали воюющихъ альпійскимъ льдомъ. Въ Швеція собирали не только въ церквахъ, но въ кафе и ресторанахъ. Всѣ слои общества дали свою лепту. Правительство даровало безплатный провозъ всѣмъ транспортамъ къ воюющимъ. Но особенно достойна упоминанія Голландія. Король пожертвовалъ 19,000 фр.. Самыя отдаленныя ея колоніи не отстали отъ метрополіи: туземныя населенія и китайцы на островѣ Явы жертвовали, слѣдуя примѣру своихъ султановъ. Это было первое участіе язычниковъ въ дѣлѣ Краснаго Креста. Про Россію авторъ говоритъ, что она пожертвовала много деньгами и вещами и прислала своихъ оффиціальныхъ военныхъ врачей.

Что касается до самой конвенціи въ 1870 г., то, на первыхъ порахъ, можно было ожидать строгаго примѣненія ея воюющими, если принять въ соображеніе, что Наполеонъ III и Вильгельмъ лично много способствовали ея заключенію, и предъ самой войной объявили для себя обязательными, хотя въ видѣ опыта, дополнительныя къ ней статьи 1868 года. Какъ извѣстно, воюющіе часто и сильно упрекали другъ друга въ нарушеніяхъ ея. Помимо случайностей, на войнѣ всегда неизбѣжныхъ, Муанье объясняетъ это слѣдующими причинами:

1) Нѣкоторыя изъ ея статей въ буквальномъ смыслѣ оказались неисполнимыми. Напримѣръ, ст. 5, освобождающая отъ различныхъ поборовъ и повинностей тѣхъ мирныхъ жителей, которые придутъ на помощь раненымъ и особенно ст. 5 дополнительная, освобождающая отъ плѣна раненыхъ. Употребленіе международныхъ нарукавниковъ и знамени было не достаточно гарантировано на практикѣ отъ злоупотребленій.

2) Ожесточеніе между воюющими, часто доходившее съ обѣихъ сторонъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Почти полное незнакомство Французовъ съ конвенціею. Вслѣдствіе этого многія нарушенія ея послѣдними вовсе не происходили отъ ихъ злаго умысла, какъ предполагали въ началѣ Нѣмцы, отвѣчавшіе на это строгими репрессаліями.

3) Отсутствіе какой бы то ни было государственной или международной, но уголовной санкціи въ случаяхъ нарушенія конвенціи. Общества не могли сдѣлать многаго для ея охраны. Это—обязанность военачальниковъ. Центральный комитетъ въ Берлинѣ роздалъ войскамъ, въ моментъ ихъ выступленія, до 80,000 экземпляровъ конвенціи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ краткими поясненіями Международный комитетъ позволилъ себѣ даже обратиться прямо къ правительствамъ воюющихъ и напомнить имъ о нѣкоторыхъ обязанностяхъ, которыя они нарушали. Французскому правительству онъ выразилъ свои сожалѣнія по поводу незнакомства французскихъ

войскъ съ конвенціею. Переданное въ Парижѣ за нѣсколько дней до событій 4 сент.—это заявленіе осталось безъ отвѣта. Германіи онъ поставилъ на видъ, что въ силу 5 дополн. ст. конв. раненые франц. плѣнные, по излѣченіи, должны быть отсылаемы во Францію. Нѣмецкое правительство въ свое оправданіе привело, что согласно съ самимъ текстомъ конвенціи, «обстоятельства не дозволяли ему поступать иначе». Однако лица, неспособныя къ продолженію службы, стали иногда отсылаться, хотя это и не было возведено въ правило.

Не менѣе подробно излагается дѣятельность Краснаго Креста въ послѣднюю русско-турецкую войну 1877 — 78 гг., причемъ авторъ останавливается на каждомъ изъ воюющихъ и затѣмъ переходитъ къ нейтральнымъ. Относительно Сербовъ, во время ихъ перваго похода (1876 г.)., онъ отмѣчаетъ двѣ особенности: недопущеніе женщинъ къ прямому участію въ санитарномъ дѣлѣ и введеніе странствовавшихъ инспекторовъ, которые на мѣстахъ провѣряли дѣйствія общества и заботились о раненыхъ [1]). Въ этой небольшой странѣ центральный комитетъ успѣлъ набрать 297,000 фр. (изъ нихъ 125,000 пожертвованы самими Сербами), а израсходовать 223,000.— Черногорія страдала отъ отсутствія собственныхъ врачей, но что можно было и ея комитетъ сдѣлалъ въ пользу раненыхъ. Въ Румыніи Красный Крестъ проявилъ большую дѣятельность. Доходы его достигли 524,000 фр. и превысили расходы (461,000). При этомъ раненые пользовались хорошимъ уходомъ независимо отъ ихъ національности. Между 4676 лицами, бывшими на попеченіи Краснаго Креста, находилось 1042 Турка. Главный врачъ оттоманской арміи подъ Плевной, Османъ, засвидѣтельствовалъ о человѣколюбивомъ обращеніи Румыновъ съ его соотечественниками.

Но самую обширную и благотворную помощь раненымъ и больнымъ оказалъ Красный Крестъ въ Россіи [2]). Муанье прежде всего ставитъ на видъ, что оффиціальное устройство санитарнаго дѣла чрезвычайно усовершенствовалось въ Россіи со времени Крымской войны и что Общество вспоможенія въ 1877 г. существовало уже 10 лѣтъ, имѣло прочную организацію и пользовалось покровительствомъ Высочайшихъ Особъ. Особенно прославило оно себя устройствомъ санитарныхъ поѣздовъ, отличавшихся не только комфортомъ, но и роскошью. Число этихъ поѣздовъ дошло скоро до 16. Муанье описываетъ подробно

---

[1]) Муанье посвятилъ этой войнѣ Сербіи особую, небольшую брошюру: «Les destinées de la convention de Genève pendant la guerre de Serbie». 1876.

[2]) О значеніи Женев. конв. въ эту войну можно сравнить также соч. *Мартенса*: Восточная война и Брюссельская конференція. 1879; стр. 491, сл.

устройство поѣзда Цесаревны. Гдѣ, какъ на югѣ отъ Дуная, желѣзный путь прекращался, прибѣгали къ перевозочнымъ средствамъ, предложеннымъ Завадовскимъ и Терещенко, а также къ бричкамъ на подобіе венгерскимъ. Пожертвованія русскихъ въ эту войну лились рѣкою. Многочисленные склады были завалены вещами всякаго рода [1]). Одинъ Московскій впродолженіе 6 мѣс. отослалъ ихъ на сумму 643,000 руб. ($2^1/_2$ милл. фр.). Даже въ дворцахъ были устроены дамами особыя мастерскія для изготовленія всего нужнаго для раненыхъ. Общество первоначальнаго образованія въ Петербургѣ доставило Комитету этого города 35,000 томовъ. Въ Кіевѣ возникло особое общество снабженія арміи хиной. Оно разослало до милліонъ дозъ на 20,000 р. (80,000 фр.). Въ цѣломъ русское Общество собрало въ эту войну до 9.363,000 р. (около $37^1/_2$ милл. фр.), причемъ однако его доходы превысили расходы на 114,000 р.. Въ заключеніе Муанье съ уваженіемъ говоритъ объ услугахъ, оказанныхъ нашимъ раненымъ Пироговымъ. По порученію покойной Императрицы онъ впродолженіе 6 мѣс. объѣхалъ всѣ санитарныя учрежденія, которыя дѣйствовали въ нашей европейской арміи, вездѣ подавая практическіе, благотворные совѣты.

Нѣсколько страннымъ представляется намъ восторженный отзывъ автора о Турціи. «Существованіе въ ней Общества, сообразно съ началами Краснаго Креста, говоритъ онъ, составляетъ почти цѣлое событіе въ нравственной исторіи человѣчества. Большая брешь сдѣлана въ стѣнѣ, отдѣляющей учениковъ Христа отъ послѣдователей Магомета, въ тотъ день, когда тѣ и другіе добровольно соединились, чтобы работать надъ великимъ дѣломъ милосердія. *Смѣшанный* Комитетъ, который возникъ на берегахъ Босфора, былъ поддерживаемъ не только подданными султана безъ различія культа, но и мусульманами Индіи и христіанами Европы».

Какъ отрадно было бы такое явленіе, если бы оно сказалось не на бумагѣ только, а въ дѣйствительности: дальнѣйшее изложеніе самого Муанье подтверждаетъ нашу мысль. Комитетъ, о которомъ онъ говоритъ, возникъ въ Константинополѣ серьезно лишь по заключеніи перваго мира съ Сербіею. Онъ называетъ его *смѣшаннымъ*, но интересно было бы знать, сколько магометанъ входило въ его составъ? По свидѣтельству г. Мартенса, одинъ англійскій комитетъ—

---

[1]) Авторъ не упоминаетъ о томъ, какъ много вещей, къ сожалѣнію, не достигло мѣста своего назначенія.

(Stafford House Committee) сосредоточилъ въ своихъ рукахъ почти всю санитарную часть турецкой арміи [1]).

Само же турецкое правительство до такой степени мало интересовалось судьбою своихъ солдатъ, что почти не принимало никакихъ мѣръ для правильнаго за ними ухода [2]). Самъ Муанье сознается, что «врачи были рѣдки въ оттоманскихъ войскахъ и что Порта сначала очень неохотно допускала къ себѣ иностранныхъ медиковъ». Далѣе извѣстно, какъ обходились турки съ военноплѣнными: они большею частію систематически избивали ихъ и даже изувѣчивали самымъ варварскимъ образомъ, не имѣя никакого уваженія къ мертвымъ [3]).

Наконецъ дѣло вспомоществованія не могло стать на хорошую почву у народа, который проявилъ грубое незнаніе Женевской конвенціи и даже глумленіе надъ ней.

Хотя Турція присоединилась къ Женевскому акту еще въ 1865 г., но на провѣркѣ оказалось, что до конца августа 1877 г. у нея не существовало даже ни одного его перевода на турецкій языкъ [4]). Турецкіе полководцы считали себѣ все дозволеннымъ. Мало того: совершенно произвольно и одностороннимъ рѣшеніемъ Турція замѣнила на своихъ санитарныхъ учрежденіяхъ Красный Крестъ—Полумѣсяцемъ, на томъ будто бы основаніи, что Крестъ возбуждалъ фанатизмъ ея воиновъ. Неосновательность этой оговорки бросается каждому въ глаза, ибо въ то же время Турція обязалась уважать Крестъ въ христіанскихъ войскахъ [5]). Можно только дивиться тому, какъ согласилась Европа на эти выдумки! Позднѣе, конечно, она сама убѣдилась въ своемъ добровольномъ заблужденіи, ибо, по приглашенію Германіи, всѣ великія державы предписали своимъ представителямъ при Портѣ обратить ея серьезное вниманіе на поведеніе ея армій въ отношеніи раненыхъ и больныхъ непріятелей [6]).

---

[1]) По словамъ Муанье, онъ истратилъ 560,000 фр. и оказалъ пособіе 71,000 человѣкамъ.

[2]) Назв. соч., стр. 563.

[3]) *Мартенсъ*, тамъ же; стр. 520, 540 сл.

Муанье добавляетъ, что турецкое Общество получило пожертвованіями 1.648,000 фр. (собственно отъ турокъ 285,000), причемъ доходы превзошли расходы на 261,000 фр.

[4]) *Мартенсъ*. Назв. соч., стр. 503.

[5]) Впрочемъ это былъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ обмановъ, которыми такъ изобилуетъ вся исторія Турціи; самъ Муанье тутъ же добавляетъ, что турецкіе офицеры объявили черногорцамъ, что они не могутъ и не хотятъ оказывать уваженіе Кресту, гдѣ бы онъ ни показывался и въ цѣломъ оттоманская армія относилась къ нему недружелюбно.

[6]) *Мартенсъ*, тамъ же, стр. 528, 530 сл.

Сравнительно съ 1870 г. дѣятельность нейтральныхъ въ эту войну на пользу воюющихъ носитъ несравненно болѣе ограниченные размѣры. Авторъ объясняетъ это слѣдующими причинами: въ началѣ война Сербіи и Черногоріи съ Турціею считалась многими какъ бы междуусобною; охладило нежеланіе Турціи признавать Красный Крестъ и наконецъ сами воюющіе по разнымъ причинамъ не выказали особаго желанія прибѣгнуть къ помощи нейтральныхъ. Можно еще добавить, что эта помощь во многихъ случаяхъ носила національный, односторонній характеръ, маскируя чуждыя ей политическія тенденціи. Было устроено, на подобіе Базельскаго, Агентство въ Тріестѣ, но оно собрало деньгами лишь 57,000 фр.! Сами воюющіе, пока были еще нейтральными, помогали своимъ позднѣйшимъ союзникамъ. Россія до войны 1877 г. послала много пособій въ Цетинье и Бѣлградъ. Румынія сначала предложила свои услуги обоимъ воюющимъ, но получила отъ Турціи весьма характерный отвѣтъ, что она не можетъ воспользоваться этими услугами, «ибо не принято никакихъ мѣръ для внушенія ея войскамъ уваженія къ Красному Кресту». Германія доставила нашимъ войскамъ нѣсколько санитарныхъ поѣздовъ.

Отъ большихъ войнъ въ Европѣ авторъ переходитъ къ войнамъ междуусобнымъ и внѣевропейскимъ.

Относительно первыхъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что Красный Крестъ вообще доселѣ погрѣшалъ излишнею къ нимъ безучастностью. Это происходило, быть можетъ, частію отъ того, что онъ не чувствовалъ себя достаточно защищеннымъ дѣйствующимъ правомъ войны, частію вслѣдствіе политическихъ соображеній, которымъ однако онъ долженъ былъ бы оставаться чуждъ. Изъ приводимыхъ Муанье примѣровъ характеренъ случай съ французской коммуной въ 1871 г. По виду присоединившись къ Женевской конвенціи, она позднѣе постановила закрытіе французскаго Общества вспоможенія, а за нарушеніе этого приказа высказала самыя строгія угрозы. Несмотря на все это, члены названнаго Общества продолжали храбро исполнять свой долгъ, даже по отношенію къ этимъ звѣрямъ.—Многіе Комитеты Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и особенно Германіи и Россіи оказали пособіе жертвамъ карлистской войны въ Испаніи въ 1874 г. Сербія помогала возстанцамъ въ Босніи и Герцеговинѣ (1875). Во время занятій этихъ областей Австріею (въ 1878 г.) и позднѣйшаго въ нихъ возстанія (въ 1881 г.) центральный Комитетъ въ Вѣнѣ посылалъ имъ пособія.

Признавая трудность установленія какихъ либо правилъ для дѣятельности Краснаго Креста собственно во время междуусобныхъ войнъ, Муанье выставляетъ, однако, слѣдующія три правила:

1) Въ предѣлахъ своей страны общества вспомоществованія обязаны помогать всѣмъ раненымъ комбатантамъ, которые впадутъ въ ихъ руки, независимо отъ ихъ политической партіи, одежды и даже національности (т. е. будь они даже иностранцы).

2) По отношенію къ чужимъ странамъ эти общества должны содѣйствовать сродственнымъ имъ [1]) по ихъ просьбѣ и притомъ безразлично, какъ въ войнѣ международной, такъ и междуусобной, воздерживаясь, конечно, отъ всякихъ сношеній съ мятежниками.

3) Общества не должны помогать въ междуусобныхъ войнахъ, опустошающихъ такія страны, гдѣ учрежденія Краснаго Креста не получили еще признанія.

Красный Крестъ многихъ государствъ простиралъ свою дѣятельность даже и въ другія части свѣта: русскій проявилъ себя въ Туркестанѣ (въ 1873 г. во-время похода на Хиву и въ 1880 году въ войнѣ противъ Ахалъ-Текинцевъ); голландскій на островѣ Борнео и и въ войнѣ противъ Атчина. Мѣстные жители нидерландской Индіи въ послѣднемъ случаѣ отличались своею благотворительностію и даже германскій центральный комитетъ послалъ Голландіи 25,000 фр.. Въ многочисленныхъ экспедиціяхъ Англіи внѣ Европы нельзя сказать, чтобы ея Красный Крестъ отличился особою дѣятельностью. Во время ея войны съ Боэрами въ Трансваалѣ (1880—81 гг.) одинъ голландскій комитетъ, быть можетъ и по племенному родству Голландцевъ съ Боэрами, оказалъ имъ дѣятельную помощь, собравъ для нихъ однѣми деньгами 115,000 фр. Даже комитетъ въ Батавіи прислалъ 21,000 фр..

Послѣдняя война, упоминаемая авторомъ—это война Чили съ Перу и Боливіею (1879—81 гг.). Въ одномъ Перу существовало общество вспоможенія, которое и сдѣлало, что могло, въ Каллао.

Отмѣтимъ еще, относительно женевской конвенціи, что англичане въ войнѣ съ Боэрами объявили, что они будутъ ее соблюдать, и Боэры, въ свою очередь, строго держались ея предписаній. Голландцы хотѣли сдѣлать то же съ султаномъ Атчина, но послѣдній приказалъ убить ихъ посланнаго. Въ 1874 г. Японія едва не вступила въ войну съ Китаемъ и въ виду этой возможности издала своимъ войскамъ такія инструкціи, которыя, по словамъ Муанье, были бы достойны филантроповъ Запада. Наконецъ, Карлистская война въ Испаніи

---

[1]) Les Sociétés soeurs, у автора. Мы предпочли бы вовсе зачеркнуть слово «сродственный», ибо это какъ бы ограничиваетъ сферу вспомоществованія. Всѣ рѣшительно общества этого рода между собою сродственны.

(1864 г.) была единственная доселѣ междуусобная война, въ которой конвенція соблюдалась обѣими сторонами.

Въ заключеніе своего историческаго очерка Муанье ставитъ на видъ, что конвенція для принявшаго ее государства обязательна и *помимо условія взаимности*. Это, говоритъ онъ, не двусторонній договоръ, въ которомъ контрагенты дѣлаютъ другъ другу взаимныя уступки. Скорѣе она представляется намъ декларацiею, въ которой стороны признаютъ извѣстныя высшія нормы добровольно для себя обязательными и повелительный характеръ которыхъ абсолютенъ.

Послѣдняя глава изучаемаго нами сочиненія касается, какъ мы сказали, *будущности* Краснаго Креста. На прочныхъ ли основаніяхъ покоются его учрежденія и можно ли съ теченіемъ времени ожидать все бо́льшаго ихъ развитія?

Эти учрежденія стали бы излишними при наступленіи двоякаго рода событій: если бы оффиціальныя санитарныя учрежденія въ войскахъ достигли такого совершенства, что удовлетворяли бы всѣмъ нуждамъ и если бы прекратились сами войны. Недостаточность оффиціальныхъ учрежденій въ санитарномъ дѣлѣ есть, по опыту всѣхъ послѣднихъ войнъ, неустранимое зло и общества вспоможенія призваны не конкуррировать съ ними, а помогать имъ и дополнять ихъ. Что же касается до исчезновенія войны, то автору кажется смѣлостью утверждать, будто это невозможно. Онъ не раздѣляетъ воззрѣнія гр. Мольтке (высказаннаго въ письмѣ къ Блюнчли), что «война одинъ изъ элементовъ міроваго порядка, установленнаго Богомъ». Смотрѣть такъ на войну, значитъ приписывать Провидѣнію свойства, несоединимыя съ Его существомъ. Война есть скорѣе случайность, бѣдствіе, возникающее отъ человѣка, который, хотя медленно, но постепенно стремится къ освобожденію отъ него. Народы перестанутъ прибѣгать къ самосуду съ большимъ развитіемъ международнаго права и съ *установленіемъ* для охраны послѣдняго *юридическихъ орiановъ*.

Но пока эта великая реформа отъ насъ еще далека, и Красный Крестъ черпаетъ себѣ въ наше время все новыя силы, благодаря двумъ обстоятельствамъ: общей воинской повинности, которая все крѣпче дѣлаетъ связь между арміею и *всѣми* слоями населенія, и все усиливающейся демократизаціи общества. Эти причины только усилятъ его популярность и привлекутъ къ нему все большее число новыхъ членовъ.

Мимоходомъ Муанье останавливается и на противникахъ Женевской конвенціи, особенно на тѣхъ военныхъ теоретикахъ, которые, будучи филантропами по своему, утверждаютъ, что войну слѣдуетъ вести рѣ-

шительно, т. е. безъ пощады. Авторъ справедливо возражаетъ имъ, что исторія не подтверждаетъ ихъ мысли, будто самыя истребительныя войны были и наиболѣе кратки. Женевская конвенція въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пожалуй, стѣснитъ полководца, но она никогда не помѣшаетъ ему одержать побѣду. Иначе правительства не спѣшили бы присоединиться къ ней чаще всего именно до или во время войны. Авторъ полагаетъ даже, и нельзя не раздѣлять его воззрѣнія, что со временемъ учрежденія Краснаго Креста своею благотворною сѣтью обнимутъ всю землю. Но развитіе его не можетъ идти односторонне: возникновеніе въ извѣстной странѣ его общества непремѣнно требуетъ и присоединенія правительства этой страны къ самой конвенціи.

Едва ли не самое интересное для насъ въ книгѣ Муанье его мысли объ улучшеніяхъ, требуемыхъ дѣломъ Краснаго Креста.

Начиная съ обществъ вспоможенія, онъ сознается, что многія изъ нихъ не на высотѣ своей задачи: преслѣдуя однѣ цѣли, они иногда пренебрегаютъ другими, для нихъ не менѣе жизненными. Вообще они, нося характеръ мѣстный, національный, нуждались бы *въ установленіи общей между ними связи и организаціи*, чѣмъ лучше всего подтвердилась бы ихъ коллективная солидарность и самое ихъ дѣло получило бы большее единство и большую прочность. Правда, существуетъ общій для нихъ органъ печати: «Bulletin international», но этого недостаточно. Слѣдовало бы, не касаясь ихъ автономіи, создать такое центральное учрежденіе, которое, обладая опредѣленною компетенціею, обсуждало бы вопросы о допущеніи новыхъ обществъ въ союзъ старыхъ, о способахъ взаимнаго между ними содѣйствія и т. п.. До нѣкоторой степени такое учрежденіе можно, пожалуй, видѣть въ *международномъ комитетѣ въ Женевѣ*. Положивъ, какъ извѣстно, основаніе дѣлу Краснаго Креста, онъ содѣйствовалъ созванію дипломатическихъ конференцій 1864—68 гг. и игралъ роль то иниціатора, то посредника между обществами вспоможенія различныхъ воюющихъ. Во всѣхъ войнахъ съ 1864 г. онъ стоялъ на стражѣ великихъ началъ Женевской конвенціи. Но онъ не имѣетъ никакого оффиціальнаго характера и положенія. Авторитетъ его, хотя громадный, но чисто нравственный. Муанье, не высказываясь категорично, видимо склоняется къ мысли, чтобы этотъ комитетъ, не подвергаясь никакимъ измѣненіямъ, былъ признанъ тѣмъ центральнымъ органомъ, о которомъ мы говорили выше. Ни одно національное общество не можетъ его замѣнить. Въ случаѣ войны государства, на территоріи котораго оно находится, оно потеряетъ свой нейтралитетъ. Женевскій же комитетъ, находясь въ странѣ столь центральной и замирен-

ной какъ Швейцарія, будто созданъ для того, чтобы служить связующимъ звеномъ между всѣми національными обществами. Предоставить ли послѣднимъ право назначать своихъ делегатовъ въ его составъ? Это, говоритъ Муанье, быть можетъ, было бы логичнѣе, но. вѣроятно, встрѣтило бы на практикѣ много препятствій и едва ли бы подобный преобразованный комитетъ оказался бы въ трудныхъ обстоятельствахъ болѣе и усерднымъ, чѣмъ нынѣ существующій.

Раздѣляя въ цѣломъ эти мысли уважаемаго автора, мы полагаемъ, что, пока онъ стоитъ во главѣ Краснаго Креста, никакія измѣненія въ устройствѣ международнаго комитета не нужны, но, со временемъ, когда Общества получатъ желаемыя имъ *объединеніе* и *устройство*, будетъ необходимо, чтобы этотъ Комитетъ, пребывая въ Швейцаріи (именно въ Женевѣ), получилъ *вполнѣ международную организацію* и *опредѣленныя полномочія* для *однообразнаго завѣдыванія всѣми учрежденіями Краснаго Креста, гдѣ бы они ни находились*. Въ наше время все большее число международныхъ дѣлъ въ интересахъ всѣхъ получаютъ международную организацію (почтовое, телеграфное, охрана промышленной собственности, правъ авторовъ и т. д.) и нѣтъ основанія отказать въ таковой и дѣлу международнаго вспомоществованія раненымъ и больнымъ воинамъ.

На основаніи опытовъ послѣднихъ войнъ Женевская конвенція, по мнѣнію Муанье, должна быть *не отмѣнена*, а *измѣнена*. Текстъ ея мѣстами грѣшитъ своимъ содержаніемъ, мѣстами своими пробѣлами. Его нужно поэтому и *исправить* и *дополнить*. Но авторъ не пускается въ большія на этотъ счетъ подробности, а предлагаетъ только: 1) многія положенія конвенціи должны получить болѣе ясную и точную редакцію. Надо статьи ея привести въ болѣе стройную систему и, смягчивъ нѣкоторыя второстепенныя правила, не касаться въ цѣломъ ея существа. 2) Общества вспоможенія давно заслужили упоминанія въ самой конвенціи и полученія отъ нея формальной охраны. 3) Распространеніе ея началъ и на морскія войны. 4) Подчиненіе болѣе строгому контролю, право ношенія отличительныхъ знаковъ конвенціи. Предоставленіе выдачи нарукавниковъ военнымъ властямъ не есть еще достаточная гарантія. 5) *Особенно необходимо заботиться о поднятіи нравственнаго воспитанія войскъ* [1]. *Въ ихъ обученіи знакомство съ правомъ войны должно занять видное мѣсто*. Не-

---

[1]) Слова вдвойнѣ справедливыя въ нашъ вѣкъ всеобщаго одичанія народныхъ массъ. Государства относятся къ этому по большей части съ непростительнымъ безучастіемъ.

вѣжество, господствующее на этотъ счетъ даже среди такъ называемыхъ образованныхъ классовъ, иногда просто невѣроятно. 6) Установленіе за нарушеніе конвенціи уголовной санкціи. Но и этого недостаточно: пока воюющіе не будутъ въ дѣлѣ преслѣдованія этихъ нарушеній между собою солидарны, виновные всегда могутъ легко расчитывать на безнаказанность. На этомъ основаніи Муанье предлагаетъ введеніе какъ бы *суда чести* (jury d'honneur) призваннаго произносить, въ случаѣ споровъ, свое мнѣніе только о *фактахъ*. Его рѣшенія имѣли бы значеніе нравственной санкціи и въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, предупреждали бы репрессаліи, давая удовлетвореніе обиженному. Наибольшая трудность заключается въ томъ, какъ констатировать спорные факты? Это могло бы быть поручено только нейтральнымъ. Задача ихъ, конечно, была бы не легка, но уже одно присутствіе въ лагеряхъ иностранныхъ третейскихъ судей (d'arbitres étrangers), облеченныхъ оффиціальнымъ полномочіемъ, произвело бы извѣстное давленіе на воюющихъ и предохранило бы ихъ отъ многихъ крайностей. Такой контроль оффиціозно, пожалуй, уже существуетъ въ лицѣ представителей печати, но было бы несравненно лучше замѣнить это *подобіе юрисдикціи настоящими органами права*.

Мы нарочно привели цѣликомъ эти глубоко-вѣрныя мысли автора. Мы находимъ только, что отъ его посылокъ еще логичнѣе придти не къ суду чести, а къ настоящему *международному суду*, за который авторъ и высказался въ 1872 г. [1]).

Въ заключеніе Муанье говоритъ, что своею книгою онъ хотѣлъ проложить дорогу другимъ писателямъ о Красномъ Крестѣ, которые, освободивъ сообщаемый имъ матеріалъ отъ дидактической формы, съумѣли бы представить его читателямъ слогомъ болѣе привлекательнымъ и яркимъ. Намъ кажется, что и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, книга великаго гражданина Женевы есть образецъ, достойный подраженія. Она заслуживаетъ, чтобы ее прочли и продумали съ одного конца до другаго. Нашу передачу ея главныхъ мыслей мы не можемъ кончить иначе, какъ заключительными словами самого автора:

«Красный Крестъ есть плодъ христіанства. По мѣрѣ того, какъ нравственность Евангелія проникала болѣе глубоко въ сердца народовъ, она дѣлала ихъ болѣе склонными къ принесенію жертвъ. Она

---

[1]) Этотъ проектъ мы подробно изложили и обсудили въ нашемъ сочиненіи: «О международномъ судѣ», стр. 436—448. Можно спорить развѣ о тѣхъ или иныхъ *практическихъ* сторонахъ дѣла, но противъ такого суда ничего нельзя возразить во имя *принциповъ* международнаго права.

же, послѣ вѣковъ противодѣйствія, научила ихъ понимать то, что есть вѣнецъ добродѣтели — проявлять любовь къ врагамъ. Матеріальныя улучшенія, вызванныя въ санитарномъ дѣлѣ Краснымъ Крестомъ, мало значатъ сравнительно съ его нравственнымъ подвигомъ. Онъ есть одно изъ наиболѣе яркихъ проявленій того духа братства, который, повидимому, въ планахъ Божіихъ призванъ переродить человѣчество и который беретъ свое начало отъ правды и отъ любви. Проломъ, сдѣланный имъ въ стѣнѣ эгоизма народовъ, не исправимъ и послѣдствія этой побѣды безконечны. Понемногу всѣ общественныя отношенія, такъ часто проникнутыя враждою и ненавистью, почувствуютъ на себѣ воздѣйствіе этой новой крови, которая влита въ жилы цивилизованнаго человѣчества» [1]).

---

[1]) Въ русской литературѣ о Женевской конвенціи вышло недавно соч. г. *Ивановскаго* (Женевская конвенція 1864 г. Кіевъ. 1884). Ср. нашу замѣтку объ этой книгѣ въ *Юридич. Вѣстн.* (1884, № 9).

ГЛАВА VI.

Объ устройствѣ международнаго союза.

I. Критика *войны* (35. Молинари).—II. Изученіе *идеи мира* (36. Рамонъ.—37. Гольцендорфъ).— III. Ученіе о *соединеніяхъ государствъ* (38. Іеллинекъ.— 39. Бри). — IV. Новѣйшіе *проекты международной организаціи* (40. La mission des Souverains.—41. Лоримеръ.—42. Блюнчли).

Вопросъ о *международной организаціи*, или объ устройствѣ совмѣстной и коллективной жизни государствъ, относится къ самымъ труднымъ, но и важнымъ вопросамъ въ области науки о государствѣ. Его справедливо называютъ конечною проблеммою международнаго права. Основная задача, которую при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, состоитъ въ томъ, чтобы, не уничтожая *политической* независимости и самобытности государствъ, связать ихъ однако въ новое, высшее цѣлое, въ *обще-человѣческій, юридическій союзъ*. Эта задача, поставленная на очередь почти одновременно съ первымъ проявленіемъ въ Европѣ положительнаго международнаго права (въ проектѣ Генриха IV, короля французскаго къ концу XVI вѣка) и горячо, но односторонне и часто неумѣло отстаиваемая друзьями вѣчнаго мира — эта задача, говоримъ мы, въ наше время все болѣе и болѣе завладѣваетъ умами какъ практическихъ, государственныхъ людей, такъ и выдающихся публицистовъ. Мы видимъ слабые, отрывочные, но тѣмъ не менѣе ясные зародыши такой организаціи въ тѣхъ союзахъ, которыя государства начинаютъ, съ 60 годовъ нашего столѣтія, установлять между собою по обще-соціальнымъ вопросамъ, или въ области международнаго управленія, какъ выражаются нѣкоторые (союзы: телеграфный, почтовый, промышленный, литературный и, въ болѣе узкихъ границахъ, монетный).—Рядомъ съ этимъ, такіе авторитетные писатели по международному праву, какъ *Блюнчли* и *Лоримеръ*, признаютъ международную организацію не только желательною, но и необходимою и даже, въ общихъ чертахъ,

вырабатываютъ для нея планы. Все это поучительныя знаменія времени! Для того, чтобы дать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ о настоятельности и значеніи указываемой организаціи, необходимо предварительно всесторонне изучить потребности и цѣли современныхъ государствъ. Но въ настоящей главѣ мы, по новѣйшимъ писателямъ, разсмотримъ занимающій насъ вопросъ съ тѣхъ главныхъ сторонъ, которые стоятъ къ нему въ наиболѣе прямой и непосредственной связи. Мы должны бросить критическій взглядъ на значеніе *войны* для современныхъ обществъ и на тѣ причины, которыя постоянно усиливаютъ отвращеніе къ ней народовъ. Это переводитъ насъ къ разсмотрѣнію идеи *мира*, долженствующей лежать въ основаніи государственнаго строя, наравнѣ съ идеями труда и свободы. Но не менѣе важно и изученіе современной теоріи о различныхъ *соединеніяхъ государствъ*, которыя являются какъ бы ступенями къ международной организаціи и подготовленіями къ ней въ дѣйствительной жизни. Лишь послѣ этихъ предварительныхъ размышленій, удобно приступить къ изслѣдованію собственно *проектовъ международной организаціи*.

Таковы четыре отдѣла настоящей главы.

I.

Послѣ извѣстныхъ критическихъ этюдовъ о современныхъ войнахъ Лавёле и Лёруа—Больё, въ послѣднее время заслуживаютъ вниманія изслѣдованія *Молинари*, который, на немногихъ страницахъ, даетъ намъ мастерски-написанный очеркъ значенія и характера войнъ въ прежнія эпохи и въ наше время, главнымъ образомъ, съ экономической, но и отчасти съ государственной точки зрѣнія. Осуждая ихъ въ цѣломъ, авторъ приходитъ къ утѣшительному выводу, что онѣ все менѣе и менѣе необходимы и непредотвратимы.

35. **Molinari**. *L' Evolution politique et la révolution*. 1884.—*Chapitre* VI. *Politique extérieure des Etats modernes. La guerre;* p. 139—190.

Исторія показываетъ намъ, что до сихъ поръ государства были основаны, расширялись и падали вслѣдствіе войнъ, но она же объясняетъ намъ, что если впродолженіе тысячелѣтій войны были неизбѣжны, онѣ въ послѣднее время стали вызываться болѣе искусственными, нежели естественными причинами. Прежде всего *первобытный человѣкъ*, если бы и хотѣлъ, не могъ жить въ мирѣ. Окруженный хищными и кровожадными животными, онъ долженъ былъ за-

щищаться отъ нихъ и оспаривать у нихъ свое пропитаніе. Это, на первыхъ же порахъ его земнаго существованія, должно было развить въ немъ хищническіе инстинкты. Послѣдніе усиливались еще отъ его потребности въ животной пищѣ. Будучи по природѣ беззащитнѣе многихъ животныхъ породъ, которыя съ нимъ враждовали, человѣкъ долженъ былъ позаботиться объ изобрѣтеніи первыхъ орудій и о вступленіи въ нѣкоторыя соединенія его съ существами ему подобными. Между этими группами или человѣческими стадами, война была также необходима, какъ и съ животнымъ міромъ: она была для дикарей, не знавшихъ еще ни труда, ни собственности, наиболѣе удобнымъ способамъ существованія и наживы, въ виду неравномѣрнаго распредѣленія по земной поверхности предметовъ, необходимыхъ для человѣка. Захватившіе болѣе плодородные и лучшіе участки хотѣли владѣть ими исключительно; остальные, гонимые голодомъ и нуждой, старались всячески вытѣснить ихъ изъ этихъ позицій и утвердиться на ихъ мѣстахъ. Отсюда — война, долгая, безпощадная, тождественная съ истребленіемъ.

Историческая жизнь человѣчества начинается съ установленіемъ *государства*, въ которомъ справедливо видятъ *первую форму замиренія* людей на опредѣленной территоріи [1]). Но впродолженіе столѣтій — господства *мелкой промышленности* — цивилизація развивалась не одинаково и въ разное время у отдѣльныхъ народовъ. Она стала появляться, крѣпнуть и расти очень медленно и среди тысячи опасностей на подобіе острововъ среди громаднаго океана племенъ, которыя, погруженныя еще въ варварство, постоянно пытались затопить ее своими нашествіями. Иногда это имъ и удавалось—о чемъ свидѣтельствуютъ развалины богатыхъ и цивилизованныхъ городовъ въ центральной и южной Америкѣ, сдѣлавшихся жертвою дикихъ индійцевъ, которые господствовали надъ американскимъ материкомъ до пришествія туда европейцевъ. Вотъ почему и въ этотъ періодъ, какъ и въ эпоху доисторическую, люди не могли жить въ мирѣ. Государства, достигавшія цивилизаціи, находились какъ бы въ осадномъ положеніи. Ихъ могущество и благосостояніе являлись вѣчною приманкою для дикарей и даже для ихъ сосѣдей, въ чемъ либо обездоленныхъ. Война поэтому составляла для нихъ *постоянный, естественный рискъ*, предотвратить который имъ слѣдовало всѣми средствами и силами. Это и объясняетъ намъ, почему *весь строй древнихъ*

---

1) Die Staatsgemeinde, говоритъ Гольцендорфъ, ist die erste Friedensstiftung innerhalb der Menschheit (Die Idee des ewigen Völkerfriedens).

государствъ долженъ былъ сложиться преимущественно *сообразно съ потребностями войны*, т. е. съ интересами самозащиты. Варвары превосходили ихъ гражданъ численностью и часто своимъ дикимъ, необузданнымъ мужествомъ. Чтобы отбиваться отъ нихъ и вести съ ними борьбу, цивилизованныя государства должны были искать себѣ превосходства въ изобрѣтательности средствъ обороны и нападенія, а равно въ организаціи своихъ военныхъ силъ. Такимъ образомъ должно было изъ общей массы населенія выдѣлиться особое сословіе, которое исключительно посвятило себя войнѣ и было наиболѣе для этого способно. Но чтобъ оно могло всецѣло предаться своему служенію, надо было, чтобъ оно находило въ защитѣ общества такой же жизненный для себя интересъ, какой толкалъ варваровъ на его нападеніе, а для этого ему была предоставлена возможность распоряжаться всѣми средствами страны и владѣть какъ лицами, такъ и ихъ имуществами.

Съ нашей точки зрѣнія можетъ казаться несправедливымъ порабощеніе промышленныхъ классовъ кастѣ воиновъ въ древнихъ государствахъ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эта якобы непроизводительная каста давала древнимъ обществамъ самый цѣнный для нихъ товаръ—безопасность, взамѣнъ чего она могла требовать себѣ возвышенной платы и даже, чтобы исключительно предаваться войнѣ, владычества надъ остальными классами населенія. Соединеніе ратнаго дѣла съ земледѣльческими и промышленными занятіями было для нея немыслимо, ибо это изнѣживало ее, отучало отъ брани и ставило въ худшее положеніе, сравнительно съ варварами, которые жили только набѣгами и охотою.

Много прошло вѣковъ безпрерывной борьбы, пока не установилась эта власть военной и правящей касты надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ страны. Утвержденная на превосходствѣ физической и духовной силы, эта власть окрѣпла еще благодаря началу наслѣдственности, по которому она передавалась членамъ извѣстныхъ владычествующихъ родовъ, независимо отъ того, принадлежали ли или не принадлежали послѣдніе къ тому же племени, какъ и остальное ими порабощенное населеніе. Въ эти эпохи политическая собственность сливалась съ экономическою. Правители государства были и собственниками всей его земли съ движимостями и лицами, которыя на ней находились, но, въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени совершается отдѣленіе обоихъ родовъ собственности: (la propriété politique) сосредоточивается въ рукахъ немногихъ царствующихъ домовъ, которые восторжествовали надъ средневѣковыми

феодалами. Земледѣльческое и промышленное населеніе въ свою очередь прошло въ различныя эпохи чрезъ разнообразные фазисы порабощенія: отъ полнаго безправнаго состоянія рабства, чрезъ крѣпостную зависимость оно достигло личной независимости съ правомъ владѣть землею (propriété économique). Но въ политическомъ отношеніи оно почти вездѣ осталось и послѣ этого порабощеннымъ. Лишь въ нѣкоторыхъ странахъ оно заставляло правителей, желавшихъ воевать, считаться съ собою и выговорило себѣ право соглашаться или не соглашаться на взиманіе налоговъ.

Между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что естественный рискъ войны для этихъ классовъ населенія, составляющихъ повсюду большинство, исчезалъ въ той мѣрѣ, въ какой область цивилизаціи расширялась и росла на счетъ міра варваровъ. Изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія въ особенности закрѣпило разъ навсегда это превосходство первой надъ послѣдними. Изъ оборонительнаго положенія цивилизація переходитъ теперь въ наступленіе и въ наше время располагая тремя четвертями нашей планеты, ей, конечно, нечего болѣе бояться нашествія *внѣшнихъ* варваровъ [1]).

Такимъ образомъ *поступательный ходъ цивилизаціи есть въ сущности эволюція къ миру*. Медленность этого развитія не можетъ однако скрыть его отъ взора тѣхъ, которые его изучаютъ тщательно и со всѣхъ сторонъ. Наша мысль подтверждается тѣмъ важнымъ фактомъ, что съ теченіемъ времени война изъ *обще-народнаго*, такъ сказать, интереса становится все болѣе и болѣе *интересомъ лишь правящихъ и военныхъ классовъ*. Въ эпоху, предшествующую французской революціи, большинство населенія въ европейскихъ государствахъ относилось вполнѣ равнодушно къ тѣмъ войнамъ, которыя вели ихъ правительства. Не посвящаемые въ тайны политики мирные граждане обыкновенно не могли понять ни причинъ споровъ между ихъ правителями, ни благотворныхъ послѣдствій, которыя, по оффиціальнымъ завѣреніямъ, должны были возникнуть для нихъ изъ счастливыхъ войнъ. На самомъ же дѣлѣ эти войны были для нихъ всегда великимъ бременемъ и несчастіемъ. Переходъ отъ одного владѣтеля къ другому мало въ чемъ измѣнялъ условія ихъ существованія, которыя почти во всѣхъ странахъ Европы были одни и тѣ же. Каковы бы ни были результаты войны, благопріятны или несчастны, мирное населеніе всегда было обязано выносить ея тя-

---

[1]) Тѣмъ опаснѣе для нея варвары *внутренніе*, т. е. всѣ приверженцы анархіи и динамита, но противъ нихъ война безсильна.

гости на своихъ плечахъ, не извлекая собственно для себя никакой выгоды. Ему теперь не грозила какъ въ древнѣйшія эпохи совершенное порабощеніе или даже истребленіе со стороны побѣдителей-варваровъ. Въ виду всего этого правители, предпринимая теперь войны, считались съ интересами и страстями массъ, такъ что въ періодъ неограниченныхъ монархій мы видимъ рядомъ съ войнами изъ-за престолонаслѣдія войны религіозныя и торговыя. Съ цѣлію облегченія самой тягостной для народа повинности, военное закрѣпощеніе (servage militaire) замѣняется въ наиболѣе развитыхъ странахъ добровольнымъ наборомъ. Рядовые изъ крѣпостныхъ становятся теперь добровольцами, которые получаютъ за свою службу жалованье такъ же, какъ и офицеры. Но, несмотря на эти смягченія, война дѣлалась все менѣе и менѣе популярною, и, напротивъ, возросталъ антагонизмъ, который, благодаря ей, устанавливался между правящими и управляемыми.

Съ XVII стол. общественное мнѣніе въ Европѣ начинаетъ все рѣшительнѣе высказываться въ пользу мира. Нѣкоторые передовые умы задаются мыслію о способахъ прекращенія войны и установленія прочнаго мира между христіанскими народами. Рядомъ съ аббатомъ Сен-Пьеромъ, пишущимъ свой извѣстный проектъ, другой священникъ-философъ, аббатъ Койе (Coyer), обращается къ дворянству съ увѣщаніями, чтобъ они поощряли сыновей своихъ искать другихъ профессій, занятія которыми считались до того унизительными «для ихъ сословія». Когда наступила революція, всѣ на первыхъ порахъ полагали, говоритъ Молинари, что она была призвана открыть новую эру мира и братства между народами.

Къ сожалѣнію, именно съ революціи замѣчается усиленіе и новое оживленіе духа войны. Естественный рискъ войны теперь окончательно уступаетъ мѣсто *риску искусственному*, вслѣдствіе устройства на новыхъ, болѣе широкихъ и солидныхъ, основахъ того класса лицъ въ государствахъ, который заинтересованъ въ продленіи войны. Если бы преобразованіе стараго порядка совершилось въ Европѣ путемъ эволюціи, а не революціи, если бы управляемые, наиболѣе заинтересованные въ мирѣ, вмѣсто того, чтобы лишить власти и привиллегій правящіе классы, удовольствовались установленіемъ серьезнаго контроля надъ расходами и дѣйствіями правительства, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, эра мира и свободы настала бы для Европы двумя, тремя столѣтіями ранѣе.

Молинари подробно останавливается на причинахъ, которыя увлекли революцію на путь войны, и показываетъ затѣмъ пружины, которыя

дѣлаютъ воинственными современныя государства, — какъ монархіи неограниченныя, такъ и представительныя, покоющіяся даже на всеобщей подачѣ голосовъ. Для нашей цѣли достаточно упомянуть, что радикальная и насильственная внутри Франціи революція пришла въ столкновеніе съ остальною, монархическою Европою. Это заставило ее возстановить въ новыхъ расширенныхъ формахъ военное закрѣпощеніе массъ, посредствомъ введенія всеобщей принудительной конскрипціи (которую Молинари называетъ impôt du sang). Громадныя этимъ способомъ полученныя арміи она содержала на выпускаемыя безконтрольно бумажныя деньги и на тѣ реквизиціи и контрибуціи, которыми облагала побѣжденныхъ враговъ. Но, воззвавъ къ мечу для освобожденія будто бы Европы, революція, побѣжденная въ свою очередь, обрекла Францію на новое рабство и на тѣ внутреннія неурядицы, изъ которыхъ она доселѣ не вышла.

Въ нашемъ столѣтіи глубоко измѣнился характеръ войнъ. Въ прежнія времена каждая война требовала долгихъ приготовленій: надо было между своими и иностранцами вербовать изъ охотниковъ войско, накопить извѣстныя суммы при слабомъ развитіи или даже отсутствіи налоговъ и кредита, употребить много времени на стягиваніе и передвиженія войскъ. На зиму обыкновенно прекращались военныя операціи. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, войны часто затягивались на многіе годы и не ставили на карту бытіе воюющихъ государствъ. Въ нашъ вѣкъ страшная централизація государственной власти—еще значительно усиленная революціею—даетъ ей возможность, при современныхъ способахъ сношеній и сообщеній, ставить на ноги громадныя арміи въ нѣсколько дней, а при помощи кредита и выпуска бумажныхъ денегъ легко добывать средства, потребныя на войну.

Несовершенства государственнаго строя и происки политическихъ партій въ значительной степени вызываютъ и питаютъ войны. Въ государствахъ, управляемыхъ неограниченными монархами, власть опирается на аристократію и бюрократію, члены которыхъ, вступая на поприща политики, администраціи и въ ряды войска, остаются заинтересованными въ продленіи существованія войнъ. Дѣло въ томъ, что хотя они утратили прежнія свои податныя льготы и, повидимому, участвуютъ въ общихъ повинностяхъ, но тѣмъ не менѣе они подъ видомъ жалованья, пенсій, наградъ извлекаютъ для себя изъ государственнаго бюджета, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ болѣе сравнительно съ причитающейся на нихъ долей налоговъ. Всякое умноженіе обще-государственныхъ расходовъ ведетъ къ расширенію ихъ

рынка и къ увеличенію ихъ доходовъ. Война для нихъ желанна уже потому, что даетъ имъ возможность отличиться и быстрѣе сдѣлать карьеру. Хотя бы глава государства лично не имѣлъ къ ней влеченія, но онъ бываетъ вынужденъ къ ней прибѣгнуть для удовлетворенія интересовъ тѣхъ, которые служатъ для него опорою, тѣмъ болѣе необходимою, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ противъ себя натискъ революціи.

Но и въ государствахъ представительныхъ война остается однимъ изъ главнѣйшихъ instrumentum regni. Она даетъ возможность установить внутри страны хотя на время диктатуру, т. е. сравнительно болѣе легкое и безъотвѣтственное правленіе, которое зажимаетъ ротъ всякой оппозиціи подъ предлогомъ будто бы соучастія ея съ врагами и измѣнниками страны. Война при этихъ обстоятельствахъ желанна потому, что, въ случаѣ успѣха, даетъ хотя на время перевѣсъ надъ политическими противниками, а съ иной, противоположной точки зрѣнія, и потому, что, въ случаѣ неудачи, ведетъ неминуемо къ паденію той партіи, которая ее предприняла. Даже тамъ, гдѣ введена всеобщая подача голосовъ, населеніе, жаждущее мира, часто не имѣетъ возможности отстоять свои желанія. При современной организаціи партій, отличающихся военнымъ строемъ и выправкой, оно поставлено въ необходимость высказаться лишь за извѣстныхъ кандидатовъ, навязываемыхъ ему партіями. Въ избирательный періодъ послѣдніе щедры на всякія обѣщанія, а также и на обѣщанія поддерживать миръ, но мы знаемъ, чего стоятъ эти обѣщанія избирателямъ!

Массы населенія вездѣ отличаются своимъ невѣжествомъ и легко возбудить ихъ страсти или обмануть ихъ на счетъ ихъ дѣйствительныхъ интересовъ. Лица просвѣщенныя являются въ меньшинствѣ, да и что могутъ они сдѣлать противъ современныхъ государствъ, столь сильныхъ своею централизаціею? Кромѣ того, новѣйшіе успѣхи въ техникѣ дозволяютъ не только легче начинать войну и вести ее быстрѣе, но и дѣлаютъ ея непосредственныя тягости болѣе замаскированными и выносимыми. Прибѣгая къ помощи кредита, государства собственно во время войны едва ли увеличиваютъ обыкновенные налоги, а нѣкоторыя отрасли промышленности, благодаря ей, достигаютъ даже временнаго и искусственнаго оживленія. Лишь гораздо позднѣе, по заключеніи мира, сказываются для населенія тягости, вызванныя войною, и ему приходится расплачиваться съ займами, но и тутъ финансовая политика дошла до виртуозности, разнообразя до безконечности систему косвенныхъ налоговъ.

Молинари ставитъ на видъ, что войны въ наше время какъ бы

стремятся сдѣлаться періодическими, т. е. повторяться чрезъ каждыя 15—20 лѣтъ. Военные писатели, видя въ нихъ законъ нравственнаго и матеріальнаго преуспѣянія народовъ, требуютъ, чтобы велась по крайней мѣрѣ одна война на поколѣніе.

Заключительные выводы автора состоятъ въ слѣдующемъ: даже въ странахъ, въ государственномъ отношеніи наиболѣе развитыхъ, народы, не имѣя возможности сами и непосредственно управлять своими дѣлами, не дошли однако до установленія у себя такого порядка управленія этими дѣлами, который дѣйствительно соотвѣтствовалъ бы ихъ *общему и наибольшему интересу*. Настоящая пружина, вызывающая войны, это *интересъ правящихъ класса или партіи*, который никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ *интересомъ народа*, или массы политическихъ потребителей, ибо, поскольку первые заинтересованы въ продленіи состоянія войны, постольку послѣдніе стремятся къ поддержанію и укрѣпленію мира. Поэтому войны будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока рынки политическій, административный и военный будутъ имѣть перевѣсъ надъ рынками земледѣльческимъ, промышленнымъ и торговымъ. Въ постепенно усиливающемся однако преобладаніи послѣднихъ надъ первыми лежитъ сильнѣйшее внутреннее побужденіе къ постепенному уменьшенію, а въ дали временъ, быть можетъ, и къ отмѣнѣ войнъ.

Но уже теперь война не составляетъ необходимости для безопасности и преуспѣянія цивилизаціи, а представляется не болѣе, какъ искусственнымъ и вредоноснымъ продленіемъ первобытнаго, варварскаго состоянія человѣчества. Благодаря ей безопасность, свобода и благосостояніе милліоновъ людей находятся въ рукахъ нѣсколькихъ личностей: императоровъ, королей, министровъ, управляющихъ тѣми громадными, объединенными и централизованными государствами, которыя подѣлили между собою главнѣйшія области современной цивилизаціи. Указанныя личности, въ свою очередь, стоятъ въ зависимости отъ класса, непосредственно заинтересованнаго въ дальнѣйшемъ существованіи войны, ибо она ведетъ къ расширенію ихъ рынка (сферы дѣйствія) въ политикѣ, администраціи и арміи. Война можетъ быть уподоблена язвѣ, чрезъ которую истекаютъ всѣ лучшія и живыя силы народовъ. Она ведетъ къ вырожденію нашего рода, поглощаетъ капиталы, возлагая на цивилизованныя государства долгъ превышающій уже 100 милліардовъ и проценты котораго, вмѣстѣ съ расходами на поддержаніе вооруженнаго мира, составляютъ среднимъ числомъ *двѣ трети ихъ бюджетовъ* [1]). Наконецъ, она за-

[1]) Цифры, взятыя изъ оффиціальныхъ данныхъ различныхъ бюджетовъ, по-

ставляетъ народы выносить тягости безумно-высокихъ налоговъ, препятствующихъ развитію ихъ производительныхъ силъ и умноженію ихъ богатства.

Что же взамѣнъ этого даютъ намъ войны? Ни одна изъ бывшихъ за послѣднее время не окончилась иначе, какъ банкротствомъ и чаще всего вводя порядки худшіе, сравнительно съ тѣми, которые ими хотѣли отмѣнить. А если, въ рѣдкихъ случаяхъ, онѣ и принесли нѣкоторую пользу, то слѣдуетъ помнить, что эта польза мирными способами была бы достигнута съ меньшими затратами и болѣе надежно. Благодаря войнѣ развиваются развѣ только тѣ отрасли промышленности, которыя имѣютъ въ виду усовершенствованіе военнаго матеріала и смертоносности орудій.

Неудивительно поэтому, что съ тѣхъ поръ, какъ война потеряла свое внутреннее, разумное основаніе (raison d'être), она все болѣе и болѣе утрачиваетъ ореолъ величія и поэзіи, которымъ ее окружало, въ прежніе вѣка, народное воображеніе. Патріотическіе, даже общечеловѣческіе мотивы, которыми стараются ее прикрыть, встрѣчаютъ, въ все болѣе широкихъ кругахъ, недоумѣніе и недовѣріе. Подъ знамена не спѣшитъ болѣе цвѣтъ молодежи, а лишь принудительная сила государства заставляетъ массу населенія [1]) нести ярмо воинской повинности. Подвиги героевъ не затемняютъ болѣе заслугъ великихъ ученыхъ, художниковъ и изобрѣтателей. Однимъ словомъ, бичъ войны будетъ поражать современныя общества отъ времени до времени до тѣхъ поръ, пока эволюція крупной промышленности не дастъ рѣшающаго перевѣса массамъ населенія, заинтересованнымъ въ поддержаніи мира.

Нельзя не согласиться съ главными положеніями этой остроумной,

---

казываютъ, во что обходится Европѣ въ наши дни «вооруженный миръ». Она тратитъ ежегодно на содержаніе арміи и флота, на мирномъ положеніи, около $4^1/_2$ *милліардовъ франковъ* и держитъ подъ ружьемъ *3.200,000 человѣкъ*. Государства, по величинѣ этихъ затратъ, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Россія (894 милл.). Франція ($789^1/_2$), Англія (712), Германія (650), Австро-Венгрія (315), Италія (260) и Испанія (156). Въ параллель съ этими расходами интересно сопоставить проценты за государственные долги, опять таки вызываемые главнымъ образомъ военными и морскими бюджетами: они достигаютъ почтенной цифры *4 милліардовъ 650 милліоновъ въ годъ*. По неволѣ спросишь себя, въ виду столь дорого стоящаго и шаткаго мира, не предпочтительнѣе ли война съ ея перемѣнчивымъ счастьемъ? (Замѣтка *Neymarck*: „Ce que coûte la paix en Europe", въ Journal des Economistes, 1883; octobre).

[1]) La masse des corvéables, говоритъ Молинари, которыхъ на мѣткомъ, народномъ языкѣ справедливо называютъ «la chair à canon.».

чрезвычайно логической критики войны, дѣлаемой Молинари отъ имени экономическихъ началъ. Но онъ не правъ, когда, подшучивая надъ наивными апостолами мира, отвергаетъ пользу третейскаго суда и вообще улучшеній въ области международнаго права. Дѣло въ томъ, что преобразованія въ *экономической* жизни и въ *государственномъ строѣ*, за которыя ратуетъ авторъ, *не замѣняютъ*, а, *напротивъ*, *требуютъ улучшеній и въ нормахъ и въ формахъ международнаго порядка*. Тутъ должно избѣгать всякой односторонности и предвзятой точки зрѣнія.

II.

Не менѣе интересно подготовительное изученіе международной организаціи съ другой точки зрѣнія: со стороны все болѣе назрѣвающей въ сознаніи народовъ *идеи мира*. Но въ этомъ отношеніи новѣйшая литература представляетъ гораздо менѣе матеріала, нежели критическія изслѣдованія войны.

Передъ нами двѣ брошюры: *Рамона* и *Гольцендорфа*, весьма различныя по научному достоинству.

36. **Rhamon.** *Völkerrecht und Völkerfriede.* 1881.

Въ небольшой и пустой брошюрѣ Рамона заслуживаютъ одобренія благія намѣренія ея автора, но никакъ не выполненіе имъ послѣднихъ. Послѣ бѣглаго очерка развитія международныхъ сношеній съ точки зрѣнія водворенія мира, авторъ въ немногихъ словахъ упоминаетъ о теоретической разработкѣ этой идеи, начавшейся лѣтъ за 300 до насъ. Онъ говоритъ о проектахъ Генриха IV, Сен-Пьера, Бентама, Канта, Фихте и о попыткахъ кодификаціи международнаго права, а равно распространенія третейскаго разбирательства на практикѣ.

Отмѣтимъ лишь, что постоянно натянутыя сношенія и вѣчныя опасенія войны между государствами въ наши дни навели Рамона на мысль заняться историческимъ изученіемъ идеи мира, и изученіе это привело его къ убѣжденію, что *исторія своими доводами подтверждаетъ въ насъ вѣру въ постепенное установленіе между народами мира*.

Для этого надо всячески содѣйствовать проведенію этой идеи въ массы и даже сообразно съ нею помогать ихъ перевоспитанію. «Да не сдѣлаетъ мнѣ кто либо, говоритъ онъ словами Бентама, упрека, будто для осуществленія моего предложенія не настало еще время. Чѣмъ менѣе зрѣлы времена для такого предложенія, тѣмъ болѣе

каждый изъ насъ обязанъ приложить всѣ свои усилія, чтобы ускорить наступленіе этой зрѣлости. Проектъ вѣчнаго мира никогда не можетъ быть сдѣланъ ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно».

Это вѣрно въ смыслѣ педагогическаго пріема воспитанія. До осуществленія какой либо идеи на практикѣ надо, чтобы она вполнѣ окрѣпла и уяснилась въ сознаніи людей. А между всѣми нравственными задачами международнаго права Рамонъ совершенно справедливо выше всѣхъ ставитъ водвореніе мира между народами. Еще Кантъ съ глубокимъ смысломъ указалъ на то, что это—*высшее политическое благо для человѣчества*. Для скептиковъ же, которые по обыкновенію останавливаются на поверхности, а не на сущности явленій, германскій философъ напоминаетъ, что, по мѣрѣ развитія человѣчества, «періоды, въ которые достигаются равные успѣхи, становятся все короче» [1]).

Резюмируя проектъ Канта, авторъ приводитъ его мысль, что весь вопросъ состоитъ не въ томъ, есть ли вѣчный миръ нѣчто разумное или безумное (Unding), а въ томъ, чтобы привести дѣйствительность въ соотвѣтствіе съ требованіями разума. Введеніе же общаго и постояннаго мира составляетъ конечную цѣль науки о правѣ, понимаемой въ предѣлахъ чистаго разума. *Постепенное подчиненіе законамъ сношеній между людьми и государствами все болѣе и болѣе приближаетъ насъ къ вѣчному миру.*

Что касается до Фихте, то онъ рекомендуетъ, чтобы государства вступили между собою въ добровольный не на принужденіи основанный союзъ (Völkerbund, а не Völkerstaat). Ему принадлежала бы высшая, рѣшающая сила въ спорахъ между ними. Противъ возраженія, что и международный судъ не будетъ изъятъ отъ ошибокъ и пристрастія, Фихте отвѣчаетъ, что достаточно, если люди будутъ стремиться къ порядкамъ, наиболѣе сдерживающимъ проявленія между ними заблужденій и злой воли. Порядки же эти составляютъ въ сношеніяхъ между гражданами—государство, а между государствами—указываемый Союзъ. По мѣрѣ распространенія на всю землю этого Союза установится вѣчный миръ представляющійся единственно-правомѣрнымъ порядкомъ сношеній между государствами.

Изъ этого разбора видно, что Рамонъ своею брошюрою хотѣлъ главнымъ образомъ, содѣйствовать популяризаціи идеи мира, вовсе

---

[1]) Die Zeiten, in denen gleiche Fortschritte geschehen, werden immer kurzer.

не ведущей, какъ утверждаютъ ея противники, къ изнѣженности и бездѣятельности мужской части населенія. Но главный ея недостатокъ состоитъ въ отсутствіи указаній на положительные задачи и способы, которыми можетъ быть достигнута идея мира на практикѣ. А въ этомъ весь вопросъ! Авторъ довольствуется только тѣмъ, что, въ отличіе отъ Молинари, рекомендуетъ третейскій судъ, какъ наиболѣе удобный способъ замѣны войны въ тяжбахъ между народами. Это безспорно одно изъ звеньевъ въ большой цѣпи, призванной скрѣпить со временемъ зданіе международной организаціи, но не единственное и даже не главнѣйшее.

37. **Holtzendorff**. *Die Idee des ewigen Völkerfriedens*. 1882. (Это 403—404 тетрадь издаваемыхъ имъ вмѣстѣ съ Вирховомъ «общедоступныхъ научныхъ разсужденій» Vorträge).

Гораздо серьезнѣе брошюры Рамона эта монографія мюнхенскаго профессора. Въ немногихъ, крупныхъ и яркихъ чертахъ авторъ намѣчаетъ тѣ фазисы, чрезъ которыя, въ исторіи человѣчества, прошелъ вопросъ объ отношеніи мира къ войнѣ. До 17 столѣт., когда онъ былъ поставленъ серьезно и въ литературѣ, заслуживаютъ вниманія *три* величайшія, подготовительныя къ тому явленія. Во первыхъ, учрежденіе *государства*, этой безспорно первой и древнѣйшей формы замиренія людей (Friedensstiftung) на опредѣленной территоріи, въ противоположность кровавой мести и неограниченной враждѣ, свирѣпствовавшей между людьми въ до-историческую эпоху. Что бы ни фантазировали поэты о какомъ то первобытномъ, будто бы невинномъ и блаженномъ состояніи человѣчества на землѣ, раскопки древнѣйшихъ могилъ и жилищъ нашего рода наводятъ повсюду на остатки оружій, которыя сопровождали даже покойниковъ въ землю. Но между самими государствами война составляла въ древности правило; такъ называемые мирные договоры были въ сущности перемирія, которыя заключались на ограниченное число лѣтъ въ видахъ собиранія новыхъ силъ для вѣрнѣйшаго истребленія противника. Иностранцы допускались въ рѣдкихъ случаяхъ какъ гости, охраняемые покровительствомъ боговъ. По мнѣнію Эллиновъ, цѣлая пропасть отдѣляла ихъ отъ остальнаго міра варваровъ, самою природой обреченныхъ на порабощеніе ими. Евреи безпощадно истребляли жителей Палестины, чтобы сохранить въ чистотѣ свое вѣроученіе.

Во вторыхъ, установленіе *обще-человѣческой нравственности* благодаря *христіанству*. Не зная избранныхъ народовъ и проповѣдуя, въ царствѣ Божіемъ, братство всѣхъ людей, оно разбросало по лицу

земли первыя сѣмена всеобщаго мира. Въ отличіе отъ языческихъ поэтовъ, которые переводили человѣчество изъ золотаго вѣка въ желѣзный, оно учило, что насилія и порабощенія должны уже прекратиться здѣсь на землѣ. Называя миротворцевъ, какъ сыновъ Божіихъ, блаженными, оно провозгласило миръ не достояніемъ давно и безвозвратно исчезнувшаго прошлаго, но идеаломъ будущаго, къ которому обязаны стремиться отдѣльныя лица, а чрезъ нихъ и народы, путемъ подчиненія себѣ міра, т. е. всѣхъ тѣхъ внутреннихъ разногласій, которыя воюютъ на насъ въ сердцѣ каждаго [1]). Въ этомъ скрывается значеніе духовнаго меча, принесеннаго Христомъ на землю. Какъ отнеслось христіанство на практикѣ къ войнѣ и къ вопросу объ ея законности?

Хотя нѣкоторыя секты въ древнѣйшую эпоху, въ средніе вѣка и въ новѣйшія времена, какъ меннониты и квакеры, отвергли безусловно всякое убіеніе человѣка, будь это въ видахъ самообороны или по приказанію властей на войнѣ, а чрезъ это признали невозможною для христіанъ военную службу, но уже рано въ церкви возобладало противоположное этому воззрѣніе. Еще до блаженнаго Августина постановленія нѣкоторыхъ соборовъ угрожаютъ бѣглымъ солдатамъ отлученіемъ отъ церкви. Въ средніе вѣка католическая церковь была по природѣ воинствующая. Къ двумъ главнымъ формамъ античныхъ войнъ, внѣшней и междуусобной, она присоединила новую третью— религіозную, преслѣдуя еретиковъ и иноверцевъ огнемъ и мечемъ. Такимъ образомъ военные подвиги стали не только дѣломъ личной храбрости, но и объявлены чѣмъ то священнымъ, способнымъ искупить грѣхи участвующихъ въ нихъ.

Что касается до протестантизма, то и онъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній усвоилъ себѣ эту же точку зрѣнія. Даже актъ христіанскаго погребенія сопровождается извѣстными военными почестями, какъ при погребеніи воиновъ въ древнемъ язычествѣ. Церковныя власти никогда не отказываются, по требованію свѣтской власти, освящать знамена или совершать торжественныя моленія съ пѣніемъ псалмовъ Давида для отпразднованія побѣды надъ врагомъ по образцу Ветхаго Завѣта. Между тѣмъ какъ католическая церковь предоставляла тѣмъ, которые чувствовали отвращеніе отъ военной службы, какъ крайній исходъ—поступленіе въ монашество, современное государство идетъ далѣе этого: оно не колеблясь, принуждаетъ къ военной повинности

---

[1]) У автора: „Wenn sie (die Einzelnen und die Völker) die Welt, d. h. den Unfrieden in sich selber überwunden haben.

и тѣхъ, которые по убѣжденіямъ своей совѣсти въ прежнія времена освобождались отъ нея и даже охранялись особыми привиллегіями. Авторъ говоритъ, что одинъ изъ прежнихъ прусскихъ королей (Фридрихъ Вильгельмъ I) былъ весьма озадаченъ и огорченъ, когда узналъ отъ своего придворнаго духовника, что на томъ свѣтѣ онъ не найдетъ ни потсдамскихъ гренадеръ, ни марсовыхъ полей для военныхъ упражненій. А одинъ извѣстный военачальникъ во время датской войны въ 1864 году высказалъ мысль, что только хорошій христіанинъ можетъ быть и добрымъ солдатомъ.

Въ результатѣ мы видимъ, замѣчаетъ Гольцендорфъ, что христіанскія церкви относились всегда къ войнѣ скорѣе сочувственно и одобрительно, нежели порицательно и враждебно. По отношенію къ ней, въ ряду другихъ религіозныхъ системъ, христіанство занимаетъ какъ бы посредствующее мѣсто. Оно не предписываетъ своимъ послѣдователямъ, какъ мозаизмъ и исламъ, истребленіе невѣрныхъ, но, съ другой стороны, оно и не есть религія абсолютнаго покоя и смерти въ связи съ уничтоженіемъ человѣческой личности, какъ буддизмъ. Въ христіанствѣ сочетаются обѣ идеи: мира, какъ надежды человѣчества, и борьбы, необходимой для каждаго, чтобы возобладать надъ собою, но подъ условіемъ любви и къ врагамъ.

Это положеніе автора намъ представляется туманнымъ и неточнымъ: *борьбу* вообще (а не только съ самимъ собою) нельзя отождествлять съ *войною*, которая есть лишь ея низшая наиболѣе грубая форма. Война противорѣчитъ чистой, абсолютной идеѣ христіанства такъ же какъ и рабство, смертная казнь, и если оно *допустило ихъ во времени* (по нашей испорченности и ограниченности), то слѣдуетъ однако помнить, что оно *отмѣнило ихъ въ идеалѣ*, т. е. поставивъ ихъ совершенное упраздненіе тою задачею для человѣчества, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ сущности и духу всего его ученія.

Третьимъ великимъ подготовительнымъ событіемъ къ замиренію народовъ должно быть признано *зарожденіе обще-человѣческаго права* (Weltrecht). Называемое долго правомъ естественнымъ, это есть въ сущности *право международное*, которое призвано своими нормами соединить всѣ государства земли въ одинъ обще-человѣческій союзъ. На рубежѣ новаго времени слагаются, подъ крѣпкою монархическою властью, новѣйшія національныя государства, которыя присвоиваютъ исключительно себѣ право войны и чрезъ это полагаютъ конецъ частнымъ войнамъ, не менѣе религіозныхъ свирѣпствовавшимъ въ средніе вѣка. На континентѣ Европы установляется послѣ Вестфальскаго мира прочная система, правда политическая, сношеній между госу-

дарствами, но введеніе въ предѣлахъ послѣднихъ земскаго мира сдѣлало возможнымъ позднѣйшее развитіе въ нихъ гражданской и даже политической свободы. Въ періодъ великихъ открытій и колоніальной конкурренціи европейскіе народы были вовлечены въ морскія войны, которыя по природѣ нельзя локализировать, какъ сухопутныя. Это вызвало первыя попытки къ выясненію правъ нейтральныхъ и къ охранѣ ими чрезъ общіе союзы мира на моряхъ. Въ этихъ стремленіяхъ къ защитѣ свободы океана авторъ видитъ первыя политическія сближенія между европейскими народами ради поддержанія общаго мира.

Какъ бы то ни было, но едва зародившееся тогда международное право поставило себѣ задачею изученіе естественныхъ и нормальныхъ, т. е. на самой разумной природѣ человѣка и общества основанныхъ отношеній между государствами. Уже Гроцій учитъ, что эти отношенія должны покоиться не на національной или религіозной враждѣ и обособленности, какъ въ древности и въ средніе вѣка, а на законахъ общежитія, направляющихъ людей къ миру. Война, какъ одна изъ сторонъ этихъ сношеній, сама должна подчиняться нормамъ права и быть законною по своимъ причинамъ, способамъ веденія и окончанія. Это уже былъ первый громадный шагъ въ смыслѣ ея юридическаго опредѣленія и ограниченія.

Отъ этихъ подготовительныхъ событій авторъ обращается къ писателямъ и весьма обстоятельно разбираетъ проекты аббата Сен-Пьера и Канта. Оба эти мыслителя пользуются его полнымъ сочувствіемъ. Несмотря на то, что проектъ перваго вызвалъ только насмѣшки современниковъ (даже такихъ друзей человѣчества, какъ Лейбница и Вольтера), Гольцендорфъ говоритъ, «что великая заслуга его автора останется всегда въ томъ, что въ вѣкъ династическихъ войнъ кабинетовъ и ихъ помысловъ лишь о территоріальномъ расширеніи своихъ владѣній онъ первый осмѣлился возвысить свой голосъ въ пользу всеобщаго мира, необходимаго не только для слабѣйшихъ, но и для всего союза европейскихъ государствъ. Временнымъ воинственнымъ интересамъ сильныхъ земли онъ противопоставилъ вѣчную потребность въ мирѣ европейской культуры».

Если Сен-Пьеръ, повидимому, хотѣлъ установить общій миръ разомъ и среди своихъ современниковъ, то Кантъ, напротивъ, считалъ вѣчный миръ—идеаломъ, къ которому человѣчество призвано приближаться постепенно, но, по мѣрѣ своего усовершенствованія, все съ усиливающейся быстротой.

О другихъ проектахъ авторъ совершенно умалчиваетъ. Онъ посвя-

щаетъ нѣсколько строкъ Руссо, который, по его мнѣнію, видѣлъ въ неограниченной власти монарховъ главную причину войнъ, и говоритъ, что не вѣритъ, будто король французскій Генрихъ IV серьезно мечталъ о замиреніи Европы. Между тѣмъ Блюнчли, какъ увидимъ далѣе, признаетъ особое значеніе именно за этимъ проектомъ, составленнымъ опытнымъ и мудрымъ государственнымъ человѣкомъ.

Переходя къ 19 стол., Гольцендорфъ напоминаетъ, что въ періодъ, слѣдовавшій за французской революціей, замѣчается умноженіе защитниковъ войны. Клерикальные поборники легитимизма (Де-Местръ), романтики въ литературѣ и философы съ Гегелемъ, Тренделенбургомъ во главѣ то видятъ въ войнѣ справедливую божественную кару за грѣхи людей, то прославляютъ ее какъ поэтическое выраженіе мужественной доблести и иныхъ высшихъ добродѣтелей или какъ цѣлебное для общества средство нравственнаго оздоровленія и перерожденія. Этихъ защитниковъ онъ называетъ «умами въ академической свободѣ дрессированныхъ для казармъ».

Упомянувъ далѣе о стремленіяхъ въ Англіи приверженцевъ свободной торговли, онъ останавливается нѣсколько на обществахъ друзей мира и говоритъ, что ихъ программы могутъ быть въ цѣломъ сведены къ слѣдующимъ тремъ основнымъ пунктамъ: осужденіе принципа вмѣшательства одного государства во внутреннія дѣла другаго, общее разоруженіе вслѣдствіе отмѣны постояннаго войска и введеніе правильнаго третейскаго суда для рѣшенія тѣхъ распрей между народами, которыя доселѣ вызывали войну.

Нельзя сказать, чтобы въ цѣломъ авторъ высоко ставилъ дѣятельность этихъ обществъ. Главный практическій результатъ, донынѣ имъ достигнутый, состоитъ въ извѣстномъ постановленіи 8 ст. Парижскаго трактата о томъ, чтобы государства въ своихъ взаимныхъ спорахъ обращались до начатія войны къ добрымъ услугамъ—какой либо третьей нейтральной державы, но вопреки этой статьѣ всѣ войны въ Европѣ съ 1856 г. предпринимались безъ такого обращенія къ посредничеству. Авторъ забываетъ послѣднюю русско-турецкую войну, которой предшествовали долгіе переговоры, въ видахъ улаженія возникшихъ тогда замѣшательствъ на востокѣ.

Повторяя многія требованія, высказанныя еще Кантомъ, друзья мира не посмѣли однако вмѣстѣ съ нимъ заявить, чтобы въ Европѣ впредь были воспрещены всякія территоріальныя измѣненія и участіе со стороны нейтральныхъ въ займахъ, заключаемыхъ воюющими. За послѣднюю мысль ратовалъ особенно Кобденъ.

Изъ вышеприведенныхъ же пунктовъ программы друзей мира ав-

торъ обстоятельно разсматриваетъ вопросы о третейскомъ судѣ и о разоруженіи. Прежде всего онъ предостерегаетъ отъ увлеченій идеею третейскаго суда. Вполнѣ ошибаются тѣ, замѣчаетъ онъ, которые воображаютъ, будто всѣ великіе жизненные интересы государствъ, такъ часто противоположные другъ другу, могутъ быть просто сведены къ юридическимъ формуламъ права и неправа. Всѣ фактически существующія между ними отношенія далеко не исчерпываются юридическими правилами. Первыя обусловливаемыя могуществомъ народовъ, стоятъ къ послѣднимъ приблизительно въ такомъ же соотношеніи, въ какомъ находятся столь разнообразныя религіозно-нравственныя отношенія между супругами къ тощимъ предписаніямъ брачнаго законодательства. Кромѣ того, съ усиленіемъ сношеній между государствами и чѣмъ болѣе благосостояніе каждаго изъ нихъ станетъ солидарнымъ съ благомъ всѣхъ остальныхъ, тѣмъ менѣе можно будетъ ожидать безпристрастія отъ третейскихъ судей и склонности съ ихъ стороны рѣшать дѣла не по твердымъ началамъ права, а по соображеніямъ наибольшей пользы.

По поводу этихъ возраженій слѣдуетъ замѣтить, что, конечно, третейскій судъ нельзя считать универсальнымъ средствомъ для рѣшенія споровъ между государствами, но задача международной практики въ томъ и должна состоять, чтобы сдѣлать международное право болѣе способнымъ обнимать и рѣшать все большее число жизненныхъ интересовъ народовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ постепенно воспитать и лицъ, достойныхъ давать этимъ высшимъ интересамъ удовлетвореніе, сообразное съ разумомъ и справедливостью. Самъ авторъ, впрочемъ, немного далѣе высказывается въ этомъ смыслѣ, видя въ умноженіи случаевъ третейскаго разбирательства значительный успѣхъ въ интересахъ культуры и полагая, что друзья мира оказали бы истинную услугу, если бы постарались опредѣлить тѣ случаи, когда обращеніе къ третейскому суду соотвѣтствовало бы интересу всѣхъ государствъ. По мнѣнію автора, сюда можно бы отнести всѣ споры между государствами, которыя по своему положенію никогда не могутъ воевать другъ съ другомъ (напр., Англія съ Швейцаріею), между странами вѣчно нейтрализованными (напр., Бельгіею) и ихъ могущественными сосѣдями, извѣстныя преступленія противъ международнаго права (въ родѣ морскаго разбоя, оскорбленія посланниковъ) и, наконецъ, незаконныя дѣйствія такихъ государей, которые, какъ папа, не могутъ быть привлечены ни къ гражданской отвѣтственности предъ судомъ, ни къ политическому отвѣту на полѣ сраженія. Достойно вниманія, что Гольцендорфъ рекомендуетъ даже

установленіе постояннаго третейскаго суда (ständiges Schiedsgericht), какъ учрежденія правильно дѣйствующаго съ юридически-выработаннымъ порядкомъ производства (ständige Schiedsgerichtsordnung). Мало того, онъ ясно одобряетъ принципъ *международнаго суда вообще* (не только третейскаго, служащаго къ нему дополненіемъ) въ слѣдующихъ словахъ: «ни одинъ мыслящій публицистъ нашего времени не будетъ отвергать той истины, что историческая жизнь народовъ управляется великими законами, которые не зависятъ отъ капризовъ деспота, или отъ страстей народныхъ массъ, или вообще отъ случайностей дня, ибо они дѣйствуютъ за предѣлы отдѣльныхъ государствъ. А гдѣ существуютъ законы, тамъ и необходимы, въ видахъ предупрежденія ихъ нарушеній, извѣстныя охранительныя мѣры, равно какъ и возстановленіе ихъ судомъ не общимъ, всемірнымъ (Weltgericht) въ послѣдній день исторіи, но, на сколько возможно, судомъ человѣческимъ, что не представляется намъ невозможнымъ, если мы сообразимъ, что и государственные суды въ продолженіе вѣковъ не могли укротить самоуправство и кровавую месть между частными лицами».

Гораздо рѣшительнѣе высказывается Гольцендорфъ противъ *разоруженія*. Онъ не только не признаетъ настоятельности этой реформы, но даже какъ бы не видитъ отъ ея осуществленія никакихъ добрыхъ послѣдствій. Правда, онъ не касается главныхъ мотивовъ, ея требующихъ, т. е. мотивовъ политическихъ и экономическихъ, а смотритъ на нее исключительно съ международной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи друзья мира, по его мнѣнію, отправляются отъ двухъ равно невѣрныхъ посылокъ: будто существованіе громадныхъ армій въ наше время составляетъ само по себѣ одну изъ причинъ, вызывающихъ войны и будто одновременность разоруженія, если допустить оное, соотвѣтствовало бы справедливости. Противъ перваго положенія нельзя и спорить: такъ оно очевидно вѣрно; да и нашъ авторъ не даетъ ему никакого опроверженія. Несправедливость же одновременнаго разоруженія вытекаетъ изъ того, что величина боевыхъ силъ каждаго государства должна обусловливаться какъ его собственнымъ географическимъ положеніемъ, такъ и исторически-сложившимися отношеніями его къ сосѣднимъ народамъ. Нечего и говорить, что народы, расположенные на окраинахъ Европы и могущіе подвергнуться только съ одной стороны нападенію равныхъ имъ противниковъ (Англія, Франція, Россія), находятся въ гораздо менѣе опасномъ положеніи, сравнительно съ государствами, лежащими въ центрѣ нашего континента, какъ Германія и Австрія, и поэтому мо-

гущія опасаться одновременнаго нападенія съ разныхъ концовъ. Намъ представляется это заключеніе софизмомъ: разоруженіе, если бы къ нему было приступлено, должно было бы имѣть въ виду положеніе каждаго конкретнаго государства и при этомъ его положеніе міровое, а не только въ нашей части свѣта, но область его дѣйствія слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ на долгое время, ограничить лишь Европою, а при принятіи на счетъ этого государствами общаго соглашенія имъ очевидно не пришлось бы трепетать за свое географическое положеніе, центрально ли оно или периферично.

Въ противоположность Руссо, Гольцендорфу представляется совершенно превратнымъ довольно распространенное мнѣніе о томъ, что монархіи по своему принципу воинственны, а демократіи будто бы миролюбивы, изъ чего выводятъ заключеніе, что объявленія войны должны быть предварительно одобрены народными собраніями или палатами. Въ республикѣ часто не существуетъ крѣпкихъ историческихъ преданій, служащихъ предостереженіемъ для правителей, которые и не несутъ обыкновенно тяжелой, личной отвѣтственности монарховъ, а напротивъ ихъ политически-военное пораженіе можетъ иной разъ быть очень желательнымъ для вожаковъ враждебной имъ партіи.

Все это вѣрно и мы не споримъ съ авторомъ, что бываютъ случаи, когда монархи болѣе склонны поддерживать миръ, нежели подвластные имъ лица или народы, но въ цѣломъ, однако, нельзя не сказать, что болѣе гарантій для мира представляютъ правильно организованныя республики, нежели монархіи.

Наконецъ, авторъ ставитъ въ вину друзьямъ мира еще то, что они слишкомъ озабочены *внѣшнимъ* миромъ между государствами и совершенно упускаютъ изъ виду гораздо болѣе важный миръ *внутренній*. Но безъ послѣдняго не достижимъ и первый. Всѣ важныя революціи имѣли своими послѣдствіями войну. Поэтому, нельзя достаточно позаботиться о томъ, чтобы внутри каждаго государства царилъ законный порядокъ и чтобы изсякли всѣ источники для возстаній и переворотовъ. Внутренній миръ, предшествующій международному, долженъ, по мысли автора, утвердиться въ трехъ главныхъ областяхъ человѣческой жизни: въ сферѣ религіозной, экономическихъ отношеній и въ области собственно соціальной или въ отношеніяхъ между различными классами общества.

Заключительные выводы автора таковы: война должна быть признана въ своей *относительной* законности. Въ прежнія эпохи она служила однимъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ культуры. Но она является

правомѣрною и теперь въ сношеніяхъ образованныхъ народовъ къ полуобразованнымъ и дикимъ и даже между образованными въ формѣ необходимой обороны. Подобно Молинари авторъ соглашается съ тѣмъ, что европейскіе народы къ концу прошлаго вѣка были во многихъ отношеніяхъ миролюбивѣе и дружелюбнѣе другъ къ другу, чѣмъ теперь. Новыя противоположности и разногласія возникли между ними, а старыя обострились или приняли болѣе угрожающія формы. Религіозная вражда съ новой силой раздѣляетъ въ жизни и въ школѣ гражданъ одного и того же государства. Экономическіе интересы и стремленія, искусно поддерживаемые и нерѣдко раздуваемые болѣе чѣмъ когда либо, вызываютъ озлобленіе между общественными классами. Національныя симпатіи и антипатіи проявляются все рѣзче въ предѣлахъ не только государствъ, но даже многихъ городовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ разрушительные элементы стараются повсюду организоваться и слиться съ подобными же силами въ другихъ странахъ. Благодаря печати и ассоціаціямъ они получаютъ распространеніе и значеніе невѣдомыя доселѣ. Въ той степени, какъ увеличилась публичность общественной жизни, эти враждебныя силы окружили себя таинственностью, подъ прикрытіемъ которой онѣ выжидаютъ удобный для себя моментъ, чтобы, пользуясь политической свободой, ниспровергнуть всякую свободу и порядокъ вообще. Противъ ихъ распространенности и неразборчивости въ средствахъ безсильно отдѣльное государство. Гольцендорфъ требуетъ, чтобы образованные народы, желающіе серьезно оберечь свой внутренній миръ, какъ условіе мира внѣшняго, признали для себя обязательнымъ взаимную выдачу преступниковъ какъ политическихъ, такъ и всѣхъ вообще, которые посягнутъ на общій всѣмъ государствамъ миръ. Въ предѣлахъ международной охраны должны подлежать одинаковому преслѣдованію и приверженцы анархіи и защитники деспотіи.

Хотя, къ сожалѣнію, въ современныхъ международныхъ сношеніяхъ отталкивающіе элементы перевѣшиваютъ элементы притягивающіе, но авторъ не забываетъ и послѣднихъ. Успѣхи въ современной техникѣ разрушенія, говоритъ онъ, наполняющіе ужасомъ друзей человѣчества, наводятъ и на противоположную мысль, именно на ту, что въ концѣ концовъ война превратится чрезъ наибольшее усовершенствованіе своихъ орудій въ невозможность. Если выгоды все вновь изобрѣтаемыхъ средствъ разрушенія очутятся исключительно на сторонѣ военной обороны, то это значительно ослабитъ разсчеты на успѣхъ нападенія. Что касается до послѣднихъ морскихъ войнъ, то уже теперь существующія средства береговой обороны и употребленіе

торпедъ въ значительной степени, повидимому, затруднили для большихъ военныхъ судовъ приближеніе къ непріятельскому берегу. Далѣе общая воинская повинность глубоко преобразовала строй и духъ армій, ни въ чемъ нынѣ не похожихъ на прежнія наемныя войска, бывшія всегда готовыми, ради хорошей наживы, драться за кого и за что угодно. Въ современныхъ арміяхъ господствуетъ не только болѣе строгая дисциплина, но и живая, дотолѣ неизвѣстная связь соединяетъ ихъ съ тѣми народными массами, изъ которыхъ онѣ выходятъ. Эта система природою вещей доставляетъ перевѣсъ въ обществѣ мирнымъ интересамъ народа надъ чисто военными стремленіями отдѣльныхъ, имъ служащихъ, лицъ и партій. Наконецъ, сама война подчиняется въ наши дни не только техническимъ правиламъ стратегіи и тактики, но и нравственно-юридическимъ нормамъ, призваннымъ ее смягчить и облагородить.

Но, не считая войну абсолютно варварствомъ и допуская законность оборонительныхъ войнъ, Гольцендорфъ, однако, не колеблясь провозглашаетъ *вѣчный миръ—высшею послѣднею цѣлью международнаго права по сознанію жаждущаго нравственнаго усовершенствованія человѣчества*. Стремленія къ нему, понятыя серьезно, въ духѣ Канта, заслуживаютъ не насмѣшекъ, а напротивъ полнаго вниманія и поощренія. «*Только при господствѣ мира мыслимо нравственное возрожденіе человѣчества, которое въ свою очередь приведетъ къ миру*». Само международное право, какъ наука, является стражемъ всѣхъ интересовъ мира, и чѣмъ болѣе оно будетъ выясняться въ своихъ основныхъ началахъ, тѣмъ менѣе препятствій представитъ рѣшеніе отдѣльныхъ споровъ между государствами. Авторъ энергически возстаетъ противъ утвержденій Гегеля и Тренделенбурга, будто миръ, въ противоположность войнѣ, только изнѣживаетъ людей и ведетъ народы къ нравственному застою и разложенію.

Сравнивая въ исторической перспективѣ, заключаетъ онъ, оба идеала человѣчества—миръ и войну, нельзя не замѣтить постепенно усиливающійся перевѣсъ перваго надъ вторымъ. Въ прежніе вѣка, по продолжительности и частымъ повтореніямъ, война составляла, въ сношеніяхъ между народами, общее правило, а миръ — рѣдкое, кратковременное исключеніе. Но мало по малу изъ повелителя надъ миромъ война превращается въ его скромнаго слугу. Гольцендорфъ выражаетъ надежду, что подобно тому, какъ удивительныя открытія и изобрѣтенія въ области естествовѣдѣнія и техники въ наши дни почти уничтожили пространство, такъ и въ сферѣ нравственной жизни народовъ, быть можетъ, дальнѣйшія улучшенія совершатся съ несрав-

ненно большею скоростію, чѣмъ въ предшествующія намъ эпохи. Во всякомъ случаѣ, мы къ вѣчному миру теперь ближе, нежели къ первымъ зарожденіямъ человѣческой культуры и, съ другой стороны, онъ для нашего историческаго пониманія представляется болѣе осуществимымъ, чѣмъ казалась, напр., идея общаго земскаго мира для германскихъ городовъ въ XV столѣтіи.

III.

Прежде, чѣмъ излагать *идеальные проекты* международной организаціи, предлагаемые новѣйшими писателями, полезно, какъ мы сказали выше, ознакомиться съ *существующими начатками* таковой въ дѣйствительной жизни. Сдѣлать это намъ тѣмъ легче, что мы имѣемъ хорошихъ руководителей въ лицѣ вѣнскаго профессора *Іеллинека*, уже знакомаго намъ автора монографіи о трактатахъ и бреславльскаго проф. *Бри*.

38. **Iellinek**. *Die Lehre von den Staatenverbindungen*. 1882.

Въ этомъ сочиненіи авторъ поставилъ себѣ задачею всесторонне и съ строго-юридической точки зрѣнія изучить одинъ изъ труднѣйшихъ и наименѣе удовлетворительно доселѣ разработанныхъ вопросовъ всего государствовѣдѣнія—именно вопросъ о *соединеніяхъ государствъ* или о тѣхъ организаціяхъ, въ которыя государства въ свою очередь вступаютъ извѣстными частями своего существа въ очень разнообразныхъ формахъ. Книга его отличается, безспорно, большими достоинствами: оригинальностью, начитанностью въ политической литературѣ, выдержанностью и юридическою послѣдовательностью. По самому характеру своей темы она какъ бы лежитъ на рубежѣ права международнаго и государственнаго, въ одинаковой степени представляя выводы, важные для спеціалистовъ по той и другой отрасли. Но въ результатѣ у автора, быть можетъ, перевѣшиваетъ государственная точка зрѣнія. Мы не можемъ здѣсь со всѣхъ сторонъ изучить его сочиненіе, столь богатое мыслями и выводами, но коснемся его по стольку, по скольку оно представляетъ интересъ съ международной стороны и преимущественно съ точки зрѣнія нарождающейся въ наши дни *международной организаціи*. Прежде всего намъ кажется, что двойственная систематика государственныхъ соединеній, которой держится авторъ, неудовлетворительна. Его ученіе о суверенитетѣ (основной пунктъ всей книги) страдаетъ нѣкоторымъ самопротиворѣчіемъ и несоотвѣтствіемъ съ явленіями дѣйствительной жизни. Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что онъ не остано-

вился долѣе на вопросѣ собственно о *международной организаціи, естественно являющейся завершеніемъ всѣхъ соединеній государствъ вообще.*

Мы попробуемъ въ дальнѣйшихъ нашихъ замѣчаніяхъ оправдать выставленныя нами сейчасъ положенія.

Сущность всего ученія Іеллинека сосредоточена въ первой вступительной части. Онъ справедливо замѣчаетъ, что до сихъ поръ вся теорія о государствѣ сложилась почти исключительно по типу унитарнаго государства, между тѣмъ въ наши дни сложныя формы политическихъ соединеній получаютъ все большее значеніе и распространеніе. Какой богатѣйшій матеріалъ для изученія даютъ намъ Штаты и по ихъ типу сложившіяся республики въ Новомъ Свѣтѣ, Швейцарія, возникшая на нашихъ глазахъ Германская Имперія, страны соединенныя подъ скипетромъ Габсбурговъ, Швеція и Норвегія; государства постепенно выходящія изъ подъ владычества Порты или живущія подъ протекторатомъ, нейтрализованныя и т. д.! Долгую путаницу и сбивчивость въ понятіяхъ, которыя господствовали въ теоріи относительно этихъ сложныхъ государствъ слѣдуетъ объяснять двумя основными причинами: при изученіи государства дедукція и индукція шли разными другъ отъ друга независимыми путями и поэтому не могли сойтись въ какомъ либо общемъ пунктѣ. Кромѣ того, политическія соображенія обыкновенно смѣшивались съ юридическими принципами. Не отвергая значенія политическаго элемента для *публичнаго права*, авторъ энергично высказывается за его прежде всего строго-юридическій характеръ. Онъ требуетъ, чтобы и государственное и международное право все болѣе вырабатывались въ стройныя юридическія системы. И въ этомъ нельзя съ нимъ не согласиться, равно какъ и въ томъ, что публицисту всегда слѣдуетъ осторожно относиться къ аналогіямъ и примѣрамъ, взятымъ изъ гражданскаго права. Государство есть столь своеобразная форма человѣческаго сожитія, что пріемы и предѣлы его изученія надо находить въ немъ самомъ. Тотъ, кто стремится понять его съ полною юридическою ясностью, долженъ тщательно избѣгать частно-правовыхъ на него воззрѣній. Съ тѣмъ вмѣстѣ авторъ объявляетъ себя сторонникомъ индуктивнаго метода въ публичномъ правѣ и предостерегаетъ отъ опасности подводить формы и явленія дѣйствительной жизни подъ заранѣе составленные идеальные типы.

Отъ этихъ вступительныхъ понятій онъ обращается къ основному для всего его сочиненія *ученію о суверенитетѣ* и къ рѣшенію вопроса о томъ, *есть ли суверенитетъ неотъемлемая принадлеж-*

ность каждаго государства, т. е. мыслимы ли государства и безъ него?

Разобравъ различныя невѣрныя опредѣленія суверенитета, авторъ признаетъ его способностью или возможностью государства только собственною волею юридически себя обязывать. Иначе говоря: исключительная обязываемость государства собственною волею — вотъ въ чемъ *юридическій* признакъ его верховенства. Въ противоположность этому: исключительная обязываемость лицъ *чужою* для нихъ волею, т. е. волею государства, есть юридическій признакъ ихъ подданства. Прежніе писатели и многіе публицисты въ наши дни при опредѣленіи суверенитета ставятъ на первый планъ его неограниченность и абсолютность (Schrankenlosigkeit). Видя въ немъ основу и предположеніе всякаго права, они превозносятъ его надъ послѣднимъ и хотя толкуютъ о нѣкоторыхъ для него *матеріальныхъ границахъ*, но за то рѣшительно отвергаютъ возможность какихъ бы то ни было *формальныхъ ограниченій*. Чрезъ это они становятся въ принципіальное, неразрѣшимое противорѣчіе съ конституціоннымъ правомъ, которое даетъ государству его юридическую организацію и проводитъ границы для его компетенціи, а равно съ правомъ международнымъ, отрицаемымъ даже въ теоріи безъ всякой послѣдовательности [1]).

Вопреки этому господствующему взгляду, Іеллинекъ опредѣляетъ суверенитетъ какъ *возможность само-ограниченія* [2]) государства. Въ силу этого ограниченія, возлагаемыя на себя государствомъ по отношенію къ другимъ субъектамъ права—будь то его собственные подданные или же другія государства — и которыя понимались прежде какъ *исключенія* изъ принципа его верховенства, представляются отнынѣ *общимъ правиломъ*, *выводомъ* изъ этого основнаго начала государственной жизни. Несмотря на способность государства измѣнять всякое положительное право, *воля его въ формальномъ отношеніи никогда не бываетъ безгранична*, ибо всѣ ея измѣненія должны всегда совершаться въ предѣлахъ права и сообразно съ его формами. Иначе мы дошли бы до абсурда признать съ формальной стороны вполнѣ легальнымъ актомъ, если бы государство вздумало въ одинъ прекрасный день отмѣнить весь юридическій порядокъ. Также и въ сношеніяхъ его съ другими государствами оно признаетъ для своей воли обязательными тѣ нормы, которыя логически вытекаютъ изъ природы международныхъ отношеній.

---

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду новѣйшаго его отрицателя *Церна*, проф. въ Кенигсбергѣ.

[2]) Möglichkeit der Selbstbeschränkung.

Теперь спрашивается, мыслимо ли *государство несуверенное?* Обыкновенно отвѣчаютъ, что это contradictio in adjecto. Явленія дѣйствительной жизни не подтверждаютъ однако подобнаго отрицанія. Нельзя не называть государствами страны вассальныя, члены (штаты или кантоны) федерацій. Но съ другой стороны авторъ не менѣе рѣшительно отвергаетъ и всѣ мнѣнія о двойномъ, раздѣленномъ, словомъ, въ какой бы то ни было формѣ умаленномъ суверенитетѣ [1]). Онъ не допускаетъ *полунезависимыхъ государствъ*, но находитъ возможнымъ научное оправданіе *государствъ несуверенныхъ*. Это наиболѣе оригинальный пунктъ его ученія.

Для обоснованія онаго онъ развиваетъ понятіе *державнаго права* (eignes Recht) которое онъ отличаетъ отъ суверенитета. Державное право присуще лишь тому, кто, при его примѣненіи, слѣдуетъ только собственной волѣ. А это, какъ сказано, аттрибутъ одного государства и притомъ болѣе общій, нежели суверенитетъ. Державное право по существу не подлежитъ юридическому контролю. Но не требуется, чтобы оно первоначально возникло въ лицѣ того, кто выступаетъ его носителемъ, ни чтобъ оно не могло быть отнято у него вопреки его волѣ. Вотъ критерій для распознанія государства суверереннаго отъ несувереннаго. Первымъ можетъ быть названо такое, которое *всѣ стороны* государственной жизни подчиняетъ единственно своей державной волѣ. Второе обладаетъ правомъ самоопредѣленія *лишь въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи*, но оно все-таки отличается отъ всякой иной корпораціи или союза въ томъ, что въ указанной области оно имѣетъ право полнаго безконтрольнаго распоряженія. Государство суверенное по идеѣ первично: только оно должно быть признано творцомъ государства несувереннаго, какъ формаціи вторичной. Противоположные примѣры исторіи не ослабляютъ вѣрности этого теоретическаго принципа. Благодаря своему полновластію, державное государство надѣляетъ какую-либо свою область извѣстными верховными правами, которыми она съ этого момента начинаетъ пользоваться уже отъ *своего* лица, а не по порученію надѣлившаго ее ими государства [2]). Такъ въ С. Штатахъ центральное правительство превращаетъ территоріи въ штаты, т. е. государства. Турція создала автономное княжество Болгарское. Въ области международной обѣ категоріи государствъ выступаютъ субъектами. Государство держав-

---

[1]) Эту теорію высказалъ по отношенію къ союзному государству *Токвиллъ* и особенно развилъ ее *Вайтцъ*.

[2]) Это переданное Herrschaftsrecht авторъ называетъ nicht *delegirtes*, wohl aber *abgeleitetes* Recht.

ное можетъ лишить несуверенное его независимости, не справляясь съ его желаніями и даже вопреки имъ. Въ отчужденіи же этихъ правъ нельзя указать ему никакихъ опредѣленныхъ границъ: оно вольно дойти до того, что фактически его верховенство обратится въ nudum jus, какъ мы видимъ, напр., на Турціи, которая продолжаетъ удерживать суверенитетъ надъ Босніею и Герцоговиной, давно уже перешедшими въ полное фактическое владычество Австріи.

Непослѣдовательность изложенной теоріи намъ кажется ясною. Самъ авторъ соглашается, что она не всегда подтверждается историческими фактами, а это ослабляетъ силу его индуктивнаго метода. Правда, онъ говоритъ, что, если, какъ въ Америкѣ и въ Германіи, отдѣльныя государства согласились по *договору* составить федерацію, этотъ договоръ будетъ лишь вторичнымъ актомъ въ процессѣ ея образованія, а первичный слѣдуетъ видѣть въ *волѣ народа*, требующаго федераціи и чрезъ это, вмѣстѣ съ нею, создающаго ея несуверенныя части или государства. Суверенитетъ, говоритъ онъ, по существу недѣлимъ; онъ либо цѣликомъ существуетъ, либо цѣликомъ же утрачивается. Въ волѣ государства—обладать имъ, или вполнѣ отъ него отказаться. Но развѣ эти положенія не отзываются тою дедуктивною узкостью, противъ которой онъ же самъ ратуетъ? Въ самомъ дѣлѣ, если мы, вмѣстѣ съ нимъ, скажемъ, что 1) суверенитетъ есть прежде всего возможность самоограниченія государства; 2) что воля послѣдняго и въ формальномъ отношеніи никогда не бываетъ абсолютно свободна, и 3) что государство можетъ или само отречься отъ суверенитета, т. е. перестать существовать или, если оно не суверенно, утратить свой характеръ государства по одной волѣ державнаго надъ нимъ правительства,— мы рѣшительно не понимаемъ, почему бы государство не могло, по своему желанію [1]), уменьшить, сократить свой суверенитетъ въ извѣстныхъ направленіяхъ или въ извѣстномъ объемѣ. *Все относительное* (а таковымъ представляется и суверенитетъ для Іеллинека) *можетъ быть измѣняемо и сокращаемо*. Государство, говоритъ намъ, вольно отказаться всецѣло отъ верховенства, но тѣмъ болѣе оно вольно отказаться отъ его части какою представляется его державное право, ибо въ большемъ заключается меньшее. Іеллинекъ возстаетъ болѣе всего именно противъ послѣдняго вывода, но разсужденія его въ принципіальномъ отношеніи едва ли выдерживаютъ критику. Съ одной стороны, мы читаемъ у него, что носитель державнаго права не подлежитъ никакому юри-

---

[1]) Но и *только*, прибавимъ отъ себя, на *этомъ* основаніи.

дическому контролю, съ другой, встрѣчаемъ у него мысль, что государства, въ отличіе отъ другихъ корпорацій, могутъ совершать правонарушенія (schuldbares Unrecht) и какъ члены федераціи (вопреки конституціи С. Штатовъ) подлежать со стороны верховнаго правительства наказанію (экзекуціи) и даже лишенію своихъ государственныхъ правъ. Какъ же правительство наказывающее не имѣетъ права контроля надъ тѣми политическими единицами (несуверенными членами союза), которыя оно создало и вольно всегда уничтожить? Наказывающій за преступленія очевидно имѣетъ право принимать и мѣры предупрежденія, т. е. именно контролировать дѣйствія своего подчиненнаго, конечно, все это въ предѣлахъ закона. Вотъ почему мы, отвергая въ равной степени названія «государства *полу*-независимыя или несуверенныя», полагаемъ что слѣдуетъ говорить только о *соединеніяхъ* государствъ и о ихъ *сложныхъ* формахъ. Въ частяхъ ихъ (членахъ) должно видѣть либо *полный* суверенитетъ, либо *совмѣстный конкуррирующій*—членовъ и центральнаго правительства, но такъ, что въ силу конституціи компетенціи обоихъ суверенитетовъ (мѣстнаго и центральнаго) разграничены и опредѣлены съ возможною точностью. При этомъ по конституціи же ни одно правительство не имѣетъ *односторонняго* права на уничтоженіе федераціи: центральное, чрезъ порабощеніе членовъ, послѣдніе—вслѣдствіе выхода изъ нея, или отпаденія.

Расходясь съ авторомъ въ принципіальной постановкѣ вопроса, мы не можемъ одобрить и его *систематики*. По двумъ главнымъ отраслямъ публичнаго права соединенія государствъ распадаются на двѣ обширныя категоріи: съ характеромъ *государственнымъ* и характеромъ *международнымъ*. Первыя основываются на *законѣ* и устанавляютъ между членами *неравныя* отношенія владычествованія и подчиненія (Ueber-und Unterordnung). По Іеллинеку сюда относятся такія сложныя формы государства, члены которыхъ несуверенны. Они получили свой характеръ государствъ отъ суверенного центральнаго правительства и, благодаря ему, въ извѣстной сферѣ всетаки обладаютъ безконтрольною государственною властью. Этихъ формъ всего только двѣ: *сложное* государство въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (Staatenstaat) и *союзное* (Bundesstaat [1]).

---

[1]) Шульце классифицируетъ нѣсколько иначе: къ государственнымъ соединеніямъ онъ относитъ: реальную унію и сложное государство (civitas composita), новѣйшимъ подраздѣленіемъ котораго является союзное государство. (*Schulze*, Lehrbuch des Deutschen Staatsrechts. 1880. Th. I. S. 39 flg. См. у него указанія на главныя сочиненія о союзномъ государствѣ, стр. 39—40).

Напротивъ, соединенія съ международнымъ характеромъ очень многочисленны. Титулъ, на которомъ они покоятся, это—*договоръ*, создающій между вполнѣ суверенными государствами отношенія равенства (Coordination). Сюда относятся всѣ формы отъ простыхъ и временныхъ *союзовъ* (Alliancen) до *союза государствъ*, наиболѣе прочною формою котораго Іеллинекъ считаетъ реальную унію.

Принимая эту классификацію за единственно вѣрную, мы не дѣлаемъ только, какъ сказано, того вывода, будто въ государственныхъ соединеніяхъ вовсе нѣтъ мѣста для суверенитета членовъ.

Іеллинекъ не кладетъ однако ее въ основаніе своей книги, потому что она соотвѣтствуетъ «апріорному методу». *Онъ предпочитаетъ дѣлить соединенія* на *организованныя и неорганизованныя*, смотря по тому, доросли ли они или нѣтъ до общихъ, постоянныхъ *органовъ*. Эта классификація, говоритъ онъ, не есть внѣшняя, основанная на какихъ либо второстепенныхъ признакахъ. Онъ за исходный пунктъ беретъ различія, коренящіяся въ самой природѣ союзовъ вообще. Чѣмъ прочнѣе и совершеннѣе организація союза, тѣмъ лучше и надежнѣе достиженіе его цѣлей. Это прилагается и къ соединеніямъ государствъ. Отношенія ихъ, не получившія организаціи, легко распадаются, или ведутъ къ порабощенію слабыхъ сильными. Всѣ поэтому соединенія съ *юридическимъ* характеромъ (т. е. основанныя на договорѣ или законѣ) авторъ дѣлитъ на *неорганизованныя* и на *организованныя*. Къ первымъ онъ причисляетъ: *международный союзъ* (Staatengemeinschaft) [1]), административное, на договорѣ основанное *занятіе* извѣстной области, отдѣльный *политическій союзъ*, *протекторатъ*, *гарантію*, *вѣчный нейтралитетъ и сложное государство*. *Организованныя* соединенія по автору, составляютъ: новѣйшіе международные, *административные союзы* (internationale Verwaltungsbündnisse, Verwaltungsvereine), *союзъ государствъ*, *реальная унія* и *союзное государство*.

Эта классификація, отличаясь полнотою и ясностью, неудобна однако тѣмъ, что она отдѣляетъ другъ отъ друга однородныя или сродственныя формы: союзное государство отъ сложнаго, такъ называемые административные союзы отъ международнаго союза вообще. Затѣмъ, авторъ какъ бы упускаетъ изъ виду, что различіе въ *титулахъ* соединеній требуетъ и различія въ ихъ *устройствѣ*. Поэтому и классификацію нужно основывать на первомъ, *основномъ* признакѣ, очевидно обусловливающемъ второй.

---

[1]) За этимъ идетъ глава о *трактатахъ* какъ о типѣ межд. соединеній.

Какъ бы то ни было, но юридическимъ соединеніямъ Іеллинекъ противопоставляетъ еще *соединенія историко-политическія*. Это области, иногда очень обширныя, которыя по присоединеніи къ другимъ государствамъ утратили свою юридическую самостоятельность, но сохранили еще нѣкоторую самобытность, отдѣльность въ историческомъ или политическомъ отношеніи. Здѣсь идетъ рѣчь: о *колоніяхъ* и *зависимыхъ земляхъ* (Nebenländer), объ *инкорпораціи* и *личной уніи*. Въ сущности эти формы, по вѣрному замѣчанію Шульце, уже не относятся къ соединеніямъ государствъ, но онѣ интересны какъ переходныя стадіи къ государствамъ унитарнымъ.

Обращаясь отъ общихъ замѣчаній къ частностямъ книги Іеллинека, мы должны сказать, что каждая глава въ ней богата фактами и весьма интересными выводами, дѣлающими ее самымъ полнымъ и важнымъ сочиненіемъ на эту тему. Какъ сказано, первая ея часть посвящается *историко-политическимъ соединеніямъ*. Авторъ начинаетъ съ зависимыхъ земель и съ колоній. Онъ даетъ довольно подробное описаніе устройства англійскихъ колоній и особенно *Канады* по British North America Act 1867 г.. Вопреки такимъ авторитетамъ, какъ Мей и Милль, Іеллинекъ утверждаетъ, что Канада, подобно и остальнымъ колоніямъ, не составляетъ государства, связаннаго съ Англіею союзническими узами. Хотя ей данъ особый парламентъ и самостоятельное правительство, хотя даже ея провинціи имѣютъ свои законодательныя собранія, но англійская корона сохранила за собою надъ Канадою jus supremae inspectionis. Фактически и политически ей предоставлена бо̀льшая свобода, нежели которою пользуются многія вполнѣ самостоятельныя государства, но въ юридическомъ отношеніи она не болѣе, какъ провинція своей метрополіи. Въ ней нельзя даже видѣть не вполнѣ еще сложившееся государство, какъ говорятъ Рошеръ, Блюнчли, Моль. Безспорно, англійскія колоніи представляютъ высшую и наиболѣе совершенную форму колоніальнаго управленія. Это не только самый широкій *административный* selfgovernment, но и самоуправленіе, отличающееся многими *государственными* чертами. Право верховнаго утвержденія и контроля, принадлежащее Англіи, въ дѣйствительности превратилось въ одну возможность таковаго. Тѣмъ не менѣе авторъ называетъ британскую имперію не сложнымъ, а *унитарнымъ* государствомъ, но *децентрализованнымъ*. Если какими либо способами, то именно такимъ широко либеральнымъ управленіемъ можно отодвинуть на нѣкоторое время отдѣленіе колоній отъ метрополій. Но послѣднее съ теченіемъ времени станетъ всетаки неизбѣжнымъ. Когда колонія почувствуетъ въ себѣ достаточно силъ для

собственной защиты, когда она въ умственномъ отношеніи созрѣетъ и ея политическіе и экономическіе интересы не будутъ имѣть ничего общаго съ жизнью метрополіи, она отпадетъ отъ послѣдней и вступитъ въ ряды независимыхъ государствъ.

Если колоніи суть будущія, образующіяся государства, то *инкорпорація*, на оборотъ, указываетъ на такое соединеніе, которое есть уже начало ихъ совершеннаго исчезновенія. Въ періодъ династической политики и господства частно-правовыхъ воззрѣній на государство, различали нѣсколько формъ уній и инкорпорацій по аналогіи управленія епископствами въ каноническомъ правѣ, но всѣ эти раздѣленія для нашего времени не имѣютъ смысла. При инкорпораціи хотя бы присоединяемымъ государству или области были гарантированы извѣстныя политическія или административныя права, это — *односторонніе* акты правительства присоединяющаго, въ юридическомъ смыслѣ *новые* акты, а не *договорныя* между *обѣими* странами отношенія, изъ которыхъ для страны присоединенной могло бы возникнуть какое либо право на самостоятельность. Авторъ идетъ въ своей логикѣ такъ далеко, что говоритъ: подобнаго права (на долю независимости) не существуетъ, хотя бы оно въ актѣ присоединенія было признано какъ одно изъ условій инкорпораціи или даже, если бы оно было гарантировано со стороны присоединяющаго—третьимъ постороннимъ государствамъ. Должно помнить, что инкорпорація означаетъ именно прекращеніе суверенитета, государственнаго бытія одной изъ сторонъ, а обѣщанія, относительно ея, данныя другою—третьимъ государствамъ создаетъ международныя обязанности по отношенію къ нимъ, но не даетъ отсюда никакихъ правъ присоединяемому государству.

Мы считаемъ эти выводы крайними и ложными въ обоихъ направленіяхъ. Пора же наконецъ признать, что по современному правосознанію нельзя одобрить между цивилизованным государствами никакого ихъ *насильственнаго* раздробленія или присоединенія. Поэтому, если въ актѣ инкорпораціи предоставлены присоединяемой странѣ извѣстныя права, или если они выговорены въ трактатахъ съ третьими государствами—правительство, ихъ признавшее, не можетъ посягнуть на нихъ иначе, какъ не уничтожая съ своей стороны инкорпораціи. Только *вполнѣ добровольное* отреченіе самой заинтересованной стороны даетъ этому дѣлу противоположное рѣшеніе. Международная же форма гарантіи тутъ должна быть признана *добавочною* формою государственной защиты для той присоединяемой области, ради которой она, главнымъ образомъ, установляется. Множество примѣровъ на практикѣ противоположнаго характера нисколько не ослабляютъ юри-

дической вѣрности отстаиваемаго нами здѣсь принципа для публичнаго права нашего времени. Примѣрами инкорпорацій авторъ выставляетъ Финляндію, Польшу и австрійскія коронныя земли. Уступая въ 1809 г. Финляндію Россіи «en toute propriété et souveraineté», Швеція выговорила однако для нея продолженіе ея прежняго устройства и Россія подтвердила финляндскія конституціи 1772 и 1789 г. Хотя съ тѣхъ поръ Финляндія продолжала пользоваться бо́льшею внутреннею самостоятельностію, чѣмъ какая либо иная область Россіи, но она составляетъ не болѣе какъ ея «провинцію», а не стоитъ къ ней въ отношеніяхъ въ реальной или даже личной уніи. Завоеваніе ея уничтожило *всецѣло* (total) ея суверенитетъ и дѣло государственной мудрости рѣшить, насколько ея учрежденія могутъ быть сохранены, замѣнены или отмѣнены.

Подобное значеніе нельзя придавать завоеваніямъ съ точки зрѣнія международнаго права, которое равно охраняетъ нарождающіеся и отживающіе народы. На какихъ основаніяхъ ихъ положеніе признано въ актѣ инкорпораціи, на тѣхъ оно должно и продолжаться, пока не будетъ измѣнено *съ ихъ вѣдома и согласія*.

Относительно Польши Іеллинекъ замѣчаетъ, что въ эпоху Вѣнскаго конгресса поверхностные публицисты могли думать, что она была присоединена къ Россіи на условіяхъ реальной уніи, хотя и весьма страннаго и своеобразнаго характера. Кальво создаетъ даже для этого двусмысленный терминъ: «union par incorporation». Три подѣлившія ее державы обѣщали ей особое устройство, но такое, которое каждая изъ нихъ найдетъ полезнымъ и цѣлесообразнымъ ей дать. Такое же обѣщаніе было сдѣлано и остальнымъ членамъ конгресса императоромъ Россіи, принявшимъ титулъ Царя Польскаго. Дарованная имъ Польшѣ позднѣе конституція не измѣнила ея положенія: ибо это былъ актъ односторонній, а не соглашеніе между двумя соединяющимися государствами,—что собственно создаетъ унію. Не австрійскіе писатели постоянно видятъ въ соединеніи австрійскихъ коронныхъ земель реальную унію. Но это ошибочно. Австрія составляетъ также децентрализованное унитарное государство, областямъ котораго предоставлена широкая свобода въ сферѣ управленія и даже отчасти законодательства (онѣ имѣютъ свои провинціальные сеймы, ландтаги). Вопреки Ульбриху, который старается установить понятіе объ Unio realis inaequalis, авторъ говоритъ, что Кроація и Славонія суть провинціи Венгріи, хотя и пользующіяся обширною автономіею, которая безъ ихъ согласія не можетъ быть измѣнена [1]).

[1]) Противъ этого мнѣнія Іеллинека выступилъ однако *Pliveric*, утверждая,

Переходя къ *личной уніи*, Іеллинекъ прежде всего напоминаетъ, что наибольшее смѣшеніе понятій въ литературѣ господствуетъ относительно именно уній, или соединеній нѣсколькихъ государствъ подъ властію одного государя [1]). Если теорія объ инкорпораціяхъ затемнялась воззрѣніями на согласное представительство, господствовавшими въ средніе вѣка, то ученіе о личной уніи сложилось подъ вліяніемъ идей объ абсолютной монархіи. Благодаря послѣднимъ, нечего было обращать вниманіе на юридическія основы уніи, и ихъ замѣняли чисто внѣшними признаками—временнаго или количественнаго характера. По автору, всѣ соединенія государствъ распадаются на четыре категоріи: члены утратили свою юридическую независимость, но продолжаютъ пользоваться нѣкоторою историческою самобытностью (совершенныя соединенія, инкорпорація); они остаются государствами, но несуверенными (союзное государство); они вступили въ соединеніе по общему взаимному соглашенію (реальная унія), наконецъ, они соединились не юридически, а только въ лицѣ монарха (личная унія). Послѣднюю поэтому авторъ опредѣляетъ, какъ юридически-случайное соединеніе нѣсколькихъ государствъ подъ властью одного монарха. Собственно здѣсь каждый членъ сохраняетъ вполнѣ свою юридическую личность. Всѣ учрежденія, кромѣ двора самого государя, остаются раздѣленными. Одинъ членъ такой уніи не можетъ дѣйствовать за другаго безъ его согласія. Только воевать другъ противъ друга они не въ состояніи въ силу высшей связующей ихъ власти монарха, но мыслимо веденіе войны лишь однимъ членомъ и нейтралитетъ другаго. Даже политика ихъ далеко не всегда тождественна. Личныя уніи существуютъ только между монархіями и по природѣ вещей не прочны: либо онѣ ведутъ къ окончательному сліянію, либо быстро распадаются, и наше время относится къ нимъ вообще несочувственно. Прежде существовавшія уніи распались (между Великобританніею и Ганноверомъ, Пруссіею и Невшателемъ, Даніею и Шлезвигъ-Голштиніею), а уцѣлѣвшіе не свидѣтельствуютъ о своей внутренней крѣпости (между Голландіею и Люксембургомъ). Въ интересахъ европейскаго равновѣсія государства не разъ возставали противъ различныхъ проектовъ личной уніи.

Во второй части своей книги Іеллинекъ говоритъ о *юридическихъ*

что по всѣмъ признакамъ Кроація находится только въ реальной уніи съ Венгріею (ср. брошюру *Iellinek und Pliverić*. Das rechtliche Verhältnis Kroatiens zu Ungarn. 1885).

[1]) Новѣйшее сочиненіе объ этомъ написалъ *Iuraschek*. Personal—und Realunion. 1878.

соединеніяхъ, причемъ, по нашему мнѣнію, неудачно дѣлитъ ихъ на неорганизованныя и организованныя. Каждому на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ названіе неорганизованнаго соединенія юридическимъ. Гдѣ право, тамъ есть и извѣстное устройство и наоборотъ: всякая форма общежитія (societas) ведетъ къ праву (jus) [1]. Нѣкоторыя изъ приводимыхъ авторомъ формъ не суть даже *соединенія*, а скорѣе *болѣе тѣсныя формы обязательствъ* (каковы: политическіе союзы, гарантіи, вѣчный нейтралитетъ), другія представляютъ либо отживающія явленія прошедшихъ временъ (ленныя отношенія), либо нарождающіяся, но столь уродливыя формы, что ихъ нельзя оправдать съ точки зрѣнія науки (административное занятіе чужой области), наконецъ, третьи имѣютъ организацію, но весьма несовершенную, призванную уступить мѣсто болѣе широкому и прочному устройству (международные союзы). Поэтому скажемъ, что подъ соединеніемъ государствъ слѣдуетъ разумѣть преслѣдованіе ими *общихъ цѣлей* и установленіе ради нихъ извѣстныхъ *общихъ органовъ*. Это установленіе совершается либо *по договору* и касается *лишь ихъ внѣшней* жизни (международныя соединенія), либо *по закону* и тогда распространяется также и на ихъ *внутреннюю* жизнь (государственныя соединенія). Но при этомъ захватываются лишь *политическіе* стороны этой внутренней жизни народовъ. Въ силу этой классификаціи мы къ международной группѣ относимъ: международный союзъ и новѣйшіе *соціальные* союзы, протекторатъ, союзъ государствъ и реальную унію, а къ *государственной* сложное и союзное государства. Но и тутъ нужно сдѣлать важную оговорку, что международный союзъ покоится не на договорѣ, а на *исторіи* и *природѣ вещей*, сказывающихся въ *договорахъ*.

Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ держаться порядка автора. Справедливо начиная съ *Международнаго Союза* (Staatengemeinschaft), онъ говоритъ, что изученіе государства, отдѣльно взятаго и самого по себѣ, было долгое время причиною непониманія международнаго права. Продуктъ одного теоретическаго мышленія, такое государство надѣлялось суверенитетомъ и признавалось абсолютнымъ, самодовольнымъ. Право являлось выраженіемъ его верховной воли и не могло въ силу этого связывать его самого. Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно международное право какъ съ матеріальной, такъ и съ формальной стороны, немыслимо, ибо оно противорѣчило бы самой природѣ такого абсолютнаго государства.

Но исторія и дѣйствительная жизнь подобнаго изолированнаго го-

---

[1]) Еще Римляне говорили: ubi societas, ibi jus.

сударства не знаютъ: онѣ показываютъ намъ всюду *множество* государствъ, вступающихъ другъ съ другомъ въ безпрестанныя сношенія и создающихъ для нихъ нормы. Какъ отдѣльный человѣкъ ограничивается бытіемъ другихъ ему подобныхъ людей, такъ и государства въ силу существованія другихъ подобныхъ политическихъ тѣлъ, принуждаются къ самоограниченію и къ дисциплинѣ. Это самоограниченіе, вытекая изъ ихъ суверенитета, и создаетъ для нихъ право, которое хотя и возникаетъ изъ ихъ воли, но по содержанію дается имъ въ неизмѣнной природѣ ихъ жизненныхъ отношеній. Каждое государство, будучи лишь частью человѣчества, нуждается въ восполненіи себя со стороны другихъ ему подобныхъ. Отрицая международное право, оно произноситъ собственный смертный приговоръ. Какъ бы часто на практикѣ оно ни нарушило его нормы, оно однако никогда не рѣшится признать ихъ въ принципѣ необязательными. Но съ развитіемъ культуры только усиливается взаимная зависимость государствъ. Лишь народы, невышедшіе изъ варварства или застоя, могутъ въ своемъ самодовольствѣ и убожествѣ чуждаться сношеній съ другими.

Авторъ послѣ этихъ замѣчаній приходитъ къ выводу, что международный союзъ есть первая и наиболѣе широкая форма соединенія государствъ, основанная на природѣ человѣка и международнымъ правомъ превращаемая въ юридическую. Она не расторжима, ибо будетъ существовать, пока будутъ на лицо множество государствъ. Но въ ея предѣлахъ возникаютъ *системы государствъ*, болѣе тѣсныя группы, связанныя извѣстными общими интересами и судьбами (напр., системы европейскихъ, американскихъ государствъ и т. д.).

Но видя въ международномъ союзѣ eine Rechtsgemeinschaft авторъ всетаки называетъ ее *неорганизованною* формою. «Надъ государствами не высится верховная власть, которая лишала бы ихъ суверенитета. Даже не существуетъ на договорѣ основанной организаціи, соединяющей ихъ хотя бы въ Европѣ въ нѣчто похожее на союзъ государство» (Staatenbund). Іеллинекъ сомнѣвается, призвано ли будущее осуществить послѣднюю форму.

Противъ этого слѣдуетъ возразить, что уже теперь международный союзъ имѣетъ нѣкоторую организацію, конечно, очень несовершенную и неполную. Къ органамъ его можно отнести посланниковъ и консуловъ, а равно хотя временно дѣйствующія, но тѣмъ не менѣе также международныя учрежденія: призовые и третейскіе суды, смѣшанныя коммиссіи, различныя бюро, конференціи, конгрессы.

Сущность международныхъ соединеній авторъ видитъ въ томъ, что

они создаются и держатся *договорами*. Но въ этомъ пунктѣ всего яснѣе и сказывается недостаточность его теоріи, признающей въ волѣ государствъ исключительно силу творящую право. Это положеніе въ извѣстномъ смыслѣ вѣрное для государственнаго права, вовсе неприложимо къ международному, которое по существу независимо отъ воли того или другаго отдѣльнаго государства. «Трактатъ, читаемъ мы у Іеллинека, есть та единственная форма, при помощи которой государство можетъ, не поступаясь своимъ суверенитетомъ, вступать въ соединеніе съ другимъ. Оно остается вполнѣ державнымъ, въ чемъ бы ни состояли принятыя имъ на себя этимъ путемъ обязательства. Трактатъ не создаетъ зависимости, а установляетъ только связь (Verbindung). Обязываясь имъ что либо сдѣлать другому, государство не подчиняетъ своей воли послѣднему, но лишь согласуетъ ее съ волею другаго. Во всякомъ договорѣ чужая воля тождественна съ нашею собственною».

Кто не видитъ крайностей этихъ положеній? Всякая юридическая *связь* установляетъ между лицами (а значитъ и государствами) нѣкоторую *зависимость*—на что вѣрно указываетъ и латинское слово obligatio. По теоріи автора логика требовала бы, чтобы всякое разногласіе въ волѣ контрагентовъ разрывало ихъ соглашенія, но и въ международной области по правилу государству не принадлежитъ право *односторонняго* отказа отъ трактатовъ.

То же самое, что о трактатахъ, слѣдуетъ замѣтить и о признаніи новыхъ государствъ — вопроса, котораго авторъ касается мимоходомъ въ этомъ мѣстѣ книги. Онъ полагаетъ, что дача признанія не есть юридическая обязанность (Rechtsforderung) и все тутъ зависитъ отъ благоусмотрѣнія отдѣльныхъ правительствъ. «Новое подтвержденіе того, восклицаетъ онъ, что международное право есть именно на волѣ государствъ основанный юридическій порядокъ!» Признаніе собственно должно быть даваемо отъ имени международнаго союза и по опредѣленнымъ твердымъ нормамъ, мало оставляющимъ мѣста для произвола государствъ.

Новое явленіе *административнаго занятія по договору* части чужаго государства авторъ изучаетъ на положеніи Босніи и Герцеговины и острова Кипра. Указавъ, въ чемъ это явленіе отличается отъ международныхъ повинностей, военнаго занятія и вмѣшательства, онъ характеризуетъ его какъ «ненормальнымъ и вполнѣ противорѣчащимъ природѣ государства». Созданное Берлинскимъ трактатомъ, оно можетъ найти себѣ объясненіе только въ постепенномъ разложеніи Турціи. Хотя Австро-Венгрія фактически проявляетъ надъ обѣими названными

областями всѣ права, изъ верховенства вытекающія, но онѣ продолжаютъ оставаться во власти султана, суверенитетъ котораго, правда, превратился въ nudum jus. Не лучше и положеніе Кипра, хотя здѣсь зависимость его отъ Турціи уцѣлѣла болѣе. Сюда же авторъ отчасти относитъ военныя конвенціи нѣмецкихъ государствъ съ Пруссіею, управленіе послѣднею Вальдека и новый протекторатъ Франціи надъ Тунисомъ (по договору 1881 года). «Всѣ эти положенія, говоритъ авторъ, вызваны запутанными и смутными политическими комбинаціями, которыя, являясь временными компромиссами, ожидаютъ въ будущемъ окончательнаго рѣшенія. Они поучительны еще и для установленія различія между политическимъ и юридическимъ мышленіемъ».

За небольшимъ отдѣломъ *о политическихъ союзахъ* въ собственномъ смыслѣ, слѣдуетъ разсмотрѣніе *протектората*, *гарантіи и вѣчнаго нейтралитета*. Три послѣднія формы по автору составляютъ не болѣе, какъ видъ политическихъ союзовъ. На нашъ взглядъ всѣ онѣ, кромѣ протектората, не относятся къ соединеніямъ государствъ. Вѣрнѣе ихъ причислить къ ученію о трактатахъ вообще. Болѣе теоретически, нежели фактически вѣрными и не ко всѣмъ этимъ формамъ равно подходящими находимъ мы слѣдующія слова автора: «протекторатъ, гарантія и вѣчный нейтралитетъ суть отношенія чисто международнаго характера, не создающія никакого подчиненія для участвующихъ въ нихъ государствъ. Какъ бы ни стѣснялась одною изъ этихъ формъ политическая дѣеспособность государства, оно пребываетъ неизмѣнно суверееннымъ. Покоясь всѣ на договорѣ, эти отношенія расторжимы, а доколѣ государство подчиняется вытекающимъ изъ нихъ ограниченіямъ, оно обязывается и ограничивается единственно собственною волею».

Отъ политическаго союза, говоритъ Іеллинекъ, государство всегда въ правѣ отступиться односторонне даже безъ увѣдомленія о томъ другаго или другихъ союзниковъ, коль скоро союзъ приходитъ въ столкновеніе съ его жизненными интересами, или когда исполненіе союзнической обязанности потребовало бы отъ него чрезмѣрнаго напряженія всѣхъ его силъ.—Въ этихъ обоихъ случаяхъ требуется предварительное и добросовѣстное сообщеніе со стороны выходящаго изъ союза. Подобный выходъ является справедливымъ и при третьей случайности: когда исполненіе даннаго союзникамъ слова было бы нарушеніемъ международнаго права (напр., участіе въ несправедливой, явно наступательной войнѣ.

Подъ *протекторатомъ*, по словамъ Іеллинека, слѣдуетъ видѣть помощь и охрану противъ непріятельскихъ нападеній, которую обѣ-

щаетъ одно государство другому, причемъ мыслимо и содѣйствіе внутреннимъ государственнымъ цѣлямъ охраняемой страны.

Послѣдняя часть этого опредѣленія намъ кажется лишнею. Протекторатъ въ принципѣ, какъ *чисто-международное* отношеніе (съ чѣмъ согласенъ и авторъ), долженъ своею цѣлію имѣть—единственно защиту внѣшней безопасности охраняемаго. Простираясь же на внутреннія стороны его жизни, онъ создаетъ для него вассальную зависимость отъ *сюзерена*, который въ этихъ случаяхъ заслоняетъ собою *протектора*.

Смѣшеніе въ дѣйствительной жизни обоихъ этихъ понятій не должно находить себѣ поддержки со стороны теоріи [1]).

Охраняемое государство въ свою очередь обѣщаетъ сообразовать свою политику съ дѣйствіями протектора. Но это ограниченіе его дѣеспособности не означаетъ уничтоженія его независимости и поэтому тутъ и рѣчи быть не можетъ о полу-независимости, какъ ошибочно думаютъ многіе.

Авторъ подкрѣпляетъ свои выводы двумя примѣрами—положеніемъ Кракова въ 1815—46 г. и зависимостью Іоническихъ острововъ отъ Англіи въ 1815—64 г. Но именно эти примѣры, по его же словамъ, представляютъ столько анормальностей и противорѣчій, что теорія едва ли можетъ извлечь изъ нихъ что либо опредѣленное. Спеціально относительно Іоническихъ острововъ Англія держала себя то какъ только протекторъ, то какъ полновластный сюзеренъ.

Авторъ останавливается особенно на *гарантіи* цѣлости и неприкосновенности извѣстнаго государства третьими. Цѣль ея заключается въ охранѣ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Но самъ онъ сознается, что эта форма гарантіи (называемой имъ, по Блюнчли, Garantiebeschluss) почти не отличается отъ протектората. Все различіе состоитъ развѣ въ томъ, что она дается и въ интересахъ гаранта (поручителя), а не исключительно въ пользу слабѣйшаго государства, какъ при протекторатѣ. Съ точки зрѣнія нашего опредѣленія послѣдняго это смѣшеніе не существуетъ. Кромѣ того можно бы возразить, что международное право вообще не призвано гарантировать неизмѣнность какихъ бы то ни было политическихъ порядковъ.

Отмѣтимъ еще странное противорѣчіе, въ которое авторъ впалъ, вѣроятно, по недосмотру. Государство, говоритъ онъ, поставленное подъ гарантію, не можетъ совершать ничего, противорѣчащаго политикѣ его поручителей. А нѣсколько далѣе: въ виду того, что гарантіею *нисколько не связывается свобода дѣйствія* государства, она можетъ быть уста-

---

[1]) Самъ авторъ жалуется на неопредѣленность понятія «suzeraineté».

новлена и безъ его согласія третьими. Опять скажемъ: не принадлежитъ хотя бы и сильнѣйшимъ государствамъ право установлять гарантію надъ посторонними народами безъ ихъ вѣдома и согласія.

Страны, постоянно нейтрализованныя, какъ извѣстно, лишены права вести наступательную войну, держаться вообще политики, которая могла бы ихъ привести къ войнѣ, и участвовать въ такой гарантіи, которая потребовала бы отъ нихъ напряженія всѣхъ силъ. Но отказъ отъ всѣхъ этихъ правъ есть чисто условный и договорный: страны нейтрализованныя, сами соучастницы въ актахъ, создавшихъ имъ это положеніе, и поэтому онѣ всегда могутъ односторонне выдти изъ этого нейтралитета. Въ этомъ смыслѣ авторъ приводитъ и слова Блумера о Швейцаріи. Мы однако полагаемъ, что этотъ вѣчный нейтралитетъ, будучи институтомъ *положительнаго* международнаго права, не можетъ быть прекращенъ по одному усмотрѣнію страны нейтрализованной. Безспорно, она остается всегда суверенна, но въ этомъ пунктѣ ея верховенство не полно.

То, что авторъ называетъ *сложнымъ государствомъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова (Staatenstaat) [1]) можетъ быть замѣнено понятіемъ *государствъ вассальныхъ, подвластныхъ сюзерену*. Если несуверенныя государства, говоритъ авторъ, подчиняются верховной власти центральнаго правительства, то мыслимы два случая: либо эта центральная власть дѣйствуетъ прямо и непосредственно на подвластныхъ ей подданныхъ (современная форма союзнаго государства), либо она поставлена къ нимъ лишь въ косвенныя отношенія, выражающіяся чрезъ посредство мѣстныхъ властей цѣлаго (средневѣковая форма леннаго и сложнаго государства). Въ послѣднемъ случаѣ она не вѣдаетъ отдѣльныхъ лицъ, но подданными ея являются какъ бы государства (несуверенныя). Эта форма соединенія не органическая, живая, а механическая, свидѣтельствующая о чисто внѣшнемъ сцѣпленіи частей государства въ одно цѣлое. Лицамъ, его населяющимъ, центральная власть представляется всегда чѣмъ то отдаленнымъ и даже внѣшнимъ: они покоряются своимъ ближайшимъ, мѣстнымъ властямъ, чрезъ которыя получаютъ сообщенія и приказанія, когда нужно, отъ верховнаго своего владыки или *сюзерена*. Форма соединенія, о которой мы говоримъ, возникаетъ лишь, когда части населенія отличаются между собою глубокими различіями и противоположностями по своей цивилизаціи, религіи, національности, или когда онѣ въ территоріаль-

---

[1]) Въ широкомъ смыслѣ всѣ *соединенныя* государства могутъ считаться *сложными*.

номъ отношеніи совершенно разъединены. Бывъ преобладающею въ средніе вѣка, она или совершенно неприложима въ новѣйшія времена къ цивилизованнымъ государствамъ, или существуетъ при исключительныхъ обстоятельствахъ какъ остатокъ прежнихъ быстро отживающихъ воззрѣній и порядковъ.

Авторъ изъ прежнихъ примѣровъ останавливается на священной германской имперіи, доказывая, что она была ни унитарнымъ, ни союзнымъ государствомъ, упоминаетъ о ленахъ французской имперіи, созданныхъ Наполеономъ I, и переходитъ къ нашему времени. Въ Европѣ теперь вассальныя государства существуютъ только въ предѣлахъ Турціи, гдѣ слѣдуетъ отличать христіанскія области отъ магометанскихъ. За то довольно господствующею изучаемая нами форма является въ Азіи. Подъ нее подходятъ отношенія Англіи къ индійскимъ князьямъ, Голландіи къ яванскимъ властителямъ, Китая къ зависящимъ отъ него землямъ, а равно С. Штатовъ и Никарагуи къ туземцамъ Америки.

Въ разрядѣ *организованныхъ соединеній* авторъ отводитъ первое мѣсто *административнымъ союзамъ*. Какъ извѣстно, понятіе и слово *международнаго управленія* введены въ науку Л. Штейномъ и по его примѣру приняты многими публицистами: Іеллинекомъ, Кирхенгеймомъ, нашимъ Мартенсомъ и др. Въ противоположность политическимъ интересамъ, которые болѣе разъединяютъ, чѣмъ соединяютъ народы, вопросы, относящіеся къ ихъ экономической жизни, праву, управленію и къ умственному развитію подъ общимъ обезпеченіемъ международнаго управленія, стали соединять государства въ отдѣльные союзы (Vereine). По мнѣнію Штейна, это есть «проявленіе идеи человѣчества чрезъ посредство самодовольной (selbstherrlichen) идеи государства». Онъ полагаетъ, даже, что все международное право призвано со временемъ обратиться въ ученіе о международномъ управленіи — въ чемъ нельзя не видѣть лишь мнѣнія увлекающагося спеціалиста.

Какъ бы то ни было, говоритъ Іеллинекъ, но мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ, которое призвано чрезвычайно поднять значеніе международнаго права, какъ положительнаго. Всѣ когда либо дѣлавшіяся возраженія противъ его практическаго значенія, въ сущности проистекали изъ извѣстнаго изреченія одного иностранца въ законахъ Платона, будто всѣ государства живутъ по природѣ въ вѣчной между собою войнѣ. Между тѣмъ, именно эти большіе союзы въ сферѣ управленія, свидѣтельствуютъ объ ихъ солидарности; они учатъ насъ, что государства не только державы (Mächte), т. е. высшія на землѣ физическія силы, но и порядки (Ordnungen), или носители не только

индивидуальнаго, а поэтому, односторонняго и ограниченнаго народнаго духа, но и болѣе высокой идеи — цивилизаціи, субъектомъ и объектомъ которой должны быть признаны не государство и не народъ, а человѣчество. Въ виду подобныхъ союзовъ самые рѣшительные противники юридическаго характера международнаго права должны замолкнуть. Или они будутъ толковать о международной морали? Но органы этихъ союзовъ возникли вполнѣ юридическимъ способомъ и они имѣютъ рѣзко правомъ очерченныя функціи. Вотъ почему мы можемъ сказать, что отсюда открывается новая, грандіозная перспектива для международнаго права въ будущемъ, какъ съ точки зрѣнія теоріи, такъ и практики. Международно-административные союзы (которые мы предпочли бы называть *соціальными*) авторъ дѣлитъ на два класса, смотря по тому, служатъ ли они международному или государственному интересу. Въ первомъ случаѣ задача ихъ не можетъ быть выполнена отдѣльными государствами, но осуществляется особыми, по ихъ соглашенію созданными международными органами; во второмъ — цѣли союза входятъ въ то же время и въ составъ дѣятельности даннаго государства, но признаются послѣднимъ общими со многими другими правительствами, такъ что собственно его органы дѣйствуютъ и въ качествѣ органовъ союза. Здѣсь различіе въ цѣляхъ ясно отражается и на строеніи органовъ союзовъ.

Къ категоріи *международныхъ союзовъ* Іеллинекъ относитъ *международныя коммиссіи*, управляющія такъ называемыми общими рѣками (Рейномъ съ Вѣнскаго конгресса и Дунаемъ съ Парижскаго) [1]). Въ вѣдѣніи ихъ стоятъ инспектора съ исполнительнымъ характеромъ. Издавая обязательные для всѣхъ прирѣчныхъ государствъ регламенты о судоходствѣ и установляя за нарушеніе послѣднихъ извѣстныя наказанія, которыя приводятъ въ исполненіе территоріальныя власти, эти коммиссіи, говоритъ авторъ, обладаютъ *правомъ международнаго законодательства*, а являясь аппелляціонными инстанціями по уголовнымъ дѣламъ, имъ подсуднымъ, онѣ получаютъ характеръ и *международнаго суда*. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ пользу этихъ общихъ органовъ прирѣчныя государства отказались отъ нѣкоторыхъ своихъ верховныхъ правъ ради достиженія такихъ международныхъ цѣлей, которыя ни для одного изъ нихъ по одиночкѣ не

---

[1]) Сюда слѣдуетъ также отнести управленіе бассейномъ Конго по Берлинской конвенціи 1885 г. и въ будущемъ неминуемо имѣющія возникнуть управленія каналами Суэзскимъ и Панамскимъ. Послѣдній еще не оконченъ, относительно же перваго мы имѣемъ примѣчательныя подготовительныя работы Парижской конференціи того же года.

осуществимы. Международная администрація на нижнемъ Дунаѣ, какъ извѣстно, имѣетъ еще болѣе рѣзкій характеръ, нежели управленіе Рейномъ.

Въ два послѣднія десятилѣтія возникли такіе уже не *европейскіе*, а *міровые* союзы, каковы: *телеграфный* (по петербургской конференціи 1865 г.) и *почтовый* (по бернской — 1874 г.) [1]). Сюда же авторъ причисляетъ *метереологическую коммиссію* для международныхъ мѣръ и вѣса (учрежденную въ 1875 году въ Парижѣ), но не прежній германскій таможенный союзъ до 1867 г. и не латинскую унію, ибо эти послѣдніе союзы не имѣли постоянныхъ органовъ.

Названные союзы имѣютъ свои постоянныя *бюро* и періодически созываемыя *конференціи*. Но эти бюро рѣзко отличаются отъ рѣчныхъ коммиссій: они отъ своего имени не издаютъ никакихъ постановленій, а собираютъ лишь матеріалы для таковыхъ, исходящихъ отъ верховныхъ административныхъ органовъ отдѣльныхъ соединенныхъ государствъ. Бюро же для мѣръ и вѣсовъ носитъ чисто научный характеръ. Здѣсь мы видимъ отвращеніе, которое питаютъ всякій разъ государства, какъ только заходитъ рѣчь о томъ, чтобы имъ поступиться въ пользу международнаго учрежденія хотя нѣкоею долею ихъ верховенства. Тенденція эта сказалась и при пересмотрѣ акта о судоходствѣ по Рейну въ 1868 году, когда общая инспекція была уничтожена и замѣнена инспекторами отъ отдѣльныхъ государствъ на принадлежащихъ имъ участкахъ рѣки.

Хотя эти союзы заключаются формально на срокъ, но по существу дѣла они нерасторжимы. Того требуетъ даже благо каждаго ихъ участника. Въ новѣйшихъ телеграфныхъ и почтовыхъ актахъ прямо говорится объ учрежденіи этихъ союзовъ на неопредѣленное время (pendant un temps indéterminé) и существованіе ихъ признано вполнѣ независимымъ отъ выхода того или инаго члена. Лица, служащія въ учрежденіяхъ названныхъ союзовъ, обыкновенно избираются этими учрежденіями, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ назначеніе исходитъ отъ отдѣльныхъ правительствъ, они являются не исключительно чиновниками послѣднихъ, *но международными сановниками*, подвластными контролю центральныхъ международныхъ органовъ по ихъ вѣдомству.

Какъ бы ни упорствовали эгоистично государства на своемъ суверенитетѣ, но кругъ ихъ общихъ интересовъ, требующихъ и *общей* ихъ *организаціи*, призванъ неотразимо расширяться. Авторъ указы-

[1]) Этотъ союзъ съ 1878 г. называется: Union postale universelle.

ваетъ на необходимость международнаго управленія *санитарнымъ дѣломъ* и сообщеніями *по желѣзнымъ дорогамъ*. Къ этому добавимъ, что въ 1883 г. возникъ международный *промышленный союзъ*, а въ 1885 г. на Бернской конференціи выработанъ актъ и *союза литературнаго*, призваннаго охранять права авторовъ и художниковъ.

Международно-административные союзы второй категоріи вызываются къ жизни либо желаніемъ финансовыхъ сбереженій, либо общностью государственныхъ интересовъ между нѣсколькими народами. Тутъ по соглашенію, учрежденія и органы одного изъ нихъ становятся общими. Справедливо дѣлаетъ замѣчаніе авторъ, что эти явленія стоятъ въ противорѣчіи съ ходячими воззрѣніями на государство (особенно такъ называемой органической теоріи), въ силу которыхъ послѣднее признается обязаннымъ всегда лишь собственными усиліями достигать всѣхъ поставленныхъ ему задачъ. Но дѣйствительная жизнь съ ея многообразными явленіями не подходитъ часто подъ мѣрку готовой теоріи или же, насилуемая въ угоду послѣдней, становится просто непостоянною. Впрочемъ, союзы разбираемой категоріи возникаютъ на почвѣ предшествовавшихъ имъ связей между своими членами; иначе говоря, они установляются или между частями союзнаго государства, или между областями, до этого жившими въ какой либо взаимной исторической или національной связи.

Примѣрами авторъ приводитъ существовавшій въ Любекѣ высшій аппелляціонный судъ четырехъ вольныхъ городовъ Германіи; такіе же общіе суды тюрингскихъ государствъ въ Іенѣ, обоихъ Мекленбурговъ въ Роштокѣ и т. д.. Но наиболѣе совершенную форму подобныхъ союзовъ онъ видитъ въ германскомъ таможенномъ союзѣ 1867—71 гг., имѣвшемъ свой союзный совѣтъ, таможенный парламентъ и общее по всѣмъ таможеннымъ вопросамъ законодательство. Хотя онъ просуществовалъ весьма недолго, но устройство его было любопытно. Его нельзя причислить ни къ союзу государствъ, ни къ союзному государству, а въ немъ слѣдуетъ видѣть на договорѣ основанный союзъ (Bündniss) *суверенныхъ* государствъ, въ данномъ случаѣ сѣверно-германскаго союза съ южно-германскими государствами. Законы по таможенному вѣдомству, исходившіе отъ союзнаго правительства, подлежали въ отдѣльныхъ государствахъ обнародованію, но не утвержденію, историческій примѣръ того, что *обладаніе союзомъ правомъ законодательства не превращаетъ его еще въ государство* [1]).

---

[1]) Если такъ, то почему бы и международный союзъ не могъ имѣть по международнымъ вопросамъ права законодательства надъ своими суверенными членами?

Не менѣе важною была другая черта въ его организаціи. Въ обоихъ органахъ союза (въ совѣтѣ и въ парламентѣ) рѣшенія принимались *не единогласно*, а *по большинству* голосовъ, очевидно, въ силу того, что ихъ члены считались представителями не столько государствъ, ихъ посылавшихъ, сколько *всего союза*. Отсюда, хотя бы извѣстный законъ прошелъ въ этихъ собраніяхъ противъ мнѣнія депутатовъ даннаго государства, послѣднее, однако, подчинялось ему, какъ собственному. Этимъ опровергается мнѣніе, будто въ органахъ управляющихъ соединенными государствами допустимъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ лишь принципъ единогласія, а по началу большинства можно рѣшать одни второстепенныя дѣла. Чтобы ни говорили о преобладающемъ положеніи Пруссіи въ этомъ таможенномъ союзѣ, но съ юридической точки зрѣнія это была *международная форма соединенія государствъ*.

Если бы со временемъ были установлены конгрессы и конференціи въ качествѣ постоянныхъ органовъ международнаго союза, они по этому примѣру также должны были бы рѣшать по большинству голосовъ всѣ вопросы, которые будутъ относиться къ международному праву и къ политикѣ.

Подробнѣе всего Іеллинекъ останавливается на союзѣ государствъ, реальной уніи и на союзномъ государствѣ.

Союзомъ государствъ (Staatenbund) онъ называетъ постоянное *политическое* соединеніе государствъ, цѣль котораго, по меньшей мѣрѣ, общая защита и располагающее особыми, постоянными *органами*. Послѣдними эта форма отличается отъ простаго союза (Allianz), а различіе отъ административныхъ союзовъ лежитъ въ преслѣдуемыхъ ею политическихъ цѣляхъ. Эти цѣли обыкновенно исчерпываются общею безопасностью, хотя къ нимъ относятъ иногда и общее законодательство и управленіе.

Будучи одною изъ древнѣйшихъ формъ соединеній, союзъ государствъ получаетъ для насъ особый интересъ еще потому, что многіе новѣйшіе интернаціоналисты (Мартенсъ, Гольцендорфъ) полагаютъ, что международный союзъ призванъ принять именно эту форму.

Іеллинекъ называетъ ее международною формою соединенія и сущность ея въ отличіе отъ союзнаго государства видитъ въ томъ, что она покоится на договорѣ своихъ членовъ, не поглощая ихъ суверенитета. Отсюда послѣдніе всегда удерживаютъ за собою право расторгнуть актъ о союзѣ (Nullification) или выдти изъ него (Secession), такъ что вѣчность не составляетъ существенной его черты. Органы союза не могутъ считаться верховнымъ правительствомъ по

отношенію къ членамъ; даже принимая ихъ рѣшенія, состоявшіяся по большинству голосовъ, члены исполняютъ свою волю, выразившуюся въ ихъ желаніи подчиняться этому большинству. Экзекуція противъ нихъ со стороны союза не измѣняетъ этого положенія, подобно тому какъ въ гражданскомъ быту лице, понуждаемое къ выполненію своихъ обязательствъ, повинуется собственной волѣ, ибо ранѣе этого обѣщало сообразовать съ ними свою волю. Любопытно особенно то, что авторъ находитъ учрежденіе суда въ союзѣ (Bundesgericht) вполнѣ совмѣстимымъ съ верховенствомъ его членовъ. Онъ представляется ему съ характеромъ постояннаго третейскаго суда, вызваннаго по соглашенію сторонъ. А государство, добавляетъ онъ, подчиняющееся третейскому рѣшенію, не признаетъ надъ собою власти чужаго суда, но лишь представляетъ логическую функцію отысканія права третьему.

Въ сохраненіи за членами верховенства Іеллинекъ видитъ черту, наиболѣе отличающую эту форму отъ союзнаго государства. Если же отказаться отъ этого основнаго пункта, все различіе будетъ состоять въ ихъ политическихъ цѣляхъ, но никакъ не въ ихъ юридическомъ строеніи. Но тутъ снова сказывается нѣкоторая неустойчивость въ воззрѣніяхъ автора, вытекающая изъ ихъ абсолютности. Суверенитетъ и подчиненіе какой-либо организаціи, говоритъ онъ, суть два понятія, совершенно исключающія другъ друга. Международное право, получающее свою юридическую санкцію въ волѣ отдѣльныхъ государствъ, не знаетъ понятія о юридическомъ лицѣ. Сообразно съ этимъ онъ называетъ союзъ государствъ *не юридическимъ лицомъ*, а вмѣстѣ съ Молемъ и Лабандомъ, *юридическимъ отношеніемъ* [1]). Несмотря однако на это Іеллинекъ, допускаетъ, что государство выступаетъ по отношенію къ частнымъ лицамъ юридическимъ лицомъ и что союзъ государствъ въ международной области представляетъ нѣчто цѣльное, обладающее посольскимъ правомъ, правомъ войны и т. д. Намъ кажется страннымъ говорить объо «рганизованномъ союзѣ», преслѣдующемъ «политическія цѣли», но лишенномъ аттрибута «личности», который присущъ отдѣльному государству. Очевидно это проистекаетъ изъ того, что авторъ рѣшительно отвергаетъ въ какой бы то ни было формѣ конкуррирующій суверени-

---

[1]) Болѣе вѣрное воззрѣніе на эту форму высказываетъ *Шульце*: Союзъ государствъ есть въ области международнаго права (а не государственнаго) личность и субъектъ права. Власть, ему принадлежащая, не есть *верховная*, а на договорѣ основанная *соціальная* власть (social) съ рѣзко опредѣленною компетенціею (Lehrb. des Deutsch. Staatsr. B. I, 1880).

тетъ. Онъ отвергаетъ, какъ неточное, названіе суверенными германскаго союза и швейцарскаго центральнаго правительства до 1848 г.

Мы согласны съ авторомъ, что въ изучаемой формѣ члены суверенны, но и за союзомъ долженъ быть признанъ суверенитетъ, конечно, въ тѣхъ ограниченныхъ предѣлахъ, которые очерчиваетъ ему союзническій актъ. Напротивъ, въ союзномъ государствѣ верховенство членовъ несравненно ограниченнѣе и это—государственная форма соединенія, имѣющая своею цѣлію не только внѣшнюю безопасность, но и развитіе всѣхъ сторонъ внутренней политической жизни.

Іеллинекъ различаетъ два вида союзовъ государствъ: древнѣйшую форму, существовавшую въ древности, средніе вѣка и въ новѣйшее время. Сущность ея выражается въ томъ, что центральный органъ союза составляютъ уполномоченные отъ отдѣльныхъ государствъ. Союзъ, въ области законодательства, не имѣетъ прямаго отношенія къ ихъ гражданамъ, но онъ можетъ располагать нѣкоторыми особыми исполнительными органами и издавать для всѣхъ обязательныя распоряженія. Обыкновенно онъ лишенъ самостоятельныхъ финансовъ и войска. Члены его, въ томъ и другомъ отношеніи ставятъ опредѣленные контингенты. Словомъ, на первомъ планѣ дѣйствуютъ правительства соединенныхъ государствъ и только чрезъ ихъ посредство сказывается власть союза, относящаяся всегда къ нимъ, а не къ ихъ подданнымъ.

Второй видъ союза государствъ пытался основать Кельгаунъ (Calhoun) въ своей знаменитой теоріи федеральнаго правительства (federal government, которое онъ противоставилъ первому виду «confederacy»). Его идеями руководились Южные Штаты, когда въ 1861 г. они сдѣлали попытку отдѣлиться отъ Союза. Іеллинекъ даетъ подробное изложеніе этой теоріи, соотвѣтствующей, по его словамъ, основнымъ политическимъ убѣжденіямъ американцевъ, но къ благу Америки не успѣвшей одержать верхъ. По ученію Кельгауна, суверенитетъ единый и нераздѣльный пребываетъ въ народѣ. Всѣ государственные органы дѣйствуютъ только отъ его имени и по его порученію. Конституція С. Штатовъ есть договоръ, а не законъ. Державныя права отчасти удержаны правительствами штатовъ (reserved powers), отчасти переданы центральной власти (delegated powers), которая во всѣхъ областяхъ государственной жизни, въ законодательствѣ, въ управленіи и въ юстиціи, дѣйствуетъ прямо и непосредственно не на штаты, а на ихъ гражданъ. Но эта власть, какъ сказано, передана союзу по договору между отдѣльными штатами, которые поэтому и сохраняютъ за собою право выхода изъ него.

Эта теорія, заключаетъ Іеллинекъ, поучительна тѣмъ, что показываетъ невозможность возникновенія союзнаго государства изъ договора, а также то, что главное отличіе союза государствъ отъ союзнаго лежитъ въ суверенитетѣ членовъ.

Переходя къ *реальной уніи*, авторъ начинаетъ съ критики господствующихъ доселѣ на нее воззрѣній. Цахаріе, а еще болѣе Юрашекъ принимаютъ ее за государственную форму соединенія, возникающую въ силу закона. Іеллинекъ возражаетъ, что государства самостоятельныя не могутъ вступать въ соединенія по закону, а лишь по взаимному между собою соглашенію, что непремѣнно предполагаетъ договоръ. Послѣдній всегда составляетъ основаніе уніи, хотя позднѣе ее скрѣплялъ бы и законъ. Вотъ почему реальная унія также международная форма соединенія и именно особый видъ союза государствъ [1]). Три главные признака, характеризующіе послѣдняго: общность, созданная по договору, и поэтому продолжающійся суверенитетъ членовъ, преслѣдованіе по меньшей мѣрѣ внѣшней безопасности и существованіе общаго органа, носителя соединенія,—всѣ эти признаки присущи и реальной уніи, но особенность ея выражается въ томъ, что скрѣпляемыя ею государства, удерживая свою личность и особыя учрежденія, болѣе или менѣе прочно соединяются въ особѣ царствующаго государя или династіи. Кромѣ этого, они имѣютъ и нѣкоторыя центральныя объединяющія ихъ учрежденія, такъ что, въ отличіе отъ личной уніи, реальная является соединеніемъ самихъ государствъ. Хотя во главѣ ея стоитъ одно физическое лицо, но юридически въ немъ слѣдуетъ различать столько личностей, сколько государствъ входитъ въ составъ реальной уніи. Въ эту форму государства могутъ вступать либо на вѣчныя времена, либо впродолженіе царствованія извѣстной династіи или даже опредѣленнаго монарха, хотя послѣдній случай наименѣе вѣроятный. Іеллинекъ признаетъ реальную унію возможною только между ограниченными, а не абсолютными монархіями. Для нея требуются либо монархіи съ крѣпкими сословными учрежденіями, либо съ современными представительными формами. Напротивъ, подъ властью неограниченнаго монарха она легко переходитъ въ инкорпорацію. Въ политическомъ же отношеніи она рѣзко отличается отъ союза государствъ. Благодаря

---

[1]) Шульце относитъ ее къ *государственнымъ* формамъ соединенія, ибо ея члены, не утративъ своей политической самостоятельности, установляютъ между собою *по закону* (grundgesetzlich) извѣстные общіе *государственные* органы. Сообразно съ этимъ онъ считаетъ реальную унію возможною и между *республиками* (назв. соч.).

личности управляющаго ею монарха, она обладаетъ гораздо большею прочностью и не даетъ простора для политическаго соперничества членовъ. Впрочемъ юридически она можетъ быть по ихъ волѣ и расторгнута [1]). Изъ ея существа вытекаетъ невозможность между ея членами войны и обязанность для нихъ общей политики и защиты. Въ наше время авторъ признаетъ особенно два важныхъ примѣра для ея изученія: соединенія Швеціи съ Норвегіею и устройство Австро-Венгерской монархіи по соглашенію 1867 г. На запутанныхъ, но весьма любопытныхъ подробностяхъ послѣдней австрійской конституціи авторъ, съ понятною любовію, останавливается особенно подробно, отвергая ученіе Дантшера о существованіи въ Австріи центральнаго верховнаго правительства для ея обѣихъ главныхъ половинъ. Будучи съ внѣшней, международной стороны единою имперіею (Gesammtmacht), это государство съ внутренней стороны состоитъ изъ двухъ суверенныхъ и другъ отъ друга отдѣльныхъ частей, изъ Австріи и изъ Венгріи. Существующіе между ними общія органы суть, юридически говоря, двойственнаго характера, принадлежа одинаково какъ тому, такъ и другому государству. Нельзя говорить и объ одномъ общемъ для нихъ законодательствѣ, а о существованіи лишь либо австрійскихъ, либо венгерскихъ законовъ. Въ делегаціяхъ—этихъ отдѣленіяхъ палатъ обѣихъ половинъ,—никакъ не слѣдуетъ видѣть что либо похожее на верховный или центральный парламентъ.

Прекрасная книга Іеллинека оканчивается весьма подробною теоріею *союзнаго государства* (Bundesstaat), которое онъ разсматриваетъ со стороны его возникновенія, существа, положенія въ немъ членовъ и совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ его правительствъ.

Упомянувъ, что союзное государство есть произведеніе новѣйшей политической исторіи (съ конца прошлаго вѣка) и что образованіе С. Штатовъ и Германской имперіи дало болѣе всего повода къ разработкѣ теоріи о немъ, авторъ прежде всего старается выяснить несостоятельность ученія объ его договорномъ происхожденіи. Государство вольно распоряжаться своею компетенціею, предоставляя ее другимъ, но оно не можетъ создать независимой отъ себя государственной личности. Какъ нельзя сотворить человѣка по договору, такъ нельзя этимъ способомъ образовать и государство. Настоящее основаніе его лежитъ въ народѣ, сознающемъ свое единство и придающемъ этому единству политическую форму. Кельгаунъ и Зейдель,

---

[1]) Противоположнаго, но невѣрнаго мнѣнія держится Гольцендорфъ.

отстаивая суверенитетъ членовъ въ союзномъ государствѣ, пришли къ его отрицанію какъ цѣлаго, Іеллинекъ, наоборотъ, приписывая верховенство одной союзной власти, считаетъ членовъ федераціи несуверенными. Не крайни-ли оба эти мнѣнія?

Іеллинекъ говоритъ, что, допуская договоръ какъ основаніе союзнаго государства и даже послѣ этого скрѣпляя его основнымъ закономъ [1]), мы юридически лишаемся возможности удержать отъ выхода изъ союза тѣхъ членовъ, которые будутъ считать нарушенными свои жизненные интересы. Договорная власть (Societätsgewalt) никогда не будетъ имѣть главнаго признака государственной власти: она не будетъ владычествовать, безусловно повелѣвать надъ тѣми, кто ее создалъ. А законъ, какъ бы онъ ни состоялся, всегда долженъ уступить мѣсто высшимъ интересамъ государства. Однако Іеллинекъ не скрываетъ отъ насъ, что Моль и Рёппе, признавая *государственный* характеръ Германской имперіи, полагаютъ, что члены ея имѣютъ право выхода въ случаѣ нарушенія конституціи. Но, возражаетъ онъ, въ этомъ случаѣ право отдѣленія должно бы существовать и для частей унитарнаго государства? Это натяжка. Нарушеніе конституціи весьма различны. Затѣмъ, мы не понимаемъ, почему авторъ, установляя, какъ сейчасъ увидимъ, различіе въ способахъ образованія унитарнаго и союзнаго государствъ, не хочетъ допустить различія и въ ихъ прекращеніяхъ?

По мнѣнію автора возникновеніе государствъ вообще нельзя понять и построить юридически. Это—основные факты, даваемые юристами и исторіею и которые онъ не въ состояніи разлагать на ихъ дальнѣйшіе, составные элементы. Въ наше время національность является главною творческою силою въ процессѣ образованія и развитія политическихъ тѣлъ. Но она дѣйствуетъ двумя путями: либо насильственно, посредствомъ революцій и войны, либо мирными способами, которые и ведутъ къ образованію союзнаго государства. При этомъ прежнія законныя власти или прямо содѣйствуютъ этому коренному преобразованію политическаго строя, или по крайней мѣрѣ не противодѣйствуютъ ему активно. Но въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о созданіи *совершенно новыхъ* политическихъ тѣлъ, которыя никакъ не слѣдуетъ считать *продолжателями* прежнихъ государственныхъ единицъ, изъ которыхъ они сложились. Итальянское королевство не есть расширенный Пьемонтъ. Германская имперія не можетъ считаться продолженіемъ Прусской монархіи.

---

1) Чрезъ staatsrechtliche Novation, какъ называетъ это Seydel.

Приведя нѣкоторыя подробности о возникновеніи трехъ главныхъ федерацій новѣйшаго времени, авторъ говоритъ, что вступленіе въ ихъ составъ обозначаетъ для членовъ то же самое, что вступленіе въ составъ государства для отдѣльныхъ лицъ, т. е. подчиненіе ихъ верховной власти. Никакихъ отдѣльныхъ правъ (Reservationen) не удерживаютъ они за собою, которыя не могла бы отнять у нихъ центральная власть безъ ихъ согласія, а если въ конституціи иногда упоминается объ ихъ согласіи, то это не болѣе, какъ извѣстныя затрудняющія условія и формы, ничего не измѣняющія въ сущности дѣла. Такъ же смотритъ авторъ и на обсужденіе союзническаго акта палатами отдѣльныхъ членовъ федераціи. Это не болѣе, какъ провѣрка того, насколько названный актъ соотвѣтствуетъ выраженному въ предшествовавшемъ договорѣ намѣренію сторонъ образовать федерацію.

Изученіе образованія союзнаго государства важно потому, что показываетъ намъ его сущность. При организаціи своей государству предстоитъ нѣсколько путей: или оно возлагаетъ осуществленіе всѣхъ преслѣдуемыхъ имъ задачъ на органы, прямо имъ созданные и отъ него исключительно зависимые (централизованное унитарное государство), или оно можетъ воспользоваться существующими въ странѣ союзами и корпораціями такъ, что они, пользуясь извѣстною долею самостоятельности, служатъ однако и его цѣлямъ (децентрализованное унитарное государство). Иногда оно само создаетъ эти союзы, но, предоставляя имъ внутреннюю автономію, подчиняетъ ихъ своимъ нормамъ и контролю. Но бываетъ еще и третій случай, когда государство отказывается въ пользу названныхъ корпорацій и союзовъ отъ опредѣленныхъ государственныхъ функцій такимъ образомъ, что не присвоиваетъ себѣ даже контроля надъ ними, пока они дѣйствуютъ въ отведенныхъ имъ границахъ, а удерживаетъ лишь право противодѣйствія при нарушеніи ими этихъ границъ. Корпораціи же, располагающія государственною властью безъ контроля, суть государства. Если эти члены стоятъ въ органической связи съ верховнымъ государствомъ (Oberstaat), т. е. если послѣднее дѣйствуетъ прямо и непосредственно на всѣхъ гражданъ,—мы имѣемъ дѣло съ союзнымъ государствомъ. Если же они сцѣпляются другъ съ другомъ лишь механически, безъ внутренняго, *національнаго* объединенія—такая форма составляетъ сложное государство въ тѣсномъ смыслѣ (Staatenstaat), о которомъ мы уже говорили.

Іеллинекъ даетъ намъ въ результатѣ очень пространное, описательное опредѣленіе союзнаго государства, которое болѣе просто можно передать такъ: сущность его состоитъ въ томъ, что централь-

ное его правительство удерживаетъ за собою лишь по закону опредѣленную долю государственныхъ функцій, а все остальное предоставляетъ созданнымъ имъ несувереннымъ членамъ (Gliedstaaten). Послѣдніе изъяты отъ контроля союза какъ относительно нормъ ихъ государственной дѣятельности, такъ и касательно способовъ примѣненія этихъ нормъ, и должны только не выходить изъ круга очерченной имъ по закону компетенціи.

Въ силу природы союзнаго государства, въ немъ существуетъ двоякое подданство гражданъ: цѣлому союзу (первичное, главное), опредѣленному его члену (вторичное). Безъ перваго немыслимо второе, согласно съ конституціею С. Штатовъ. Напротивъ, въ Швейцаріи и Германіи принятіе подданства какой либо ихъ территоріи влечетъ и подданство всему союзу.

Авторъ оспариваетъ теорію Лабанда, который видитъ въ союзномъ государствѣ юридическое лицо публично-правовое, составленное изъ многихъ членовъ. Примѣнимая только къ Германіи, а не къ другимъ федераціямъ, она представляется отголоскомъ договорнаго ученія о происхожденіи этой формы. Тогда и однимъ изъ его центральныхъ органовъ должно бы быть собраніе, составленное изъ делегацій отъ отдѣльныхъ парламентовъ его членовъ, между тѣмъ какъ органическій характеръ союзнаго государства требуетъ существованія въ немъ національнаго парламента, вышедшаго изъ прямыхъ выборовъ всего населенія и члены котораго были бы органами не того государства, въ которомъ они избраны, а всего союза. Существованіе этихъ собраній — палаты представителей національнаго совѣта, рейхстага — болѣе всего подтверждаетъ живую, прямую связь между народомъ и властью союза. Поэтому послѣдній не возвышается, какъ думаетъ Лабандъ, подобно куполу, надъ многими домами, ничего не измѣняя въ ихъ характерѣ и давая имъ только защиту. Напротивъ, онъ врѣзывается въ ихъ основанія, измѣняетъ всѣ ихъ очертанія и фасады, оставляя отъ прежнихъ стѣнъ нетронутымъ лишь то, что совмѣстимо съ его новыми формами.

Различіе союзнаго государства отъ союза государствъ заключается не въ томъ, что первая форма преслѣдуетъ осуществленіе и государственныхъ цѣлей, а вторая не выходитъ изъ области внѣшней политики, а различіе вытекаетъ изъ самыхъ юридическихъ основаній обѣихъ формъ. Союзъ государствъ покоится на договорѣ и ограничивается суверенитетомъ своихъ членовъ. Союзное государство, основываясь на законѣ, не знаетъ для себя инаго предѣла, кромѣ верховенства своей центральной власти. Въ его строѣ допустимы вели-

чайшія разнообразія и для его существованія требуются только три условія: верховенство центральной власти союза, непосредственное подчиненіе ей всего населенія и наличность многихъ несуверенныхъ государствъ, какъ его членовъ.

Авторъ полагаетъ, что союзное государство можетъ быть организовано монархически, или центральная власть можетъ быть въ немъ сосредоточена въ рукахъ немногихъ лицъ; наконецъ, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ федераціяхъ, какъ въ С. Штатахъ и въ Швейцаріи, верховенство принадлежитъ всему народу. Затѣмъ центръ тяжести государственной жизни въ немъ можетъ лежать либо въ его собственныхъ центральныхъ органахъ, либо онъ можетъ быть перенесенъ на мѣстныя правительства, которыя тогда будутъ дѣйствовать отъ имени и въ качествѣ органовъ всего союза.

Эта теорія о политической растяжимости изучаемой нами формы, представляется намъ оспариваемою. При новизнѣ союзнаго государства, вообще, кажется преждевременнымъ толковать объ его примѣнимости ко всѣмъ политическимъ формамъ. Будучи, по мнѣнію автора, продуктомъ національнаго творчества, *народнымъ* дѣломъ и имѣя подобно другимъ политическимъ тѣламъ нашего времени, уже съ момента своего возникновенія правителей съ *ограниченной* властью [1]) союзное государство въ *юридическомъ* отношеніи должно быть признано наиболѣе соотвѣтствующимъ республиканскимъ принципамъ и учрежденіямъ. Съ точки же зрѣнія *политической* надо требовать приблизительнаго равенства между его членами: по величинѣ, могуществу и т. п. (иначе въ федераціи не будетъ устоя), а равно того, чтобы центральные органы не являлись въ то же время органами какого либо мѣстнаго правительства, хотя бы могущественнѣйшаго, какъ мы видимъ это въ Германской имперіи, представляющей искаженную и непрочную форму союзнаго государства.

Упомянувъ о томъ, что въ послѣднемъ вся область политики (право договоровъ, войны и заключенія мира) относится къ вѣдомству центральнаго правительства, Іеллинекъ вооружается противъ ходячаго мнѣнія, будто въ случаѣ сомнѣній на счетъ компетенціи властей надо всегда рѣшать въ пользу не союза, а его членовъ. Онъ называетъ относящіяся сюда постановленія американской и швейцарской конституцій невѣрными и принимаетъ ихъ за продолженіе дого-

---

1) In den neugebildeten nationalen Staaten der neuesten Zeit, говоритъ авторъ. wird die Staatsgewalt sogleich als eine in ihren Trägern *rechtlich beschränkte geboren*.

ворной теоріи, которая утверждаетъ, что устройство союза, возникнувъ изъ соглашенія его членовъ, не можетъ быть и измѣняемо вопреки ихъ волѣ. Въ случаѣ споровъ о компетенціи, эти вопросы подлежатъ рѣшенію не третейскихъ судовъ, какъ въ союзѣ государствъ, а постояннаго верховнаго суда федераціи. Таковой и существуетъ въ С. Штатахъ и въ Швейцаріи, а въ Германіи его въ этомъ замѣняетъ союзный совѣтъ. Кельгаунъ, согласно съ своей теоріей, отвергалъ въ принципѣ компетентность подобнаго верховнаго суда въ союзѣ, называя его дѣйствія узурпаціею.

Всѣ измѣненія въ конституціи союзнаго государства должны исходить отъ центральнаго правительства, которое, независимо отъ всякаго инаго фактора, одно судья о цѣлесообразности и объемѣ этихъ реформъ, которыя и слѣдуетъ совершать лишь путемъ закона [1]). При этомъ Іеллинека не смущаетъ, что по положительнымъ законамъ С. Штатовъ, Швейцаріи и Германіи для этого требуется не единогласіе членовъ, а извѣстное большинство (напр., трехъ четвертей) [2]). Въ принципѣ власть союза при этомъ ничѣмъ не ограничивается: ничто не обязываетъ ее держаться по отношенію къ своимъ членамъ начала равенства, которое, по своей природѣ, матеріальный, а не формальный принципъ права? Она можетъ даже, въ случаѣ нужды, превратить союзъ въ унитарное государство и только насильственно исключать какого либо члена изъ союза, она, по мнѣнію автора, не въ правѣ, ибо современное государство недѣлимо.

Изъ этого изложенія слѣдуетъ, говоритъ Іеллинекъ, что къ указанному выше теоретическому отличію союзнаго государства отъ союза государствъ, надо прибавить еще другую практически важную черту ихъ различенія въ конкретныхъ случаяхъ: она состоитъ въ томъ, что члены первой формы лишены права отдѣленія отъ цѣлаго, которое юридически должно быть признано за членами союза государствъ.

Въ заключеніе Іеллинекъ останавливается нѣсколько на положеніи

---

1) Не странно ли послѣ этого утверждать, какъ дѣлаетъ Іеллинекъ, будто члены союза сохраняютъ еще какія-то „Hoheitsrechte zur selbständigen Innenbahung“? Онъ упрекаетъ господствующую доктрину въ дуалистическомъ пониманіи или въ раздвоеніи суверенитета, но его идея о государственныхъ правахъ членовъ союзнаго государства есть собственно фикція. Эти Gliedstaaten въ сущности не болѣе какъ провинціи, а дуализмъ и раздвоеніе верховенства, о которыхъ онъ толкуетъ, исчезаетъ, если носителемъ онаго признать, какъ и дѣлаетъ авторъ, народъ.

2) Въ Германіи не можетъ совершиться измѣненіе въ конституціи имперіи, если оно будетъ отвергнуто въ союзномъ совѣтѣ 14 голосами изъ 58.

членовъ союзнаго государства. Ничего нельзя сказать опредѣленнаго о необходимой для нихъ политической формѣ. Какъ извѣстно, С. Штаты и Швейцарія гарантируютъ своимъ членамъ республиканское устройство и въ этомъ авторъ видитъ новое, ясное подтвержденіе ихъ несуверенности. Но сколько суверенныхъ государствъ вступало въ подобныя обязательства?

Въ международной области, при всемъ умаленіи ихъ правоспособности, они могутъ, если дозволяетъ конституція союза, заключать договоры съ иностранными государствами (только по вопросамъ управленія) и между собою, а равно пользоваться посольскимъ правомъ. Но и это должно быть порицаемо съ политической точки зрѣнія. Война между ними юридически невозможна. Въ случаѣ нарушенія ими законовъ союза, власть послѣдняго въ правѣ употребить противъ нихъ силу (экзекуцію). Этотъ способъ отличается отъ всѣхъ иныхъ способовъ государственнаго принужденія тѣмъ, что направляется не противъ частныхъ лицъ, а исключительно противъ провинившагося государства. Справедливость при его примѣненіи требуетъ, чтобы рѣшеніе объ этомъ находилось не въ рукахъ собственно правительственныхъ органовъ союза, а высшаго суда.

Члены союза остаются государствами, пока они пользуются своими правами *безконтрольно* [1]). Установленіе же надъ ними, хотя бы малѣйшаго контроля со стороны центральной власти превратитъ союзное государство въ децентрализованное унитарное, даже если бы всѣ его законы и формы остались во всемъ иномъ безъ измѣненій. Напр., Венезуэльская республика, хотя и называетъ себя С. Штатами Венезуэлы, но ея члены не болѣе, какъ простые округи, автономно управляющіеся (Selbstverwaltungskörper), ибо центральная ихъ власть можетъ кассировать каждое рѣшеніе мѣстныхъ законодательныхъ собраній.

Іеллинекъ, несмотря на это, отрицаетъ, будто союзное государство призвано неизбѣжно переходить въ унитарное, децентрализованное. Подобное воззрѣніе было бы доступно, если за названной формой признавать лишь чисто динамическій характеръ и видѣть въ ней не болѣе, какъ извѣстную, преходящую ступень въ историческомъ развитіи народовъ. Но этого не требуютъ ни ея понятіе, ни законы исторіи.

Мы полагаемъ, однако, что при теоріи автора столь строго логич-

---

1) So lange die Gliedstaaten *uncontrolirbare staatliche Macht* besitzen, говоритъ авторъ.

ной, члены союзнаго государства, лишенные суверенитета, не будутъ имѣть возможности и охоты долго влачить свое, въ политическомъ отношеніи жалкое существованіе и будутъ скоро превращаемы въ обыкновенные административные округи и провинціи, о которыхъ онъ говоритъ.

Расходясь съ нимъ въ этомъ капитальномъ пунктѣ и въ нѣкоторыхъ иныхъ подробностяхъ, мы, однако, относимъ его книгу къ лучшимъ сочиненіямъ по государственнымъ наукамъ за послѣдніе годы.

39. **Brie**. *Theorie der Staatenverbindungen*. 1886.

Книга Бри, будучи преимущественно *теоретическимъ* сочиненіемъ, можетъ быть съ пользою прочитана послѣ изслѣдованія Іеллинека. Въ ней гораздо менѣе положительнаго матеріала и ссылокъ на литературу (хотя, конечно, встрѣчается то и другое въ выноскахъ) и, кромѣ того, рамки ея болѣе тѣсны, ограничиваясь собственно ученіемъ *о юридическомъ построеніи соединеній государствъ*.

Но во многихъ принципіальныхъ пунктахъ этого ученія Бри расходится съ Іеллинекомъ и, развивая свою теорію довольно послѣдовательно и оригинально, онъ, можно сказать, также обогатилъ науку весьма хорошимъ изслѣдованіемъ по одному изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ государствовѣдѣнія вообще.

Впрочемъ, кто желалъ бы вполнѣ освоиться съ воззрѣніями бреславльскаго профессора, долженъ бы обратиться къ двумъ его предшествующимъ, въ этой области, работамъ: къ критикѣ книги Іеллинека [1]) и къ началу его изслѣдованія о союзномъ государствѣ [2]).

Въ настоящемъ трудѣ, представленномъ Гейдельбергскому университету по поводу его пятисотлѣтняго юбилея, авторъ начинаетъ (въ первой части) съ опредѣленія *государства* и съ разрѣшенія *совмѣстнаго существованія* политическихъ тѣлъ. Это приводитъ его къ соединеніямъ послѣднихъ и къ ихъ *классификаціи*. Во второй части разбираются *отдѣльные виды* этихъ *соединеній*.

Принимая государство исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія, Бри ставитъ, однако, на видъ, что въ ученіи о соединеніи государствъ должно отправляться отъ ихъ *цѣли*, а не отъ ихъ *суверенитета*. Хотя послѣдній принадлежитъ *только* государству и *во всѣхъ* отношеніяхъ, но идеею о немъ собственно ничего не дается для занимающей насъ теоріи и, кромѣ того, конкретныя государства, вслѣд-

---

[1]) Въ *Grünhut's* Zeitschr. f. das Privat—und öffentl. Recht der Gegenwart. B. XI, S. 85.

[2]) Der Bundesstaat. Abth. I. 1874.

ствіе историческихъ условій, часто не пользуются *полнымъ* суверенитетомъ.

Сущность государства Бри видитъ въ томъ, что оно призвано всесторонне содѣйствовать интересамъ живущихъ на его территоріи лицъ, но эта *всесторонность* его цѣли должна быть понимаема *юридически*, т. е. въ смыслѣ не абсолютномъ, а *относительномъ*, какъ дѣятельность, *восполняющая* усилія его гражданъ на пути возможно-полнаго ихъ развитія [1]).

Упомянувъ о невозможности *всемірнаго* государства и признавъ лишь въ государствѣ *національномъ* наиболѣе совершенное проявленіе его идеи, Бри дѣлитъ всѣ соединенія политическихъ тѣлъ сперва на *двѣ* обширныя *группы*, смотря по тому, основываются ли они на *принципѣ преобладанія* и порабощенія (Ueber und Unterordnung) или на *идеѣ равенства* частей между собою (Nebenordnung).

Къ первой группѣ относятся страны, поставленныя *въ зависимость* отъ кого либо другаго болѣе могущественнаго и ими руководящаго государства. Въ этомъ положеніи находятся собственно страны, *зависимыя*, *охраняемыя* (подъ протекторатомъ) и *вассальныя* (подъ сюзеренитетомъ). Отличіе зависимости отъ протектората авторъ видитъ въ томъ, что при первой рѣшающимъ моментомъ является интересъ *владычествующаго* государства, въ протекторатѣ же на первое мѣсто выдвигается интересъ страны *охраняемой*. Сюзеренитетъ есть какъ бы дальнѣйшее видоизмѣненіе протектората.

Эта классификація не представляется намъ удачною. Сюзеренитетъ покоится, съ международной точки зрѣнія, на иномъ принципѣ, нежели протекторатъ, а узы зависимости (der Herrschaft), какъ ихъ понимаетъ Бри, не представляютъ вовсе самостоятельной формы соединенія. Онъ, кромѣ того, совсѣмъ не говоритъ о колоніяхъ, инкорпораціяхъ, административномъ занятіи, а объ личной уніи упоминаетъ мимоходомъ, противопоставляя ее уніи реальной.

Отношенія между государствами, опредѣляемыя началомъ ихъ *равенства*, представляются для автора въ троякой формѣ: *международнаго союза*, различныхъ, въ предѣлахъ его, *спеціальныхъ соглашеній* и собственно *соединеній*, для которыхъ онъ употребляетъ терминъ *ассоціацій государствъ*. Воззрѣнія его на сущность *международнаго*

---

[1]) Die *allseitig ergänzende* Natur des Staatszweckes ist das für den Begriff des Staates principale Moment. Цѣль государства онъ видитъ въ Förderung aller hilfsbedürftigen Interessen der in ihm (im Staate) vereinigten Menschen. Къ этой «*Universalität* des Staatszweckes» присоединяется «*Subsidiarität*», какъ его «vernunftgemässes Korrelat und unentbehrliche Schranke».

союза (Völkerrechtsgemeinschaft) весьма странны. Онъ ограничиваетъ его задачи чисто отрицательнымъ характеромъ — поддержанія между государствами мира—и полагаетъ, что ему, по его природѣ, не слѣдуетъ обладать ни законодательною, ни судебною властью, ибо это было бы сопряжено съ умаленіемъ суверенитета и потребовало бы особой его организаціи. Но самъ же Бри вездѣ въ своемъ сочиненіи говоритъ о суверенитетѣ относительномъ и ограниченномъ [1]) (и даже какъ и Іеллинекъ, признаетъ членовъ союзнаго государства — государствами *несуверенными)* и допускаетъ возможность введенія *общеобязательнаго* между народами *третейскаго суда*. Съ точки зрѣнія этихъ началъ, очевидно, что Бри останавливается на полдорогѣ, ибо *разъ допускается ограниченность суверенитета государствъ, не существуетъ и юридическихъ препятствій для созданія международной организаціи*. Это, безспорно, главнѣйшій выводъ, къ которому насъ приводитъ ученіе о соединеніяхъ государствъ. Намъ могутъ только возразить, что эти соединенія такъ или иначе скрѣпляются извѣстными *національными* элементами ихъ частей. Но на это мы замѣтимъ, что, во 1-хъ, между европейскими и американскими народами существуетъ уже теперь много элементовъ, сближающихъ ихъ, на подобіе національныхъ и, во всякомъ случаѣ, установляющихъ между ними *общую*, *духовную атмосферу*, и что, во 2-хъ, международною организаціею не была бы стѣснена внутренняя независимость и свобода народовъ.

Изложенныя мысли автора убѣждаютъ насъ въ томъ, что и онъ, подобно Іеллинеку, стоитъ въ своемъ сочиненіи на государственной, а не на международной точкѣ зрѣнія.

Соединенія или *ассоціаціи* между государствами (Staatenassociationen) возникаютъ, когда они юридически обязываются стремиться къ положительному осуществленію какой либо общей для нихъ цѣли. Эти соединенія бываютъ либо неорганизованныя (политическіе союзы), либо организованныя. Послѣднія въ свою очередь распадаются на двѣ особыя группы: *Staatenvereine*, государства, установившія между собою тѣ или иные общіе органы, и *Staatengemeinwesen*, государства, принявшіе форму *союзовъ* (Bünde), т. е. независимо отъ своихъ членовъ создавшихъ особые органы для общей, цѣлостной, такъ сказать, воли всего ихъ соединенія (Gesammtwillen).

Staatenvereine различаются далѣе другъ отъ друга тѣмъ, что или общіе органы соединенія занимаютъ въ государствахъ второстепен-

[1]) Der Idee des Staates widerspricht allerdings die Abhängigkeit von einem übergeordneten Gesammtwillen an sich keineswegs.

ное, подчиненное мѣсто (соединенія въ области управленія или суда), или же они суть носители самой верховной власти (реальная унія).

Административные (по нашему соціальные) *союзы* намъ уже извѣстны. О нихъ авторъ говоритъ не много. Вопреки ихъ строю (они установляются безсрочно, ихъ составъ не зависитъ отъ вступленія въ нихъ новыхъ членовъ, или отъ выхода старыхъ, и ихъ органы, будучи представителями не того или иного отдѣльнаго члена, а совокупности ихъ, принимаютъ свои рѣшенія обыкновенно по большинству голосовъ), вопреки, говоримъ мы, ихъ строю, Бри отрицаетъ ихъ корпоративный характеръ и уподобляетъ ихъ частно-правовымъ союзамъ (Vereine), безъ юридической личности. Государства по правилу удерживаютъ за собою право *утвержденія* ихъ рѣшеній, которыя безъ этого не болѣе какъ проекты, предварительныя работы, требующія, и послѣ ихъ одобренія, опубликованія со стороны правительствъ, участвующихъ въ этихъ союзахъ.

Позволяемъ себѣ думать, что это заключеніе автора не вполнѣ вѣрно. Названные союзы, разъ они сложились, суть настоящія международныя единицы, измѣненія и прекращеніе коихъ ставятся въ зависимость отъ *всѣхъ* ихъ членовъ, а никакъ ни отъ того, или другаго въ отдѣльности. Со временемъ для постановленій этихъ союзовъ мыслимъ такой порядокъ, что они, не нуждаясь въ ратификаціи, будутъ только обнародываемы правительствами на своихъ территоріяхъ. Независимо отъ этого государства могутъ сохранить право утвержденія *спеціально только для своихъ областей*. Успѣхи международной организаціи естественно приведутъ къ указываемому расширенію компетенціи всѣхъ ея органовъ.

Союзы, въ видахъ общаго между государствами отправленія *правосудія* (Gerichtsgemeinschaften), заключаются довольно часто между членами Германской имперіи.

Относя *реальную унію* къ этой группѣ соединеній, Бри отводитъ ей совершенно иное мѣсто, нежели Іеллинекъ. Онъ считаетъ ее формою вполнѣ международною, но примѣнимою лишь къ монархіямъ. Хотя нерасторжимость не составляетъ для нея существеннаго признака, но члены ея отдѣльно не имѣютъ права выхода изъ нея. Иное дѣло ихъ общее, на этотъ счетъ, соглашеніе. Къ примѣрамъ реальной уніи Бри относитъ: соединенія Швеціи съ Норвегіей, Австріи съ Венгріей, Кроаціи съ Венгріей [1]) и, вопреки Мартенсу, Финляндіи съ Россіей [2]).

---

[1]) Въ этомъ вопросѣ онъ слѣдуетъ Пливерицу, но оговаривается, что это — уклоненіе отъ чистаго типа реальной уніи.

[2]) Факту завоеванія Финляндіи Россіею Бри противопоставляетъ переговоры,

Подъ рубрикою Bünde, авторъ разсматриваетъ *союзъ* государствъ и *союзное* государство. Въ противоположность Іеллинеку и, какъ намъ кажется, вполнѣ вѣрно, онъ считаетъ первую форму не только простымъ юридическимъ отношеніемъ, но и *юридическимъ лицомъ*, какъ относительно третьихъ, постороннихъ государствъ, такъ и собственныхъ ея членовъ. Послѣдніе обязаны подчиняться рѣшеніямъ союзной власти, въ предѣлахъ ея компетенціи, хотя бы они были съ ними не согласны; и не имѣютъ, какъ показываютъ историческіе примѣры, ни права расторженія союза, ни выхода изъ него (Nullifications- und Secessionsrecht). При всемъ томъ союзъ государствъ, продолжаетъ Бри, есть ein Gemeinwesen, но kein Staatswesen; отдѣльныя лица, какъ граждане, не составляютъ его субстрата. Въ органахъ его поэтому принимаютъ участіе не они, а тѣ государства, изъ которыхъ слагается союзъ. Эти государства такимъ образомъ удерживаютъ свой суверенитетъ, но онъ ограниченный (eingeschränkte Souverainetät) и по многимъ важнымъ вопросамъ, особенно въ области внѣшней политики, является совмѣстная компетенція (konkurrierende Zuständigkeit) какъ союза, такъ и его членовъ. Въ предѣлахъ этой формы соединенія, при отсутствіи собственно гражданъ цѣлаго союза, неумѣстно установленіе собранія, вышедшаго изъ выборовъ среди всего населенія, но, если члены союза — представительныя монархіи, то можно, рядомъ съ *делегатами* отъ ихъ *правительствъ*, составить еще другое собраніе — изъ *депутатовъ* отъ отдѣльныхъ *палатъ*. Многіе мечтали о чемъ-то подобномъ для Германскаго Союза и это усилило бы зависимость членовъ отъ цѣлаго. Мысль— заслуживающая, какъ намъ кажется, полнаго вниманія и которую слѣдовало бы примѣнить при введеніи международной организаціи.

Въ заключеніе Бри ставитъ на видъ непрочность и малую способность дѣйствія этихъ союзовъ вообще. Исторія показываетъ намъ, что они являлись только низшими, переходными ступенями къ болѣе тѣсному, національному сплоченію ихъ частей, сплоченію, которое и превращало ихъ въ союзное государство, или федерацію.

Это вѣрно, если ея цѣли и строеніе уподоблять государственнымъ, но, понимаемая въ чисто международномъ смыслѣ, она можетъ расшириться за предѣлы національныхъ основъ и получить бо́льшую устойчивость. Изъ *политической* формы она тогда превратилась бы

которые велись между обѣими странами въ Борго весною 1809 г. и положили основаніе ихъ уніи.

не только въ *международную*, но и *юридическую* форму соединенія внутренне-независимыхъ народовъ. Впрочемъ для такого превращенія лучше подъискать и новый подходящій терминъ.

При изученіи союзнаго государства Бри, чаще чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ своей книги, ссылается постоянно на исторически проявившіеся его типы: отсюда высокій интересъ этой именно части. Къ этимъ типамъ онъ относитъ: С. Штаты, Швейцарію, Германскую имперію новѣйшую и даже древнѣйшую, какъ она сложилась послѣ Вестфальскаго мира. Оба послѣдніе примѣра однако представляютъ весьма смутное и искаженное воплощеніе идеи союзнаго государства и поэтому могутъ быть изучаемы развѣ какъ уклоненія отъ нея. Вопреки автору, мы думаемъ, что если реальная унія годна лишь для монархій, то союзное государство примѣнимо только къ республикамъ.

Какъ бы то ни было, но сущность этой формы заключается въ томъ, что она въ одно и то же время есть *союзъ* (Bund) и *государство*. Отсюда двойственный характеръ всей ее организаціи: *федеративный* и *національный*. Но и члены ея суть настоящія государства (хотя и несуверенныя). Сами законы ихъ, по мнѣнію Бри, въ наше время весьма удачно опредѣляютъ и ограничиваютъ области дѣйствія центральнаго правительства и мѣстныхъ властей.

Въ этомъ пунктѣ мы расходимся съ авторомъ, какъ и съ Іеллинекомъ, въ томъ, что называемъ суверенитетомъ то право членовъ федераціи, о которомъ Бри говоритъ, что это: eine wenigstens *principiell alle Seiten* des menschlichen Lebens umfassende *Kompetenz* und zwar *eigenen Rechts* ist» [1]).

Центральное правительство, въ разсматриваемой нами формѣ, имѣетъ право по собственному почину расширять, путемъ закона, собственную свою компетенцію (такъ наз. Kompetenz-Kompetenz),—что не признается за верховнымъ правительствомъ въ союзѣ государствъ. Право, о которомъ теперь рѣчь, не умаляется тѣмъ, что на измѣненіе конституціи требуется, въ той или иной формѣ, согласіе членовъ федераціи. Поэтому власть ихъ также называется авторомъ конкуррирующею съ властью союза. Послѣдняя *надзираетъ* за повсемѣстнымъ наблюденіемъ общихъ законовъ и во многихъ случаяхъ обращается непосредственно къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя всѣ и ей *прямо* подвластны.

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: Den Gliedstaaten ist der Inbegriff der *staatlichen Hoheitsrechte* nur mit einzelnen Ausnahmen verblieben.

Авторъ не видитъ необходимости—и объ этомъ также можно съ нимъ спорить — однороднаго устройства въ федераціи центральнаго правительства и мѣстныхъ властей. Также принципіальнаго значенія для него не представляетъ вопросъ объ историческомъ и юридическомъ возникновеніи этой формы соединенія. Но, съ другой стороны, въ отличіе отъ Лабанда и Іеллинека, онъ видитъ въ договорѣ не простое подготовительное дѣйствіе, а истинное *юридическое основаніе* существованія (Rechtsgrund) союзнаго государства.

Мы такъ подробно остановились на ученіи о соединеніяхъ государствъ потому, что оно *принципіально* оправдываетъ введеніе международной организаціи и даетъ намъ самый важный, въ *практическомъ* отношеніи *матеріалъ* для установленія сходства и различія между нею и тѣми формами, въ которыхъ доселѣ государства пытались сочетать свою независимость и общіе интересы.

Завершеніемъ всѣхъ этихъ формъ и является международная организація.

IV.

Въ эти послѣдніе годы явилось *три*, болѣе или менѣе подробно разработанныхъ, *проекта международной организаціи*: одного безъименнаго автора на французскомъ языкѣ, Лоримера и Блюнчли. Проектъ французскій, представляя солидный томъ въ 431 стр. долженъ быть признанъ наиболѣе слабымъ. Планъ эдинбургскаго профессора страдаетъ излишнею подражательностью *государственнымъ* принципамъ и учрежденіямъ. Напротивъ простотою и практичностью отличаются мысли Блюнчли. Осуществленіе ихъ не потребовало бы большой ломки и къ его предложеніямъ можно сдѣлать лишь немного измѣненій и добавленій.

40. *Mission actuelle des Souverains par l'un d'eux.* 1882 [1]).

Это сочиненіе производитъ на читателя странное и въ результатѣ для себя невыгодное впечатлѣніе: сплетеніе заблужденій съ истиною, вѣрное пониманіе цѣли, но чрезмѣрное расширеніе ея предѣловъ и невозможность вслѣдствіе того ея осуществленія: таковы основныя черты этого полу-серьезнаго, полу-фантастическаго труда. Авторъ, гордо игнорируя литературу по занимающему его вопросу, старается

---

1) Чтобы придать своимъ разсужденіямъ болѣе вѣсу, авторъ отнесъ себя къ числу монарховъ. Были сдѣланы разныя предположенія на счетъ того, какимъ государствомъ онъ управляетъ. Мы знаемъ изъ хорошаго источника, что онъ публицистъ, живущій въ Парижѣ.

опереть всѣ свои разсужденія на данныя и выводы исторіи, но понятіе его объ историческихъ лицахъ и событіяхъ весьма смутны и едва ли вѣрны.

Читателя отталкиваетъ также его рѣзкій, самоувѣренный тонъ, а равно большею частью напыщенный, неудачно-изысканный слогъ. Авторъ бьетъ на оригинальность и куетъ новыя слова, очень непріятно затемняющія и обременяющія обыкновенно столь изящную, у другихъ, французскую рѣчь.

Распадаясь на 12 главъ, это сочиненіе представляетъ собственно двѣ части: историческую и догматическую. Въ исторической авторъ дѣлаетъ обзоръ дѣятельности папства и указываетъ на главныя черты внѣшнихъ сношеній европейскихъ государствъ до нашего времени. Глава XII рисуетъ намъ планъ новаго и сложнаго устройства Европы (constitution européenne), который задумалъ авторъ.

Эти обширныя историческія вступленія и отступленія понадобились автору для того, чтобы въ дали вѣковъ отыскать первыя основы христіанскаго общества и, прослѣдивъ одну за другою всѣ формаціи, чрезъ которыя оно прошло, возвести на вполнѣ практической почвѣ зданіе обще-европейской организаціи, имѣющей не болѣе, какъ завершить совершившіеся факты.

Задача прекрасная, но исполненная авторомъ только на словахъ: вся исторія папства и позднѣйшаго политическаго развитія Европы ему представляется однимъ сплетеніемъ насилія и лжи, такъ что мы не понимаемъ, какія данныя извлекаетъ онъ отсюда для своихъ отвлеченныхъ и искусственныхъ построеній. Произошелъ этотъ разладъ отъ того, что, дѣлая учрежденія и лица давно минувшихъ эпохъ отвѣтственными за невыполненіе ими задачъ, которыя онъ хотѣлъ бы имъ приписать,—онъ въ дѣятельности ихъ видитъ только самообольщеніе и мракъ. Это одностороннее и предвзятое ихъ освѣщеніе является у автора неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его пренебреженія къ историческому методу. Указанный недостатокъ не мѣшаетъ намъ впрочемъ сказать, что въ книгѣ его разсыпано много отдѣльныхъ мѣткихъ и ѣдкихъ замѣчаній.

Видя въ *папствѣ* возстановленіе, въ религіозной формѣ, римскаго цезаризма, онъ говоритъ, что политическая его роль выразилась въ недопущеніи Италіи къ объединенію, въ изгнаніи изъ нея однихъ властителей посредствомъ другихъ, въ противопоставленіи восточной имперіи (въ Константинополѣ) новой на западѣ для того, чтобы потомъ воздвигнуть противъ послѣдней сильнѣйшую революцію и, преслѣдуя своею ненавистью всѣ династіи, которыя пытались вывести

Европу изъ этого хаоса, тѣмъ вѣрнѣе царствовать надъ развалинами христіанскаго міра.

Въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ осуждается и политика Карла Великаго, который называется «хищникомъ». Его 53 похода были настоящія гекатомбы. Предпринимая завоеванія въ видахъ расширенія своей власти, онъ безъ зазрѣнія совѣсти порабощалъ народы, перемѣщалъ ихъ и истреблялъ.

Вскорѣ папство, окрѣпнувъ, столкнулось съ *имперіею*. Въ этой борьбѣ истощились обѣ эти высшія тогда власти. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать согласно и вмѣстѣ на благо Европы и даровать нашей части свѣта право и миръ, онѣ вслѣдствіе этой борьбы раскололись (папство на секты, имперія на новыя государства) и завѣщали намъ феодальныя войны, которыя доселѣ являются грубымъ подобіемъ международной справедливости.

Новыя государства, какъ извѣстно, сложились подъ эгидою крѣпкой монархической власти. Въ наступившемъ вмѣстѣ съ нею періодѣ династической политики господствовалъ, по словамъ автора, слѣдующій девизъ: дѣлай ближнему то, чего ты не желаешь себѣ самому. Окрѣпнувшая съ Вестфальскаго мира система политическаго равновѣсія въ сущности означала, и до сихъ поръ означаетъ, владычество грубой силы и хитрости. Европейскіе народы составляютъ *атеистическую республику* христіанскихъ монарховъ и народовъ, глубоко антимонархическую и обреченную на разложеніе (dissociation). Будучи жертвою дипломатическо-военной анархіи, европейскія государства пострадали бы гораздо менѣе, если бы признали какого либо всемірнаго владыку, нежели держась за это равновѣсіе, которое, являясь постоянною военною коалиціею, возводитъ войну на степень вѣчнаго учрежденія. Заключаемые ими въ такомъ большомъ числѣ трактаты не имѣютъ никакого юридическаго значенія, съ какой бы точки зрѣнія на нихъ ни смотрѣть: съ научной ли, или съ практической, съ религіозной или съ соціальной.

Авторъ смѣется надъ тѣми «мало проницательными» умами, которые съ этой эпохи заговорили о международномъ правѣ. Такъ называемое естественное право, съ которымъ его отождествляли, прилагая его нормы къ взаимнымъ сношеніямъ народовъ, есть ничто иное, какъ «право сильнаго, владычество силы и хитрости». Не имѣя надъ собою правильно организованной власти и суда, безъ чего немыслимо право, европейскія государства все еще живутъ въ естественномъ состояніи и надъ нами всѣми царитъ еще Звѣрь [1]).

[1]) C'est la Bête qui règne sur nous tous, говоритъ авторъ.

Вопреки пресловутому *равновѣсію*, которое слѣдовало бы переименовать въ междуправительственную *анархію* (anarchie intergouvernementale) со времени Филиппа II Испанскаго и до послѣдняго русско-турецкаго столкновенія—войны поглощали среднимъ числомъ въ столѣтіе по 20 милл. человѣческихъ жизней, что даетъ намъ итогъ въ 80 милл.!

Подобное неустройство во внѣшнихъ сношеніяхъ государствъ вызываетъ и питаетъ внутри ихъ духъ революціи. Всѣ насилія и доктрины революціонеровъ, до коммунизма и нигилизма включительно, суть логическіе выводы изъ этой анархіи. Авторъ напоминаетъ изреченіе императора Леопольда: «каковы бы ни были конъюнктуры, говаривалъ онъ, будемъ всегда стараться о нашемъ расширеніи». На простомъ языкѣ это обозначаетъ: будемъ ограблять и истреблять другъ друга.

Въ нелестныхъ словахъ характеризуется и дипломатія: во время мира, или вѣрнѣе перемирій, она составляетъ процедуру хитрости, приготовляющую расправу пушекъ и прилагающую путь различнымъ посягательствамъ. Послѣ же войны она беретъ на себя дѣло нотаріуса, заноситъ въ протоколъ и прилагаетъ печать ко всему совершенному людьми посредствомъ убійствъ и расхищеній. Она разыгрываетъ еще роль между - правительственной полиціи. При этихъ условіяхъ, даже если бы святой получилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ или посла, онъ либо долженъ былъ бы отъ него отказаться, либо не могъ бы исполнить, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей. Нѣтъ доселѣ въ Европѣ, заключаетъ авторъ, настоящаго (reel) международнаго права, какъ и не существуютъ его сановниковъ. Есть только измѣнчивое право трактатовъ, дѣлаемыхъ генералами, а подготовляемыхъ или формулируемыхъ дипломатами.

Въ историческомъ очеркѣ наиболѣе интересна глава 11, надписанная: «Европа въ XIX стол.» Авторъ начинаетъ съ безусловнаго осужденія всего сдѣланнаго Вѣнскимъ конгрессомъ: Кестльри предложилъ на немъ, восклицаетъ онъ, отмѣнить торговлю неграми, но правительства продолжали торгъ бѣлыми. Упоминая объ состоявшихся тогда территоріальныхъ сдѣлкахъ, онъ прибавляетъ: можно ли было отъ управляемыхъ требовать того уваженія къ правительствамъ, которое они сами рѣшительно не питали другъ къ другу? Подъ шумъ непрерывныхъ и баснословныхъ пиршествъ [1]) совершались при за-

---

[1]) На нихъ было истрачено, по словамъ автора, до 40 милл. фр., въ томъ числѣ столъ августѣйшаго хозяина обходился ежедневно въ 300,000.

крытыхъ дверяхъ съ помощію особой статистической коммиссіи распредѣленіе земель и людей между царствовавшими династіями. Разбирая актъ священнаго союза, авторъ говоритъ, что христіанство, какъ соціальная сила, не существуетъ среди насъ. «Одними крестными знаменіями мало чего подѣлаешь. Народы требуютъ хорошихъ общественныхъ учрежденій и справедливаго общаго управленія ихъ дѣлами. Пока правители всѣ свои тяжбы рѣшаютъ этими судебными побоищами, именуемыми войнами, они въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ останутся разбойниками». Пентархія, захватившая послѣ этого власть надъ Европой, можетъ быть названа революціоннымъ правительствомъ. Безъ законодательнаго и судебнаго аттрибута, она проявляла только власть исполнительную. Исходившія отъ нея распоряженія составляли законъ, который въ сущности былъ не болѣе, какъ актъ насилія, приводившійся въ исполненіе громадными арміями ея членовъ. На ея совѣтахъ отсутствовали государства второстепенныя и слабыя: они осуждались, не бывъ даже выслушанными, и ихъ участь рѣшалась по усмотрѣнію однѣхъ такъ наз. «великихъ» державъ. Вся современная политика Европы вращается около антагонизма между Англіею и Россію [1]) и, пока онъ длится, не мыслимы ни ея организація, ни замиреніе. Порта и Австрія обречены на распаденіе.

Вслѣдствіе такого устройства Европы «атеистичнаго, антиюридическаго и антисоціальнаго» можно сказать, что ея государствамъ угрожаетъ: извнутри—нескончаемыя революціи, извнѣ—нападенія варваровъ. Авторъ вѣритъ въ возможность нашествія на нашу часть свѣта Китайцевъ, когда Русскіе атакуютъ Англичанъ въ Индіи. Онъ приводитъ характерный разсказъ, будто на многихъ дорогихъ вѣерахъ, которыми дарятъ иногда китайскіе сановники высоко-поставленныхъ особъ въ Европѣ, читается: «симъ повелѣвается китайскимъ солдатамъ, которые завладѣютъ этимъ городомъ, оказать пощаду дому, гдѣ они найдутъ сей вѣеръ».

Политики предлагаютъ для уврачеванія гнетущихъ насъ общественныхъ бѣдствій введеніе либо неограниченной монархіи, либо конституціонной, либо, наконецъ, республики. Но это гораздо болѣе серьезное дѣло: требуются реформы не политическія, а соціальныя. Всѣ народы Европы страдаютъ именно отъ того, что международное устройство (Gouvernement général) анти-соціально и улучшеніе ихъ положенія невозможно безъ преобразованія ихъ взаимныхъ внѣшнихъ

---

[1]) Toutes les puissances du Continent, читаемъ у автора, ne sont que les membres du binôme anglo-russe.

отношеній. Если до 1648 г. Европа управлялась цезаризмомъ папъ и императоровъ, то съ тѣхъ поръ установилась въ ней какъ бы нѣкая республика, но усилилась анархія, ибо два меча Бонифація VIII уступили мѣсто четыремъ или пяти колоссальнымъ ножамъ!

А что видимъ мы внутри государствъ? Война возводится въ основной законъ ихъ бытія, и всѣ министерства должны существовать на остатки, предоставляемые имъ военнымъ министерствомъ. Гражданская и политическая свобода подданныхъ всюду стѣсняется и низводится до минимума. Личныя свойства и доброта монарховъ мало при этомъ значатъ. Лишь суровые крутые министры способны вести дѣла, но зато они болѣе боятся добродѣтелей своихъ государей, нежели ихъ пороковъ. При обсужденіи историческихъ событій люди слишкомъ бываютъ склонны объяснять все личными недостатками правящихъ лицъ и совершенно упускать изъ вида всю систему управленія общеевропейскими дѣлами (système général, intergouvernemental). Но будучи по существу столь дурною, анти-христіанскою, эта система ничего не можетъ производить, кромѣ зла. При ея господствѣ и хорошіе правители будутъ безсильны, между тѣмъ какъ, измѣнивъ ее къ лучшему, мы принудимъ худшихъ изъ нихъ сдѣлаться добрыми государями [1]).

Повторяемъ, въ этихъ мысляхъ автора много вѣрнаго, но, съ другой стороны, разсужденія его страдаютъ односторонностью, предвзятостью и смутнымъ пониманіемъ основной, поставленной имъ себѣ задачи. Въ столь же мрачныхъ краскахъ, какъ политическія судьбы Европы, изображаетъ онъ и положеніе христіанскихъ церквей. Раздѣленіе ихъ на восточную и на западную, какъ позднѣе и реформація, были вызваны, по его мнѣнію, не религіозными вопросами, а политическими стремленіями тѣхъ, которые руководили этими событіями. Вслѣдствіе раздѣленія церкви превратились въ секты. Между ними завязывалась, какъ и между государствами, постоянная борьба то явная, то скрытая, и Духъ Божій какъ бы покинулъ ихъ всѣхъ. Христіанство въ качествѣ соціальной силы перестало дѣйствовать на людей.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ слѣдующей дилеммѣ: или правительства будутъ упорствовать на прежнихъ заблужденіяхъ и тогда сдѣлаются неизбѣжно жертвою революціи, или они должны рѣши-

---

1) Avec une constitution européenne suffisante, говоритъ авторъ, les pires individus seront forcément de bons souverains; tandisque avec la constitution européenne actuelle, les meilleurs individus ne peuvent être, comme souverains, que victimes ou agents du mal.

тельно приступить безъ отсрочекъ къ введенію на новыхъ началахъ обще-европейскаго устройства. Представителями этой новой системы должны быть признаны епископы, сановники и экономисты, какъ носители въ каждомъ отдѣльномъ народѣ жизни религіозной, юридической и экономической. Религія, право и богатство — таковъ троякій живой источникъ въ будущемъ всѣхъ вольностей національныхъ и обще-европейскихъ, вотъ родникъ, изъ котораго слѣдуетъ черпать всѣ улучшенія въ общественномъ положеніи каждаго изъ насъ, начиная съ государей и кончая послѣдними работниками.

Тройственная организація Европы, по мысли автора, должна покоиться на національностяхъ, въ наше время почти уже сложившихся, и исходить именно отъ правительствъ. Иначе наступятъ войны между расами, національности истребятъ другъ друга, и Европа станетъ жертвою мусульманъ, китайцевъ и американцевъ. Авторъ особенно боится за расы южной и центральной Европы, которые погибнутъ, если не положить конецъ этой вѣчной между ними борьбѣ.

Вотъ почему надъ идеями консерватизма и разрушенія онъ хочетъ водворить совершенно новую идею—творчества. Органы для ея проведенія въ жизнь существуютъ, хотя и въ искаженномъ, подавленномъ видѣ, у всѣхъ народовъ и налаженные, какъ слѣдуетъ, призваны дать, наконецъ, нашей части свѣта свободу и миръ.

Сообразно, какъ сказано, съ тремя областями жизни народовъ, религіозной, политической и экономической авторъ предлагаетъ установить *три обще-европейскихъ совѣта:* національныхъ *церквей*, національныхъ *государствъ* и національныхъ *общинъ*. Первый изъ нихъ долженъ быть воплощеніемъ мудрости и знанія; второй: правды и справедливости, а третій: труда и цивилизаціи.

I. Совѣтъ общинъ долженъ быть организованъ прежде всѣхъ, ибо въ экономической жизни народовъ слѣдуетъ искать прочнаго основанія для предполагаемаго зданія обще-европейскаго устройства. Подъ *общинами же* (communes) авторъ разумѣетъ всѣ столицы современныхъ государствъ, какъ центры политической и умственной ихъ жизни. Онѣ должны бы составить выше названный Совѣтъ общинъ изъ совѣтниковъ по выбору собраній изъ экономистовъ, финансистовъ, промышленниковъ, земледѣльцевъ, торговыхъ и иныхъ палатъ въ каждой столицѣ. Засѣданія его, начиная съ Лондона, происходятъ во всѣхъ этихъ столицахъ по очереди. Не касаясь внутренней хозяйственной жизни народовъ, онъ вѣдаетъ лишь ихъ внѣшнія экономическія отношенія. Предсѣдательство на его засѣданіяхъ принадлежитъ правителю страны, гдѣ они происходятъ. Этотъ предсѣдатель носитъ

титулъ «выборнаго императора» (Empereur arbitral). При обсужденіи каждаго дѣла совѣтъ руководствуется всѣми относящимися къ нему трактатами и конвенціями. Рѣшенія его получаютъ силу закона лишь послѣ разсмотрѣнія ихъ и утвержденія двумя остальными Совѣтами.

Будучи доселѣ въ каждой странѣ средоточіями милитаризма, и централизаціи, а равно органами революціи, эти столицы, чрезъ устройство перваго Совѣта, будутъ разоружены, нейтрализованы и политически освобождены. Являясь суммою и синтезомъ экономическихъ интересовъ народовъ, онѣ естественно должны имѣть право голоса и контроля по всѣмъ вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики.

По отношенію къ этому первому Совѣту слѣдуетъ замѣтить, что не однѣ столицы суть органы экономической жизни народовъ: въ каждой странѣ существуетъ нѣсколько политическихъ и экономическихъ центровъ, вліяніе которыхъ можетъ иной разъ соперничать съ значеніемъ и вѣсомъ столицы. Зачѣмъ же ихъ исключать изъ этого сонма Cités-Mères, какъ называетъ авторъ столицы? Кромѣ того, мы не видимъ внутренняго основанія признавать *города* какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ *международной* организаціи.

II. Совѣтъ государствъ долженъ вытекать изъ состава національныхъ магистратуръ, въ наше время почти одинаковыхъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, кромѣ Россіи. Вездѣ установились начала представительнаго государства, но, за исключеніемъ Англіи и небольшихъ европейскихъ государствъ, они вездѣ представляются автору не болѣе, какъ опасные призраки. Эти начала и формы подвергаются нападеніямъ и нарушеніямъ то со стороны правителей, если они сильны, то, въ противномъ случаѣ, со стороны революціонеровъ. Будучи компромиссами между главою государства и народомъ, конституціонныя учрежденія могутъ быть названы двойною ложью, какъ съ точки зрѣнія монархическаго принципа, такъ и во имя республиканскаго начала, ибо они мѣшаютъ проявленію столько же энергіи государя, сколько и настоящей воли народа. Вслѣдствіе этого борьба между обоими принципами ведется непрестанно, но путями косвенными, лицемѣрными и деморализующими. съ одной стороны, мы видимъ полицію, подкупы на выборахъ, систему застращиванія; съ другой — эксплоатированіе невѣжества массъ. Не менѣе призрачна и роль, приписываемая обѣимъ палатамъ. Верхняя палата есть въ сущности маскированный государственный совѣтъ; нижняя, на которую возлагаютъ столько тщетныхъ надеждъ массы, стремится стать въ постоянную оппозицію къ правительству, ведя правильныя осады противъ

министерствъ, вѣчно смѣняемыхъ, и даже противъ самого государства съ его военными и финансовыми кадрами.

Совѣтъ государствъ составляется такъ, что въ каждой столицѣ весь составъ служебнаго персонала (tout le corps de la magistrature nationale) назначаетъ совѣтниковъ, имѣющихъ быть его членами. Онъ вѣдаетъ: публичное право, международную юстицію, заключеніе общихъ и частныхъ трактатовъ, преобразованіе дипломатіи въ постоянную и обще-европейскую магистратуру, вопросы морскаго права, колонизацію внѣ-европейскихъ странъ, нейтрализацію столицъ, границъ, морей, островов и колоній, а равно ему поручается выработка кодексовъ: колоніальнаго и общихъ законовъ вновь симъ учреждаемой имперіи цивилизаціи (code de l'Empire européen de la Civilisation, которая, въ мысляхъ автора, должна замѣнить донынѣ существующую «République antisociale des Etats»).

Въ началѣ своихъ работъ названный Совѣтъ руководствуется также всѣми существующими трактатами по занимающимъ его вопросамъ, но онъ можетъ пользоваться и римскимъ правомъ, не связываясь, однако, лишь буквальнымъ толкованіемъ его началъ. При этомъ онъ смотритъ на добровольно соединившіеся народы, какъ на юридическія лица.

Выработавъ обще-европейскую конституцію, публичное право и выше названный кодексъ имперіи, совѣтъ преобразуется *въ жюри*, или въ нѣкій *верховный судъ*, составленный изъ министровъ юстиціи, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ отдѣльныхъ соединенныхъ народовъ. Этому жюри подсудны споры между народами и династіями въ высшемъ аппелляціонномъ порядкѣ (поэтому, авторъ называетъ его Jury d'appel supra-national et supra-dynastique). Правители государствъ составляютъ *обще-европейское министерство*, предсѣдательство въ которомъ принадлежитъ такъ же, какъ и въ первомъ Совѣтѣ, главѣ государства, гдѣ оно собирается, и съ тѣмъ же титуломъ. Рѣшенія и всѣ законы, исходящіе отъ этого Совѣта, нуждаются также въ разсмотрѣніи двумя остальными Совѣтами.

Мы признаемъ устройство этого, очевидно, *политическаго* и *юридическаго* органа международнаго союза крайне неудовлетворительнымъ и смутно обдуманнымъ. Что значитъ, во первыхъ, что члены его избираются всѣмъ составомъ національныхъ магистратуръ? Можно ли такъ широко и неопредѣленно очертить кругъ избирателей? Ничего яснаго изъ этого не вынесетъ читатель. Предметы вѣдомства разбираемаго совѣта также чрезвычайно разнообразны и разнохарактерны. Законодательное собраніе превращается въ судъ. Но развѣ это дѣя-

тельности столь тождественныя и однородныя, что лица, работавшія надъ составленіемъ законовъ, могутъ потомъ оказаться способными и прилагать ихъ къ конкретнымъ случаямъ? Кромѣ того, кто будетъ замѣнять судъ, пока законы будутъ вырабатываться, на что могутъ потребоваться долгіе годы? Можно ли неудачнѣе представить себѣ это высшее судилище на землѣ, составленное изъ министровъ? Никакіе министры по существу дѣла неспособны въ немъ засѣдать, а всего менѣе министры внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, не изучающіе спеціально право.

Много напрашивается еще другихъ возраженій, но достаточно и приведенныхъ, чтобы показать, какой авторъ плохой юристъ, да и вообще мыслитель.

Послѣднее наше утвержденіе мы основываемъ особенно на разсмотрѣніи третьяго завершительнаго совѣта.

III. Совѣтъ церквей. Сбивчивость и путаница понятій въ этомъ пунктѣ у автора достигаетъ своего апогея. Подъ національною церковью онъ разумѣетъ совокупность учащаго персонала въ народѣ, не дѣлая различія между всѣми отраслями *знанія*, между областями *искусства* и, наконецъ, между какими бы то ни было формами *религій* и *культа*, лишь бы послѣднія были дозволены гражданскимъ закономъ. Къ учащимъ въ этомъ широкомъ смыслѣ онъ относитъ преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній (академій, университетовъ, школъ каждаго рода и наименованія) и всѣхъ предметовъ безразлично.

Это столь странное понятіе, что не нуждается въ опроверженіи.

Глава такъ понимаемой національной церкви называется примасомъ. Совѣтъ церквей составляютъ по праву этотъ примасъ вмѣстѣ съ министрами народнаго просвѣщенія и военнымъ каждаго народа. Военный министръ приглашается въ качествѣ начальника военныхъ школъ и арміи. Очевидно, ни то, ни другое положеніе не даютъ ему ни малѣйшаго права засѣдать *въ церковномъ* или, пожалуй, *въ ученомъ* собраніи. Во главѣ разбираемаго совѣта авторъ желалъ бы видѣть папу какъ настоящаго главу всемірной церкви. Думаемъ, что никогда ни одинъ папа этого почетнаго званія не приметъ, ибо оно равносильно съ утратою не только его положенія какъ папы, но и всѣхъ его религіозныхъ убѣжденій.

Намъ нечего входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе устройства и дѣятельности этого совѣта. Кругъ его вѣдомства такъ же необъятенъ, разнохарактеренъ и не осуществимъ, какъ и задачи, ставимыя двумъ первымъ совѣтамъ.

По мысли автора, религіи, какъ соціальной силѣ, должна принадле-

жать власть, освящающая и утверждающая. Но облеченные этою властью, чисто духовною (autorité), ея служители не должны имѣть никакой власти земной (pouvoir). Напрасно только къ произвольно созданному имъ понятію онъ прилагаетъ слово «религія», обозначающее нѣчто совершенно иное.

Іисусъ Христосъ, Евангеліе, освящающая власть епископовъ, космогонія Моисея и Десятословіе—таковы основныя истины, на счетъ которыхъ люди могутъ и обязаны придти къ соглашенію. Во всѣхъ остальныхъ догматическихъ и обрядовыхъ формахъ онъ видитъ не болѣе, какъ произведенія политики. Если, восклицаетъ онъ, христіанъ доселѣ раздѣляютъ ихъ догматы, они, во имя же своей вѣры должны ихъ отмѣнить. Христосъ не училъ никакимъ догматамъ кромѣ—двумъ—единства Божьяго и единства человѣчества. Пока ваши церкви между собою враждуютъ и предаютъ другъ друга анаѳемѣ—онѣ сами всѣ находятся въ ереси и расколѣ. Христосъ заповѣдалъ апостоламъ не владычество, а любовь.

И тутъ нѣкоторыя свѣтлыя мысли перепутываются и заглушаются лжемудрованіями. Конечно, христіанамъ слѣдуетъ желать болѣе усиленнаго воздѣйствія церкви на всѣ стороны общественной и частной жизни. Это недостижимо безъ установленія между церквами болѣе живаго и постояннаго обмѣна мыслей и сношеній и даже безъ стремленія ихъ къ возсоединенію. Такимъ возсоединеніемъ христіанство лучше всего засвидѣтельствуетъ свою божественность и неопровержимѣе всего отвѣтитъ на современное невѣріе, но совершенно неосновательно, на нашъ взглядъ, *устройство религіозной и умственной жизни* народовъ вводить, какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ, *въ международную организацію*.

Великимъ различнымъ областямъ человѣческаго бытія и духа должны соотвѣтствовать и съ самою природою этихъ областей согласованные, различные органы и нормы. Вырабатывая ихъ, мы должны слѣдовать указаніямъ исторіи и опыта, а не увлекаться субъективными мечтаніями.

Какъ ни произвольны и ни странны построенія автора, но онъ правъ, настаивая на необходимости международной организаціи и утверждая, что лишь съ ея введеніемъ станетъ возможнымъ постепенное разоруженіе государствъ и утвержденіе въ нихъ не призрачной только, а дѣйствительной свободы и мира. Возражая на нѣкоторыя замѣчанія, которыя ему могутъ быть сдѣланы, онъ прежде всего ставитъ на видъ, что проектъ его не уничтожаетъ патріотизма, а даетъ ему болѣе глубокое и возвышенное направленіе. Также не

уничтожаетъ онъ вооруженной силы народовъ, но намѣчаетъ ей три вполнѣ законныя и соціальныя цѣли: охрану внутренняго спокойствія въ каждомъ государствѣ, санкцію обще-европейскихъ законовъ и, наконецъ, распространеніе власти и цивилизаціи Европы на всѣ племена земнаго шара. Дѣйствительно, эти цѣли всегда будутъ требовать присутствія вооруженной силы, которая только въ международной организаціи должна получить *новое строго-международное устройство*. Но объ этомъ пунктѣ авторъ не распространяется болѣе.

Предлагаемая имъ организація не только призвана дать нашей части свѣта миръ и возможность всесторонняго развитія, но и предотвратить отъ нея опасность наводненія и порабощенія ея полуварварскими племенами Азіи и Африки. Нами же обучаемые, говоритъ онъ, въ наукахъ истребленія, они рано или поздно вышлютъ на насъ не милліонъ, а двадцать милліоновъ дикихъ и фанатичныхъ, какъ мусульмане, воиновъ, которые, пользуясь вѣчными раздорами европейскихъ народовъ, повторятъ съ нами то, что сдѣлали варвары съ римскою имперіею.

Своей организаціи авторъ даетъ новое имя: *европейской Синархіи*. Онъ полагаетъ, что она будетъ теократіею, ибо послѣдняя — единственно соціальная форма правленія. Опять странное смѣшеніе понятій! Принципъ теократіи онъ видитъ въ религіи, но мы уже знаемъ, что онъ разумѣетъ подъ послѣдней и, кромѣ того, онъ прибавляетъ, что столь желаемая имъ теократія не создастся, если не произойдетъ отъ самихъ народовъ.

Съ какихъ поръ въ *волѣ народовъ* стали отыскивать источникъ *религіозныхъ, теократическихъ истинъ!*

Европейская Синархія, заключаетъ авторъ, повлечетъ, будто бы, за собою повсемѣстное установленіе *національныхъ Синархій*, три верховные совѣта которой, такимъ образомъ, со временемъ замѣнятъ современныя формы представительнаго государства.

41. **Lorimer.** *The ultimate problem of international Jurisprudence*, въ II т. его *The Institutes of the Law of Nations* (1884), p. 181—287 [1]).

Важнымъ вопросомъ о международной организаціи Лоримеръ занимался неоднократно. Еще въ 1871 г. онъ напечаталъ въ Revue de droit international статью о международномъ конгрессѣ; въ 1877 г. помѣстилъ въ томъ же журналѣ нѣсколько измѣненный и болѣе подробно выработанный проектъ международнаго устройства. Мысли

---

[1]) Во франц. перев. *Ниса* (1885), стр. 281—365.

свои объ этомъ онъ соединилъ наконецъ въ одно цѣлое въ послѣдней «пятой» книгѣ своего «Элементарнаго курса международнаго права».

Прежде всего нельзя съ нимъ не согласиться въ томъ, что вопросъ, насъ теперь занимающій, составляетъ дѣйствительно высшую и конечную проблемму международнаго права, изученіе которой должно бы завершать каждый курсъ этого предмета. Вмѣстѣ съ Блюнчли, котораго авторъ называетъ величайшимъ интернаціоналистомъ нашихъ дней, онъ полагаетъ, что изученіе этой задачи неотразимо и представляется въ той или иной формѣ на каждомъ шагу тому, кто серьезно вникаетъ въ нашъ предметъ.

Вѣря въ усовершимость человѣка, Лоримеръ хотя и допускаетъ возможность вѣчнаго мира въ условіяхъ нашего земнаго бытія, но оговаривается, что эта цѣль лежитъ внѣ сферы положительнаго международнаго права. Все, къ чему можно и должно стремиться, это— чтобы въ международной области окончательно восторжествовалъ и утвердился *порядокъ надъ анархіею*. Въ государственной жизни этотъ результатъ уже давно достигнутъ, благодаря, главнымъ образомъ, содѣйствію трехъ факторовъ: законодательной власти, судебной и исполнительной. Можно ли ихъ перенести на международную почву и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, какую дать имъ организацію?

Задача, такъ ставимая, вполнѣ осуществима: она не противорѣчитъ никакимъ фактамъ или законамъ природы. Государства, въ наше время, достигли той степени развитія, когда юридическое устройство ихъ совмѣстной жизни сдѣлалось необходимостью, но они вѣроятно никогда не будутъ на столько цивилизованны, чтобы обходиться безъ всякихъ узъ, налагаемыхъ положительными законами. На практикѣ, конечно, представится при осуществленіи указываемой цѣли много затрудненій, но за послѣднее пятидесятилѣтіе международная, такъ сказать, атмосфера значительно сгустилась и надо только устранить въ обществѣ тѣ предразсудки и невѣрныя воззрѣнія, которыя все еще господствуютъ на этотъ счетъ, чтобы сдѣлать международную организацію возможною въ не очень отдаленномъ будущемъ.

Попытки, которыя доселѣ дѣлались въ этомъ направленіи, авторъ дѣлитъ на двѣ группы: косвенныя и прямыя. Къ первымъ онъ относитъ: теорію политическаго равновѣсія, третейскій судъ, который едва ли вѣрно называетъ научнымъ рѣшеніемъ задачи, попытки: экономическую, религіозную и педагогическую. Прямыя же попытки были сдѣланы въ проектахъ Генриха IV, французскаго аббата Сен-Пьера, Руссо, Канта, Бентама, и авторомъ сочиненія «О призваніи государей».

На теоріи политическаго равновѣсія Лоримеръ останавливается всего подробнѣе. Онъ доказываетъ ея внутреннюю несостоятельность создать хотя бы подобія факторамъ законодательному, судебному и исполнительному, но идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что она «съ начала до конца была не болѣе какъ провозглашеніемъ международной анархіи». Не лучшаго почти мнѣнія онъ и о третейскомъ судѣ. До тѣхъ поръ, пока его рѣшенія не будутъ подкрѣпляемы стоящею за ними организованною силою, они какъ бы не выйдутъ изъ области чисто научной, представляя столько же гарантій къ ихъ выполненію, какъ, напр., поученія съ каѳедры какого либо проповѣдника или профессора. Многіе полагаютъ, что эти рѣшенія должны своимъ предметомъ имѣть менѣе важные споры между народами и не затрогивать вопросовъ, касающихся ихъ національной чести и независимости. Но такіе споры рѣшала доселѣ не менѣе справедливо, но зато вѣрнѣе и болѣе экономичнымъ образомъ дипломатія. А третейскій судъ подобнымъ воззрѣніемъ низводится просто на степень способа удостовѣренія фактовъ, оцѣнки убытковъ и т. п. И въ самомъ дѣлѣ, такою лишь ролью отличился онъ и въ пресловутомъ Алабамскомъ дѣлѣ! Вашингтонскій трактатъ, а не Женевскій приговоръ предупредилъ войну между Англіею и Америкой и даже этотъ договоръ никогда не состоялся бы, если бы до него общественное мнѣніе въ Англіи твердо не рѣшило не быть войнѣ!

Кто не видитъ въ этихъ утвержденіяхъ цѣлаго ряда софизмовъ, до которыхъ Лоримеръ большой охотникъ?

Третейскія рѣшенія, связывающія честнымъ словомъ правительства, едва ли можно ставить на одну доску съ субъективными научными мнѣніями, и если бы дипломатія всегда признавалась способною рѣшать хотя бы даже не особенно важные споры, все современное движеніе въ пользу третейскаго суда не имѣло бы разумнаго основанія. Спеціально въ Женевѣ ожесточеніе между сторонами достигло одно время, благодаря спору о косвенныхъ убыткахъ, крайняго напряженія и было прекращено только благоразуміемъ и твердостью третейскаго суда. Если же думать, что онъ тогда былъ лишнимъ, то спросимъ, зачѣмъ же дипломатія не разсѣяла ранѣе броженія, господствовавшаго между Англіею и Америкою впродолженіе семи лѣтъ?

Усиленіе религіознаго чувства въ массахъ и улучшенія въ ихъ воспитаніи не приведутъ, по справедливому замѣчанію автора, къ отмѣнѣ войны. Этими способами уменьшится вражда между народами, но необходимость международной организаціи останется въ такой же силѣ, какъ и необходимость организаціи національной.

Вышеприведенныхъ писателей Лоримеръ разбираетъ очень коротко и поверхностно, слѣдуя, большею частію, анализу, дѣлаемому о нихъ Витономъ. Особенно онъ не понялъ проекта Канта. О Сарторіи даже и не упоминаетъ. Въ довольно лестныхъ выраженіяхъ говоритъ о мнимо-царственномъ авторѣ книги «О призваніи государей» [1]). Однако планъ его въ цѣломъ онъ находитъ недостаточно выработаннымъ, чтобъ вызвать опредѣленное о немъ мнѣніе. Впрочемъ онъ представляется ему совершенно новымъ и слишкомъ мало согласованнымъ съ современнымъ политическимъ строемъ народовъ. Понятіе его о церкви Лоримеръ называетъ столь широкимъ, какъ можно только желать съ точки зрѣнія либерализма.

Какъ бы то ни было, но всѣ эти практическія попытки и теоретическіе планы не удались, вслѣдствіе ихъ двоякой невозможности: абсолютной и относительной. Они были невозможны абсолютно потому, что стояли въ противорѣчіи съ фактами и законами природы. Они пытались установить *равенство* между государствами, забывая, что ихъ неравенство также неизбѣжно, какъ неравенство между общественными классами и отдѣльными индивидами. Кромѣ того, они стремились придать фактическимъ отношеніямъ, которыя установлялись между народами въ извѣстную эпоху, характеръ *законченности* и *неизмѣняемости*, а измѣняемость есть законъ всего живаго и слѣдовательно и жизни государствъ.

Препятствія же въ этихъ проектахъ относительныя, т. е. съ теченіемъ времени устранимыя, Лоримеръ видитъ въ томъ, что предшественники его не достаточно установляли связь между законодательствами національнымъ и международнымъ и не выставляли необходимости ограниченія вооруженныхъ силъ народовъ.

Въ первомъ отношеніи онъ желаетъ чтобы члены международнаго законодательнаго собранія не назначались правительствами, а избирались національными палатами и, въ видахъ укрѣпленія между государствами взаимной симпатіи, они должны быть многочисленны. Многіе жалѣютъ, что вся иностранная политика вручается дипломатамъ, которые, окружая себя таинственностію, любятъ избѣгать отвѣтственности предъ общественнымъ мнѣніемъ. На эту тему завязались въ 1881 г. интересныя пренія въ англійскомъ парламентѣ. Гладстонъ, отвѣчая тогда Ричарду, поставилъ на видъ, что публичность, отличающая, благодаря печати и телеграфу, всѣ дѣйствія парламента, лишаетъ послѣдній той пользы, которую отъ него можно

---

[1]) Мнѣніе это совсѣмъ опущено во франц. переводѣ.

бы ожидать какъ отъ совѣтчика короны въ переговорахъ съ иностранными дворами. Затѣмъ народные представители, подобно самимъ народнымъ массамъ бываютъ обыкновенно гораздо менѣе терпѣливы и осмотрительны, нежели органы исполнительной власти, и эти недостатки могутъ отразиться и на дѣлахъ, если веденіе послѣднихъ будетъ поставлено подъ бо́льшій, сравнительно съ теперешнимъ, контроль парламента. Намъ нужно, добавилъ Гладстонъ, не исправленіе способовъ контроля центральной власти надъ нашими агентами заграницею, а исправленіе привычекъ и воззрѣній самого верховнаго правительства, т. е, чтобы мы были менѣе надменны и требовательны и признавали за всѣми другими государствами тѣ же права, которыхъ требуемъ для себя.

Не оспаривая вѣскости нѣкоторыхъ изъ этихъ доводовъ, Лоримеръ замѣчаетъ однако справедливо, что именно существующая практика международныхъ дѣлъ не призвана измѣнить къ лучшему привычекъ и воззрѣній правительствъ и народовъ. Въ самомъ дѣлѣ таинственность окружаетъ событія до тѣхъ поръ, пока они, не сдѣлавшись совершившимися фактами, теряютъ всякій интересъ для публики. Въ этомъ незнаніи вопросовъ международной политики слѣдуетъ искать настоящую причину то безучастія, то страстности, съ которыми поочередно относится къ нимъ большинство населенія даже въ странахъ высоко-образованныхъ, такъ легко вовлекаемое въ самыя разорительныя войны или дающее свое согласіе на израсходованія громаднѣйшихъ суммъ для приготовленія къ такимъ войнамъ. Но если бы государства согласились вмѣсто назначенія немногихъ агентовъ, зависящихъ только отъ правительствъ посылать, напр., лицъ двадцать, обязанныхъ сообразоваться съ народною волею, для веденія порученныхъ имъ дѣлъ, то, безспорно, возникли бы совершенно новые элементы для воспитанія народовъ въ духѣ взаимнаго мира и солидарности. Еще труднѣе осуществленіе втораго пункта—склонить государства заключить *общій трактатъ о разоруженіи*—или, говоря иначе, о приведеніи ихъ вооруженныхъ силъ до нормы, требуемой лишь поддержаніемъ внутренняго порядка, и исполненіемъ международныхъ обязательствъ. Въ противномъ случаѣ, государство, наиболѣе могущественное, всегда будетъ ощущать искушеніе разрушить международную организацію, если воля послѣдней придетъ въ столкновеніе съ его волею. Созданіе же такой международной принудительной силы, которой не въ состояніи были бы противостоять ни одно изъ отдѣльныхъ государствъ ни многія изъ нихъ въ соединеніи—оказалось бы крайне опаснымъ для внутренней свободы и не-

зависимости народовъ. Это было бы, пожалуй, средствомъ худшимъ того зла, противъ котораго оно должно направиться. Объ этотъ камень разбилось не мало проектовъ международной организаціи!

Какъ бы то ни было, но Лоримеръ вѣритъ въ возможность и пользу одновременнаго и пропорціональнаго разоруженія государствъ по соглашенію между ними. Онъ указываетъ на то, что въ наши дни не только филантропы, но и многіе практическіе государственные люди, какъ-то Пиль, Пальмерстонъ пришли къ сознанію неотложности этой реформы. Въ особенности Робертъ Пиль спрашиваетъ въ одной рѣчи: «какую собственно пользу извлекаютъ государства изъ этой безумной конкурренціи въ вооруженіяхъ? Усиливая свои войска и флотъ, они побуждаютъ къ тому же и своихъ сосѣдей и соотношеніе между ихъ силами мѣняется гораздо менѣе, нежели степень ихъ обѣдненія отъ этихъ непроизводительныхъ затратъ. Всѣ вооружаются въ перегонку, будто живутъ во время не мира а войны. Если правительства не могутъ посредствомъ общаго соглашенія ограничить это зло, то хотя бы общественное мнѣніе Европы вступило съ энергіею въ борьбу съ нимъ?

Извѣстный поборникъ идеи разоруженія Генри Ричардъ во время своего путешествія по Европѣ съ цѣлію ея пропаганды нашелъ много себѣ сочувствія среди населенія Франціи, Бельгіи, Италіи и даже Германіи. Рано или поздно, но государства будутъ приведены къ заключенію трактата о разоруженіи и то, которое возьмемъ на себя въ этомъ дѣлѣ починъ, покроетъ себя, по словамъ Бентама, безсмертіемъ. *Но вопросъ о разоруженіи тѣсно и неразрывно связанъ съ вопросомъ о международной организаціи.* Они могутъ быть осуществлены совмѣстно, а не раздѣльно. Государства рѣшатся приступить къ уменьшенію своихъ боевыхъ силъ, когда эта организація дастъ имъ ручательства въ томъ, что серьезныя цѣли, ради которыхъ они содержатъ свои войска, вполнѣ достижимы и при несравненно меньшихъ, съ ихъ стороны усиліяхъ.

Цѣлей же этихъ три: національная безопасность; цивилизованіе полу-образованныхъ и необразованныхъ племенъ и удостовѣреніе международнымъ способомъ успѣховъ, достигнутыхъ народомъ въ его внутренней жизни (т. е. новое размѣщеніе такъ называемаго политическаго равновѣсія).

Такъ какъ пропорціональное разоруженіе оставитъ относительныя силы государствъ въ прежнемъ положеніи, то международная организація придастъ ихъ существованію новую гарантію, ибо сдѣлаетъ ихъ солидарными въ поддержаніи этого порядка. Нечего будетъ тогда на-

родамъ разсчитывать только на собственныя свои силы и отъ этого болѣе всего выиграютъ слабѣйшіе изъ нихъ, поддерживающіе свое существованіе, при современныхъ условіяхъ, лишь благодаря взаимному недовѣрію и нерасположенію сильныхъ.

Цивилизованіе полудикихъ племенъ въ другихъ частяхъ свѣта не возбраняется ни одному европейскому государству, но о силѣ своихъ колоніальныхъ армій оно было бы обязано доносить международному собранію, которое должно имѣть и надъ этимъ право контроля.

Самый трудный пунктъ, безспорно, третій, но авторъ вѣритъ въ возможность рѣшать и его со временемъ мирно. Онъ проводитъ остроумную аналогію (о вѣрности которой, конечно, можно спорить) между жизнію индивидовъ въ государствѣ и жизнію политическихъ личностей (государствъ) въ международномъ союзѣ. Въ частномъ быту мы видимъ постоянную, непрерывающуюся борьбу изъ за жизни, т. е. изъ за всѣхъ ея благъ, и эта борьба, въ началѣ цивилизаціи, бывшая весьма насильственная и кровавая, подъ охраною государства и его законовъ превратилась въ общемъ въ *мирное состязаніе* между людьми, столь различными по своимъ дарованіямъ, потребностямъ и положеніямъ. Ежедневно идетъ бой изъ за жизни между людьми у экзаменаціонныхъ столовъ, въ печати, въ судѣ, политическихъ собраніяхъ, банкирскихъ конторахъ и т. п. Въ каждомъ обществѣ способная голова и сильныя руки ищутъ себѣ приложеніе, но превосходство свое надъ конкуррентами они утверждаютъ, не прибѣгая къ грубой силѣ, какъ дѣлаютъ однако доселѣ государства въ своемъ взаимномъ соперничествѣ. Сильнѣйшій будетъ всегда порабощать слабѣйшаго и съ успѣхами цивилизаціи эта зависимость послѣдняго отъ перваго будетъ только усиливаться, но призваніе права въ томъ и состоитъ, чтобы *превосходство сильнаго надъ слабыми могло утверждаться мирно и все къ большему благу послѣднихъ.*

Для такого превращенія борьбы между людьми изъ насильственной въ мирную изобрѣли мѣрило, посредствомъ котораго силы каждаго изъ нихъ удостовѣряются и могутъ получить фактическій, а затѣмъ и юридическій перевѣсъ, не приходя въ враждебное, насильственное столкновеніе другъ съ другомъ. Для оцѣнки физическихъ силъ и матеріальныхъ благъ такимъ мѣриломъ назначены деньги; для благъ умственныхъ и нравственныхъ существуютъ иные болѣе тонкіе способы оцѣнки, но важно, чтобы и они были указаны и опредѣлены законами. Такимъ образомъ, внутри цивилизованныхъ обществъ люди борятся мирно посредствомъ денегъ, замѣнившихъ имъ свинецъ и порохъ. Враждебныя арміи, на которыя они дѣлятся, состоятъ съ одной

стороны изъ покупателей и кредиторовъ, съ другой изъ продавцевъ и должниковъ. Первые могутъ быть названы побѣдителями;—вторые—побѣжденными, нерѣдко кончающими несостоятельностію и принудительною распродажею ихъ послѣдняго добра. Общественная же власть въ этомъ процессѣ предоставляетъ фактическимъ силамъ полную возможность высказаться, даетъ имъ юридическое признаніе, а если нужно подкрѣпляетъ своею уже организованною силою господство превосходнѣйшихъ изъ нихъ. Тотъ же процессъ посредствомъ международной организаціи долженъ облегчить и преобразовать въ мирную борьбу и состязаніе между государствами. Величина и трудность международныхъ оборотовъ требуетъ только соотвѣтственнаго расширенія и усиленія факторовъ, призванныхъ ихъ рѣшать. Когда они установились бы, мы можемъ понять, что при необходимости территоріальныхъ измѣненій, таковыя будутъ совершаться мирно; въ случаѣ экономической несостоятельности какого либо правительства, надъ нимъ будетъ учреждаться международная опека и т. д. Лоримеръ самъ полагаетъ, что мысли его могутъ показаться многимъ фантастичными, но исходная его точка должна быть признана вѣрною, что *лишь установленіе международнаго устройства сдѣлаетъ возможнымъ постепенное и добровольное разоруженіе*. Отъ этого главнаго вопроса авторъ переходитъ къ нѣкоторымъ детальнымъ: о международныхъ резиденціи и языкѣ. Прежде для мѣста пребыванія обще-европейскаго правительства онъ рекомендовалъ Константинополь — выборъ очевидно неудачный, какъ по отдаленности этого города отъ остальной Европы, такъ, и еще гораздо болѣе, по многочисленнымъ на него притязаніямъ различныхъ народовъ. Наконецъ азіатскій характеръ его менѣе всего дѣлаетъ его пригоднымъ для этой высокой цѣли. Теперь Лоримеръ лишь отчасти одобряетъ проектъ Блюнчли о томъ, чтобы международные органы по очереди пребывали въ второстепенныхъ городахъ центральной Европы, отличающихся однако своею высокою умственною и общественною жизнію. Мысль эта, прекрасная для научныхъ собраній, едва ли приложима къ правительственнымъ органамъ, требуя ихъ, на практикѣ весьма неудобнаго, постояннаго перемѣщенія. Вотъ почему въ результатѣ авторъ склоняется къ мысли, чтобы международною столицею была объявлена *Женева*, городъ въ нашей части свѣта довольно центральный, стоящій въ сторонѣ отъ политическихъ теченій, волнующихъ столицы, но между тѣмъ искони отличавшійся умственною и политическою дѣятельностію своихъ гражданъ. Во всякомъ случаѣ столицу обще-европейскаго правительства слѣдуетъ назначить въ одномъ изъ городовъ Швейцаріи или Бельгіи. Нельзя также не со-

гласиться и съ предложеніемъ автора относительно языка. Онъ желалъ бы, чтобы на степень *языка международнаго* былъ возведенъ французскій, уже болѣе столѣтія молчаливо признаваемый въ этомъ качествѣ дипломатами и отличающійся такою точностію и ясностію. Необходимость такого общаго языка для всѣхъ международныхъ оборотовъ (какъ политическихъ, такъ и умственныхъ) въ наши дни не можетъ быть оспариваема. Отъ этого выиграли бы рѣшительно всѣ. На такомъ языкѣ велись бы пренія во всѣхъ международныхъ собраніяхъ, на немъ печатались бы всѣ политическіе документы и акты, а равно всѣ сочиненія по международному праву. Каждый европеецъ могъ бы тогда довольствоваться основательнымъ изученіемъ этого языка наравнѣ съ тѣмъ, который для него родной. Вмѣсто безсмысленнаго измышленія для этихъ цѣлей «волапюка» слѣдовало бы прямо согласиться на счетъ принятія всѣми французскаго языка какъ международнаго. Но, оговаривается Лоримеръ, для того, чтобы эта мѣра не поставила въ слишкомъ привиллегированное положеніе прирожденныхъ французовъ, можно, наравнѣ съ ихъ рѣчью, допустить факультативное употребленіе языковъ англійскаго, нѣмецкаго и итальянскаго. Онъ мечтаетъ даже о воскресеніи латинскаго посредствомъ изданія на немъ газетъ. Мысль болѣе чѣмъ странная: въ виду богатства современныхъ живыхъ языковъ, нечего заботиться объ искусственномъ оживленіи этого великаго покойника!

Собственный планъ международной организаціи Лоримера состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ отличаетъ *четыре* отрасли верховной власти: законодательную, судебную, исполнительную и финансовую [1]). Очевидно послѣднюю нечего отдѣлять отъ третьей и странно главу о бюро или министерствѣ помѣщать въ отдѣлѣ о власти законодательной. Два фактора составляютъ эту власть: *сенатъ и палата представителей*. Число *сенаторовъ* въ три раза менѣе числа народныхъ представителей. Они назначаются пожизненно короною или иною высшею въ государствѣ властію совмѣстно съ верхнею палатою, гдѣ таковая существуетъ. Имъ предоставляется почетный титулъ, передаваемый по наслѣдству ихъ мужскимъ наслѣдникамъ безъ всякой однако иной политической привиллегіи. Избираемые изъ лучшихъ и богатѣйшихъ аристократическихъ семей, они не получаютъ никакого вознагражде-

---

[1]) Этотъ планъ, по его мысли, государства принимаютъ на основаніи трактата, въ которомъ прежде всего обязуются ограничить одновременно и пропорціонально свои боевыя силы, но такъ, чтобы послѣднія соотвѣтствовали внутреннимъ потребностямъ каждаго изъ нихъ и не измѣнили соотношенія въ ихъ установившемся могуществѣ.

нія и имѣютъ каждый не болѣе одного голоса. Сенаторы должны быть не моложе 30 лѣтъ.

Члены *нижней палаты* избираются либо нижними палатами, гдѣ ихъ двѣ, либо единою существующею палатою, либо, за отсутствіемъ этихъ органовъ, верховнымъ правительствомъ вообще. Ихъ должно быть втрое болѣе сравнительно съ сенаторами. Каждая изъ шести великихъ державъ Европы назначаетъ по пяти сенаторовъ и по пятнадцати представителей. Остальныя государства избираютъ ихъ въ меньшемъ числѣ, сообразно съ своимъ международнымъ вѣсомъ или значеніемъ, опредѣляемымъ по величинѣ ихъ населенія, территоріи, чистыхъ доходовъ и по инымъ элементамъ, которые имѣютъ быть установленными представителями великихъ державъ. Депутаты, какъ и сенаторы, имѣютъ по одному голосу. Сроки ихъ полномочій опредѣляются пославшими ихъ государствами [1]). Одни получаютъ довольно высокое вознагражденіе за каждую сессію. Палата сама избираетъ своего предсѣдателя.

Можно спорить о томъ, должно ли международное *законодательное* собраніе, которое вѣрнѣе всего называть *конгрессомъ*, состоять изъ двухъ или изъ одной палаты? Въ пользу его двойственности можно привести то соображеніе, что верхняя палата должна быть органомъ правительствъ; а нижняя—народнаго представительства въ Европѣ. Но не внесетъ ли этотъ дуализмъ слишкомъ много розни въ дѣятельность конгресса и не лучше ли признать указанные элементы только его составными частями, которыя не должны подрывать его высшаго единства?

Къ *предметамъ вѣдомства* законодательныхъ собраній относятся всѣ дѣла о передачѣ территорій и исправленіи границъ (рѣшаемыя ими либо непосредственно, либо передачею въ международный судъ); вопросы о междуусобныхъ войнахъ въ отличіе отъ простыхъ мятежей, причемъ сами эти собранія рѣшаютъ, какія вооруженныя дѣйствія массъ относятся къ одной или къ другой категоріи; вопросы о займахъ, сдѣланныхъ государствами у частныхъ лицъ или у иностранныхъ правительствъ. Въ случаѣ несостоятельности государство лишается голоса въ законодательныхъ палатахъ. Вѣдѣнію послѣднихъ не подлежатъ: всѣ внутренне-государственные вопросы (причемъ однако эти палаты опредѣляютъ, какія дѣла имѣютъ этотъ или собственно-международный характеръ), а равно вопросы о колоніяхъ

---

[1]) Едвали вѣрное постановленіе: сроки должны быть однообразны для всѣхъ депутатовъ.

и владѣніяхъ европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта, развѣ представители этихъ странъ будутъ допущены въ составъ законодательныхъ собраній на равныхъ съ европейскими правахъ.

Порядокъ *внутренняго дѣлопроизводства* въ международныхъ собраніяхъ вводится такой же, какъ въ національныхъ палатахъ.

Всякая мѣра, одобренная большинствомъ обѣихъ палатъ, становится *закономъ*, если получитъ утвержденіе президента. Въ случаѣ двоякаго отказа, со стороны послѣдняго какому либо постановленію палатъ, оно вносится въ бюро и, если принимается большинствомъ голосовъ его, превращается въ законъ.

Международный судъ дѣлится на двѣ палаты: гражданскую и уголовную. Судьи назначаются Бюро въ числѣ 15 человѣкъ, изъ которыхъ шестеро должны принадлежать великимъ державамъ (изъ каждой по одному). Предсѣдателю, при раздѣленіи голосовъ, дается рѣшающее слово. Съ начала судьи избираются изъ членовъ высшихъ судовъ отдѣльныхъ государствъ, а со временемъ изъ членовъ международной адвокатуры. Они назначаются пожизненно, получаютъ содержаніе высшее, чѣмъ какое имѣютъ члены какихъ бы то ни было національныхъ судовъ, пользуются званіемъ и наслѣдственными почестями сенаторовъ, но не могутъ занимать никакой иной судебной или политической должности съ государственнымъ или международнымъ характеромъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ обѣ палаты соединяются и постановляютъ рѣшеніе большинствомъ голосовъ. Вопросы частнаго международнаго права подлежатъ разсмотрѣнію этого соединеннаго засѣданія лишь въ аппелляціонномъ порядкѣ по дѣламъ, рѣшеннымъ національными судами и съ разрѣшенія правительства, которому подвластна одна изъ сторонъ. Что же касается вопросовъ публичнаго международнаго права (исправленія границъ, передачи территорій, оцѣнки убытковъ и т. д.), то поскольку ихъ рѣшеніе зависитъ отъ толкованія трактатовъ или иныхъ международныхъ законодательныхъ актовъ, они могутъ подлежать вѣдѣнію гражданскаго отдѣленія по желанію сторонъ или по почину бюро.

При судѣ состоитъ генералъ-прокуроръ, возбуждающій дѣла съ уголовнымъ характеромъ. Впрочемъ, онъ можетъ отъ имени правительства вчинать и гражданскіе иски. Учреждается кромѣ того международная адвокатура изъ лицъ, занимающихъ ту же должность въ отдѣльныхъ государствахъ, или получившихъ высшія ученыя степени въ юридическихъ факультетахъ. Адвокаты и присяжные повѣренные отдѣльныхъ странъ могутъ вести дѣла своихъ соотечественниковъ предъ международнымъ судомъ, но только лица, принятыя въ со-

ставъ международной адвокатуры, пользуются неограниченнымъ правомъ защиты лицъ, какой бы то ни было національности.

Международный судъ, по нашему мнѣнію, долженъ раздѣляться не на два указанныя отдѣленія, а на нѣсколько департаментовъ по роду самихъ международныхъ дѣлъ. Воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ замѣчаній, такъ какъ мы изложили наши мысли объ этомъ въ другомъ мѣстѣ [1]).

Исполнительная власть сосредоточивается въ рукахъ *бюро* или *министерства*. И оно состоитъ изъ 15 членовъ (пять сенаторовъ, по назначенію сената и десять изъ палаты депутатовъ), избираемыхъ на годъ. Каждая изъ великихъ державъ имѣетъ хотя по одному представителю. Изъ состава бюро выходитъ по его выбору *президентъ международнаго правительства*, который въ то же время по праву первоприсутствующій въ сенатѣ. Никто изъ царствующихъ особъ или изъ ихъ министровъ этого поста занимать не можетъ. Президентъ избирается только на одну сессію, но черезъ годъ онъ можетъ быть избираемъ вновь.

Мѣстомъ пребыванія обще-европейскаго правительства назначается какъ сказано, Женева, объявляемая международнымъ городомъ. Подготовительныя собранія могутъ происходить въ Бельгіи или Голландіи.

Сессіи этихъ органовъ происходятъ осенью каждаго года, въ промежутки между засѣданіями законодательныхъ палатъ отдѣльныхъ государствъ.

Издержки на международное правительство покрываются особымъ налогомъ, взимаемымъ правительствами съ ихъ подданныхъ въ извѣстной пропорціи съ числомъ депутатовъ, которыхъ каждое изъ нихъ посылаетъ въ международныя палаты.

Въ виду *исполненія* постановленій законодательной власти и приговоровъ международныхъ судовъ организуется особая *сила*, состоящая изъ контингентовъ отдѣльныхъ государствъ или вербуемая на ихъ денежные взносы. Величина этого войска опредѣляется законодательною властью и соразмѣряется какъ и величина налога, съ числомъ депутатовъ отъ каждаго правительства. Офицеры этой арміи назначаются бюро и отвѣтственны только предъ международнымъ правительствомъ. Государство, которое безъ дозволенія послѣдняго начнетъ войну или увеличитъ свое войско сверхъ мѣры, указанной въ общемъ трактатѣ о разоруженіи, будетъ объявлено мятежнымъ и, пока оно пребываетъ въ неповиновеніи, его депутаты исключаются

---

[1]) *Мое* соч. „О международномъ судѣ“, стр. 519, сл.

изъ международныхъ палатъ. Такимъ же актомъ считается вмѣшательство со стороны какого либо правительства въ отправленіе членами международныхъ органовъ ихъ обязанностей. При президентѣ состоитъ небольшое войско для поддержанія порядка и предотвращенія непредвидѣнныхъ случайностей. Президентъ отвѣчаетъ предъ палатами за каждое его чрезвычайное употребленіе. Кромѣ этого контингента, государства выставляютъ остальныя, падающія на нихъ, части международнаго войска не иначе, какъ по требованію президента, скрѣпленному палатами. И войско и разныя другія должностныя лица, состоящія на службѣ международнаго правительства, получаютъ свое содержаніе отъ послѣдняго. Но во время похода войска содержатся своими правительствами на равной ногѣ съ остальными частями ихъ войска.

Принятіе какой бы то ни было международной должности не обязательно.

Организація, предлагаемая въ вышеизложенныхъ чертахъ Лоримеромъ, имѣетъ въ виду собственно Европу, но въ заключительной главѣ своего труда онъ касается и распространенія ея на *колоніи* и *государства внѣ-европейскія*. Нельзя тутъ не отмѣтить нѣкоторыхъ глубоко вѣрныхъ замѣчаній. Хотя шотландецъ, онъ раздѣляетъ воззрѣніе на колоніи Тюрго, говорившаго о нихъ, что онѣ подобно плодамъ держатся за метрополію, пока не дозрѣютъ. Но ихъ политическое освобожденіе только скрѣпитъ ихъ этническія узы съ первоначальной ихъ родиной, узы, основанные на общности племеннаго происхожденія и языка. Многіе не безъ основанія мечтаютъ о возможности конфедераціи между племенами англо-саксонской расы, говорящей англійскимъ языкомъ, и съ Лондономъ—столицею. Отъ себя добавимъ, что такія соединенія мыслимы со временемъ и между государствами латинской расы, а равно и между славянскими племенами, доселѣ, къ сожалѣнію, столь глубоко между собою разрозненными и враждебными. Съ точки зрѣнія международнаго права требуется только, чтобы эти будущія федераціи, не поглощая *внутренней автономіи* своихъ членовъ, держались на принципѣ *добровольнаго* между ними *соглашенія* и въ свою очередь гармонически сочетались бы въ *высшемъ единствѣ международной организаціи*.

Въ заключеніе Лоримеръ справедливо указываетъ на благія послѣдствія, которыя, можно ожидать, возникнутъ изъ ея осуществленія. Теперешніе дипломаты являются органами только одного изъ факторовъ государственной жизни — *правительственной* власти (executive departments of States). Внѣшняя политика, по скольку она не въ ру-

кахъ дипломатовъ, обыкновенно доселѣ изучается и практикуется диллетантами, которые не видятъ въ ней призванія своей жизни, а только средство къ достиженію иныхъ, побочныхъ цѣлей. Въ силу этого настоящей *международной* политики не существуетъ, она замѣняется тѣмъ, что національные предразсудки и исключительность стараются провести подъ громкимъ именемъ патріотизма.

Напротивъ, рекомендуемая нами организація должна быть выводомъ и завершеніемъ всѣхъ факторовъ государственной жизни: какъ правительственныхъ, такъ и законодательныхъ. Она потребуетъ для своего осуществленія *новый классъ должностныхъ лицъ*, къ которымъ будутъ принадлежать наиболѣе даровитыя и, въ имущественномъ отношеніи, обезпеченныя лица всѣхъ народовъ. Лишь при этихъ условіяхъ быстро пойдетъ и *воспитаніе массъ въ идеяхъ международной солидарности и справедливости*. Постепенное разоруженіе повсюду освободитъ большіе капиталы, которые дадутъ государствамъ возможность улучшить положеніе рабочихъ классовъ, поднять образованіе народа, создать новыя условія для благосостоянія всѣхъ ихъ гражданъ чрезъ превращеніе степей и болотъ въ плодородные участки, исправленіе водныхъ путей и тому подобныя экономическія улучшенія. Сильнѣе всего этой реформѣ будутъ противодѣйствовать, по мнѣнію Лоримера, военные люди и дипломаты старой школы. Громадное вліяніе, которымъ до сихъ поръ пользуются военные въ руководящихъ государствахъ Европы, составляетъ главное практическое препятствіе для внутренняго и внѣшняго развитія народовъ. Что касается до дипломатовъ, то формалисты между ними всегда будутъ косны ко всякимъ преобразованіямъ, но умы серьезные и дальновидные легко перейдутъ на сторону новаго, блестящаго поприща, которое откроется предъ ними съ введеніемъ международной организаціи.

Въ ученой литературѣ планъ Лоримера вызвалъ замѣчанія *Блюнчли* и *Роленъ-Жекмена*. Первый, въ статьѣ, къ которой мы переходимъ ниже, осуждаетъ названный проектъ въ принципѣ, называя его нежизнеспособнымъ продуктомъ фантазіи. Международная организація не можетъ быть воспроизведеніемъ какой бы то ни было *политической* (внутренне-государственной) формы. Столь разнохарактерныя по своему прошлому, по своему устройству и національнымъ стремленіямъ, государства Европы никогда не согласятся подчиниться всемірному *монарху*, обще-европейскому *парламенту* или *центральнымъ правительствамъ*, подобнымъ тѣмъ, которыя управляютъ судьбами Соединенныхъ Штатовъ или новѣйшей Германской имперіи. Дѣйстви-

тельная политическая сила и жизнь должна быть предоставлена, какъ и донынѣ, *отдѣльнымъ государствамъ*, а желаемое ихъ *соединеніе*, ради достиженія общихъ для нихъ всѣхъ культурныхъ задачъ, вовсе не требуетъ установленія верховной власти, тройственно раздѣленной, державнаго парламента, обще-европейскаго правительства и даже высшихъ судовъ. Блюнчли не понимаетъ, какія ручательства въ изданіи хорошихъ законовъ и въ справедливомъ рѣшеніи великихъ споровъ между народами представитъ парламентъ Лоримера, не опирающійся на крѣпко организованныя политическія партіи и сложившіяся традиціи государственной практики? «Вѣроятно, отъ его членовъ мы услышали бы многія пространныя и прекрасныя рѣчи, но онѣ не всегда пошли бы на пользу политики». Выборъ какого либо одного языка для международныхъ сношеній уничтожило бы духовное равенство между великими державами, а одновременное признаніе многоязычія ввело бы въ пренія обще-европейскаго парламента не гармонію и единство въ мысли и въ волѣ его членовъ, а вавилонское смѣшеніе нарѣчій, которое страшно раздирало бы уши слушателей. Нельзя и подумать, чтобы великія державы согласились на уменьшеніе своихъ боевыхъ силъ, положившись на доблести и способности подобнаго парламента и соединеннаго съ нимъ бюро.

Устройство собственно законодательныхъ палатъ проникнуто республиканскими идеями и тенденціями, мало соотвѣтствующими историческому развитію европейскихъ государствъ. Главы монархическихъ государствъ оставлены совершенно въ сторонѣ, а между тѣмъ расчитывается на содѣйствіе со стороны правительствъ въ осуществленіи плана, который лишилъ бы государства какъ бы головы. Сенатъ является не болѣе какъ сословіемъ титулованной аристократіи безъ всякой реальной силы и практическаго значенія. Настоящая власть сосредоточилась бы только въ рукахъ членовъ нижней палаты.

Противъ этой критики можно бы многое возразить, но исходный ея пунктъ долженъ быть признанъ вѣрнымъ. Устройство коллективной жизни государствъ не должно быть имъ навязано, какъ нѣчто *искусственное* и слѣпо воспроизводящее формы собственно *государственнаго* строя. Самъ Лоримеръ въ своемъ сочиненіи (вышедшемъ послѣ статьи Блюнчли) слегка касается приведенныхъ нами возраженій. Онъ оговаривается, что его планъ именно построенъ на внутренней независимости народовъ и вовсе не имѣлъ бы послѣдствіемъ, какъ полагаетъ Блюнчли, утвержденіе въ Европѣ республиканскихъ началъ (Republikanisirung Europa's).

Роленъ-Жекменъ оканчиваетъ свою статью о книгѣ Лоримера нѣ-

сколькими замѣчаніями объ его планѣ международной организаціи [1]). Не разбирая собственно его подробностей, бельгійскій публицистъ ставитъ общій вопросъ: мыслимо ли осуществленіе международной организаціи въ какой бы то ни было формѣ?

Трудно вообще, отвѣчаетъ онъ, сказать на этотъ счетъ что либо положительное. Въ такое время, какъ наше, когда у наиболѣе образованныхъ народовъ замѣчается ослабленіе общественныхъ узъ, когда массы, опираясь на свою численность, хотятъ захватить въ свои руки управленіе государствомъ, вытѣсняя лицъ образованныхъ и способныхъ, когда все громче раздаются воззванія къ ненависти и враждѣ между классами и когда даже преступленія возводятся на степень политическаго орудія,—въ такое время какъ надѣяться на то, чтобы государства взялись за дѣло, которое. по меньшей мѣрѣ, потребовало бы отъ каждаго изъ нихъ *много самыхъ серьезныхъ и искреннихъ усилій?* Прибавьте къ этому возрожденіе, у большинства народовъ, торговой политики, основанной на взаимной зависти и недоброжелательствѣ, о которой, лѣтъ двадцать тому назадъ, мечтали, что она наканунѣ совершеннаго исчезновенія. Не забудьте усиленія колоніальной конкурренціи, какъ слѣдствіе промышленнаго соперничества въ видахъ отысканія въ другихъ частяхъ свѣта все новыхъ и новыхъ рынковъ для сбыта излишка произведеній европейской промышленности. Сколько новыхъ поводовъ къ столкновеніямъ, а слѣдовательно, и препятствій къ соглашенію на счетъ общаго порядка и мира! Но, несмотря на все это, не слѣдуетъ отчаяваться въ будущемъ. Исторія человѣчества изобилуетъ удивительными нечаянностями и можетъ быть уподоблена капризному теченію рѣки. Въ тѣ мгновенія, когда намъ, плывущимъ по ней, представляется будто далѣе она превращается въ озеро, безконечное и безвыходное, воды ея, снова приближаясь къ берегамъ, продолжаютъ свое теченіе, то тихое, то стремительно-бурное. Существующія уже между государствами организаціи по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ (какъ-то: почтовыя, телеграфныя, монетныя и т. д.) могутъ быть уподоблены островамъ, всплывающимъ надъ моремъ и постепенно разростающимся въ материки. Онѣ пріучатъ народы Европы къ необходимости установленія *надъ самими государствами новой, высшей организаціи съ постоянными и ей свойственными органами.*

Выводъ, какъ нельзя болѣе вѣрный! Не теоретическія пожеланія идеалоговъ, а неотразимыя практическія нужды народовъ приведутъ Европу къ рѣшенію этой конечной проблеммы международнаго права.

[1]) *Revue.* 1886, p. 79—82.

42. **Bluntschli.** *Die Organisation des europäischen Staatenvereines* въ *Gesammelte kleine Schriften*. 1881. B. II. S. 279—312.

Статья эта, первоначально напечатанная въ берлинскомъ журналѣ Gegenwart за 1878 г. представляетъ для насъ особый интересъ, какъ бы завершая многочисленныя и превосходныя работы Блюнчли по государственному праву, политикѣ и по международному праву [1]).

Хотя, начинаетъ онъ, за послѣднее пятидесятилѣтіе общія узы между европейскими государствами какъ бы ослабли, но общія интересы народовъ и сношенія между ними не перестаютъ возрастать и крѣпнуть. Нѣкоторое чувство близости и родства соединяетъ жителей нашей части свѣта въ одно цѣлое даже съ тѣхъ поръ, какъ пала власть, нѣкогда возвышавшаяся надъ ними, римскихъ папъ и германскихъ императоровъ. Изъ этого сознанія юридической между ними общности возникло впервые право международное, которое лишь позднѣе, проникнувшись своимъ обще-человѣческимъ призваніемъ, стало понемногу расширять свои начала и на другія части свѣта.

Мысль объ устройствѣ коллективной жизни народовъ никакъ не можетъ быть названа химерою. Уже впродолженіе столѣтій она была высказываема и обсуждаема, и въ цѣломъ можно сказать, что европейскіе народы все яснѣе сознаютъ *необходимость лучшей организаціи Европы, которая давала бы болѣе прочную защиту мира и ихъ общимъ все разростающимся интересамъ*. При всемъ томъ, изслѣдованіе о такой организаціи даже въ наши дни имѣетъ пока лишь академическое значеніе. Не только практическіе государственныя люди, но и большинство серьезныхъ читателей встрѣтятъ, пожалуй, мысли о ней съ недовѣріемъ и насмѣшками, ибо мы, переживъ за послѣднія сто лѣтъ столько конституцій и государственныхъ переворотовъ, какъ бы извѣрились въ силу конституціонныхъ теорій.

Но намѣчаемая нами проблемма всетаки неустранима и пока не ударилъ часъ для ея практическаго осуществленія, научная критика обязана разчищать и приготовлять для нея дорогу въ умахъ людей.

Блюнчли останавливается съ особенною любовью на проектѣ Генриха IV и его перваго министра Сюлли. Въ противоположность Ранке, который называлъ эти политическія стремленія французскаго короля фантастичными, Блюнчли придаетъ имъ высокую цѣну. Есть, говоритъ онъ, идеалы, прозрѣваемые великими умами за-долго до ихъ

[1]) Въ послѣднемъ, при жизни его вышедшемъ, изданіи его «Das moderne Völkerrecht» 1878 г. Блюнчли помѣстилъ сущность своего проекта въ примѣчаніи къ ст. 108.

осуществленія. Къ нимъ относится и основная мысль проекта, задуманнаго впервые, вѣроятно, Сюлли, но и много занимавшаго особенно въ послѣдніе годы самого Генриха IV, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его письма [1]). Основная его цѣль состояла въ томъ, чтобы соединить тогдашнія государства Европы не подъ властью единаго монарха, а въ *союзъ государствъ* (или конфедераціи) т. е. въ той формѣ, которая одна дѣлаетъ возможнымъ объединеніе Европы безъ ущерба суверенитету отдѣльныхъ народовъ. Для славы Генриха IV и его плана было пагубно, что продолжателемъ его идей выступилъ аббатъ Сен-Пьеръ, облекшій ихъ въ форму «проекта вѣчнаго мира». Этимъ онъ ихъ только затемнилъ и задержалъ ихъ распространеніе среди практическихъ государственныхъ людей. Блюнчли анализируетъ кратко лишь пять основныхъ статей предложеннаго французскимъ аббатомъ трактата и переходитъ къ разбору плана Лоримера, уже намъ извѣстному. Критическую часть въ работѣ послѣдняго, впрочемъ, и онъ одобряетъ, замѣчая, что въ наше время національной политики обще-европейскіе конгрессы не могли бы дѣйствовать только отъ имени и по порученію правительствъ, но должны были бы опираться и на сочувствіе представительныхъ учрежденій.

Основнымъ началомъ при установленіи союза европейскихъ государствъ должно быть признаніе ихъ самостоятельности и свободы. Для нѣкоторыхъ общихъ цѣлей они согласятся дѣйствовать сообща, но нельзя требовать, чтобъ они отказались отъ своихъ правительствъ и армій и подчинились чуждой для нихъ власти. Поэтому форма союзнаго государства или федераціи неприложима къ международному союзу.

Блюнчли высказывается, какъ уже замѣчено, за *союзъ государствъ* (Staatenbund), который будетъ дѣйствовать тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ онъ болѣе явится какъ бы естественнымъ продолженіемъ и завершеніемъ существующихъ донынѣ между народами сношеній. Европа въ наши дни дѣлится на 18 государствъ, изъ которыхъ 6—великихъ державъ и одно государство зависимое: Болгарія. Черногорію авторъ причисляетъ къ Сербіи, а микроскопическія государства, — въ родѣ Сан-Марино, Андоры, Монако, онъ совершенно вычеркиваетъ изъ числа независимыхъ политическихъ тѣлъ. Когда рѣчь заходитъ объ обсужденіи обще-европейскихъ дѣлъ, всѣ 18 государствъ имѣютъ равное право на представительство въ органахъ союза. Но рядомъ съ этимъ *юридическимъ* ихъ *равенствомъ* должно обращать вниманіе на

---

[1]) Именно его „Lettres intimes“, изд. Drussieux въ 1876 г.

ихъ неодинаковую *дѣеспособность*, — что отличаетъ великія державы отъ остальныхъ государствъ. Первыми называются государства, которыя по своему могуществу (величинѣ территоріи, населенія, боевыхъ силъ) способны оказывать болѣе или менѣе энергичное воздѣйствіе на судьбы Европы и даже міра. Ихъ число и степень вліянія могутъ всегда измѣняться съ теченіемъ времени. Государства второстепенныя довольствуются болѣе скромною, но за то менѣе опасною и тягостною ролью. Иногда и какая либо великая держава можетъ, по разнымъ соображеніямъ, также держаться политики болѣе нейтральной и выжидательной и тѣмъ какъ бы ограничиться второстепеннымъ значеніемъ.

Эти различія должны быть положены въ основаніе организаціи Европы. Государства ея соединяются по принципу равенства, но дѣйствуютъ преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе дѣеспособны. Поэтому имъ дается большее число голосовъ въ общемъ представительствѣ.

Отъ *лицъ* обращаясь къ *задачамъ* союза, Блюнчли дѣлитъ ихъ на четыре главныя группы: 1) установленіе *международныхъ нормъ* (международное *законодательство*); 2) охрана *мира* между народами и осуществленіе цѣлей высшей европейской *политики*; 3) международныя *управленія* и 4) *юстиція*.

Законодательная власть предоставляется двумъ органамъ: *союзному совѣту* и *сенату*, или палатѣ представителей.

Члены перваго назначаются правительствами, по одному отъ каждаго и по два отъ великихъ державъ, такъ что въ немъ всего 24 члена. Ихъ можетъ быть, впрочемъ, и болѣе, но число голосовъ не должно превышать этой нормы.

Не желательна также и многочисленность сената. Въ составъ его должны входить лишь лица, хорошо знакомыя съ международнымъ правомъ и съ общимъ политическимъ положеніемъ Европы, а таковыхъ вообще немного. Каждая великая держава посылаетъ въ сенатъ 8—10 депутатовъ, остальныя государства 4—5. Мы получаемъ, такимъ образомъ, 96—120 членовъ. Ихъ выборы могутъ быть предоставлены отдѣльнымъ государствамъ, но гдѣ существуютъ представительныя учрежденія—выборы переходятъ на нихъ. Голоса считаются въ совѣтѣ по государствамъ; въ сенатѣ—по лицамъ. Члены перваго собранія подаютъ свои мнѣнія по полученнымъ ими инструкціямъ и полномочіямъ; сенаторы высказываютъ личныя свои мнѣнія.

Каждый членъ въ обоихъ собраніяхъ говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, но если онъ желаетъ быть понятымъ большимъ числомъ сво-

ихъ товарищей, онъ долженъ прибѣгать къ одному изъ трехъ рас, пространеннѣйшихъ языковъ Европы: къ французскому, англійскому или нѣмецкому.

Для союзнаго совѣта избирается постоянное мѣстопребываніе. Онъ не долженъ засѣдать ни въ столицахъ великихъ державъ, ни въ большихъ промышленныхъ центрахъ. Для этого удобнѣе всего города, представляющіе богатый матеріалъ для умственной жизни, но населеніе которыхъ неспособно оказывать давленіе, хотя бы даже не шумное, но сильное политическихъ салоновъ на занятія международныхъ органовъ. Сенатъ же собирается либо въ городѣ, указанномъ ему совѣтомъ, либо по очереди въ городахъ различныхъ странъ.

Въ интересахъ самостоятельности государствъ союзъ не владѣетъ ни особыми источниками доходовъ, ни своимъ войскомъ. Потребныя для него средства даются его членами соразмѣрно съ числомъ голосовъ, которыми они располагаютъ.

Нормы, одобренныя большинствомъ обоихъ собраній, публикуются союзнымъ совѣтомъ, какъ *международные законы*. Какъ правительствамъ, такъ и народнымъ представителямъ предоставляется право инициативы по этимъ законамъ. Постановленія въ обоихъ собраніяхъ принимаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ государствъ, имѣющихъ въ нихъ депутатовъ. Предсѣдательство въ союзномъ совѣтѣ чередуется ежегодно между представителями великихъ державъ, а въ сенатѣ дается по выбору самого собранія. Но предсѣдатели пользуются лишь формальными преимуществами.

Вопросы *высшей обще-европейской политики*, столь тѣсно связанные съ сохраненіемъ *мира*, должны быть рѣзко отдѣляемы отъ задачъ собственно управленія и правосудія. Это — въ интересахъ всего союза. Завѣдываніе ими поручается преимущественно союзному совѣту подъ водительствомъ великихъ державъ, но подъ условіемъ, чтобы всѣ измѣненія установленнаго порядка получали санкцію сената.

Къ вопросамъ этой высшей политики авторъ относитъ все, что касается бытія, свободы и самостоятельности народовъ. Коль скоро рѣчь заходитъ о ихъ безопасности и развитіи, народы всегда предпочтутъ поставить скорѣе на карту все, нежели подчиниться приговору какой либо чуждой правительственной власти или даже суда.

Но, съ другой стороны, Блюнчли полагаетъ, что лишь *авторитетъ обоихъ, между собою согласныхъ, собраній*, какъ органовъ соединенныхъ правительствъ и народовъ Европы, можетъ оказать потребное давленіе на спорящія государства и побудить ихъ принять рѣшенія, исходящія отъ этихъ органовъ. Но эти рѣшенія, хотя бы

и не высказанныя въ нихъ единогласно или простымъ большинствомъ, должны, однако, быть выраженіемъ *мнѣнія* и *воли Европы*, а не требованіемъ той или иной, даже могущественной, *партіи* или *нѣсколькихъ партій*.

Несравненно легче установленіе общихъ органовъ въ области *управленія* и *юстиціи*. Здѣсь уже многое начато и еще большее совершитъ будущее. Трактаты должны все чаще указывать на третейскія рѣшенія, возникающихъ изъ ихъ примѣненія, несогласій и опредѣлять составъ и производство *третейскихъ судовъ*, имѣющихъ разбирать эти споры Для нѣкоторыхъ дѣлъ желательны даже *постоянные международные суды* (feste völkerrechtliche Tribunale). Они вѣроятно будутъ рѣшать дѣла о призахъ и ими лучше всего можно бы исправить существующіе недостатки консульской юрисдикціи.

Къ этой менѣе спорной области относятся: вопросы о способахъ и путяхъ сообщеній (почты, телеграфы, желѣзныя дороги, открытыя моря и рѣки), объ общихъ мѣрахъ, монетахъ и вѣсахъ, о санитарныхъ мѣрахъ, о вознагражденіяхъ за убытки, о спорахъ о границахъ, о выдачѣ преступниковъ и всѣ вопросы по частному международному праву вообще. Органы или бюро, завѣдующіе этими дѣлами, ставятся подъ контроль союзнаго совѣта, которому подчиняются и международные суды относительно внѣшняго ихъ распорядка, но сохраняя самостоятельность въ постановленіи приговоровъ.

Для рѣшенія вопросовъ высшей политики, представляющихся вообще рѣдко, союзный совѣтъ сходится на чрезвычайныя сессіи. Текущія же дѣла по управленію и правосудію завѣдываются имъ на обыкновенныхъ засѣданіяхъ, которыхъ будетъ одно или два (въ нѣсколько недѣль) ежегодно. Для пріема и отправки текущихъ дѣлъ необходима, при союзномъ совѣтѣ, постоянная канцелярія. Издержки на нее и на прочіе международные органы несутся государствами по числу ихъ населенія (принимая за единицу милліонъ) или морскихъ судовъ.

Исполненіе рѣшеній союзныхъ органовъ при обыкновенныхъ условіяхъ возлагается на самихъ государствъ. Трудность возникаетъ въ случаяхъ необходимости принужденія противъ непокорнаго члена. При отсутствіи союзнаго войска и флота принужденіе можетъ исходить только отъ великихъ державъ, располагающихъ потребною вооруженною силою. Для этого онѣ образуютъ особый совѣтъ или *коллегію*. Но, чтобы оградить непокорную сторону отъ насилій какого либо руководящаго государства, выставляется правило, что *принужденіе*, въ крайнихъ случаяхъ, *примѣняется лишь тогда, когда оно полу-*

чить одобреніе со стороны большинства сената и двухъ третей голосовъ въ союзномъ совѣтѣ и въ коллегіи великихъ державъ. Этимъ предотвратилась бы опасность насильственнаго или легкомысленнаго нападенія съ чьей бы то ни было стороны, но въ сущности самое принужденіе, быть можетъ, стало бы излишнимъ. Какое государство захочетъ упорствовать на своихъ требованіяхъ, когда противъ него категорично выскажется *троякое большинство* европейскихъ *правительствъ* въ союзномъ совѣтѣ, *народовъ* въ сенатѣ и *великихъ державъ* въ ихъ коллегіи? Возможность войны не устранится абсолютно, подобно тому, какъ и государственные законы не уничтожаютъ возможности междуусобій, но войны завоевательныя, легкомысленныя и честолюбивыя станутъ фактически невозможными. Принужденіе приметъ форму исполненія юридическаго приговора, а не борьбы между сторонами.

Отъ подобной организаціи Европы много выиграли бы миръ и справедливость. Международное право стало бы гораздо дѣйствительнѣе, а самостоятельность и благосостояніе народовъ отъ нея не только не потерпѣли бы, но получили бы возможность высшаго и болѣе обезпеченнаго развитія. Она не имѣла бы своимъ *непосредственнымъ* послѣдствіемъ разоруженіе государствъ, но повела бы къ постепенному уменьшенію страшныхъ военныхъ тягостей и налоговъ, въ которыхъ и Блюнчли видитъ главное препятствіе для процвѣтанія государствъ Европы. Съ ослабленіемъ опасности со стороны вѣчно угрожающей имъ войны, они по немногу стали бы уменьшать численность своихъ армій, сокращать срокъ службы въ нихъ, и не тратить, какъ донынѣ, почти всѣ свои финансовыя средства на исключительно военные предметы и силы.

Устройство Европы, само собою разумѣется, отразится и на ея отношеніяхъ къ другимъ частямъ свѣта, но до поры, до времени, лучше ихъ не регулировать. Когда союзъ европейскихъ государствъ вполнѣ свыкнется съ тѣмъ, чтобы рѣшать споры между ними *сообща*, *мирно* и *справедливо*, ему не будетъ невозможнымъ перенести эту систему и на сношенія къ другимъ частямъ свѣта, по скольку ими затрогивается Европа.

Планъ мой, заключаетъ Блюнчли, не представляетъ ничего блестящаго и чрезвычайнаго. Напротивъ, онъ скроменъ и трезвъ. Основная его мысль — объ установленіи между европейскими народами союза государствъ—есть какъ бы дальнѣйшее развитіе мыслей Генриха IV и Сюлли и рѣзко отличается отъ утопій Сен-Пьера и Лоримера. Но какъ бы то ни было, потребность въ рѣшеніи изучаемой нами здѣсь

проблеммы, будетъ усиливаться годъ отъ году, съ тѣхъ поръ, какъ опасность преобладанія надъ Европою какой либо одной державы устранена навсегда. На почвѣ свободы народовъ и самостоятельности государствъ должна быть возведена такая организація ихъ общей жизни, которая, никому изъ нихъ не угрожая, была бы благодѣяніемъ для нихъ всѣхъ.

Изложенный планъ Блюнчли проще и осуществимѣе другихъ проектовъ этого рода. Но, помимо детальныхъ пунктовъ, мы не можемъ съ нимъ согласиться въ предоставленіи въ международной организаціи великимъ державамъ усиленнаго голоса сравнительно съ малыми. Основными началами такой организаціи могутъ быть только принципы равенства и независимости народовъ. Исполненіе же рѣшеній международныхъ органовъ должно быть предоставлено либо великимъ державамъ (по ихъ желанію, или по извѣстной очереди), либо нарочно для сего организованной, особой силѣ, бояться которой будетъ нечего, если она во всѣхъ своихъ проявленіяхъ будетъ сама подчинена нормамъ права.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мысли о разоруженіи.

Введеніе *международной организаціи* съ каждымъ годомъ составляетъ все болѣе неотложную необходимость и именно въ виду самыхъ серьезныхъ *практическихъ* интересовъ.

Мы живемъ въ тяжелое время Почти вездѣ слышатся жалобы на застой торговли и въ дѣлахъ и вообще на плохое экономическое положеніе; указываютъ на тяжелыя условія, въ которыхъ живутъ рабочіе классы и на обѣднѣніе массъ. А между тѣмъ государства, въ своемъ стремленіи поддержать свою независимость, доходятъ до послѣднихъ разумныхъ границъ. Вездѣ измышляются новые налоги и пошлины и финансовое обремененіе населенія, въ наши дни, не знаетъ предѣловъ. Если бросить взглядъ на бюджеты европейскихъ государствъ, хотя бы за послѣднія сто лѣтъ, насъ прежде всего поразитъ постоянный и непомѣрный ихъ ростъ. Чѣмъ же это вызывается, угрожая всѣмъ неизбѣжно, рано или поздно, банкротствомъ? [1]).

Это вызывается главнымъ образомъ, безспорно, *военными издержками*, поглощающими обыкновенно $^1/_3$ или даже $^1/_2$ европейскихъ бюджетовъ. Но что всего печальнѣе: при современныхъ порядкахъ не предвидится конца этому росту бюджетовъ и обѣднѣнію массъ. Что такое соціализмъ, какъ не протестъ противъ этого крайне ненор-

---

[1]) По новѣйшимъ свѣдѣніямъ доходы государствъ Европы достигаютъ уже 15.449,384,425 франковъ. Изъ этой суммы они тратитъ ежегодно около *4 милліардовъ* фр. на содержаніе арміи и флота. Въ мирное время они содержатъ подъ ружьемъ свыше 3 милл. человѣкъ! (Statesman's Yearbook. London. 1887). Въ 1866 г. *долги* этихъ государствъ состояли въ *66 милліардахъ* франк. капиталомъ и въ 2 милліардахъ, 438 милліон. процентами. Къ 1887 г. эти долги возросли уже до 117 милліардовъ, 112 милліон. франк. капиталомъ и 5 милліардовъ, 343 милліон. процентами. Слѣдовательно, за столь краткій періодъ долги умножились относительно капитала на 80%, а относительно процентовъ свыше 100%. (*Neymarck*. Les dettes publiques européennes, 2 édit. 1887).

мальнаго положенія, въ которое поставлена большая часть населенія въ нашей части свѣта?

Очевидно, сами правительства давно это поняли, если не теоретически, не изъ любви къ отвлеченнымъ началамъ права, то подъ тяжелымъ и сильнымъ гнетомъ практической нужды. Они начинаютъ дѣлать различные опыты, въ видахъ облегченія массъ и сокращенія зла отъ пролетаріата. Здѣсь не тяжело подмѣтить троякаго рода попытки.

Съ одной стороны, замѣчается оживленіе *колоніальной политики*, гоньба за новыми землями въ другихъ частяхъ свѣта; съ другой— стараніе поднять внутреннюю промышленность и экономическое благосостояніе населенія посредствомъ *возвышенія пошлинъ на иностранные товары*. Это ведетъ къ усиленію протекціонизма, снова смѣняющаго идеи свободной торговли и кункурренціи, которыя господствовали въ 60 годахъ и въ началѣ 70-хъ нашего столѣтія. Наконецъ, въ третьихъ, правительства въ борьбѣ съ соціализмомъ издаютъ внутренніе *законы* о страхованіи рабочихъ и т. п.

Эти мѣры должны быть признаны въ цѣломъ слабыми и неудовлетворяющими своей цѣли. Если онѣ до нѣкоторой степени смягчаютъ зло, противъ котораго направляются, то, съ другой стороны, онѣ поражаютъ его въ корнѣ, даже порождаютъ иное зло. Въ самомъ дѣлѣ, что касается до колоніальной политики, посредствомъ которой кн. Бисмаркъ и его послѣдователи хотятъ поднять благосостояніе страны, то надо замѣтить, что эта политика усиливаетъ антагонизмъ между народами Европы, перенося въ иныя части свѣта конкурренцію между ними и, слѣдовательно, содѣйствуетъ не столько замиренію европейскихъ государствъ, сколько, наоборотъ, оживленію между ними соперничества и вражды, чѣмъ такъ богата исторія XVI и послѣдующихъ вѣковъ. Далѣе, колоніи стоятъ очень дорого и въ результатѣ непрочны, ибо всѣ онѣ могутъ быть уподоблены плодамъ, висящимъ на стволѣ метрополіи до тѣхъ поръ, пока не созрѣютъ. Эмансипація— общій законъ ихъ развитія.

Другая мѣра, чисто экономическая, есть также оружіе обоюдоострое въ двоякомъ отношеніи. Съ точки зрѣнія внѣшнихъ сношеній между народами, она опасна въ томъ смыслѣ, что легко ведетъ къ новымъ между ними реторсіямъ. Она создаетъ то, что въ наше время называютъ «экономической войной». Если одно государство, желая поднять свое матеріальное благосостояніе, запрещаетъ или сильно стѣсняетъ (золотыми пошлинами) ввозъ въ свои предѣлы иностранныхъ товаровъ, то оно, строго говоря, остается въ предѣлахъ своего права.

Но такое же право принадлежитъ и другимъ государствамъ и если они страдаютъ отъ нашего высокаго тарифа,—они естественно будутъ стараться уязвить насъ въ томъ же смыслѣ, т. е. поразить насъ въ Ахиллесову пяту, въ экономическомъ отношеніи. Отсюда нескончаемыя препирательства и тѣмъ болѣе ожесточенныя, чѣмъ глубже ими затрогиваются матеріальные интересы людей. Это—глухая война между народами Европы.

Затѣмъ, съ точки зрѣнія національной политики эта мѣра опасна въ томъ смыслѣ, что, способствуя иногда дѣйствительно оживленію нѣкоторыхъ отраслей національной промышленности, она можетъ содѣйствовать усыпленію, застою другихъ ея отраслей или, усиливая *количественно* производство въ странѣ, понизить его *качественно*. Полагаясь на государственную охрану и не опасаясь иностранной конкурренціи, промышленники мало заботятся о благѣ потребителей, которые, при болѣе свободной экономической политикѣ, могли бы пользоваться нужными имъ продуктами либо лучшаго качества, либо за болѣе дешевую цѣну.

И такъ, повторяемъ, обѣ эти мѣры и колоніальная политика и протекціонизмъ въ результатѣ суть мѣры ретроградныя, ведущія къ усиленію антагонизма между народами. А чѣмъ болѣе растетъ этотъ антагонизмъ, тѣмъ необходимѣе народамъ вооружаться, какъ говорятъ Французы, «до зубовъ». И дѣйствительно, въ такомъ положеніи находятся нынѣ государства Европы. Соперничество ихъ, въ этой области, дошло по истинѣ до безумія!

Пора, давно пора остановиться и серьезно поразмыслить надъ вопросомъ о ихъ *разоруженіи*. Это не есть вопросъ праздный; это вопросъ о бытіи или небытіи европейскихъ государствъ, всей нашей цивилизаціи вообще. Современный милитаризмъ нагляднѣе всего доказываетъ неудовлетворительность политическаго строя, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, новыхъ народовъ. Имъ во что бы то ни стало необходимо выдти изъ этого положенія, если они не хотятъ со временемъ сдѣлаться жертвами *внутреннихъ* варваровъ (различныхъ приверженцевъ партіи разрушенія), подобно тому, какъ Римъ и древняя цивилизація погибли отъ варваровъ внѣшнихъ.

Защитники современнаго, чудовищнаго милитаризма говорятъ, что эти милліонныя арміи [1]) необходимы государствамъ въ видахъ ихъ

---

[1]) По разсчету одного военнаго писателя къ веснѣ 1886 г. содержали: Россія 2.900.000 чел. войска, Германія 2.762.000; Австро-Венгрія 2.300.000; Италія 1.780.000. (*Ran*. L'état militaire des principales Puissances étrangères au printemps de 1886). Съ тѣхъ поръ новые военные законы успѣли уже увеличить

самосохраненія. Съ развитіемъ новѣйшей цивилизаціи стоимость всѣхъ благъ жизни до того возвысилась, что издержки на войско являются какъ бы страховою за нихъ преміею. Но этотъ аргументъ построенъ на очевидномъ софизмѣ! Между потребностью внутренней безопасности и громаднымъ вооруженіемъ европейскихъ государствъ въ дѣйствительности не существуетъ соотвѣтствія; вооруженія эти не только выходятъ далеко за границы необходимаго, но, будучи главною причиною общаго экономическаго кризиса въ наши дни, они именно вызываютъ и оживляютъ тотъ призракъ войны, который, повидимому, должны были бы разсѣять. Напряженность «вооруженнаго мира» становится для народовъ столь тяжкою и невыносимою, что заставляетъ ихъ предпочитать этому состоянію войну. Въ громадныхъ арміяхъ лежитъ уже сама по себѣ вѣчная взаимная угроза между народами.

Какъ же приступить къ облегченію этого всѣхъ давящаго кошмара?

Съ точки зрѣнія собственно *государственной* нѣтъ исхода, ибо какое же государство рѣшится наложить на себя руки и уменьшить свои военныя силы въ виду сосѣдей, болѣе его вооруженныхъ?

Отсюда ясно, что этотъ основной вопросъ можетъ быть рѣшенъ *только на почвѣ международной*. Но за то, тутъ серьезныя и совокупныя усилія народовъ, какъ намъ кажется, могутъ сдѣлать многое. Насъ удивляетъ въ этомъ отношеніи молчаніе большинства интернаціоналистовъ. Они, даже наиболѣе авторитетные и прогрессивные изъ нихъ, молчатъ, какъ бы боясь коснуться этого чудовища. А между тѣмъ наукѣ международнаго права здѣсь слѣдовало бы возвышать свой голосъ безпрестанно. Блестящее исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ, какъ извѣстно, эдинбургскій профессоръ Лориммеръ

Вопросъ о разоруженіи можетъ быть рѣшенъ наиболѣе удовлетворительно лишь подъ условіемъ юридической организаціи всей международной жизни. Но уже теперь можно указать на нѣкоторыя *предварительныя условія* для ускоренія этого рѣшенія.

Во 1-хъ, вопросъ этотъ долженъ быть поставленъ, какъ замѣчено, *на международную почву*. Этимъ мы хотимъ сказать, что въ обсужденіи его заинтересованы *всѣ государства* Европы и, поэтому, всѣ они должны принять въ немъ участіе. Но, сообразно съ явленіями дѣйствительности, великія державы должны взять починъ и направленіе этой реформы въ свои руки. Именно онѣ болѣе всего угрожаютъ общему миру, вопреки всѣмъ оффиціальнымъ заявленіямъ ихъ

«боевую способность» многихъ европейскихъ армій. Даже Бельгія и Швейцарія увлекаются этою же мыслею.

представителей, дѣлаемымъ на каждомъ шагу. Ихъ вооруженія достигли уже до того, что volens-nolens заставляютъ ихъ искать во всемъ причинъ (большею частью) маскируемыхъ постоянныхъ между собою раздоровъ и вражды. А съ другой стороны, ихъ военныя силы уже теперь de facto лишили второстепенныя государства возможности вести войну. Правда, послѣднія могутъ еще что нибудь значить на политическихъ вѣсахъ Европы въ союзѣ съ какою либо изъ великихъ державъ, но такой союзъ напоминаетъ басню о двухъ горшкахъ: желѣзномъ и глиняномъ. Между же великими державами первый примѣръ искренности и дружелюбія должны бы подавать тѣ изъ нихъ, которыя болѣе всего держатъ въ наши дни всю Европу въ вѣчномъ страхѣ войны, именно Германія и Франція, а затѣмъ Англія и Россія.

Въ реформѣ, о которой мы говоримъ, начать слѣдуетъ сильнымъ, тогда за ними послѣдуютъ слабые.

2) Необходимо это дѣло обсудить по возможности *серьезно* и *всесторонне*. Если въ самомъ дѣлѣ правительства воодушевлены, какъ они увѣряютъ, любовью къ миру, они должны быть готовы принести великія жертвы и отказаться отъ многихъ предразсудковъ и претензій, чтобы даровать своимъ народамъ высшее, неоцѣнимое благо — миръ, основное и предварительное условіе всякаго инаго преуспѣянія людей. Поэтому, слѣдовало бы *на предварительныхъ конференціяхъ*, а затѣмъ и *на окончательномъ конгрессѣ* обсудить тѣ вопросы, которые болѣе всего питаютъ антагонизмъ и недружелюбіе между европейскими народами. Если бы даже на этихъ общихъ совѣщаніяхъ, на первыхъ порахъ, не были достигнуты положительные результаты (въ смыслѣ прямаго соглашенія), то весьма важенъ былъ бы уже фактъ ихъ созванія: на нихъ было бы удобнѣе всего прислушаться къ общественному мнѣнію Европы на счетъ поднятыхъ вопросовъ и была бы расчищена почва для ихъ позднѣйшаго рѣшенія.

Болѣе всего предварительнаго рѣшенія требуютъ споры: объ участи Эльзаса-Лотарингіи и объ устройствѣ судьбы балканскихъ племенъ. Менѣе запутанные вопросы поддадутся легче позднѣйшему рѣшенію, когда будетъ сдѣланъ починъ съ наиболѣе жгучихъ проблеммъ политики.

3) Разоруженіе мы понимаемъ не въ абсолютномъ смыслѣ, а какъ мѣру *одновременно* и *постепенно* приводимую въ исполненіе европейскими государствами на основаніи *началъ, выработанныхъ съ общаго согласія*. Эти начала, опредѣляющія численность войска, могутъ быть указаны только самою *жизнію*. Сюда, напр., можно бы отнести про-

центное отношеніе къ населенію, требованія внутренней безопасности, обширность внѣ европейскихъ владѣній или колоній и т. д. Гольцендорфъ, возражая противъ разоруженія, говоритъ, что государства, расположенныя въ центрѣ Европы, находятся въ болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ расположенныя по окраинамъ. Положеніе Германіи, напр., опаснѣе положенія Россіи, такъ какъ послѣдняя можетъ быть угрожаема только съ одной стороны (съ запада), а первая съ нѣсколькихъ. Но Гольцендорфъ какъ будто забываетъ, что реформа, предлагаемая нами—общая и одновременная и, поэтому, она не можетъ угрожать болѣе однимъ, чѣмъ другимъ. Главная опасность для всѣхъ въ наши дни лежитъ безспорно въ общемъ недовѣріи всѣхъ къ каждому и въ общей готовности каждаго напасть на другаго изъ-за пустѣйшихъ предлоговъ.

Въ 4-хъ, въ виду чрезвычайной сложности этой реформы и новизны ея въ практикѣ государствъ, можно было бы ея осуществленіе рекомендовать на извѣстный *срокъ*, для того, чтобы пріучить правительство и народы къ полной реализаціи ея въ будущемъ. Этотъ срокъ долженъ былъ бы быть назначенъ на основаніи указаній опыта, по зрѣломъ обсужденіи его всѣми государствами Европы.

Этимъ былъ бы сдѣланъ первый серьезный, а не на словахъ и бумагѣ только, опытъ замиренія европейскихъ государствъ.

Въ 5-хъ, что касается до *гарантіи*, занимающей насъ реформы, то она могла бы быть поставлена подъ *коллективную охрану* всѣхъ принявшихъ ее государствъ, а со временемъ подъ болѣе прочную охрану *международной организаціи*. Государство, которое нарушило бы поставленныя въ актѣ о разоруженіи условія, возбудило бы этимъ противъ себя всѣ остальныя государства. Можно бы при этомъ въ актѣ о разоруженіи предъусмотрѣть, въ извѣстной градаціи, цѣлую систему репрессивныхъ мѣръ. Позднѣе рѣшенію подлежалъ бы и послѣдній, капитальный вопросъ: объ устройствѣ *международной принудительной силы* въ Европѣ, которая, такъ сказать, взяла бы на себя часть силы, лежащей въ отдѣльныхъ національныхъ войскахъ, но, будучи во всѣхъ своихъ проявленіяхъ строго опредѣлена международнымъ правомъ, явилась бы охранительницею общаго мира и справедливости на землѣ. Устройство такой силы, конечно, дѣло многотрудное, но блага, которыя ею доставились бы, столь велики, что интернаціоналистамъ стоило бы тщательно поработать надъ этой задачей.

Впрочемъ, завершеніе международной организаціи такою гарантіею есть окончаніе пути, на который государства еще не вступили. Даже если

бы они никогда не достигли этой цѣли, *послѣдствія ихъ* постепеннаго и одновременнаго *разоруженія* доставили бы имъ неисчислимыя блага, какъ въ ихъ внѣшней, такъ равно и въ ихъ внутренней жизни. Вслѣдствіе установленія тогда между народами общаго довѣрія, правительства ихъ имѣли бы свободными громадныя матеріальныя средства, которыя они доселѣ совершенно непроизводительно расточаютъ на свои арміи и ихъ вооруженія и которыя могли бы въ будущемъ отразиться на улучшеніи всѣхъ сторонъ народной жизни. Они стали бы тогда употреблять не крохи, а цѣлые капиталы на поднятіе народнаго здравія и просвѣщенія, на улучшеніе юстиціи, увеличеніе безопасности въ странѣ, на борьбу съ пролетаріатомъ и соціализмомъ, словомъ, на излѣченіе тѣхъ страшныхъ, внутреннихъ язвъ, которыя разъѣдаютъ теперь всѣ европейскія государства безъ исключенія. Эта реформа позволила бы имъ, для избытка ихъ населенія, заводить, но мирнымъ способомъ, колоніи и открывать рынки для своихъ произведеній въ иныхъ частяхъ свѣта. Но и это дѣло могло бы вестись всѣми европейскими государствами сообща. Отъ такой истинно-гуманной и христіанской политики не только поднялось бы благосостояніе *массъ*, но и получилась бы возможность самаго разнообразнаго улучшенія *почвы*, а слѣдовательно и умноженія ея производительности чрезъ болѣе лучшія ея орошеніе, облѣсеніе, углубленіе рѣкъ, проведеніе каналовъ и. т. п.

И несмотря на всѣ эти и другія безчисленныя работы, правительства, принявшись серьезно за разоруженіе, получили бы возможность постепенно уменьшать финансовыя тягости населенія, а, съ другой стороны, болѣе всего успѣшно бороться съ врагами внутренняго порядка и безопасности. Что бы ни говорили поклонники существующихъ порядковъ, милитаризмъ болѣе всего питаетъ не только войны, но и революціи внутри современныхъ государствъ.

Да не сдѣлаютъ намъ возраженія, будто эта реформа повергла бы народы Европы въ нравственный застой и вызвала бы въ людяхъ гоньбу за одними матеріальными благами. Разоруженіе, какъ мы его понимаемъ, не обозначаетъ лишенія государствъ ихъ боевой силы, но приведеніе ея въ соотвѣтствіе съ дѣйствительными потребностями ихъ внутренней безопасности и отказъ съ ихъ стороны отъ всякаго посягательства на внѣшнюю независимость другихъ народовъ. Послѣдняя же именно и была бы поставлена подъ охрану международной власти. Это не повело бы къ умаленію высшаго призванія воиновъ — стоять на стражѣ свободы и независимости своего отечества. Разоруженіе само по себѣ не помѣшало бы обученію всей мужской по-

ловины населенія военнымъ упражненіямъ и дисциплинѣ. Оно, вѣроятно, и не устранило бы всѣ войны абсолютно, но сдѣлало бы ихъ болѣе рѣдкими и справедливыми. Мы рѣшительно отказываемся, вмѣстѣ съ гр. Мольтке и современными апологетами войны, видѣть въ ней чуть ли не главное противоядіе противъ нравственнаго усыпленія и разложенія народовъ. Послѣдніе отживаютъ, какъ и отдѣльные индивиды, не вслѣдствіе мира, а въ силу упадка въ нихъ тѣхъ высшихъ, духовныхъ началъ, которыми управляется жизнь человѣка. При ослабленіи этихъ началъ, войны только ускоряютъ паденіе и смерть народовъ, принося имъ вмѣсто свободы иногда золотыя, но всегда тяжелыя цѣпи рабства внѣшняго и внутренняго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ПО СОВРЕМЕННОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ *).

1876—1887 г.

I.

Библіографія.

Главныя пособія по *новѣйшей* библіографіи международнаго права представляютъ:

Annuaire de l'Institut de Droit International.

Т. I (1877) за 1874 и 75 г. (стр. 355—382).

Т. II (1878) за 1876 и 77 г. (стр. 317—343).

Т. IV (1880) за 1878 и 79 г. (стр. 288—323).

Т. V (1881—82); стр. 203—215.

Т. VI (1882—83); стр. 293—321.

Т. VIII (1885—86); стр. 297—317; 335—343.

Bulmerincq. Jahresberichte über die *neueste Völkerrechtslitteratur aller Nationen.* Весьма полные, хотя и сжатые, *годовые обзоры*, печатаемые въ *Schmoller's* Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im Deutschen Reiche.

Отчеты: за 1881 г. (Jahrb. 1882, стр. 695—709); за 1882 г. (Тамъ-же 1883, стр. 631—650); за 1883 г. (1884, стр. 915—938); за 1884 г. (1885, стр. 1257—1275); за 1885 г. (1886, стр. 949—971).

---

*) Настоящій Указатель составляетъ продолженіе изданнаго нами Указателя въ приложеніи къ перев. *Блюнчли* (Соврем. Межд. Право), вышедшему подъ нашею редакціею въ 1877 году.

Постоянные *періодическіе обзоры и разборы* помѣщаются въ:

Revue de droit international et de législation comparée; выходила съ 1879 г. до 1885 г. въ Брюсселѣ подъ главною редакціею *Rivier*, а съ 1885 г. снова подъ управленіемъ *Rolin-Jaequemyns*.

Archives diplomatiques съ 1883 г. изд. *Renault*. Преобладаютъ разборы важныхъ или интересныхъ *политическихъ* и *историческихъ* сочиненій. Указаніе на таковыя-же статьи во французскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Centralblatt für Rechtswissenschaft, изд. съ 1881 г. *Kirchenheim* въ Гейдельбергѣ. Вообще богатая *юридическая* библіографія (по *всѣмъ* литературамъ, не исключая и *русской*).

Journal du droit international privé et de la Jurisprudence comparée изд. *Clunet* (касается сочиненій и по публичному праву).

Критическіе отзывы о новыхъ сочиненіяхъ являются по временамъ во всѣхъ лучшихъ *юридическихъ журналахъ*, между которыми заслуживаютъ вниманія:

Bulletin de la Société de législation comparée.

Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, изд. въ Мюнхенѣ.

Zeitschrift für das Privat-und oeffentliche Recht der Gegenwart, изд. въ Вѣнѣ.

Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft, изд. въ Тюбингенѣ.

The Law Magazine and Review.

Archivio giuridico, изд. *Serafini* въ Пизѣ.

Annuario delle scienze giuridiche, sociali e politiche, изд. Ferraris въ Миланѣ съ 1880 г. Нѣсколько обзоровъ новѣйшей итальянской литературы.

Юридическій Вѣстникъ.

Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права.

Юридическая Библіографія, изд. съ 1884 г. Юрид. Факультетомъ Петерб. универ., а съ 1886 г. стала издаваться таковая же во Временникѣ Демидовскаго Юрид. Лицея.

Rivier. Note sur la littérature du droit des Gens avant la publication du «Jus belli ac pacis» de Grotius (1625). 1883.

Kasparek напечаталъ въ 1885 г. на польскомъ яз. весьма полный обзоръ *польской литературы по межд. праву* съ 15-го стол. до нашего времени.

Otto Mühlbrecht. Wegweiser durch die neuere Literatur der Staats- und Rechtswissenschaften. 1886 г. Прекрасно составленный указатель. Отдѣлъ о межд. правѣ, стр. 262—271.

II.

Исторія международныхъ сношеній.

Lawrence. Commentaire sur Wheaton. 3-й т. 1873 и 4-й т. 1880.

Ubaldini. Del diritto internazionale presso gli antichi e moderni. 1876.

Pierantoni. Storia del diritto internazionale nel secolo XIX. 1876. Интересна потому особенно, что отводитъ преобладающее мѣсто развитію идей справедливости и мира въ сношеніяхъ между народами.

Schiattarella. Organismo e storia del diritto internazionale. 1879.

Himly. Histoire de la formation territoriale des Etats de l'Europe centrale, 2 vls. 1876.

Herstlet. The Map of Europe by treaty, showing the various political and territorial changes, which have taken place since the general Peace of 1814, 3 vls, 1875.

Hosack. On the rise and growth of the Law of Nations, as established by general usage and by treaties, from the earliest times to the treaty of Utrecht. 1882. Лишь нѣкоторыя главы посвящены собственно вопросамъ междунар. права.

III.

Собранія трактатовъ.

Ср. превосходную статью: *Martitz*. Les Recueils des traités internationaux (въ Revue de dr. intern. 1886, p. 168—187).

1.

Общія собранія.

Большой Сборникъ *Мартенса* продолжаетъ выходить подъ ред. *Hopf*. *Nouveau Recueil général* de traités et autres actes relatifs aux rapports de droit international. Continuation du Recueil de G. Fr. de Martens par Hopf. 2 *série*. T. VIII—X. 1883—85. — T. X есть T. LVII всего собранія.

Recueil manuel et pratique de traités et conventions depuis l'année 1760 jusqu'à l'époque actuelle par *Ch. de Martens* et *de Cussy*. *2 série* par *Geffcken*. T. I. 1885. Тракт. 1857—69. T. II. 1887. Тракт. 1870—78.

Résumé historique des principaux traités de paix, conclus entre les

Puissances européennes, depuis le traité de Westphalie (1648), jusqu'au traité de Berlin (1878) par le prince *Ouroussow*. 1884. Краткія введенія поясняютъ главные трактаты, которые сообщаются въ извлеченіяхъ. Въ послѣдней части—трактаты Россіи съ Швеціею, Польшею и Турціею.

2.

Собранія трактатовъ отдѣльныхъ государствъ.

Россія.

Мартенсъ. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными Державами. Трактаты съ *Австріею*. Т. IV. Часть 1. Тракт. 1815—49 г. — Ч. 2. Тракт. 1849—78. (1878). Трактаты съ *Германіею*. Т. V. Тракт. 1656—1762 (1880). Т. VI. 1762—1808 (1883). Т. VII. 1808—1824 (1885).

Граціанскій. Собраніе нынѣ дѣйствующихъ *торговыхъ трактатовъ* Россіи съ иностранными государствами. 1877.

Балкашинъ. Договоры Россіи съ Китаемъ. 1881.

Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ и конвенцій Россіи *о судоходствѣ*, имѣющихъ отношеніе къ военному мореплаванію, съ приложеніемъ *консульскаго устава*. 1885.

Франція.

De Clercq. Recueil des Traités de la France. T. XI. 1872—76 (1880). T. XII. 1877—80 (1881). T. XIII. 1881—82 (1882). T. XIV. 1883—85 (1886).

Англія.

Hertslet. A complete collection of the treaties and conventions between Great Britain and Foreign Powers, so far as they relate to *commerce* and *navigation*, to the repression of the *slave trade* and to *the privileges and interests of the subjects* of the high contracting parties. Vol. 1—XV. 1827—85. Vol. XVI содержитъ: A general *Index*, arranged in order of countries and subjects to Hertslet's commercial treaties. Съ XII т. этотъ Сборникъ изд. Edward Hertslet, сынъ его основателя: Lewis Hertslet. Онъ же издалъ извлеченіе изъ этого большаго сборника въ 1879 г., обнимающее дог. съ Китаемъ, *Турціею*, Италіею, Испаніею и Австріею.

Австрія.

Neumann et Plason. Recuil des conventions et traités conclus par l'Autriche avec les Puissances étrangères depuis 1763. jusqu'à nos jours. *Nouvelle suite*. T. I—XI 1877—84 г. Договоры съ 1856 г.

Германія.

Staudinger. Sammlung von Staatsverträgen des Deutschen Reichs über Gegenstände der Rechtspflege. 1882.—Erstes Ergänzungsbändchen, 1884.

Deutsche Konsularverträge. 1878.

Beutner. Die deutschen Handels- Freundschafts- Schifffahrts- Consular- und litterarischen Verträge. 1883.

Hetzer. Deutsche Auslieferungsverträge. 1883.

Zorn. Die Konsulargesetzgebung des Deutschen Reiches (auch Verträge enthaltend). 1884.

Италія.

Raccolta dei trattati e delle convenzioni conchiuse fra il Regno d'Italia ed i Governi esteri, compilata per cura del Ministero per gli Affari Esteri. Vol. I—VIII. 1862—83.

Испанія.

Janer. Tratados de Espana. Documentos internacionales del reinado de Dona Isabel II. 1842—68.—(1869).

Tratados de Espana que corresponden a la epoca intermedia. 1868—74.—(1875).

Reinado de Don Alfonso XII, выходятъ выпусками съ 1875.

Португалія.

Santarem. Quadro elementar das relacoes politicas e diplomaticas de Portugal, продолж. *de Silva*. Vol. I—XVIII. 1842—60.

De Castro. Collecçao dos tratados, convençoes etc. продолж. *Biker*. T. I—XXX. 1856—79. Съ древнѣйшихъ договоровъ до 1851.

Голландія.

Lagemans. Recueil des traités et conventions conclus par le Royaume des Pays-Bas avec les Puissances étrangères depuis 1813 jusqu'à nos jours. T. I—IX. 1858—86. Въ I т. общій очеркъ межд. сношеній Голландіи.

Бельгія.

Garcia de la Véga. Recueil des traités et conventions concernant le Royaume de Belgique. T. I—XII. 1854—83.

Швейцарія.

Les lois et traités d'extradition de la Suisse. 1874.

Eichmann. Sammlung der Handels- Niederlassungs-und Konsular-Verträge der Schweiz mit dem Auslande. 1885.

Данія.

Danske Tractater. 1. Samling. *Politiske* Tract.—2. Samling. *Handels og andre* Tract. по 2 выпуска. Дог. 1800—63.—(1871—77).

Швеція.

Rydberg. Sveriges tractater. Vol. I—II. 1877—84. Дог. съ 822 до 1408.

Турція.

Testa. Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les Puissances étrangères. T. I—VI. 1864—82. Дог. Порты съ Франціею съ древнѣйшихъ поръ до 1868.

Aristarchi-Bey. Législation ottomane ou Recueil des lois, règlements, ordonnances, traités, capitulations et autres documents officiels de l'Empire ottoman. T. I—IV. 1873—74. Въ IV т. трактаты Турціи.

Аргентинская республика.

Colleccion de tratados celebrados por la Republica Argentina con *las naciones* estranjeras. T. I—II. 1863—77. Дог. 1811—76. Для

новѣйшихъ межд. актовъ этой республики ср. записку *Легвицамона* въ Annuaire de l'Institut (T. VIII, p. 317).

Перу.

Collection nouvelle des traités du Pérou actuellement en vigueur. 1876.

Чили.

Colleccion de tratados celebrados por la republica de Chile con los Estados estranjeros. Vol. I. 1857.

Коста-Рика.

Colleccion de tratados celebrados entre Costa-Rica y varias naciones estranjeras. 1861.

Китай.

Mayers. Treaties between the Empire of China and foreign Powers, together with regulations for the conduct of foreign trade. 1877.

Японія.

Treaties and conventions concluded between the Empire of Japan and foreign Nations. 1854—74 (1874).

3.

Періодическія изданія для трактатовъ.

Staatsarchiv продолжаетъ выходить подъ ред. *Delbrück*. Въ 1886 вышелъ 45 т. Существуютъ два къ нему указателя до 1877. Т. I 1868 и т. II 1880.

Archives diplomatiques подъ ред. *Renault*. Кромѣ *дипломатическихъ документовъ* въ нихъ помѣщаются: наиболѣе важные въ межд. отношеніи *законы*, *политическая хроника* (обзоры преній въ главныхъ законодательныхъ собраніяхъ по вопросамъ межд. политики) и краткіе *библіографическіе обзоры* (преимущественно по франц. литературѣ).

IV.

ТЕОРІЯ.

A.

Краткіе учебники.

Holtzendorff. Das europäische Völkerrecht въ изд. имъ Encyklopädie der Rechtswissenschaft. 4 изд. 1882. Стр. 1187—1255.

Neumann. Grundriss des heutigen europäischen Völkerrechtes. 3 изд. 1885. Франц. перев. Riedmatten. 1886.

Hartmann. Institutionen des practischen Völkerrechts in Friedenszeiten. 2 изд. 1878.

Schulze. Grundriss zu Vorlesungen über Völkerrecht. 1880. Краткій, но интересный конспектъ по своей систематикѣ и историческому введенію.

Quaritsch. Compendium des europäischen Völkerrechts. 4 изд. 1885.

Resch. Das europäische Völkerrecht der Gegenwart. 1885. Составлено по Гефтеру, Блюнчли и Мартенсу (петерб. проф.).

Renault. Introduction à l'étude du droit international. 1879. Небольшая, но весьма дѣльная книга, обнимающая: общія понятія о предметѣ, источники, библіографію (довольно полную) и программу курса.

Arntz. Programme du cours du droit des Gens fait à l'université de Bruxelles. 1882.

Calvo. Manuel de droit international, public et privé, conforme au programme des facultés de droit. 1881.— 2 изд. 1883.— Сжатое изложеніе основныхъ принциповъ автора, развитыхъ имъ въ его большомъ сочиненіи (см. ниже).

Kent. Commentaries on International Law. Edit. by *Abdy*. 2 изд. 1878.

Lawrence. A Handbook of Public International Law. 1885.

Mariotti. Diritto internazionale. Vol. I. 1882.

Fusinato. Introduzione ad un corso di diritto internazionale, pubblico e privato. 1885.

B.

Систематическія руководства.

Heffter (ум. 5 янв. 1880 г.). Некрологи его: *Rivier* въ *Revue*; 1880, p. 119—121; *Schulze* въ Annuaire de l'Institut de dr. intern. T. V, p. 25 — 40. Хорошая оцѣнка его заслугъ.

Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart. 7 изд. *Geffcken*. 1881. Сравнительно съ изд. Гефтера 1873 г. Гефкенъ сдѣлалъ много примѣчаній и указаній на новѣйшую литературу, но опустилъ всѣ приложенія и отдѣлъ о дипломатическомъ искусствѣ. Еще болѣе добавленій сдѣлалъ онъ къ *4 французскому изданію Гефтера*, вышедшему подъ его ред. въ 1883 г.

Въ 1880 г. соч. Гефтера переведено на русск. яз. бар. *Таубе*, который обогатилъ свой переводъ ссылками на новѣйшую, преимущественно русскую литературу и многими документами (въ приложеніяхъ). Переводъ этотъ сдѣланъ весьма тщательно.

Bluntschli (ум. 21 окт. 1881 г.). Некрологи его: *Rivier*, въ Revue; 1881, p. 612—630. *Schulze* въ Annuaire T. VI, p. 57—61. *Rolin-Jaequemyns*. Ib. p. 61—68 (прекрасная рѣчь, произнесенная на съѣздѣ Института въ Туринѣ). Моя замѣтка: «Памяти Блюнчли», въ Юрид. Вѣстн. 1882. Февр. стр. 244—256.

Кромѣ того: его *Автобіографія*. Denkwürdiges aus meinem Leben. Autobiographie und Auszüge aus dem Tagebuche Bluntschli's herausgegeben von *Seyerlen*. 3 Bde. 1884.

Holtzendorff. Bluntschli und seine Verdienste um die Staatswissenschaften 1882 (въ изд. имъ Deutsche Zeit- und Streit-Fragen. Heft 161).

Preuss. Bluntschli und Lieber въ Vierteljahrschrift f. Volkswirthschaft, Politik und Kulturgeschichte. 23 Jahrgang. B. I. 1 Hälfte (1886). S. 60—81.

Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staten als Rechtsbuch dargestellt. 3 изд. 1878 г. съ указаніями на событія, происшедшія до 1877 г.

Въ 1886 г. вышло *4-е франц. изд.* съ замѣткой *Ривье* о жизни и трудахъ Блюнчли и съ нѣкот. нов. документами: Законы сухопутной войны, изд. Институтомъ, актъ Берлинской конференціи 1885 г.

Послѣднее же изд. при жизни автора было *3-е франц.* 1881 г., въ перев. *Lardy*.

Manning. Commentaries on the Law of Nations edit. by *Sheldon Amos*. 1875.

Phillimore (ум. 4 февр. 1885). Commentaries upon International Law. Вышли въ 3 изд. 3 первые тома (1879, 82 и 85 г.), обнимающіе публичное межд. право. Т. 4, посвященный частному межд. праву, вышелъ лишь одинъ разъ въ 1861 г.

Travers Twiss. The Law of Nations. Во 2 изд. вышелъ 2-й т. въ

1875 г.; 1-й въ 1884. Въ 1887 г. вышло Edition française, revue et augmentée.

Ferguson. Manual of International Law for the use of Navies, Colonies and Consulates. 2 vls. 1884—85.

Wheaton. Elements of International Law. Édit. by *Boyd*. 1878.

Halleck. Elements of International Law and Laws of War. Нов. изд. *Sherston Baker* въ 2 т. 1878 г. съ біографіею Галлека (ум. 1872), историческимъ и историко-литературнымъ введеніями и съ многочисленными примѣчаніями и указаніями на практическіе случаи (cases).

Calvo. Le droit international théorique et pratique. 3 изд. 1880—81. 4 т. Значительно дополнено и расширено сравнительно съ 2 изд. (1870 г.), которое было въ 2 т.

Dudley Field. Projet d'un Code international trad. de l'anglais par *Albéric Rolin*. 1881. Перев. сдѣланъ съ 2-го англ. изд. (1876).

Woolsey. Introduction to the study of International Law. 5 изд. 1879 г. Одно изъ лучшихъ сочиненій на англ. яз. Много ссылокъ на исторію. Въ приложеніи библіографическій указатель и перечень трактатовъ съ историч. поясненіями.

Wharton. Касается въ своихъ Commentaries on Law (1884) и межд. права (стр. 184—360). Это краткій, но богатый содержаніемъ очеркъ положительнаго межд. права. Все же сочиненіе есть энциклопедія по публичному праву.

Casanova. Lezioni di diritto pubblico internazionale. 3 изд. въ 2 т. сдѣлалъ въ 1876 г. *Brusa*, который обогатилъ это соч. многими примѣчаніями и обширнымъ введеніемъ, изд. и особою книгою: Del' odierno diritto internazionale pubblico. Studi critici.

Carnazza Amari. Traité de droit international public en temps de paix. Trad. de l'italien par *Montanari-Revest*. 2 т. 1880—82. Переводчикъ знакомитъ насъ въ довольно большомъ введеніи съ новѣйшею литературою Италіи по межд. праву.

Pertile. Elementi di diritto internazionale moderno per servir alla scuola. 2 т. 1877.

Contuzzi. Il Diritto delle Genti dell'umanità. T. I. 1880.

Macri. Teorica del'diritto internazionale. 2 т. 1883—84.

Funck- Brentano et Sorel. Précis du droit des Gens. 1877. Живо написано, но неудовлетворительно съ точки зрѣнія *юридическихъ* принциповъ.

C.

Словари.

Holtzendorff's. Rechtslexikon. 3 изд. 1880—81. Статьи по межд. праву.

Bulmerincq.

Alternat. I. 80.

Asylrecht. I. 165—169.

Auslieferungsverträge. I. 196—203.

Comitas gentium. I, 474.

Durchsuchungsrecht. I. 575—581.

Exequatur. I. 756—757.

Exterritorialität. I. 770—773.

Loslassungsverträge. II. 678.

Marodeure. II. 725—726.

Neutralitätsgesetze. II, 863—881.

Priseurecht. III, 166—175.

Ratifikation. III. 255—259.

Repressalien. III. 440—447.

Retorsion. III. 461—464.

Schiedsspruch. III. 554—566.

Vermittlung. III, 1052—1053.

Holtzendorff.

Ausweisung der Fremden. I. 215—216.

Beglaubigungsschreiben. I. 252—254.

Beute. I. 349—350.

Embargo. I. 677—678.

Kabotage. II, 424—426.

Martitz.

Kriegskontribution. II. 579—580.

Präliminarien. III. 119—120.

Priseengerichte. III. 163—166.

Protokolle. III. 209—210.

Requisition. III, 447—449.

Seeceremoniell. III, 648—649.

Spionage. III, 727—728.

Waffenstillstandsverträge. III, 1213.

Meier.

Handelsverträge. II. 260—262.

Konsularverträge. II, 537—538.
Postverträge. III, 107—108.
Kirchenheim.
Telegraphenverträge. III, 863—865.
Gessner.
Blokade. I, 393—394.
Kontrebande. II, 541—543.
Territorialgewässer. III, 868—870.
Garantieverträge. II, 3—4.
Kongresse. II, 500—501.

Calvo. Dictionnaire de droit international, public et privé. 2 т. 1885. Полезная справочная книга, но въ ней мало указаній на литературу. Многіе біографическіе очерки слишкомъ кратки и бѣглы. Сокращеніе изъ этого словаря: *Его-же.* Dictionnaire-Manuel de diplomatie et de droit international. 1 т. 1885. Практическое руководство для дипломатовъ и консуловъ, въ которомъ опущены біографическія и библіографическія замѣтки.

V.

МОНОГРАФІИ И СТАТЬИ.

1.

О характерѣ и основныхъ началахъ международнаго права.

Bergbohm. Staatsverträge und Gesetze als Quellen des Völkerrechts. 1877.

Fricker. Noch einmal das Problem des Völkerrechts (Tüb. Zeitschr. f. Staatsw. 1878. S. 368 — 405). Прекрасный разборъ книги Бергбоома.

Baerenbach. Das Problem des Völkerrechts gemäss der Ethik und der Rechtsphilosophie Kants. Тамъ же, 1881; стр. 683—736. Хорошій очеркъ теоріи Канта о междун. правѣ.

Geffcken. Das Problem des Völkerrechts (Nord und Süd. 1879. № 11. S. 210—241).

Stein. Einige Bemerkungen über das internationale Verwaltungsrecht (Schmollers Jahrbuch, 1882; S. 395).

Lorimer. Le problème final du droit international (Revue; 1877, p. 161).

Его же. Prolégomènes d'un système raisonné du droit international (Ib. 1878; p. 339).

Его же. La doctrine de la reconnaissance, fondement du droit international (Ib. 1884; p. 333).

Rolin-Jaequemyns. Les principes philosophiques du droit international (Ib. 1885, p. 517; 1886, p. 49). Превосходный разборъ книги Лоримера Institutes of Intern. Law и всей его философской системы.

Contuzzi. Del nuovo fondamento scientifico e pratico del Diritto Internazionale. Prelezione al corso di Dir. Intern. 1881.

Esperson. Certezza del diritto internazionale; sua influenza nella legislazione. 1882.

Mereghi. Della uguaglianza giuridica degli Stati e sue consequenze. 1880.

Di Castelmola. Del principio di non-intervento in diritto internazionale (Rivista Europea. 1882. XXVII, 6).

Levi. War and its consequences with proposals for the establishment of a Court of International Reference and Arbitration. 1881.

Mellini. La soluzione giuridica delle controversie internazionali. 1886.

Даневскій. Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. 1882.

Мое соч. О международномъ судѣ. 1881.

Мои рѣчи: О внутреннемъ основаніи идеи междун. суда («Юрид. Вѣстн.» 1882, май) и: Объ идеѣ мира между народами («Русск. Мысль», 1884, іюль).

Kremer. Die Nationalitätsidee und der Staat. 1885.

X. Essai sur le principe des nationalités par un diplomate. 1882.

Pi y Margall. Les Nationalités. Essai de philosophie politique. Trad. de l'espagnol par *Ricard.* 1879.

Fusinato. Il principio della scuola Italiana nel diritto internazionale pubblico. 1884.

2.

Международная территорія.

Океанъ.

Улянецкій. Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в. 1883. Дѣльное соч. большею частію по источникамъ Архива Минист. Ин. Дѣлъ.

Crisculo. La sovranità degli Stati sulle acque. 1886.

Testa. Le droit public international maritime. Principes généraux.— Règles pratiques. Trad. du portugais par *Boutiron*. 1886.

О рѣкахъ.

Engelhardt. Du régime conventionnel des fleuves internationaux. 1879. Лучшее соч. по *междун. рѣчному праву* съ проектомъ конвенціи и съ указателемъ трактатовъ и конвенцій, сюда относящихся.

Сочиненіе это останавливается на парижскомъ актѣ 1856 г., но его продолженіями являются статьи автора въ *Revue*:

Discussion des derniers actes conventionnels relatifs au régime des fleuves internationaux. 1880, стр. 187.

La Question du Danube. Etude critique. 1883, стр. 5.

La Question du Danube après la conférence de Londres. Тамъ же, стр. 340.

Le droit fluvial conventionnel et le traité de Londres de 1883—1884, стр. 360.

La conférence de Berlin. Origines des actes de navigation du Congo et du Niger. 1886, стр. 96.

Du principe de neutralité dans son application aux fleuves internationaux et aux canaux maritimes. Тамъ же, стр. 159.

La question Danubienne. Actes et documents. Изд. Румынскаго правительства, 1883. Собраніе всѣхъ документовъ, касающихся свободы рѣчнаго судоходства, начиная съ декрета Національнаго Конвента 20 ноября, 1792 г., относительно плаванія по Шельдѣ и Маасу и кончая Лондонскою конференціею 1883. Спеціально по отношенію къ Дунаю, здѣсь помѣщено все, начиная съ 1854 г.

Возникшій вслѣдствіе этой конференціи споръ между Румыніею и Австріею относительно нижняго Дуная, вызвалъ цѣлую литературу.

За требованія Румыніи высказались:

Holtzendorff. Rumäniens Uferrechte an der Donau. 1883. Вышло и на франц. яз. въ 1884.

Dahn. Eine Lanze fur Rumänien. 1883. Вошло также въ составъ сборника его мелкихъ статей «Bausteine» (Fünfte Reihe; Erste Schicht. 1885. S. 252—334).

Geffcken. La question du Danube. 1883.

Cattellani. La navigazione fluviale e la questione del Danubio secondo il diritto delle genti. 1884.

Въ пользу Австріи написали:

Jellinek. Oesterreich-Ungarn und Rumänien in der Donau—Frage. 1884.

Strisower. Die Donaufrage въ Zeitschr. f. das Privat und öffentl. Recht. 1884.

Bunsen. La question du Danube (Revue; 1884, p. 551.

Ursiano Valerian. L'Autriche-Hongrie et la Roumanie dans la question du Danube.

Laveleye. La neutralité du Congo (Revue; 1883, p. 254).

Travers Twiss. La libre navigation du Congo (Ib., p. 437, 547.— 1884, p. 237). *Его же*. Le congrès de Vienne et la conférence de Berlin (Ib. 1885, p. 201).

Вопросъ о *Конго* предъ Институтомъ на Мюнхенскомъ засѣданіи (1883) Annuaire, T. VII (1883—85), p. 237—278 (записки Муанье, предложенный имъ текстъ конвенціи, заключенія Института).

Записка *Мартенса* о межд. рѣчномъ правѣ, представленная Брюссельскому съѣзду (1885). Annuaire; T. VIII, p. 273. *Его же*. Проектъ регламента (Revue; 1887, p. 171).

Carathéodory. Das Stromgebiet und die internationale Flussschifffahrt (Aus dem Holtzendorff'schen Handbuch des Völkerrechts). 1887.

Rettich. Die völker-und staatsrechtlichen Verhältnisse des Bodensees histor. und jurist. untersucht. 1884.

Fusinato. Le mutationi territoriali; il loro fondamento giuridico e le loro conseguenze. 1884. Parte I. Fondamento giuridico.

О Суэзскомъ каналѣ.

Работы Института на Парижскомъ (1878) и Брюссельскомъ (1879 г.) съѣздѣ. Annuaire; T. III, première partie, p. 111 et 328) статьи Твисса, письмо Мартенса, заключенія Института).

Tr. Twiss. De la securité de la navigation dans le canal de Suez (Revue; 1882, p. 572) *Его же*. Le canal maritime de Suez et la commission internationale de Paris (Ib. 1885, p. 615).

О Панамскомъ каналѣ.

Zöller. Der Panama-Kanal. 1882.

Pandolfini. Del canale interoceanico di Panama. 1884.

О подводныхъ кабеляхъ. Работы Института на брюссельскомъ съѣздѣ (1879 г). Annuaire; T. III, 1 part. p. 154; 351—394 (предложеніе Блюнчли, докладъ Рено, рѣшенія Института).

Renault. La protection des télégraphes sous-marins et la conférence de Paris (oct-nov. 1882). Revue; 1883, p. 17; 619.

3.

Трактаты.

Unger. Ueber die Gültigkeit von Staatsverträgen (Zeitschr. f. das Priv u. Oeff. Recht. B. VI, 1879. S. 349).

Zorn. Die deutschen Staatsverträge (Zeitschr. f. die ges. Staatsw. 1880. S. 1—39).

Tinsch. Das Recht der deutschen Einzelstaaten bezüglich des Abschlusses völkerrechtlicher Verträge mit besonderer Berücksitchtigung der Stellung im Reiche. 1882.

Proebst. Der Abschluss völkerrechtlicher Verträge durch das deutsche Reich und dessen Einzelstaaten (Hirth's Annalen des deutschen Reiches; 1882. S. 241).

Prestele. Die Lehre vom Abschlusse völkerrechtlicher Verträge durch das deutsche Reich und die Einzelstaaten des Reiches. 1882.

Leoni. Ein Beitrag zur Lehre von der Gültigkeit der Staatsverträge in den Verfassungsstaaten въ изд. съ 1885 года Штёркомъ и Лабандомъ Archiv für Oeffentliches Recht. B. I. S. 498.

Richard. On the obligation of treaties (Law Magazine and Review. 1877. Nov.).

Criscuolo. Teorica dei trattati internazionali. Studii critico-legali. 1882.

Olivi. Sull'estinzione dei trattati internazionali (Annuario delle scienze giur. soc. e pol. Vol. IV, 1883, p. 1—67).

4.

Международные органы.

Leroy. Des consulats, des légations et des ambassades. 2 édit. 1876. Говорится всего подробнѣе о консулахъ, также касается судебной реформы въ Египтѣ.

Malfatti di Monte-Tretto. Handbuch des Oesterreichisch-ungarischen Konsularwesens. 1879.

König. Handbuch des deutschen Konsularwesens. 3. Aufl. 1885.

De Clercq et de Vallat. Guide pratique des Consulats. T. I et II. 4 édit. 1880. — T. III et IV. Formulaire des chancelleries diplomatiques et consulaires. 5 édit. 1880.

Bousquet. Agents diplomatiques et consulaires. 1883.

Zorn. Das deutsche Gesandschafts-Konsular-und Seerecht въ Hirth's Annalen des deutsch. Reichs. 1882, S. 81, 409.

Эта статья Цорна, какъ и ст. его о трактатахъ, съ нѣкоторымъ сокращ. вошла во II т. его Staatsr. des deutsch. Reiches. 1883. Ср. эти же отдѣлы въ сочинен. *Laband* Staatsr. d. D. Reiches. B. II и *Schulze* Lehrb. des Deutsch. Staatsr. B. 2 (1886). S. 326, 335, 340.

Slatin. De la jurisprudence sur les agents diplomatiques (Journ. du Dr. intern. privé. 1884; p. 329; 463).

Fiore. Agenti diplomatici. Estratto del Digesto italiano. 1883.

Olivi. Dell'indipendenza dell'inviato diplomatico e della sua immunità nelle materie civili. 1884.

Его же. Dell'Immunità dell'agente diplomatico nelle materie penali. 1884.

Steinmann-Bucher. Die Reform des Konsularwesens. 1884.

О Берлинскомъ конгрессѣ (1878).

Bluntschli. Le congrès de Berlin et sa portée au point de vue du droit international. (Revue; 1879, p. 1, 411;—1880, p. 273, 410;—1881, p. 571).

Brunswik. Le traité de Berlin annoté et commenté. 1878.

Mulas. Il congresso di Berlino e il diritto delle genti. 1878.

Bonghi. Il congresso di Berlino e la crisi d'Oriente. 1878.

Институтъ международнаго права.

Протоколы его засѣданій и его рѣшенія печатаются въ издаваемомъ имъ Ежегодникѣ: *Annuaire* (вышло его 8 томовъ, 1877—86). Краткіе отчеты можно найти въ *Revue*.

Ср. также *мои* статьи объ Институтѣ съ 1876 г. по 83 (въ «Юрид. Вѣстн.» 1882, 83 и 84 г. и въ «Русской Мысли» 1883 г.).

5.

Соціальное международное право.

Союзы телеграфный и почтовый.

Renault. Etude sur les rapports internationaux. La poste et le télégraphe. 1877.

Fischer. Die Telegraphie und das Völkerrecht. 1876.

Его же. Post und Telegraphie im Weltverkehr. 1879.

Kirchenheim. Les congrès internationaux de la poste et du télégraphe (Revue; 1880, p. 465: 1881, p. 342).

Его же. Les derniers congrès internat., de la poste et du télégraphe (Ib. 1886, p. 92).

Das Buch von der Weltpost. Entwickelung und Wesen der Post und Telegraphie im Weltverkehr. 1885. Историч. очеркъ развитія почты съ древнѣйшихъ временъ. Современное устройство ея, равно какъ и телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ и телефоновъ.

Lehmann. Der Welt-Post-Verein und seine Congresse. 1879.

Gessner. Die beiden Weltvereine für den Post-und Telegraphenverkehr (Archiv f. oeffentl. Recht. 1887, № II).

Промышленный Союзъ.

Lyon-Caen. La conférence internationale pour la protection de la propriété industrielle, tenue à Paris en 1880 (Revue; 1882, p. 191).

Его же. Le traité d'Union pour la protection de la propriété industrielle, conclu à Paris le 20 mars 1883 (Ib. 1883, p. 272).

Droz. Замѣтки о *Римской* конференціи 1886 г. (Ib. 1886, p. 17, 257).

Литературный Союзъ.

Renault. De la propriété littéraire et artistique au point de vue international. 1878.

Мартенсъ. Россія и литературное общество западно-европейскихъ народовъ («Вѣстникъ Европы»; 1881, мартъ).

Droz. L'Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques (Bibliothèque universelle et Revue Suisse 1885, Nov.). Хорошій общій очеркъ возникновенія этого Союза.

Его же статьи о *Бернскихъ* конференціяхъ 1884 и 85 г. въ Journ. du droit intern. privé 1884, p. 441 и 1885, p. 481 съ текстами принятыхъ тамъ рѣшеній.

Статьи о томъ же:

Orelli въ Revue; 1884, p. 533 и 1886, p. 35.

Lyon-Caen. La convention littéraire et artistique du 19 avril 1883, conclue entre la France et l'Allemagne (Revue; 1884, p. 437).

Darras. Du droit des auteurs et des artistes dans les rapports internationaux. 1887.

Orelli. Der internationale Schutz des Urheber-Rechts. 1887.

Van der Rest. L'Union monetaire latine, ses origines et ses phases diverses (Revue; 1881, p. 5; 268).

Schneider. Die Pariser Währungsconferenz von 1881. Eine Darstellung und Kritik der Verhandlungen derselben. 1882.

Fauchille. L'Union monétaire latine (Annales de l'Ecole des sciences politiques; 1886. IV).

Bamberger. Die Schicksale des lateinischen Münzbundes. 1886.

Burckhardt-Bischoff. Die lateinische Münz-Convention und der internat. Bimetallismus. 1886.

Melchers. Die geschichtliche Entwickelung des Geldwesens und der gegenwärtige Währungsstreit. 1886.

De Seigneux und Christ. Die Einführung eines einheitlichen Rechts für den internationalen Eisenbahnfrachtverkehr. 1875.

Eger. Die Einführung eines internationalen Eisenbahnfrachtrechts. 1877.

Bulmerincq. Règlement international des transports par chemin de fer (Revue; 1878, p. 83).

De Seigneux. Du projet de la convention internationale sur le transport des marchandises par chemin de fer, élaboré par la conférence internationale de Berne. 1878.

Cohn. Internationale Fabrikgesetzgebung (Iahrb. für Nationalökonomie und Statistik).

6.

Частное международное право.

Сочиненія общія.

Brocher. Nouveau traité de droit international privé au double point de vue de la théorie et de la pratique. 1876. Переработка статей его печатавшихся въ Revue съ 1871 г.

Его же. Cours de droit international privé suivant les principes consacrés par le droit positif français. 3 vls. 1882 — 85. Т. III вышелъ послѣ кончины автора (ум. 19 сент. 1884 г.). Въ предисловіи помѣщены: краткая замѣтка *Ривье* о его жизни и полный списокъ его работъ, составленный его племянникомъ *Brocher de la Flechère*

(проф. въ Женевѣ). Послѣдній же написалъ хорошій некрологъ своего дяди (Annuaire; T. VIII, p. 34—45).

Bard. Précis de droit international. Droit pénal et privé. 1883.

Weiss. Traité élémentaire de droit intern. privé. 1884.

Wharton. A Treatise on the conflict of Laws of Private international Law. 2 изд. 1881. Обширное знакомство съ литературой предмета, хотя и преобладаетъ американская точка зрѣнія.

Гражданское право.

Asser. Elements de droit intern. privé ou du conflit des lois. Trad. complété et annoté par *Rivier*. Лучшее руководство по межд. гражд. и торг. праву и процессу. Въ приложеніи: указатель конвенцій и главнѣйшихъ авторовъ.—Въ 1880 г. пер. на нѣм. *Cohn*. Оригиналъ (на голланд. яз.) вышелъ въ 1879 г.

Bar. Internationales Privatrecht въ Holtzendorff's Encyklopädie der Rechtsw. (4 изд. 1882; стр. 673—722).

Fiore. Diritto internazionale privato. 2 изд. 1874. Trad. franç. mise au courant et annotée par *Pradier-Fodéré*. 1875.

Westlake. A Treatise on Private International Law. 2-ое значительно переработанное изд. Богато казуистикой и важно для изученія англійской судебной практики. 1880. Авторъ сдѣлалъ краткое изложеніе своихъ *основныхъ положеній* въ Revue; 1881, p. 435—446 и 1882, p. 285—306. *Введеніе* въ это соч. Вестлека перев. Нисомъ (Nys) въ Revue; 1880, p. 23—46.—Въ 1884 г. вышелъ нѣм. перев. *Гольцендорфа* подъ заглавіемъ: Lehrbuch des intern. Privatrechts.

Foote. A concise Treatise on Private International Jurisprudence based on the decisions of the English Courts. 1878.

Bourdon-Viane et Magron. Manuel de droit intern. privé, 1883. Предназначается для студентовъ, желающихъ сдать экзаменъ на степень licencié en droit и опирается на лекціи профессоровъ Renault и Laine.

Despagnet Précis de droit intern. privé. 1886.

Catellani. Il diritto intern. privato ed i suoi recenti progressi 2 vol. 1883—84.

Laurent (ум. 11 февр. 1887 г.). Droit civil international 8 vls. 1880—81. Подробное изложеніе *исторіи* частнаго международнаго права. Авторъ, защитникъ *національнаго* принципа, выставленнаго итальянцами. Много отступленій и постороннихъ разсужденій, но въ цѣломъ примѣчательное и самое обширное соч. въ этой области.

Интересную критику первыхъ 6 том. написалъ *Brocher* въ Revue; 1881, p. 531—570.

Кромѣ того, Лоранъ посвятилъ обширный отдѣлъ частному международному праву въ первомъ томѣ своего *Avant-Projet de révision du Code civil*, 1882; стр. 22—168.

Vaquette. Cours résumé de droit intern. privé 1883.

Hamaker. Das internationale Privatrecht. Seine Ursachen und Ziele. 1878.

Folleville. Introduction à un cours de droit intern. privé. 1881.

Strisower. Die italienische Schule des internat. Privatrechts. 1881.

Fusinato. Il principio della scuola italiana nel dir. priv. intern. (Archivio guiridico, XXXIII, 6).

Durand. Essai de droit intern. privé, précédé d'une étude historique sur la condition des étrangers en France et suivi du texte de tous les traités intéressant les étrangers. 1884.

Cogordan. La nationalité au point de vue des rapports internationaux. 1879.

Folleville. De la condition juridique des étrangers en France. 1880.

Его же. Traité théorique et pratique de la naturalisation. 1880.

Pappafava. Condition civile des étrangers. Essai historique et juridique. Trad. de l'italien par *Wiliquet*. 1884. Оригиналъ вышелъ въ 1881 году.

Gentot. Droit intern. privé. Etude sur les questions d'état. 1883.

Garin. Des conditions requises pour la validité du mariage en droit romain et dans le droit intern. moderne. 1876.

Déglin. Etude sur le contrat de mariage en droit comparé et en droit international. 1883.

Gareis. Das heutige Völkerrecht und der Menschenhandel. 1879.

Его же. Der Sklavenhandel, das Völkerr. und das deutsche Reich. 1884.

Martitz. Das intern. System zur Unterdrückung des afrikanischen Sklavenhandels in seinem heutigen Bestande (Archiv. f. Oeff. Recht. B. I, S 3).

Lecasble. Des questions de droit intern. privé en matière d'obligation. 1881.

Carle. La faillite dans le droit intern. privé. 1875.

Chrétien. De la lettre de change en droit intern. privé. 1881.

Pillet. Des successions dans le droit intern. privé. 1885.

Constant. De l'exécution des jugements étrangers en divers pays. 1883.

Traité de droit pénal international et de l'extradition. Tra-
alien et annoté par Antoine. 1880. 2 vls. Присоединены
анціи о выдачѣ. Оригиналъ вышелъ 2 изд. въ 1878 г.
ncipes généraux du droit international en matière cri-

ls. Le droit criminel Belge au point de vue in-

tous les traités sur l'extradition jusqu'au 1

eferungsverträge въ Holtzendorff's Jahr-

eträge. 1883.
ge wegen gegenseitiger Auslefe-

colla raccolta dei trattati vi-

ational and interstate. 2 edit. 1884.
оединенныхъ Штатовъ съ другими госу-
преступниковъ.
ade sur l'extradition. 2 vls. 1877.
Etude sur les conditions de l'extradition. 1880.
aul Bernard. Traité théorique et pratique de l'extradition. 2 vls. 1883. Лучшее и самое полное изслѣдованіе о выдачѣ.

Bomboy et Gilbrin. Traité pratique de l'extradition. 1886.

Holtzendorff. Die Auslieferung der Verbrecher und das Asylrecht. 1881.

Lammasch. Das Recht der Auslieferung wegen politischer Verbrechen. 1884.

Его же. Auslieferungspflicht und Asylrecht. 1887. Большое, дѣльное сочиненіе, въ приложеніи къ которому помѣщенъ весьма полный *библіографическій* указатель.

Harburger. Der strafrechtliche Begriff Inland und seine Beziehungen zum Völker—und Staatsrecht. 1882

Шостакъ. О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными Державами. 1882.

Штилицъ. О выдачѣ преступниковъ. 1882. Перев. и на франц. языкъ.

Никольскій. О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. 1884. Лучшее изслѣдованіе по этому вопросу на нашемъ языкѣ.

Moreau. Effets internationaux des jugements en matière civile. 1884.

Fusinato. L'esecuzione delle sentenze straniere in materia civile e commerciale. 1884.

Pierantoni. Della prova delle leggi straniere nei giudizi civili. 1883.

Энгельманъ. Объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній въ Россіи. 1884.

Работы Института.

Доклады *Манчини* о *гражданскомъ правѣ* и *Ассера* о гражданскомъ *процессѣ* Женевскому съѣзду 1874 г. (Revue; 1875. p. 329 et 364. Общія заключенія Института: *о руководящихъ началахъ, судопроизводствѣ и компетентности судовъ*, принятыя въ Женевѣ и Гагѣ (1874—75). Annuaire, T. I, p. 123—126. Подготовительныя работы къ Цюрихской сессіи (Annuaire, T. II, p. 34—51). Рѣшенія, принятыя въ Цюрихѣ (1877) о предупрежденіи столкновенія законовъ касательно *формъ судопроизводства* (Ib. p. 150—151).

Рѣшенія въ Парижѣ (1878) объ *исполненіи иностранныхъ судебныхъ приговоровъ по гражданскимъ и торговымъ дѣламъ*. Ib. T. III, P. 1; p. 86—98.

Докладъ *Арнтца* и *Вестлека* Брюссельскому съѣзду (1879) о *натурализаціи и правахъ наслѣдованія* (Ib. p. 190—201). Заключенія Института по этимъ вопросамъ въ Оксфордѣ. (1880). Ib. T. IV, p. 41—58.

Докладъ *Ассера* Туринскому съѣзду (1882) о *торговомъ правѣ*. Замѣчанія Сачердоти. Мнѣніе Фіоре о торговыхъ корабляхъ (Ib. T. V. p. 75—98).

Докладъ *Арнтца* и *Вестлека* Мюнхенскому съѣзду (1883) о *бракѣ и разводѣ*. Работы: *Норсы* о *вексельномъ* правѣ, *Сачердоти* о *морскомъ страхованіи*. (Ib. T. VI, p. 42—123).

Новые доклады о *бракѣ Бара* и *Брузы*, а также *Кёнига* Брюссельскому съѣзду (1885). Ib. T. VIII, p. 67—78.

Обсужденіе и принятіе Институтомъ на этомъ съѣздѣ *проекта однообразнаго для государствъ вексельнаго устава* (Ib. p. 79—123).

Рѣшенія о *морскихъ страхованіяхъ* (Ib. p. 123—128).

Уголовное право.

Meyer. Grundzüge des internationalen Strafrechts. 1877.

Rohland. Kritik der international en Strafrechtstheorien. 1877.

Fiore. Traité de droit pénal international et de l'extradition. Traduit de l'italien et annoté par Antoine. 1880. 2 vls. Присоединены трактаты Франціи о выдачѣ. Оригиналъ вышелъ 2 изд. въ 1878 г.

Deloume. Principes généraux du droit international en matière criminelle. 1882.

Goddyn et Mahiels. Le droit criminel Belge au point de vue international. 1880.

Kirchner. Recueil de tous les traités sur l'extradition jusqu'au 1 Janvier 1883.—1883.

Knitschky. Deutsche Auslieferungsverträge въ Holtzendorff's Jahrbuch. I, S 651. 1877.

Hetzer. Deutsche Auslieferungsveträge. 1883.

Die oesterreichischen Staatsverträge wegen gegenseitiger Auslieferung von Verbrechern. Text. 1885.

Pascale. L'estradizione dei delinquenti colla raccolta dei trattati vigenti tra l'Italia e gli altri Stati. 1884.

Spear. Law of extradition, international and interstate. 2 edit. 1884. Въ приложеніи: трактаты Соединенныхъ Штатовъ съ другими государствами о выдачѣ преступниковъ.

Vazelhes. Etude sur l'extradition. 2 vls. 1877.

Weiss. Etude sur les conditions de l'extradition. 1880.

Paul Bernard. Traité théorique et pratique de l'extradition. 2 vls. 1883. Лучшее и самое полное изслѣдованіе о выдачѣ.

Bomboy et Gilbrin. Traité pratique de l'extradition. 1886.

Holtzendorff. Die Auslieferung der Verbrecher und das Asylrecht. 1881.

Lammasch. Das Recht der Auslieferung wegen politischer Verbrechen. 1884.

Его же. Auslieferungspflicht und Asylrecht. 1887. Большое, дѣльное сочиненіе, въ приложеніи къ которому помѣщенъ весьма полный *библіографическій* указатель.

Harburger. Der strafrechtliche Begriff Inland und seine Beziehungen zum Völker—und Staatsrecht. 1882

Шостакъ. О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными Державами. 1882.

Штилицъ. О выдачѣ преступниковъ. 1882. Перев. и на франц. языкъ.

Никольскій. О выдачѣ преступниковъ по началамъ международнаго права. 1884. Лучшее изслѣдованіе по этому вопросу на нашемъ языкѣ.

Фейгинъ. О выдачѣ политическихъ преступниковъ (Журн. гражд. и угол. права; 1884 г., апр.).

Степановъ. О выдачѣ преступниковъ («Юрид. Вѣстн.», 1884, іюль).

Голубовъ. Институтъ убѣжища у древнихъ евреевъ въ связи съ угол. и госуд. правами Моисея и Талмуда и сравнительно съ институтами у древнихъ Грековъ и Римлянъ, въ средневѣковой и новой Европѣ. 1884 г.

Schiattarella. Del territorio nelle sue attinenze colla legge penale. 1879.

Его же. Dei reati commessi all'estero. 1880.

Brusa. Del delitto politico in rapporto con la estradizione (Annuario delle sc. giur. Vol. II, 1881).

Renault. Etude sur l'extradition en Angleterre. 1879.

Его же. Etude sur quelques lois récentes relatives à la répression des délits commis hors du territoire (Bull. de la Soc. de législ. comp. 1880. Juin).

Soldan. L'extradition des criminels politiques. 1883.

Lacointa. De l'extradition (Bull. de la Soc. génér. des prisons. V année, p. 665).

Pé de Arros. Etude théorique et pratique sur l'extradition (Rev. prat. de dr. Fr. 1882; p. 293 et 508).

Lammasch. Ueber politische Verbrechen gegen fremde Staaten (Zeitschr. f. die ges. Strafrechtsw. III, 376).

Его же. Die Frage der Staatsangehörigkeit im Rechte der Auslieferung (Arch. f. Oeff. R. B. I, S. 309).

Hoseus. Grundsatz der Nicht-Auslieferung politischer Verbrecher (Jahrb. f. Gesetzgebung etc. 1881).

Bar. Zur Lehre von der Auslieferung. (Gerichtssaal, 1883).

Hamaker. Ueber die Auslieferung der Inländer wegen der im Auslande begangenen Verbrechen (Arch. f. Oeff. R. B. I. S. 279).

Работы Института.

Нѣкоторыя предварительныя заключенія объ угол. правѣ, представленныя Цюрихскому съѣзду (1877); Annuaire; II, p. 51—54.

Докладъ *Броше* Парижскому съѣзду (1878): «Объ общихъ принципахъ уголовной подсудности». Ib. III, p. 50—86.

Его же. Докладъ *о выдачѣ* преступниковъ Брюссельскому съѣзду (1879). Ib. III, p. 202—262.

Замѣчанія *Горнунга*, *Мартенса и Сариполоса* на этотъ докладъ

(Ib. p. 262 — 276). Предварительныя пренія на съѣздѣ (Ib. p. 276—296).

Новыя замѣчанія *Броше* о выдачѣ, посланныя Оксфордскому съѣзду (1880). Ib. V, p. 61—70.

Записка *Рено* о выдачѣ (Ib. p. 70—102). Мнѣніе *Блюнчли* объ участи политическихъ преступниковъ (Ib. p. 102—105). Пренія. Рѣшенія этого вопроса въ Оксфордѣ. Ib. p. 106—130.

Статьи объ этихъ работахъ Института:

Даневскаго [1]) въ «Юридич. Вѣстн.» 1880. Дек.

Моя, въ «Русск. Мысли». 1884. Янв.

Докладъ *Бара* и *Брузы* Мюнхенскому съѣзду (1883) «Объ общихъ началахъ угол. подсудности». Ib. VII, p. 123—147.—Пренія. Заключенія Института. Ib. p. 147—160.

Работа *Альб. Ролена* о сужденіяхъ ученыхъ объ Окофордскихъ рѣшеніяхъ, представленная Брюссельскому съѣзду 1885 г. Ib. VIII, p. 129—167.

Статьи въ періодическихъ изданіяхъ.

Revue de droit international.

Revue de la Jurisprudence *italienne* en matière de dr. intern. privé par *Norsa*. 1876; p. 401—627.—1877, p. 78;—207.

Jurispr. *anglaise* par *Westlake*. 1876, p. 478.—1878 p. 539.

Jur. *belge* par *Dubois*. 1876, p. 483;—1881, p. 52; et par *Van der Rest*. 1884, p. 138.

Jur. *suisse* par *Martin*. 1879, p. 393; — 1880, p. 317; — 1881, p. 45, 598;—1884, p. 476.

Jur. des *Pays-Bas* par *Hingst*. 1881, p. 401;—1882, p. 414.

Jur. *Française* par *Renault*. 1882, p. 39, 260.

Asser. Droit intern. privé et droit uniforme. 1880, p. 5.

Brocher de la Flèchère. Les principes naturels du dr. intern. privé. 1885, p. 313.

Westlake. Introduction au dr. intern. privé. 1880, p. 23.

Его же. La doctrine anglaise en matière de dr. intern. privé. 1881, p. 435. 1882, p. 285.

---

[1]) *Его же*. Opinion impartiale d'un Russe sur l'extradition des Nihilistes (Philosophie positive. 1881).

Fusinato. Le dr. intern. de la république romaine. Les étrangers, les récupérateurs, les féciaux. 1885, p. 278.

Orelli. Les droits des étrangers en Suisse et le congrès socialiste universel. 1882, p. 473

Lehr. Du droit de se prévaloir d'une double nationalité. 1880 p. 312.

Jacques. La loi du domicile et la loi de la nationalité en dr. intern. privé. 1886, p. 563.

Féraud-Giraud. Du droit d'expulsion attribué aux consuls sur leurs nationaux dans les pays hors chrétienté. 1887, p. 1.

Olivi. Du mariage en dr. intern. privc. 1883, p. 209, 357.

Lehr. D'un projet de règlement ou d'office international en matière de mariage. 1885, p. 151.

Arntz. Observations sur la question de l'immutabilité du régime conjugal en cas de changement de domicile des époux. 1880, p. 323.

Lehr. De la loi qui doit régir la tutelle des mineurs, quand le tuteur légal est de nationalité différente. 1884, p. 247.

Eio же. De la préscription extinctive en dr. intern. privé. 1881, p. 516.

Molengraaf. Etude sur le contrat d'affrètement. Principes fondamentaux d'une loi uniforme internationale. 1882, p. 39, 260.

Olivi. Du conflit des lois en matière d'obligation alimentaire. 1885, p. 55.

Bar. Interprétations divergentes du traité d'extradition de 1842 entre l'Angleterre et les Etats Unis. 1877, p. 5.

Fiore. Aperçu historique de diverses législations modernes en matière de délits commis à l'étranger. 1879, p. 303.

Brocher. Etudes sur les principes du droit de punir et spécialement sur l'exposition qui en a été faite par M. le professeur Carrara. 1878, p. 121.

Prins. De quelques idées modernes en matière d'extradition. 1879, p. 80.

Teichmann. Les délits politiques, le régicide et l'extradition. 1879, p. 475.

Brusa. Le délit politique et l'extradition. 1882, p. 403.

Rolin. Les infractions politiques, leur histoire, leurs caractères distincts au point de vue de la théorie et au point de vue du droit belge. 1883, p. 417. 1884, p. 147, 254.

Journal du droit international privé.

Brocher. Des bases théoriques du dr. intern. privé. 1878, p. 225.

Его же. Le droit intern. privé. 1880, p. 279.

Его же. Etude sur les principes généraux consacrés par le Code civil français, comme base du dr. intern. privé. 1881, p. 5.

Laurent. Etudes sur le dr. intern. privé. 1878, p. 309, 421.— 1879, p. 5.

Lainé. Le dr. intern. privé en France, considéré dans ses rapports avec la théorie des statuts. 1885, p. 129; 249.—1886, p. 146.— 1887, p. 21.

Harrisson. Le dr. intern. privé ou le conflit des lois au point de vue historique, particulièrement en Angleterre. 1880, p. 417, 533.

Lyon-Caen. Tableau des lois commerciales en vigueur dans les principaux Etats de l'Europe et de l'Amerique. 1876, p. 85; 165.

Его же. Etudes de dr. intern. privé maritime. 1877, p. 479.— 1882, p. 241, 488, 593.

Spée. De la compétence des tribunaux nationaux à l'égard des Gouvernements et des Souverains étrangers. 1876, p. 329, 435.

Robinet de Clery. Des conditions de validité des traités diplomatiques dans l'état actuel de notre legislation. 1876, p. 343, 447.

Clunet. Du défaut de validité de plusieurs traités diplomatiques conclus par la France avec les Puissances étrangères. 1880, p. 5.

Lyon-Caen. De l'unification des lois relatives aux lettres de change. 1884, p. 348.

Bar. De la compétence des tribunaux allemands pour connaître des actions intentées contre les gouvernements et les souverains étrangers. 1885, p. 645.

Salvador de Torres y Aquilar. Le dr. intern. privé suivant la législation espagnole. 1879, p. 27

Esperson. Le dr. intern. privé dans la législation italienne. 1880, p. 245, 337;—1881, p. 206;—1882, p. 154, 270.—1883, p. 263.— 1884, p. 168, 251, 365, 604.

Lehr. De la force obligatoire de la législation civile russe au point de vue du dr. intern. 1877, p. 205.

Picard. Embryologie juridique. Nouvelle classification des droits (dr. intern. privé; droits intellectuels). 1883, p. 565.

De la compétence des tribunaux *français* dans les contestations entre étrangers, par *Demangeat.* 1877, p. 109.

Id. par *Féraud-Giraud.* 1880, p. 137, 225.

Id. par. *Glasson*. 1881, p. 105.

.... des tribunaux *français* en *Tunisie* par *Lenepveu de la Font*. 1883, p. 437;—1884, p. 489.

.... des trib. *français* pour connaître des contestations entre époux étrangers, par *Féraud-Giraud*. 1885, p. 225, 375.

.... des tribunaux *belges* par *Laurent*. 1877, p. 496.

.... des trib. *anglais* par *Pavitt*. 1885, p. 505.

Brocher. Des rapports de dr. intern. privé avec la France extra-continentale. 1881, p. 373.

Labbé. De la naturalisation et du divorce au point de vue des rapports internationaux. 1877, p. 5.

Porter-Morse. De l'acquisition de la nationalité aux Etats-Unis. 1887, p. 32.

Lehr. Des conséquences juridiques de la naturalisation au point de vue du divorce. 1877, p. 114.

Stoerk. De la condition légale des étrangers en *Autriche*. 1880, p. 329.

.... au *Perou*, par *Pradier-Fodéré*. 1878, p. 345, 577; —1879, p. 41, 250.

.... en *Suède*, par *Dareste*. 1880, p. 434.

.... en *Prusse*, par *Stoerk*. 1883, p. 6.

.... en *Serbie*, par *Pavlovitsch*. 1884, p. 5, 140, 600.

.... dans la *République Argentine*, par *Daireaux*. 1886, p. 286, 414.

Beauchet. De la perte et de l'acquisition de la nationalité autrichienne. 1883, p. 362.

Newton. De la naturalisation dans les colonies anglaises. 1883. p. 449.

Alexander. De l'application de la loi du pavillon par la jurisprudence anglaise. 1883, p. 141.

Beauchet. Des sujets russes naturalisés américains dans leurs rapports avec la mère-patrie. 1884, p. 247.

Martin Sarzeaud. La réforme judiciaire en Egypte et la commission internationale de 1884.—1884, p. 584.

Его же. La réforme judiciaire en Egypte. 1886, p. 270.

Wharton. Instructions diplomatiques du gouv. des Etats-Unis sur la nationalité, le domicile et le mariage. 1886, p. 537, 656.

Barrilliet. Du divorce des époux étrangers en Suisse et des époux suisses à l'étranger. 1880, p. 347. Notice de *Lehr*. Ib. p. 464.

Olivecrona. Le mariage des étrangers en Suède et des Suédois à l'étranger. 1883, p. 343.

Lehr. D'un projet de règlement international en matière de mariage. 1884, p. 49.

Kelly. Des effets du mariage sur la nationalité dans les Etats-Unis. 1884, p. 162.

König. De la preuve des mariages contractés par des Anglais à l'étranger. 1885, p. 275.

Weightmann. Du domicile considéré relativement au mariage et au divorce. 1885, p. 405.

Jay. De l'immutabilité des conventions matrimoniales en droit international. 1885, p. 527.

Lehr. Du mode de célébration en France d'un mariage entre Française et étranger. 1885, p. 657.

Fiore. Du mariage célébré à l'étranger suivant la législation italienne. 1886, p. 161, 299;—1887, p. 46.

Roguin. Du régime matrimonial des Suisses mariés en France et du tribunal compétent pour déterminer les effets juridiques de ce régime. 1886, p. 404, 557.

Renault. L'affaire de Bauffremont devant la justice belge. 1880, p. 178.

Alexander. Du mariage en dr. intern, suivant la jurisprudence anglaise. 1881, p. 193.

Lehr. Cas de conflit de législation en matière de légitimation d'un enfant naturel. 1883, p. 143.

Haenel. De la situation légale des enfants d'étrangers en Allemagne. 1884, p. 477.

Duguit. Du conflit des lois en matière de filiation. 1885, p. 333;—1886, p. 513.

Beauchet. Du testament fait par un mineur autrichien en pays étranger. 1886, p. 683.

Holtzendorff. Incompétence des tribunaux nationaux pour ordonner une saisie-arrêt sur des biens appartenant à des gouvernements étrangers. 1876, p. 431.

Fiore. De la protection du nom commercial d'après le dr. intern. positif. 1883, p. 19.

Humblet. De la vente des immeubles dépendant d'une faillite, déclarée en pays étranger. 1883, p. 462.

Foote. La nouvelle loi anglaise sur la faillite notamment au point de vue international. 1884, p. 225.

Guillibert. De l'insaisissabilité dans les rapports internationaux des navires affectés au service postal. 1885, p. 515.

Serebrianny. Du droit pour les Russes de faire des testaments à l'étranger. 1884, p. 359.

Rougon. De la propriété immobilière et du droit pour les étrangers d'acquérir en Turquie. 1886, p. 57, 527.

Lyon-Caen. Le congrès intern. de droit commercial d'Anvers. 1885, p. 593.

De l'execution des jugements étrangers en *Autriche* par *Lombard*. 1877, p. 210.

....en *Russie (Martens)*, 1878, p. 139.—*Engelmann*. 1884, p. 113.

....en *Allemagne (Keyssner)*. 1882, p. 25.—*Keyssner* et *Beauchet*. 1883, p. 239.--*Beschörner* (particulièrement des jugements russes). 1884, p. 43.

....en *Angleterre (Alexander)* 1878, p. 22;—1879, p. 135, 516.—*Piggot*. 1883, p. 34.

....en *Italie (Vidal)*. 1877, p. 515. — *Fiore*. 1878, p. 234.—1879, p. 244.

Chrétien. 1886, p. 667.

Fauchille. De l'execution en France des jugements rendus par les tribunaux mixtes d'Egypte. 1880, p. 457.

De l'execution des jugements etrangers:

aux *Etats-Unis* (Coudert). 1879, p. 21.

....en *Belgique* (Humblet). 1877, p. 339.

....en *Suisse* (Roguin). 1883, p. 113.

....en *Suède* (Olivecrona). 1880, p. 83.

....en *Danemark* (Goos). 1880, p. 368.

....en *Espagne* (Silvela). 1881, p. 20

....en *Grèce* (Saripolos). 1880, p. 173.

....en *Bulgarie* (Comm. du ministère de la justice de Bulgarie). 1886, p. 570.

Negociations diplomatiques du Gouvernement Italien avec les différentes Puissances relativement à la fixation par traité de certaines règles de dr. intern. privé et à l'execution des jugements étrangers. 1886, p. 35.

De l'extradition des nationaux. 1876, p. 425.

Renault. De l'exercice de la juridiction criminelle d'un Etat dans la mer territoriale. 1879, p. 238.

Eto же. Des crimes politiques en matière d'extradition. 1880, p. 55.

Roguin. Le droit d'asile en Suisse. 1881, p. 285.

De la juridiction des armées d'occupation en matière de délits, commis par des étrangers contre les militaires. 1882, p. 511.

Weiss. Les crimes et délits politiques dans les rapports de l'Autriche-Hongrie et de la Russie. 1883, p. 247.

Wharton. De l'assistance prêtée à une insurrection étrangère. 1883, p. 375.

Keyssner. De l'extradition pour crimes soi-disant politiques d'après le nouveau traité, conclu entre la Prusse et la Russie. 1885, p. 17.

Montéage. De l'autorité de la chose jugée, qui s'attache aux jugements étrangers, rendus en matière criminelle. 1885, p. 397.

Les navires armés par un gouvernement insurrectionnel ne doivent pas être considérés comme montés par des pirates. 1885, p. 661.

Bar. L'expulsion des étrangers. 1886, p. 5.

Clunet. Offenses et actes hostiles commis par des particuliers contre un Etat étranger. 1887, p. 5.

Въ Journal du dr. intern. ведется *постоянная судебная хроника* (Jurisprudence internationale) изъ различныхъ странъ.

Fiore. Compétence dés tribunaux en ce qui concerne les souverains étrangers (La France judiciaire VIII, 6).

Weiss et Lucas. Le droit d'extradition appliqué aux délits politiques (Revue générale du droit etc. 1884. Juill.—Dec.).

De l'extradition des nationanx. (Id. 1886, Sept.—Dec.).

Simon. Der preuss. - russ. Auslieferungsvertrag (Deutsche Revue; X, 3).

7.

II Право войны

Honoret Bonet. L'Arbre des Batailles, publié par E. *Nys*. 1883. Древнѣйшее изложеніе права войны, вышедшее въ 1456 году.

Nys. Honoré Bonet et Christine de Pisan. (Revue, 1882, p. 451).

Его же. Les siete Partidas et le droit de la guerre. (Ib. 1883, p. 478).

Albericus Gentilis. De jure belli libri tres. Edidit *Holland*. 1877. Лучшее изданіе этого соч.

Fiorini. Del diritto di guerra di Alberigo Gentile. Traduzione e discorso. 1877.

Salvioli. Il diritto di guerra secondo gli antichi giuristi italiani. 1884.

Піуновскій. Законы и правила войны по международному праву. 1877.

Lentner. Das Recht im Kriege. 1880.

Les lois de la guerre sur terre. Manuel publié par l'Institut de droit international. 1880. Лучшее изложеніе современнаго права войны.

Мой переводъ съ примѣч. въ «Юридич. вѣстн.». 1885, авг.

Mariotti. Du droit des gens en temps de guerre. 1883.

Resch. Das moderne Kriegsrecht der zivilisierten Staatenwelt. 1885.

Sherston Baker. A. Manual of british military Law (Law. Magazine and Review. 1884, CCLII).

Dahn. Das Kriegsrecht. Популярное изложеніе для нѣм. солдатъ, сдѣланное въ началѣ войны 1870 г. (*Его*. *Bausteine*. V Reihe. 1 Schicht. 1885) [1]).

Landa. El derecho de la guerra conforme a la moral. 3 edicion. 1877.

Boguslawsky. Der kleine Krieg und seine Bedeutung für die Gegenwart. 1881. Хотя тактическаго содержанія, но касается и междун. стороны дѣла. Авторъ противникъ кодификаціи военнаго права.

Ср. краткую рецензію *Блюнчли* (Revue; 1881, p. 655).

Bulmerincq. Die Nothwendigkeit eines allgemein verbindlichen Kriegsrechts (Jahrb. f. Gesetzg. Verw. und Volksw. im Deutsch. Reich. 1878. H. 1).

Holland. A lecture on the Brussels conference of 1874.—1876.

Bluntschli. Droit de la guerre et coutume de guerre, à propos des attaques du colonel von Rüstow contre le droit des gens. (Revue. 1876, p. 663).

Lucas. Civilisation de la guerre. Observations sur les lois de la guerre et l'arbitrage international, à l'occasion de la lettre de Moltke à Bluntschli (Revue crit. de législ. et de jurispr. 1881. Mars).

Мартенсъ. Восточная война и Брюссельская конференція. 1879.

Мои статьи: Взглядъ на различныя попытки смягчить ужасы войны (Юрид. Вѣстн. 1878; мартъ и май).

О возраженіяхъ противъ права войны. (Тамъ же, 1878, авг.).

Нѣсколько словъ о крейсерахъ. (Тамъ же, іюнь).

Pradier-Fodéré. La guerre du Pacifique (Revue. 1884, p. 510).

Geffcken. La France en Chine et le droit international (ib. 1885, p. 145).

---

[1]) Тамъ же его работы, вызванныя тою же войною: Zur neueren Praxis und Literatur des Völkerrechts. Der deutsch-franz. Krieg u. d. Völkerr. — Кромѣ того: Der Vertrag von Washington und der Waffenhandel der Neutralen.

Ср. его же статью о томъ же въ Archiv f. Oeff. Recht. I, S. 146.

Farrer. Military manners and customs. 1885.

Sheldon Amos. Political and legal Remedies for War. 1880.

Geiser. Die Ueberwindung des Kriegs durch Entwickelung des Völkerrechts. 1886.

Mabille. La guerre; ses lois, son influence civilisatrice, sa perpétuité. 1885.

Lefebvre. Le droit des gens moderne dans la guerre continentale. 1886.

Lueder. Recht und Grenze der Humanität im Kriege. 1880.

Landa. Droit pénal de la guerre. (Revue. 1878, p. 182).

Libbrecht. Du droit pénal de la guerre. 1885.

Maurice. Hostilities without declaration of war. 1883. Касается войнъ, веденныхъ съ 1700 до 1870.

Féraud-Giraud. Des hostilités sans déclaration de guerre (Revue. 1885, p. 19).

Его же. Occupation militaire. Recours à raison des dommages causés par la guerre. 1881.

Litta. L'occupazione, suo concetto e suoi effetti sulle proprietà pubbliche e private nella guerra continentale. 1881.

Эйхельманъ. Военное занятіе непріятельской страны. 1880.

Rouard de Card. La guerre continentale et la propriété. 1877.

Ronnberg. Des prisonniers de guerre. 1876.

Eichelmann. Ueber die Kriegsgefangenschaft. 1878.

Treuenpreuss. Das rothe Kreutz und das Völkerrecht. 1881.

Criegern. Das rothe Kreutz in Deutschland. 1883.

Ивановскій. Женевская конвенція. 1864—1884.

Moynier. De quelques faits récents relatifs à la convention de Genève (Revue. 1886, p. 545).

Sélosse. Traité de l'annexion au territoire français et de son démembrement. 1880. Прекрасное соч., полное интереса и съ межд. точки зрѣнія.

Cabouat. Des annexions de territoire et de leurs pricipales conséquences. 1881.

Rouard de Card. Les annexions et les plébiscites dans l'histoire contemporaine. 1880.

Лодыженскій. О плебисцитѣ въ международномъ правѣ. 1883.

Stoerk. Das Postliminium im Völkerrecht (Juristische Blätter. 1881. 2 Okt.).

Его же. Option und Plebiscit bei Eroberungen und Gebietscessionen. 1879.

Filitis. Essai sur la neutralité territoriale. 1885.

Bulmerincq. Le droit des prises maritimes. Première partie. Le droit existant. (Revue. 1878, p. 185, 384, 595). Seconde partie. Théorie du droit des prises (Ib. 1879, p. 152, 321). Troisième partie. Les droits nationaux et un projet de règlement international des prises maritimes (Ib. p. 561; — 1880, p. 187; — 1881, p. 447; — 1882, p. 114).

Esperson. Diritto diplomatico e giurisdizione internazionale marittima. 3-я часть. 1877.

Schiattarella. Il diritto dela neutralità nelle guerre marittime. 2 ediz. 1881.

Di Marco. La neutralità nelle guerre marittime secondo il diritto pubblico italiano. 1882.

Johnstone. Handbook of maritime rights and the declaration of Paris considered. 1877.

Bowles. Maritime warfare. 1877.

Aube. Un nouveau droit maritime international. 1876.

Gessner. Zur Reform des Kriegs--Seerechts. 1875.

Его же. Kriegführende und neutrale Mächte. 1877.

Его же. Des tribunaux des prises et de leur réforme (Revue, 1881, p. 260).

Paternostro. Delle prede, delle reprede e dei giudizi relativi. 1879.

Libbrecht. La guerre maritime. Etude de droit intern. 1883.

Даневскій. Историческій очеркъ нейтралитета и критика парижской декларацiи 1856 г.—1879.

Stoerk. Des progrès récents du droit maritime public en Allemagne (Revue. 1878, p. 355).

Twiss. La théorie de la continuité du voyage. 1877.

Его же. Des droits des belligerants sur mer depuis la déclaration de Paris (Revue. 1884, p. 113).

Laveleye. Encore de la capture sur mer (Ib., p. 568).

Desjardins. Le congrès de Paris et la jurisprudence internationale. 1884.

Louis. Des devoirs des particuliers en temps de neutralité (Journ. du dr. intern. privé. 1877, p. 285).

Wharton. Du droit de visite des belligérants à bord des navires des puissances neutres (Ib. 1884, p. 343).

Bulmerincq. Le blocus pacifique et ses effets sur la propriété privée (Ib., p. 569).

Klobukowsky. Die Seebeute oder das feindliche Privateigenthum zur See. 1877.

Bluntschli. Das Beuterecht im Krieg und das Seebeuterecht insbesondere. 1878. Вольный, сокращенный переводъ *Роленъ-Жекмена* въ Revue. 1877, p. 508;—1878, p. 60.

Разборы этой книги: *Улянницкимъ* (въ «Юрид. Вѣстн.». 1878, мартъ) и *Даневскимъ* (тамъ же, апрѣль).

Lehmann. Die Zufuhr von Kriegscontrebandwaaren nach kriegführenden Ländern seitens Neutraler. 1877.

Geffcken. Die Lieferung von Contrebande seitens Neutraler (Zeitschr. f. die gesamm. Staatsw. 1881; S. 81).

Perels. Rechtsstellung der Kriegsschiffe in fremden Hoheitsgewässern (Arch. f. Oeff. Recht. I, S. 461).

Коркуновъ. О каперахъ (Журн. гражд. и уг. права, 1877. Янв.—Февр.).

Его же. Юридическое положеніе нейтральныхъ. (Тамъ же. Іюль—Августъ).

Bergbohm. Die bewaffnete Neutralität. 1780—83—1884.

Работы Института.

Воззваніе Института къ воюющимъ во время русско-турецкой войны 1877 г. (Annuaire. T. II, p. 132).

Желанія, высказанныя имъ по этому поводу на Цюрихскомъ съѣздѣ 1877 г. (Ib., p. 154).

Записка *Горнунга* о наказаніи нарушеній законовъ войны, представленная Брюссельскому съѣзду, 1879 г. (Ib. T. III—IV. Partie 2; p. 320).

Изданіе Институтомъ на Оксфордскомъ съѣздѣ 1880 г. «*Законовъ сухопутной войны*» (докладъ *Муанье*; текстъ ихъ. Ib. T. V, p. 149—174).

Докладъ *Штейна* «*о положеніи желѣзныхъ дорогъ во время войны*», представленный Брюссельскому съѣзду 1885 г. (Ib. T. VIII, p. 179—216). Критика *Муанье* (Ib., p. 223—232).

Проектъ межд. регламента (Revue. 1887, p. 164).

Докладъ *Бульмеринка* Цюрихскому съѣзду *о положеніи частной собственности во время морской войны.* (Ib. T. II, p. 55—103).

Цюрихская декларація объ ея *неприкосновенности* (Ib., p. 152—153).

Основныя черты преобразованія призоваго права, предложенныя Бульмеринкомъ Парижскому съѣзду 1878 (Ib. T. III—IV. Part. 1. p. 99—109).

Измѣненія, сдѣланныя въ проектѣ Бульмеринка Висбаденскою коммиссіею 1881 г. (Ib. T. VI, p. 164—174).

Проектъ международнаго устава о призахъ, принятый Институтомъ въ Туринѣ 1882 г. (Ib., p. 213 — 223) и въ Мюнхенѣ 1883 (Ib. T. VII, p. 185—190) касательно лишь *матеріальнаго* права.

Мой переводъ этой части въ «Юрид. Вѣстн.». 1883, апр. и 1884, апр.

Два письма Монлюка къ Бульмеринку съ возраженіями противъ его реформы (Ib. T. VIII, p. 167—173).

8.

Современные вопросы международной политики.

Revue de droit international.

Rolin-Jaequemyns. Le droit international et la phase actuelle de la question d'Orient. 1876, p. 293—511. Прекрасный очеркъ событій 1875—76 гг.

Его же. Продолженіе этой хроники:

L'année 1877 et les débuts de 1878 au point de vue du dr. intern.— 1878, p. 5.

Его же. La question d'Orient en 1885—86. Мастерское изложеніе послѣдняго фазиса восточнаго вопроса: переворота въ Болгаріи, сербско-болгарской войны, столкновенія Греціи съ Турціею, закрытія батумскаго порта. 1886, p. 378, 504, 591;—1887, p. 38.

Arntz. De la situation de la Roumanie au point de vue du dr. intern. 1877, p. 18.

Martens. Etude historique sur la politique russe dans la question d'Orient. 1877, p. 49.

Esperson. L'Angleterre et les capitulations dans l'île de Chypre au point de vue du dr. intern. 1878, p. 587.

Saripolos. La législation anglaise dans l'île de Chypre. 1880, p. 389.

Neumann. L'empire Austro-Hongrois, la Bosnie et l'Herzégovine. 1879, p. 38.

Замѣтка къ этому *Рисье* Ib. p. 144.

Saripolos. La question gréco- turque; ses commencements, ses progrès et son état actuel. 1879, p. 119.

Его же. La question gréco- turque après l'acte final de la conférence de Berlin. 1881, p. 231.

Arntz. Du différend né entre la Grèce et la Turquie par suite du traité de Berlin. Ib. p. 246.

Engelhardt. La Turquie et les principautés danubiennes sous le régime des capitulations. 1879, p. 532.

Его же. Le droit d'intervention et la Turquie. Etude historique. 1880, p. 363.

Martens. La question egyptienne et le dr. intern. 1882, p. 355.

Engelhardt. L'Angleterre et la Russie à propos de la question arménienne. 1883, p. 146.

Jooris. La question du Liban. 1883, p. 243.

Его же. La question des couvents dédiés. Ib. p. 443. Возраженія на эту статью:

M. X. La question des couvents dédiés. 1884, p. 5, (Замѣтка отъ редакціи. Письмо архимандрита Германа).

Jooris. Les immunités du patriarcat écuminique en Turquie. 1884, p. 227.

Engelhardt. Situation de la Tunisie au point de vue international. 1881, p. 331.

Castonnet des Fosses. Le Maroc, ses relations avec l'Europe, sa situation actuelle. 1884, p. 213, 491.

Его же. Les droits de la France sur le Madagascar. 1885, p. 413. Возраженія на эту статью:

Catellani. Les droits de la France sur le Madagascar et le dernier traité de paix. 1886, p. 151.

Martens. La Russie et l'Angleterre dans l'Asie centrale. 1879, p. 227.—Возраженіе на эту статью *Вестлека*. Ib. p. 401.—Отвѣтъ Мартенса. 1880, p. 47. Новыя замѣчанія Вестлека. Ib. p. 295.

De Louter. L'annexion du Transvaal. 1881, p. 194.

Krauel. Applicabilité du droit des gens européen à la Chine 1877, p. 387. Къ этому замѣтка *Р. Жекмена*: La diplomatie européenne à Péking.

Martens. Le conflit entre la Russie et la Chine, ses origines, son développement et sa portée universelle. 1880, p. 513, 582.

Martin. Le dr. intern. dans l'ancienne Chine. 1882, p. 227.—Замѣтка къ этому Горнунга.

Его же. La Chine et le dr. intern. 1885, p. 504.

Castonnet des Fosses. Les rapports de la Chine et de l'Annam. 1883, p. 321, 452, 587; 1884, p. 39.

Holland. Les débats diplomatiques récents dans leurs rapports avec le système du dr. intern. 1878, p. 167.

Nys. Le dr. intern. et la Papauté. 1878, p. 501 [1]).

Brusa. La juridiction du Vatican. 1883, p. 114.

Holtzendorff. L'abrogation de l'article V du traité de Prague. 1878, p. 580.

Geffcken. L'Allemagne et la question coloniale. 1885, p. 105.

Catellani. La politique coloniale de l'Italie.—1885, p. 218.

Martens. La conférence du Congo à Berlin et la politique coloniale des Etats modernes. 1886, p. 113. 244.—Эта статья первоначально была напечатана въ Вѣстн. Евр. 1885 г. ноябрѣ и дек. Въ франц. пер. графа Sansé она явилась: «revu et augmenté».

Jooris. De l'occupation des territoires sans maître sur les côtes d'Aftrique. La question d'Angra-Pequena. 1886, p. 236.

Engelhardt. Etude sur la déclaration de la conférence de Berlin relative aux occupations Ib. p. 433, 573.

Въ Revue ведется постоянная *хроника* международнымъ событіямъ (Chronique des faits internationnaux), совершающимся въ цивилизованныхъ государствахъ.

Gessner. Russland's Verträge mit den fremden Mächten (Deutsche Revue, IX, 3).

Twiss. An international protectorate of the Congo-river (Law Magazine and Review. 1883, Nov.).

Lawrence. The Suez-Canal in intern. Law (Ib. 1884, CCLI).

Charmes. Reformes et traditions consulaires (Revue polit. et litter. 1884, 5 et 19 Janv.).

Simonin. Le monde océanique; les progrès de l'Australie et la future Confédération Australasienne (Revue des Deux Mondes. 1885, 15 Mars).

Les Etats-Unis et le canal de Panama (Rev. Britanique, 1885, Mars). Обсуждается трактатъ Clayton-Bulwer и новѣйшій договоръ Соединенныхъ Штатовъ съ Никарагуа.

Cucheval-Clarigny. L'avenir de la puissance anglaise (Rev. des Deux-Mondes. 1885, 1 et 15 Juill).

---

[1]) Ср. еще: *Bluntschli*. Die rechtliche Unverantwortlichkeit und Verantwortlichkeit des römischen Papstes. 1876.

Léo Quesnel. La Fédération imperiale (Biblioth. univ. et Rev. Suisse. 1886. Juin). О связи между Англіею и ея колоніями.

Jametel. La diplomatie chinoise (Ib. 1885, Mars-Avr.).

Varigny. Le problême chinois (Rev. pol. et litt. 1885, 10 oct.).

Lavisse. La politique européenne dans les temps modernes (Allemagne, France, Autriche, Prusse et Russie.) Ib. 24 et 31 Oct.

Droz. Du rôle internatonal de la Suisse. (Bibl. univ et Rev. Suisse. 1884, Janv.).

Vescia. Sull'occupazione (Archivio giuridico. XXXVII 3).

Les Torpilles et le droit des Gens (La Nouvelle Revue. 1886, 1 Avr.).

Bornhak. Die Anfänge des deutschen Kolonialrechts (Arch. f. Oeft. R. 1887, I).

Bonghi. La paix (Rev. Internationale. 1887, 25 Fevr.).

Для ознакомленія съ политическими статьями, напечатанными въ Revue Deux Mondes служитъ: Table de la Revue des Deux Mondes de 1874 á 1886.

Leroy-Beaulieu. De la colonisation chez les peuples modernes. 3 édit. 1886.

Roscher und Iannasch. Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. 3 Aufl. 1884.

Catellani. Le colonie e la conferenza di Berlino. 1885.

Lentner. Das internationale Kolonial - Recht im 19 Jahrhundert, einschliesslich der Kongo-und Karolinenakte dargestellt. 1886.

Charmes. Politique exterieure et coloniale. 1885.

Guyot. Lettres sur la politique coloniale. 1885.

Vignon. Les colonies françaises. 1885

Stengel. Die staats — und völkerrechtliche Stellung der deutschen Kolonien und ihre zukünftige Verfassung. 1886.

Jooris. Aperçu politique et économique sur les colonies néerlandaises aux Indes orientales. 1884.

Rodier. Les colonies étrangères, organisation politique et militaire. 1886.

Sélosse. L'affaire des Carolines. Etude de dr. intern. 1886.

Corsi. La situazione attuale della Santa Sede nel diritto internazionale. 1886.

Geffcken. Die völkerrechtliche Stellung des Papstes. 1885.

Его же. Das Recht der Intervention. 1887.

9.

Новѣйшая политическая исторія.

Ghillany. Europäische Chronik von 1492 bis Ende December 1876. B. IV und V 1878.

Bulle. Geschichte der neuesten Zeit. 1815—85. 2 umgearb. Aufl. 1886

Compte de Barral. Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe. Prem. Partie. 1684—1792—Deux. Part. 1789—1815. T. I. 1885.

Freeman. Histoire générale de l'Europe par la géographie politique. Trad. par *Lefebvre*. 1886.

Fréderick Nolte. L'Europe militaire et diplomatique au XIX siècle (1815—84). 4 vls. 1884.

Müller. Politische Geschichte der Gegenwart. Годъ 1886 (XX-ый). 1887.

Его же. Europäische Geschichte und Politik. 1871—81. 1882.

Daniel. L'année politique. 1883. 10-ый годъ изданія, до нѣкоторой степени продолжающаго Annuaire, который выходилъ при Revue des Deux Mondes съ 1849 по 1867 г.

Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de *France* depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. I. Autriche (подъ ред. *Sorel*). II Suède (подъ ред. *Geffroy*). III. Portugal. 1884—87.

Богатѣйшій матеріалъ по *исторіи* и *дипломатіи России* даетъ: *Сборникъ Импер. Русск. Историческаго Общества*. Въ немъ, между прочимъ, приступлено къ обнародованію *политической переписки* императрицы Екатерины II. Т. 48, 51, 57 (1762—66).—1885—86. Изд. при участіи *Уляницкаго*. Сюда же включены инструкціи и рескрипты русск. дипломат. агентамъ и коммандующимъ войсками, а также протоколы конференцій и резолюціи Екатерины II по разнымъ дѣламъ внѣшней политики [1]).

Taine. Les origines de la France contemporaine. La Révolution. 4 т. вышелъ въ 1885.

Его же. Napoléon Bonaparte (Revue des Deux-Mondes, 1887, 15 Fevr.—1 Mars).

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что переписка Екатерины съ Фридрихомъ II помѣщена въ 20 Т., а съ Гриммомъ (съ 1774 до ея кончины) въ Т. 33 и 44.

Sorel. L'Europe et la Révolution française. Vol. I—II 1885—87.

Bourgoing. Histoire diplomatique de l'Europe pendant la Révolution française T. IV. 1885.

Lefebvre. Histoire des Cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire (1800—15). 5 vls.

Hüffer. Der Rastatter Congress und die zweite Coalition. 2 Bde. 1878—79.

Preussen und Frankreich von 1795—1807. Diplomatische Correspondenzen herausg. von Bailleu. 2 T. 1887.

Hassel. Geschichte der preussischen Politik von 1807 bis 1815.—1881.

Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von *Hardenberg*, herausgegeben von *Ranke*. 5 Bde. 1877.—Здѣсь можно найти дипломат. переписку Россіи съ Пруссіею съ 1801 по 1808 г.

Oncken. Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. 1876.

Aus *Metternich's* nachgelassenen Papieren. Herausgeg. von seinem Sohne. Geordn. und zusammengestellt von *Klinkowström*. 8 Bde. 1884.—Существуетъ и *франц.* изд.

Pallain. Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. 1881.

Соловьевъ. Императоръ Александръ I. Политика.—Дипломатія. 1877.

Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза. 2 т. 1886.

Treitschke. Deutsche Geschichte im 19 Iahrhundert 3 Theile. Bis zur Iulirevolution. 1879—86.

Thureau-Dangin. Histoire de la monarchie de Juillet. T. IV вышелъ въ 1887.

Mac Carthy. Histoire contemporaine d'Angleterre depuis l'avénement de la reine Victoria jusqu'aux élections générales de 1880. Trad. par *Goirand*. 4 vls. 1885.

The life and correspondence of Viscount *Palmerston* by Ashley. 2 vls.

Leonce de Brotonne. La politique extérieure de l'Empire (1852—70) d'après ses plus recents historiens (Nouv. Rev. 1884. 1 Juillet).

Rothan. La politique française en 1866.

Comte d'Harcourt. Les quatre ministères de M. Drouyns de Lhuys. 1882.

Mazade. Thiers, cinquante années d'histoire contemporaine. 1884.

Les causes générales de la guerre de 1870 (Nouv. Rev. 1884, 1 Oct.).

Sorel. Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande. 2 vls. 1875.

C. de Chaudordy. La France à la suite de la guerre de 1870—71.—1887.

Bianchi. La politique du comte de Cavour, de 1852 à 1861. Lettres inédites avec notes. 1885.

Cavour. Lettere edite ed inedite, raccolte ed illustrate da *Chiala*. 5 т. вышелъ въ 1886. Съ большими введеніями отъ издателя.

Bianchi. La politica di Massimo d'Azeglio. dal 1848 al 1859.—1884.

Hahn. Fürst Bismarck. Sein politisches Leben und Wirken. 4 Bde. 1878—86.

Seeley. L'expansion de l'Angleterre. Trad. de l'anglais par *Baille* et *Rambaud*. 1887.

Marquis de Courcy. L'empire du milieu. 1884. Есть глава объ отношеніяхъ Китая къ цивилизованнымъ народамъ.

Ferrier. La Russie politique et diplomatique. 1886.

Rau. L'état militaire des principales Puissances etrangères au printemps de 1886.—1886.

De la Jonquière. Histoire de l'empire Ottoman depuis les origines jusqu'au traité de Berlin. 1881.

Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat, ou Histoire des réformes dans l'empire Ottoman depuis 1826 jusqu'à nos jours. 1882.

Prokesch-Osten. Geschichte des Abfalls der Griechen vom turkischen Reiche. 6 Bde. Содержитъ въ 4 том. приложеній секретныя бумаги Россіи по восточнымъ дѣламъ, довѣренныя вѣнскому правительству съ 1821 по 1830 г.

Jasmund. Aktenstücke zur orientalischen Frage. 3 Bde. 1855—59.

Berner. Die Orientfrage. Beantwortet durch die Verträge von 1856 и 1878.—1878.

Holland. Lecture on the Treaty Relations of Russia and Turkey from 1774 to 1853. With an Appendix of Treaties. 1877.

Его же. The european concert in the eastern question, a collection of treaties and other public acts 1885.

Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, par un ancien diplomate. 2 vls. 1874.

Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году изъ записокъ *Н. Н. Муравьева*. 1869.

Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. 4 т.. 1881—1882.

Шильдеръ. Графъ Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность. 2 т. 1886. Много интересныхъ свѣдѣній (и политическихъ) о войнахъ 1853—

1856; 1877—1878 и о послѣдовавшей затѣмъ оккупаціи балканскихъ земель.

Баронъ Жомини. Россія и Европа въ эпоху Крымской войны. (Вѣстникъ Европы, 1886. Февр.-Окт.).

Татищевъ. Внѣшнія сношенія Россіи въ эпоху Крымской войны. (Русск. Вѣстн. 1885, № 9—12; 1886, № 4—7 и 9—10).

Его же. Внѣшняя политика Императора Николая I. Введеніе въ исторію внѣшнихъ споровъ Россіи въ эпоху Севастопольской войны. 1887.

Geffcken. Geschichte des Orientalischen Krieges. 1853—56.—1881.

Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs seit. 1774—1883.

Dantscher von Kollesberg. Oesterreich-Ungarn und der Berliner Vertrag. 1880.

Wallace. Egypt and the Egyptian Question. 1883.

Duc d'Argyll. The Eastern Question from the Treaty of Paris to the Treaty of Berlin and to the second Afghan War. 2 vol. 1879.

Его же. The Afghan Question from 1841 to 1878—1879.

Bikelas. Le rôle et les aspirations de la Grèce dans la question d'Orient. 1885.

Adolphe d'Avril. Negociations relatives au Traité de Berlin et aux arrangements qui ont suivi (1878—86).—1886.

Laveleye. La péninsule des Balkans. 2 vls. 1886.

Huhn. Der Kampf der Bulgaren um ihre Nationaleinheit. 1886.

Между новыми журналами для *публичнаго права и политической исторіи* заслуживаютъ вниманія: *Archiv für Oeffentliches Recht* выходитъ съ конца 1885 г.

Annales de l'école libre des sciences politiques, издается съ 1886 г. профессорами и бывшими учениками этой школы въ Парижѣ.

Revue d'Histoire diplomatique, изд. съ 1887 г.. Органъ общества Société d'histoire diplomatique основаннаго въ Парижѣ въ 1886 г.

10.

Положительное государственное право западныхъ державъ.

Dareste. Les constitutions modernes. 2 vls. 1883. Здѣсь сообщаются не только *тексты* конституцій, но и *историческія* о нихъ *свѣдѣнія*, а равно *библіографія*, общая и спеціальная (для каждой страны).

Handbuch des Oeffentlichen Rechts der Gegenwart in Monographieen herausgegeben von Marquardsen. Съ 1883 г.

Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Т. I., часть историческая. 1886.

Того же автора.

Начало невмѣшательства. 1874.

О международномъ судѣ. 1881.

Библіографическій Указатель по современному международному праву въ приложеніи къ изданному подъ его редакціею переводу соч. *Блюнчли:* „Современное международное Право". 1877.

Первое трехлѣтіе Института международнаго права (1873—76). 1877.

Институтъ международнаго права съ 1876 по 1883 г. (въ Юридич. Вѣстникѣ 1882, 83 и 84 г. и въ Русской Мысли 1883 и 84 г.).

Законы сухопутной войны. Переводъ Руководства Института съ предисловіемъ и примѣчаніями (Юридич. Вѣстникъ. 1885. Августъ).

Le Tribunal international par le comte *L. Kamarowsky*, trad. par Serge de *Westman* et précédé d'une introduction par Jules *Lacointa*. 1887.

Цѣна 2 р. 50 к.

89 20981
Obzor sovremennoi literatury p
Stanford University Libraries
3 6105 043 037 576

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004